

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXVII.

ОКТАБРЬ.

1899 г.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.

1899

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I. ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО И ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ. П. Житецкаго.	1—30
II. МАЛУРУССКОЕ СЛОВО „ПАЛЯНЫЦА“ И ГРЕЧЕСКОЕ ПЕДАННОЕ М. Дикарева.	31—49
III. „ОСТАННЯ НИЧЪ“. Историчая драма въ двухъ карты-нахъ. М. Старицкаго	50—92
IV. ХАРЬКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ. (Окончаніе). Е. К.	93—106
V. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ КІЕВѢ. Н. Бѣляшевскаго	107—120
VI. ВЛАДИМІРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ЯСТРЕБОВЪ. (Некрологъ).	121—126

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Замячательный кладъ. В. Антоновича; б) Замясль на попа по рукописи 1798 г. Сообщ. В. Науменко; в) Письмо Т. Г. Шевченка къ В. И. Григоровичу. В. Науменка; г) Порфирій Коревцкій—забытый малорусскій писатель. Сообщ. В. Науменко; д) Истребленіе древняго замка на Подоліи. Ор. Левицкаго; е) Богданъ Залъскій и Гоголь; ж) Н. И. Гулакъ (некрологъ). з) Объ изданіи перепечатки И. И. Срезневскаго; и) Поправка	1—19
Текущія извѣстія.	19—28
II. БИБЛЮГРАФІЯ: а) Палеографическій изборникъ. Матеріалы по исторіи южно-русскаго письма въ XV—XVIII вв. В. Щербина; б) К. Болсуновскій. 1) Сфрагистическіе и геральдическіе памятники Юго-Запад. края. 2) Свинцовыя пластинки (пломбы) съ условными знаками церковныхъ праздниковъ, 3) Каталогъ предметовъ, выставленныхъ въ университетѣ св. Владиміра во время XI-го русскаго археолог. съѣзда въ КіевѢ. И. Наманина; в) С. Л. Пташицкій. Князь Пузыны. Историко-генеалогическіе матеріалы. И. Наманина; г) Обзоръіе журналовъ 1-й половины 1899 года; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяъ.	29—42
Археологическая лѣтопись.	43—58
III. ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Разказы М. Т. Симонова (Номиса). Ласты 12-й и 13-й.	

ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО

И

ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ.

I.

Внѣшній видъ списка. Старинные любители малорусскаго чтенія. Корни Энеиды въ прошломъ.

Предъ нами рукописная книжечка, напоминающая форматомъ своимъ старинныя тетрадки странствующихъ дяковъ и пиворѣзовъ. На лицевой сторонѣ ея написано: „Энеида—сочиненіе Котляревскаго на малороссійскомъ языкѣ“. Почеркъ этой надписи не древній и, во всякомъ случаѣ, не тотъ, которымъ написана вся рукопись. Состоитъ она изъ 72 листовъ синей бумаги въ восьмую долю. Листки всѣ сохранились въ цѣлости, благодаря бумажному переплету съ кожанымъ корешкомъ и кожаными углами. Пагинація—не по страницамъ, а по листкамъ. Послѣдній не отмѣченъ цифрою, потому что текстъ рукописи оканчивается на первой страницѣ 71 листка. На 46 листкѣ есть водяные знаки, указывающіе на 1798 годъ: ясно, что рукопись не могла появиться раньше этого времени. Но если это обстоятельство убавляетъ цѣнность ея, то отмѣтка на заглавномъ сѣромъ листѣ возстановляетъ право ея на наше вниманіе. Отмѣтка эта сдѣлана рукою первоначальнаго владѣльца рукописи: «сія книга принадлежитъ протодіакону Николаю Заградскому, 1799 г.» На внутренней сторонѣ переплета читаемъ слѣдующее: „сія книга подарена кievскимъ протодіакономъ Николаемъ Заградскимъ въ 1828-мъ годѣ отцу моему Андрею Даниловичу Левченку, которая досталась мнѣ по наслѣдству Николаю Андреевичу Левченку».

Томъ 67.— Октябрь, 1899.

I—1

Затѣмъ—съ новой строки: «отецъ мой Андрей Левченко умеръ 1845-го года декабря 26 дня въ 12 часовъ утра отъ водяной болѣзни въ мѣстечкѣ Лѣпльвомъ, полтавской губерніи, золотоношскаго уѣзда, гдѣ и погребенъ священникомъ Давиломъ Юркевичемъ».

Кто были эти Левченки—отецъ и сынъ, мы не знаемъ, но у насъ есть любопытныя свѣдѣнія о первоначальномъ владѣльцѣ рукописи Заградскомъ. Родился онъ въ 1767 году въ Переяславѣ, учился тамъ же въ семинаріи, но курса не окончилъ и въ 1786 году изъ пѣвчихъ митрополичьяго хора рукоположенъ былъ въ діакона при Софійскомъ соборѣ въ Кіевѣ. Въ этой скромной должности онъ прослужилъ весь свой долгій вѣкъ при шести митрополитахъ, которые дорожили имъ, какъ отличномъ пѣвцемъ и опытнымъ уставщикомъ на соборномъ клиросѣ. Тѣ же самыя качества привлекали къ нему и симпатіи кіевлянъ, которые въ воскресные и праздничные дни переполняли Софійскій храмъ, чтобы послушать прекрасное пѣніе хора подъ управленіемъ о. Заградскаго. Слава о немъ дошла и до Петербурга, куда онъ вызванъ былъ въ 1810 году на открывшееся протодіаконское мѣсто въ придворной церкви. Приказано было ему ѣхать немедленно, для чего и получилъ онъ 250 р. на путевыя издержки. Но о. Заградскій, слѣдуя патріархальнымъ обычаемъ своего времени, двинулся въ путь хозяйскимъ образомъ—одною лошадейю и на собственномъ возкѣ, нагруженномъ домашнею провизіей. Ъхалъ онъ въ Петербургъ полтора мѣсяца и прибылъ уже послѣ того, какъ мѣсто его было занято. Къ утѣшенію своему онъ имѣлъ случай участвовать въ священнослуженіи въ присутствіи Государя и получилъ отъ него одобреніе за благозвучное исполненіе церковной службы, а въ награду за понесенные имъ труды ему пожалована была бархатная ряса и 300 р. на обратный путь. Обрадовались кіевляне возвращенію своего любимаго пѣвца, который послѣ этого не разлучался уже съ ними до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1841 году ¹⁾.

¹⁾ Кіевскія Епарх. Вѣдомости, 1893 г, № 23.

Такова была несложная жизнь одного из почитателей Котляревскаго. Для насъ понятно теперь, почему онъ увлекался Энеидой. Очевидно, это былъ человекъ съ эстетическими наклонностями, которыя выражались не въ одномъ церковномъ пѣннѣ. Здѣсь онъ былъ мастеромъ своего дѣла, потому-то ему доступна была и область поэзіи. Изъ общественнаго положенія своего онъ извлекалъ все то, что окрыляло мысль и фантазію его. Такъ, онъ любилъ объяснять богомольцамъ мозаическія изображенія въ алтарѣ Софійскаго храма и рассказывать имъ исторію святыхъ его. Въ общеніи съ народомъ онъ находилъ, по видимому, нравственное удовлетвореніе. По всей вѣроятности, и тотъ Левченко, которому онъ подарилъ Энеиду, былъ человекъ того же типа, т. е. принадлежалъ къ мелкой интеллигенціи малорусской, въ составъ которой входили низшіе ряды духовенства, а также хуторскіе паны и полупаны, не потерявшіе симпатій къ народному языку и къ народной пѣснѣ. Для такихъ людей Котляревскій былъ выразителемъ поэтическихъ настроеній родной старины, тѣхъ настроеній, которыя созданы были южно-русской школой XVII и XVIII в. путемъ бытовыхъ соприкосновеній ея съ народной жизнью ¹⁾.

Такимъ образомъ корни Энеиды—въ прошломъ. Къ нему мы и должны обратиться для того, чтобы понять генезисъ этого произведенія, отъ котораго ведетъ начало свое новая малорусская литература.

II.

Церковная регламентація въ богослужебныхъ книгахъ малорусской печати. Исходныя точки въ обзорѣ памятниковъ малорусской литературы XVIII в.

Нѣкогда Лазарь Барановичъ называлъ Кіевъ «гнѣздомъ православія» и „русскимъ Парижемъ“ ²⁾. Конечно, это послѣднее

¹⁾ См. подробнѣе объ этомъ въ книгѣ нашей «Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ» 39—59.

²⁾ Письма Лазаря Барановича, Черніговъ, 1865 г., стр. 61, 117.

названіе есть ничто иное, какъ патриотическая гипербола, но въ первомъ ничего нѣтъ преувеличеннаго. Въ 1686 году это гнѣздо православія окончательно присоединено было къ московскому государству. Событіе это навсегда рѣшило участь южной Руси, которая чрезъ Кіевъ вступала не только въ политическое, но и въ культурное общеніе съ сѣверной Русью, гдѣ тоже было свое старинное «гнѣздо православія»—Москва.

Нужно сказать, впрочемъ, что въ Москвѣ съ большимъ недовѣріемъ смотрѣли на представителей южнорусскаго православія, особенно послѣ смерти Θεодора Алексѣевича, когда все малорусское духовенство заподозрѣно было „въ единоуміи съ папою и съ римскимъ костеломъ“. Извѣстно, что при патріархѣ Іоакимѣ запрещены были сочиненія лучшихъ писателей малорусскихъ, не мало потрудившихся для защиты православія ¹⁾. Ревнителі московскаго православія опирались на грековъ, которые бросали невыгодную тѣнь на кіевскихъ ученыхъ. Такъ, уже при Петрѣ Великомъ патріархъ іерусалимскій Досифей убѣждалъ царя, чтобы „на Москвѣ не было игумена и архимандрита отъ козацкаго рода“, чтобы „Москвитяне (были) и въ козацкой землѣ“, такъ какъ они „хранятъ отеческую вѣру непремѣнную сущія не любопытательные и не лукавніи челоуѣцы“ ²⁾. Причиной нерасположенности Патріарха къ духовенству „изъ козацкаго рода“ была увѣренность, что южнорусскіе іерархи заведутъ и въ Великой Руси порядки, неблагопріятные греческому вліянію. Въ письмѣ къ Стефану Яворскому (отъ 15 ноября 1703 г.) тотъ же Досифей прямо говоритъ: „нынѣ, находясь въ православномъ градѣ (Москвѣ), въ конецъ эллинское ученіе стерль еси и токмо о латинскихъ школахъ стараешься“ ³⁾. Па-

1) «Большой Требникъ и Служебникъ» Петра Могилы, «Катихизисъ» и «Экзегезисъ» Сильвестра Коссова, «Выкладъ о церкви» Θεодосія Сафоновича, «Миръ съ Богомъ» Иннокентія Гизела, «Мечъ» и «Трубы словесъ» Лазаря Барановича, «Ключъ разумѣнія» и „Мессія Праведный“ Іоанникія Галятковскаго, «Огородовъ» Антонія Радивиловскаго.

2) Труды кіевской академіи, 1854 г., в. III, стр. 249

3) Ів.

тріархъ упрекалъ также Стефана Яворскаго за то, что онъ не подражалъ патріарху Іоакиму въ изобличеніи тѣхъ людей, которые приносятъ смущеніе къ царствующій градъ, т. е. иностранцевъ ¹⁾. Очевидно, латинская школа, процвѣтавшая въ южной Руси, при всѣхъ ея несовершенствахъ, не была склонна поддерживать отчужденіе отъ Европы, которое вело къ національному самоиждивенію и невѣжеству. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ появленія своего въ Москвѣ, Стефанъ Яворскій выступилъ съ полемическимъ сочиненіемъ, направленнымъ противъ приверженцевъ старины, которые утверждали, что Москва, начавшая перенимать иностранные обычаи, сдѣлалась новымъ Вавилономъ, что она, подобно Вавилону, погибнетъ отъ развращенія нравовъ ²⁾. Съ талантомъ замѣчательнаго проповѣдника Стефанъ Яворскій отзывался на всѣ текуція явленія жизни, оправдывая и защищая усилія правительства, направленныя къ сближенію Россіи съ Западной Европой. Въ проповѣдяхъ своихъ онъ доказывалъ необходимость построенія Петербурга, толковалъ о пользѣ флота, о преимуществахъ морской торговли предъ караванною и т. п. Понятно послѣ этого, что отзывы іерусалимскаго патріарха о неблагонадежности Стефана Яворскаго имѣли въ глазахъ Петра Великаго совсѣмъ противоположное значеніе...

Тѣмъ не менѣе этнографическая рознь между сѣверянами и южанами постоянно примѣшивалась къ вопросу о чистомъ православіи и при Петрѣ Великомъ, и послѣ него, поэтому на сѣверѣ всегда относились съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ къ церковнымъ книгамъ кievской печати. Вотъ факты.

Въ 1709 году изданы были въ Москвѣ „Бесѣды Іоанна Златоустаго на четырнадцать посланій Ап. Павла“. Въ предисловіи къ этому изданію сказано, что Бесѣды перепечатаны съ кievскаго изданія, при чемъ издатели старались сохранить „ореографію, сирѣчь правописаніе и правовѣріе великороссійское правильное по ученію грамматистовъ и любомудрецовъ, въ учили-

¹⁾ Исторія Россіи Соловьева, т. XV, 115.

²⁾ Знаменіе прішествія Антихриста п кончины вѣка. 1703 г.

цахъ издревле и донныѣ обдержимому... А малороссійская при-
мрачная рѣченія изъяснихомъ обыкновенными 1).“

Въ 1720 году по поводу изданнаго въ Кіевѣ Минологіона на 1718 годъ, гдѣ на заглавномъ листѣ кіево-печерская лавра названа была ставроигіей константинопольскаго патріарха, изда-
вано было распоряженіе, чтобы впредь этого не было, и чтобы
„вновь книгъ никакихъ, кромѣ церковныхъ прежнихъ изданій,
не печатать. А и оныя церковныя старыя книги съ такими же
церковными книгами справливать, прежде печати, съ тѣми *ве-*
ликороссійскими печатями, дабы никакой розни и особаго нарѣ-
чія не было“ 2).

Въ 1721 году первоначальная типографія въ Москвѣ, а
также типографіи петербургская, кіевская и черниговская были
подчинены св. Синоду. Наблѣденіе за всѣми типографіями было
возложено на члена св. Синода Гавріила Бужинскаго съ титуломъ
протектора типографій. Обязанность этого протектора по отно-
шенію къ малорусскимъ изданіямъ заключалась въ сличеніи ихъ
съ великорусскими. Такъ, въ книгѣ Дѣяній и Посланій Апо-
столовъ, изданной въ кіево-печерской лаврѣ въ 1722 году,
значится: „сія книга Апостоль повелѣніемъ святѣйшаго прав-
тельствующаго Синода всероссійскаго въ конторѣ типографской
противъ Апостола всероссійскаго зводу изслѣдованна, и по из-
слѣдованіи обрѣтесе во всемъ съ *великороссійскимъ* сходна. Того
ради печати предати и въ народъ отпущати св. правительствую-
щій синодъ всероссійскій благословляетъ“. Слѣдуетъ далѣе под-
пись Бужинскаго. 3) Такія же отмѣтки встрѣчаются и на дру-
гихъ кіевскихъ и черниговскихъ изданіяхъ. 4) Требования этого
рода были иногда редактируемы въ самой рѣшительной формѣ.
Такъ, въ 1726 году настоятель кіевского Златоверхо-Михай-

1) Пекарскій. Наука и литература при Петрѣ Великомъ, т. II,
стр. 193.

2) Ibid. т. II. 669—670.

3) Ibidem, т. II, 556.

4) Подробности объ этомъ, особенно любопытныя по отношенію
къ черниговской типографіи, см. *ibid.*, т. II, 672—673.

ловскаго монастыря ходатайствовалъ предъ синодомъ о дозволеніи напечатать акафистъ великомученицѣ Варварѣ, составленный, какъ извѣстно, въ Кіевѣ митрополитомъ Іоасафомъ Кроровскимъ, когда онъ былъ еще архимандритомъ. Получено было разрѣшеніе, но съ тѣмъ, чтобы изданіе вышло „на великороссійскомъ нарѣчїи“ 1).

При Аннѣ Іоанновнѣ архіепископу кіевскому Рафаилу Заборовскому повелѣно было отобрать отъ всѣхъ малороссійскихъ церквей книги прежней южнорусской печати, замѣнивъ ихъ книгами московскаго изданія. Но такъ какъ московская типографія не могла удовлетворить всѣ заказы, то книги прежней печати не выходили изъ употребленія. При Елисаветѣ Петровнѣ снова потребовали уничтоженія этихъ книгъ, разрѣшивъ митрополиту Тимофею Щербадкому завести при Софійской каедрѣ особую типографію съ тѣмъ, чтобы „противно печатаемыхъ въ московской типографіи книгъ несогласія отнюдь не было“ 2). Но типографія эта не была открыта. Кіево-печерская типографія продолжала печатать книги по старинѣ. Тогда указами 1766 и 1772 годовъ рѣшительно приказано было ей перепечатывать слово въ слово московскія изданія. Въ 1769 году архимандритъ кіево-печерскій Зосима просилъ у Синода позволенія печатать, по крайней мѣрѣ, буквари не московскіе, ссылаясь на то обстоятельство, что народъ не хотѣлъ покупать этихъ послѣднихъ. Въ этомъ было ему отказано 3). Митрополитъ кіевскій Гавріиль Кременецкій вмѣнилъ въ обязанность священникамъ выписывать церковныя книги только чрезъ консисторію, которая обращалась за этими книгами въ московскую типографію 4).

Что же происходило въ самой Малороссіи, на почвѣ собственно литературной, болѣе независимой отъ церковной регламентаціи?

На этотъ вопросъ мы будемъ отвѣчать обзоромъ литературныхъ произведеній, созданныхъ малорусскими писателями въ

1) Ibidem, т. II, 8—9.

2) Описаніе кіево-софійскаго собора, стр. 206.

3) Руководство для сельскихъ пастырей, 1862 г. № 32, стр. 495.

4) Ibidem.

XVIII вѣкѣ подѣ впечатлѣніями мѣстной жизни, по вызову мѣстныхъ потребностей.

Предъ нами матеріалъ громаднѣй, но мы должны выбрать изъ него только то, что уясняетъ такъ или иначе связь и преемственность умственныхъ теченій, предшествовавшихъ появленію Энеиды Котляревскаго.

Для этихъ теченій еще въ XVII вѣкѣ выработаны были два типа литературной рѣчи—рѣчь славянорусская и книжная малорусская. Анализъ той и другой рѣчи мы сдѣлали въ отдѣльномъ изслѣдованіи ¹⁾. Опираясь на этотъ анализъ, мы будемъ слѣдить за видоизмѣненіями каждой изъ нихъ въ XVIII вѣкѣ, подѣ влияніемъ новыхъ условій религіозной и политической жизни, наступившихъ для южной Руси послѣ соединенія ея съ сѣверной Русью.

Въ связи съ этими видоизмѣненіями мы будемъ отмѣчать характерныя черты самихъ писателей, насколько онѣ отразились въ содержаніи и стилѣ ихъ произведеній.

III.

Черты славяно-малорусской рѣчи въ раннихъ произведеніяхъ Теофана Прокоповича, въ лѣтописи Грабянки и въ „Странствованіяхъ“ Василя Григоровича-Барскаго.

Извѣстно, что церковнославянскій языкъ, разработанный въ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, сближенъ былъ съ такими свойствами русскихъ нарѣчій, которыя составляютъ общее достояніе ихъ (отсутствіе глухихъ гласныхъ, полногласіе и т. п.), поэтому его можно назвать не столько церковнославянскимъ, сколько славянорусскимъ въ самомъ общемъ значеніи этого слова ²⁾. Вотъ этотъ славянорусскій языкъ въ произведеніяхъ малорусскихъ писателей XVII вѣка почти свободенъ былъ отъ

¹⁾ Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ ХУП в., 1883 г.

²⁾ Подробнѣе объ этомъ см. *ibidem*, стр. 1—36.

мѣстной малорусской примѣси. Не то мы видимъ въ XVIII вѣкѣ. По прежнему онъ пользовался уваженіемъ въ средѣ малорусскихъ писателей, но въ немъ замѣтны уже значительныя отклоненія въ пользу народныхъ элементовъ рѣчи.

Черты этого языка явственно замѣтны уже въ раннихъ сочиненіяхъ Теофана Прокоповича, написанныхъ въ Кіевѣ.

Такъ, въ Похвальному словѣ Прокоповича (Панегрикосъ) „о преславной надѣ войсками свѣйскими побѣдѣ“ постоянно смѣшиваются *и* и *ы*, тогда какъ въ славянорусскихъ произведеніяхъ XVII вѣка эта звуковая особенность малорусскаго нарѣчія встрѣчается очень рѣдко: *веселій* вм. *веселый*, *впри*, *сили* (род. п. един.), *подобнимъ* и проч. ¹⁾ Въ трагедокомедіи его же „Владиміръ:“ *вына* вм. *вина*, *обыди* вм. *обиды*, *страни* вм. *страны*, *ти* вм. *ты*, *на ви* вм. *на вы*, *златій*, *слишахъ*. ²⁾ Въ тѣхъ же произведеніяхъ Теофана Прокоповича не менѣе часто употребленіе *ь*, какъ *и*. Рифмуются, напримѣръ, слова: *тѣлу* и *силу*, *бѣдный* и *сильный*, *находити* и *навѣты*, *входити* и *зрѣти* (Панегрикосъ), *до моей воли*, *царевъ* (дат. ед.), *держатьмъ*, *потерпѣмо*, *творьте* (трагедокомедія „Владиміръ“). Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ произведеній Теофана Прокоповича въ спискахъ, современныхъ самимъ произведеніямъ. Въ библіотекѣ кіевской Духовной академіи есть списокъ проповѣдей его, относящійся къ 1751 году: нѣкоторыя изъ этихъ проповѣдей сказаны были

¹⁾ Мы пользовались изданіемъ Панегрикоса изъ библіотеки кіевской Духовной семинаріи подъ № 188), которое тождественно съ описаннымъ у Певарскаго (Наука и Литература при Петрѣ Великомъ подъ № 142). Другое изданіе, описанное подъ № 148, отличается московскимъ выговоромъ и правописаніемъ, хотя оба изданія относятся къ одному и тому же году (1709). Панегрикосъ состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей—предисловія, довольно объемистаго Похвальнаго слова и стихотворенія подъ заглавіемъ: *Епінікіон*. Все это напечатано было въ кіево-печерской лаврѣ 10 іюля 1709 года, слѣдовательно, для составленія Панегрикоса и напечатанія его потребовалось менѣе двухъ недѣль.

²⁾ Рукопись кіевск. Дух. академіи не позже первой половины прошлаго вѣка, № J. т. 92. 13.

въ Кіевѣ. Судя по этому списку, Теофанъ Прокоповичъ наклонялъ въ нихъ славянорусскую рѣчь къ малорусскому типу. Но еслибы эти привычки и не принадлежали ему лично, то, во всякомъ случаѣ, это не ослабляетъ силу фактовъ, характеризующихъ литературное употребленіе славянорусской рѣчи въ XVIII вѣкѣ. Замѣчательно при этомъ въ проповѣдяхъ его 1) крайне ограниченное употребленіе славянскихъ глагольных формъ; 2) незначительное количество польскихъ союзовъ и полное отсутствіе польскихъ глагольных формъ; 3) смѣшанное употребленіе славянскихъ звуковъ и формъ вмѣстѣ съ малорусскими: *кто, что, яко и хто, що, якъ; бывъ, было и бувъ, було; упалъ, осквернилъ и учинилъ, отъвъз* ¹⁾.

Въ 1710 году написана была въ г. Гадячѣ лѣтопись Грабянки тою же славянорусскою рѣчью съ сильнымъ малорусскимъ пошибомъ ²⁾.

„Соболѣзнавахъ не мало“, говоритъ Грабянка въ предисловіи къ читателю, „яко нашего отечества, ничимъ же отъ инихъ въ воинскихъ трудахъ разнствующаго, въ толикой забвенія пучинѣ дѣлъ видя погруженна; сего ради не кою-либо любострастною славицею, но общою возбужденій ползою судиль и сего вѣрнѣйшаго Россійскаго сина благоразумнаго вожда Богдана Хмельницкаго... немолчная дѣйствія не оставляю въ пепелѣ погребенихъ повѣстми свѣту явити“ ³⁾. Грабянка одушевленъ славою

¹⁾ Рукопись кievской Духовной академіи, О. 4^о. 8.

²⁾ Издана Временною комиссіей для разбора древнихъ актовъ въ Кіевѣ въ 1854 году. Привявъ во вниманіе одинъ изъ списковъ лѣтописи Грабянки, относящійся къ первой половинѣ прошлаго вѣка, комиссія, къ сожалѣнію, не отмѣтила разночтеній по другимъ спискамъ, которые были у нея подъ руками. Въ особенности пожалѣть можно, что она допустила нѣкоторыя перемѣны въ правописаніи (вывела буквы изъ-подъ титлъ, поставила *i* предъ гласными, *ъ* и *ь* въ соответствующихъ мѣстахъ), а также и о томъ, что до сихъ поръ не изданъ одинъ изъ списковъ конца прошлаго вѣка, который, по мнѣнію комиссіи, «естъ ничто иное, какъ позднѣйшее переложеніе лѣтописи Грабянки на языкъ народный. (Предисл. XXVII).

³⁾ Предисл. т. IV.

своего отечества, идеальнымъ лицомъ котораго онъ считаетъ Богдана Хмельницкаго. Онъ жалѣеть объ участи Сомка и Ивана Поповича, который промѣнялъ чинъ полковника на рясу священника, а потомъ сбросилъ ее и снова сдѣлался полковникомъ, чтобы умереть геройскою смертію. Разказавъ о смерти Поповича, Грабянка замѣчаетъ: „аще би сіи два союзніе мужи Поповичъ и Сомко далѣе пожили, то могли би старого Хмельницкаго дѣломъ слѣдствовать“ (183—184). Онъ вѣрноподанный русскихъ царей, но это не мѣшало ему любить родину и стоять за ея интересы. Лучшее всего это настроеніе его выразилось въ разказѣ о взятіи Азова, гдѣ малороссіане въ присутствіи царя Петра показали чудеса храбрости „царскому Величеству на прислугу, а матерѣ своей малой Россіи, на лонѣ своемъ ихъ воспитавшей, на славу“ (248).

Мы коснулись личности писателя для того, чтобы объяснить пристрастіе его къ славянской рѣчи, которая вполне соответствовала его возвышенному настроенію, его серьезному взгляду на важность изображаемыхъ имъ лицъ и событій. Пристрастіе это было такъ велико, что даже обычные, бытовья слова Грабянка облачаетъ въ славянскіе звуки и формы. Такъ, на примѣръ, онъ пишетъ *есень* вм. *осень* (158), *нань* вм. *на него* (ib), *двадцяти* (ib.), *сожещи* (173), *посъщи* (181).

Онъ предпочитаетъ славянскіе союзы малорусскимъ: *абіе*, *аки*, (155), *аще*, *обаче* (165), *убо* (159).

Прошедшія простыя предпочитаетъ прошедшему на *ль*.

Онъ не чуждается не только полныхъ причастій дѣйств. зал., но даже краткихъ, и употребляетъ эти послѣднія въ склоняемой формѣ: „изведоша не хотяща Хмельницкаго къ себѣ на совѣтъ“ (156).

Онъ любитъ дательный самостоятельный: „симъ тако на Москвѣ и на Украинѣ биваемимъ, въ Полци тимъ временемъ собрали Поляки сеймъ, на которомъ президующему найвишему Маршалку коронному Гнѣнскому начаша размишляти“ (160).

Само собою разумѣется, что употребленіе причастій, особенно краткихъ, не поддержанное живымъ чувствомъ этихъ формъ, не

отличается правильностію: „войско запорожское поражено сущи стояше недоумѣючи (155); епископъ Меодій, завистливъ сый сущи, болѣе чести желалъ Васютѣ, неже Сомковѣ“ (177).

Не могъ, однако же, Грабянка, при всей доброй волѣ своей устранить изъ своей „Презвѣльной брани“ народной рѣчи. Она является у него, какъ въ звукахъ, такъ и въ формахъ.

Основное и постоянно смѣшивается у него съ *ы*, съ малорусскимъ преобладаніемъ и надъ *ы*.

Изрѣдка и стоитъ вмѣсто *о*: *пидъ корою* (228), *одійти* (220).

Гораздо чаще и стоитъ вмѣсто *ъ*: *разстриляти* (186), *высикли* (230), *плиниша* (237), *за крипкимъ* (190), *укрипился* (199).

Еще чаще *ъ* употребляется по малорусски, для выраженія звука *і*, какъ въ корняхъ, такъ и въ формахъ словъ: *собърати* (155), *тогодъ*, (187), *Сомковъ* (дат. ед. 176), *хуторъ* (вин. мн.), *монастиръ*, *запорожциъ* (им. мн. 191, 161, 181), *земля* (им. мн. 171), *мельницъ* (вин. мн. 191).

Нерѣдко встрѣчаемъ малорусское *у* вмѣсто *ы* въ глаголахъ отъ корня *бы*, а также въ глаголахъ съ суффиксомъ *ова*: *добувати* (202), *добувши* (168), *забувши* (240), *здобувшися* (177), *попустошували* (232), *повимучувавши* (219), *зазимувалъ* (252), *хожували* (237).

Такъ же нерѣдки удвоенные согласные: *сповѣданне* (169), *Запорожжа* (189), *на Запорожжу* (192).

Большею частію употребляются мягкіе свистящіе: *столицъ* (180), *танцями* (236) и т. п. То же нужно сказать и о свистящихъ, которые образовались путемъ переходнаго смягченія изъ гортанныхъ: *повазь* (161), *присязь* (218), *Мурашиъ* (216), *Монарь* (158).

Звучные согласные выдерживаются предъ отзвучными, а отзвучные превращаются въ звучные: *прикажчики* (190), *Запорожци* (192), *одъ того времени* (189) и проч.

Отмѣтимъ, наконецъ, глагольныя формы малорусскія: *запобѣти* (159), *вымоти* (269), *плисти*, (178), *изрекнутись* (158), *предлежатиметь* (156), *дамо* (253), *змънивъ* (257), *памятаючи* (169), *хотячи* (ib.) и т. п.

Тѣ же малорусскія наслоенія встрѣчаются и въ описательной прозѣ на славянорусскомъ языкѣ, напримѣръ, въ извѣстныхъ „Странствованіяхъ Григоровича-Барскаго“ по св. мѣстамъ Востока съ 1723 по 1747 годъ¹⁾.

Уроженецъ г. Кіева, Барскій учился въ кіевской академіи, но, не окончивъ ученія, ушелъ во Львовъ по нуждѣ для излѣченія какой-то раны на ногѣ, а по выздоровленіи отправился въ г. Баръ (въ Италиі), чтобы поклониться мощамъ св. Николая Чудотворца. Возвращаясь на родину, онъ зазимовалъ въ Венеціи и отсюда весною пустился моремъ на Востокъ — въ Египетъ, Сирію и Палестину. Глубоко поразила его судьба христіанъ на Востокѣ: „здѣ мнѣ пишуцу“, говоритъ онъ, „слезы изліяшася отъ очесъ, вспомянувшу, яко многихъ убогихъ случися мнѣ видѣти, не стерпѣвшихъ даній и мученій турецкихъ и отвергшихся Христа“²⁾. Не одно религіозное чувство влекло Барскаго по святымъ мѣстамъ Востока, но и любознательность. Онъ изучаетъ не только религіозную святыню, но и всѣ памятники старины, которые попалались ему на пути. Онъ всматривается въ порядки жизни, въ привычки и нравы жителей, вдумывается въ причины тѣхъ явленій, которыя поразили его своею новостію. Онъ изучаетъ языки арабскій и греческій и въ то же время пишетъ свои записки правдивыя и искреннія, снабжая ихъ массою рисунковъ, чтобы дать наглядное понятіе о предметахъ, которые онъ видѣлъ. Съ посохомъ странника, безъ всякихъ средствъ къ жизни, онъ переходитъ изъ одного мѣста въ другое, чтобы изучить что-нибудь новое. Въ разныхъ греческихъ школахъ онъ проживаетъ по нѣскольку лѣтъ, учитъ и учится среди нужды и тяжелыхъ лишеній. „Сице убо азъ учащи и учащися“, говоритъ онъ, „въ Патмѣ пребыхъ лѣтъ шесть, многая препятія къ поученію имѣяй, найпаче же нищету, и пройдохъ грамматическое изученіе, логику и полфизики; риторичу же оставыхъ слабой ради моей памяти, и не могущи понести великихъ трудовъ

¹⁾ Сочиненіе это издаво православно-палестянскимъ обществомъ по подлинной рукописи подъ редакціей Н. Барсукова, СПб. 1884 г.

²⁾ Вып. XXVI, стр. 324.

ради прискорбнаго житія⁽¹⁾. Предъ нами растеть человѣкъ, его умственное и нравственное содержаніе. Съ каждой новой страницей его записокъ расширяется кругъ его умственныхъ интересовъ, въ который вовлекаемся мы съ невольнымъ любопытствомъ, раскрывается полнѣе и яснѣе его кроткая и гуманная личность, къ которой привязываемся мы всею душою. Обаяніе личности Барскаго облегчаетъ для читателя тяжеловѣсный составъ рѣчи въ его „Странствованіяхъ“. Чтобы избѣжать повтореній, мы не приводимъ примѣровъ для грамматической характеристики ея. Она та же, что и у Грабянки, съ тѣмъ же причудливымъ сочетаніемъ славянскихъ элементовъ съ малорусскими.

Вообще же сказать можно, что въ XVIII вѣкѣ въ составъ славянорусской рѣчи входили, какъ и въ XVII вѣкѣ, многія фонетическія и морфологическія особенности церковнославянскаго нарѣчія: изъ фонетическихъ—преимущественно отсутствіе полногласія и церковнославянское смягченіе зубныхъ и гортанныхъ; изъ морфологическихъ—простыя прошедшія и краткія формы причастій. Но эту славянскую рѣчь малороссіяне произносили по малорусски, да сверхъ того, въ литературныхъ произведеніяхъ XVIII вѣка примѣшивали къ ней не малое количество словъ и формъ малорусскихъ, которыя даютъ основаніе назвать ее рѣчью славяно-малорусскою.

IV.

Лучшія драмы XVIII в., написанныя славяно-малорусскою рѣчью.

Отъ прозы мы перейдемъ къ поэзіи XVIII вѣка, или лучше сказать, къ стихотвореніямъ, написаннымъ славяно-малорусскою рѣчью.

Не будемъ мы касаться стихотвореній хвалебнаго содержанія, написанныхъ въ честь сильныхъ міра сего. Кіевская академія издавна славилась искусствомъ слагать эти стихотворенія, не имѣвшія ничего общаго съ поэзіей. „Спудей“ знали, что это

¹⁾ Вып. XXVII, стр. 350.

искусство не бесполезно было въ практической жизни. Услужливый стихъ выручалъ изъ разныхъ зловключеній ея, а иногда доставлялъ и выгодную карьеру. Къ нему обращались для утоленія гнѣва *потентатовъ*, для испрошенія отъ нихъ всякихъ милостей, вообще же для манифестаціи такихъ чувствъ и мыслей, на которыя былъ спросъ въ данную минуту. Одинъ наивный составитель „Малороссійской пѣсни объ измѣнѣ Мазепы“ въ концѣ своего стихотворенія говоритъ о себѣ, что онъ можетъ „всѣхъ измѣнниковъ *овѣршописати* по имени на вѣчную ихъ отъ всего народа злую память и пагубу“¹⁾. Очевидно, всѣ эти стихотворныя издѣлія не возвышались надъ уровнемъ низменныхъ житейскихъ интересовъ, не возводили мысль читателя въ область чистыхъ идеаловъ.

Совсѣмъ иное мы должны сказать о малорусской драмѣ, которая тоже имѣла стихотворную форму. Не входя въ подробный анализъ всѣхъ малорусскихъ драмъ, мы остановимся на тѣхъ изъ нихъ, которыя не потеряли историко-литературнаго значенія до настоящаго времени. Если и нѣтъ въ нихъ живой струи поэтическаго творчества, то есть, по крайней мѣрѣ, общественная мысль, высказанная съ искреннимъ убѣжденіемъ и литературнымъ талантомъ.

Къ лучшимъ драмамъ изъ первой половины XVIII вѣка, написаннымъ славяно-малорусскою рѣчью, относятся слѣдующія:

„Владиміръ, славенороссійскихъ странъ князь и повелитель“, трагедокомедія Теофана Прокоповича (1705 г.)²⁾.

¹⁾ Чтенія въ императ. обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1859, № 1, стр. 241.

²⁾ Тихонравовъ, «Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ», т. II. Есть нѣсколько списковъ: 1) въ библиотекѣ, бывшей Толстова, от. IV, 4, нынѣ въ императорской публичной библиотекѣ; 2) въ московской Духовной академіи подъ № 169/580, л. 207—230; 3) въ Румянцевскомъ музеѣ копія съ этого списка СССХVІІІ; 4) въ одномъ изъ сборниковъ, кіевской Духовной академіи подъ № J. Ш. 92, 13.

„Милость Божія... Украину чрезъ Богдана Хмельницкаго... свободившая“ неизвѣстнаго автора ¹⁾).

„Трагедокомедія о щетѣ міра сего, составленная Варлаамомъ Лащевскимъ и репрезентованная въ академіи кievской“—приблизительно въ 1742 году, когда авторъ былъ въ академіи учителемъ пiитики ²⁾).

„Воскресеніе мертвыхъ“, драма Георгія Конисскаго (1746 г.) ³⁾

Во всѣхъ этихъ драмахъ есть нѣчто общее. Видно, что онѣ написаны лицами духовными, для которыхъ сохраняютъ всю свою обязательную силу религиозные мотивы жизни. Съ этой стороны онѣ напоминаютъ старинныя драмы средневѣковаго типа. Различаются же онѣ отъ этихъ послѣднихъ своимъ построениемъ, на которомъ отразилось вліяніе гуманизма и позднѣйшихъ псевдоклассическихъ понятій о драмѣ. На это вліяніе указываетъ уже одно названіе приведенной нами выше первой драмы. Не отрываясь отъ богословской почвы, авторъ трагедокомедіи „Владиміръ“ изображаетъ величайшее событіе отечественной исторіи—принятіе Владиміромъ христіанской вѣры. Собственно говоря, это есть апотеоза Владиміра, въ которой существуютъ только слабые намеки на драматическое движеніе страстей въ лицѣ представителей старой вѣры, языческихъ жрецовъ.

Начинается драма появленіемъ тѣни Ярополка, который предупреждаетъ жреца Жеривола, что Владиміръ задумалъ при-

¹⁾ Драма эта издава въ «Чтеніяхъ москов. общества истор. и древн.» 1858 г. кн. I, а также въ «Собраніи сочиненій» Максимовича т. I и въ «Историческихъ пѣсняхъ» Антоновича и Драгоманова, т. II. Самый древній списокъ ея въ рукописной риторикѣ 1727-1728 годовъ, преподаваемой въ кievской Дух. академіи Стефаномъ Калиновскимъ, — рукопись въ бібліотекѣ кiev. Дух. семинаріи № 608.

²⁾ Рукопись церковно-археологическаго музея при кievск. Дух. акад. № β. 58. Есть и другіе списки. Напечатана Тиховравовымъ въ Лѣтописяхъ рус. литературы 1859 г., т. I, отд. III.

³⁾ Драма напечатана въ Лѣтописяхъ русской литературы Тиховравова, кн. VI, по рукописи Императорской публичной бібліотеки, № XIV, О. 2. Время появленія пьесы обозначено 1747 годомъ, въ рукописи же кievской Духовной академіи (№ β. 58) пьеса помѣчена 1746 годомъ.

нять христіанскую вѣру. Жериволь и самъ замѣтилъ уже охлажденіе Владиміра къ богамъ языческимъ, такъ какъ съ нѣкотораго времени князь не приноситъ имъ изобильныхъ жертвъ.

„Даде“, говоритъ жрецъ, „вчера одинаго козла тако худа,
Тако престарѣлаго, тако безтѣлесна,
Тако изнуреннаго, изсохша, безчестна,
Тонка, лиха, немоцна, безкровна, безплотна,
Еще ножа не пріяхъ, а смерть самохотна
Постиже его“. (Дѣйс. I, явл. 2) ¹⁾

Ярополкъ рассказываетъ затѣмъ, какъ Владиміръ убилъ его. Жериволь клянется отомстить братоубійцѣ.

Между тѣмъ, жрецъ Куроядъ громкими возгласами собираетъ людей на праздникъ Перуна, но товарищъ его Пѣяръ совѣтуетъ ему не горячиться, такъ какъ Жериволь въ этотъ день не будетъ приносить жертвы. Куроядъ сомнѣвается въ этомъ.

„Ты этому, вѣруешь, друже“, говоритъ онъ Пѣяру,
„Азъ же ни, но чаю, что уже
Онъ бы хотѣлъ, дабы былъ праздникъ непрестанный.
Дивну вещь реку: видѣхъ, когда напитанный
Многими онъ жертвами лежаше въ хладѣ,
А чрево его бяше превеликой кладѣ
Подобное,—обаче въ ситости толикой
Знаменіе бысть глада и алчбы великой—
Скрежеташе зубами на мновѣ, безъ мѣри,
Движа уста и гортань: а достойно вѣри
Слово твое, Пѣяре? И во снѣ жретъ Жериволь“...

(Дѣйс. II, явл. 2) ²⁾

Является Жериволь и извѣщаетъ своихъ собратьевъ о намѣреніи Владиміра перемѣнить вѣру. Силою волшебства онъ даетъ идоламъ душу, и они скачутъ со жрецами, поющими хвалебныя пѣсни богамъ. Но свѣтъ истинной вѣры побѣждаетъ

¹⁾ Руконись кiev. Дух. акад. № J, III. 92. 13.

²⁾ Ibidem.

Томъ 67. — Октябрь, 1899.

тѣму язычества. Въ присутствіи Владиміра происходитъ преніе о вѣрѣ между Жериволомъ и христіанскимъ философомъ. Жрецъ наивно высказываетъ свои чувственные представленія о богахъ. „Престани“, говоритъ ему Владиміръ, „стыжуся красномовства твоего“. (Дѣйс. Ш, яв. 3).¹⁾ Послѣ этого философъ излагаетъ истины христіанскій вѣры предъ Владиміромъ и сыновьями его Борисомъ и Глѣбомъ. Владиміръ глубоко потрясенъ проповѣдью философа и, къ ужасу жрецовъ, приказываетъ разрушать кумиры. По словамъ Курояда, Жериволь, услыхавъ о погромѣ боговъ, заболѣлъ и потерялъ вкусъ къ ѣдѣ:

„Третій день“, говоритъ Куроядъ, „минаетъ,
Якъ онъ единого только пожираетъ
Быка на день“. (Дѣйс. IV, явл. 1).²⁾

Является вѣстникъ и, рассказавъ, какъ очевидецъ, о крещеніи Владиміра, читаетъ посланіе отъ князя, повелѣвающаго всему народу креститься.

Нельзя не замѣтить въ этой драмѣ преувеличеній и натяжекъ, но нельзя отрицать въ ней также нѣкотораго чутья живой дѣйствительности. Фигуры жрецовъ обрисованы прямолинейно и рѣзко. Они представители грубой чувственности и того ложнаго религіознаго настроенія, въ которомъ сознательная ложь не разграничена отъ суевѣрія. Но не безъ основанія думаютъ, что въ лицѣ трехъ жрецовъ авторъ представилъ современные ему пороки католическаго духовенства.³⁾ Зная католическія антипатіи Теофана Прокоповича, не трудно понять, почему онъ направилъ жало сатиры своей противъ враговъ *благочестивой* вѣры, полученной Владиміромъ отъ грековъ по предсказанію ап. Андрея, который появляется въ заключительной сценѣ драмы. Но авторъ не указалъ болѣе конкретныхъ признаковъ тѣхъ лицъ, на которыя мѣтилъ. Забавныя рѣчи жрецовъ, играющихъ

1) Ibidem.

2) Ibidem.

3) Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII в., Н. Петрова, стр. 38. См. также статью Тихонравова «Трагедокомедія Теофана Прокоповича» въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1879 г., май, стр. 92.

въ трагедокомедіи роль невѣжественныхъ и суетвѣрныхъ шутовъ, изобилуютъ церковнославянскими словами такъ же, какъ и рѣчь философа, убѣждающаго Владимира принять христіанскую вѣру, а также и другихъ лицъ, стоящихъ на ея сторонѣ. Такимъ образомъ, слыша изъ устъ тѣхъ и другихъ одни и тѣ же слова, мы получаемъ невольно сбивчивое представленіе о томъ, кого авторъ разумѣетъ подъ жрецами.

Того же Теофана Прокоповича Максимовичъ считалъ авторомъ драмы „Милость Божія“, тогда какъ г. Петровъ предполагаетъ, что авторомъ ея былъ Теофанъ Трофимовичъ, преподаватель шитки въ кievской Духовной академіи въ 1729 г. Какъ то, такъ и другое мнѣніе не имѣетъ достаточныхъ основаній, особенно мнѣніе Максимовича. „Въ 1728 году, говоритъ онъ, Теофанъ больше полугода проводилъ въ обществѣ малороссіянъ, находившихся тогда въ Москвѣ по случаю коронаціи Петра II. Въ ту свѣтло блеснувшую для него пору пылкой душою Теофанъ, вдохновясь первенствующимъ героемъ своей родины Богданомъ, написалъ драму „Милость Божія“. 1) Все это голословно, а главное—именно въ ту пору не до того было Теофану Прокоповичу, чтобы писать драму. Не безъ драмы было и въ его личной жизни. Хотя послѣ ссылки Меншикова ему сдѣлалось легче, но все же и при Петрѣ II онъ долженъ былъ напрягать всѣ силы своего изворотливаго ума, чтобы не погибнуть въ борьбѣ съ многочисленными врагами, во главѣ которыхъ стоялъ энергическій архіерей изъ великороссіянъ Георгій Ростовскій (Дашковъ). Несомнѣнно только то, что драма „Милость Божія“ написана была при Петрѣ II, когда оживились патріотическія надежды малороссіянъ, вызванныя благосклонностію къ ихъ родинѣ молодого государя. „Не бойся“, говоритъ Смотрѣніе Божіе, обращаясь къ Украинѣ:

„Петръ не дастъ ти упасти,
Не дастъ и славѣ твоей всячески пропасти,

1) Собраніе сочиненій Максимовича, III, 734.

Подаетъ ти Данила (рѣчь идетъ о гетм. Апостолѣ), который Супостатомъ твоимъ Хмельницкій будетъ второй“.

Въ этомъ мы видимъ новое доказательство, что драма была написана не Теофаномъ Прокоповичемъ, который, какъ извѣстно, не былъ охотникомъ до малорусскаго патриотизма.

Какъ показываетъ заглавіе драмы, въ ней прославляется милость Божія за освобожденіе Украины отъ обидъ лядскихъ. Герой драмы—тотъ же Богданъ Хмельницкій, котораго мы видѣли главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ лѣтописи Грабянки. Онъ—носитель идеи освобожденія, потому что глубже другихъ чувствуетъ, до чего „докозак ovalись“ козаки подъ ляхами. Авторъ дѣлаетъ зрителя свидѣтелемъ того момента, когда эта идея только что возникла въ умѣ Хмельницкаго. Вождь козацкій „оплакуетъ козацкую долю и новые совѣты въ умъ приѣмлетъ“, заканчивая свои размышленія восклицаніемъ:

„Живъ Богъ и не умерла козацкая мати!“

Затѣмъ мы видимъ Хмельницкаго въ толпѣ запорожскихъ козаковъ, къ которымъ онъ обращается съ энергическою рѣчью. Онъ изображаетъ бѣдствія Украины, и каждое слово его потрясаетъ сердца слушателей. Мы видимъ это изъ отвѣта кошевого:

„Поки силы наша, поки духа стане,
Будемъ себе боронить, вельможный гетмане...
Вѣдаемъ, яко вѣмъ намъ Украина мати:
Кто же не похощеть руку помощи подати
Погибающей матцѣ, былъ бы той твердѣйшій
Надъ камень“...

Послѣ дружеской встрѣчи съ передовымъ отрядомъ козаковъ, посланныхъ поляками противъ Хмельницкаго, онъ отправляется въ походъ. Горюетъ Украина, томимая неизвѣстностію объ исходѣ рискованнаго дѣла. Она молитъ Бога объ успѣхѣ оружія Богданова. Между тѣмъ появляется Вѣсть съ словами утѣшенія о побѣдѣ Хмельницкаго, а вслѣдъ за нею и самъ Хмельницкій, котораго привѣтствуютъ „дѣти украинскіи, въ училищахъ кіевскихъ учащіяся“, а отъ лица козаковъ—войсковой писарь:

„Будуть“, говорить онъ, „вѣтїи вездѣ ты славити,
Будуть и ритмотворцы дѣла твоя пѣти
Зъ гисторіографами“.

На эти привѣтствїя Хмельницкїй отвѣчаетъ рѣчью, въ которой выражаетъ задушевныя свои желанїя, чтобы козаки жили „въ друголюбіи и згодѣ“, чтобы сильныя не обижали слабыя
„Кто лѣсокъ добрый или хуторецъ порядный,
Кто ставъ, кто луку, кто садъ имѣеть изрядный,
Болѣтъ или завидовать тому не хотите,
Якъ бы его привлащать къ себѣ не ищите“.

Онъ умоляетъ ихъ, чтобы они предпочитали желѣзо золоту:
„Зъ сребныхъ полумись отцы наши не ѣдали
И зъ золотыхъ пучаровъ они не пивали,
О желѣзѣ старались, желѣзо любили
И велику тѣмъ себѣ славу породили.
Онихъ путемъ идите, онимъ подражайте.
Славы ища, богатство вы за ничто майте.
Сами не купчуйте,
Лука, стрѣлки, мушкета и сабли пильнуйте!
И дѣтей своихъ, скоро отправлять науки,
До сей же обучайте козацкои штуки“.

Драма заканчивается пророческими словами „Смотрѣнія Божія“, обращенными къ Украинѣ: „врази твои,
Оружьемъ не можа острымъ воевати,
Языкомъ много начнутъ на тебе щекати,
Аки грубу въ народѣ тебе поносяще,
Аки науку чуждую тебе обносяще,
Но Богъ, ты въ воинской наукѣ и штудѣ
Прославивый, прославить той же и въ науцѣ.
И сіе Коллегіумъ чрезъ Петра Могилу
Основавъ, произведетъ въ толикую силу,
Что отъ него вѣтїи красноглаголивы,
Тонкіе философы, благоглаголивы
Богословы
И ини изрядніе мужіе изыйдутъ“.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе драмы. Проникнута она сословно-козацкими воззрѣніями, которыя, впрочемъ, умѣряются симпатіями автора къ массѣ козацкой, а не къ привилегированнымъ козакамъ. Во всякомъ случаѣ, это одно изъ выдающихся драматическихъ произведеній XVIII вѣка, какъ по реализму въ изображеніи бѣдствій, пережитыхъ малорусскимъ народомъ подъ властію пановъ польскихъ, такъ и по созвучію тона съ тономъ народныхъ малорусскихъ думъ, въ которыхъ можно указать на цѣлыя картины, сжатая въ краткихъ, энергическихъ выраженіяхъ драмы.

Трагедокомедія Лащевского состоитъ изъ пяти явленій, въ которыхъ изображаются пороки современнаго ему общества. Источникомъ этихъ пороковъ было, по мнѣнію автора, оскудѣніе вѣры, которое произошло отъ того, что сперва

„Папа возбѣсися,

Отъ папы Лютръ, отъ Лютра Калвинъ уродися“.

Вотъ это тлетворное дыханіе Запада проникло и въ православленную церковь, которая въ первомъ явленіи трагедокомедіи сѣтуетъ, что

„Все пошли во слѣдъ міра, все за суетою...

Нинѣ“, говоритъ она,

„Живутъ въ мірѣ семь, аки посредѣ пустинѣ“.

Во второмъ явленіи міръ съ торжествомъ указываетъ на свои побѣды. „Я“, говоритъ онъ, „аки Богъ, обладаю свѣтомъ“, ибо люди поклоняются не Богу, а моимъ кумирамъ—сребролюбію, властолюбію, обжорству и пьянству.

Въ третьемъ явленіи „благодать Божая въ потѣшеніе Церкви и въ укореніе міра будущая воздаянія праведнымъ и грѣшнымъ напоминаетъ“. И дѣйствительно, въ четвертомъ явленіи „выходятъ два лица женскаго полу, едина отъ благодати, другая отъ муки, благочестива и злочестива“. Оказывается, что это двѣ родныя сестры, изъ коихъ одна въ раю, а другая въ

аду. И вотъ злочестивая рассказываетъ благочестивой, за что она мучится. За то, говоритъ она, что

„по игрищахъ всюду,

По улицахъ, по валахъ разхождахъ повсюду“,
за то, что „искусна бѣхъ лстити,

И самима очима умѣхъ говорити“,—

что „на умѣ у нея были только „танци да пляси,

Музики, студни лики, бяху по вся часа“,—

что „въ перезвахъ, безъ всякаго срама,

Срамословихъ, и воплихъ, и плескахъ руками...

Вимивахся по всякъ часъ, не ступихъ безъ мила,—

Благовонніе краски, драгіе бѣлила

Устраивахъ на тварѣ, очерня все цвѣти,

Прилѣпляхъ зловонніе мушки на ланиты...

А нинѣ, яко зриши: тварь оная бѣла,

Какъ жупелемъ геенскимъ, вовся очернѣла“.

Въ пятомъ явленіи выступаютъ два юноши, которые были свидѣтелями предыдущаго разговора. „О, если бы“, говорятъ они, „сей страшній позоръ всѣмъ былъ видимій!“ Тогда пастыри церкви „свято блюли бы свое стадо“, судьи не снѣдали бы вдовичого дому“, дѣвицы „дѣвство свое не теряли, въ супружествѣ оное бѣ чисто сохраняли“. Но, замѣчаетъ другой юноша, все это извѣстно уже людямъ изъ писанія.—„Правда“, отвѣчаетъ ему собесѣдникъ его, что „въ писаніяхъ (Богъ) открылъ вся пространно“, но бѣда въ томъ, что

„Иниіи писанія священна и звать не желаютъ,

Да не когда услышатъ, уши затыкають“,—

другіе кое-что разумѣють, но толкуютъ писаніе въ угоду своимъ „похотямъ растлѣннымъ“, третьи

„Букварь только виучатъ единій,

Да когда еще знаютъ что и отъ латини:

Запроси отъ писаній, вездѣ сочиняють,

Аки бы всѣхъ мудрѣйши били, притворяють,

А спросишь къ спасенію нужнѣйшаго слова,

Безотвѣтна увидишь того суеслова“.

Въ нынѣшній вѣкъ

„Кошунствуютъ кощуни безстудни,
 Гдѣ канти, комплименты слагаются блудни,
 Матерія съ писаній кощуномъ готова:
 Въ кантахъ студнихъ начало отъ Божія слова,
 Въ крайней и тѣ имѣютъ оное огидѣ,
 Кои слушаще слово у другихъ въ бесѣдѣ,
 Называютъ коєю-жь то пиворѣзною“...

Итакъ, главный порокъ времени, по мнѣнію автора, заключается въ умственной распущенности его современниковъ, изъ которой произошла распущенность нравственная. Очевидно, рисуеть онъ картину городскихъ нравовъ, затронутыхъ новыми вѣяніями жизни, которыя проникали въ малорусское общество, по видимому, не прямо съ запада, но съ сѣвера, гдѣ подражаніе французскимъ модамъ при Елисаветѣ Петровнѣ становилось весьма замѣтнымъ явленіемъ общественной жизни. Пренебрежительный тонъ свѣтскости по отношенію къ духовенству, смѣшеніе кіево-могилянской науки съ болтовнею пиворѣзовъ, все это было только началомъ того порядка вещей, который долженъ былъ водвориться въ Малороссіи послѣ того, какъ вопросъ о вѣрѣ сдѣлался только вопросомъ нравственнаго чувства, не зависимымъ отъ историческихъ преданій мѣстной народной жизни. Замѣчательно, что авторъ приписываетъ тому же влиянію моды и шутливыя пародіи пиворѣзовъ, начинавшіяся обыкновенно отъ „Божія слова“. Конечно, это было увлеченіе моралиста, привыкшаго сваливать въ одну кучу всякій соръ жизни, но важно то, что говоритъ онъ подъ впечатлѣніемъ современной ему дѣйствительности, которую, по его словамъ, „видѣть безъ слезъ не можно“.

Драма Конисскаго „Воскресеніе мертвыхъ“ находится во внутреннемъ родствѣ съ трагедокомедіей Лещевскаго. И тамъ, и здѣсь настойчиво развивается мысль о возмездіи въ будущей жизни. Представители церкви, видимо, были озабочены въ то время

появленіемъ въ малорусскомъ обществѣ матеріалистическихъ воззрѣній, которыя, конечно, имѣли болѣе характеръ легкомыслія, чѣмъ какой бы то ни было серьезной доктрины. Георгій Конисскій во многихъ своихъ произведеніяхъ касается вопроса о безсмертіи души человѣческой: это была, можно сказать, любимая тема его поученій и стихотвореній. Въ одномъ изъ поученій въ день Воскресенія Христова (1787 г.) онъ говоритъ: „воскресеніе Христово есть воскресеніе наше, о чемъ хотя я уже не однажды говорилъ въ радостнѣйшій праздникъ сей, однако и теперь хлѣбъ сей вамъ предложу“¹⁾. Пересматривая сборникъ поученій Конисскаго, писанныхъ его собственною рукою, мы нашли, что не въ одинъ „радостнѣйшій праздникъ“ Воскресенія Христова онъ являлся предъ слушателями своими съ хлѣбомъ этимъ—, не скучливымъ на всякій день ядущему“. Такъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ день Нового года (1788 г.), онъ снова возвращается къ развитію мысли о вѣчности, „числа лѣтъ не имѣющей“. Это одно изъ прекрасныхъ поученій, въ которомъ высказаны тѣ самыя мысли, что и въ драмѣ „Воскресеніе Христово“. „Къ вѣчности“, говоритъ проповѣдникъ, „я рождень. Какъ же стану имѣнія собирать, дома огромные безъ потребы созидать, владѣнія распространять, не имѣя въ томъ нужды убѣдительно, особливо, если тѣе дома создаю на развалинахъ хижинъ нищихъ и сиротъ, если владѣнія моя тягость неудобосносная и разореніе подданнымъ моимъ: принуждаю ихъ мякинами давиться, дабы самъ, продавши хлѣбъ ихъ, пресыщался и упивался въ шумныхъ на всякій день компаніяхъ: пять сотъ у мене собакъ гончихъ, да пять сотъ и крестьянъ моихъ отъ глада померло. И се ли приуготовленіе къ вѣчности?.. Не помышляю о томъ, что въ вѣчности мнѣ будетъ дѣло не съ собаками, но съ подданными моими, и что они будутъ мнѣ и судии, и мстители“²⁾. Даже повѣстическіе символы вѣчности, какъ въ драмѣ, такъ и въ лирическихъ стихотвореніяхъ Конисскаго, одни

1) Рукопись кievской академіи № J, I, 31.

2) Ibidem.

и тѣ же. Въ одномъ стихотвореніи, написанномъ еще въ молодые годы, онъ говоритъ:

„Пойди на поле, что можешь узрѣти?
 Всѣ сѣмена суть землею покрыты,
 Влажной и теплой ради перемѣны
 Лежать разтлѣнны.

Смотри жъ весною, когда солнце блеснетъ,
 Все тое аки отъ гроба воскреснетъ—
 Стебель, листь, цвѣтъ и духъ явится повсюду
 Не вѣсть откуда.

А какъ будуча вѣка весна станеть,
 Все наше племя отъ гроба встанеть,
 Не вѣсть откуда и въ плоть превратится
 И духъ вселится.

И единъ убо вознесетъ въ славу,
 Другій на многихъ воспримлетъ державу...
 Будеть и Лазарь, лежавій во гною,
 Лежать на ложи вѣчного покою,
 Обступятъ его ангели поющи,
 Не пси грызущи.

Явятся тогда и грѣшници скверни,
 Смердни, безлични, какъ головня, черни,
 Явятся токмо и тотъ часъ исчезнутъ
 Въ ядову бездну“¹⁾.

Въ этомъ стихотвореніи обрисованъ, можно сказать, весь планъ драмы Конисскаго. Начинается она размышленіемъ земледѣльца, который выходитъ на свое поле осматривать весенніе всходы:

„Слава Богу, не дармо весну праціовали
 И долини, и горби пашнѣ поровняли:
 Не умерло, звать, въ земли зерно а нѣ мало,
 Ба умерло все, да все жъ и пооживало“.

Возвращаясь домой, онъ вспоминаетъ слова священника, сказанныя въ церкви, что

¹⁾ Рукопись кіевской Дух. академіи, № J. III, 32, 3.

„И тѣло наше, хочай гноемъ станеть,
Но по смерти, якъ верно, на страшній судъ встанеть“.
Онъ только затрудняется понять,

„Где бы тое тѣло

Взялося, которое на порохъ истлѣло“.

Встрѣчаетъ онъ на дорогѣ священника и высказываетъ ему свое сомнѣніе. Священникъ поучаетъ его о праведномъ воздаяніи Божіемъ въ будущей жизни добрымъ и злымъ. Дѣйствіе заканчивается кантомъ, въ которомъ выражается увѣренность, что

„Настанеть часъ,
Когда всякъ отъ насъ
Восприметь въ награду
Муки чи отраду“.

Во второмъ дѣйствіи выступаетъ на сцену нѣкій Гипомень, ограбленный Діоктитомъ. Жалуясь въ судѣ на Діоктита, Гипомень не нашелъ тамъ правды. Въ отчаяніи отъ преслѣдованій Діоктита, онъ не знаетъ, гдѣ ему „подѣтись“. Діоктитъ призываетъ слугамъ своимъ бросить Гипомена въ темницу.

„ Гвалтъ, панове“, кричитъ Гипомень, „люде!
Виновать ли въ чемъ тебѣ, судъ на тое буде!“

На это Діоктитъ ему отвѣчаетъ,

что „на судѣ и самъ онъ засѣдаетъ“,

что будетъ онъ отъ должности „отрѣшненій,

Да будутъ судить его единомысленни,

А буде бы сталъ на мене апеллювать вишше,

И въ вишшемъ судѣ маю патроновъ излишше.

Нехай толко кто схоцетъ правду защицати,

А сей мой Юда малой (при этомъ Діоктитъ „вапшукомъ
трусить“) можетъ доказати:

Ослѣплю очи дармы, рудѣ плѣну мздою“.

Не желая, однако же, съ „харпакомъ“ судиться, Діоктитъ рѣшается избрать простѣйшій путь для уничтоженія своего безсильнаго противника:

„Лучше“, говоритъ онъ, „прибю его въ смерть, а тое
самое

За голову заплачу я хочай и виво“

Въ третьемъ дѣйствіи „Терпѣніе“ просить Бога Гипомену „отъ бѣды освобожденія“, „Діоктиту же отпущенія“, а „Отрада“ обѣщаетъ, что то и другое наступитъ для нихъ въ будущей жизни. Тамъ, говоритъ она, Богъ

„За лѣсокъ воздасть прекрасній рай цѣлый,
За млинокъ превиспренная круги со свѣтили,
За пляцикъ узкій, за домокъ убогій
Отведеть въ небеснія жилища чертоги“.

Въ четвертомъ дѣйствіи избитый и измученный Гипомень умираетъ. Хоронятъ его вищѣ и, въ благодарность за его щедролюбіе, когда онъ былъ въ счастіи и въ довольствѣ, „высыпаютъ“ надъ нимъ „большую могилу“. Между тѣмъ, и дни Діоктита уже сочтены. Зиболѣлъ онъ отъ пьянства, при чемъ ему важется, что онъ

„Не лишнее выпилъ—по гавсту въ началѣ
Водки сердечной съ другомъ испили, а далѣ
Вина, може, съ полу вѣдра, наконецъ—сливянки
Роскошой не болшъ было, какъ по чтири склянки.
Да се же не пернина пить, и поболшъ пивалось,
Теперь мнѣ не вѣдаю, что такое сталося.
Дайте мнѣ толко водки и мякое ложе,
Какъ виплю (sic), а ось мнѣ поможе“.

Не помогла водка и мягкое ложе. Умеръ Діоктитъ въ страшныхъ мукахъ.

Въ пятомъ дѣйствіи оба противника, подобно евангельскому богачу и убогому Лазарю, встрѣчаются на томъ свѣтѣ. Горько жалуется Діоктитъ на свою печальную участь:

„Попливуть лѣта, аки краткіи години,
А грѣшникамъ не будетъ въ мукахъ перемѣви.
Протекутъ тысящами и тмами темъ вѣки,
А грѣшніи пребудуть въ адѣ челоувѣки,
Не станеть числа далѣй, забудеть начатву,
А и тогда не дождемъ мученій остатву“.

Въ рукописи, напечатанной Тихонравовымъ, есть *прологъ* и *эпилогъ*. Въ этомъ послѣднемъ авторъ утверждаетъ „свободно“, что произведеніе его съ священнымъ писаніемъ „сходно“, и проситъ „прощенія“ за „прегрѣшенія“. Можно утверждать также, что не менѣе сходно оно съ малорусскою дѣйствительностью того времени, когда на всемъ пространствѣ Малороссіи сильные люди, безъ всякаго суда и права, съ *валтовнымъ* нападеніемъ, захватывали у слабыхъ поля, луга, лѣса, млины и всякое добро. Такимъ образомъ, драма Конисскаго по реализму содержанія, взятаго изъ мѣстной жизни и воспроизведеннаго талантливо и правдиво, можетъ стать рядомъ съ драмой „Милость Божія“. Конисскій достигъ своей цѣли, о которой говоритъ въ прологѣ:

„Комѣковъ свойственная должность сицевая —
Еже учить, въ обществѣ нравы представляя.“

И дѣйствительно, во всѣхъ этихъ драмахъ есть нѣчто поучительное не только въ смыслѣ общей христіанской морали, но и въ національно-общественномъ смыслѣ. Въ трагедокомедіи Теофана Прокоповича мы видимъ усиліе связать въ одну цѣльную картину современную жизнь Кіева съ его отдаленнымъ прошлымъ. Драма заканчивается появленіемъ въ ангельскомъ хорѣ апостола Андрея, который въ пророческомъ видѣніи рассказываетъ о судьбѣ „любимаго“ имъ „града Кіева“, о „вѣтвяхъ корене святаго“ Борисѣ и Глѣбѣ, о двухъ „свѣтлыхъ мужахъ“, которые „въ горахъ себѣ глубокія ями копаютъ изсохшими отъ поста руками“, о Батыѣ, въ рукахъ котораго „мечъ огненный“, отъ коего будетъ Кіевъ „исѣченный“, о мужахъ „премудрихъ, учительныхъ, къ тому и храбрихъ, въ брани многодѣльныхъ“, которые возстановятъ славу Кіева,—наконецъ, о современныхъ автору представителяхъ могущества и силы русскаго государства Петрѣ Великомъ и Мазепѣ. Апостолъ заканчиваетъ свою рѣчь молитвой къ Богу, чтобы Онъ подалъ

„Брань всегда побѣдну,
Здравіе, державу, тишину безбѣдну

Царю Петру, отъ Бога вѣнчанну,
И его вѣрнѣйшему вождю Іоанну 1)“.

То же историческое самосознаніе, на почвѣ уже малорусскихъ преданій, болѣе близкихъ въ моменту появленія драмы, проходить и чрезъ всю драму „Милость Божія“, въ которой прославляется Богданъ Хмельницкій за то, что онъ былъ

„Дѣлъ предковъ своихъ теплый подражатель,
Древней козацкой славы соблюдатель“,—поэтому
„Ляховъ виторъ преславный явися,
Побѣдамъ же его весь міръ удивися“.

Наконецъ, въ драмахъ Варлаама Лацевского и Георгія Копписсаго мы видимъ уже современную авторамъ малорусскую жизнь, въ которой оба относятся съ трезвымъ и честнымъ реализмомъ. Въ этой смѣнѣ одной темы другою мы видимъ въ лучшихъ представителяхъ малорусской драмы стремленіе внести ясный свѣтъ мысли въ общественное самосознаніе.

II. Жятецкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

1) Трагедокомедія написана была еще до измѣны Мазепы. Послѣ полтавской битвы имя Мазепы замѣнено было словами: *Христовъ рабъ* (См. Тихонравова «Трагедокомедія Теофана Прокоповича» въ Журналѣ Министрства Народнаго просвѣщенія 1879 г., Май, стр. 58).

Малорусское слово „паляныця“ и греческое „ΠΕΛΑΝΟΣ“.

Указывая на чередованіе въ малорусскомъ языкѣ звуковъ *е* и *я*, г. Крымскій въ числѣ другихъ словъ, въ которыхъ наблюдается такое чередованіе, помѣстилъ и слово *паляныця* ¹⁾. Отъ какого корня производитъ авторъ это слово, неизвѣстно; поэтому и не видно основаній, почему онъ находитъ въ этомъ словѣ чередованіе звуковъ *е* и *я*.

Съ своей стороны, я нахожу, что въ словѣ *паляныця* звукъ *я* коренной, а не альтернація звука *е*, и въ доказательство такого заключенія могу привести слѣдующіе доводы. У великороссовъ Воронежской губ. это слово звучитъ чаще всего, какъ *пеляница*, и рѣже—какъ *паленица* или *пеленица*. Послѣдняя форма замѣчена В. И. Далемъ и въ Тамбовской губ. Рядомъ съ этимъ, *пеляница* у великороссовъ Воронежской губ. называется *пирогомъ* или *пирожкомъ*. Отъ обыкновеннаго ржаного хлѣба этотъ пирожокъ отличается тѣмъ, что его пекутъ изъ просѣянной, чаще ржаной, муки и небольшого размѣра, тогда какъ обыкновенный хлѣбъ, *коврега* или *корвега*, печется большой и изъ муки совсѣмъ непросѣянной.

У малороссовъ же Воронежской губ. *паляныця* печется изъ пшеничной муки или изъ пшеничной въ смѣси съ ячменной или ржаной, или изъ одной ячменной и гречневой. Въ послѣднемъ случаѣ она называется *яшныкомъ* или *грчаныкомъ*. Въ прежнее

¹⁾ Крымскій А., Филологія и Погодинская гипотеза; «Кіевская Старина», т. LXIV, стр. 11.

время приготавливали, преимущественно на поминки и на *Голодну* и *Багату Кутю*, еще особую паляницу подъ названіемъ *кнышъ* ¹⁾ представляющую собою розанъ, т. е. лепешку съ загнутыми вверхъ и придавленными почти къ центру краями. Кнышъ, точно такъ же какъ и поминальная паляница, обыкновенно намазывался сверху масломъ, медомъ, сырымъ яйцомъ, которое, конечно, запекалось, и, наконецъ, истолченнымъ, просѣяннымъ и разведеннымъ водою *коноплянымъ симнямъ*, преимущественно въ постные дни, при отсутствіи меда и масла.

Къ кнышу по формѣ нѣсколько подходитъ великорусская вотрушка съ тѣмъ различіемъ, что она значительно меньше кныша, и сверхъ того въ ней загнутые вверхъ края пригибаются возможно далѣе отъ центра, предохраня такимъ образомъ полагаемый на лепешку сыръ отъ скатыванія. У великороссовъ лепешка сгибается и просто вдвое, представляя собой полукругъ или сегментъ, внутри котораго кладется лукъ, пережаренный въ постномъ маслѣ. Такое печеніе, приготавливаемое обыкновенно въ постные дни, по-великорусски называется также *пирогомъ*, а по-малорусски это *стулень*. У малороссовъ по своей формѣ стуленью соотвѣтствуетъ вареникъ, хотя послѣдній значительно меньше стульня, и не печется подобно ему, а варится преимущественно съ сыромъ ²⁾.

Такимъ образомъ, почти всѣ роды приведенныхъ печеній восходятъ къ лепешкѣ, которой придается та или другая форма.

Обращаясь къ греческой терминологіи, мы тамъ находимъ слово *πέλαγος*, подъ которымъ разумѣлись жертвенные пирожки, лепешки и вообще жертвенное печенье или возліяніе. У насъ съ греческими *πέλαγος* имѣетъ созвучіе еще и слово *блины*. У спартацевъ хлѣбъ былъ обыкновенно ячменный и плоскій въ видѣ нашихъ блиновъ.

¹⁾ Отъ глагола *кнуты*. Ср. *кныа* вм. *кныа*.

²⁾ Объ обрядовомъ значеніи вареника, какъ символа луны, подробнѣе сказано мною въ предисловіи къ программѣ для собранія свѣдѣній объ уличѣхъ, вечерницахъ и складкахъ, помѣщенной въ т. I «*Этнолоогичныхъ Матеріаливъ*».

II.

Подобно греческимъ πέλανοι, и наши паляницы, или замѣняющія ихъ лепешки (перепички) и блины имѣютъ обрядовое значеніе. У грековъ ежемѣсячно выставлялись на перекресткахъ трехъ дорогъ, гдѣ порхала богиня луны Геката въ сообществѣ съ Эриніями и душами умершихъ, а также передъ домами и въ домахъ, *Гекатина вечеря*, δειπνον Ἐκάτης. При этомъ существовало такое чередованіе: три послѣднихъ дня каждаго мѣсяца посвящены были душамъ умершихъ и подземнымъ богамъ, къ числу которыхъ принадлежала и Геката, а первое число каждаго мѣсяца—богу солнца Аполлону. Такимъ образомъ дни, посвященные душамъ умершихъ, всегда предшествовали днямъ, посвященнымъ богу солнца.

У насъ этому чередованію соотвѣтствуетъ поминаеніе умершихъ обыкновенно въ субботу¹⁾, т. е. въ день, предшествующій Воскресенію Христа, на котораго народная мысль перенесла повѣрья, относящіяся къ Аполлону, какъ это видно, напр., изъ многихъ нашихъ заговоровъ.

Въ жертвоприношеніяхъ, какъ и въ самой греческой мифологіи, наблюдаются пережитки того періода, когда мужчины, съ одной стороны, и женщины съ дѣтьми—съ другой представляли особые союзы и когда женщины питались продуктами

¹⁾ Изъ *родительскихъ* субботъ у насъ наиболѣе извѣстна *Дмитриевская*. Для выясненія смысла этого имени достаточно слѣдующихъ словъ А. А. Мотевни: «О связи Деметры съ подземельнымъ міромъ говорятъ ея эпитеты χθονία и первоначальное тождество съ дочерью Персефоны, царицею подземнаго міра, и Эриніями. Ей приносились жертвы при похоронахъ. Въ Афинахъ умершія назывались Δημήτριοι, что указываетъ на пребываніе ихъ у Деметры». (*Мотевня*, о мифич. знач. нѣкот. обряд. и повѣр., стр. 197—8). Слово Δημήτηρ обыкновенно принимается за альтернатію первоначальнаго Γῆ-μήτηρ = «Мать Земля»; я же полагаю, что Деметра, отождествлявшаяся съ Персефной, какъ «Небесной Матерью», и сама могла приниматься за «Небесную Мать», Δία Μήτηρ въ параллель къ «Небесному Отцу», Ζεὺς (γ. Δῆ) Πατήρ.

домашняго хозяйства, земледѣлія и рыбной ловли, а мужчины— продуктами охоты. И въ самой греческой жизни еще въ историческое время существовали пережитки этого періода, заключающіеся въ спартанскихъ и критскихъ общественныхъ обѣдахъ, или сисситіяхъ, въ которыхъ принимали участіе только мужчины, тогда какъ женщины, каждая порознь, обѣдали у себя дома. Естественно поэтому, что хтоническія божества, преимущественно женскаго пола, получали въ жертву то, что могла дать женщина, а ураническія божества, преимущественно мужскаго пола, получали мясную жертву.

Въ частности же родъ жертвъ у грековъ опредѣлялся тѣми или другими свойствами боговъ и богинь, ихъ именами и прозвищами. Такъ, Гермесъ и Діонисъ назывались *Подземными* Ἐρεμβεΐς, а вслѣдствіе смѣшенія словъ Ἐρεβος=„Подземное царство“ съ ἐρεβίνδος и ὄροβος=„горохъ“, прозвище Діониса Ἐρεμβεΐς превратилось въ Ἐρεβίνδιος или Ἐρεβίνδιος, а также въ *Царя-Гороха*, Ὀροβος, русскихъ сказокъ и въ *Торопа*, слугу Александра Поповича въ Никоновской лѣтописи подъ 1216 г.¹⁾

1) Къ Александру Поповичу въ этомъ случаѣ приурочена мифологія, относящаяся къ Гермесу, сыну Папы (= «Великой Матери»), имѣвшему прозвище ἀχάχिता, ἀλεξίχαιος=«отвратитель зла». По великорусскимъ же былинамъ слуга Алексѣя Поповича называется *Якимомъ Паробкомъ*, Ἰαχὸς Κόρος, т. е. именемъ того же Діониса.

Въ малорусскихъ коладкахъ, рассказывающихъ объ отгадываніи дѣвицею загадокъ, предлагаемыхъ молодцомъ, Гермесъ называется по имени матери то *Поповичемъ*, т. е. сыномъ Папы (*Голов.* IV 171), то *Маемъ* или *Майномъ* (*Купчанко*, пѣсни № 331), т. е. сыномъ Маи (Μαϊαδεβς), и, конечно, потому что имена Παπα и Μαϊα первоначально были нарицательными и имѣли одно и то же значеніе „Великой Матери“. На тождество Папы и Маи указываютъ и великорус. былинны, гдѣ подъ этими двумя именами извѣстно одно лицо: *Бабица-Мамашина*. Повтореніе корня въ словѣ *Мамашина* представляетъ первобытный способъ усиленія качества, и слово *Мамашина* поэтому означаетъ «Весьма Великую Мать». Ср. малорус. бранное названіе великороса *кацапъ* (вм. *какапъ*)=„козлище“ и рядомъ *цапъ* въ томъ же значеніи (напр. въ разсказахъ М. Т. Симонова о Бѣловоштенкѣ) отъ латин. caper=„козелъ“. Въ Воронежѣ въ 80-хъ годахъ длиннаго и въ то же время товкаго актера по имени Тихона шуны называли *Титиша*, вм. *Тиша*.

Такое искаженіе прозвища послужило къ тому, что на третій день установленнаго въ честь Діониса праздника Анэестеріи, извѣстнаго подъ названіемъ *Горшечнаго* праздника (*Χότροι*), приносились въ жертву подземному Гермесу и душамъ умершихъ вареныя стручья. Повидимому здѣсь было принято во вниманіе и другое созвучіе: 'Ερεμβεός=„Эребець“ и Κεραμεός=„Горшечникъ“¹⁾.

А такъ какъ жертвы хтоническимъ божествамъ Греціи приносились обыкновенно вечеромъ, то отсюда и у насъ пережитокъ этого обычая, заключающійся въ требованіи на *Святъ-вечирѣ*, подъ Рождество, употреблять горохъ, фасолю и чечевицу, какъ въ видѣ особыхъ *стравъ*, такъ и въ видѣ *начынки* въ пирогахъ, и воздерживаться отъ ѣды *до звизды*²⁾.

Что касается Гекаты, богини луны и ночи, то ей приносили въ жертву особенно любимыя ею яства: лукъ, яйца, проскурнякъ (*malva*), плохой сортъ рыбы, именно: ѳшакъ (*μαινίδες*) и краснородокъ (*τριγλίδες*), а также собакъ (*κόων*) и медъ (*μέλι*).

Употребленіе въ жертву Гекатѣ лука, яицъ ц проскурняка, очевидно, обусловлено ихъ круглой формой, какъ симво-

¹⁾ Въ Афинахъ былъ извѣстенъ герой по имени *Κέραμος*, сынъ Діониса и Ариадны.

²⁾ Ср.: *Hic sunt ludi Romani communes in Kalendis Ianuarii. In vigilia Kalendarum in sero surgunt pueri et portant scutum. Quidam eorum est larvatus cum maza in collo; sibilando sonant timpanum, eunt per domos, circumdant scutum, timpanum sonat, larva sibilat. Quo ludo finito, accipiunt munus a domino domus, secundum quod placet ei. Sic faciunt per unamquamque domum. Eo die de omnibus leguminibus comedunt. (Ducange, Glossarium med. et inf. latinitatis, a. v. Kalendae januariae).*

Перев. «Здѣсь въ Январскія Календы происходятъ общія Римскія игры. Наканунѣ Календѣ мальчики встаютъ рано утромъ и носятъ щитъ. Одинъ изъ нихъ замаскированъ, съ лепешкой на шеѣ. Со свистомъ бьютъ они въ барабанъ и, переходя изъ дома въ домъ, становятся вокругъ щита. Барабанъ гремитъ, маска свиститъ. По окончаніи этой игры, они получаютъ отъ хозяина дома въ подарокъ, что тотъ соблаговолитъ дать. *Въ этотъ день ѣдятъ всякіе стручковые плоды.*

ломъ луны и звѣздъ, пожираемыхъ луною; приношеніе же въ жертву бѣшакъ, краснородокъ, меду и собакъ—прозвищами Геваты: Κόων (вм. Κόμνη, Κεκόμνη, Κεκαυμένη=„Огненная“)= „Собака“, Μανία=„Бѣшеная“, ¹⁾. Τρίγλινος, Τρινυλανθίνη и Μελαίνις=„Темная“ ²⁾.

Такимъ образомъ всѣ приведенныя выше составныя части нашего обрядоваго хлѣба уже въ древней Греціи составляли предметы жертвоприношеній въ честь хтоническихъ божествъ.

Паляница и кнышъ, какъ я уже сказалъ, въ видѣ обрядоваго хлѣба употребляются на поминкахъ; въ слоб. Борисовѣ Валуйскаго у., какъ и въ другихъ мѣстахъ, во время совершенія панихиды на кладбищѣ, паляницы, вмѣстѣ съ кутьею, ставятъ на могилу умершаго ³⁾. Всякая панихида вообще, и на кладбищѣ въ особенности, народомъ и до настоящаго времени понимается въ смыслѣ матеріальнаго кормленія душъ умершихъ, о которыхъ рассказывалъ еще Гомеръ въ Одиссеѣ. По^оэтому поводу одинъ изъ моихъ корреспондентовъ говоритъ слѣдующее:

„На просвिति и въ аду, якъ *Христосъ Воскресъ* заспиваютъ, такъ царство растворяется, ажъ ув адъ свища, а вси чортѣ ныць лежать. Теперъ хто умре на святкахъ, такъ щасливый, піде прямо у царство того, що на дорози до царства нима чортивъ: уси попадады, лыжать ныць, царство ны зачыныто, такъ прямо душа иде у царство.—А що поминають на проводы, такъ та мылостыня дохды ажъ ув адъ, іи нівому

¹⁾ Такое прозвище представляетъ искаженіе первоначальнаго Μᾶ Νηίς=«Молодая Мать». Это объясненіе можно приложить и къ латин. Mania, имени матери Ларовъ. Въ такомъ случаѣ и прозвища Эриній: Μανίαи и Εὐμενίδες (вм. *Εὐμηνηίδες), равно какъ латин. Manes (sc. dii), первоначально должны были означать «дочерей Молодой Матери», или «Молодой Матери Зори».

²⁾ Ср. м.-рус. названія звѣздъ: «зори», «зирныцы» = «дочери зорв»?

³⁾ Лѣтомъ 1898 г. на екатеринодарскомъ кладбищѣ я видѣлъ оставленными на могильной плитѣ пирожки съ вареньемъ.

ыспынять, цюю тилко и жывуть увесь годъ того мертви родычи, хто прѣвы панафыду та даѣе мылостыну. У кого ны багато родычывъ, такъ такы довшь йидять, подѣлять: а якъ у кого багато, то уфатять по кусочку, та такъ ото и жывуть увесь годъ голодни: отъ воны и мучатся. Такъ треба побилшь давать мылостыны, опроче яецъ: у яйци дванадцять мылостынь¹⁾". (1899. Сл. Попасная Богучарскаго уѣзда. Рукопись кр. А. А. Суботы).

Тотъ же смыслъ имѣеть и оставленіе въ мискѣ съ ложками кутьи, накрытой паляницей или кнышомъ „на покути“ и въ рождественскую ночь.

Сюда же относится обычай носить подѣ Рождество кутью, пирожки и двѣ паляницы „хрещеному батькови“, „хрещени матери“ и „баби“. Обычай этотъ въ сущности представляетъ видоизмѣненіе жертвы, извѣстной подѣ именемъ „Гекатиной вечери“, обусловленное тѣмъ, что слово „хрещеный“ произведено не отъ слова „перекрестокъ“, σταυροδρόμος, а отъ глагола „крестить“.

Обычай, аналогичный ношенію вечери „хрещеному батькови“ и „хрещени матери“, хотя по другому поводу, наблюдается у бѣлоруссовъ. Тамъ для излѣченія чедовѣка отъ болѣзни, приписываемой дѣйствию нечистой силы, употребляется слѣдующій заговоръ:

„Прошу я васъ, Адама (= Адаме) съ отцами, зъ дзицами, кабъ вы ласкавы былі, мою хлѣбъ-соль принялі и молитву принялі и рабу божаю етому помочи дали. Выговарюю я раба божаго при ясныхъ зоряхъ, при цѣмныхъ лѣсахъ, при быстрыхъ рѣкахъ, при торныхъ шлахъ. Все это надъ *хлѣбомъ* и солью, сложа руки, „три разы по дзевяць переказать“, затѣмъ отнести *Доброхоту* „на ростаньки“ (σταυροδρόμος). Стать тамъ, заложить руки на спину, „кабъ не перякститца“, и по три раза на переднюю и боковыя дороги поклониться до земли и сказать три раза: „Святъ Доброхотъ, хлѣбъ-соль прими и раба божаго про-

¹⁾ Припомнимъ, что яйца приносились въ жертву и Гекатѣ, царицѣ двѣнадцати годовыхъ мѣсяцевъ.

сьци“. И на переднюю дорогу хлѣбъ положить въ чистой тряпчкѣ. (*Романовъ*, Бѣлорус. Сборн. V, 39 № 8).

Подъ *Адамомъ* здѣсь разумѣется „Неумолимый Гадесъ“, Ἀδάμας (v. Ἀδάμαστος) Ἄιδης (Theosg. 2, 34; Ном. II. 9, 158), Доброхоть—Πλούτων Εὐβουλεύς, т. е. онъ же; отцы и дѣти—очевидно обитатели Эреба.

Малорусскій „хрещеный батько“, которому носятъ кутью съ паляницами, соотвѣтствуетъ бѣлорусскому Доброхоту, имѣющему право на названіе „хрещеного“ въ томъ отношеніи, что, по мысли заклинателя, онъ долженъ явиться за принятіемъ приносимой жертвы на перекрестокъ, на *крестовую* дорогу.

Въ великорусскихъ былинахъ о Василіѣ Буслаевичѣ крестнымъ отцомъ (обыкновенно является новгородскій „Старичицо Андроницо“ (*Гильферд.* №№ 44, 141), въ нѣкоторыхъ вариантахъ называемый „Старцемъ Приугрюмищемъ“, или „Пилигримищемъ“ (*Тихонр.*, *Миллеръ*, II, №№ 61, 64), а въ былинахъ о Дюкѣ Степановичѣ—„Отцомъ“ или „Владыкой Черпиговскимъ“ (*Гильф.* №№ 9, 52). Кромѣ того, имя Андроника, какъ родного отца богатыря, упоминается въ одной изъ греческихъ былинъ (*Дестунисъ*, Разысканія о греч. богат. былин. № 14).

Для объясненія приведенныхъ именъ слѣдуетъ исходить изъ того, что великорусскія былины заимствованы у грековъ, и что на греческой почвѣ они возникли еще въ періодъ матриархата, когда родословная велась по женской линіи, и богатыри поэтому должны носить родовыя имена нѣ отцовъ, а матерей.

Съ этой точки зрѣнія Василій Буслаевичъ является сыномъ Буславки, которая въ малорусской думѣ называется *Поповной Марусей Боуславкой* (Πάπα, Μᾶ Ψῆα, Θεά Σελάνα), подъ именемъ которой слѣдуетъ разумѣть отождествляющуюся съ Реей-Богородицей „Великую Мать“ Селену, богиню луны ¹⁾).

Имя *Василій* въ данномъ случаѣ—передѣлка нарицательнаго βασιλεύς=„царь“. Изъ Ипатьевской лѣтописи мы знаемъ,

¹⁾ Въ вульгарномъ говорѣ Воронежской губ. слово «богословы» произносится какъ «буслай». Отсюда семинарская шутка:

— Мужичекъ, каво везешь?—Буслаѣвъ!—А што ета за буслай?—Цырковнай вешши!

что эгимъ именемъ называется Царь-Солнце, сынъ С(а)вароговъ. Въ былинахъ же мать Василя Буслаевича называется Омельѳой Тимошеевной. Слѣдовательно, помимо имени Богуславки, мы должны считаться еще съ двумя: Омельѳой и Саварогомъ.

Имя *Омельфа* (по др. былинамъ, *Мамельѳа*, *Памельѳа*, *Намерѳа*, *Наперѳа* и т. д.) есть искаженіе греч. прозвища богини Аѳины *Ματέρσα* или *Ματέρδα* ¹⁾, имя же самой Аѳины, Ἄδαναία, первоначально должно было представлять только сложное имя „Молодой Богини Зори“, *Αῦ* (*Αῦως*) *Θᾶ* (*Θεᾶ*) *Ναῖς* (*Νεχνίς*) ²⁾. Съ такимъ заключеніемъ согласуется и имя *Сварогъ*.

Обыкновенно это имя понимается въ смыслѣ неба, по производству отъ санскритскаго *svarga* = „небо“. Однако же сопоставленіе в.-рус. былинъ съ сказками и м.-рус. колядочными припѣвами приводитъ насъ къ тому заключенію, что имя *Сварогъ* въ данномъ случаѣ восходитъ къ греч. имени: Ἄνασσα *Αῦωρ* (дорич. формѣ отъ *Αῦως*) = „Царица Зоря“, которое смѣшано съ созвучными: Ἄνα Ἐσθᾶ = „Царица Небесная“, Ἄνα Σοφᾶ = „Премудрая Царевна“ и т. д. Отъ формы *Αῦωρ* произошло и имя *Сварогъ*, какъ имя отца Царя-Солнца, представляющее передѣлку на русскій ладъ греческаго *Σωφώροχος* (*Σιά Αὔωροχος*) = „Богиня Владычица Зори“.

Однако же никогда не слѣдуетъ забывать, что богиня Зори, будемъ ли мы за нее принимать Афродиту, Розвперстую Киприду, богиню утренней и вечерней звѣзды, или же Эось, отождествляясь съ богиней Реей и называясь *Наядой* *Ναῖς*, *Νέη*, въ то же время носила имя *Матери*, понимавшееся въ этомъ случаѣ какъ ея прозвище, независимо отъ ея родства съ тѣмъ или другимъ богомъ. Съ забвеніемъ же первоначальныхъ семейныхъ отношеній, возникшихъ въ періодъ матриархата, родовое имя стали принимать не за имя матери, а за имя отца ³⁾.

¹⁾ *Mamersa Laphria*, *Lycophr.* 1417.

²⁾ Ср.: м.-рус. колядочный припѣвъ: «Авъ Ней (в. Нейи), Авъ Молоденькый, Авъ Ней», *Αῦ Νέη*, *Αῦ Ναῖς*, *Αῦ Νέη*, т. е. «Молода Зори, молоденька Зоря, молода Зоря» (*Голов.* II, 76, 77, 81 et pass.).

³⁾ Впрочемъ, есть основаніе думать, что въ переходный періодъ *домки* матриархальнаго общественнаго строя, подъ вліяніемъ возни

Эти общія положенія одинаково примѣнимы и къ былинѣ о Василіѣ Буслаевичѣ: его „Крестный Отецъ Старичишо Андронишо“, внѣ всякаго сомнѣнія, первоначально назывался не „Крестнымъ Отцомъ“, а „Крестною (!) Матерью“, *Σταυρόπαπα (вм. *Σαυρόπαπα) по имени Ἄνα Τρώ [Ἀνασσα Τειρώ] Νηίς= „Молодая Звѣздная Царица 1)“, причемъ смѣшаны слова Πάπα= „Великая Мать“ и πάππος— „Старичишо“.

Чередованіе имени Андрониша съ именами: *Приурюмище* и *Пилтимище* не только не противорѣчитъ сказанному, а наоборотъ подкрѣпляетъ его. Изъ этихъ двухъ альтернативъ одного и того-же имени первоначальнымъ слѣдуетъ признать альтернативу *Пилтимище*, представляющую переводъ греч. Ὀδαία или Ὀδαλίσκη; послѣднее же имя есть искаженіе первоначальнаго прозвища, приурочиваемаго подземнымъ божествамъ: Ἄιδωνεύς Οὐδαίος (или Οὐδαία)= „Подземный слѣпецъ“ или „Подземный Гадесецъ“ („Подземная Гадесянка“). Въ великорусскихъ былинахъ это двойное прозвище отразилось въ двойныхъ же или одиночныхъ име-

каваго патриархальнаго, и самая греч. мифологія была передѣлана, при чемъ подвиги древнихъ богинь были приписаны богамъ: этимъ санкционировались вновь возникшія общественныя и семейныя отношенія. (Къ такой тактикѣ впослѣдствіи прибѣгали еретики, сочиняя апокрифы для подтвержденія своихъ ученій). Этимъ объясняется и отразившееся въ в.-рус. былинахъ превращеніе греческихъ богинь въ богатырей. Такъ, богиня Аэина въ Одиссеѣ является только покровительницей героя, а въ былинахъ она оказывается уже матерью тождественнаго съ Одиссеемъ Добрыни (Ὀβριμόθροος), назывався то Омельею Тимошеевнѣю, *Мамѣрѣѣ Тѣѣѣѣ Θεά*, то Никитой Романовичемъ, *Νίκη Ῥωμάδѣѣ*, т. е. Сильной Побѣдительницей. (Сила и разумъ—отличительныя черты Аэины). Точно также Царица Аэина, Ἄθανάϊς Ἄνα, въ былинахъ превращается то въ Дона (*Ἄθανάϊς*), то въ Дуна (id.!) Ивановича; Аэина-Ключница, Ἄθανάϊς Κηδοῦχος, — въ Дуная-Ключника, *Ἄθανάϊς* (!) *Κληδοῦχος*; Аэина-Амазонка, Ἄθ. Ἰππία, — въ Дуная-Ковюха, *Ἄθ. Ἰππίος*; Сильная Аэина, Ἄθ. Κραταία, — въ Дуная-Чашника, по смѣшенію словъ: κράτορ (дорич. форма)= «сила» и κρατήρ= «чаша».

1) Самые звѣзды въ великорусскихъ былинахъ носятъ названіе камней—*тироновъ*.

нахъ; *Соловей Разбойникъ* (*Ἀηδὼν Ὀδαῖος*), 1). *Соловей Будимировичъ* (*Ἀηδὼν Οὐδεμία*, вм. *Οὐδινηίς* = „Подземная Няяда“), 2) *Одолице* или *Идолице* (*Ὀδαίτση* = „Пилигримище“), *Песъжа* (по производству слова *Αἰδωνεύς* не отъ корня *εἶδ-* = „видѣть“, а отъ корня *οἶδ-* = „вѣдать“); въ в.-рус. сказкѣ—въ имени *Невидимаго „Никто“* (*Αἰδωνεύς Οὐδεμία*; *Аван.* № 122); въ мало-русскомъ же вариантѣ этой сказки (*Чуб.* II, № 74)—въ имени *Юрзы—Мурзы* (*Μαυρά Σιά* = „Темной Богини“), изображающей *Падло*, *Οὐδεμία* 3).

Выраженіе: *Владыка Черниговскій* въ былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ, повидимому, есть переводъ греческаго *Δεσπότις Μαυρά*, имени Персефоны, а имя *Отецъ Черниговскій*—переводъ греческаго *Πάπα* (= „Великая Мать“) *Μαυρά*.

1) Ср. былинное выраженіе: «разбойнички-прядорожнички».

2) Подобно этому слово *νηίς* = «няяда» искажено въ *μύα* = «муха» въ прозвищѣ Аенны и Афродиты *Κυνάμια* = «Песья Муха», первоначально *Κομένη* (= *καομένη*), *Νηίς* = «Огненная Няяда». Такая этимологія подкрѣпляется другимъ прозвищемъ Аенны *Ἀλαχομενηίς*, отъ *ἄλλα* = «свѣтлая», *καομένη*, или *καομένη* = «горящая», «огненная» и *νηίς* = «няяда».

Прозвище Гекаты *Σχόλλα* = «Сука», очевидно, также представляетъ искаженіе слова, произведеннаго отъ *σία* = «богиня», *κο-*, *καυ-* = «огненная» и *ἄλλα* = «свѣтлая». Имена в. рус. Костромы (**Καοστρομά*) и латышской *Кухта* или *Кохта* (*Κωμά*, *Κομά*), какъ извѣстно, также связаны съ обрядами, въ которыхъ употребляется огонь. Кромѣ того, Геката въ в.-рус. сказкахъ носить имя: «Баба Яга, Костяная Нога», *Πάπα Ἑκά*, *Κωστή* (*Καοστή*) *Βάσις*, т. е. «Великая Мать Геката, Горючее подножіе (Луна)».

Чередованіе слоговъ *nV* и *mV*, *nVmV* и *mVnV* (*V* = *Vocalis*) наблюдается въ словахъ *Οὐδεμία* и *Κυνάμια*, вм. *Οὐδινηίς*, *Κομενηίς*, принадлежитъ къ явленіямъ общечеловѣческой фонетики. Ср. испан. *Adán* вм. *Adam*, франц. *parpe*, *nefle*, въ лат. *parpat*, *mespulut* (*Passy*, *Étude sur les changm. phonet.*, § 335); м.-рус.: *намысто*, *намастырь*, *окомонъ*, вм. *монысто*, *манастырь*, *оконожъ*; греч. падежн. окончанія: —*ον*, —*την*, —*αυ* при лат.: —*ит*, —*ат*.

3) Ср. греч. выраженіе: *οὐδεμία εἶμι* = «быть мертвой», «бути падломъ».

Изъ сказаннаго можно заключить, что многія греческія нарицательныя имена, употребляясь въ смыслѣ собственныхъ, послужили къ тому, что богини, ихъ носящія, принимались за отдѣльныя личности, и изъ одной богини такимъ образомъ дѣлалось нѣсколько. Тотъ-же процессъ наблюдается и у насъ, гдѣ Марія, мать Иисуса, называется не собственнымъ, а исключительно нарицательными именами: „Богородица“, „Божя Маты“ и пр. По этому поводу одинъ изъ моихъ корреспондентовъ говоритъ: „Богородицивъ багато, ны одна: Казанська, Неопальма, Смоленська, Иверська; Богородица Тройця—це все Маты Божя“. (VI. 1893. Сл. Попасная Богучарск. у. сообщ. кр. А. Субота). ¹⁾

Въ своей статьѣ „о царскихъ загадкахъ“ (Этногр. обзор. кв. XXXI, стр. 57), я указывалъ на то, что, по словамъ Лактанція, древними поэтами богиня луны изображалась стоящей на планетѣ луны съ любимымъ младенцемъ, который отъ стыда

¹⁾ Этимъ объясняется и смѣшеніе личностей греч. богинь Артемиды и Афродиты. Ср. у. Гомоли: > Utraque dea vim naturae exprimit, qua res gignuntur, et crescunt, pereuntque; utraque ex asiatico fonte manavit, sive Assyrii numinis Anat, seu Phoenicae Astartes germana creditur; utraque cum sole et luna, luce et tenebris necessitudinem obtinet, ac triplex imperium occupat superioris mundi, et huius nostri, et inferioris etiam; utraque triplicem induit formam, ac triplici nomine vocata est. Itaque fit interdum utrius assimilatio ac quasi confusio quaedam, et nomen, personamque invicem, ut ita dicam, mutant Venus et Diana. (*Homelle, Th*, De antiquissimis Dianae Simulacris Deliiis [Paris, 1885], p. 55—56).

Перев. «И та, и другая богиня олицетворяетъ собою силу природы, благодаря которой все происходитъ, растетъ и погибаетъ; и та и другая своимъ происхожденіемъ имѣетъ азіатскій источникъ все равно, считаютъ-ли ее родной сестрой Ассирійскаго божества «Анать», или Финикійской Астарты; и та и другая имѣетъ связь съ солнцемъ и луной, свѣтомъ и тьмой и обладаетъ тройною властью,—надъ вышнимъ міромъ, нашимъ земнымъ и подземнымъ; та и другая является въ трехъ видахъ и называется тройнымъ именемъ. Итакъ происходитъ порою уподобленіе и какъ-бы нѣкоторое смѣшеніе того и другого божества, а потому Венера и Діана, такъ сказать, взаимно мѣняются своимъ именемъ и своимъ обликомъ.

скрылъ свое лицо. Это изображеніе послужило образцомъ для христіанской иконографіи. На самомъ дѣлѣ на иконахъ византійскаго происхожденія бросается въ глаза изображеніе младенца Иисуса, какъ будто прячущаго свое лицо. Кромѣ того, особенность византійской иконографіи, по сравненію съ западно-европейской, составляетъ изображеніе звѣзды на головномъ покрывѣ, а иногда и на плечахъ Богоматери.

На лубочныхъ изображеніяхъ внутренняго состоянія сердца грѣшнаго и потомъ раскаявшагося человѣка „всевидающее око“ является символомъ „Всевидающаго Гелія“, бога солнца (πανόπτης κόκλος ἡλίου; Rom. 91 ¹⁾) а подъ нимъ большая звѣзда, какъ символъ луны.

Все это указываетъ на то, что названіе Персефоны, богини луны, „звѣздной Царицей“ было очень популярно.

Съ другой стороны, на перенесеніе еретиками первыхъ вѣковъ христіанства чертъ богини луны на Богородицу указываетъ апокрифъ о раздѣлѣ земли и природы между святыми (представляющій аналогію къ языческому раздѣлу природы между Зевсомъ и другими богами), гдѣ Божіей Матери отводятся страны, названныя именами лунныхъ богинь, именно: 1, Проклятый городъ Троянъ; 2, Индія проклятая; 3, земля Легенская; 4, земля Палавонская (*Веселовскій*, Опыты по истор. развит. христіан. легенды, II, 189, 190 въ Ж. М. Н. Пр. ч. 189): названіямъ этихъ странъ соотвѣтствуютъ имена лунныхъ богинь 1) Τ'ρώ (или Θ'ρώ) Ἄν'α Ἄρά=„звѣздная Царица (или: Царица Поляница), богиня проклятія“; 2) Ἄϊδης Ἄρά=„Гадесская (или: Слѣпая) Ара“ (богиня проклятія); 3) Λέαινα (прозвище Гекаты)=„Львица“; 4) Πολύβοια—сестра Гіакинфа, взятая на небо и принимавшаяся за Артемиду и Кору—Персефону.

III.

Выраженіе былинъ: „Крестный Отецъ“ точно также, какъ и малорусскія: хрещеный батько“, „хрещена маты“ рождествен-

¹⁾ По Гезіоду—πάντα ἰδὼν Διὸς ὀφθαλμός=«Всевидающее око Зевса»; по Макробію (Saturn. I, 21, 13): τί ἤλιος οὐράνιος ὀφθαλμός.

скаго обряда, возникли еще въ языческой періодъ, только христіанскій смыслъ приданъ имъ уже впоследствии. Причина этому заключается въ слѣдующемъ.

Обычнымъ эпитетомъ греческихъ боговъ было слово *небесный*, выражавшееся различнымъ образомъ: если рѣчь шла о богахъ, связанныхъ съ дневнымъ свѣтомъ, то они назывались олимпійскими или ураническими (отъ словъ Ὀλύμπος, οὐρανός= „небо“); если же рѣчь шла о подземныхъ, то къ нимъ прилагались эпитеты, произведенные отъ словъ, имѣющихъ нѣкоторое созвучіе съ санскритскимъ svarga=„небо“, а именно: σαῦρα, σῶρα, соῦρα ¹⁾, соῦσα, сῶβα, саῦа, са́βα, са́βος, откуда таῦρος, σταυρός, стаῦρα. Такимъ образомъ хтоническій или эребскій Діонисъ, богъ заходящаго солнца, имѣлъ прозвище: Σάβρος, Таῦρος, Σάτωρος (=Σαυρόσταυρος=„Небесный Туръ“; ср. сканд. имя *Суртуръ*). Въ апокрифахъ и греч. былинахъ слово σαῦра смѣшано съ именемъ Сириі, а въ великорусскихъ былинахъ—съ городомъ Суражемъ или Суздалемъ, и въ малорусскихъ пѣсняхъ съ *лисомъ* ξύλα, возникшимъ изъ сῶла, шепелеватой формы отъ сῶβα. Отсюда же ведутъ свое происхожденіе и былинныя имена: *Ставръ Годимовичъ*, Σταυρός Ἀίσιωνεύς (=„Невидимое [т. е. ночное] Небо“), *Попъ Ростовскій Левонтій Пáта* τοῦ σταυροῦ Λέων (=„Великая Небесная Мать Львица“, т. е. Персефона), и обратно стаυρός Λέωντος=„Крестъ Леванидовъ“ великорусскихъ былинъ (собственно: „Небо Львицы“, т. е. ночное небо, подвластное Львицѣ-Персефонѣ).

Еще на греческой почвѣ имя „Небесной Матери“, *Σαυρομᾶ было смѣшано съ названіемъ страны Сарматіи, Σαυρομάτις, чѣмъ и объясняется мифическая исторія этой страны. Въ свою очередь, названіе Σαυρομάτις въ великорусскихъ былинахъ переведено двумя словами: *Литва* и *Ляхетія*. Обыкновенно два незнакомыхъ богатыря встрѣчаясь предлагаютъ вопросъ о родствѣ не такъ, какъ мы: „Чей ты сынтъ? Какова фамилія твоего отца?“ а: „Какой ты Литвы?“ или: „Какой ты Орды?“—т. е.

¹⁾ Но также и Απόλλων Σοφρός.

„Какой ты Небесной Матери?“ Слово *Орда* въ этомъ случаѣ соответствуетъ греческому **Ἀφρῶδα*, **Ἄφρῶς θεά* = „Богиня Зоря“. Такимъ образомъ вопросъ: „Какой ты Орды?“ означаетъ: когда ты восходишь на небосклонъ: при утренней, или же при вечерней зорѣ? Такой вопросъ тѣмъ болѣе былъ умѣстенъ, что богиня Зори вообще называлась Матерью, Мѣ.

Слово *Σαῦρα* утвердилось за ночнымъ небомъ, очевидно по созвучію съ упомянутымъ ранѣе **Ἀνάσσα* *Ἀῶφρ* = „Царица Зоря“, смѣшаннымъ съ **Ἄνα* **Σαῦρα*, или *Σαῦρα* = „Царица Савская“, т. е. небесная. Затѣмъ это названіе получило народное осмысленіе при помощи слова *σταυρός* = „копь“, „частокопъ“, „острогъ“, „тынь“¹⁾.

Наконецъ по введеніи въ Греціи христіанства слово *σταυρός* получило значеніе креста, откуда и выраженіе: „Небесная Мать“; *Μασταῦρα* (прозвище Реи), *Σταυρομή*, превратилась въ малорусское: „Хрещена Маты“. А такъ какъ, „Небесная Мать“ носила еще имя *Πάπα*, понимавшееся въ смыслѣ „отца“ и въ смыслѣ „бабы“, то до „Хрещеной Матери“ былъ еще присоединены: „хрещеный батько“, „крестный отецъ“ и „баба“, какъ мать родителей и какъ повитуха²⁾.

1) Въ заговорахъ, былинахъ и колядкахъ слово *σταυρός*, въ сочетаніи съ эпитетами, имѣеть значеніе желѣзнаго или серебрянаго тына. (Потебня, Объясненіе м.-рус. и сродн. вар. пѣс. II, 608 sq); *Романовъ*, Б.-рус. Сборн. V, 41 № 150; 45 № 167 et pass.).

2) Обозначеніе неба словами: *ξῶλα* (= *σῶρα*) = „лѣсъ“ и *σταυρός* = „крестъ“ послужило мотивомъ съ созданію апокрифа о „крестномъ дрѣвѣ“, которое поэтому также означаетъ небо.

Въ западно-европейской иконографіи слово *σταυρός* понималось въ томъ же смыслѣ, что видно изъ слѣдующаго. На имѣющейся у меня олеографической картинѣ, изображающей Франциска Ассизскаго, этотъ святой стоитъ одной ногой на землѣ, а другой на темно-голубомъ шарикѣ, очевидно, изображающемъ вечернее небо, и снимаетъ съ креста распятаго Иисуса. Фонъ картины темный съ небольшою полосой желтоватаго зарева на горизонтѣ. Иисусъ представленъ живымъ, съ открытыми глазами и обнимающимъ одной рукой св. Франциска (другая прибита на крестѣ). Очевидно, картина изображаетъ въ лицахъ заходъ солнца и восходъ луны. Святой Францискъ

Кромѣ того, въ греческой былинѣ имя „Великой Небесной Матери“ передается при помощи слова Παπαδιά¹⁾).

Такимъ образомъ выраженіе „хрещена маты“ есть передѣлка первоначальнаго: „Небесна Маты“.

Послѣ этого становится совершенно понятнымъ, что пошеніе кутыи съ паляницами или пирожками къ бабѣ возникло вслѣдствіе пониманія слова Παπα не въ смыслѣ „Великой Матери“, а въ смыслѣ „бабы“, т. е. старой женщины“.

Такое же пониманіе слова Παπα отразилось еще и на другомъ малорусскомъ обрядѣ. Въ слободѣ Борисовкѣ Валуйскаго уѣзда на второй день Рождества, Пасхи и Пятидесятницы, называемый „Богородыця“, молодыцы носятъ паляницы, пирожки и проч. „до бабы, шо бабуе в йихъ“, а баба въ свою очередь, устраиваетъ пришедшимъ обѣдъ. Въ эти же дни служатъ панихиды въ церкви, устраиваютъ поминальные обѣды, раздають нищимъ милостыню.

Въ мѣстечкѣ же Полонномъ, Новоградъ-Волынскаго уѣзда, существуетъ обычай на второй день Рождества, 26-го декабря, „ходить до Богородыци“, т. е. приносить хлѣбъ и поздравлять

несомнѣнно привлеченъ сюда, несмотря на анахронизмъ, потому, что французское слово francisque означаетъ бердышъ, а бердышъ, какъ извѣстно, имѣетъ форму луннаго серпа. И прозвище святого *Ассизскій*, по созвучію съ латинскимъ assidere=«сидѣть», соотвѣтствуетъ греческому *Καθεός=«Сидяка», превратившемуся у насъ въ «Костія», или «Кашае Безсмертнаго» (Ἀθάνατος Καθεός) и въ апокрифическихъ Касьяна Сидящаго и Аонасія Сидящаго (Ἀθανάσιος Καθεός).

1) Рядомъ съ нею упоминаются *αδωνι χήραι*, несомнѣнно появившіяся въ былинѣ по смѣшенію съ Κήρες=«Керы», «Эрини». Въ бѣлорусскихъ же заговорахъ слово χήρ смѣшалось χείρ=«рука»: «одна рука Димида» (χήρ Δημήτηρ), а другая Соломида (χήρ Σαλομῆ (Σαυρομῆ) θεῶ), а третья Маланка (χήρ Μελαίνας, или Μελαίνα), а отсюда уже искаженіе на бѣлорусской почвѣ: «одна рака (=рѣва) Димида», и т. д. (*Романовъ*, Б.-рус. Зборн. V, 17 № 45, 46). Проф. Дестунисъ выраженіе Παπαδιά понялъ въ смыслѣ «попадьи». (*Розысканія*, стр. 81, прим. 158).

„добродзійку“ (жену священника) послѣ службы. (Чуб. Ш, 436) ¹⁾ Говоря иначе, выраженіе Παπαδιά = „Небесная Мать“ понято въ смыслѣ „попадья“.

Такимъ образомъ въ одномъ случаѣ имя лунной богини Πάπα перенесено на „бабу пупоризну“, а въ другомъ — на попадью.

Въ западной Европѣ, вмѣсто нашего ношенія кутьи съ паляницами и пирожками „хрещеному батъгови, матери и баби“, существуетъ обычай въ поветеріе Богоявленія ²⁾ ставить въ сѣняхъ вечерю, состоящую изъ хлѣба, молока ³⁾ и проч. Бертѣ (Bertha, Berthe, Perchtel), которая представляется древней старухой, женой Пилата, осужденной блуждать до страшнаго суда. Иногда вмѣсто нея является Богородица съ младенцемъ. (*Веселовскій*, Опыты II, 279 въ Ж.-М.-Н. Пр. ч. 183).

Берта здѣсь — Πέρθα (первоначально Κέρθα) = „Рогатая Богиня“, т. е. богиня роговидной луны, Персефона, въ великорусской сказкѣ превратившаяся въ „Лису Перикеевну“ (*Потебня*, О мифологич. значен. нѣкот. обр. и повѣр., стр. 136), Κερδῶ Περγαία (= собственно: „Рогатая Богиня, вѣчно блуждающая около земли“); *Пилатъ*, Ἄιδης Πολάρτης = „Гадесъ, крѣпко запирающій свои ворота“, т. е. никого не выпускающій изъ подземнаго царства.

Безъ сомнѣнія, повѣрье, относящееся къ Бертѣ, какъ женѣ Пилата, восходитъ къ греческой поговоркѣ: Ἄρτεμις Περγαία (вм. первоначальнаго Περγαία) = „Вѣчный Жидъ“. По малорусскому

¹⁾ Не слѣдуетъ забывать, что терминъ «Богородица» былъ извѣстенъ языческой Греціи еще до Рож. Христ.: эгвмъ именемъ (θεητόχος) называлась отождествлявшаяся съ лунными богинями «Небесная Мать» (Μάστουρα) Рея.

²⁾ Отнесеніе обряда къ Богоявленію, а не къ Рождеству, какъ у насъ, объясняется тѣмъ, что до половины IV вѣка Богоявленіе праздновалось въ одинъ день съ Рождествомъ; а послѣ отнесенія послѣдняго праздника на двѣнадцать дней назадъ, первоначальные обряды распредѣлены между этими двумя праздниками.

³⁾ Γάλα = «молоко» имѣетъ созвучіе съ эпитетами: Зори — Ἄλλα = «Свѣтлая», и Эрицій — Ἄρα въ шепелеватой формѣ.

же повѣрью, до страшнаго суда обречены не умирать жида, которые распяли Спасителя и стоятъ на стражѣ у гроба Господня въ Иерусалимѣ. Въ теченіе четырехъ недѣль луна перерождается, а вмѣстѣ съ нею перерождаются и эти жида. (Чуб. I, 10—11). Не трудно догадаться, что названіе *жида* и выраженіе „Вѣчный Жидъ“ представляютъ истолкованіе прозвища Персефоны, какъ богини луны, *Οὐδαία*, не въ смыслѣ „Подземной“ богини, какъ бы слѣдовало, а въ смыслѣ „Жидовки“ (*Ἰουδαία*).

По сицилійской сказкѣ „Вѣчнымъ Жидомъ“ оказывается прикованный къ столбу „Отчаявающійся Маркъ“ (собст. Малкъ), по пути къ Пилату давшій Иисусу желѣзной рукавицей пощечину. Онъ, въ наказаніе, долженъ ходить вокругъ столба до *суднаго дня*. Самое имя его: *Marci disparatu* является переводомъ греческаго выраженія *Μαρκῆ Ἐλεπτις*, какъ контаминированной шепелеватой формы, восходящей къ первоначальной *Καρῆ Ἄνα* (=Ἄνασσα) Ἐρεβίς=„Бѣшенная Эребская Царица 2),“ т. е. Геката. Въ греческихъ былинахъ она превратилась въ „Яни Отчаяннаго“ (разум.: Ἄνα Ἐλεπτις) съ тавтологическимъ именемъ. (*Дестунисъ*, Разысканія № 18).

По румынской колядкѣ (*Веселовскій*, Разысканія, VII, 264). вмѣсто Марка въ адѣ къ столбу прикованъ цѣпью Иуда, похититель солнца, луны, утренней звѣзды и проч., а по малорусской сказкѣ, чортъ, замѣняющій „рогатую богиню“, Кердѣ.

(Рукопись кр. слоб. Россоши Острогжск. у. Пант. Яковл. Череватенка) 1).

Повидимому, во всѣхъ этихъ случаяхъ слово *столбъ* должно соответствовать греческому *σταυρός* (=σάβρα)= „небо“; въ такомъ случаѣ Геката, въ качествѣ „Вѣчнаго Жида, соответ-

1) Сюда же относятся малорусскія мнѣщескія имена: «Марко Проклятый», *Μαρκῆ Ἄρα*, и «Безкостный Марко, що въ погребці замуравався». (*Драгомановъ*, М.-рус. пар. пред., 38—39), Ἄναχωστῆ (=Ἄνα Καωστῆ) *Μαρκῆ* «Бѣшенная (Страстная?) Огненная Царица».

2) Вариантъ этой сказки, недосказанный, см. въ «Этногр. Мат.», Б. Д. Гринченко т. I, № 97.

ствовала бы вѣчно ходящей около земли Артемидѣ: (Ἄρτεμις Περγαία).

Кромѣ того, какъ остатки „Гекатиной вечера“, слѣдуетъ отмѣтить обычай дивчать слободы Борисовки, Валуйскаго уѣзда, съ паляницей, приготовленной для печенія прежде другихъ, выходитъ вечеромъ подъ Рождество на дорогу для гаданія по лаю собакъ и мычанію коровъ о замужествѣ. Этотъ обычай безъ сомнѣнія стоитъ въ связи съ греческими вѣрованіями, относящимися къ Гекатѣ, какъ богинѣ колдовства, носившей прозвища: „Собака“, Κῶων, и «Корова», Ταῦρος (первоначально Σταῦρα, Σταῦρα=«небесная»¹⁾).

Приведенныхъ данныхъ, число которыхъ можно было бы значительно увеличить, я полагаю достаточно для того, чтобы признать тождество, между обрядовой паляницей и греческимъ πέλανος.

Остается сказать нѣсколько словъ о фонетической сторонѣ слова *паляница*. Звукъ *a* въ первомъ слогѣ малорусской формы появился подъ вліяніемъ двухъ факторовъ: 1, по ассимиляціи, обусловленной гласнымъ *a* второго слога, и 2, по воздѣйствию звука *l*, который, произносясь по-малорусски при помощи языка, установленнаго желобкомъ болѣе въ концѣ, чѣмъ къ срединѣ, требуетъ соотвѣстнаго раскрытія рта. Подобно слову *паляница*, образовалось и малорусское имя *Палана* отъ греч. Πελαγία¹⁾

Во избѣжаніе нарекаій, счѣтаю необходимымъ заявить, что, давая новую этимологию словъ Ἀθηναία Ἀλαχομενής и проч., я оставилъ безъ критики мнѣніа по этимъ же вопросамъ Макса Мюллера, Курціуса, Велькера и Преллера единственно потому, чтобы не уклоняться слишкомъ въ сторону.

М. Динаревъ.

Екатеринодаръ. 15 іюня 1899 г.

¹⁾ Ср. Passy P., Études sur les changements phonétiques etc. Paris, 1891), p. 177. *oliva* изъ ἐλαία, *olifantus*, вм. *elephantus*, *modus* (вм. *molos*) изъ μέλος, *Siculus* изъ Σικελός.

„ОСТАННЯ НИЧЬ“.

Исторычня ¹⁾ драма въ двоухъ картинахъ.

ДІЕВИ ЛЮДЕ.

1) Степанъ Братковський — подчашый Львовський; молодой ще, але жовтый, худый и знеможенный; оброслый боро-дою, посывившою зтроха. Въ рещтаньскимъ халати; вязень.

2) Инстигаторъ — тодишній осудныкъ; остаркуватый, сывенький; жовчна и злобна фігура. Цолякъ.

1) Сюжетомъ для цієї драмы послужыла дійсна исторычня по-дія. Въ кинци XVII в. бувъ собі шляхтычъ-руський Братковський; мавъ винъ маєтокъ на Волищыни, а прожывавъ часто у Львови; Братковський бувъ чоловікъ освиченый, талановытый, напрямую социніанського, але руськой виры, великый патріота и на дыво великый народовець. Въ ти часы шляхта уже була вкоренылася и дбала про заневолення селянь; а Братковський навпаки пишовъ проты шляхты за голоту; винъ званся и зъ гуртомъ правобережныхъ лыцаривъ — Паліємъ, Самусемъ, Искрою, — яки тягли до Лявобереж-ной Украйны и хотыли одбытысь одъ Польши и злучытысь зъ Пра-вобережною Украйною. Братковський хотивъ пидняты на Волини повстання крестыань; ёго піймали зъ маныфестаціями и покарали на горло въ Луцьку, 1702 року. — Жону и единого сына не допу-стылы навить до побачення.

Авторъ.

3) Сторожъ — добрячий, сердешный дидь, зъ сывымы навислымы бровамы, а видь того й зъ суворымъ выразомъ.

4) Бурграбя — замковый и тюремный комендантъ, середнихъ лить; полякъ.

5) Ксензъ — худый и блидый.

6) Остапъ — товаришъ Степана; молодой.

7) Тася Братевоська — жинка Степанова; у снѣ вона удае — и панну, и молодычку. У снѣ тилькы вона жыва, румьяна, а такъ — змарнила, блида.

8) Маты Степана — тинь старои покійныци.

Голосы: хлопьячи, чоловичи и жиночи.

Вартови.

Діється въ мисти Луцьку, въ 1702 році; за панування Польши.

КАРТЫНА ПЕРША.

Середына тюремного покою. Направо видъ актёра лижко, соломою
вкрыте; налво—шыроке и высоке вивно зъ дрибными кратамы, якы
стылу, а сами шыбкы вивна чымъ-сь замазани,—прозоры лышь верхни;
просто—зализни двери, зъ кругленькимъ вивномъ посередыни. Стины
въ покою чорни, облупанъ; паутыння торочкамы высыть по стели.
Зъ мебели—стиль за лижкомъ и табуретъ пидъ вивномъ. На столи—
кухоль воды и окраецъ хлиба. Вечиръ. Сонце грае ще на верхнихъ
шыбкахъ у виени и по стели; вынзу сутинь.

Выхидъ I.

Вязень самъ.

Стенацъ Братковськый. *(Сыдыть на лжжку; лива
рука прыкута ёму до стины ланцюгомъ; у правий винъ держыть
якийсь аркушъ. Чыта поволи).*

Належыть винъ, увязанный пры зброи,
Якъ зрадныкъ злый, якъ бунтаривъ вагагъ,
Тяжкый выни, а ще пайтяжый кари...

(Говорыть) Обрѣхы й лжа! Не бунтари мы, пи,

А вирни лышь сыны своего народа!
Напастаныкъ—ты, нашъ вороже лыхый!
Ты гвалтомъ край осуджуешъ въ неволю
И нападомъ катуешъ ридный людъ,
Ламаючы и право наше, й волю..
„Пры зброи бувъ!“ Та соннаго взялы,
А Тасю ще... мою дружыну люблю...

Охъ, и згадать... холоде въ жылахъ кровь...

Де-жь, де вона? Невже закатувалы? (*Пауза*).

И хыжый гвалтъ зовуть ище судомъ?!

О моцари, о двоязычни зми,

Вы мыръ кильцемъ гадючымъ обвелы...

Де-жь правда, де?! (*Сина рукою; зализо вѣидается
ще билъше, до крови*) Зализо вѣилось въ рану,—

Такъ рвы-жь, шматуй нездатню руку сю,

Що й видплатыть не зважылася катюзи!

Ай! А!! (*Пауза*) Ну, й кровь... Колмыжъ останній часъ,

Колы кинецъ? Колы-бъ вже швидче кара!

«Найтязча»? Ха! Тортуры прыганя,

Щобъ чулы мы и смакувалы смертю!

(*Пауза*). Все въ голови змишалось, и думкы

У цимъ лёху вильготнымъ розлетилысь,

А сердце—геть одубло... Тило все

Скандзюбылось и нечувственнымъ стало...

Мынають дни и ночи у питьми,

И скилькы ихъ пырнуло у безодню—

Не розберу: лысть жовкъ, зрывавася зъ витъ,

Ихъ пѣморозъ вберала въ срибни шаты,

И зновъ на ныхъ пышавъ роскишный цвѣть...

А я смжу... прыкутый, стражду тиломъ...

А въ серци—гадь... и душу рве нудьга...

Хоть-бы зырнуть на жинку, на дытну!

Що зъ нымы тамъ? Де друзи, де браты? (*Пауза*).

Але надъ все—людське поспильне горе,—

Ярмо и бычь голоты!.. Тяжко! Охъ,

Якъ боляче! Якъ душу шарпа туга!

Знать, видаты, що море слизъ, крови

Геть поняло нашъ гордый духъ и волю,

Прыныжену до рабства,—й не здолать

Видиомстыты, а гныть на ланцюзи тутъ!

(*Сина*) Шматуй, кривавъ!... Колы-бъ вже правый судъ...

Ха, ха, ха, ха! (*Брякитъ*). Идутъ?... Сюды... До мене?!..

Я в а 2-а.

*Ти-жъ и Инстигаторъ, Комендантъ Замковый та Сторожъ,
та ще одна людына, яка ховається по-за плечи).*

Сторожъ *(одсовуе на середины столыкъ, подае инстигатору табуретъ и видходить до дверей; въ рукахъ у ёго ключи).*

Инстигаторъ *(озыра вязня, що вставъ; розклада на столи паперы; по паузи).*

Панъ одибравъ осудный лысть?

Братковськый *(погляда спокойно, трохи зорда). Давно.*

Инстигаторъ *У вязня кровь... Для чого ця жорстокість? (до Коменданта). Знять вайданъ! (Сторожъ кыдається, здйма).*

Братковськый *(мовг бы до себе). Якъ, знять? Що то за знакъ?*

Инстигаторъ. Сподиванка на мылосердя зверхне.

И я прыйшовъ ёго оповистыть:

А колы панъ, по щырости, одповідь

На запыты мои подасть, то вмыть

Зъ ціи тюрмы на свить винъ выйде вильнымъ,

Въ обіймыща коханои симби,

До огныща....

Братковськый *(зрушений). До кривныхъ? Боже мылый!*

А чы жыви-жь жона и немовля?

Инстигаторъ. Жыви, жыви! Я выпустывъ на волю.

Братковськый. Жона... дытя... и воля! Ахъ, яка

Спокуса то!.. Мій пане... Богъ видплате!

Тоби я все... Не скривджу словомъ...

Инстигаторъ. Таеъ,

Я вры йму; мы будемо друзьямы...

Братковськый. Друзьямы? Эхъ!... що хоче панъ?

Инстигаторъ. А ось:

Учыныкы зли, на котрыхъ пана взято,

Ты визнаешъ: не сыла ихъ зретьсы!

Братковськый. И такъ и ни! Помылкы суть чи-мáли:
(показуе на папиръ) Тутъ зрадныкомъ зовусь я, бунтаремъ...
 Хйба-жъ любыть отчызну свою—зрада?
 Хйба-жъ стоять за кривныхъ—вчынъ лыхый?
 Та все-жъ мене учылы навить въ школи,
 Щобъ не щадывъ за ридный людъ жыття!
 Та самъ Хрыстось, розипыятый катамы,
 Прорыкъ, що несть любви большъ надъ ту,
 Яка виддасть за друзи свою душу...

Инстигаторъ. А друзи хто?

Братковськый *(гордовыто)*. Ти, що й булы... Чого-жъ
 Любыть своихъ—тепера лыходйство?

Инстигаторъ. Де влада й миць—тамъ мусыть буты й ридъ
 За намы миць, такъ мы тепера й друзи.

(дражлыво). Нашъ станъ и мечъ—отчызна вамъ!

Братковськый *(усмихається ширко)*. Ха, ха!

Такъ знать кулакъ—едыный батько въ свити,
 Тяжке ярмо—едына благодать,

(зъ большымъ запаломъ). Ризкий канчукъ—едыная святыня?!

И сыли тйй слипйй лышень молысь?
 А людъ, бративъ, отчызну, навить Бога
 Ваалу кынь пидъ ноги?

Инстигаторъ *(розмотовано тупа ногою)*. Цыть! Мовчы!!
 Ты гордый зухъ! запеклыи суповстанець!
 У! Я тебе!

Братковськый *(спокойно)*. Що-жъ панська воля! Хтивъ,
 По щырости, чого бажавъ добродйй...

Инстигаторъ. По щырости? Ты бувъ за ватажка?

Братковськый. Велька честь; ще мы не шыкувалысь...

Инстигаторъ. Ще ни? А хто-жъ тамъ керувавъ?

Братковськый. Уси!

Инстигаторъ *(нетерпяче)*. Ну, хто-жъ, та хто?

Братковськый. Товарышйвъ не выдамъ.

Инстигаторъ. Але-жъ у тимъ ратуновъ твйй!

- Братковський *(ирко)* Невже?
 Въ продайности, у клятьболомстви, зради?
 Якъ его моцъ мене не поважа!
 Іудою не бувъ: за жодну цину—
 Ни вирности, ни чести не продамъ.
- Инстигаторъ. Коли жыття, и смерть, и вси тортурны
 У тій цини?
- Братковський. Хочъ пекло навить все!
 Инстигаторъ. Чого-чого, а пекла ты скуштуешъ!
 Намъ видно, що въ звязку бувъ
 Изъ Искрою и зъ Паліємъ-псавиромъ,
 Зъ Мазепою, зъ Москвою злытысь хтивъ,
 (Пидбурювавъ все быдло...)
- Братковський *(усмихається)*. Коли звисно усеє вамъ, то
 ничого й пытать.
- Инстигаторъ *(скажено)*. Ну, почекай! На кутни засміешся,
 Не те спивать на дыби станешъ ты,
 Чи на жару...
- Братковський *(зъ прызырствомъ)* Вельможный панъ осудныхъ
 Шануе-жь честь, и гоноръ, и повинъ...
- Инстигаторъ. У шляхты-но!
- Братковський. То на-що вамъ мерзота?
 Хто здатенъ пакъ своихъ бративъ продать,
 То той и васъ....
- Инстигаторъ. О, певенъ я!... Одначе,
 Намъ треба знать, хто наши ворогы?..
- (По паузи)* Щобъ прымырыть зъ новымъ ихъ берломъ...
- Братковський. Пана!
 И довгий часъ тыхъ ранъ не заживыть!
- Инстигаторъ. Такъ думаешъ? *(Вставъ и пройшовся.*
Дали пидійшовъ и щось тыхо шепоче коменданту,
одвигшы его въ бикъ). Упартый песъ, звирюка!
- Комендантъ. Схызматъ лыхый.
- Инстигаторъ. Хочъ-бы въ однимъ попавъ!
(хутко сйда; до вязня). Намъ хтилося-бъ, щобъ всякъ пидда-
 нець нашъ

✓ | Прыпавъ чоломъ до стопъ святого Папы;
 Не для того, що крацый нашъ костёлъ,
 Бо Богъ едынъ и виры вси хороши,
 А для того, що религійна ризнь
 Лышь появля злобу, та свару въ панстви,
 И певнисть есть лышь въ одновирцяхъ...

Братковськый.

Ни,

У гвалти-пакъ надъ вирую розрада...

И я прошу про виру зальшыть:

| Колы бративъ, родины и отчизны
 | Не зражу я, то виры вже-й повиекъ!

И н с т и г а т о р ь. Ну й овшемъ *(тыхо)*. Этъ тварюка без-
 надійна!

Ты бунтувавъ наридъ, озброино бывсь,
 Колы вяялы?

Братковськый.

Чы не въ одной сорочци...

И н с т и г а т о р ь. Есть свидокъ тутъ, що вязневи ствердыть.

Братковськый. Запроданецъ?

И н с т и г а т о р ь. Ни, прятель найцёршый!

Братковськый. Не може быть?

И н с т и г а т о р ь. Але напевно такъ!

(До свидка). Одкрыйся, панъ, и выявы!

(Свидокъ выступывъ и заразъ змишався).

Братковськый *(сплеснувъ руками, глянувши)*. Мій Боже!

Остапъ? Мій другъ? Надія наша вся?

Орель-козакъ? Пылке, завяте сердце,

Вельчній умъ... незрадлыва душа...

| И ты, и ты запродався? Чы зрикся
 | Святыхъ думокъ?

(Свидокъ за кожнымъ словомъ проймається мукою).

И н с т и г а т о р ь *(бѣе по столу кулакомъ)*. Ни слова!... Ну,
 свидууй!

Братковськый *(зъ несамовытымъ паломъ; чути въ голоси слёзы)*.

Свидууй скорышь!... Лобзай!... А вы, катове,

И н с т и г а т о р ь. За ласку цю, сподіюсь, пань оддячыть?
(Пидкрестю). Бажалося-бъ намъ другомъ
 пана мать,—

То е ще часъ...

Б р а т к о в с ь к ы й *(зрушено й радисно).* Пань инстигаторь ба-
 чыть

Всёго мене: не крыюсь я ни въ чямъ
 И не минюсь... а за добро я вдяченъ.

И н с т и г а т о р ь. Подумай ще! зважь ро-зу-момъ!

К о м е н д а н т ь *(выразно, значно).* Зми-ркуй!!

*(Инстигаторъ з паперамы, а комендантъ за нымъ выходятъ.
 Чуты, якъ замыкають засовомъ двери).*

Я в а 4.

Братковський самъ.

Б р а т к о в с ь к ы й. Надію давъ... Пророчыть милосердя..
 Все обидя—и волю, й втиху, й рай,
 Щобъ спокусыть... Запроданцивъ чы-мало..
 Всихъ знажуе и золото, и страхъ!
 Напастныкъ нашъ гнитыть и душу, й розумъ,
 Зневагою отруе борцивъ,
 И множатся перевертни... Що-жь, дума
 Й мене купыть?.. *(Пауза. Показуе на двери).*

Не зложышь ты цины,

И вси твои спокусы розпадутся!

(Пройшовся). Я имъ на щось потрибенъ...
 и менè

Хотять вони пустыть на волю... Може,
 Щобъ бильшь піймать зи мною? Байдуже!

Поборемось, абы тилькы слобода!

Охъ, солодко якъ слово це дзвеныть!

Зновъ вильный рухъ... окрылени надія...

Симья моя... братья мои, народъ...

Я в а 5.

Братковський и сторожъ.

Сторо ж ъ (*приносить страву и малу шклянку вина*).

Вечеря ось! (*Видходить и журно погляда*).

Братковський (*оглянувши*). Ой, ой, яки роскоши!

И каша, й борщъ, и печень, и вино!

Пивъ-року бувъ на хлиби и цыбули,

То й боязно цю страву поживать...

Що вызнача ця ласка?

Сторо ж ъ (*одвертається зъ зитханнямъ*). Мылосердя...

Тутъ звычай е: хто покида тюрму,—

Въ останню ничъ того витають гбйно...

Братковський (*хутко*). Такъ въ склепи цимъ моя остання
ничъ?

Сторо ж ъ. Лыбонь, що такъ... (*змахуе рукою щось зъ
вий*).

Але я пану раджу,—

Не гребаты бажаннямъ ихъ...

Братковський (*почына вечеряты*) О, ни!

Бажання ихъ—шельмовство! зроду-вику

Не зражу я Украины!... Ты самъ,

Здається, нашъ, по крови и по вири?

Сторо ж ъ. Зъ Подоліи.

Братковський. Я й думавъ, що землякъ...

А тутъ давно?

Сторо ж ъ. Та може литъ за двадцять.

Прыставылы... не сыла...

Братковський. Але все жъ

Ты не забудь ни мовы, ни родыны?

И ридный край ты любишь?

Сторо ж ъ. О, ще й якъ!

Одно тилькы мени и снятся завжды:

Веселый край—степы, гаи, садкы,

Билесеньки та чешурни хатыны,

- Нывъ золотыхъ хвлясти кылымъ,
 Ясни ричкы, окутани лугамы,
 Братерський людъ и мова голосна,
 И чаривна та чула наша писня...
 Охъ, любый край, дорожчый ты за все!
- Братковський. Дидуню мій, коханий, та хорошій!
 (Обнима). Охъ, цей вищунъ (на сердце) давно
 тебе пизнавъ,
 Бо души въ насъ коханнямъ и прыхиломъ
 Однимъ горять... И якъ же радывъ ты—
 Продаты рай, видь ненькы одцуратысь?
- Сторожъ (замисланный). Охъ, боляче... Але жыття... Хто
 зна...
 Прыкнутысь... а потимъ... вже на воли
 Ихъ одурить... Бо вырыть тымъ катамъ
 Не можно, ни!
- Братковський. Але-жъ оци вси пылыгы
 Вищуютъ...
- Сторожъ. Эхъ! Не можу... Такъ, добро;
 Але проте вирнише збутысь ласкы,
 Прыспать злодогъ и въ Кывъ утекты...
 Я бъ самъ помигъ.
- Братковський (кыдається, обнима). Мій голубе, спасыбъ!
 Я й не гадавъ, щобъ пыльный вартовый
 Мавъ золоте, прыхыльне, щыре сердце:
 Ты все мовчавъ, на слово не влажавъ
 И лышь проймавъ зпидъ сывыхъ бривъ
 очыма.
- Сторожъ. Хотывъ усихъ злобою опукать,
 Щобъ выждать часъ, дать способы на втеы...
 Ще не пора... Эхъ, лыхо нависне...
 Такъ зразу!... Охъ, якъ жалко тебе, пане!
 Прыкыньсь, молю—и вызволю... О дай
 Лышь часъ мени, видсунъ пекельну хвылю...
 Прыкыньсь, згодысь!

- Братковськый. Але того не вартъ...
Паскудытысь не хочеться и словомъ...
Проте, невже у нихъ на думци смерть?
- Сторожъ. Крий Господы... може й слобода...
- Братковськый (*Кладе ёму на плечи руку*) Бачышь,
Якъ выпустять, то я имъ натягну,
Що ихъ думкы змиреую на довилли...
(*Пье выно*). Охъ, и выно жъ! Ажъ стувнуло
въ чоло.
Ну, та й обидь! По голоду—се учта
Крулевська,—ни, пышнвиша!
- Сторожъ. (*Хыта оловую*). Краще всежь...
На свій таланъ покластысь...
- Братковськый. Друже любый.
Якъ вызволюсь, и ты до насъ спишы—
До плесь ясныхъ, до зорь яскраво-тыхыхъ...
Моя симья тебе полюбыть...
- Сторожъ. Охъ,
Прыкыньсь помы...
- Братковськый (*сміється*). Ты все свое, мій диду?
- Сторожъ. Якъ прийде хто, то нибы здайсь... А то
Спочынь, засны й свою стражденну душу
На Божый зволь, на мылость ёго зважь...
(*Богобійно зложывши руки*) Дай, Господы, явы невмирну ласку,
Ховай ёго видъ лыха!
(*Забира хутко и хоплюво посуду, щобъ
заховать свою слёзу*).
- Братковськый (*лыша соби шклянку зъ выномъ*). Диду, стій!
Виено мени це видчны, благодаю:
Я-жь вгратъ отыхъ зубамы не вгрызу,
А лышь нальюсь повитря...
- Сторожъ. (*одхмылышы выдъ*). Можно, заразъ!
(*Одсовуе чи одчыня выкно, и хутко выходять*).

Я в а 6.

Братковськый самъ.

Братковськый *(прыныкъ до вѣкна, не надыхаетъ).*
 Якъ хороше! Мняке повитря.. духъ..
 Жыття струмвомъ гарячымъ лыне въ перса,
 Ихъ втихою колышнею сповня.
 Охъ, дыхаю и не натхнусь... мовъ пьяный..
 Весна, весна! Якъ красенъ Божый свить,
 Якъ сонечко видрадисно мыгоче
 И проминемъ надію окрыля!
 Генъ квіточка, ж ластивка якъ жваво
 Кунается въ повитри, то зныка:
 Охъ, вильно ій и весело въ простори!
 Жыття и рухъ!.. А тутъ могыльный склепъ..
 Онъ—чорно якъ: яскраве пасмо свиту
 Не подола тутъ мороку.. Труна!
 Колы-бъ на свить! Хочъ-бы поглянуть зверху
 На вулицю, на бидолашний людъ,
 Що видъ нужды, видъ праці ажъ зигнувся..
 А бьется все-жъ за зныщене жыття..
(Хоче пиднятысь на кратахъ вгору, але зрывається—рука скамичена; пробуе прысунути стилъ, але чуе писню, и зновъ прыпадае до кратъ).
(Хоръ за лаштунками зблыжається, дуужча, и по воли стыха).

Х о р ь.

Ой, у поли два яворы,
 Третій зелененькый:
 Та занедужавъ у дорови
 Козакъ молоденькый.

Лежыть козакъ пидъ яворомъ
 Зъ сылонькы знемига;
 Надъ нымъ конькы вороненькый,
 Тяжко засмутывся...

Одынъ соби, безъ дружыны,
 Безъ отца, безъ неньвы...
 Тилькы степь ёго вкрывае,
 Та крюкы чорненьки.

Б р а т к о в с ь к ы й (*схыля голову на краты и слуха*).
 Натомлени, намучени зъ надсады,
 А все такы спиваютъ: горе й скругъ
 Дзвынать, гучать у звукахъ тыхъ чудовыхъ...
 Охъ якъ давно вже чувъ и ридный спивъ,—
 Ще въ матери покойной моеи...
 Все спѣгады, все бѣлещи души
 Прокынулысь у серци и йидкѣю
 Грызотою выдавлюють слѣзу... (*Втира очи.*
Пауза).

Ридвесенька моя матусе! Сына
 Лышыла ты несты тяженный хрестъ,—
 Сама-жъ давно сповоилась въ могыли...
 Устань, поглянь, на що винъ перевивсь!
 Чи схожий винъ на те хлопья веселе,
 Якому ты спивала все писень
 Палкыхъ, сумныхъ? якому ты змывала
 Не разъ, не два дрибнымы шовкѣ волосъ,
 Якого ты учыла мужне бытысь
 Зъ напастныкомъ, зъ гвалтовныкомъ лыхымъ
 За ридный людъ, за правду и за волю...
 Ну, отъ и бывсь, добывся... (*ирко*) Ха, ха ха!!
 Меткый борець у путахъ, у темныци,
 Знесыленный, скаличеный зовсимъ!
 (*Подходить до столу, сѣда и схыля го-*
лову на сперти на стилъ рукъ). (*Пауза*).

Х о р ь (*Спѣва pianissimo*). Умеръ козакъ безъ дружыны,
 Безъ сестры, безъ брата,
 Лышь зосталысь на помынкы степови орлята.
 А надъ трупомъ буйный витерь
 Застогнавъ помалу,

Братковський

Заплававъ дощъ, та хижый звирь
Збигся на поталу...
(*За першымъ куплетомъ пидводе голову, а за
другымъ зновъ пидходить до вкна и пры-
ныка до киратъ*).

Умерь... Одынь... безъ брата, безъ дружыны;
На похоронъ злетилися—орлы;
Заголосивъ надъ трупомъ буйный витерь,
Та дрибенъ дощъ зросивъ его слизьми...
И звикло все, чымъ трудне сердце былось!
Такъ и мени... якесь пречуття
Гадюкою ворухытся у персахъ...
И любый дидъ щось наляка, зитха...
Ой, якъ-бы ще хотилося пожиты!
Я радощивъ лышь краплю скуштувавъ...
Прыкнутысь?... Благае навить сторожь (*по-
чына ходыты*).

Малызноу имъ постунытысь?... Такъ—
И одурить... Але це все-жь шельмовство?
(*стае*).

Ну, въ боротьби... (*вагається, зновъ иде*) и
розумъ дозволя...
Безъ хытрощивъ и сичи не буває... (*зу-
пынывьсь*).

(*Глянувъ у вкно*) Якъ пышно тамъ: радіе
всяка тварь,

Все радистю втишається... Ой, знада!
Ну, щожъ? Подамсь?... Жона и сынъ живи,—
Для нихъ я тежь потрибенъ... Мамо, мамо!
Зъясуй мени, чи не збрудню я стягъ,
Чи не куплю утихы я за зраду?
А ты, а ты що скажешъ, сыну мій?
Що ты мени порадышь, зирко Тасе?
Охъ, тяжко якъ! Та я-бъ же хтивъ пожитъ
Не для своихъ потихъ, а за-для миру:

Хочъ трудъ якый лышты для слышхъ,
 Чи имъ виддаты жыття мизерне въ сичи,
 Стынаючи гартовани мечи,
 А не въ лёху, якъ тутъ... Ой, Боже правый,
 Якъ я ослабъ, знемигся и зомливъ!

(Прятада головою на стиль; выдко, що рыдае).

Я в а 7.

Голосъ за викномъ и на дворыщц.

Голосъ 1 *(виддаля)*. Гей! Клыкните тамъ хто пана коменданта!

Голосъ 2 *(идъ викномъ)*. А на що?

Голосъ 1. Поклычь, колы кажуть, та й цыты!

Голосъ 2. Чы ба! Парсона! Панъ комендантъ спочыва, не веливъ турбуваты.

Голосъ 1. А ты потурбуй, бо прибыла якась пани зъ пропускнымъ лыстомъ видъ пана старосты.

Голосъ 2. Осъ ця мени скаже, де панъ? Гапко, вуды бо ты?

Голосъ жиноч. Геть въ бису!

Голосъ 1. Держы ии!

Голосъ жиноч. Одже ляпаса дамъ!

Голосъ 2. Та не пручайся!

Голосъ жиноч. На-жъ тоби! *(Чуты ляскъ)*.

Голосъ 1. Ловко!

(Регитъ. Дали жиночий пыскъ. Выгукы).

Голосъ жиноч. Ей богу, заразь до пана!

Голосъ 1 *(крычыть)*. Збуды, збуды пана коменданта: треба! *(Регитъ и гоминъ стыхлы, чуты брязкитъ рушныць)*.

Голосъ 3 *(блыжче)*. Слово?

Голосъ 4 *(дали)*. Луцкъ!

Голосъ 3. Гасло?

Голосъ 4. Звытага!

Г о л о с ь 3. Тутъ вартовать до свита; а, по змини, дві лавы милиціи на майданъ!

Г о л о с ь 4. Чого?

Г о л о с ь 3. По потреби гродського суду.

(Голосы стихлы. Брякитъ помалу знька. Вязень ничего мовъ и не чувъ; на решти пидводять байдуже голову и потыра чоло рукою).

(За викномъ, чути, наблыжається весильна музыка и спивы)

Братковськый *(до викна)*. Весилля? Такъ: и князь, и по-
йизджане.

Х о р ь *(чоловичый)*. Хвала, хвала матуси,
Що встерегла Марусю;
Добру їи учыла,
Красою надилыла!

Х о р ь *(жичночий)*. Ой казали вориженькы-люде,
Що Маруся недобрая буде,
А вона добра, добрисенька,
Якъ рожа поввисенька!

Х о р ь *(спильный зъ музыкаю)*. Ой гопъ, та по малу,
Лизе батько до прычалу,
А матуся не пуска
Бо човнына, бачъ, хыстка...
Ой, гопъ, такы такъ!.. *(и т. д.)*.

(Чути: музыку—бубонъ, танци, выуку, гоминъ).

Г о л о с ы *(блызько)*. Чы ба! Зъ червоною корогвою! Въ червоныхъ квиткахъ! А садыть якъ козакъ! Гля! гля!..

Г о л о с ь жичноч. А вже-жъ краще, нижъ вы, лежни!

Г о л о с ь 2. А, й ты тутъ?

Г о л о с ь жичноч. Не лизь! Помырьмось! Ставай до танцивъ! *(смихъ)*.

Г о л о с ь 2. А що-жъ? Давай!

Г о л о с ы *(блызько)*. Ловко! Прысай-би! Ажъ матнею мете!
А Горпына? Такъ и дрижыть все, ажъ намысто пидскакуе!

Голосы жиноч. А ну ще котора! Даромъ музыка!

Голосы чолов. Сады! Рижь!! (*режить и крикѣ*)... Го-го-го!
(Музыка стиха помалу).

Братковськый (*якѣ стихъ на дворищи гоминѣ, а музыка
оддалыны ледве луна*).

Солодка мыть людського щастя-чаду,—

Мижъ хмаръ нудьгы, мижъ моря слизъ
гиркыхъ,

Крыкѣ радисный видъ пьяной отруты,—

Мижъ лементу зпидѣ канчукивъ, бычивъ...

А що-жъ, и мыть утихы—намъ за щастя,

Ги ловы,—не вернется назадъ!

Голосъ коменд. (*пидъ виномѣ*). Яка тамъ наглисть?

Голосъ 1. Ось пани зъ декретомъ.

Голосъ коменд. (*видходючи дам*). Яка тамъ ще пани?

Уже пробылы восьму году.

Голосъ пани (*дальше*). На мылосердя, пане!

Братковськый (*стрипонувся, вхопывшись руками за
голову*). Голосъ, голосъ, знаёмый... Вогнемъ пронявъ сердце...
Хто-то? (*Пиднимається на крматы, але не вдержується*).

Голосъ коменд. Сёгодня не можливо... законъ: пидля
восьмой годуны вязнивъ не выпускають... а завтра; тилькы
рано... на свитанни.

Голосъ пани. Я цилу ничъ тутъ простою. Мене все
не пускалы зи Львова... На сылу вырвалась...

Голосъ коменд. Кохана моя пани... прошу до мене.

Голосъ пани (*блызько*). Господь оддячыть пану! Я
такѣ нмучылась! (*стихають ступни*).

Я в а 8.

Братковськый самъ.

Братковськый. Вона! вона! моя едына Тася!

Охъ, сердце се розирвется въ шматкы,

Не вытрыма такого щастя-втихы!

У досвіта мени настане рай...

А я, слипець, ще ремствувавъ на Бога!

(Зіорта руки). Пробачъ, просты!... (пауза).

Ни, смутокъ геть теперъ,

И пречуття пидъ ноги! Зновъ надія!

Зновъ сыла гра, шырїе зновъ душа!

Теперъ уже напевно вызволення! (Ходыть)

Охъ, запыпыть робота жъ! Ще знайду

Товарышївъ и велетнївъ по духу...

Не вмерь ище ты, краю мїй! О, ни!! (пауза).

Почувъ їи, мою голубку тыху,—

И ожыло у мене все, и зновъ

Ключемъ кыпыть моя юнацька сыла,

И сїе свить... Онъ—проминь той упавъ,—

И золотомъ взялася павутына,

А зныкне винъ—и сумно стане вразъ,

Жалобою укрыется вся стеля... (пауза).

Зловыть бы ще прощальный проминь той...

(Пробуе пиднятысь на кратахъ, але марно; пидносять стилъ, глзатыть на ёю и спынается на найвышш краты).

Ахъ, ось де винъ, червоный та яскравый,

И сонця край... мовъ краплї кривына...

Прощай, прощай до завтрёго, до ранку!

Устань же зновъ и прывитай мене,

Озолоты хвылыну вызволення!

Г о л о с ь (пидъ вїкномъ). Гей, вязне, гей! Назадъ мени зъ
вїкна!

Братковськый. На хвылыноньку, помы онъ сонце зайде!

Г о л о с ь. Назадъ, кажу! Не то убую!

Братковськый (зскакуе). О звирь!

Чого гарчышь и выщыряешъ зубы?

У, наймыты, запроданци! Свои жъ,

А зъ ворогомъ знущатысь навить ради

Надъ браттямы!

Я в а 9.

Ти-жъ и комендантъ зъ сторожемъ.

Комендантъ. Не вильно на вѣкно
Спынатысь тутъ! (*Сторожу*). Вымыть за-
чыны на-глухо!

Сторожъ (*зачыня; видносыть стилъ. Зразу—тыша и темень*).

Комендантъ. Вже почевай до ранку!

Братковськый. Тутъ жона?

Комендантъ. Побачышъ самъ... Ты помолысь, спокайся...
Ось кныжку я прынысь...

Братковськый (*хутко бере*). Святе письмо?! (*цилуе ѳ*).

Комендантъ. Такъ. Сподивайсь на ласку... Ну, до ранку!
(*Выходьтъ зъ сторожемъ*).

Я в а 10.

Братковськый самъ.

Братковськый (*стоитъ якый часъ, прытульвышы кныжку до лона*).

Ты подасы зъ небесь, моя матусе,
Свѣй гласъ мени оцымъ святымъ письмомъ.
(*Почынаеться за лаштункамы тихый молитовный хоръ. Винъ тянеться впродовжъ монолога*).

Братковськый (*переходьтъ зъ кныжкой до столу, що стоить биля лѣжка на передкону*).

(*Чыта тихо. По паузи*). Свяги слова... наказъ мени... зъ-за зорь...
Такъ, въ стражданни за правду е звытяга
И часомъ смерть сыльнища за жыття...

(*Чыта тихо. По паузи*). Высокий стягъ за ридный людъ, за
правду,
Пидняты слидъ на очи й ворогамъ,
А не ховать ёго видъ миру пбтай.
Борысь за людъ, погынь за людъ и тымъ
Звытяжь другыхъ и засмуты деспотивъ!

И я вагавсь? Ще мить була бориння?
 Жыття мене спокуюсо взяло
 И чарамы спьяныла свитня втиха...
 О, знады причь! Щобъ тутъ ни осталось, ни,
 Не поступлюсь ни кровомъ, а ни пядью
 (*Пада на коліна*). Пробачъ мени, благый,
 всесылный Боже,
 Пробачъ выну лукавому рабу:
 Душею я знемигся; довги муки
 Знесылылы и волю мою й миць...
 (*Прыпада головою до столу*).

З а в и с а.

КАРТЫНА ДРУГА.

(*Декорація та-жъ, тилькы на кону темно, а свитытся лыше
 одно крулесеньке у дверяхъ вично, мовъ око совы. Столыкъ по
 сей бикъ лижка*).

Я в а І.

Братковський самъ.

Б р а т к о в с ь к ы й (*лежыть на лижку головою до зрытеливъ;
 повертається, прыйма найпрыдобнишу позу*).
 Спокійный я... зневирья геть пройшло,
 Я свій повинъ святыи не занехаю
 И донесу на раменахъ свій хрестъ...
 Якъ тыхо скрызъ!... За муромъ тилькы мирно

Побрязкуе безсонный вартовый...

На серци тежъ—и лагода, и тыша...

(Пауза).

Пивъ-року я все скорчывшысь лежавъ,

Та й то ланцюгъ и тило рвавъ, и мульвъ;

А отъ теперъ ажъ чудно, що безъ путъ;

Тавъ солодко на лижку простягтыся,

Мовъ на царській перыни... О, за пухъ—

Солома ця! И вси турботы... вси... (Засыпа).

(Останни слова говорять сонно. Ледве скинчывъ ихъ, починается тыха мелодична музыка на народнихъ мотивахъ, тилькы прокыдаются у й и збуряни порывання; на самимъ прыкинци знову тыха музыка, мовъ тыша передъ бурєю.—вводитъ въ нову картину:

На задній стини, що протывъ зрытеля, зъявляются хмары; за ными стина зныка. Колы рсходятся хмары, то уявляется така картина: байракъ глыбокый, окрытый зъ усихъ бокывъ скелямы и навислымы деревьямы; въ глыбыни выдко—чорніе якась печеря. Ясна мисячна ничь).

(Дія діється и въ байраци, и въ кимнати, ажъ до лижка).

Я в а 2.

Тася сама.

Тася (збига). Я перша... Ще никого нема!... Попередыла й Остапа... А чи тутъ же зібрання?...

Я в а 3.

Нанна Тася и Степанъ Братковський.

Степанъ (той же вязень, тилькы молодой, безъ бороды, зъ маненькымы усамы). И ты тутъ Тасю? Сама прыйшла у таку пуцу въ ночи? То шаленисть!

П. Тася. Я не сама; я зъ Остапомъ.

Степанъ. Я де-жъ винъ?

П. Тася. Пишовъ дозоромъ.

Степанъ Але все-жь необачно, моя любя: тутъ спилка мужнихъ, боёвыхъ сыль, а для тындитныхъ створинь вона небезпешна; жондти тутъ не мисце!

П. Тася. Колы ричъ иде про долю народа, про зборону отчызны, то й тындитни створиння мусять видаты свои сылы... тутъ не може бути ни цань, ни панянокъ; тутъ вси ривни! И вси понесемо мы жыття за родину! А колы ще на те поклякае Степанъ, то й пекло мени—не забара!

Степанъ. Едына моя! *(стыска їй руку)*.

Я в а V.

Тижъ и Остапъ, та други бунтари.

(Зъ усихъ бокивъ тыхо зъявляються ризни люде—и молоди, й стари; бильше мищане, прости люде, де-не-де видко й козакивъ).

Степанъ. Що, вси зибралысь, братове?

Голосы. Все, вси!

Степанъ. И вси свои, вирни? Іуды якого нема?

Голосы *(передни)*. Здається.

Голосы *(дальни)*. А хто ёго зна!

(Десь оддали чуты смихъ).

Степанъ. А вартовыхъ поставлено?

Остапъ. Стоять. Я самъ обходывъ.

Хто-сь *(здалеку)*. Стоять. Ха, ха!! *(Вси переллянулись. Пауза)*.

Степанъ. Ну, братове, вы видаете, чого мы зибралысь? Останній скрутъ: знемогае народъ въ тяжкій пради, затыгло рабське ярмо ваши шыи, пидъ кормыгою гине отчызна!

Голосы. Гыне!

(Луна смутно: „гыне“. Сова десь загоготала. Вси здригнулись).

Степанъ. Напастныкъ въ насъ пограбувавъ цилкомъ Добро, права, вси вольности и працю;

Запригъ въ ярмо, якъ быдло, и дере
 Зъ рабивъ своихъ никчемныхъ по три шкуры...
 И то не все: ще душу видбера,
 Напа́стуете, щобъ мы зреклъсь родыны,
 Мынулого всеславного, батькивъ
 Могылъ честныхъ, и предкивськой виры;
 Гвалтуе вразъ, щобъ зацуралы мы
 И мову, й ридь, звичай й обыча́и,
 Щобъ стали вси безправнымы, якъ псы,
 Й пошлыся въ ворожу, хыжу шкуру.

Селяне (*большына*). Такъ, правда: скрызъ напасть, сваволя,
 гвалтъ!

Мищане (*меньшина*). Охъ, тилкы якъ поборышь оту сылу?

Остапъ. Проты ножа пидняты треба нижъ!

Козакы. Нижъ! нижъ! Ого!

Селяне (*одни*). На нижъ пакъ треба й сылы,
 Бо вырбуть зъ рукъ...

Селяне (*други*). Та насъ и полоснутъ!

Селяне (*трети*). А де и ты визьмешъ?

Мищане (*одни*). Яку горстку
 Роздавлють вразъ, а хмары не зберешъ...

Мищане (*други*). Писля такыхъ-отъ жартивъ и збывалы
 Въ кинець права...

Луна (*здалека*). „Въ кинець! Въ кинець! Въ кинець!“

Остапъ. Про те то й ричъ, що мы робылы опиръ
 Загонами малымы—тамъ, та сямъ,
 А не збывалы ихъ въ вельку сылу!

Козакы. Намъ треба всимъ злучытысь у одно!

(*Сова зъ лису*): „Го—го“!

Селяне. Згромадытысь... такъ, такъ!

Мищане. А може-бъ тее...

Имъ понустыть тамъ що-не-що... и тымъ
 У ворога щось выторгувать...

Степанъ (*сплеснувъ руками*). Боже!

Та чымъ же намъ ще поступытысь, чымъ?

Здається вже усімъ мы поступились:

И батькивське насліддя виддали,

И зѣмли въ насъ одибрани панамы,

И надбане моголямы добро,

И вильности, и сыла наша, й праця,—

Такъ чымъ же ще вклонитися чоломъ?

Виддаты дитей собакамъ на поталу?

Чи пхнутъ жинокъ и сѣстеръ псамъ на глумъ?

Чи вырваты на пѣквилъ имъ и душу?

Та хочъ бы й все на ласку виддали,

Хочъ-бы лягли й кисткамы имъ пидъ ноги,

Надъ немищнымъ не змылується кать:

Лышь сылою видбыты можно волю,

Прыдбать права, завоювать буття...

Такъ скрызъ велось и буде такъ до выку!

Голосы (спочатку поодиночки, а дали гуртомъ)!...

Такъ! Правда! Такъ!... Дрючкомъ лышь одъ

вовкивъ...

Лежачого й татары бьютъ... Всимъ встаты!!

(Кинъ темнища, чуты виддали глухый гур-

китъ грому).

Степанъ.

Суть, братіе, загалъни нужды всимъ—

И людови, й невольчому звірю,—

Потребы то и шкуры, и вутра:

Не мыли всимъ и канчуку, й неволя,

И холодъ злый, и голодъ, и вогонь,

Та на кативъ тяжка, невпынна праця...

Те чье всякъ и пидъяремный виль;

А суть права ще выщи за ти нужды—

Права души—даръ Божый всихъ людей

И кожного ще племени надання,—

То якъ-же намъ души не боронить,

Колы у ій едныи образъ Божій?

Збруднить ёго—то значить звіремъ стать,

Ни, гирше ще... того-то й прагне ворогъ!

- Гуртъ. Не будь цѣму! Души не продамо!
Поляжемо киствамы за святыню!
- Де-хто зъ мищанъ.* Поляжемо, а не добудемъ правъ,
Бо въ ворога не переможни сылы!
- Селяне (*бильшына*). Вамъ страшно, а? Запроданци лыхи!
Вы за жывить, за ласоци—до зрады?
Якъ гынуты, то гынуты гуртомъ!
- Остапъ. Або добуть права соби и волю,
Або всимъ смерть!
- Степанъ. Ганеба гиршъ за все!
Яке життя—пидъ канчукомъ, въ кормызи?
- Гуртъ. Всимъ за ножи! Степанъ за ватажка.
- Вси. Степанъ! Степанъ!! (*Щось завыло*).
(*Блыскавка. Гримъ. По лису пролунавъ режитъ*).
- Степанъ. Клянусь, браты, що ни скарбы численни,
Ни любощивъ ненасытымый палъ,
А ни прыхылъ до кривныхъ и до друзивъ,
А ни погрозъ, ни мукъ смертельныхъ жахъ
Мене зъ шляху думокъ моихъ не звернуть
И зрадою души не забруднятъ!
- (Клянусь виддаты усе жыття за благо
Окрьвдженыхъ и зныщеныхъ людей!
- Вси. Степанови во вики слава, слава!
- Степанъ. Кляниться й вы!
- Вси (*выймають ножи*). На гострыхъ сыхъ ножахъ!
Або намъ смерть, або загагневорогъ!
Хай зраднику нижь горло перетне!
Вси клянемось!
- Степанъ (*выймае нижь*). За волю, за слободу!
(*Страшный выбухъ грому, блыскавыця. Вси жахнулись*).
- Голосы (*зъ лису*). Нась обійшлы: рягуйся, хто здолае!
(*Вси кынулись, зныклы. Степанъ зъ Тасею тежъ билы за всима;
але скели й дерева заступають имъ выхидъ. Ихъ распачлыви
рухы. Теминь страшна; тилькы рижуть ии блыскавыци, та
чорна печера починае свитытысь*).

Степанъ. У пастци! А! Насъ злапають!
 Тася. Байдуже!
 Укуни вдовохъ вмираты охвитнишь!
 Степанъ. Дай руку!
 Тася. Ось! И на жыття, й на страту!

(Страшенный гримъ, блискавця; зъ глыбыни пещери выбуха полумья, и въ ёму зъявляется якесь страшыдло).

Ява IV.

(Музыка проводыть появу страшыдла: за нымъ спива хоръ басивъ, мовъ бы вые страшыдло).

Страшыдло. Я—злото;
 Вся цнота
 У давони моимъ;
 И волю,
 И долю,
 И миць куцлю нымъ!

—
 Я—сыла,
 Могыла
 И воли, й жыття;
 Едыный
 Людыни
 Законъ на буття!

—
 Я—влада;
 Все пада
 Владарству до нигъ;
 Клейноты
 Мицноты—
 Ярмо та батигъ!

—
 Все ваши
 Натхнення

Й добуткы наукъ
 Мени—на змицнення,
 А вамъ—за-для мужъ!

(Гримъ — и все зныкло; зновъ муръ и двери. Останній куплетъ спивается ще разъ и по зныкненню картыны).

Ява ХП.

Братковський самъ.

Братковський. А, що се? Сонъ? Чи на яву все бачывъ?
 Мынуде зновъ вернулось?.. Ни, тюрма...
 И ничъ, и тьма... и генъ совыне око...
 Охъ, и явй-же лыховистный сонъ!
 Страшыдло! Бррр!! Князь свиту—темна сыла
 И все троцтыть... Невже-жь знаття и свить
 Невже любовь, братерське поеднання
 Не перетнуть ту сылу нависну,
 Що гвалтомъ свризъ гнитыть и волю, й ро-
 зумъ,

Грабуючы въ тружденныхъ щастя?... Ни,
 Не може быть, не може того статысь!
 Есть правда тамъ! (на небо)! Творцеви
 врю я!

Господь сей свить створывъ не на знущання,
 Не на корысть зажерлывыхъ кативъ,—
 А на добро, на щастя всёму люду...
 Колысь же Ты бездолицывъ захыстышь
 И выметешъ озвирену мерзоту,—
 Приде бо и царствіе Твое!

(Замся богобысвы, мійно).

Ахъ, и вона, моя зоря едина,
 Мовъ тутъ була; немовъ бы ще луна
 Мижъ сыхъ муривъ іи сриблыстый голосъ,
 Мовъ чую ще стысь теплои руки.—
 Ой, тутъ ты, тутъ! И равкомъ я побачу

*Врн. му гр.
 (рмтв-рмтв)*

Тебе, мою незривняну красу...
 Якъ по тоби я занудивсь пекельно!
 Колыбь ся ничь пролынула мерщій!

Ява 8.

Братковський, ксёнзъ и сторожъ.

(Сторожъ входить зъ свичкою, ставыть иѣ на стилз; за нымъ ксёнзъ.)

Сторожъ (на бикъ). Нещасный, охъ! (пишовъ за двери)
 Ксёнзъ. Благословення й мыръ!

Чувдешь все? Не спышь?

Братковський. Велебный ксёнже,
 Чымъ заслужывь...

Ксёнзъ. Що я сюды прийшовъ?

Тымъ, що и ты, нещасный вязень...

Братковський. Але

И жь вамъ схызмать?

Ксёнзъ. Передь святымъ Отцемъ

Вси ривни мы—и вирни, и заблудли.

Братковський. Такъ я-жь себе й заблудлымъ не личу,

И его-мосць даремне часъ прогаить,

Колы мене задума навертать

На праведну великопанську виру.

Ксёнзъ. Я знаю, ты освиченыхъ думокъ

И Соція науку поважаешь:

Вона-жь жене ненятлий фанатыямъ,

А лагоду провадыть мижь народивь...

Братковський. Такъ, нашъ псаломъ—вси виру поважать,

Не запрягать въ ярмо души жывои,

Не гвалтувать надь розумомъ чужымъ,

Не выщыты у люду ёго воли

И не творыть зъ бративъ соби рабивь...

Ксёнзъ. Що-жь, сыну мій, колы вси виру цынышь,

То ту приймы, яка сыльнишь за вси,

Яка тебе зрятує видъ напасты
 И владу дасть творыты всимъ добро,
 Выховувать свои пытыми мріи,
 Кохатыся въ улюбленій сямьи,
 Радиты, жыть...

Братковськый.

Слокушуешъ, панъ-отче...

Латынство йде проты моихъ засадъ,
 И зроду ихъ провадыть не попустыть;
 Але чымъ бильшъ прынады наддасы,
 Тымъ бильшъ вона въ души огыду зирве;
 Якъ у чужыхъ шаную я думкы,
 Такъ и свои шаную непохыбно:

Не торгувавъ я нымы й не продамъ
 Своихъ святыхъ за жодни блага въ свити!

Ксѣнзъ.

Не продажъ то, колы за-для другыхъ
 Малызною поступышся, мій друже!
 У боротьби зъ напасныкомъ не честь,
 А розумъ всимъ веруе...

Братковськый.

Розумію:

Для друзивъ все—и сердце, и жыття!
 Для другихъ я виддамъ себе въ охвиру,—
 Для себе-жъ—ни, не поступлюсь на кровь!

Ксѣнзъ.

Стій, выслухай мою пораду, сыне.

Я знавъ тебе равнше и циню
 Въ твоій души доброты незличыми;

Ты вируешъ у правду пресвяту,

А правдою самою не посунешъ

Мижъ кривдою у панстви гвалту й лжи,—
 Боротысь зъ зломъ тра хытро, мудро, потай,
 Не гребаты середкомъ ніякымъ,

Абы меты своеи досягнуты:

Въ тымъ розумъ есть звтыагы въ боротьби!

Я кателыкъ и зверху—рабъ покирвый,

Але тии деспотии не чту:

Я прагнувъ бы що-бильше правъ и воли

Для розуму, для серця, для души;
 Проте крычать по стогныщахъ не стану,
 Бо и мене, й думкы мои урядъ
 Задавить вразъ,—ёго ще перевага!
 Я вирнымъ лышь признаюсь крадькома,
 Щобъ шырыты мои думкы по-тыху...
 Ты галасъ зная зарано, сыну мій,
 И хыбу ту тоби поправыть треба.

(Пауза).

Хочъ и пославъ мене сюды урядъ,
 Але прыйшовъ я зъ шырымъ, теплымъ
 сердцемъ,
 Клянуса всимъ,—хочъ вирь, а хочъ не
 вирь!

Не для себе поступыся, для другихъ:

✓ (Безъ настыря жъ погнучь вивци вси...
 Себе зрятуй, то тымъ и ихъ зрятуешь!

Братковськый. Для чого-жъ имъ той зрадникъ? Ище гиршъ
 Розпудытся зневажена громада,
 Якъ гетьманъ самъ збрудныть, злама свій
 стягъ.

Але скажы, по правди, отче любый:

✓ (За зраду лышь мени дають жыття,
 За вирнисть-же мене жде смерть?

Ксёнзъ.

Не знаю...

Воны лыбонь тебе пустыты хтять,
 Але на ихъ я не звиряюсь слово,
 Бо въ боротьби сливъ гонору нема,
 А есть одна омана й ошуканство.
 Тутъ—хто кого? Одна мета у всіхъ—
 Протывця вбыть и роздавить пятою!
 Тоби хотять пожаловать жыття,
 Щобъ ласкою тебе цалкомъ купыты,
 Вважаючы, що ты лышень одынь
 Поспольштво вразъ здолаешъ угнобыты:

Я певень въ тимъ, що за тобою вслидъ
Товарышивъ всіхъ выпустять на волю;
Урядъ бажа схилить васъ на свій бикъ,
А не карать на голову, бо страта
Часамы ще пидбурюе думкы...
А виру ты... на часъ...

Братковськый. Велебный всёнже,

Прорикъ еси ты правду пресвяту,
Що кара, смерть пидбурюе повстання.

Ксёнзъ.

Але й зныща найбраци силы тежъ.
Зъ тобою я отвертый, любый сыну,
И лышь любовь та лагідный прыхылъ
Прымусылы мене питы до тебе...
Не въ вири ричъ: для влады байдуже,
Явнымъ хрестомъ ты славышь своего Бога;
Для ней лышь покора дорога,
Вона цинить твое слухьянство...

Братковськый.

Мало:

Вона бажа прынызыты мене,
Зламать въ-нивецъ мой переконання,
Оганьбыты велычній нашъ псаломъ,
Оплямыты, на очи, нашу правду!

Ксёнзъ.

Але за те—жыття и пильга всімъ,
А цымъ добромъ зкорыстуваты можно...
Я бъ видплатывъ ветъ-за-ветъ влады тій:
Колы вона прымусомъ вымагае,—
Шймавъ бы я на гакъ іи саму...

Братковськый. И ты-бъ мени, найпревелебный отче,
Порадывъ що?

Ксёнзъ.

Прыкнутысь, а цотимъ ...вильный шляхъ.

Братковськый (зъ *ухмылкою*). Прыкнутысь? Це й сторожъ
мени радывъ...

Ксёнзъ.

Воны тсби все, все дадутъ,—клянусь!
Подумай! Этъ, абы зъ тюрьмы за двери!
Чекае тамъ подружжя дороге

Зъ малымъ сынкомъ... По вари—й имъ
покута...

Братковськый. Жона! Дытя!... Зновъ запеклося тутъ!

(Вхопывся за серце, вставъ и почавъ ходыты).

Якъ боляче... якъ шкода серцю любыхъ!

Що станеться безъ мене зъ ными! Охъ,

Въ моихъ рукахъ и мій, и ихъ рятунокъ...

(Зупыняється збоку). Якъ порыва прывабами жыття!..

(Ламае руки). Видъ полумья у мене сохне мозокъ...

И вяне миць.

(Пауза. Выдко страждання. Осмилювся и пидходить швидко до ксѣнза).

Ни, краще нагла смерть,

А нижъ жыття, зганоблене шельмовствомъ:

/ Я радощивъ безчестямъ не куплю!

\ Неправдою не оборонышь правды,

Оманою тилько послужишь лжи,

А лжа—есть князь ненавысты и гвалту,

Якый весь людъ опригъ въ тяжке ярмо,

Кайданамы скувавъ и руки, й розумъ,

И вильный духъ прынызывъ...

Ксѣнзъ.

Сыну мій!

Ясна душа у тебе й серце чысте;

Святый вогонь любви гріе ихъ,—

Высоке то надання Бога славы...

Побережы жъ посудыну драгу,

Въ якій лежать Предвичнёго клейноты.

О, ворогы, ненатли и слици,

Воны ии не пошавують!

Братковськый.

Отче!

/ За правду смерть—се правды торжество,

Святыхъ думокъ надъ темнистью звытяга!

Ксѣнзъ.

О, сыну мій! Ты перемигъ мене,

Твоій души вельчній я вклоняюсь...

Лукавыты не можу: такъ, Борець

За гришний мырь, Навчитель найсвятишый,
Понись на хрестъ, за насъ, свою любовь!
Братковськый. Твои слова мастять елеемъ раны
И сердце се воложутъ...

Ксензь (палко). Ни, не вмрешъ!
Иду благать... Надіюся на Бога!
Ты все святе порушывъ въ серци симъ....
Якъ жаль тебе!.. Якъ я.. моя дитыно,
Тебе люблю!.. Повирь,—бажавъ добра!..

Братковськый. О, вирю я! (*Кыдається, цилуе ёму руку*).
Ксензь (обнима). Мій друже, мій коханий!

За тебе хай заступытся Господь
И рызою небесною окрые!
Охъ, що за миць—незмиряна любовь!
Колы-бъ вона опанувала мыромъ,
То виры вси собою бъ поняла
Й посіяла бъ на цилимъ свити щастя...
Благословы жъ бездольця, Всеблагый!
(*Вязень стае на-вколинкы*).

Скрепы ёму и сердце, й волю; душу-жъ
Прыймы въ свои осельща ясни!
Мужайсь,—иду... и вызволю... Сподійся!

Братковськый (обнима). Мій батьку... мій едыный..
Ксензь (*зрушений до слизъ, показуе на небо*) Богъ едынь! (*вы-
ходить*).

(*Сторожъ бере свичку и хутко зачыня двери*).

Я в а 9.

Братковськый самъ.

Братковськый (*по паузи*). Кинець всёму: вже вороття немає,
Що сужено, те й збудеться... Я радъ,
Що перемигъ себе й палку спокусу...
Ахъ, дали все!.. (*пауза*). Жде кара й смерть...
Нехай!

Лукавлять ти, що волю обіцяють...
*(Пройшовся, хытаючыся, і сівз коло столу,
 де й склянка зь выномъ)*

Мовъ сылу хто у мене одибравъ
 И голова, мовъ тумандмъ, повыта...
 А! Ось выно... Допью и підкреплюсь,
 Та ляжу ще, щобъ ничъ сю перебуты..
(Ляга) Ахъ, ксёнзъ якый... про волю мою
 дба...

Такихъ ксёнзівъ не бачывъ... Я спокійно
 На ёго здамсь... Охъ, ноги, руки й все
 Мовъ ольвомъ нальте... Годи-жь, годи
 Бентежытысь... абы ця ничъ пройшла,
 А доля ще намъ поспрія.. Я певень...

(Тыхо засыпа. Пчынаеця провідна музыка).

Я в а 10.

*(Знову зьявляюцца на тюремній стині хмары; стина пидъ вымы
 зныка и замистъ неи выныка друга картына: небалата, але чыста
 кимната, мовъ спалья; лижко, коло ёю колыска, багато кныжоць,
 жиночи роботы; все охайлыво, прывитно вбрато).*

Пани Тася сама.

Тася маты *(що була вь першій картыні панною, кольше
 свою дытыну й спива).*

Люли, люли, люли!
 Спы, мій сынку любый,
 Пока немавъ згубы,
 Пока лыха не зазнавъ
 И бездольцивъ не вбачавъ!
 Люли, люли, дытыно!
 Моя зирко едыно!
 Пройдутъ хутко дни ясни
 У рожевимъ тихимъ снѣ
 И настануть нудни,
 Повни пради будни;

Станешъ, сынку, пидростать—
 Будешъ долю прокльвать...
 Люли, люли, дытыно,
 Моя зирко едыно!
 Якъ зростешъ, мій сыну,
 Полюбы Вкраину,
 | Быйся за голоту,
 | Що несе скорботу:
 | Поки пекло скрызъ, не дбай
 | Про свій власный, тыхый рай!
 Люли, люли, дытыно,
 Моя зирко едыно!

Я в а 11.

Ти-жъ и Степанъ.

Степанъ (*входить*). Голубонько, воркота моя тыха!
 Втомывся я: все квапывсь покиччуть,
 (обнима *ii*) Щобъ тутъ уже, въ раю своимъ спочыты...
 Тася (*обнима*). Ты трудышся надъ миру, любый мій,
 Тра обачнишъ: надирвешъ швыдко сылы.
 (*Лащытса*).
 Степанъ. Ще молоди, хай постаткуютъ...
 Тася. Ой,
 А якъ впадуть, то льхо насъ осяде...
 Степанъ. Хай спыть воно, до насъ не зазыра,
 Побы въ мойй господи сые сонце...
 А що сынокъ?
 Тася. Всмихається уже,—
 Лыбонь ёму райськи садочкы снятся,
 Степанъ. Всмихається? Э, знаты вже юнак!...
 Дай, я визьму на руки... (*До колыскы*)
 Тася (*попереза*) Жаль, розбудышь...
 Не выспалось; хай краще спочыва,
 Та набера красы, здоровья, сылы...

Степанъ. Нехай, нехай; я полюбую й такъ. (*Зазыра*)
Любесенькый!.. Ой, трудно утрыматись,—
Не чмокнуты въ рожеви вустонькы,
Не ущыпнуть пампушечокъ биленькыхъ,
Не погойдать...

Тася (*цилуе Степана*). Коханий, любый мій!
А прыдывысь,—та тожь твое *облыча*:
И нись такый, и бровы, й вустонькы,
И весь окладъ... та навить и ухмылка
Твоя, твоя! Я тымъ ёго люблю
Ще запальнишь; бо якъ тебе немає,
То на свое дывлюся немовля,
И въ рысахъ тыхъ вбачаю ёго батька,
Едыную дружыноньку мою! (*Обнима*).

Степанъ. Едынее ты щастя!

Тася (*похопывшысь*). Добре щастя!
Базикаю, а въ думку й не визьму,
Що чоловікъ спрацёваний, голодный,—
Вечераты-бъ...

Степанъ. Та не турбуйсь: мени
Не хочеться и йисты,—все бъ дывывся
На васъ обохъ...

Тася (*порається*). Ха, ха! Обрыдлы-бъ такъ!...
Ты не вважай, що я-бъ-то не хазяйка:
У мене все готово,—я сама
Вже пораюсь безъ наймычокъ и служокъ.—
Ты тымъ здывуй...

Степанъ (*скыда жупанъ*). О, сердце дороге!

Але на жаль змозолышь рученята...

Тася. Ни, не на жаль: такъ треба, бо ними
Безъ дилъ слова; а мы повинни зъ людомъ
Зривнятыся у праці... Прыкладъ той
Пидниме насъ и нашу думку братства
Пошырыть вразъ...

Степанъ.

Голивко золота!

Дывуюся й велоняюсь твоій сыли:

Перемогла й надання родове!

Тася.

Ой не хвалы, ще перехвалышь...

Степанъ.

Зроду!

Тася (*жартливо*). А все-жь такы ты гребаешь... Не ймешь

Моимъ рукамъ, смаку моему виры...

А я и медъ зварыла...

Степанъ.

Ну, давай,

Скуштуемо!...

Тася (*подае на таци*). Тилькы не грымай дуже,

Колы не въ ладь!

Степанъ (*сміється*).

Я невпросымый...

Тася

(*налива въ кубокъ*).

Ой?!

Ну, пый... Купштуй! (*Ставить кубокъ*).Степанъ (*пье*).

Чудовый! Нектаръ зъ неба!

Зъ тобою—рай!

Тася (*весело*).

Якъ рада я!

Степанъ.

А я,

Не знаю й якъ! Безъ миру! (*Раптомъ об-
нима жинку*).

Тася.

Ой, по-малу,

Ажь налякавъ! (*Цилуе его*). Ось и тоби-жь!(*пидлива*). Ну-жь, пый!Намъ Богъ пославъ таке надмирне щастя,
Що ажь боюсь...

Степанъ.

Не зламлется!

Тася (*любуе на его*). (*Пауза*). А справа наша якъ?

Степанъ.

Росте, росте й перемагае теминь.

Прокынулась гордота у рабивъ:

Хай намъ Палій подасть лышь гасло—разомъ

Мы почнемо святую боротьбу.

Тася.

Колы-бъ своришь!

Степанъ.

Ще зачекаты треба,

Поки на свить розвднхтсь.

- Т а с я. Хиба-жъ
 Напастныкы дадутъ джидатысь дныны?
 Степанъ. Э, сплять воны, вважаючи всіхъ насъ
 За немошпе, якесь мизерне быдло...
 Я маю вже палкыхъ товаришивъ,
 Яки думкы громады расповсюдятъ
 И сылы всимъ бездоляцямъ насталятъ.
- Т а с я. О, ты всёму и голова и сердце,
 Моя пыхо, моя гордото! Якъ
 Тебе люблю, кохаю и молюся
 Твой святій, проясненній души!
- Степанъ (*обнима*). Ты—мій клейнотъ, твоя пидмога—сыла!
- Т а с я. Трывай, лыбонь прокынулось дытя. (*Пидбига*).
- Степанъ (*за нею*). Сміється? Гей, сюды давай хлопчыну!...
 Посадимо на ногу верхы...
- Т а с я (*нахмылась надъ колыскою*). Стій!
 Впорядимось... О, потягуси-гуси!

Я в а 12.

Ти жъ и Остапъ.

- Остапъ (*вбига*). Тамъ гвалтъ вчынывся; накрылы вже виль-
кохъ...
 Все ждуть тебе... твоеи хочуть рады:
 Чи уткаться, ховаться по куткахъ,
 Чи выступать проты кативъ?
- Степанъ (*стоитъ хвилыну, остовпившы*). Якъ зразу
 Затемрився мій ясный день; знялась
 Негадано розсатанила буря
 И все знесе!
- Остапъ. Такъ краще почекать,—
 Не побороть намъ ворога тепера!
- Степанъ. А тыхъ, що вже узято до тюрмы,
 Лышты тамъ на згубу?
- Остапъ. Що-жъ мы вчынымъ?

- Степанъ. А справу якъ? Втоптаты у багно?
 Остапъ. На часъ... покы своихъ и семья...
 Степанъ (пылко). Сбромъ
 \ Про себе дбать, колы бративъ-борцивъ
 На терезы положена вже доля!
 Т а с я. Такъ, мылий мій! Не буде щастя намъ,
 Колы нашъ братъ конатыме въ неволи...
 Ты всякъ будывъ, такъ будь-же на чолі:
 Иды туды, куды повиннисть клыче!
 Степанъ. Въ твоихъ очахъ горыть огонь святой,
 Въ твоихъ устахъ пророче слово чую...
 Иду! Прощай!... Але якъ вы сами
 Зостанетесь середъ лыхой бури?
 Холоне кровъ... и сердце замира...
 Хто захыстыть?
 Т а с я. Той, хто керуе свитомъ!
 Ему дытя я доручу свое,
 Сама-жъ пиду, зъ тобою поплить стану...
 Степанъ. Едыная!
 Остапъ. Орлице наша!
 Степанъ. Ты
 Росправыла крыло мени; зновъ чую
 Одвагу й миць...
 Т а с я. На Бога уповай
 И не тужы за нами: вси тепера
 Одна симья, зневажена симья!
 Остапъ. Сюды идуть... Я чую брязкитъ шабель...
 То ворогы!
 Степанъ. Впередъ! не подавайсь!..

(Зразу темрява; картина зныка, музыка, що трошки ранилиъ почалась, проводить тривогу, бій барабана, вальтъ, и лементъ, а дами проводить, въ тымъ-же настрои, монологъ Степана; а винъ уже устылъ непримитно ляты зновъ на лижко).

Я в а 13.

Братковський самъ.

Братковський (схоплюється з лижка, не прокидаючись, а ніби в забутти, в кошмарі). Держи!... Тримай двері!.. Ламають... Ой, упали!.. Стійте! (Кыдається по хати). Тамъ дятя!... Гей собаки, бузувиры! На одного?... Іи-жъ за що?... На Бога! Не руште!... Мене... я выненъ... Ай! За косу тягнуть!... Про-бв!.. Объ одвирокъ голова іи вдарылась... Звири.. Кровь... несла... Охъ, ' смерть! (При кинци монолога, натыкається на лижко, пада головою уже до актёривъ и стогне; потимъ помалу затыха; музыка тежъ з бурной переходить в небесну гармонію и проводить монологъ матери Степана до появи коменданта).

Я в а 14.

(Зъявляється ніби на хмарахъ п'остать матери възня. Вона сходить з хмаръ и наблыжається до сына, кладе ему руку на чоло и промовля нидъ музыку).

М а т и р ь.

Наставъ твій часъ, мій сыну дорогой,
И разомъ ты забудешъ уси муки;
Натерпився до 'станнѣи снагы
И натрудывъ свои мозольни руки...
Такъ одпочынь, голивку прыхылы
До матери незрадывого лона:
Тоби воно и тамъ буде заслона,
Де Богови складаются хвалы...
Засны-жъ, засны, позбудься того лыха,
Прысплю тебе и прыголублю зтыха.

—

Не нарикай, що ламлется життя,
Що мало втихъ заживъ на цѣму свити,—
Ты выпьешъ кившъ завчасный забуття,
Не сплямывши ясного щастя й мыти.
Не нарикай, що марно твои дни

Яскравою стягою промайнулы:

Твоя любовъ розбуркала знебулыхъ,
А смерть твоя скрепыть ряды рясни,
Й замае стягъ братерства, правды, воли...
Засны-жь, спочынь,—ты потрудывсь доволи.

(Хмары розходяться и уявляється райська, чудова глыбинь).

Дытя мое, коханий раю мій!
Все, що здолавъ, ты учынивъ, мій сыну;
Тебе я въ край надзоряный, ясный
На хмарахъ цыхъ звесу до одпочыну...
Звидтиль, зъ ясныхъ незмиряныхъ глыбинь
На землю мы зоритымець що-хвыли,
Болитымець за нашихъ друзивъ мылыхъ,
Благатымець и щастя, й доли имъ...
Засны-жь, спочынь на матеренимъ лони,—
Настраждавсь ты въ братерній оборони!

*(Барабанъ—и все зныка; зновъ тюремна стина. У викно ранъше
ще свитало, а теперъ занявъ перший проминь).*

Я в а 15.

Ти-жь и комендантз, ксёнзз, сторожз та два вартовыхз.

Сторожъ *(увійшовъ)*. Спыть тыхо якъ! *(Одвертається зъ
плачемъ)*.

*(Комендантз зупынивсь неришуче; два вартовыхз стали на дверихз; за дверыма дали выдко двоохз кативз. Раптовый гримз ба-
рабанивз).*

Братковсьый *(схоплюється)*. Що се? Зоря и ранокъ?!

Ксёнзз. Мужайся! *(показуе на небо)*. Тамъ есть
мылосердный судъ,

А тутъ лыхыхъ не ублагашь, сыну!

Комендантз. Готовсь! Прощайсь! Каты ждуть...

Братковський *(прытыскуе святе пысьмо до лона)*. Боже
мій! *(скамьянивз)*.

*(Въ двери зъ немудьскымъ лементомъ врывається п. Тася и прыпада
до нигъ вязня).*

(З а в и с а).

М. Старицый.

Харьковскій университетъ въ первые годы своего существованія.

(Проф. Д. И. Багалъй. Опытъ исторіи Харьковскаго университета. По неизданнымъ матеріаламъ. Томъ 1. 1802—1815 г. Харьковъ. 1893—1898).

(Окончаніе *).

Положеніе профессоровъ въ чиновничьей іерархіи начала XIX ст. было почетное. Хотя ихъ и не баловали чинами и орденами—даже ректоры Харьковскаго университета того времени не шли дальше статскаго совѣтника и кавалера Анны 2-ой степ.,—но нужно принять во вниманіе, что чины и ордена цѣнились тогда гораздо болѣе, чѣмъ теперь, а профессора сразу получали довольно большой чинъ. Широкая внутренняя автономія, право суда надъ членами университета, цензура книгъ, управленіе училищами и особенно право раздачи ученыхъ степеней, связанныхъ съ чинами,—все это возвышало профессорскую коллегію въ глазахъ прочаго чиновнаго люда. Матеріальное положеніе профессоровъ въ началѣ столѣтія также вызывало зависть. Оклады ординарнаго профессора (2000 р. ас. въ годъ) и даже адъюнкта (800 р. ас.) казались огромными людямъ, привыкшимъ къ ничтожнымъ жалованьямъ. Пенсіи давались во многихъ случаяхъ даже легче, чѣмъ теперь. Наконецъ профессора получали и добавочныя жалованья за исправленіе различныхъ

*) См. Кіевск. Стар., июль.

должностей при университетѣ и вознагражденіе за командировки. Статьями дохода были для профессоровъ также частные уроки и содержаніе пансіонеровъ, а для медиковъ и врачебная практика, которая, повидимому, оплачивалась недурно, по крайней мѣрѣ проф. Пильгеръ за поѣздку въ деревню, что требовало два дня, желалъ получить 50 р., деньги по тому времени не малыя. Необходимо еще прибавить, что жилища профессоровъ были свободны отъ военнаго постоя, а этотъ постоя тяжелымъ бременемъ ложился на всѣхъ харьковскихъ обывателей.

Но матеріальное благосостояніе профессоровъ сильно пошатнулось, когда, вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, упалъ курсъ русскихъ ассигнацій. Въ 1810 г. харьковскіе профессора подали даже на Высочайшее имя прошеніе, въ которомъ писали, что мѣстные предметы потребленія утроились въ цѣнѣ, а цѣны на иностранные товары даже учетверились и унятерились за послѣдніе 4 года, притомъ надо было еще платить за размѣнъ ассигнацій на мѣдную монету, — и такимъ образомъ они получали собственно $\frac{1}{4}$ прежняго жалованья. Попечитель поддерживалъ ходатайство профессоровъ объ улучшеніи ихъ матеріальнаго положенія, но министръ, какъ кажется, не далъ ихъ прошенію дальнѣйшаго хода и отвѣчалъ, что „въ семь случаевъ находятся они въ одинаковомъ положеніи со всѣми вообще чиновниками въ государствѣ, имѣющими содержаніе свое изъ получаемого ими жалованья, что несправедливо было бы прибавить жалованье однимъ профессорамъ и адъюнктамъ, имѣющимъ несравненно высшіе предъ прочими чиновниками оклады, и оставить сихъ послѣднихъ при прежнемъ жалованьѣ, что теперь меньше чѣмъ когда либо находится возможность сдѣлать просителямъ отъ казны пособіе и что хозяйственная при университетѣ сумма, имѣя свое предназначеніе, не можетъ быть для сего употреблена. Впрочемъ, при мѣрахъ, правительствомъ принимаемыхъ, можно надѣяться, что временное пониженіе курса на ассигнаціи вскорѣ переѣмнится“.

Положеніе профессоровъ было тѣмъ тяжелѣе, что почти всѣ они жили только жалованьемъ. Для пополненія бюджета

пришлось обратиться къ стороннимъ источникамъ. Иные стали даже прибѣгать къ незаконнымъ способамъ добыванія денегъ. Въ это время развилось среди харьковскихъ профессоровъ взяточничество и стала процвѣтать торговля дипломами.

Почтенный историкъ Харьковского университета заботливо собралъ скудныя данныя, которыя могутъ обрисовать бытъ профессоровъ того времени. Особенно мало свѣдѣній объ обстановкѣ русскихъ профессоровъ. Только воспоминанія сына проф. Успенскаго рисуютъ картину домашней жизни этого ученаго. Жизнь эта была очень монотонной, что объясняется отчасти характеромъ Успенскаго, отчасти его несчастливо сложившейся семейной жизнью. Бѣднякъ, съ молодыхъ лѣтъ испытавшій житейскія невзгоды, онъ, еще будучи учителемъ, женился на вдовѣ изъ купеческаго сословія, не принесшей ему никакого состоянія, да еще имѣвшей дѣтей отъ перваго брака. Потомъ семья все увеличивалась. Съ полученіемъ профессуры матеріальное положеніе Успенскаго улучшилось: онъ успѣлъ обзавестись въ Харьковѣ домикомъ и даже расширилъ его, но „безпрерывная припадочная болѣзнь жены, доводившая ее до большихъ странностей и доведшая наконецъ до отчужденія отъ семейства“, дѣлала жизнь Успенскаго очень нерадостной. Большая семья требовала и большіхъ заработковъ. Успенскій долженъ былъ брать на себя обязанность то синдика, то декана, то инспектора студентовъ. По этимъ должностямъ Успенскій часто долженъ былъ отлучаться изъ дому. Дома же большую часть времени онъ проводилъ въ кабинетѣ за занятіями. При такихъ условіяхъ Успенскому было, конечно, не до развлеченій. „Не помню“, говорить его сынъ, „чтобы хотя однажды кто обѣдалъ у насъ изъ постороннихъ; даже наши квартиранты имѣли свой собственный столъ, помѣщаясь особо во флигелѣ. Къ вечернему чаю изрѣдка бывалъ кто нибудь изъ корифеевъ харьковской науки; элегическое настроеніе ихъ бесѣдъ гармонировало нашему духу. Одинъ только профессоръ Д. С. Борзенковъ своею вѣчною веселостью освѣжалъ иногда нашу печальную обитель и вызывалъ принужденную улыбку на лицо отца. Но и эта непривычная улыбка

на лицѣ страдальца, походила болѣе на болѣзненную гримасу. Самъ же отецъ мой, кажется, ни къ кому въ гости не ѣздилъ, и только два-три раза въ годъ не обѣдывалъ дома“. Мучительная болѣзнь (геморой) дѣлала жизнь Успенскаго еще болѣе тяжелою. Усилившаяся дороговизна заставила и его удѣлять значительную часть времени приватнымъ урокамъ. Удивительно, какъ при такой обстановкѣ могъ еще Успенскій разрабатывать научные вопросы.

Кабинетную уединенную жизнь велъ и другой ученый профессоръ изъ русскихъ, Осиповскій. По крайней мѣрѣ о немъ современники рассказывали такой анекдотъ. Длинными осенними и зимними вечерами сидѣлъ онъ обыкновенно въ кабинетѣ за математическими выкладками. Его молодой и красивой женѣ, недавно тогда вышедшей за него замужъ, наскучило сидѣть одной, и она, не долго думая, вошла въ кабинетъ мужа, схватила приготовленные для печати рукописи и бросила ихъ въ огонь.

Не всѣ, конечно, профессора вели такой замкнутый образъ жизни. Даже не мало работавшій Рижскій устраивалъ иногда у себя веселыя вечеринки. А адъютантъ Васильевъ даже оставилъ въ Харьковѣ о себѣ воспоминаніе, какъ о „душѣ общества“.

Гораздо болѣе, чѣмъ о русскихъ профессорахъ, сохранилось данныхъ о жизни въ Харьковѣ профессоровъ-иностранцевъ.

Большимъ оригиналомъ былъ французъ Белленъ-де-Баллю, славившійся своимъ краснорѣчіемъ. По словамъ Роммеля, это былъ „забавный фантазеръ, поэтъ, неутомимый говорунъ, онъ пѣлъ, декламировалъ; въ обществѣ былъ вѣчно любезенъ и вѣчно разсѣянъ; дома страдалъ отъ безтолковаго хозяйства своей супруги, неудачно выбранной въ Парижѣ... Его непринужденность не знала границъ. Съ русскимъ словаремъ въ рукахъ шель онъ на базаръ и своимъ неправильнымъ акцентомъ, двусмысленными, полупонятными словами возбуждалъ смѣхъ торговкъ; сосѣдскую свинью, ворвавшуюся къ нему въ садъ, представилъ онъ на саняхъ въ уголовную палату, какъ очевидную

улику и обратился къ судьямъ съ такой рѣчью: „господа свиньи“ вмѣсто „господа! эта свинья... и пр.“ Розальонъ-Сошальскій разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что „по тучности своей Баллю долженъ былъ всегда ѣздить въ университетъ и это путешествіе совершалось на одной лошадеѣ, зимой запряженной въ санки, которой онъ самъ правилъ. Почти всегда онъ засыпалъ, закутавшись въ шубу. Лошадь шла шагомъ, профессоръ пробуждался, кричалъ: „allons“! и махалъ кнутомъ; лошадь пускалась рысцой, останавливалась вновь, и опять, и опять. Противъ дома Грановскихъ было единственное въ Харьковѣ сборное мѣсто биржевыхъ извозчиковъ, и бывало, коль увидятъ ѣдущаго въ гору шагомъ, дремлющаго Баллю, то хохочутъ, говоря между собою: „вонъ уже опять плетется Алена“!

Интересныя бытовыя подробности сообщаетъ Роммель въ своей автобіографіи, и мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя выписки, касающіяся его самого. „Въ память о покинутой родинѣ, говоритъ онъ, я, по пріѣздѣ въ Харьковъ, вступилъ въ знакомство съ нѣсколькими семействами честныхъ ремесленниковъ иѣмцевъ. Посредникомъ служилъ мнѣ добрый другъ мой, землякъ Шмерфельдъ, женатый на дочери одного механика. Разъ въ недѣлю собирались у меня и весело ужинали. Неженатые профессора составили также клубъ, въ которомъ принимали участіе одни нѣмцы, за исключеніемъ Стойковича и Калькау (обрусѣвшій нѣмецъ). Но скоро украинское гостепрѣимство открыло мнѣ болѣе обширный кругъ знакомыхъ“. Роммель сталъ посѣщать губернатора и мѣстныхъ помѣщиковъ. Супруга тогдашняго губернатора Бахтина была къ нему очень любезна, „съ очаровательной улыбкой поправляла его ошибки въ русскомъ языкѣ и давала дружескій совѣтъ жениться на русской“. И онъ, дѣйствительно, женился на русской молодой дѣвушкѣ. „Еще въ первый годъ моего пріѣзда, разсказываетъ онъ далѣе, судьба привела меня въ общество доктора Кальве, ученика Моцарта, женатаго на богатой русской, въ деревню Водолагу (отъ Харькова верстъ 40), гдѣ жилъ графъ Парма, инспекторъ шелковичныхъ плантацій, зять его шведъ Литандеръ и гостепрѣимное малороссійское семейство Черновыхъ.

Старуха Чернова, богатая вдова майора, дочь русскаго священника и сестра генерала Ковалинскаго, приняла меня съ особенною ласкою. Суевѣрная ханжа, жестокая въ обращеніи съ своими дѣтьми и крестьянами, какъ я впослѣдствіи узналъ, эта женщина любила нѣмцевъ. Изъ четырехъ дочерей она выдала замужъ одну за молодого и разгульнаго русскаго ротмистра; три остальные были дѣвицы. Старшая, уже не молодыхъ лѣтъ, имѣла философское направленіе, съ свѣтлымъ отгѣнкомъ, который заняла она у любимаго своего писателя Виланда; самая младшая, очень веселаго и живого характера, мастерица пѣть украинскія пѣсни, была не старѣе 15 лѣтъ. На одной вечеринкѣ, на которую было приглашено также нѣсколько знатныхъ турокъ (плѣнныхъ), я, танцуя и играя въ фанты, влюбился въ третью, самую красивую, по имени Маргариту Ивановну. Гордая, очаровательная манера (особенно, когда она разливала чай для гостей), гибкая, тонкая талія, черные, прорѣзанные миндалиной глаза отличали мою красавицу. Недостатокъ знанія иностранныхъ языковъ—она не говорила ни по-французски, ни по-нѣмецки—вознаграждался въ моихъ глазахъ неподражаемымъ ея говоромъ и мастерскимъ знаніемъ родного ея языка. Въ то время я еще не понималъ, какъ важно различіе религіи, національности, темперамента (въ чемъ убѣдилъ меня впослѣдствіи горькій опытъ), и беззаботно, какъ ребенокъ, выбралъ своимъ сватомъ ген. Ковалинскаго. Онъ пригласилъ семейство Черновыхъ въ Харьковъ на нѣсколько времени, и когда однажды моя 17-лѣтняя, порою меланхолическая, украинка вздумала серьезно увѣрять, что бракъ нашъ не можетъ быть счастливъ, я принялъ это за минутный капризъ. Напрасно г-жа Бахтина и Стойковичъ приглашали меня нѣсколько разъ на дачу, предлагая познакомиться съ одною русскою дамою, знатною и свѣтскою, которая могла быть мнѣ прекрасною партією. Я такъ сжился въ мечтахъ съ малорусскою Аркадією, что не хотѣлъ слышать ни о чемъ. Посаженнымъ отцомъ моей невѣсты былъ ген. Маршалъ-Биберштейнъ; свадьбу отпраздновали въ Водолагахъ, въ февралѣ 1811 г., со всѣми церемоніями и обрядами греко-русской церкви; мѣстный протопопъ

былъ такъ любезенъ, что предложилъ мнѣ вопросъ о согласіи по-русски и по-латыни (за что и получилъ въ награду 50 р.). Танцовали до упаду, много пили, много шумѣли, провозглашали многолѣтія, меня и ген. Ковалинскаго поднимали на воздухъ. На другое утро теща моя, крѣпко державшаяся старыхъ украинскихъ обычаевъ, разсердилась на меня за то, что я не догадался поблагодарить ее по древне-еврейскому обычаю, брачный смыслъ котораго объяснили мнѣ уже впоследствии. Затѣмъ пошли обычные круговые визиты ко всѣмъ сосѣдямъ и родичамъ. Семейная жизнь Роммеля сложилась неудачно. Общаго съ женой оказалось у него очень мало. Молодая женщина стала ѣздить по богомольямъ, родственники ея надоѣдали Роммелю своими частыми посѣщеніями, наконецъ появился кузенъ, возбуждившій чувство ревности въ ученомъ профессорѣ. Все это, въ связи съ непріязненнымъ отношеніемъ русскихъ къ иностранцамъ послѣ 1812 года, побудило Роммеля взять годовой отпускъ и уѣхать съ женой въ Петербургъ. Пристроиться тамъ ему не удалось, и онъ задумалъ ѣхать обратно въ Германію. Жена отказалась слѣдовать за нимъ за границу, и они разстались навсегда. Впоследствии г-жа Роммель окончила свою жизнь въ одномъ изъ монастырей.

Философъ Шадъ въ житейскихъ столкновеніяхъ былъ, по-видимому, такъ же необузданъ, какъ и въ борьбѣ съ университетскими врагами, притомъ же онъ любилъ вышить; по крайней мѣрѣ ему пришлось выступить въ качествѣ отвѣтчика передъ судомъ правленія по дѣлу объ избіеніи слуги проф. Дрейсига, и самаго факта не отрицалъ и Шадъ. Въ другой разъ онъ фигурировалъ передъ судомъ уже въ качествѣ потерпѣвшаго. Возвращаясь изъ-за города, Шадъ былъ остановленъ на заставѣ служителями питейной конторы, обысканъ ими и избитъ. Дѣло объ этомъ тянулось долго, несмотря на дѣятельное участіе уполномоченнаго университета синдика Успенскаго, и неизвѣстно чѣмъ окончилось. Наконецъ, университету же пришлось принять участіе и въ дѣлѣ о разводѣ Шада съ женой.

На счетъ ручной расправы повиненъ былъ изъ иностранцевъ не одинъ только Шадъ. Такія же дѣла о побояхъ разсматрива-

лись по обвиненію и проф. Пильгера и проф. Коритаря. Гораздо трагичнѣе былъ случай съ проф. Дюгуромъ. Онъ содержалъ женскій пансіонъ, и въ качествѣ горничныхъ при этомъ пансіонѣ было нѣсколько крѣпостныхъ дѣвушекъ разныхъ помѣщиковъ. Одна изъ этихъ дѣвушекъ совершила проступокъ противъ нравственности, и Дюгуръ, не удовольствовавшись тѣмъ, что отстрепалъ ее собственноручно по щекамъ, еще отрѣзалъ ей косу. Дѣвушка покончила съ собой самоубійствомъ. Но судъ не призналъ Дюгура виновнымъ въ ея смерти, и даже ея помѣщикъ, кн. Барятинскій, продолжалъ отдавать своихъ крѣпостныхъ ему въ услуженіе.

Кляузничество и доносничество не были чужды харьковскимъ профессорамъ. Въ университетскомъ архивѣ сохранилась цѣлая полемика между адъюнктомъ Болгаревскимъ и докторантомъ Хлаповиннымъ, жившимъ у Болгаревскаго. Сожители не поладили между собой, разѣхались и начали бомбардировать правленіе жалобами другъ на друга, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, чтобы только очернить противника. Правленію надоѣли эти препирательства, и оно рѣшило оставить дѣло безъ послѣдствій. Серьезнѣе окончилось дѣло по доносамъ адъюнкта Гамперле на проф. Дюгура. Въ концѣ 1806 г. Гамперле подалъ на Дюгура одинъ доносъ въ томъ, что онъ не способенъ къ должности профессора, а другой, обвинявшій его въ подозрительныхъ сношеніяхъ съ Франціей. Послѣдній, въ виду политическихъ обстоятельствъ, повлекъ строжайшее слѣдствіе, произведенное секретно губернаторомъ. Дюгуръ былъ оправданъ, а Гамперле и участникъ въ его доносѣ, учитель фехтованья Сивокъ, были удалены отъ должностей, причемъ замѣшаннымъ въ этомъ дѣлѣ профессорамъ и даже одной профессоршѣ былъ объявленъ въ засѣданіи правленія выговоръ.

Характерна долгая и упорная борьба, которую велъ проф. Пильгеръ съ медицинскимъ факультетомъ. Пильгеръ окончилъ медицинскій факультетъ въ Германіи, но почему-то не имѣлъ диплома. Онъ былъ преподавателемъ ветеринаріи въ Гиссенскомъ университетѣ и пользовался извѣстностью за свои ученые труды,

когда былъ приглашенъ профессоромъ ветеринарныхъ наукъ въ Харьковскій университетъ. Въ Харьковѣ онъ пріобрѣлъ репутацію искуснаго врача и имѣлъ большую практику. Эта то практика, видимо, возбудила зависть его коллегъ по факультету, и они стали добиваться запрещенія Пильгеру лѣчить людей. Долго доказывалъ Пильгеръ свои права и наконецъ обратился въ Дерптскій университетъ, который далъ ему за ученые труды *honoris causa* степень доктора медицины и хирургіи. Но харьковскіе врачи черезъ министерство внутреннихъ дѣлъ успѣли добиться постановленія особаго комитета, получившаго Высочайшее утвержденіе, о недействительности выданнаго Пильгеру диплома. Напрасно Дерптскій университетъ настаивалъ на своемъ правѣ давать степень доктора безъ экзамена, напрасно подавали прошенія харьковскіе обыватели о разрѣшеніи Пильгеру медицинской практики, причѣмъ за него ходатайствовалъ и губернаторъ Бахтинъ,—практика эта все таки не была ему разрѣшена. Противники Пильгера доносили о случаяхъ неблагопріятнаго исхода его лѣченія даже въ тѣхъ случаяхъ, когда якобы потерпѣвшіе сами свидѣтельствовали о пользѣ для нихъ этого лѣченія. Такою была вражда изъ-за гонорара.

Харьковское студенчество дѣлилось на студентовъ казеннокоштныхъ и своекоштныхъ. На содержаніе казеннокоштныхъ студентовъ отпускалось по 200 р. въ годъ на cadaго. На эти деньги ихъ снабжали достаточнымъ количествомъ одежды, столомъ и проч., и даже выдавали по 1½ руб. въ мѣсяцъ карманныхъ денегъ. На продовольствіе cadaго студента пицей полагалось по 70 р. въ годъ. На эту сумму давался завтракъ, обѣдъ изъ 3, а по праздникамъ изъ 4 блюдь, и ужинъ также изъ 3 блюдь. За то лицо, взявшееся кормить студентовъ, имѣло право въ чистыхъ комнатахъ университетскаго флигеля завести ресторанный столъ и наитками, кофе и биліардомъ, но безъ вартъ, и сюда могли являться и чиновники университета, и другія лица съ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ. Своекосштные студенты могли получать столъ змѣстѣ съ казеннокоштными, уплачивая 70 р. въ годъ. Но черезъ два года оказа-

лось, что контрагентъ кормилъ скверно, допускалъ въ ресторанахъ всѣхъ и къ тому же вошелъ въ неоплатные долги. Поэтому правленіе университета рѣшило выдавать деньги студентамъ на руки, дабы они вели хозяйство сами черезъ выборныхъ. У студентовъ дѣло пошло, повидимому, лучше, но финансовый кризисъ, о которомъ мы говорили выше, отразился и на студенческомъ хозяйствѣ. Съ 1809 г. начинаются жалобы, что 70 р. на столъ не хватаетъ, и правленіе не разъ выдавало субсидіи студентамъ для покрытія дефицита. Впрочемъ, суммы эти были ничтожны, и надо думать, что студенты умѣли вести дѣло экономно.

Казеннокоштные студенты должны были подчиняться правиламъ, которыя регулировали ихъ бытъ. Правила эти создавали довольно строгую дисциплину, напоминающую гимназическую. Но есть основанія думать, что въ приложеніи къ жизни эти правила оказывались не такими уже неудобными для студентовъ. Судя по нѣкоторымъ фактамъ, университетское начальство весьма снисходительно относилось къ студенческимъ проступкамъ и исключало виновныхъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда не было уже никакой надежды на ихъ исправленіе.

Своекоштные студенты пользовались значительной свободой сравнительно со своими казеннокоштными товарищами. Они были большею частью изъ дѣтей мѣстныхъ помѣщиковъ. Жили они или на частныхъ квартирахъ, или, болѣе состоятельные, у профессоровъ и преподавателей университета. Жизнь въ Харьковѣ, по крайней мѣрѣ въ первые годы существованія университета, была дешева, да притомъ же за содержаніе студентовъ родители уплачивали обыкновенно натурой—хозяйственными продуктами, прислуга тоже была своя крѣпостная. Обращались съ этими крѣпостными слугами студенты, видимо, не лучше, чѣмъ и ихъ отцы. Въ университетскомъ архивѣ сохранилось дѣло о студентѣ Липко-Парафіевскомъ, напоминающее дѣло проф. Дегурова. Липко-Парафіевскій наказалъ розгами своего крѣпостного мальчика, а годъ послѣ этого повѣсился. Судъ призналъ и Парафіевского виновнымъ въ смерти слуги.

Уже въ первые годы существованія Харьковскаго университета возникъ вопросъ о перенесеніи его въ другой городъ. При-

чиной этому было анти-гигиеническое состояніе города. Грязь весною и осенью, пыль лѣтомъ, загрязненіе города навозомъ и зловонныя рѣчки Харьковъ и Лопань—дѣлали жизнь въ Харьковѣ не только непріятною, но и опасною для здоровья. Шесть профессоровъ университета умерло въ теченіе 7 лѣтъ отъ различныхъ болѣзней, другіе разстроили свое здоровье и должны были выѣхать изъ Харькова. Грязь создала даже особые грязные каникулы (*feriae luti*), утвержденные совѣтскимъ постановленіемъ. Такъ, въ протоколъ 24 марта 1811 г. читаемъ „*cum studiosi ob lutum profundum adire nequeant universitatem decretum est interrompere praelectiones usque dum viae sint minus lutosae*“, т. е. такъ какъ студенты по причинѣ глубокой грязи не могутъ добраться до университета, то рѣшено прервать лекціи до тѣхъ поръ, пока улицы стануть менѣе грязными.

Уже въ 1807 г. проф. Якобъ обратилъ вниманіе совѣта на ужасное въ санитарномъ отношеніи состояніе Харькова, и совѣтъ рѣшилъ просить губернатора принять надлежащія мѣры къ оздоровленію города. Въ 1811 г. этотъ вопросъ поднимается снова. Въ 1813 г. ректоръ Осиповскій въ письмѣ къ губернатору говоритъ, что «Харьковъ нашъ представляетъ теперь совершенное болото и притомъ болото чрезвычайно вонючее отъ гніенія въ немъ навоза, смѣшаннаго пополамъ съ топкою грязью». И дѣйствительно, въ этомъ году почти весь ноябрь не было лекцій по причинѣ глубокой грязи. Въ слѣдующемъ году министръ нар. просвѣщенія въ виду неоднократныхъ представленій о нездоровомъ климатѣ Харькова и чрезвычайной въ немъ грязи, запросилъ совѣтъ, не найдетъ ли онъ выгоднымъ и удобнымъ перемѣщеніе университета въ другой городъ. Медицинскій факультетъ, которому поручено было сдѣлать по этому поводу докладъ, пришелъ къ неутѣшительнымъ для города выводамъ: Въ 1810 г. на 12,915 жителей родилось 781, а умерло 799, въ 1811 г. родилось 820, умерло 849. Такимъ образомъ на 16 чел. умиралъ 1, и смертность превышала рождаемость. Причины такого печальнаго положенія города факультетъ усматривалъ въ загрязненіи рѣкъ, множествѣ временныхъ и постоянныхъ болотъ и въ „безпрерыв-

номъ засореніи издавна сильно уваженнаго города“. Въ свѣтъ при разсмотрѣніи вопроса о перенесеніи университета, голоса раздѣлились поровну: половина была за оставленіе его въ Харьковѣ, другая за перенесеніе. Одни изъ стоявшихъ за перенесеніе указывали на Курскъ или на Кіевъ, другіе стояли за Кіевъ. Приведемъ мнѣніе на этотъ счетъ проф. Швейкардта. „Университетъ должно перевести въ древнее мѣстообываніе наукъ и источникъ культуры малороссійской, т. е. въ Кіевъ. Этого требуютъ слава города, многочисленность жителей всѣхъ сословій, большая торговля, производящаяся тамъ, и вытекающія отсюда удобства жизни, а въ особенности близость такихъ мѣстъ, въ которыхъ процвѣтаютъ науки. Иностранные ученые, которыхъ будутъ приглашать изъ-за границы, конечно охотнѣе поѣдутъ въ Кіевъ, чѣмъ въ Харьковъ. Изъ очертанія округа вашего университета нельзя извлечь аргумента противъ такого перехода. Въ Харьковѣ выбранъ не потому, что расположенъ въ центрѣ округа, но округъ былъ созданъ послѣ того, какъ онъ былъ выбранъ. По избраніи другого мѣста, надо образовать и другой округъ. Въ самомъ дѣлѣ, если къ Казанскому университету присоединить Воронежскую губ. и двѣ козачьихъ области, а на ихъ мѣсто поставить Кіевскую, Могилевскую, Минскую, Волынскую и Подольскую губ., то получится округъ почти такого же пространства, въ центрѣ котораго будетъ лежать г. Кіевъ; онъ какимъ-то чудомъ находится на равномъ разстояніи отъ крайнихъ городовъ, въ которыхъ существуютъ гимназіи, т. е. отъ Минска, Могилева, Орла, Курска, Харькова, Екаторинослава, Херсона и Одессы. Сверхъ того, я прошу, чтобы университетъ былъ переведенъ не раньше, чѣмъ въ Кіевѣ будутъ выстроены необходимые дома (и при томъ на горѣ, въ Дворцовой части) и будутъ замощены улицы“. Въ такомъ-же родѣ было мнѣніе Дрейсига и Гизе. За переводъ или въ Кіевъ, или въ Курскъ были Роммель, Книгинъ, Пильгеръ, Шумлянскій и Каменскій.

Слухъ о возможности перехода университета въ другой городъ взволновалъ мѣстное дворянство. Виновникъ основанія

университета въ Харьковѣ В. Н. Каразинъ прочиталъ въ собраніи дворянъ свою записку, въ которой обвинялъ профессоровъ университета въ безпорядкахъ, имѣвшихъ мѣсто въ ректорство Стойковича, и въ желаніи перевода университета въ другой городъ. Дворянство рѣшило подать прошеніе на Высочайшее имя объ оставленіи университета въ Харьковѣ. Прошеніе это было представлено министромъ народнаго просвѣщенія Государю вмѣстѣ съ объясненіемъ, что профессорская collegія нисколько не повинна въ безпорядкахъ, единственнымъ виновникомъ которыхъ былъ уже удаленный отъ должности Стойковичъ, и что вопросъ о перемѣщеніи университета разсматривался по его, министра, предложенію. Но мысль о переводѣ изъ Харькова университета не получила, вѣроятно, одобренія Императора и была оставлена.

Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ о роли, которую игралъ Харьковскій университетъ въ развитіи средняго и низшаго образованія въ Харьковскомъ учебномъ округѣ.

По уставу 1804 г., университеты были поставлены во главѣ управленія учебными заведеніями округа. Имъ принадлежала забота объ открытіи новыхъ училищъ, надзоръ за училищами, снабженіе ихъ пособіями и, наконецъ, замѣщеніе должностей по учебному вѣдомству. Для завѣдыванія училищами при университетахъ состоялъ училищный комитетъ подъ предсѣдательствомъ ректора изъ 6 ежегодно избираемыхъ изъ ординарныхъ профессоровъ членовъ. Сверхъ того, совѣтъ ежегодно назначалъ для осмотра училищъ „визитаторовъ“ изъ профессоровъ же.

На долю Харьковскаго университета выпало не мало работы по устройству училищъ. Уже обширность округа, обнимавшаго 9 губерній и земли Донскихъ и Черноморскихъ козаковъ, осложняла въ значительной степени задачу университета. Сверхъ того, нужно было вводить новую систему среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній—преобразовывать главныя народныя училища въ гимназіи, а малыя училища—въ уѣздныя а также устраивать училища приходскія. И нужно от-

дать справедливость Харьковскому училищному комитету, онъ проявилъ сразу-же большую энергію. Разосланные имъ по губерніямъ визитаторы, среди которыхъ особенно дѣятельностью выдавался проф. Тимковскій, оказали огромныя услуги дѣлу распространенія просвѣщенія на югѣ Россіи. Рядъ учебниковъ, составленныхъ профессорами и изданныхъ университетомъ, обогатилъ скудную учебную литературу того времени; наконецъ, университетъ же давалъ, въ лицѣ своихъ воспитанниковъ, среднимъ и даже высшимъ школамъ учителей.

Заканчивая наше изложеніе, не можемъ не отмѣтить, что мы далеко не исчерпали богатаго и въ высшей степени любопытнаго матеріала, заключающагося въ трудѣ проф. Багалѣя; интересующіеся судьбами просвѣщенія въ южной Руси найдутъ въ этой книгѣ много драгоцѣнныхъ свѣдѣній не только по исторіи Харьковскаго университета, но и вообще по культурной исторіи края. Не можемъ не выразить еще разъ сожалѣнія, что какъ по объему, такъ и по цѣнѣ, книга эта не доступна широкому кругу читателей и, желая скорѣйшаго появленія слѣдующихъ томовъ, не можемъ не пожелать, чтобы почтенный авторъ, хотя бы къ предстоющему юбилею Харьковскаго университета, выпустилъ болѣе короткій и популярный очеркъ его исторіи.

Е. К.

Археологическій съѣздъ въ Кіевѣ.

Тотъ, кто присутствовалъ на первыхъ засѣданіяхъ Предварительнаго Комитета XI археол. съѣзда въ Москвѣ, въ январѣ 1897 г., кто наблюдалъ то оживленіе, какое замѣчалось среди съѣхавшихся съ разныхъ концовъ Россіи депутатовъ, кто слышалъ заявляемые вопросы и запросы, долженствовавшіе трактоваться на будущемъ съѣздѣ, юбилейномъ для Кіева, несомнѣнно былъ немного обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ, побывавъ на самомъ съѣздѣ. Всѣ признаки указывали, что съѣздъ будетъ выдающимся среди другихъ; въ дѣйствительности же выдающимся его назвать нельзя, и прошелъ онъ довольно вяло, несмотря на всѣ усилія, какія употребляла графиня П. С. Уварова—предсѣдатель Предварительнаго Комитета и Съѣзда, чтобы оживить его. Трудно указать всѣ причины, вызвавшіе такое положеніе дѣла: имѣло тутъ вліяніе и отсутствіе нѣкоторыхъ членовъ: по числу членовъ кіевскій археол. съѣздъ уступалъ, напр., предшествующему, рижскому; затѣмъ, многіе изъ видныхъ представителей науки хотя и присутствовали на съѣздѣ, но не сдѣлали никакихъ сообщеній; какъ на довольно серьезную причину, можно указать на обнаруженный нѣкоторыми членами Кіевского Предварительнаго Комитета страхъ предъ малорусскимъ языкомъ; страхъ этотъ оказался довольно заразительнымъ, и въ результатъ, цѣлая группа ученыхъ, именно галицкихъ, за-

готовившая довольно много интересных рефератовъ, лишена была возможности присутствовать на съѣздѣ; не принимали въ немъ активнаго участія и нѣкоторые изъ мѣстныхъ ученыхъ.

Но несмотря на эти отрицательныя стороны, съѣздъ далъ много интереснаго и поучительнаго, и если его нельзя сравнивать по одушевленію и безкорыстному увлеченію наукой, какіе давали тонъ первому кіевскому съѣзду 25 лѣтъ тому назадъ, такъ какъ не тѣ времена, не тѣ и люди, то, во всякомъ случаѣ, онъ прошелъ не безслѣдно, какъ въ научномъ отношеніи, такъ и въ смыслѣ возбужденія интереса къ памятникамъ старины среди мѣстнаго общества.

Благодаря продолжительному сроку, въ теченіе котораго имѣли мѣсто засѣданія съѣзда, рефератовъ на немъ было доложено сравнительно много—135. Не всѣ они, конечно, отличались одинаковыми научными достоинствами; къ сожалѣнію и на этомъ съѣздѣ повторилось прежнее явленіе — къ прочтенію допускались и рефераты, не давашіе ничего новаго или обобщающаго; такого рода рефераты, касаясь частныхъ вопросовъ или представляя изъ себя результаты изслѣдованій незначительной группы тѣхъ или другихъ памятниковъ, являются лишь балластомъ для съѣзда: мѣсто имъ въ спеціальныхъ изданіяхъ, а не на засѣданіяхъ съѣзда, гдѣ дорога каждая минута.

Какъ извѣстно, настоящей съѣздъ рѣшено было въ принципѣ посвятить, главнымъ образомъ, древностямъ Волини. На дѣлѣ, Волинь не играла первенствующей роли на съѣздѣ: болѣе полно были представлены на немъ лишь языческія славянскія древности, благодаря изслѣдованію волинскихъ кургановъ, слабѣе—каменный вѣкъ; только отчасти былъ затронутъ вопросъ о волинскихъ городищахъ, памятники же болѣе поздняго періода, какъ напр. остатки древняго зодчества, которыми Волинь богата болѣе, чѣмъ какая-либо другая область, были пройдены молчаніемъ.

Гвоздь всякихъ съѣздовъ, а въ томъ числѣ и археологическихъ, составляютъ тѣ общіе вопросы, которые поднимаются на нихъ. На кіевскомъ археол. съѣздѣ такихъ вопросовъ было

очень немного. На первомъ мѣстѣ мы должны поставить сообщеніе председателя съѣзда, *гр. П. С. Уваровой*— „*О преподаваніи археологій въ русскихъ университетахъ*“. Указавъ вкратцѣ исторію этого вопроса, вопроса не новаго, а поднимавшагося уже нѣсколько разъ на предшествующихъ съѣздахъ по тому или другому поводу, причемъ ставили ихъ такіе ученые, какъ *гр. Уваровъ*, *Забѣлинъ*, *Буслаевъ*, *Срезневскій*, *Погодинъ* и др., и развѣвъ свою мысль о необходимости возможно скорого разрѣшенія этого вопроса, *гр. П. С. Уварова* предложила съѣзду сдѣлать слѣдующія постановленія: 1) ходатайствовать предъ правительствомъ о введеніи въ университетахъ каѳедръ по археологій, не только русской, но и всѣхъ народностей, которыя могли имѣть вліяніе на развитіе русскаго искусства, и 2) ходатайствовать вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы немедленно была составлена коммиссія для обсужденія и выработки необходимыхъ для преподаванія археологій программъ и изданія руководствъ по разнымъ отраслямъ археологій, съ привлеченіемъ къ этому дѣлу ученыхъ обществъ, имѣющихся въ Россіи. Это предложеніе *гр. Уваровой*, коснувшееся одного изъ большихъ мѣстъ, вызвало оживленный обмѣнъ мнѣній. Указывалось, между прочимъ, что въ университетахъ существуетъ каѳедра, которая могла-бы хотя отчасти восполнить существующій недостатокъ въ программѣ университетскаго образованія, именно—каѳедра исторіи искусствъ; но каѳедра эта въ послѣднее время выродилась почти исключительно въ исторію классическаго искусства, а потому въ окончательной редакціи ходатайство съѣзда было направлено на расширеніе преподаванія теоріи и исторіи искусствъ на область внѣклассическаго міра. Что же касается главнаго предложенія *гр. Уваровой*, то, послѣ замѣчаній проф. *Милюкова* о томъ значеніи, какое приобрѣла въ настоящее время доисторическая археологія, открывшая исторіи цѣлые новые горизонты, рѣшено ходатайствовать объ учрежденіи въ университетахъ самостоятельной каѳедры доисторической археологій. Если это послѣднее ходатайство получитъ осуществленіе, то несомнѣнно каѳедра эта само собой превратится въ каѳедру исторіи первобытной

культуры вообще, а обширность предмета, богатство имѣющагося уже научнаго матеріала въ данной области, сдѣлаетъ эту каедрю одной изъ самыхъ интересныхъ; необходимость же ея ощущается уже очень настоятельно.

Въ связи съ предыдущимъ вопросомъ находится и другой, также общаго характера, выдвинутый *проф. А. И. Маркевичемъ*— „О сохраненіи старинныхъ памятниковъ“. Связь между ними очевидна: серьезное отношеніе къ памятникамъ нашей старины можетъ быть достигнуто распространеніемъ знанія ихъ. Гр. Уварова въ своемъ докладѣ привела слова *проф. Казанскаго*— „любовь къ древностямъ и знаніе ихъ суть лучшіе хранители древностей; пока не распространится въ большинствѣ общества любовь къ древностямъ и знаніе, никакія правительственныя мѣры не оградятъ вполнѣ древнихъ памятниковъ отъ искаженія и уничтоженія“. Масса фактовъ ясно показываетъ, что мы еще очень далеки отъ такой любви и знанія, между тѣмъ невозможно и оставить дѣло въ такомъ положеніи, какъ оно есть. *Проф. Маркевичъ*, ставя свое предложеніе, сознаетъ тѣ трудности, съ какими приходится считаться; онъ между прочимъ говоритъ: „вѣдь самый ярый поклонникъ археологіи не пойдетъ такъ далеко, чтобы требовать назначенія исправниковъ или станovýchъ изъ числа археологовъ“, и замѣчаетъ далѣе: „Врагъ широкихъ, а потому трудно исполнимыхъ на дѣлѣ плановъ, я потому и рѣшаюсь выступить съ своимъ предложеніемъ, что, какъ мнѣ кажется, возможно уже сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ для его правческаго осуществленія, то-есть,— позаботиться объ охранѣ хотя-бы нѣкоторыхъ памятниковъ древности, и именно тамъ, гдѣ таковая охрана возможна“. Проектъ *проф. Маркевича* сводится къ слѣдующему: одно изъ ученыхъ археологическихъ обществъ обращается къ другимъ археологическимъ обществамъ или такимъ, которыя могли-бы заняться охраною древностей, съ запросомъ: охрану какихъ памятниковъ они могли-бы взять на себя, въ зависимости отъ удобства надзора и достаточныхъ матеріальныхъ средствъ? Съѣздъ постановилъ обратиться съ просьбою къ Московскому Археологическому

Обществу взять на себя инициативу въ этомъ дѣлѣ, при чемъ такого рода свѣдѣнія могутъ быть доставлены лицами, которыя будутъ прїѣзжать на засѣданія предварительнаго комитета будущаго съѣзда. Конечно, сообщенія свѣдѣній одно, а припятіе мѣръ охраны—другое, но несомнѣнно будетъ имѣть значеніе и собраніе свѣдѣній о памятникахъ, требующихъ охраны: съ такимъ спискомъ въ рукахъ легче будетъ ориентироваться, легче будетъ выборъ, и, быть можетъ, удастся что нибудь сдѣлать.

Заговоривъ объ охранѣ памятниковъ, упомянемъ кстати объ одномъ частномъ фактѣ, уже нѣсколько разъ трактовавшемся на предыдущихъ съѣздахъ, именно объ охранѣ отъ окончательнаго разрушенія Юрьевской Божницы въ с. Старогородкѣ, близъ г. Остра. Остерское земство обратилось въ съѣздъ съ ходатайствомъ о поддержаніи этого памятника древне-русскаго зодчества, при чемъ съ своей стороны ассигновало на это дѣло известную сумму; ходатайство это съѣздъ постановилъ передать въ церковно-археологическое общество при Киевской Духовной Академіи съ просьбой принять возможно скорѣе необходимыя для того мѣры. Мы знаемъ, что само „Общество“ очень заинтересовано въ этомъ вопросѣ, и можно надѣяться, что оныя будутъ наконецъ разрѣшены въ положительномъ смыслѣ.

Несомнѣнно, къ общимъ вопросамъ нужно отнести и вопросъ о субсидіи губернскимъ ученымъ архивнымъ комиссіямъ. Не смотря на названіе „архивныхъ“, комиссіи все болѣе и болѣе принимаютъ характеръ областныхъ органовъ, въ которыхъ сосредоточивается изученіе прошлаго даннаго края въ различныхъ отношеніяхъ. Безъ такихъ органовъ, работающих на мѣстѣ, имѣющихъ (въ принципѣ) возможность детально разрабатывать тѣ или другіе вопросы областной исторіи, не мыслимы обобщенія, своды данныхъ, общіе выводы. На съѣздѣ М. В. Довнаръ-Запольскимъ былъ сдѣланъ обзоръ дѣятельности губернскихъ архивныхъ комиссій за послѣдніе три года; изъ этого обзора видно, насколько разносторонне и неослабно велись занятія комиссіями; дѣятельность ихъ состояла: а) въ осмотрѣ и разборѣ дѣлъ мѣстныхъ архивовъ, б) въ археологическихъ раскоп-

кахъ и пополненіи мѣстныхъ музеевъ, в) въ охранѣ памятниковъ старины, г) въ изданіи ученыхъ изслѣдованій и историческихъ матеріаловъ, и наконецъ—д) въ устройствѣ нѣкоторыми комиссіями публичныхъ чтеній. Но въ большинствѣ случаевъ всѣ благія начинанія комиссій разбивались о непреодолимое для мѣстныхъ силъ препятствіе—отсутствіе средствъ. На Рижскомъ съѣздѣ было постановлено хлопотать о субсидіи; хлопоты не привели ни къ чему: былъ полученъ отказъ. На кievскомъ съѣздѣ, съ похвальной настойчивостью, снова выдвинуть тотъ-же вопросъ, и совѣтъ съезда рѣшилъ ходатайствовать предъ правительствомъ объ оказаніи всѣмъ комиссіямъ ежегоднаго пособия въ размѣрѣ 1500 рублей. Если принять во вниманіе ту громадную пользу, какую могутъ оказать наукѣ губернскія комиссіи, имѣя мало-мальски матеріальную возможность развивать свою дѣятельность, то будетъ совершенно необъяснимымъ, если и на этотъ разъ ходатайство съезда не будетъ удовлетворено, да и просимая сумма представляется намъ болѣе чѣмъ скромной.

Вслѣдъ за вопросами общаго характера, имѣющими громадное значеніе для общей постановки дѣла, пѣннымъ результатомъ съѣздовъ являются своды имѣющагося археологическаго матеріала, безъ которыхъ трудно разобраться въ массѣ все болѣе и болѣе накопляющихся раскопокъ, находокъ и т. п. Такого рода своды, въ видѣ-ли археологическихъ картъ, въ видѣ ли обзоровъ или всѣхъ вообще древностей даннаго района, или извѣстнаго вида ихъ, составляютъ дѣйствительное приобрѣтеніе съѣздовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и науки.

На кievской съѣздѣ подобнаго характера работъ было представлено нѣсколько. Во главѣ ихъ стоитъ *Археологическая карта Волинской губерніи, составленная проф. В. Б. Антоновичемъ*. Карта въ масштабѣ 10 верстъ въ англ. дюймѣ; она потребовала отъ проф. Антоновича продолжительнаго и кропотливаго труда; свѣдѣнія приходилось черпать изъ разныхъ источниковъ, и только благодаря эрудиціи составителя, такъ давно начавшаго собирать свѣдѣнія о мѣстныхъ древностяхъ, возможно

было составленіе карты. Интересныхъ въ археологическомъ отношеніи мѣстностей на ней отмѣчено 1105, при чемъ городищъ нанесено 363, кургановъ 15,125, изъ нихъ раскопанныхъ 714. Карта сопровождается текстомъ, въ которомъ древности расpredѣлены по уѣздамъ.

По плану равьше изданной археологической карты Кіевской губ., составленной тѣмъ-же проф. Антоновичемъ, *свящ. Е. Сѣцинскимъ* составлена и представлена на съѣздѣ *Археологическая карта Подольской губерніи*. Изъ объясненій къ этой картѣ, доложенныхъ на съѣздѣ св. Сѣцинскимъ, мы узнаемъ, что кромѣ печатныхъ, авторъ пользовался нѣкоторыми рукописными источниками, какъ сообщенія священниковъ, представленныя въ 1868—73 и 1890—91 гг. подольскому епархіальному статистическому комитету, и донесенія волостныхъ правленій, собранныя центральнымъ статистическимъ комитетомъ въ 1873 г.; кромѣ того, авторъ пользовался сообщеніями частныхъ лицъ и личными наблюденіями и развѣдками. На карту нанесено около 300 кургановъ, 316 городищъ, около 60 селищъ и т. п. Изъ вышеупомянутыхъ объясненій автора мы узнаемъ, что кургановъ больше всего на юго-востокѣ губерніи, въ мѣстностяхъ степныхъ; городищъ, напротивъ, въ той мѣстности меньше, и болѣе всего въ Литинскомъ, Винницкомъ и Брацлавскомъ уѣздахъ, по рѣкѣ Бугу; много также городищъ въ юго-зап. углу Подоліи, въ уѣздахъ Каменецкомъ и Ушицкомъ. Мѣстностей, гдѣ находятся пещеры со слѣдами пребыванія въ нихъ человека, отмѣчено на картѣ 50, въ томъ числѣ 7 такихъ, гдѣ есть слѣды бывшихъ тамъ церквей и монастырей. Валовъ, значительныхъ по длинѣ, нанесено на карту 3. Мѣстностей, гдѣ находятся предметы каменнаго вѣка, обозначено 100; болѣе всего ихъ въ юго-зап. части Подоліи, въ Каменецкомъ и Ушицкомъ уѣздахъ. Между находками каменнаго вѣка отмѣчена одна, относящаяся къ палеолитическому періоду каменнаго вѣка. Находокъ предметовъ бронзоваго вѣка отмѣчено сравнительно немного, именно на сѣверѣ Каменецкаго у. и на югѣ Ушицкаго и Ямпольскаго.

Съ составленіемъ этихъ двухъ картъ, древности всего юго-западнаго края являются зарегистрированными и распределенными по группамъ; теперь остается лишь добавлять новыя свѣдѣнія. Желая немного расширить районъ, охваченный означенными картами, мы, съ своей стороны, предполагали составить *археологическую карту Сьдлецкой и Люблинской губерній*, или по крайней мѣрѣ части ихъ, составляющей Холмскую Русь. Но, собравъ весь имѣвшійся по данному предмету матеріалъ, пришлось отказаться отъ намѣренія—матеріала оказалось настолько мало, что до поры до времени нечего и думать о составленіи карты.

Кромѣ двухъ археологическихъ картъ, на сѣздѣ была демонстрирована *проф. П. В. Голубовскимъ и Е. А. Кивлицкимъ Историческая карта Черниговской губерніи до XVI в.* Данная карта представляетъ только часть работы, такъ какъ имѣется въ виду составить историческую карту Черниговской и Полтавской губерній до 1654 года. Пока закончена лишь Черниговская губернія. Для удобства, карта разбита на двѣ самостоятельныя карты: одна обнимаетъ собой древнѣйшій періодъ—до 1300 года, другая отъ 1300 г. до начала XVI в. На нихъ нанесены населенные пункты, свѣдѣнія о которыхъ имѣлись какъ въ лѣтописяхъ, такъ и въ болѣе позднихъ матеріалахъ разнороднаго характера. Отмѣтимъ любопытное наблюденіе составителей по отношенію къ картѣ древнѣйшаго періода: сличая ее съ картой городищъ Черниговской губ. проф. Самоквасова, въ большинствѣ случаевъ можно найти замѣчательное совпаденіе; этотъ фактъ еще разъ убѣдительно доказываетъ, что исторія и археологія должны идти рука объ руку.

Археологическія карты, какъ своды добытаго матеріала, возможны только послѣ тщательныхъ изслѣдованій на мѣстѣ: чѣмъ больше такихъ изслѣдованій, чѣмъ большій районъ они охватываютъ, тѣмъ полнѣе будетъ и карта. Нельзя отрицать того, что существующія уже карты зачастую даютъ свѣдѣнія случайныя, не проверенныя на мѣстѣ специалистами. Вотъ почему мы уже нѣсколько разъ поднимали вопросъ объ экскур-

сіяхъ специалистовъ для развѣдокъ и осмотровъ въ извѣстномъ районѣ, причемъ изслѣдованія не должны ограничиваться однимъ какимъ нибудь видомъ памятниковъ старины, а распространяться на всѣ вообще виды ихъ. Результатомъ такихъ обслѣдованій всегда будетъ масса новыхъ фактовъ, среди которыхъ легко уже будетъ ориентироваться и вести впослѣдствіи детальную разработку. Только такимъ путемъ мало по малу можно будетъ отѣснить тотъ элементъ *случайности*, какой, нужно въ этомъ сознаться, господствуетъ еще въ довольно сильной степени среди нашихъ археологическихъ изслѣдованій и въ частности раскопокъ.

На съѣздѣ было представлено два такихъ обзора различного рода древностей извѣстныхъ районовъ, явившихся результатомъ развѣдокъ на мѣстѣ. *В. Г. Ляскоронскимъ*, по порученію предварительнаго комитета, была совершена экскурсія въ область Посулья¹⁾. Районъ его обслѣдованій охватилъ собственно область Посулья и нѣсколькихъ притоковъ р. Сулы: рр. Ромна, Терна, Удая, Слѣпорода, Оржицы и др. На основаніи своихъ обслѣдованій г. Ляскоронскій, въ рефератѣ „*О городищахъ, длинныхъ (змѣевыхъ) валахъ и курганахъ въ бассейнѣ р. Сулы*“, далъ характеристику встрѣченыхъ имъ памятниковъ. Городища референтъ раздѣляетъ на нѣсколько категорій. Первую изъ нихъ составляютъ круглыя болотныя городища, устроенныя въ низменныхъ мѣстахъ, на природныхъ или искусственныхъ возвышеніяхъ. Ко второй группѣ относятся нагорныя круглыя городища; отъ предыдущихъ они отличаются своимъ мѣстоположеніемъ, а иногда еще и тѣмъ, что съ той стороны ихъ, которая обращена къ плато, бываетъ нѣсколько защитительныхъ валовъ. Третью группу городищъ составляютъ укрѣпленія, отличающіяся отъ предыдущихъ типовъ какъ формою, такъ и системою защиты. Онѣ видоизмѣняютъ свои формы сообразно съ контурами возвышенностей, на которыхъ расположены, по размѣрамъ гораздо больше круглыхъ городищъ, и имѣютъ иногда цѣлый рядъ концентрическихъ ва-

¹⁾ Объ этой экскурсіи краткія свѣдѣнія помѣщены въ Кіевской Старинѣ, мартъ 1899 г., Археологич. лѣтопись.

ловъ. Къ четвертой и послѣдней группѣ относятся тѣ городища, которыя представляютъ собой остатки городовъ, упоминаемыхъ лѣтописью. Что касается т. н. земіевыхъ валовъ, то ихъ въ Полтавской губ. находится довольно много; самый большой изъ нихъ тянется по краю нагорнаго плато, оканчивающагося обрывомъ къ правому берегу р. Сулы.

По порученію того-же Предварительнаго Комитета мы обследовали берега р. Западнаго Буга отъ г. Влодавы до г. Брестъ-Литовска. Встрѣченныя здѣсь древности очень однородны; относятся онѣ главнымъ образомъ къ каменному вѣку, и потому о нихъ мы скажемъ впоследствии.

Кромѣ обзоровъ, основанныхъ на личныхъ наблюденіяхъ, немаловажное значеніе, какъ матеріаль для картъ, имѣютъ и такіе обзоры, гдѣ свѣдѣнія для извѣстнаго, сравнительно небольшого района берутся изъ разныхъ источниковъ. Сюда относятся доложенныя съѣзду обзоры: *и. Житынского*— „Находки каменнаго вѣка въ бассейнѣ р. Стыря“—о немъ ниже, и г. *Конфа*— „О древностяхъ Лебедянскаго уѣзда Харьковской губерніи“, гдѣ дополняются показанія преосв. Филарета о древностяхъ Харьковской губерніи и указываются курганы, городища и другіе памятники старины въ Лебедянскомъ уѣздѣ. Была представлена на съѣздѣ, но не доложена за недостаткомъ времени, еще третья работа подобнаго рода — „Обзоръ древностей Грубешовскаго уѣзда, Люблинской губерніи“, составленный *и. Крашкевичемъ*.

Прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ тѣхъ рефератовъ, которые докладывались въ различныхъ секціяхъ съѣзда, удѣлимъ немного мѣста *археологическимъ выставкамъ*, устроеннымъ специально для съѣзда; говоримъ специально, такъ какъ для членовъ съѣзда были открыты всѣ имѣющіяся въ Киевѣ общественныя и частныя собранія, какъ напр. Церковно-археологическій музей дух. академіи, собранія Б. И. Ханенка, І. А. Хойновскаго. Такихъ специальныхъ выставокъ было устроено двѣ: одна, открывшаяся ко времени съѣзда, помѣщалась въ университетѣ; другая, открывшаяся немного спустя послѣ начала

съѣзда, была размѣщена въ нѣсколькихъ залахъ заканчивающагося постройкой Музея древностей и искусствъ.

Выставка въ университетѣ распадалась на нѣсколько отдѣловъ, въ устройствѣ которыхъ принимали участіе разные лица. Наболѣе полно здѣсь былъ представленъ *отдѣлъ первобытныхъ древностей*, въ свою очередь распадавшійся на 'подъ-отдѣлы: каменный вѣкъ, бронзовый вѣкъ, скифскія древности, древности времени переселенія народовъ и славянскія древности; послѣднія относятся какъ къ дохристіанскому времени, такъ и къ княжескому періоду. Предметы распредѣлены въ каждомъ изъ этихъ подъ-отдѣловъ по губерніямъ, почти исключительно южнымъ. Главную массу первобытныхъ древностей далъ университетскій музей, именно 6574 номера. За этой коллекціей слѣдуетъ довольно обширное собраніе проф. В. Б. Антоновича изъ разныхъ мѣстъ юга, небольшая коллекція г. Червинскаго изъ Подольской и Кіевской губ., коллекція г. Тиховскаго изъ Кременецкаго у. Волынской губ., немного предметовъ, доставленныхъ проф. Лашкаревымъ, коллекція каменнаго вѣка въ 920 экземпляровъ г-жи К. Мельникъ изъ Кіевской, Подольской, Волынской и Екатеринославской губ., коллекція Ф. К. Пулавскаго изъ Подольской губ., заключающая въ себѣ много цѣнныхъ предметовъ въ области каменнаго и бронзоваго вѣковъ, коллекція болѣе чѣмъ въ 1000 экземпляровъ, собранная нами на бужскихъ стоянкахъ каменнаго вѣка, предметы изъ стоянки въ с. Городкѣ, выставленные Городецкимъ музеемъ Волынской губ. барона Штейнгеля, и небольшія коллекціи гг. Житынскаго, Волянскаго и Любы-Радзиминскаго—изъ Волынской губ., наконецъ, коллекція г. Добровольскаго—первобытныя древности изъ Овручскаго у. Волынской губ.

Гораздо меньше по числу было выставлено предметовъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ—*церковныхъ древностей*. И здѣсь не мало предметовъ принадлежало университетскому музею, какъ напр.: образцы строительнаго матеріала изъ древнихъ сооружений и остатки орнаментики, остатки церковной утвари и церковныхъ принадлежностей изъ раскопокъ на мѣстахъ древнихъ церквей,

древніе кресты, образки, медальоны и т. п. Очень многіе изъ этихъ предметовъ относятся къ княжескому періоду. Сюда-же вошла и небольшая, но цѣнная коллекція проф. Антоновича. Самостоятельное мѣсто въ этомъ отдѣлѣ занимали иконы, плащаницы и части иконостасовъ; доставлены онѣ главнымъ образомъ Волинскимъ Епархіальнымъ Древлехранилищемъ и Каменецъ-Подольскимъ музеемъ. Помимо иконографическаго интереса, нѣкоторыя изъ иконъ интересны и для исторіи быта; укажемъ, напр., на икону 1745 г. съ изображеніемъ Богоматери съ Спасителемъ и колѣнопреклоненныхъ соорудителей иконы въ національныхъ костюмахъ; на другой иконѣ XVII—XVIII в.— Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи: Иродіада и палачъ одѣты поукраински.

Кромѣ этихъ двухъ, находились на выставкѣ еще два незначительные отдѣла *предметовъ классическаго искусства и историческихъ древностей*. Они главнымъ образомъ состояли изъ университетскихъ коллекцій, хотя были и частные экспоненты, какъ гг. Болсуновскій и Божко. Въ этотъ отдѣлъ вошло и нѣсколько очень цѣнныхъ, оригинальныхъ портретовъ, какъ напр.: Выговской, Мазениной, Шираевъ, Полетикъ.

Въ университетѣ-же, въ помѣщеніи Центрального Архива, И. М. Каманинымъ была устроена *выставка рукописей и старопечатныхъ книгъ*. Рукописей выставлено 190; при подборѣ ихъ, главное вниманіе обращалось на палеографію; расpredъляются онѣ на кіевскія и волынскія, содержанія преимущественно богослужебнаго, обнимаютъ собой XV—XIX вв. Старопечатныя книги подобраны съ той цѣлью, чтобы дать образцы печати всѣхъ южно-русскихъ типографій до начала истекающаго вѣка. Обстоятельный обзоръ этой выставки былъ доложенъ И. М. Каманинымъ на заключительномъ собраніи съѣзда.

Въ бібліотекѣ университета, бібліотекаремъ В. А. Кордтомъ, была устроена *картографическая выставка*. По словамъ

устроителя, цѣлью ея было собрать по возможности матеріалы по исторіи картографіи, чтобы представить наглядно развитіе картографическихъ представленій о Русской землѣ, начиная съ конца XV в. до первой половины XVIII в. Благодаря знаніямъ и энергіи устроителя, выставка поражала обширностью и полнотой матеріала; достаточно упомянуть, что карты, кромѣ имѣвшихся въ библіотекѣ университета св. Владиміра, доставлены на выставку отъ 32-хъ учрежденій и лицъ, какъ русскихъ такъ отчасти и заграничныхъ, а количество всѣхъ экспонатовъ выражается цифрой 1127. Собранный матеріалъ распредѣленъ на слѣдующіе отдѣлы: Московское государство, западная и южная Россія и Азіятская Россія. В. А. Кордтъ посвятилъ этой выставкѣ обзоръ, гдѣ между прочимъ коснулся и исторіи русской картографіи.

Большинство изъ перечисленныхъ коллекцій подробно описано въ „Каталогъ выставки XI-го Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ. (Въ зданіи Университета св. Владиміра)“. Кіевъ, 1899 г., причемъ описаніе первобытныхъ древностей составила Е. Н. Мельникъ, церковныхъ—проф. О. Титовъ, иконъ—М. П. Истоминъ, классическихъ древностей—проф. Кулаковскій, историческихъ древностей—проф. Завитневичъ и В. И. Щербява, картъ—В. А. Кордтъ, рукописей и старопечатныхъ книгъ—И. М. Каманинъ.

Въ новомъ зданіи музея Кіевскимъ обществомъ древностей и искусствъ спѣшно была устроена *другая археологическая выставка*. Ее составили: незначительныя пока еще коллекціи Общества, коллекція г. Хвойки—изъ палеолитической стоянки на Кирилловской ул. и изъ раскопокъ площадокъ у м. Триполья, а также изъ случайныхъ находокъ; коллекція Б. И. Хавенко—древности Приднѣпровья, съ богатыми отдѣлами скифскихъ и славянскихъ древностей; коллекція предметовъ княжеской эпохи Н. П. Чернева; небольшая разнородная коллек-

ція О. О. Кундеревича, и наконецъ, роскошное собраніе украинскихъ древностей покойнаго В. В. Тарновскаго.

Хотя это разъединеніе выставокъ и вызвало иногда неудобства, но они выкупались той массой интереснаго матеріала, какой давали посѣтителѣмъ означенныя выставки.

Н. Бѣляшевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Владиміръ Николаевичъ Ястребовъ.

(Некрологъ).

21 декабря 1898 года скончался Влад. Никол. Ястребовъ, одинъ изъ довольно дѣятельныхъ сотрудниковъ „Кіевской Старины“. Мы только теперь помѣщаемъ некрологъ его, такъ какъ только теперь получили матеріалы для его краткой біографіи ¹⁾).

Владиміръ Николаевичъ родился въ 1855 г. 6 іюля въ с. Кривая-Луна, Самарской губерніи. Онъ былъ сынъ священника, человѣка прекраснаго, но вѣчно задумывавшагося и кончившаго жизнь свою помѣшательствомъ. Влад. Никол. окончилъ саратовскую гимназію и послѣ окончанія курса былъ въ нѣкоторомъ раздумьи, куда ему поступать; но послѣ переговоровъ съ родными онъ рѣшилъ ѣхать въ Одесскій университетъ. Вѣсть о такомъ рѣшеніи своемъ онъ пришелъ сообщить учителямъ своимъ въ гимназіи по исторіи и по словесности. „Тамъ, въ Одессѣ, Григоровичъ!“ восликнули они. Вѣсть о В. И. Григоровичѣ гремѣла всюду, и не удивительно, что учителя Самарской гимназіи знали о немъ, какъ бывшіе ученики его по Казанскому университету. Съ полнымъ довѣріемъ вручали они теперь дальнѣйшее духовное просвѣщеніе своего бывшаго питомца такому опытному и хорошо вліяющему на своихъ учениковъ человѣку, какъ В. И. Григоровичъ. В. Н. Ястребовъ поступилъ

¹⁾ Извѣстіе о смерти В. Н. Ястребова было помѣщено въ № 3 текущ. года

на историко-филологическій факультетъ Одесскаго университета. Много бѣдъ онъ тамъ пережилъ: терпѣль и голодъ, и холодъ, такъ какъ слишкомъ ничтожныя средства могъ ему доставлять его отецъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ и много извлекъ онъ изъ преподаванія тогдашнихъ профессоровъ. Особенно увлекался В. Н. лекціями профессора философіи Орбинскаго. Слушалъ онъ также В. И. Григоровича, хотя на первыхъ порахъ подчасъ и посмѣивался надъ нимъ, надъ его дикціей и манерой. Но впоследствии онъ сталъ далеко иначе относиться къ лекціямъ Виктора Ивановича. Онъ усвоилъ отъ В. И. вниманіе и уваженіе къ различнымъ національнымъ типамъ и съ большою любовью относился къ мѣстной южно-русской народности—малорусскому племени, чему не мало трудовъ удѣлялъ покойный Викторъ Ивановичъ. Въ дальнѣйшей своей научной дѣятельности Ястребовъ это выказалъ своими работами.

В. Н. Ястребовъ окончилъ въ 1876 г. университетъ и сразу съ университетской скамьи попалъ въ учителя исторіи въ Елисаветградское земское реальное училище. Означенное училище было тогда внѣ зависимости отъ М. Народн. Просв., и преподаваніе исторіи, какъ и другихъ предметовъ, вполне было подчинено желаніямъ преподавателя. При такихъ условіяхъ Ястребовъ велъ преподаваніе на основаніи новѣйшихъ данныхъ въ наукѣ, и его уроки были образцовыми. Но впоследствии училище было подчинено казеннымъ правиламъ, такъ какъ оно стало подлежать вѣдѣнію М. Н. П. Инициативѣ преподавателя стали удѣлять тогда менѣе мѣста: онъ обязанъ былъ держаться при преподаваніи строго учебника и не заходить въ своихъ объясненіяхъ за предѣлы, въ немъ обмежеванныя. Ястребовъ почувствовалъ тогда, что не въ учительствѣ должны проявляться его силы и, оставаясь учителемъ исторіи, сталъ заниматься мѣстной археологіей, этнографіей и скоро сталъ печатать по этимъ вопросамъ статьи и изслѣдованія. Работы его обратили на него вниманіе Императорскаго Московскаго археологическаго общества, и онъ 30 апрѣля 1885 года былъ избранъ въ число членовъ корреспондентовъ означеннаго общества. Затѣмъ

въ 1889 г. онъ былъ избранъ членомъ историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ, съ 1892 г.—дѣйстви- тельнымъ членомъ Императорскаго Общества исторіи и древно- стей, а съ 1894 г.—членомъ корреспондентомъ Церковно-Археоло- гич. Общества при Кіевской Духовной Академіи.

Отмѣтимъ изъ археологическихъ работъ покойнаго прежде всего обширное и очень цѣнное изслѣдованіе о *лядинскомъ и томниковскомъ могильникахъ Тамбовской губерніи*, изданное Пе- тербургской археологической комиссіей въ 1893 году съ 15-ю таблицами рисунковъ и съ 51 политипажемъ въ текстѣ. Далѣе, не менѣе цѣненъ „*Опытъ топографическаго обозрѣнія древностей Херсонской губерніи*“, напечатанный въ XVII т. За- писокъ Одесскаго общества Исторіи и Древностей 1894 года. Собранныя здѣсь свѣдѣнія расположены въ систематическомъ порядкѣ. Небольшія статьи по археологіи напечатаны въ „Кіев. Старинѣ“ и въ „Археолог. Изв. и Замѣткахъ“. Особенно инте- ресны: статья о *Херсонесѣ Таврическомъ* въ Кіев. Стар. 1883 г. № 4 и статья „*Поездка на о-въ Каменеватый*“ (на Днѣпрѣ) въ Археолог. Изв. и Зам. 1894 г. № 5. Наконецъ, очень цѣнна его критика монументальнаго изданія Бобринскаго „*Курганы м. Смѣлы*“ (Записки Наук. Товар. имени Шевченка т. VII).

По этнографіи также имѣется нѣсколько замѣчательныхъ работъ Ястребова. Этнографич. матеріалъ собранъ имъ въ двухъ сѣверныхъ уѣздахъ Херсонской губерніи въ теченіе десяти лѣтъ. Херсонская губернія, какъ видно изъ описаній ея уѣздовъ, от- дѣльныхъ селеній и волостей, отличается разнообразіемъ этно- графическаго состава населенія, большинство котораго соста- вляютъ малороссы; здѣсь рядомъ съ послѣдними живутъ и бѣлороссы, и великороссы, и молдаване, и нѣмцы, и поляки, и евреи, и греки, и болгаре. Переселившись изъ разныхъ концовъ Россіи и Европы, въ теченіе послѣдняго столѣтія они сжились одни съ другими и вошли въ болѣе или менѣе близкія отноше- нія, смотря по большей или меньшей общественности народнаго характера. Одни изъ народовъ обнаруживаютъ склонность къ ус- военію особенностей малороссовъ (напр. молдаване, болгаре, от-

части поляки изъ Галичины и Юго-Зап. края), другіе (какъ вѣмцы, евреи) удерживаютъ извѣстныя черты своей національности; но всѣ уже почти умѣютъ говорить по малорусски, и языкъ малорусскій сталъ для нихъ какъ бы международнымъ, въ родѣ того какъ на Кавказѣ такимъ языкомъ для сношеній между собою разныхъ народностей сталъ языкъ татарскій. Смѣшанный характеръ населенія отразился въ языкѣ и содержаніи малорусскихъ пѣсенъ и сказокъ въ смыслѣ привнесенія новыхъ элементовъ и порчи старыхъ.

Изъ книжекъ по этнографіи изданы имъ въ 1893 г. „*Малорусскія прозвища Херсонской губерніи*“. Здѣсь приведено 400 прозвищъ съ объясненіями; расположены они по внутренней ихъ связи съ разными проявленіями крестьянской жизни, личной и общественной. Затѣмъ, въ 1894 г. издалъ онъ „*Матеріалы по этнографіи Новороссійскаго края*“, гдѣ приведены имъ суевѣрія и обряды, а также легенды, сказки и рассказы. „Изъ того сырья, говоритъ Ястребовъ въ предисловіи, которое накопилось у насъ за десять лѣтъ, мы предлагаемъ здѣсь только то, для чего или вовсе не нашли прямыхъ аналогій въ печатныхъ сборникахъ, или нашли варианты, разнящіеся въ подробностяхъ“. Отъ такой осторожности, по мнѣнію г. Сумцова, сборникъ только выигралъ. Всѣхъ сказокъ, легендъ и анекдотовъ 41.

Изъ небольшихъ этнографическихъ замѣтокъ Ястребова, разбросанныхъ въ „*Кіевской Старинѣ*“, заслуживаютъ вниманія пѣсня о сербѣ (Кіевская Стар. 1884, XII), гайдамацкая пѣсня о лѣсѣ Чутѣ (Кіев. Ст. 1885 XII), варианты сказки о невѣрной женѣ (Кіев. Ст. 1884, IV), народныя пѣсни Херсонскаго края (Кіев. Ст. 1894, III), святочные пѣсни (*ibidem* (1894, II), о союзахъ неженатой молодежи (*Ibid.* 1896, 8). Наконецъ „*Pains de nocces rituels en Ukraine*“ въ „*Revue des Traditions populaires*“.

Во всѣхъ этихъ работахъ Ястребовъ является вѣрнымъ послѣдователемъ Григоровича; вездѣ сквозитъ вниманіе къ національнымъ особенностямъ народа, произведенія котораго приводятся; постоянно чувствуется симпатія къ малорусскому пле-

мени, изъ среды котораго заимствованы большею частью приводимыя легенды, сказки, обряды.

Ястребовъ не только изучалъ народъ, но и училъ его. Онъ принималъ ревностное участіе въ организованныхъ отчасти имъ же народныхъ чтеніяхъ въ Елисаветградѣ. Не задолго до смерти имъ написано для народнаго чтенія „Воспитаніе Петра I“. Имъ же приготовленъ къ экзамену на званіе сельскаго учителя г. Морозъ, не мало помогавшій ему въ собраніи этнографическихъ матеріаловъ. Объ этомъ Морозъ Вл. Ник. всегда очень тепло отзывался. Да и самъ г. Морозъ не остался у него въ долгу. По смерти Ястребова онъ въ такихъ выраженіяхъ вспоминаетъ о немъ. „Нравилась мнѣ въ немъ больше всего его великая, почти гениальная доброта. Въ немъ гармонически сочетался высокій умъ, опытность наблюдательнаго человѣка, юная довѣрчивость, свидѣтельствующая о его честности, и дѣтская простота. До сей поры я не встрѣчалъ человѣка съ такою широкою душой, такъ умбющаго воспринять чужое состояніе, чужое лишеніе или же радость, съ такою горечью отзывающагося о всемъ низкомъ и подломъ и такъ восторгающагося высокимъ, идеальнымъ“. Въ этихъ строкахъ народнаго учителя высшая похвала Ястребову въ его стремленіи помочь образованію народа.

Вздилъ Ястребовъ за границу—въ Константиноколь, въ Италію, въ Римъ, всходилъ на Везувій и оставилъ объ этомъ описаніе, помѣщенное въ свое время въ „Семьѣ и Школѣ“. Былъ онъ также въ Крыму, на Кавказѣ. Слѣдъ этихъ путешествій Ястребова остался въ естественно-историческомъ музеѣ елисаветградскаго реального училища: онъ пожертвовалъ въ этотъ музей интересныя образцы минераловъ съ Везувія и другихъ мѣстъ. Оставилъ онъ еще въ этомъ естественно-историческомъ музеѣ коллекцію писанокъ и дѣтскихъ игрушекъ простаго люда; коллекціями этими интересовался графъ Бобринскій, и по поводу ихъ Ястребовъ готовилъ особое изслѣдованіе.

Отзывы о Ястребовѣ, какъ товарищѣ, учителѣ, всѣ одинаково восторженны. „Онъ былъ совершеннѣйшимъ джентльме-

номъ, неспособнымъ даже на малѣйшую тѣнь подвоха или зложелательства; онъ по истинѣ не желалъ ничего, елика суть ближняго его“—таковъ, на примѣръ, отзывъ о немъ одного изъ бывшихъ его начальниковъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ глубоко преданъ своему дѣлу и былъ преподавателемъ, любящимъ свою науку. „Такого учителя не скоро найдетъ себѣ реальное елисаветградское училище“—замѣчаетъ тотъ-же начальникъ.

Любя свою науку, высоко цѣня товарищескія отношенія, онъ съ душевною болью переносилъ тяжелыя слухи о взяточничествѣ, въ которомъ одно время упрекали многихъ учителей реального елисаветградскаго училища. Нерѣдко со слезами на глазахъ возвращался онъ въ періодъ этихъ упрековъ домой изъ училища. Къ этому же времени относится начало его задумчивости, его безпредѣльной грусти, раздражавшейся нерѣдко слезами. Вскорѣ затѣмъ у него явно обнаружилось психическое разстройство. Сперва отвезли его въ Харьковскую психіатрич. лѣчебницу, а затѣмъ, когда послѣ нѣкотораго временнаго улучшенія ему стало окончательно худо, онъ былъ помѣщенъ въ Херсонѣ, въ тамошней психіатрической больницѣ, гдѣ и окончилъ жизнь 21 декабря 1898 г. на 43 году отъ роду... Миръ праху честнѣйшаго, благороднѣйшаго человѣка!

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Замѣчательный кладъ. 28 августа, въ усадьбѣ Льва Израил. Бродскаго (по Екатерининской ул.), при закладкѣ фундаментовъ для постройки оранжереи, на полуаршинной глубинѣ въ культурной почвѣ рабочіе нашли кладъ, состоявшій изъ золотыхъ предметовъ. Правдоподобно, что кладъ хранился въ низкогорлой амфорѣ изъ красной глины, часть которой (одно ухо и обломокъ горлышка) сохранилась. Значительную часть вклада владѣльцу удалось собрать; нѣсколько предметовъ были захвачены рабочими и, вѣроятно, были ими проданы въ ломъ.

Л. И. Бродскій предоставилъ мнѣ возможность осмотрѣть находящуюся въ его владѣніи часть вклада; она состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ:

1) Два золотые слитка, продолговатые, неправильной цилиндрической формы, вѣроятно, золотыя монетныя гривны; онѣ внѣшнимъ видомъ напоминаютъ т. назыв. серебряные новгородскіе рубли, имѣвшіе видъ металлическихъ палочекъ; одна изъ нихъ отмѣчена на одной сторонѣ тремя зарубками, и одинъ конецъ палочки (приблизительно около $\frac{1}{4}$ ея) отрубленъ еще до сокрытія вклада; вѣсъ этой гривны—141 граммъ (33 золотника).—Другой, меньшій, цилиндрикъ, безъ зарубки, совершенно цѣлый, вѣситъ 95 граммъ ($22\frac{1}{4}$ золот.).

2) Три золотые браслета; два изъ нихъ сдѣланы изъ толстой золотой кованной проволоки, съ концами свободными, не спаянными; одинъ изъ нихъ гораздо свѣтлѣе, что заставляетъ предполагать значительную примѣсь серебра.

Третій браслетъ сдѣланъ изъ болѣе тонкой золотой проволоки, скрученной спиралью и перевитой по направленію спирали золотую, очень вязкою плетеною цѣпочкою; концы браслета отломаны, но, судя по сохранившемуся одному обломку, они были связаны узломъ.

3) Двѣнадцать византійскихъ золотыхъ монетъ и одна восточная; монеты прекрасной сохранности, надписи на нихъ вполне уцѣлѣли и могутъ быть совершенно свободно прочитаны. Степень сохранности ихъ, можетъ быть, свидѣтельствуешь о томъ, что онѣ весьма недолго находились въ обращеніи. Византійскія монеты, съ одной стороны, представляютъ изображенія императоровъ, съ другой—бюстъ Спасителя въ нимбѣ и съ видѣющимся за головою крестомъ. Онѣ распредѣляются въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ:

Никифоръ II Фока 963—969 г.	1 экз.
Василій II и Константинъ XI 976—1025 г.	5 >
Константинъ XI Багрянородный 1025—1028 г.	1 >
Романъ III 1028—1034 г.	2 >
Константинъ XII Мономахъ 1042—1055 г.	1 >
Исаакъ I Комненъ 1057—1059 г.	2 > ¹⁾

Такимъ образомъ, всѣ византійскія монеты были чеканены во второй половинѣ X и въ первой половинѣ XI столѣтій и, судя по ихъ сохранности, можно полагать, что кладъ былъ спрятанъ въ землю не позже второй половины или конца XI столѣтія, можетъ быть, во время занятія Кіева Болеславомъ II, въ 1077 г., или въ одинъ изъ набѣговъ половецкихъ.

Въ числѣ предметовъ, входящихъ въ составъ клада, несомнѣнно по рѣдкости и историческому значенію главный интересъ представляютъ золотыя монетныя гривны. О существованіи этихъ гривенъ упоминаетъ лѣтопись; намъ случалось встрѣчать на Волини раза два извѣстія о томъ, что гривны такія были найдены, но не было возможности точно установить дальнѣйшую судьбу найденныхъ экземпляровъ, и только въ кладѣ г. Бродскаго я имѣлъ возможность первый разъ видѣть и взвѣсить эти древнѣйшія на Руси золотыя монетныя единицы.

В. Антоновичъ.

¹⁾ Sabattier т. II, стр. 137, № 3; стр. 147, №№: 1, 4 и 5; стр. 150, № 1; стр. 152, № 1; стр. 157, № 2 и стр. 163, № 1.

Замысль на попа по рукописи 1798 года. Въ «Кіевской Старинѣ» 1885 г. въ № 3 напечатанъ былъ текстъ стариннаго произведенія нашей малорусской поэзіи «Супляка, або замысль на попа» (стр. 543—550). Текстъ этой интермедіи былъ тогда установленъ по двумъ рукописямъ, изъ которыхъ одна, переписанная первоначально въ Бессарабіи, а потомъ циркулировавшая въ Галиціи, а потому и пріобрѣтшая тамъ особенности галицкаго правописанія, не отмѣчена датой времени переписки и мѣстами искажена переписчиками, а другая, записанная въ Черниг. г., въ м. Новомъ Ропскѣ (Новозыбковск. у.), подъ диктовку 73-лѣтняго старика Алексѣя Лисовскаго, чело-вѣка совершенно неграмотнаго, представляетъ многія неточности, какъ результатъ ослабѣвшей памяти старца. По этимъ-то двумъ рукописямъ, одна другую дополнявшимъ, и былъ составленъ сводный текстъ, иногда возстановлявшійся по догадкамъ и по памяти составителя замѣтки, несомнѣнно самого покойнаго редактора журнала *О. Г. Лебединцева*, въ дѣтствѣ слышавшаго эту пьесу въ звенигородскомъ уѣздѣ, кіевской губ. Намъ удалось теперь пріобрѣсть рукопись этого-же произведенія, озаглавленную «Замысль на попа», съ слѣдующей датой: «сей замысль переписалъ Священникъ Салогубовскій Іоаннъ Матвѣевичъ Скитскій 1798 года апрѣля 15». Въ виду почти совершенной ясравности даннаго текста, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляющаго дополненія къ прежнему тексту, а также въ виду записи, сдѣланной болѣе ста лѣтъ тому назадъ, мы считаемъ нужнымъ напечатать его цѣликомъ, сохраняя и всѣ особенности правописанія рукописи. Нѣкоторыя объясненія къ этой интермедіи даны въ упомянутой выше статьѣ въ нашемъ журналѣ, а потому, не повторяя ихъ, отсылаемъ читателя къ ней.

Замысль на попа.

А що свату Охрѣме! Нумо лишень гадати,
 Якъ-бы то намъ свого попа въ шоры врати.
 Геть вѣнъ силомѣццю влѣзь у нашу царофѣю,
 Та гѣди-жъ ты, якъ надъ нами кругить веремѣю.
 Чого наши батьки и дѣды не чували,
 То щобъ мы ему те на сповѣди слезезовали.
 Та ще жъ то выдумавъ яку затѣю,
 Щобъ мы давали дѣтей у ванацію.

- Охрѣмъ.* Геть я жь вамъ казавъ: не дуже лишь вы на ту оковитку.
- Свиридъ.* Хрѣпъ-же его вгадае, що добрымъ казався здѣтку.
- Харко.* Нема и на свѣтѣ, якъ нашъ пѣпъ бувъ старий,
Що и досѣ згадуе великій и малый.
- Хвилень.* Тай будемо, Харку, довго споминати,
Бо вже не будемо такого пона мати.
- Пархельмъ.* Умѣвъ-же, Филоне, съ людьми обходитися,
Тай було годѣ де горѣлки напиться.
Уже небѣжчикъ хотъ добре за вѣнчаныя дравъ,
Такъ добре-жъ и людей у хатѣ напувавъ.
Пошили, голубчику, тѣя оковитки,
Та ще не тѣльки мы, але й наши дѣтки.
А до сіого-жъ бо нѣякъ и приступиться,
Не тѣлки щобъ коли горѣлки напиться.
Хотъ за дѣломъ прійдешъ, то все рило дуе,
А якъ чого просишъ, то мовъ и не чуе.
- Тарасъ.* Нехай-же то васъ уже не шануе,
А то й Ничипора, що ще й титаруе.
- Панасъ.* Вѣнъ и отамана нѣ вѣщо не ставить;
Якъ той що скаже, то вѣнъ свое править.
- Хвесько.* Ходѣмо лишень до дяка, та все розкажимо,
Та хорошенько лишень пона улетѣмо.
- Свиридъ.* Здоровъ будь, пандяче; якъ собѣ маешъ?
Геть за чимъ пришли, чому не питаешъ?
- Дякъ.* Панове парофіяне, просимо сѣдати;
Когда въ гости пришли, то будемъ витати.
- Охрѣмъ.* Та сполать, пандяче, за твою ласку!
Послухай лишъ насъ, яку скажемъ казку.
Возьми лышъ каламаръ, та напши круто,
Щобъ на попа желѣзне путо.
- Дякъ.* Почтенные міряне! звѣте казати;
Чернилница готова, что будемъ писати?
- Фесько.* Пшш, пандяче, що пѣпъ намъ не велить играти въ карти
И що вѣднявъ у дѣтей усѣ дѣтскѣ жарти.
Дѣвкамъ не велить ходитъ на вечорницѣ,
Хиба-жъ имъ небогамъ постригтися у черницѣ.
Парубкамъ не велить съ дѣвками гуляти,
По чѣмъ-же имъ буде молодость згадати?

Наказавъ праздниѣвъ, що зъ пѣвкопы буде,
И щобъ жодне свято до церкви ходили люде.

Пархъмъ. А коли-жъ, пане свату, будемо робити,
Якъ будемо що-свята до церкви ходити?
Уже хотъ старый пѣшъ небѣжчинеъ не вмѣвъ ванаціи,
Тай не було тогдѣ такой затѣи.
До церкви ходили не жодной недѣли,
Говѣли тѣлько тѣ, которѣ хотѣли,
А сей-же бо велить и дѣтямъ говѣти,
И щобъ конче дѣтей «вѣрую» учити,
Хто оченаша не вмѣе, то й не причащае.

Луцько. Хотъ е за що, хотъ нема, то й сажае въ куну,
Ось якъ посадивъ и Хѣврю, мою куму,
За те тѣлки, выбачте, що угрѣшилась, якъ дѣжу мѣсила,
Отожъ бо цѣлый день у кунѣ сидѣла.
А Левка старого за те тѣлки въ кунѣ державъ,
Що тѣлки неборакъ съ кумою жартовавъ.

Артемъ. Тай мене самого въ куну пригрунцювавъ,
Що тѣлко смѣявся, якъ вѣнъ казанъ казавъ.
Харченка Терешка вѣдавъ на покаянѣе,
Що тѣлько угрѣшивсь на Андреево стояннѣ,
А Стецьковѣ Хамурѣ и паски не святивъ,
Що тѣлки неборакъ сѣмъ рѣчѣвъ не говѣвъ.

Омелько. Тай Петра Батыря въ куну посадивъ,
Що тѣлки до церкви пять рокѣвъ не ходивъ.
Педоря передъ причастямъ тѣлко квашѣ покоштувала
Стѣвижебо (sic) и за те въ кунѣ стояла.

Сергій. Тай Хомѣ негязѣ причастя не давъ,
Що идучи до службы горѣлку кшштувавъ.
Солоха Федѣвѣна дитину приспала,
Говѣла цѣлый пѣсть и въ кунѣ стояла.
А Иско у пятницю скорому наѣвся,
Та и за те въ кунѣ добре насидѣвся.
А Кирикъ Левченко не втѣкъ того сороба,
Що женився на Стеси, а вона йому кума.

Яцько. Тай Левко Хутепа три днѣ въ кунѣ сидѣвъ,
Що люлька тягъ тогдѣ, якъ говѣвъ.

- Грицько.* Тай же и Кулины Покрова не верила,
Що безъ чловѣка дитину родила.
А Процько за куму хоти у кунѣ не сидѣвъ,
Та на саме-жъ Рѣздо увесь день поклоны бывъ.
Зѣнецъ зъ родичкою тѣлки женихався,
Тай за те неборакъ у куну понався.
- Педько.* Пиши ще й се, пандаче, що не велить челядѣ колядовать
На уляцю ходити и на купалахъ скакати.
Дѣвкамъ не велить вѣнка робити,
Щобъ не грати въ карти, а въ шинкѣ не ходити.
А чому-жъ небѣжчикъ не тѣлки на купала ходивъ,
Але й навулачки, що не одинъ було отъ його лѣзо рачки.
Отижъ бо (sic!) сей не йде и пасъ не пускае,
Тѣлко въ церквѣ зъ дякомъ що день галасае.
А старый небѣжчикъ не разъ въ шинку и христовъ
Дитину, на купалахъ скакавъ и колядовати ходивъ,
По весѣляхъ було не тѣлки старостуе,
Хоть у придавахъ ще було и дружеуе.
А вѣнчавъ небѣжчикъ не тѣлко съ кумою,
Хоть бы хто десь прійшовъ изъ рѣдною сестрою.
Да вжежъ вѣнъ покѣйникъ не менше грѣхѣвъ знавъ,
Та парафѣянъ своихъ такъ не мурдовавъ.
Вѣлно тодѣ було що хотѣтъ робити,
Не привуждавъ, царство йому небесне, до церкви ходити.
И лихословицѣ тодѣ мы не вмѣли,
Отижъ бо (sic!) насущный хлѣбъ ѣли.
- Охрѣмъ.* Тодѣ, пане Педьку, а Бѣгъ лучше годивъ,
Геть сѣлкась що народъ до церкви не ходивъ,
А при сіому-жъ бо и Бѣгъ не ставъ годити.
- Тишко.* Бо стали дѣтей ванацѣи учити.
- Лаврѣнь.* Геть правду казала небѣжчица Настя,
Що не буде народъ бѣлше мати щастя.
- Супрунь.* Бо вона бачила, якъ замѣрала,
Що патѣнка святая Пречистой прохала:
Перестали-ке, Пречиста Мати, мене шановати,
Не дай же мірянамъ щастя и долѣ мати.
- Ярежа.* Бо вже швидко мусить вѣнецъ вѣку мати,
Коли вакацѣйники стали попувати,
Черезъ ихъ вѣколи мірянамъ и погулати,

Такъ коли-жъ пятѣвну святую шанувати?
 Та вже такъ прійдеться ходити безъ сорочокъ,
 А ще-жъ то треба и вѣддати дочокъ.
 Геть якъ бодня порожня, то ниhto не загляне,
 Той дѣвоцтво ихъ якъ трава завине.
 Чи любо дивиця на вѣрну Стецѣвну,
 Що волосъ посѣдѣвъ, тай не знайде собѣ рѣвню,
 Бо теперъ безъ вѣна вже й нѣ до порога,
 Ось якъ дѣвуе и вѣцна (sic!) небога,
 Що й на свѣтѣ до неѣ ниhto не загляне
 Геть тимъ, що въ боднѣ ничого немае.

Луцько. Прійдеться и нашимъ дочкамъ дѣвовати,
 Коли буде довго сей пѣшъ попувати.

Ничипѣрь. Не бѣся, пане Луцьку, не буде довго попомъ,
 Якъ пѣдемъ до хурхуреѣ вси гуртомъ,
 Та якъ роскажемъ, якъ вѣнъ нами крутитъ,
 То заразъ и іого до себе прицупитъ,
 Або й суплѣву оцю якъ розбере,
 То й може самого попа до рукъ прибере;
 Та якъ крутопоны попросимъ старого,
 То не бѣсь, заразъ намъ дадутъ другого.
 Та якъ роскажемъ, годѣ іому мірянамъ
 За шкуру сала лити, вивчимъ іого, якъ попувати,
 Буде вѣнъ знати, якъ шанувати
 Мірянъ, якъ одвѣдае хурхурейскихъ барбаръ.

Антѣнь. Кольбѣ, Ничипоре, хотъ по шостаку зложили,
 Та пѣдсунули хурхуреевѣ, щобъ іого *доступили* (неразбор-
 чиво наисано).

Панасъ. Тай крутопопѣ треба щось дати,
 Бо правду казала небѣжчиця мати,
 Що безъ грошей нѣ до пана,
 Якъ безъ сувна до Гатьмана (sic!)

Іовтухъ. Правду оце ты, пане куме, кажешъ,
 Бо ѣхати легко, якъ вѣзъ пѣдмажешъ.

Онисько. Пѣдѣтъ лишень, кликнѣтъ мого кума,
 Та попросѣтъ сюды Безналка Наума;
 Вони люде старѣйши и всюди бували,
 То може-бъ щось таке и вони сказали;

Чогось вони и сами сюди чимчикують.

А читай лишъ, пандяче, нехай и вони почують.

Дякъ читае. Въ Бозѣ преосвященнѣйшему, надъ владыками владычествующему, Божіей церквѣ, яко Христовой невѣсты, украсителю, Божіихъ велѣній истолкователю, пресвитеровъ премудрѣйшему учителю, всѣхъ бѣдныхъ защитителю всякой доброй надежды, Епископствующему епархіи новоглядинской (sic!) архипастырю, царю (sic) Своевольскому отъ православныхъ села Нерушмена царѣфѣянъ, пресвитеру Планенной (sic!) церкви премного грѣшныхъ рабовъ твоихъ.

Демко. А що-жъ оце вы пописали,
Адже-жъ вы сами себе звязали!
Геть вѣнъ не самъ се крутить,
А все іого панъ сотникъ нашъ учить.

Супрунь. Да вѣнъ же іого сюды и втоптавъ,
Дай за іого свою годованку вѣддавъ.

Терешко. Та вже-жъ таки хоть грунты позбуваемъ,
А тава іого зъ поцѣвства зонхаемъ.

Демко. Та гляди лишъ ты, Терешку, не дуже лишъ тупай,
Та перше старыхъ людей послухай,
Треба перше сотника схвасовати,
Та тодѣ будемъ и на попа прохати.

Науць. Уже, Терешку, не сыпати противъ сыла пѣскомъ,
А черезъ позовъ будемо ходити пѣшкомъ.

Тимъши. У ихъ грошей багато, та вони розумвѣ люде,
Куди пѣди, то ѣхъ право буде.

Педько. Нехай-же іого недобре опануе,
Коли намъ на лихо пѣшло, нехай коверзуе.

Науць. Ходѣмъ лучше могоричу пити,
Чѣмъ маемо чортъ знае що робити.
Та кликнѣте пандяка, нехай випье чарку.

Пархъмъ. Иди за нами, пандяче Марку!

Дякъ. Благодарю покорно за вашу ласку, за ваши привѣты,
Иде панамаръ до церкви звонити.

Сообщ. В. Науменко.

Письмо Т. Г. Шевченка къ В. И. Григоровичу. Печатаемое виже письмо Т. Г. Шевченка къ В. И. Григоровичу, конференцъ-секретарю Академіи Художествъ, доставлено намъ въ подлинникѣ родственнымкомъ послѣдняго, Конст. Григоровичемъ, живельствующимъ въ г. Пирятинѣ, полтав. губ., которому этотъ подлинникъ въ настоящее время и принадлежитъ. За предоставленіе намъ права напечатать это письмо приносимъ К. К. Григоровичу нашу глубочайшую благодарность.

Къ сожалѣнію, дата года въ этомъ письмѣ оторвана; но опредѣляется она самимъ содержаніемъ письма и извѣстными въ печати фактами изъ жизни поэта. Письма изъ Яготина Шевченко могъ писать или въ 1843 или въ 1844 году, т. к. въ эти два года онъ ѣздилъ изъ Петербурга въ Украину и проживалъ у кн. Ревнина въ м. Яготинѣ, пирятин. у., полтав. губ. *28 декабря 1843 года*, если вѣрить даннымъ, сообщаемымъ въ книгѣ А. Я. Конисскаго, онъ не могъ быть въ Яготинѣ, т. к. письмо его къ Кухаренку, съ просьбой прислать оперетку «Черноморскій побѣтъ» для постановки въ Медицинской академіи спектакля *на праздникахъ Рождества* ¹⁾, свидѣтельствуетъ о томъ, что въ декабрѣ мѣсяцѣ этого года онъ былъ въ Петербургѣ. *28 декабря 1844 года* онъ тоже не могъ быть въ Яготинѣ, т. к. князь Н. В. Ревнинъ умеръ 7 января 1845 года, и сохранилось письмо къ Шевченку княжны В. Н. Ревниной отъ 7 янв. и 22 февр. 1845 года, писанное подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этой смерти и ясно свидѣтельствующее о томъ, что его давно уже не было въ Яготинѣ. Такъ какъ послѣднее обстоятельство несомѣнно, то остается предположить, что фактъ, сообщаемый въ книгѣ г. Конисскаго, не вѣренъ, т. е. что въ декабрѣ 1843 года Шевченко былъ не въ Петербургѣ, а въ Малороссіи, какъ это и утверждаетъ другой біографъ поэта, М. К. Чалый, выразившійся, къ сожалѣнію, не совсѣмъ точно: «поэтъ здѣсь провелъ всю зиму 1844 года», тогда какъ слѣдовало сказать «зиму 184³/₄ года», что, впрочемъ, совершенно ясно видно изъ всего изложенія въ его книгѣ. Что письмо настоящее писано въ 1843 году, подтверждается еще и содержаніемъ его: Шевченко говоритъ о своемъ предположеніи поѣхать за границу, а если это не удастся, то вернуться въ Академію, «бо ій-богу хочица вчица». Оба эти

¹⁾ См. А. Я. Конисскій. Жизнь украин. поэта Т. Г. Шевченка. Одесса. 1898 г., стр. 168.

обстоятельства всецѣло могутъ относиться къ началу 1844 года, но никакъ не къ 1845, такъ какъ 25 марта 1845 года ему уже былъ выданъ аттестатъ на званіе свободнаго художника, послѣ выдержаннаго имъ испытанія, а въ этомъ письмѣ онъ только просить В. И. Григоровича прислать ему отпускъ на два мѣсяца, или безсрочный аттестатъ, если ему *«не треба вертаця въ Академію»*. Нужно думать, что отпускъ этотъ на два мѣсяца и былъ полученъ Шевченкомъ, т. е. въ февралѣ 1844 года мы видимъ его въ Москвѣ, конечно проѣздомъ изъ Украины, а не нарочно совершившимъ туда поѣздки, какъ думаетъ г. Конисскій, а 22 февраля онъ былъ уже въ Петербургѣ ¹⁾.

В. Науменно.

—
28 декабря Яготынѣ.

Батьку мій ридный, порай мыни, якъ сынови, що мыни робить? чи оставаця до якои поры, чи ѣхать до васъ. Я щось не дуже ударю на Академію, а въ чужеземщини хочеця бути. Я теперъ заробляю гроши (ажъ дивно, шо! вони мыни йдуть въ руки!), а заробивши, думаю чкурнуть, якъ Диолонъ Николаевичъ ²⁾. Думаю, що такъ лучше, а може и помыляюсь. Порайте, будьте ласкавы! Якъ разъ на святвечиръ бувъ я у Пыратыни у старои матери вашои, батьку мій. Рада, дуже рада була старенька, спасыби їй. Трычи заставыла мене прочытать въ слухъ инсьмо, шо вы писали о Ваничкѣ. Ей-богу и я заплакавъ, хочъ я и не дуже слѣзоточывый. Батечку мій! пышитъ до старои частенько, бо вона чыта всяке ваше пысьмо, ажъ поки не получитъ другого. И це вся їй радистъ. Зъ плачемъ нарикае на меншого сына, шо винъ до неи не иде. Перехрестыла мене, поблагословыла, и я пишовъ до брата вашого черезъ улыцю свидать, взявши у старенькои двиты оци. Навдывовыжу и на радистъ вамъ посылаю, батьку мій!

Одъ сентября я не бачывся зъ Григоріемъ Степановичемъ ³⁾, а побачуси швидко. Я тойди просывъ у васъ *выда*, п якъ вы его прыслали, то я его ще й не бачивъ. А теперъ ось чого прошу. Колы побачите, шо мыни треба вернуця до васъ, то будьте ласкавы, прышлите ще на два мвсиця; а колы мыни не треба вертаця въ Акаде-

¹⁾ См. Конисскій, стр. 171.

²⁾ О комъ говорится, опредѣлять не можемъ.

³⁾ Гр. Ст. Тарновскій.

мію, хочъ мыни й дуже хочиця, то прышлить, батьку мій, *безсрочный атестатъ* на имя Григорія Степановича. Страшно дывиця мыни на грядущее, бо воно иогане. А теперь мыни добре, дуже добре. Порайте, що мыни робить. Колы не зберу грошей, щобъ повхаты за-границю, то зберу такъ, щобъ прихаты въ Академію, бо ей-богу хочиця вчиця.

Багато, багато треба бѣ мыни напысаты до васъ, та николы, бо вже сидають, а я дошысу. Нехай вамъ Богъ пошле того, чого вы сами собі просыте.

Щырый сынъ вашъ Т. Шевченко.

На оборотъ:

Въ Яготинъ мѣстечко, Пирятин. уѣзда, Варварѣ Николаевнѣ Княжинѣ Рещиной писаты мнѣ.

Порфирій Кореницкій—забытый малорусскій писатель. Въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія имя Порфирія Кореницкаго, какъ писателя малорусскаго, начало было выдвигаться, т. е. произведенія его попали въ два очень видныхъ въ то время альманаха—«Снопъ» Корсуна и «Дастивка» Гребинки; въ первомъ была помѣщена сатирическая поэма «Вечерницы», а во второмъ—басня «Панько та верства». Больше, насколько намъ извѣстно, въ печати не было ни одного изъ его произведеній, хотя приходилось не разъ слышать, что онъ писалъ и поэмы, и басни, и пѣсни; такъ наприимѣръ, извѣстно, со словъ его сотоварищей по семинаріи, что онъ тамъ еще пробовалъ свои силы въ писательствѣ и между прочимъ написалъ свою первую поэму «Куряжъ», въ которой смѣло и остроумно описалъ жизнь монаховъ въ Куряжскомъ монастырѣ (въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Харькова). Поэма эта, по цензурнымъ условіямъ, не могла, конечно, появиться въ печати, и какая судьба постигла ее—остается неизвѣстнымъ. Не болѣе того знаемъ мы и о самой жизни Порфирія Кореницкаго; въ «Очеркахъ исторіи украинской литературы» Н. Петрова никакихъ біографическихъ данныхъ не приведено и даже только по догадкамъ сказано, что онъ былъ воспитанникомъ одной изъ бурсъ и, вѣроятно, харьковской семинаріи.

Нѣсколько времени тому назадъ мы получили отъ проф. Н. И. Петрова списокъ одного стихотворенія Порфирія Кореницкаго оза-

главленнаго „Нехай“, съ слѣдующей замѣткой къ нему уважаемаго профессора:

«Недавно ¹⁾ я получилъ изъ Харькова черновой автографъ не безъизвѣстнаго въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія малорусскаго писателя Порфирія Кореницкаго, заключающій въ себѣ его стихотвореніе «Нехай». Прежнія стихотворенія П. Кореницкаго, помѣщенные въ альманахъ «Синицъ» и «Ластивка», отличались подражательностію и посредственностію. Вновь найденное теперь стихотвореніе «Нехай», по нашему мнѣнію, болѣе заключаетъ сердечности и оригинальности и, вѣроятно, вызвано обстоятельствами жизни самого автора. Порфирій Кореницкій учился въ харьковской духовной семинаріи, но, вѣроятно, не доучился въ ней, потому-что достигъ въ своей жизни только діаконскаго сана. Свою неудачливость въ жизни Кореницкій и изображаетъ въ данномъ стихотвореніи «Нехай».

Раньше чѣмъ печатать это стихотвореніе, мы попытались добыть хоть кое-какія данныя о жизни П. Кореницкаго, что и удалось намъ получить отъ одного изъ нашихъ сотрудниковъ, сообщающаго свѣдѣнія о немъ со словъ свящ. Мартыновича, бывшаго сотоварища П. Кореницкаго по харьковской семинаріи.

Порфирій Кореницкій—сынъ священника Харьковской губерніи; воспитывался въ мѣстной духовной семинаріи въ концѣ 30-хъ годовъ. Это былъ выдающійся человѣкъ, прекрасный товарищъ, душа общества, остроумный собесѣдникъ. Пилъ онъ до положенія рязъ въ товарищеской компаніи, воевалъ съ семинарскимъ начальствомъ изъ-за господствовавшихъ въ то время порядковъ и не терпѣлъ схоластической мертвечины въ преподаваніи. Не ошибаясь, можно сказать, что семинарской науки онъ не ставилъ высоко, а потому за учебныя книги почти не брался.

Однимъ изъ первыхъ его произведеній была, по словамъ того-же свящ. Мартыновича, сатирическая поэма «Куражъ». Поэма эта ходила въ рукописяхъ среди семинаристовъ и духовенства и, очевидно, погибла въ то время, когда начались рззыски со стороны духовныхъ властей, возмущенныхъ ея содержаніемъ. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые узнавали себя въ поэтическомъ изображеніи, у другихъ шапки загорались, третьи понимали намеки,—однимъ словомъ, всѣ узнавали неприглядную картину дѣйствительности, нарисованную сатириче-

¹⁾ Писано въ ноябрѣ 1895 года.

экимъ взмахомъ невѣдомаго смѣльчака. Тѣ, кому желательно было-бы вѣдать, очевидно не вѣдали, что такимъ смѣльчакомъ былъ Кореницкій,—и онъ оставался въ семинаріи, продолжая попрежнему упражняться въ сочинительствѣ и потѣшая устроумными экспромптами товарищей. Наконецъ чаша переполнилась—и П. Кореницкій былъ исключенъ изъ семинаріи, будучи на 4-мъ или на 5-мъ курсѣ. Рассказываютъ, что когда онъ въ послѣдній разъ, получивъ уже увольнительное свидѣтельство, шелъ по корридорамъ семинарскимъ и увидѣлъ передъ собой дверь ректорской квартиры, у него мелькнуло въ головѣ: «треба видячыты!» Нащупавъ въ карманѣ кусокъ мѣла, онъ написалъ на дверяхъ квартиры слѣдующій экспромптъ:

«Оттуть цплисенька симья—

Сирко, рябо та цуцня».

А въ квартирѣ этой жил: самъ ректоръ, его секретарь—рябой, весь изрытый осной человѣкъ, и мальчуганъ-келейникъ, находившійся у нихъ на послугахъ. При встрѣчѣ съ товарищами, самъ Кореницкій потомъ рассказалъ, что это онъ оставилъ «невельчку дябу, бо більшой никола було».

По выходѣ изъ семинаріи, Кореницкій влачилъ горькое существованіе безирютнаго бурлака, но какъ долго—неизвѣстно; знаемъ только, что онъ женился потомъ и получилъ діаконское мѣсто въ одномъ изъ харьковскихъ городскихъ приходоѡвъ. Вообще, жизнь его была во всѣхъ отношеніяхъ тяжела; иначе чѣмъ объяснить его дальнѣйшее поведеніе: онъ запылъ мертвую, запылъ безъ просыпу. Эта несчастная страсть и свела его преждевременно въ могилу. Однажды, въ жестокіе крещенскіе морозы отправился онъ въ харьковскій пригородоѡвъ Сокольники, гдѣ продавалась «дешева горилка»; напылся тамъ и на возвратномъ пути замерзъ. Вотъ эта-то жизнь неудачника и сказала въ его стихотвореніи «Нехай».

Нехай мене Господь карае,
Нехай мене не пусте въ рай,
Нехай не дасть, що общае,
Нехай я буду выбрытай. ¹⁾

¹⁾ Отверженный.

Нехай уси карають гублять,
 Нехай сміються до гриху,
 Нехай корять мене и глумлять,
 Нехай и плачуть до смиху:

—
 Я не заплачу—засміюся.
 Дивчына е—такъ що казать?
 Сміюсь, никого не боюся.
 Дивчына йе—такъ буду цилувать!

—
 О, знаю! плакаты я буду цилый вить,
 Бо я вродывсь соби несчастный чоловікъ,
 Такой, якого ще не бачывъ свить на свити,
 Якого горе ще не бачыло въ прымити,

—
 Якого зъ вашой мылости не бачывъ въ свити всякъ;
 Бо я що-день, що ничъ все плачу такъ,
 И вить свій коротаты-изнываты
 И слёзы сыроты безвынно прольваты.

—
 О, гирко мни на свити жыты!
 О гирко вить мій коротаты!
 О, гирко жызнъ свою нудыты!
 О, гирко зло мни спомынять!

И. Кореницкій.

Орхатовъ.

—
 Признаться надо, что стихотвореніе это очень слабенькое, и мы никакъ не можемъ согласиться со словами проф. Н. И. Петрова, что оно выше „Вечерницъ“ и особенно басни «Павько та верства». Если и стояло его напечатать, то исключительно какъ страничку изъ жизни неудачника-человѣка, свои культурныя способности внесшаго отчасти въ нашу, небогатую еще въ тѣ годы, сокровищницу малорусской музы.

В. Науменко.

Истребленіе древняго замка въ Подоліи. Когда на недавнемъ Археологическомъ Съѣздѣ въ Кіевѣ шла рѣчь о невѣжественномъ истребленіи памятниковъ старины въ нашемъ краѣ, то, въ числѣ другихъ жертвъ подобнаго вандализма, былъ названъ и замокъ въ м. Зиньковѣ, летич. у. подольск. губ. Болѣе 400 лѣтъ нерушимо стояла эта подольская твердыня, видѣвшая не разъ подъ своими стѣнами и татаръ, и турокъ, и козаковъ, и еще такъ недавно гордо высились ея вѣковѣчныя башни, а теперь отъ нихъ не осталось и камня на камнѣ. Да будетъ же почтенъ этотъ многовѣковой свидѣтель минувшаго хотя краткимъ некрологомъ!

Зиньковъ принадлежитъ безспорно къ древнѣйшимъ поселеніямъ нашего Подолья; его происхожденіе теряется во мракѣ вѣковъ. Достоверная исторія Зинькова начинается лишь со 2-й четверти XV ст., когда онъ былъ пожалованъ королемъ Владиславомъ II, въ награду за военные заслуги, Петру Одровонжу, первому подольскому воеводѣ. Онъ-то и построилъ здѣсь на высокой горѣ каменный замокъ, окружилъ его рвами, снабдилъ значительнымъ гарнизономъ, а у подножія горы, подъ его защитой, построилъ каменный костель и такую же церковь (св. Троицы), существующіе и до настоящаго времени. Съ тѣхъ поръ Зиньковскій замокъ становится грозой для татаръ. Въ 1453 г. Зиньковскій староста Лашъ, вмѣстѣ съ Межибожскимъ и Летичевскимъ старостами, разгромили татарскую орду подъ Тереховлемъ и отбили у нея около 9,000 плѣнниковъ. Въ 1516 г. другой Зиньковскій староста Якубъ Сецыгнѣвскій поразилъ татаръ подъ стѣнами своего замка, а въ 1524 г. турки, въ числѣ 12,000, сожгли Зиньковъ и околицы, но овладѣть замкомъ не были въ силахъ. Въ концѣ XVI ст. Зиньковъ по наслѣдству переходитъ въ родъ Снявскихъ, которые много сдѣлали для укрѣпленія здѣшняго замка. Въ эпоху турецкаго господства въ Подоліи Зиньковскій замокъ недолгое время побывалъ въ рукахъ Турокъ, которые его обновили и укрѣпили, почему онъ до послѣднихъ временъ своего существованія извѣстенъ былъ въ устахъ народа подъ именемъ „турецкаго“ замка. Въ XVIII ст., за прекращеніемъ рода Снявскихъ, Зиньковъ достается князьямъ Чарторыйскимъ и затѣмъ Виртембергскимъ, а въ 1831 году путемъ конфискаціи переходитъ въ казну.

По присоединеніи Подолья въ Россію, замокъ Зиньковскій потерялъ, конечно, военное значеніе; но онъ былъ построенъ изъ таковаго прочнаго матеріала (мѣстнаго камня) и такъ солидно, что могъ

бы еще долгіе вѣка, безъ ремонта, противостоятъ разрушительному вліянію времени и стихій. Еще въ 1870-хъ годахъ былъ совершенно цѣлы въ немъ два величественныхъ бастиона, съ окружающими ихъ массивными каменными стѣнами, а на вѣздной башнѣ красовался гербъ Сѣвявскихъ. Но въ эпоху введенія уставныхъ грамотъ мѣстность, гдѣ стоялъ замокъ, отошла въ надѣлъ крестьянамъ,—и это послужило началомъ его гибели. Крестьяне первымъ дѣломъ истребили окружавшій его вѣковой лѣсъ, а затѣмъ принялись понемногу разрушать и замокъ. Въ прошломъ году намъ пришлось побывать въ Зиньковѣ, и мы были свидѣтелями такой картины: на верхней площади горнаго мыса, гдѣ стоялъ замокъ, рабочіе раскапывали его фундаменты и добывали оттуда каменные глыбы, которыя складывали затѣмъ въ правильные ярусы. Вся надземная часть замка была такимъ образомъ уже уничтожена, оставались только подземные подвалы главнаго бастиона, выходившіе въ сторону обрыва нѣсколькими ярусами. Изъ расиросовъ выяснилось, что эту вандальскую работу предпринялъ одинъ мѣщанинъ, приобрѣтшій на то право отъ крестьянскаго общества; добытый же такимъ способомъ камень онъ продаетъ, какъ строительный матеріалъ, изъ котораго въ мѣстечкѣ уже построено нѣсколько домовъ. Все это дѣлается вполне открыто, на глазахъ мѣстныхъ и прѣзжпхъ властей,—и никому не приходитъ въ голову, что здѣсь совершается вопіющее преступленіе не только противъ интересовъ науки археологіи, но и въ юридическомъ смыслѣ преступленіе государственныхъ законовъ, принимающихъ подъ свою охрану монументальные памятники древности.

Въ нашемъ краѣ еще сохранилось нѣсколько древнихъ замковъ. Нѣкоторые изъ нихъ (наприм., въ с. Сутковцахъ, летич. у.) стоятъ на крестьянскихъ земляхъ, слѣдовательно, находятся въ столь же опасномъ положеніи, какъ и бывшій Зиньковскій замокъ. Пока что, крестьяне ихъ оставляютъ въ покоѣ; но явится нужда въ строительномъ матеріалѣ—и они моментально обратятся въ каменоломни. Пусть же печальная участь Зиньковскаго замка послужитъ урокомъ и предостереженіемъ для тѣхъ, кто имѣетъ власть и силу не допустить повторенія подобнаго вандализма.

Ор. Левицкій.

Богданъ Залѣскій и Гоголь. Въ «Gaz. Lwow.» (№ 218) находимъ слѣд. замѣтку. Богданъ Залѣскій познакомился съ Гоголемъ въ Парижѣ весною 1833 или 1834 года. Богданъ Залѣскій жилъ въ Севре и оставался въ хорошихъ отношеніяхъ съ Гоголемъ все время своего пребыванія тамъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Потомъ они встрѣтились еще разъ въ Римѣ, когда Гоголь былъ уже подъ вліяніемъ Василя Жуковскаго. Въ свое путешествіе въ Іерусалимъ Богданъ Залѣскій разминулся съ нимъ въ Либани. Много подробностей о Гоголѣ сообщили Залѣскому его племянникъ Галаганъ (?) и профессоръ Погодинъ, но эти подробности, хотя и интересныя, не были утѣшительны, какъ сообщаетъ Залѣскій.

Однажды, не заставши Залѣскаго въ Севре, Гоголь оставилъ ему слѣдующую записочку.

«Дуже-дуже було жалко, що не заставъ пана земляка дома. Чувавъ, що на пана щось напало—не то *соляныця*, не то *завійныця* (хай їй присниться лысый дідько), та теперъ спасибо Богу кажуть начей то панъ зовсимъ здоровъ. Дай же Боже, щобъ на довго, на славу усій козацкій земли дававъ бы чернецького хлиба усякій болязнь и злыднамъ. Та й насъ бы не забувавъ, пысульки въ Римъ славъ. Добре бъ було, колы бъ и самъ туды колы небудь прымандровавъ. Дуже, дуже близькый землякъ, а по серцю ще близькый чимъ по земли». Мыкола Гоголь.

Н. И. Гулакъ. (*Некрологъ*). Въ нынѣшнемъ году, 26-го мая, скончался въ гор. Елисаветполѣ, въ возрастѣ 77 лѣтъ, статскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Гулакъ, бывшій учитель тифлисской 1-ой гимназіи. Судьба Николая Ивановича замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Окончивъ курсъ дерптскаго (нынѣ юрьевскаго) университета, со степенью кандидата, и поступивъ, какъ уроженецъ юга Россіи (Херс. губ.), на службу въ 1845 г. въ канцелярію кіевскаго, подольскаго и волинскаго генералъ-губернатора, онъ принялъ участіе въ извѣстномъ Кирилло-Меѳодіевскомъ обществѣ. Тогда усмотрѣли въ стремленіяхъ общества много предосудительнаго, и Н. И. былъ заключенъ въ шлиссельбургскую крѣпость на 3 года. Отбывъ наказаніе, Николай Ивановичъ былъ отправленъ въ гор. Пермь,

подъ надзоръ полиціи, но черезъ годъ ему было разрѣшено поступить на службу въ пермскій статистическій комитетъ, а черезъ 8 лѣтъ онъ посвятилъ себя педагогической дѣятельности, къ которой чувствовалъ внутреннее влеченіе.

Николай Ивановичъ былъ человѣкъ широкаго европейскаго образованія и, можно сказать, большой учености. Онъ владелъ нѣсколькими языками, древними и новыми, и хотя по образованію былъ математикъ, но по спеціальнымъ своимъ занятіямъ обнаруживалъ склонность къ лингвистикѣ. Въ своей молодости Н. И. Гулакъ отличался общительностью, экспансивностью своей натуры, но въ пожиломъ возрастѣ сталъ искать уединенія, заменился въ самомъ себѣ и велъ чисто кабинетную жизнь, посвящая время чтенію или ученымъ занятіямъ. Благороднымъ своимъ характеромъ, вѣрностью данному слову, а также отзывчивостью на чужое горе онъ снискалъ себѣ любовь товарищей и привязанность своихъ учениковъ, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые умѣли цѣнить глубину его знаній и соединяющую съ ней широту взглядовъ. (Кавк.).

Объ изданіи переписки И. И. Срезневскаго. Въ виду предполагаемаго Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ изданія переписки академика И. И. Срезневскаго, чрезвычайно желательно получить свѣдѣнія о бумагахъ нѣкоторыхъ изъ его корреспондентовъ, письма къ которымъ не имѣются въ распоряженіи редакціи. Стремясь къ наибольшей полнотѣ изданія, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ включенію въ него только самаго цѣннаго по строгому выбору, Академія Наукъ обращается съ усердною просьбой о содѣйствіи ко всѣмъ, имѣющимъ возможность сообщить какія бы то ни было свѣдѣнія относительно бумагъ слѣдующихъ лицъ:

В. Г. Анастасевича, В. П. Андросова, А. С. Анастасевича-Чужбинскаго, Н. В. Берга, И. Вагнлевича, И. Θ. Головацкаго, С. И. Гульева, В. И. Дали, П. П. Дубровскаго, К. В. Запа (K. Zap), Йордана (J. Jordan), Н. В. Калачова, В. С. Караджича, М. Т. Каченовскаго, К. Кузманя (K. Kuzmanu), П. А. Лавровскаго, арх. Леонида, М. А. Максимовича, В. В. Макушева, И. М. Мартынова, В. Мацѣевскаго, А. Л. Метлинскаго, Ф. Миклошича (F. Miklošič), С. П. Мивуцаго, И. И. Носовича, Θ. Павловича, Д. В. Полѣнова, Я.

Цуркьяни (J. Purkyně), П. Н. Рыбникова, В. Станка (V. Stanek), П. Тирола, архіен. Филарета (Черниговскаго), Ф. Челяковскаго (Fr. L. Čelakovsky), Л. Штура (L. Štur), П. Шафарика (P. J. Šafarik).

Матеріалы просятъ доставлять въ 1-ое отдѣленіе бібліотеки Императорской Академіи Наукъ Всеволоду Изманловичу Срезневскому.

Поправка. Въ сентябрьской книгѣ «Кіевской Старины», въ статьѣ *Н. Ш—рова* «У могилъ П. А. Кулиша и В. М. Бѣлозерскаго» слѣдуетъ исправить слѣдующія опечатки:

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
357	7 св.	1897	1847
—	6 св.	принадлежалъ	принадлежитъ
359	2 св.	мудрѣйше	мудрѣйша
363	2 св.	пустымъ	простымъ
368	19 св.	окончено	скянчено
369	16 св.	начальнаго	начатаго
370	10 св.	незнакому	незнаному
375	15 св.	симпатію	симпатіи
376	7 св.	не забудь	не забудуть.

Текущія извѣстія.

Дневникъ А. А. Скальковскаго. По сообщенію «Одессъ. Листка» (№ 222), послѣ смерти А. А. Скальковскаго, скончавшагося въ Одессѣ въ концѣ прошлаго года на 92-мъ году жизни, остался интереснѣйшій дневникъ его за 60 лѣтъ, весьма важный документъ для исторіи общественной жизни въ Одессѣ и вообще въ Южной Россіи. Въ настоящее время сынъ покойнаго, К. А. Скальковскій, какъ сообщаетъ «Петерб. Газ.», занятъ составленіемъ біографіи своего отца и изданіемъ его переписки.

Цѣнные архивы. При нѣкоторыхъ волостныхъ правленіяхъ Харьковской губерніи имѣются архивы, въ которыхъ, какъ говорятъ, при тщательномъ изслѣдованіи, можно найти весьма рѣдкіе и цѣнные документы глубокой старины. Между прочимъ, въ архивѣ Бурлуцкаго волостного правленія, Волчанскаго уѣзда, хранится не мало всякаго рода дѣлъ и бумагъ, относящихся къ устройству бывшихъ военныхъ поселеній въ харьковской губерніи. Прочіе цѣнные документы можно встрѣтить въ архивахъ волостныхъ правленій Зміевскаго, Изюмскаго и Ахтырскаго уѣздовъ. Было бы желательно, чтобы изслѣдованіе всѣхъ этихъ интересныхъ архивовъ было поручено людямъ болѣе или менѣе компетентнымъ. (Южн. Край, № 6381).

Цѣнные архивные документы. Въ архивѣ полтавской губернской земской управы на двѣхъ найдены любопытныя въ историческомъ отношеніи грамоты, выданныя на имя малороссійскаго бунчуковаго Антона Жайворонка и подписанныя частью Императрицей Екатериной и частью малороссійскимъ гетманомъ графомъ К. Разумовскимъ. Грамоты эти относятся къ 1754, 1762 и 1774 г. г. Всѣ подписи и печати на грамотахъ сохранились отчетливо и ясно. Найденные документы переданы въ архивъ губ. зем. управы послѣ упраздненія существовавшаго нѣкогда въ Полтавѣ приказа общественнаго призрѣнія.

Весьма возможно, что въ архивѣ полтав. губ. земства имѣются и другіе еще болѣе цѣнные историческіе документы, поэтому было бы желательно, чтобы изслѣдователи малорусской старины и малорусскаго края обратили на упомянутый архивъ свое вниманіе. (Полт. Губ. Вѣд. № 162).

Интересные документы. При приведеніи въ порядокъ архива кievскаго городского общественаго управленія, архиваріусъ Татаровъ нашелъ нѣкоторые интересные историческіе документы, перечисленные въ описи бумагъ городского архива. Въ числѣ этихъ документовъ находятся: грамота патриарха московскаго Адриана, помѣченная 26 апрѣля 1699 года, грамоты польскихъ королей: Стефана—отъ 1576 года, Владислава—1641 г., Сигизмунда III—1576 г.; подлинныя універсалы: гетмана запорожскихъ войскъ Богдана Хмельницкаго съ

1652 по 1657 годъ, гетмана Юрія Хмельницкаго съ 1657 года по 1660 годъ и Ивана Мазеи съ 1687 по 1709 годъ. Нѣкоторые изъ этихъ документовъ сохранились въ подлинникахъ и снабжены гетманскою и другими печатами, другіе документы представляютъ копіи. По словамъ архиваріуса, въ архивѣ имѣется еще нѣсколько пачекъ неразобранныхъ имъ разныхъ историческихъ документовъ. Почти всѣ грамоты сохранились прекрасно. («Кіевл.»)

«Благотворительное общество изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ». Объ этомъ обществѣ мы упоминали въ № 1, стр. 26, № 2, стр. 89—90, № 4, стр. 26—27. Правленіе разсылаетъ теперь печатныя извѣщенія объ открытіи общества, въ которыхъ говоритъ о работѣ, наиболѣе необходимой вначалѣ: популяризація научныхъ и утилитарныхъ свѣдѣній на народномъ языкѣ; изданіе книжекъ религіозно-нравственнаго содержанія; изданіе книжекъ о законахъ и распорядженіяхъ правительства въ доступномъ малорусскому народу изложеніи; необходимость изданія своего печатнаго органа. Въ концѣ правленія приглашаетъ всѣхъ, «кому дороги интересы родного края, его культурное движеніе», помогать обществу, какъ работой, такъ и деньгами. Деньги надо посылать Виктору Вл. Игнатовичу, въ Петербургъ, Государств. банкъ, въ центральную бухгалтерію, а рукописи на имя предсѣдателя (ген. Федоровскій) или секретаря (Е. Гребенюкъ).

На дняхъ вышло изданіе «Благотворительнаго общества»—брошюра «Мале зернятко»; въ скоромъ времени выйдетъ и вторая—«Про городьну».

Столѣтіе Кіевской губернской типографіи. 27 іюля Кіевская губернская типографія праздновала столѣтіе со дня своего открытія. Инициатива открытія при кіевскомъ губернскомъ правленіи казенной типографіи принадлежитъ кіевскому губернатору генералъ-маіору В. И. Красно-Милешевичу (1795--1799 гг.), съ какою цѣлью въ гор. Махновѣ (нынѣ мѣстечко, Бердичевскаго уѣзда) была куплена у шляхтича Тадеуша Дерига небольшая типографія; первый печатный оттискъ этой типографіи былъ выпущенъ 27 іюля 1799 г. Цензуру изданій, выходившихъ въ то время изъ губернской типографіи, вѣдалъ, главнымъ образомъ, вилевскій университетъ. Въ срединѣ 30-хъ

годовъ Кіевъ значительно выросъ. Будучи всегда центромъ религіознымъ, онъ къ тому времени сдѣлался и центромъ просвѣщенія Юго-Западнаго края, сосредоточивъ въ себѣ въ то же время и главные торговныя нити послѣднаго, благодаря перенесенію въ Кіевъ контрактной ярмарки изъ города Дубно. Все это мало-по-малу создало потребность въ мѣстномъ періодическомъ изданіи. И вотъ, иди навстрѣчу требованіямъ жизни, губернское правленіе задумало издавать при своей типографіи газету. Соответственное разрѣшеніе послѣдовало со стороны генераль-губернатора 27 декабря 1835 года, при чемъ изданію было дано заглавіе «Кіевскія Объявленія». Подписная цѣна на газету установлена была въ размѣрѣ 2 руб. въ годъ. Съ возникновеніемъ газеты начинается и рядъ улучшеній въ губернской типографіи. Съ 1 января 1838 г. существованіе «Кіевскихъ Объявленій» прекратилось, и вмѣсто нихъ стали выходить въ свѣтъ «Кіевскія Губернскія Вѣдомости», заключаая въ неофициальной части свѣдѣнія о базарныхъ цѣнахъ, объ ярмаркахъ, о прибывшихъ и выбывшихъ изъ Кіева, о происшествіяхъ и т. д. Въ со-роковыхъ годахъ, въ бытность кіевскимъ губернаторомъ И. И. Фундуклея, губернская типографія была значительно расширена и улучшена. Съ 1862 года въ типографіи печатались кіевскія періодическія изданія «Кіевскій Телеграфъ», «Воскресное Чтеніе» и «Труды кіевской духовной академіи».

Въ послѣднее время, благодаря заботамъ кіевского губерв. Ѳ. Ѳ. Тренова, въ помѣщеніи типографіи, путемъ ряда перестроекъ, сдѣланы значительныя улучшенія. Введено въ ней и электрическое освѣщеніе. Для учениковъ-же типографіи во дворѣ построена гимнастика. Улучшено также и положеніе служащихъ въ типографіи, гдѣ ежедневно работаетъ въ среднемъ около 60 человекъ. (Кіевлян.).

Крупный и рѣдкій даръ. Изъ Бучача сообщаютъ въ газ. «Дило», что умершій тамъ отставной капитанъ мѣстной охраны (obrony krajowej) *Янъ Оберцъ* завѣщалъ все свое имущество, до 40.000 злот. ренс. (32.000 руб.), на пособія недостаточнымъ ученикамъ *обѣихъ народностей* христіанскаго вѣроисповѣданія (т. е. русиновъ и поляковъ), посѣщающимъ народныя школы и гимназію въ Бучачѣ. (Gazeta Lwowska, 182).

Казенная поставка розогъ. Одному изъ сотрудниковъ «Кіевл» удалось видѣть интересный документъ, относящійся къ эпохѣ процвѣтанія тѣлесныхъ наказаній. Это—постановленіе кіевскаго губернскаго правленія отъ 8 апрѣля 1849 года. Въ постановленіи говорится слѣдующее.

«Присутствіе губернскаго правленія слушало два отношенія губернскихъ правленій: одно таврическаго, отъ 5 февраля, а другое херсонскаго, отъ 25 февраля, въ коихъ, изъяснивъ, что въ Таврической и Херсонской губерніяхъ нѣтъ березовыхъ рощъ, изъ которыхъ бы можно заготавливать розги для наказанія преступниковъ, просятъ сіе правленіе увѣдомить, могутъ ли быть заготавлиемы въ Кіевской губерніи ежегодно для таврической, до 9.000, и для Херсонской до 20,000 пучковъ березовыхъ розгъ и во что обойдется поставка первыхъ въ Симферополь, а послѣднихъ въ Херсонъ; приказали предписать всѣмъ градскимъ и земскимъ полиціямъ Кіевской губерніи, а также уѣзднымъ стряпчямъ, по собраніи изъ-подъ руки нужныхъ свѣдѣній и сообразясь съ мѣстными удобствами, донести губернскому правленію, можетъ ли быть заготовлено ежегодно прописанное количество розгъ для Таврической и Херсонской губерній, какимъ порядкомъ удобнѣе производить такое заготовленіе и доставку оныхъ и во что обойдется какъ заготовленіе, такъ и доставка оныхъ».

Водяныя мельницы—виновницы быстрого теченія Днѣпра. Въ «Кіевл» разсказывается про интересный историческій документъ, найденный въ архивѣ кіевскаго губернскаго правленія. Какъ сообщаетъ газета, всякій, кому приходилось ѣхать на пароходѣ по Днѣпру, могъ видѣть у обоихъ береговъ его множество наплавныхъ мельницъ и сувваленъ. Мельницы эти, основаніемъ которыхъ всегда служатъ двѣ грубо сколоченныя барки, ставятся обыкновенно у прижмистаго берега, т. е. у того берега, у котораго проходитъ главная струя меженивыхъ водъ, такъ какъ чѣмъ сильнѣе теченіе, тѣмъ быстрѣе ворочаются и мельничныя колеса. Мельницы такія существуютъ на Днѣпрѣ очень давно. Существовали онѣ, между прочимъ, и въ Кіевѣ въ средній прошлаго вѣка. Стояли онѣ въ то время у праваго берега рѣки, подъ горой, на которой возвышается монастырь Кіево-Печерской лавры, такъ какъ именно здѣсь тогда было очень силь-

ное теченіе. Происходило-же послѣднее вслѣдствіе того, что въ то время главное теченіе Днѣпра, выходя изъ устья Чертороя, противъ Аскольдовой могилы, направлялось къ правому вогнутому берегу рѣки. И вотъ къ этому именно времени относится слѣдующій интересный документъ, извлеченный изъ архива кіевскаго губернскаго правленія, хорошо характеризующій нашихъ гидротехниковъ того времени. Въ бытность въ 1744 году Императрицы Елисаветы Петровны въ Кіевѣ, Государыпѣ приходилось выслушивать много жалобъ на сердитое теченіе Днѣпра подъ Кіевомъ. Между прочимъ, монахи Кіево-Печерской лавры, въ виду того, что гора, на которой стоитъ монастырь, изъ года въ годъ все усиливающимся теченіемъ подмывалась, опасались за цѣлость восточной монастырской стѣны. На вопросъ Императрицы о причинѣ этого явленія, тѣ, кому это вѣдать надлежало, ничтоже сумняшеса, объяснили ей, что всему виной здѣсь наплавныя мельницы, причаленныя къ правому берегу, которыя и создаютъ сильное теченіе. Довѣрившись этимъ объясненіямъ, Елисавета Петровна въ 1745 году издала слѣдующій указъ кіевскому генераль-губернатору, который мы и приведемъ цѣликомъ, съ сохраненіемъ орографіи.

«Указъ нашему генералу и генераль-губернатору, Леонтьеву.

«Въ бытность нашу въ Кіевѣ усмотрѣно: рѣка Днѣпръ теченіе свое взяла подъ самыми Кіевскими горами и отъ великаго стремленія тѣ горы, а наче гдѣ угодники Божіи въ вешерахъ преоочиваютъ, вредить и осыпаеть. А какъ извѣстно оная склонность воды отъ большой части учинилась со времени того, когда мельницы отъ здѣшней стороны къ нагорной переведены и употребляютца; того ради повелѣваемъ вамъ, по полученіи сего Нашего указа, тотчасъ всѣ тѣ мельницы, которые по Кіевскому берегу поставлены, съ тѣхъ мѣстъ свести по прежнему на здѣшнюю сторону, дабы ни одной на томъ берегу не осталось».

«Подлинный подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

«Елисаветъ». 10-го мая 1745 года в. Санктъ-Петербурхѣ».

Къ постановкѣ памятника И. П. Котляревскому. Какъ видно, Полтавцы и повныиѣ не пришли къ окончательному рѣшенію, гдѣ поставить памятникъ И. П. Котляревскому. Такъ, въ № 160 «Полтав-

скихъ Губ. Вѣд. сообщается, что артисты гостящаго малорусскаго товарищества, гг. Карненко-Карый, Садовскій и Саксаганскій, по приглашенію городского головы В. П. Трегубова, совмѣстно съ послѣднимъ и нѣкоторыми гласными городской думы, осматривали мѣста, намѣченныя для памятника Котларевскому. Изъ всѣхъ осмотрѣнныхъ мѣстъ малорусскіе артисты признали наиболѣе подходящимъ для памятника площадку у строящагося зданія народной аудиторіи, исходя изъ того соображенія, что въ этомъ мѣстѣ памятникъ будетъ находиться на глазахъ публики чаще, нежели во всѣхъ другихъ мѣстахъ.

Въ городскую управу недавно поступило заявленіе И. А. Зарѣцкаго о сдачѣ ему сооруженія пьедестала для памятника И. П. Котларевскому по проекту архитектора А. И. Ширшова. Пьедесталь этотъ г. Зарѣцкій беретъ изготовить изъ приготавлиаемаго по его указанію. Опошнявскими гончарами твердаго кирпича. Кирпичъ этотъ, по словамъ автора заявленія, выдерживая необходимыя техническія испытанія, допускаетъ какую угодно раскраску и воспроизведеніе самыхъ тонкихъ, рельефныхъ украшеній. За работу по сооруженію пьедестала, съ матеріаломъ и сборкою, г. Зарѣцкій назначаетъ себѣ вознагражденіе въ 3 т. руб. Если проектъ этотъ будетъ принятъ думою, то для испытанія и оцѣнки качества кирпича г. Зарѣцкимъ будутъ представлены надлежащіе образцы. (Полт. Губ. Вѣд. № 163).

Къ исторіи послѣдней любви Тараса Шевченка. Въ тифлиской газетѣ «Кавказъ» г. Н. Макаровъ рассказываетъ извѣстную исторію послѣдней любви Тараса Шевченка къ простой крестьянкѣ Лукерьѣ.

Въ письмѣ къ Макарову, отъ 2 августа 1860 г., сохранившемся въ семейномъ архивѣ, дается очень рѣзкая характеристика Лукерьи.

«Милый другъ мой, Николай Яковлевичъ, говорится въ письмѣ. Желалъ бы, чтобы первое письмо, которое вы прочитаете, было мое, а не другія. Вы сами угадаете—почему. Неожиданность предложенія нашего бѣднаго поэта поразитъ ваши нервы,—въ этомъ я не сомнѣваюсь. Дѣйствительно, для Тараса Григорьевича нѣтъ другого выхода, какъ жениться на простой дѣвушкѣ и поселиться у себя на хуторѣ, но выборъ его едва ли можетъ принести счастье имъ обоимъ. Лукерья—умна, въ этомъ нѣтъ сомнѣній: но она видитъ въ Тарасѣ Григорьевичѣ не болѣе, какъ будущаго стараго мужа, который заве-

зеть ее куда то, куда ей вовсе не хочется, и она такъ мало надѣется быть довольной и счастливой, что не чувствуетъ къ нему даже признательности. Она—натура эгоистическая, которая никогда не одѣнитъ того, что въ Тарасѣ Григорьевичѣ есть хорошаго, и вполне пойметъ всѣ недостатки его, какъ мужа. Ей хочется пожить, погулять, и если ужъ выходить замужъ за стараго Тараса, то развѣ съ тѣмъ, чтобъ жить паніей. А ему вовсе не то представляется, не того хочется! Когда онъ мнѣ впервые сказалъ о своемъ предложеніи, я одобрилъ его намѣреніе—жениться на простой селянкѣ, но въ отношеніи къ Лукерѣ я высказалъ ему свои сомнѣнія».

Къ возстановленію владиміро-волинскаго Мстиславова храма. Дѣломъ нынѣшняго года работы по возстановленію этого храма вчернѣ окончены, т. е. выведены стѣны, и кровли покрыты желѣзомъ. Къ сожалѣнію, древніи формы храма подверглись при этомъ существенному измѣненію: вмѣсто пятиглаваго, какимъ несомнѣнно былъ древній Мстиславовъ храмъ, теперь воздвигнуть одноглавый; въ формѣ купола, въ разрѣзахъ оконъ, въ разныхъ архитектурныхъ украшеніяхъ намѣренно допущено подражаніе стилю сѣвернорусскому, суздальскому, вмѣсто болѣе естественнаго—киевского. По частнымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что, во время производства работъ, въ одной стѣнѣ нашли замурованную руку, но въ печать свѣдѣніе объ этой находкѣ почему-то не проникло.

За израсходованиемъ суммъ, отпущенныхъ на возстановленіе храма, работы прекращены; но смѣтъ же на внутреннюю отдѣлку требуется еще до 40,000 р., въ виду чего св. Синодъ постановилъ 15-го минувшаго августа произвести повсемѣстно по церквамъ кружечный сборъ на окончательныи работы по возстановленію означенаго храма.

Освященіе памятника на могилѣ Л. Глѣбова. Вечеромъ, 30-го іюня, въ оградѣ Черниговскаго Троицкаго монастыря собралась группа людей, явившаяся присутствовать при освященіи надгробнаго памятника на могилѣ извѣстнаго украинскаго баснописца Леонда Глѣбова. Все это были почитатели таланта покойнаго и его привлекательной личности. Скромный мраморный бѣлый памятникъ съ крестомъ

вверху исполненъ Риццолатти въ Кіевѣ. На лицевой сторонѣ памятника помѣщенъ прекрасно исполненный на фарфорѣ, изготовленный въ Вѣнѣ, портретъ поэта и подъ нимъ надпись: «Леонид Глібовъ, поетъ-байкарь. Народился 19 лютого 1827. Умеръ 29 жовтня 1893». Съ противоположной стороны отрывокъ изъ стихотворенія г. В. Самійленка, прочитаннаго на похоронахъ Глібова.

200-лѣтіе освобожденія Подолія отъ турецкаго владычества. Въ воскресенье, 12-го сентября, исполнилось ровно 200 лѣтъ съ того времени какъ Каменецъ-Подольскій, а вмѣстѣ съ нимъ и вся Подолія, освободились отъ владычества турокъ и перешли во власть Польши.

Въ этотъ день въ 1699 году выступали изъ города послѣдніе отряды турецкаго войска и чрезъ Турецкій мостъ в Подзамче направились къ Жванцу, а въ городъ вошло польское войско. Въ этотъ день состоялось освѣщеніе Каменецкаго кафедральнаго костела, оскверненнаго басурманами, и совершенно было первое благодарственное моленіе по случаю избавленія отъ ига турецкаго.

27 лѣтъ (1672—1699) въ Каменцѣ хозяйничали турки и за это время опустошили городъ до неузнаваемости. Желая какъ можно прочіѣе утвердиться въ Подоліи, они обратили все свое вниманіе на укрѣпленіе Каменца, какъ важнѣйшаго въ то время стратегическаго пункта, вовсе не заботясь о населеніи города. Для этой цѣли не щадили ни рабочихъ силъ, ни строевого матеріала. Разрушая городскіе дома, зданія и святыни, они исправляли поврежденные во время штурма старыя башни и воздвигали новыя укрѣпленія. За время владычія Подоліей турки привели въ полный порядокъ каменецкій замокъ, въ которомъ въ настоящее время помѣщается исправительное арестантское отдѣленіе; построили массивный каменный такъ называемый Турецкій мостъ, который соединяетъ старый городъ съ Подзамчемъ; оградилъ городъ укрѣпленными стѣнами; нѣкоторые городскіе бастионы до сихъ поръ еще угрюмо стоятъ подъ Смотричемъ, напоминая современникамъ о давно минувшихъ судьбахъ стараго города Коріатовичей. Городскія укрѣпленія доведены были турками, можно сказать, до совершенства. Но городъ за это время опустѣлъ. Христіанское населеніе принуждено было бѣжать изъ города, такъ

что къ концу турецкаго владычества на улицахъ Каменца съ трудомъ можно было встрѣтить христіанина.

Возвратившіеси послѣ ухода турокъ прежніе обыватели съ трудомъ отыскивали въ Каменцѣ свои старыя гнѣзда. Въ городѣ многое измѣнилось: дома были разрушены, многія усадьбы представляли изъ себя пепелища или руины. Въ томъ же видѣ въ 1699 году Каменецъ возвращенъ былъ Польшѣ. (Подол. Губ. Вѣд. № 194).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Палеографическій изборникъ. *Матеріалы по исторіи южно-русскаго письма съ XV—XVIII вв., изданныя Кіевскою Коммиссією для разбора древнихъ актовъ. Выпускъ I. Кіевъ 1899.*

Новое изданіе кіевской археографической комиссіи, выходъ котораго былъ приуроченъ къ XI археологическому съѣзду, представляетъ большой интересъ для всякаго занимающагося [архивнымъ дѣломъ. Это изданіе заключаетъ богатое собраніе фототипическихъ снимковъ съ южно-русскихъ рукописей (всего 81 снимокъ на 20 таблицахъ большого формата—in folio) и даетъ возможность прослѣдить послѣдовательныя измѣненія южно-русскихъ почерковъ, начиная отъ послѣднихъ образчиковъ полууставнаго письма и оканчивая скорописными почерками XVIII в.

Интересъ книги увеличивается предисловіемъ редактора изданія, извѣстнаго знатока архивнаго дѣла И. М. Каманина. Предисловіе это представляетъ цѣлую монографію по исторіи южно-русскаго письма и, сколько намъ извѣстно, составляетъ результатъ двадцатипятилѣтней работы автора въ состоящемъ подъ его завѣдываніемъ Кіевскомъ центральномъ архивѣ.

Указавъ на важное значеніе палеографіи въ научномъ и практическомъ отношеніи, г. К. довольно мрачными красками рисуетъ состояніе палеографическихъ знаній въ Россіи: «Разработка палеографіи, говоритъ онъ, только что началась; сколько-нибудь изучены лишь болѣе отдаленныя вѣка русскаго письменности; но и тамъ это изученіе не идетъ далѣе собранія и описанія сырого матеріала, и

при томъ безъ ясно и точно выработанной системы. Собираніе и описаніе палеографическаго матеріала доведено лишь до XIV—XV в., т. е. до времени образованія скорописи».

Задача настоящаго изслѣдованія—до нѣкоторой степени пополнить этотъ пробѣлъ изученіемъ южно-русской скорописи XV—XVIII в., «на небольшой территоріи юго-западнаго края и ближайшихъ мѣстъ на лѣвомъ берегу Днѣпра» (районъ, къ которому относятся изслѣдованные авторомъ документы кievскаго центрального архива). Въ настоящемъ, первомъ, выпускѣ г. К. разсматриваетъ одни только русскіе почерки, не касаясь почерковъ польскихъ и латинскихъ, встрѣчающихся въ актовыхъ книгахъ центрального архива.

Основная мысль изслѣдованія г. К. заключается въ томъ, что исторія южно-русскаго письма служитъ отраженіемъ политической исторіи южной Россіи. «Южно-русское письмо, говоритъ онъ, пережило нѣсколько чуждыхъ вліаній вмѣстѣ съ населеніемъ, при измѣнявшихся политическихъ условіяхъ и отношеніяхъ». Поэтому исторія южно-русскаго письма можетъ быть раздѣлена на четыре періода, совпадающіе съ главными періодами политической и культурной жизни южно-русскаго племени. Первый періодъ совпадаетъ съ эпохой культурной самостоятельности южно-русскаго населенія подъ властью великихъ князей литовскихъ (до люблинской униі); господствующимъ почеркомъ этого періода является «уставная скоропись, представляющая значительное сходство съ стариннымъ русскимъ полууставомъ. Второй періодъ обнимаетъ вторую половину XVI в., т. е. время особенно интенсивнаго вліанія польской культуры; почерки этого періода утрачиваютъ свой національный характеръ и принимаютъ особенности готическаго (латинскаго) письма. Третій періодъ совпадаетъ съ возникновеніемъ и развитіемъ школъ, основанныхъ церковными братствами; почерки этого періода представляютъ сходство съ латинскимъ письмомъ, но различаются по мѣстностямъ въ зависимости отъ вліанія той или другой школы (такъ г. К. различаетъ почерки: острожскій, кievскій, луцкій, кременецкій, владимірскій, овручскій, житомирскій, чигиринскій). Наконецъ, четвертый и послѣдній періодъ совпадаетъ съ подчиненіемъ Южной Руси сѣвернорусской культурѣ, начинаясь въ лѣвобережной Украинѣ съ половины, а въ правобережной—съ конца XVIII в.; почерки этого времени принимаютъ постепенно особенности сѣверно-русскаго письма.

Трудъ г. К., возбудившій интересъ спеціалистовъ на археологическомъ създѣ, помимо своего научнаго значенія, имѣетъ также и значеніе педагогическое. Настоящее изданіе можетъ служить прекраснымъ пособіемъ для занимающихся изученіемъ архивнаго матеріала, въ особенности для тѣхъ изъ нихъ, которые приступаютъ къ этому дѣлу безъ опытнаго руководителя. Можно пожалѣть только, что спѣшность печатанія выпуска не дала возможности приложить къ нему, какъ это предполагалось, нѣсколькихъ таблицъ сводныхъ азбукъ; впрочемъ, г. К. надѣется пополнить этотъ пробѣлъ въ недалекомъ будущемъ.

Внѣшность изданія безукоризненна. Кромѣ прекрасно исполненныхъ фототипическимъ заведеніемъ С. В. Кульженка снимковъ съ рукописей, изданіе украшено четырьмя виньетками, изображающими двѣ группы актовыхъ книгъ и рукописей кievскаго центрального архива и двѣ заставки изъ рукописей XVI и XVIII вв.

В. Щербина.

- 1) Н. Болсуновскій: *Сфрагистическіе и геральдическіе памятники Юго-Западнаго края. Кіевъ, 1899 г.*
- 2) Его-же: *Свинцовыя пластинки (пломбы) съ условными знаками церковныхъ праздниковъ. Москва, 1899 г.*
- 3) Его-же: *Каталогъ предметовъ, выставленныхъ въ университетъ св. Владимира во время XI-го русскаго археологическаго съезда въ Кіевъ. Витрина А: привѣсныя печати и пломбы. Витрина В: жетоны религіозныхъ, благотворительныхъ и ремесленныхъ корпорацій. Кіевъ, 1899 годъ.*

Перечисленными изданіями неутомимый собиратель и изслѣдователь геральдическихъ и нумизматическихъ памятниковъ К. В. Болсуновскій привѣтствовалъ открытіе XI-го археологическаго създа. И первое, и второе изданіе его снабжены каждое двумя таблицами снимковъ печатей и пломбъ. Въ первомъ своемъ трудѣ авторъ, давъ описаніе печатей, представленныхъ на снимкахъ, указываетъ ихъ значеніе, какъ сфрагистическаго матеріала древнихъ родовыхъ знаковъ, возникшихъ изъ мѣтокъ и знаковъ собственности, и какъ геральдическаго матеріала, перешедшаго въ геральдику XVI—XVIII вв., а также какъ памятниковъ забытой иконографіи и гравернаго искусства.

Разсматривая, на основаніи собраннаго матеріала, процессъ образованія гербовъ, авторъ приходитъ къ выводу, что большая часть изъ нихъ, исключая гербовъ князей, духовныхъ лицъ и учреждений, имѣютъ въ своемъ основаніи инициалы владѣльцевъ или монограммы ихъ. Это положеніе свое авторъ иллюстрируетъ нѣсколькими примѣрами на приложенныхъ таблицахъ.

Во второмъ своемъ трудѣ К. В. Болсуновскій, изучая знаки на принадлежащихъ ему дрогиченскихъ пломбахъ, приходитъ къ заключенію, что многіе изъ нихъ тождественны съ условными знаками, какія встрѣчаются въ сѣверныхъ рѣзныхъ календаряхъ (зырянскомъ и древне-литовскомъ), и служатъ для обозначенія великихъ и малыхъ праздниковъ въ году, хотя не касается вопроса, не перешли-ли нѣкоторые календарные знаки изъ языческой эпохи. Вообще, пломбы со знаками праздниковъ авторъ считаетъ имѣющими календарный характеръ и усматриваетъ въ нихъ множество прототиповъ древнихъ родовыхъ знаковъ Руси, Литвы и Польши.

Въ третьемъ трудѣ своемъ г. Болсуновскій даетъ каталогъ предметовъ, выставленныхъ имъ въ университетѣ во время археологическаго съѣзда въ двухъ витринахъ; въ одной—выставлены были привѣсныя пломбы и печати, а рядомъ съ ними и другіе предметы, добытые вмѣстѣ съ пломбами и принадлежащіе автору каталога. Для насъ бѣльшій интересъ представляетъ вторая витрина, въ которой выставлены цеховые жетоны, жетоны богатыхъ и жетоны бѣдняковъ на право собиранія милостыни и мног. другіе; такимъ образомъ современное обиліе разнаго рода жетоновъ имѣетъ для себя примѣръ, въ прошедшемъ; одинъ же изъ старыхъ жетоновъ—на право прошенія милостыни—слѣдовало бы возстановить и въ наше время.

Въ той же витринѣ г. Болсуновскій выставилъ древнія гири и вѣсы, съ изслѣдованіемъ о которыхъ своевременно были освѣдомлены читатели «Кіевской Старины».

Изъ сказаннаго мы видимъ, что г. Болсуновскій является не только собирателемъ древностей, но и изслѣдователемъ ихъ, что предметы для своей коллекціи ояъ подбираетъ и располагаетъ по строго научной системѣ, а это уже одно достаточно обезпечиваетъ какъ важность самой коллекціи, такъ и прочность выводовъ, слѣлавныхъ авторомъ на основаніи изученія принадлежащаго ему научнаго матеріала.

И. Каманинъ

С. Л. Пташицкій. *Князья Пузыны. Историко-генеалогическіе матеріалы.*
Спб. 1899 г.

Изученіе исторіи отдѣльныхъ дворянскихъ родовъ въ послѣднее время сдѣлало значительныя успѣхи; какъ подспорье при обширныхъ историческихъ изслѣдованіяхъ, исторія родовъ имѣетъ, конечно, значеніе, особенно же тѣхъ родовъ, изъ среды которыхъ выходили общественныя и государственныя дѣятели. По нашему мнѣнію, такая исторія родовъ должна представить, и при томъ подробно, степень и характеръ участія рода и его отдѣльныхъ членовъ въ общественной или политической живни, дать оцѣнку этого участія и обрисовать каждую личность, имѣвшую историческое значеніе. Такая исторія родовъ не легка и появляется на свѣтъ весьма рѣдко. По большей части къ исторіи родовъ относятъ ихъ генеалогію, которая служитъ не больше, какъ основой для дѣйствительной исторіи. Съ этой точки зрѣнія представляютъ интересъ и работы, подобныя той, заглавіе которой мы выписали выше. Она принадлежитъ лицу, много потрудившемуся въ изслѣдованіи различныхъ историческихъ вопросовъ, и вполне точно имъ квалифицирована, какъ историко-генеалогическій матеріалъ. Родъ князей Пузынь принадлежитъ къ числу значительныхъ родовъ старой Польши. Происхожденіе этихъ князей, несомнѣнно, западнорусское, но въ настоящее время не можетъ быть съ точностью установлено. Съ конца XVI в. окрѣпло мнѣніе о происхожденіи этого рода отъ князей Козельскихъ и отъ одного родоначальника съ князьями Огинскими. Они владѣли имѣніями въ Дорогобужскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи, и занимали различныя общественныя должности: старость, каштеляновъ, стольниковъ, подкоморіевъ, судей и пр., и верѣдко участвовали въ посольствахъ къ московскимъ государямъ. Они назывались сначала Глазынами; въ концѣ XV в. одинъ изъ рода Глазынь, Иванъ, бѣжалъ въ Москву; за нимъ укрѣпилось прозвище Пузыны, которое и перешло къ потомству. Отъ этого произошло родъ князей Огинскихъ и волынская вѣтвь дворянъ Пузынь; авторъ разсматриваемаго труда не касается этой вѣтви. Къ генеалогіи Пузынь приложено 49 актовъ, послужившихъ для ея составленія, и гербъ Огинець по Коаловичу и Нѣсецкому.

Вообще, трудъ г. Пташицкаго представляетъ собой строго научное и съ виѣшной стороны весьма изящное изданіе.

И. Каманинь.

Обозрѣніе журналовъ 1-й половины 1899 года.

Русскій Архивъ №№ 1—6.

Воспоминанія и дневники Адриана Моисеевича Грибовскаго (№ I, стр. 1—2, 1—166). Въ этихъ любопытныхъ запискахъ и дневникахъ, напечатанныхъ теперь гораздо полнѣе, чѣмъ въ 1847 г. въ «Москвитинѣ», находимъ много мелкихъ, но очень иногда интересныхъ извѣстій о разныхъ лицахъ высокопоставленнаго круга, уроженцевъ Малороссіи, каковымъ былъ и самъ авторъ записокъ, впрочемъ очень недружелюбно относившійся къ своимъ землякамъ, чѣмъ и объясняется характеръ его отзывовъ о нихъ. Такъ, въ «Запискахъ» есть характеристика личностей гр. Безбородка (стр. 6—9) и Д. П. Троицкаго (стр. 14), очень субъективная, т. е. она касается лицъ, принадлежавшихъ къ другой партіи при дворѣ; есть тутъ краткія свѣдѣнія о дѣлахъ польскихъ въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія (стр. 36—38), о Новороссіи (стр. 41—43), объ основаніи Одессы (стр. 43). Среди мелкихъ замѣтокъ отмѣтимъ уоминаніе о «Запискѣ гр. Безбородка о Малороссіи» (стр. 60). Въ «Дневникѣ» есть интересное извѣстіе объ отцѣ гр. Паскевича, поставлявшемъ для казны соль изъ Крыма вмѣстѣ съ своими земляками—полтавцами, при чемъ, благодаря Грибовскому, онъ освобожденъ былъ отъ послыки на каторгу (стр. 75). По этому поводу въ № 2-мъ (стр. 367) кн. А. Щербатовъ, біографъ фельдмаршала Паскевича, дѣлаетъ поправку, считая, что Грибовскій смѣшалъ мѣщанскую фамилію Пасковича съ отцемъ фельдмаршала.

Воспоминанія Н. Д. Богатинова (№ 2, 3, 4, 5, 6). Имя Н. Д. Богатинова хорошо было извѣстно въ Кіевѣ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, когда онъ былъ здѣсь учителемъ. Воспоминанія этого старожилы кіевскаго, казалось-бы, должны для насъ, южанъ, имѣть особенный интересъ, но читатель горько ошибется, рассчитывая найти въ нихъ что-нибудь занимательное: болѣе бессодержательныхъ воспоминаній намъ не приходилось еще встрѣчать въ печати. Нѣкоторыя болѣе интересныя мѣста изъ этихъ воспоминаній были уже перепечатаны въ нашемъ журналѣ (№ 5-й, стр. 66—68, «Кіевъ въ 40 годахъ»). Теперь укажемъ еще на тѣ страницы, гдѣ говорится объ ученіи автора воспоминаній въ гимназіи и университетѣ (№ 6), такъ-какъ тутъ встрѣчается хоть какая-нибудь характеристика лицъ съ

общественнымъ положеніемъ: все-же прочее, можетъ быть, и интересно для ближайшаго семейнаго круга Богатиновыхъ, но не имѣетъ никакого общественнаго значенія.

Изъ воспоминаній М. М. Лазаревскаго о Т. Г. Шевченкѣ. (№ 4). Объ этихъ воспоминаніяхъ см. въ нашемъ журналѣ статью Н. Ш. въ № 6-мъ.

Универсалъ князя А. Д. Меншикова (№ 4). О немъ было упомянуто уже у насъ въ № 5-мъ, въ отд. «Библіографія», стр. 103).

Русская Старина №№ 1—6.

Тимошукъ В. В. Новыя данныя о первомъ Самозванцѣ (№ 1, 2, 3, 4, 5). Это есть подробный пересказъ книги А. Гуриберга «Dmitri Samozwaniec. We Lwowie 1898», въ которой разработана исторія этой загадочной личности по новымъ матеріаламъ въ заграничныхъ государственныхъ и частныхъ польскихъ архивахъ. Такъ-какъ въ жизни перваго Самозванца много было моментовъ, связанныхъ съ Малороссіей и въ частности съ Кіевомъ, то естественно, что и данная статья заключаетъ въ себѣ матеріалы, относящіеся къ нашему югу Россіи, главнымъ образомъ въ №№ 1 и 3.

Исаевичъ П. Императоръ Николай 1-й въ Черниговѣ въ 1845 г. (№ 2). Объ этой небольшой статьѣ была уже въ нашемъ журналѣ маленькая замѣтка (см. № 3, отд. «Библіографія», стр. 175). Въ началѣ статьи авторъ рисуетъ краткую картинку неблагоустроеннаго Кіева въ 40-хъ годахъ, а тѣмъ болѣе Чернигова, черезъ который тогда проходилъ почтовый путь изъ Петербурга на Кіевъ. По пути въ Кіевъ, имп. Николай 1-й и долженъ былъ проѣхать черезъ Черниговъ и переправиться черезъ разлившуюся на большое разстояніе Десну. Отецъ автора статьи, П. Исаевичъ, завѣдывалъ переправой, о чемъ и рассказываетъ теперь сынъ его нѣсколько эпизодовъ, связанныхъ съ проѣздомъ имп. Николая 1-го черезъ Черниговъ въ 1845 г., а также въ 1846 г.

Въ статьѣ Н. Дубровина «Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка» (№ 1, 2, 3, 4 и 6) встрѣчаются эпизоды, касающіеся дворянскихъ нравовъ на выборахъ. Такъ, въ Подольской губерніи въ 1808 г. произошли на выборахъ такіе беспорядки, что пришлось призвать полицію, арестовать нѣсколько дворянъ, а губернскаго маршала и вице-

губернатора уволить отъ должности; въ Виленской-же губерніи, въ Тельшевскомъ повѣтѣ, безпорядокъ былъ доведенъ до того, что сорваны были печати съ баллотировочнаго ящика, погашены свѣчи, и списокъ наличныхъ дворянъ унесенъ. Все это было причиной появившихся въ 1805 году дополнительныхъ правилъ для выборовъ въ польскихъ губерніяхъ, при чемъ право избранія предоставлялось только лицамъ, имѣющимъ извѣстную опредѣленную собственность (№ 3-й, стр. 559—561).

Рескриптъ имп. Александра I новороссійск. губернат. Миклашевскому—о памятникѣ князю Потемкину въ Херсонѣ (№ 4).

В. И. Дурасовъ. «Графъ Мечиславъ Потоцкій въ Саратовѣ» (№ 4). Одинъ изъ польскихъ магнатовъ въ Подольской губерніи, гр. Мечиславъ Потоцкій, за безнравственные и жестокіе поступки былъ въ 1845 году по Высочайшему повелѣнію высланъ на безвыѣздное жительство въ Саратовъ. Нѣсколько очень интересныхъ страничекъ изъ жизни его тамъ и передается въ этой статьѣ.

Историческій Вѣстникъ (№№ 1—6).

С. Адриановъ. Графиня Софія Потоцкая. (№ 2, стр. 426—439). Статья эта составлена не по новымъ матеріаламъ, а исключительно по напечатаннымъ уже, при чемъ въ значительной долѣ въ нее вошли данныя изъ біографіи Потоцкой доктора Антонія (Ролле), въ русскомъ переводѣ, помѣщенномъ въ «Киѣвской Старинѣ» (1887 г. № 1) подъ заглавіемъ «Судьба Красавицы». Разсказъ самъ по себѣ очень интересенъ и читается съ удовольствіемъ.

В. Батуриискій. Черты изъ жизни И. С. Тургенева (№ 3, стр. 887--900). Въ этой статьѣ есть извлеченія изъ любопытныхъ воспоминаній о Тургеневѣ покойнаго проф. М. П. Драгоманова, помѣщенныхъ въ 1885 г. въ итальянскомъ журналѣ «Rivista Politica et Letteraria». Здѣсь передано нѣсколько встрѣчъ автора воспоминаній съ Тургеневымъ, изъ которыхъ болѣе другихъ интересна встрѣча на литературномъ конгрессѣ въ Парижѣ (въ 1878 году), когда между прочимъ Тургеневъ прочелъ докладъ, составленный М. П. Д—нымъ, о положеніи украинской литературы. Въ одно изъ свиданій разговоръ зашелъ и объ Украинѣ; объ этомъ была уже въ нашемъ журналѣ замѣтка (см. № 5, отд. II, стр. 103).

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Объ языкахъ русскомъ и малорусскомъ. Подъ такимъ заглавіемъ напечатана въ «Одесск. Листкѣ» (№ 234) статья *В. Модестова*, разсматривающаго все тотъ-же старый вопросъ о правѣ малорусскаго языка быть языкомъ науки и литературы. Вопросъ этотъ затронуть г. Модестовымъ по поводу извѣстнаго инцидента, возникшаго передъ XI археологическимъ съѣздомъ въ Кіевѣ. Зная издавна взглядъ г. Модестова на малорусскій вопросъ, мы нисколько не удивились, встрѣтивъ въ его статьѣ отрицательное рѣшеніе его. Намъ удивляетъ только, что авторъ, къ сожалѣнію, вмѣсто прямого разсужденія на данную тему, пошелъ совсѣмъ по нежелательному для безпристрастнаго ученаго пути, сведши все къ тому, что кіевскіе украинофилы хотѣли воспользоваться моментомъ, чтобы выиграть косвеннымъ образомъ точку опоры для расширенія правъ малороссійскаго нарѣчія въ самой Россіи. Намъ кажется, что слѣдуетъ предоставить право такимъ образомъ поворачивать вопросъ инымъ людямъ, а не ученому съ такой репутаціей, какъ проф. В. И. Модестовъ. Если-бы г. Модестовъ доказалъ, что галицкіе ученые, которыми и поднятъ былъ вопросъ о предоставленіи имъ права читать рефераты на своемъ галицко-украинскомъ языкѣ, какимъ они привыкли и писать, и говорить, и излагать свои научные доклады, свободно могутъ говорить и на общерусскомъ языкѣ,—то онъ былъ-бы отчасти правъ; но мы думаемъ, что почтенный профессоръ, извѣздившій всю Европу и теперь даже пишущій свою статью изъ заграницы, вѣроятно знаетъ, насколько громадному большинству галицкихъ ученыхъ трудно,—не скажу понимать,—но объясняться на русскомъ языкѣ. А потому, имъ оставалось на археологическомъ съѣздѣ или отсутствовать, какъ они и сдѣлали, или доклады свои читать на нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ получилась-бы картина, едва-ли утѣшительная въ смыслѣ торжества русской народности.

Въ газ. «*Русланъ*», начиная съ № 169 текущаго года, печатаются поэмы *М. Макаровскаго*, болѣе 50 лѣтъ назадъ впервые помѣщенные А. Метлинскимъ въ «Южномъ русскомъ сборникѣ» и, по словамъ Б. Вильхивскаго (см. Зоря 1887 г. № 5), теперь совсѣмъ забытыя. Кромѣ двухъ поэмъ, «Наталя, або дви доли разомъ» и «Гарасько», писалъ М. Макаровскій и мелкія поэтическія произведенія, которыя

въ 1864 году вошли въ сборникъ, изданный въ Полтавѣ подъ заглавіемъ «Мова зъ Украйны» и составляющій теперь библиографическую рѣдкость. Ввиду того, что всё произведеніе Макаровскаго, отличающаея достоинствами, мало кому доступны въ настоящее время, редація газ. «Руслан» рѣшила напечатать ихъ на своихъ страницахъ, разсчитывая, вѣроятно, выпустить въ свѣтъ и отдѣльные оттиски.

Во Львовѣ Вышла въ свѣтъ и быстро распродана была интересная книга «*Украинсько-руський университетъ у Львови, пам'яткова кнѣна першого академичного вича студентивъ всѣхъ высшихъ австрійськихъ шкіль*» (см. объ этомъ вѣчѣ въ Киев. Ст., № 9, текущія изв. стр. 112—113). Цѣна книги 50 крейц. Чистый доходъ предназначается для фонда на основаніе во Львовѣ *людового университета*. Основной рефератъ на этомъ съѣздѣ академической молодежи, М. Галуцинскаго, въ которомъ указаны историческія и фактическія данныя для желанія галичанъ имѣть свой университетъ, напечатанъ въ газ. «Руслан». №№ 173—175.

Въ «*Историч. Вѣстн.*» № 9 напечатано «*Воспоминаніе объ Е. П. Гребенкѣ*» его бывшаго ученика А. С—аю (стр. 815—832). Воспоминанія эти даютъ очень мало фактическаго матеріала о личности нашего писателя, но отличаются теплотою и задумчивостью. Закачиваются воспоминанія пожеланіемъ, чтобы «оставшіеся родные пли близкіе Евгенія Павловича описали состояніе его могилы въ настоящее время¹⁾; «мы, уже немногіе изъ оставшихся учениковъ его, говоритъ А. С—ій, охотно приняли-бы участіе въ поддержкѣ, украшеніи и приведеніи въ надлежащій порядокъ этой всегда дорогой для насъ могилы».

«*Рускій*» (*русинскій*) *псалтырь*. Епископъ станиславовскій Шептицкій пожертвовалъ 200 зл. р. на изданіе болѣе полнаго и обработаннаго, на основаніи лучшихъ изводовъ, псалтыря. Авторомъ труда является Слюсарчукъ, священникъ изъ Ключева, а изданіе взял на себя посольъ свящ. Тяничкевичъ (*Gazeta Lwowska*, 166).

¹⁾ Е. П. Гребенка похороненъ въ хуторѣ *Убъжище*, пирятинскаго уѣзда, полтавской губ.

Въ «Pzegląd-Polski», за августъ мѣсяць, извѣстный ученый польскій Александръ Брикнеръ, профессоръ берлинскаго университета, опубликовалъ интересный историческій эскизъ («szkic») подъ заглавіемъ „Taniec Rzeczypospolitej Polskiej“. Въ библиотекѣ гр. Тарновскаго въ Дзиковѣ хранится рукопись XVII в. подъ заглавіемъ: „Taniec Rzeczypospolitej Polskiej, albo raczej rozmowa dwojga ludzi, Terrygeny z Peregrynem, o wojnie szwedzkiej i potym nastąpionej od węgrów, *kozaków*, *multanów* i *woloszy*, a przytem i *moskiewskiej*“. Произведеніе это интересно, помимо художественныхъ сторонъ, еще и потому, что является отраженіемъ современныхъ политическихъ настроеній, а иногда является прямо хроникой происходившаго. (Gazeta Lwowska, № 189).

Въ «Одесскомъ Листь» (№ 229) напечатана статья «Изъ жизни русскихъ въ Америкѣ», въ которой рассказывается о положеніи канадскихъ русиновъ и объ отношеніяхъ ихъ къ полякамъ.

Въ фельетонѣ газеты «Русскій Туркестанъ» (№ 97) напечатанъ рассказъ неизвѣстнаго автора о поѣздѣ его въ Ново-Петровское укрѣпленіе, при чемъ сообщаются почти все общеизвѣстные факты о пребываніи тамъ Т. Г. Шевченка, а попутно и кое-что о Н. И. Костомаровѣ. Наибольше любопытными могли-бы быть свѣдѣнія о «садѣ Шевченка», но ихъ такъ мало сообщено, что и въ этомъ вѣтъ особеннаго интереса. Въ портфель редакціи «Кіевск. Стар.» имѣются гораздо болѣе точныя данныя объ этомъ, и мы рассчитываемъ въ ближайшемъ будущемъ познакомить съ ними нашихъ читателей.

По поводу съѣзда галицко-русскаго студенчества во Львовъ съ цѣлью учрежденія «украинско-русскаго университета» во Львовъ, въ № 879 «Южнаго Обзорнія» помѣщена обширная корреспонденція І Личко «Изъ Галиціи», въ которой послѣдній, отчасти на основаніи свѣдѣній, полученныхъ имъ во время пребыванія въ Галиціи, отчасти на основаніи сообщенія въ «Буковини», рассказываетъ подробно о постановленіяхъ съѣзда, о рѣчахъ, произнесенныхъ на немъ и т. п. Небезынтересно будетъ отмѣтить отношеніе редакціи газеты «Южное Обозр.» къ данному вопросу. Въ примѣчаніи къ корреспонденціи

денціи редакція прибавляетъ: «Редакція съ удовольствіемъ помѣщаетъ эту корреспонденцію, свидѣтельствующую о столь успѣшномъ просвѣтительномъ движеніи среди галиційскаго народа».

«Новороссійскій Телеграфъ» (№ 7859), отмѣтивъ въ нѣсколькихъ строчкахъ фактъ съѣзда, прибавляетъ:

Въ Галиціи два польскихъ университета, въ Краковѣ и Львовѣ а для трехъ съ лишнимъ милліоновъ русскаго населенія не имѣется ни одного высшаго учебнаго заведенія. Одновременно-же въ Черновцахъ для 50, повторяю прописью, во избѣжаніе недоразумѣній, для пятидесяти нѣмцевъ правительство тратитъ громадные деньги на содержаніе нѣмецкаго университета! Вотъ такъ равноправности!».

Очень подробную замѣтку о съѣздѣ помѣстила также «Днѣпровская Молва», № 31.

Сборникъ статей о Пушкинѣ по поводу 100-лѣтняго юбилея. Кіевъ, 1899, I—III—164+287, in 8». Для насъ особенный интересъ представляетъ статья Н. Петрова «Отношеніе поэзіи А. С. Пушкина къ украинской жизни и поэзіи» (стр. 153—168), проникнутая той тенденціей, что украинская поэзія создавалась подъ огромнымъ вліяніемъ русской литературы, а въ особенности Пушкина. Поэтому не слѣдуетъ удивляться, читая, что произведеніе Шевченка «Варнакъ» — переработка «Братьевъ разбойниковъ», «У тієї Катерины» — «Египетскихъ ночей(!)», «Посланіе Шафарикови» и «Славянамъ» — «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинск. битва». Что-же касается «Наймычки», то само собою разумѣется,—это вліяніе извѣстнаго романа «Подъ вечеръ осенью ненастной». Подобныя «вліянія» подысканы и для другихъ украинскихъ писателей; такъ напр: Боровиковскій напис. стихотв. «Волохъ», гдѣ описывается привольная жизнь цыганъ,—отсюда вытекаетъ, что Боровиковскій слѣдуетъ за Пушкинымъ.

Поступили въ продажу: «Творы О. Я. Конисского—Перебенди». Т. I. Содержаніе: Дидъ Евменъ, Непремыренна, Баба Явдоха, Хвора душа. Т. II. У тисноя бабы, Млынъ, За крыгою, Отакъ були всочылы! Завертка, Народня педагогія, Не любы двохъ, Конокрадъ, Музыка Дрантусъ, Надія, Марта Перешычка, Бабуса Харитына. Цѣна каждого тома—50 к.

Готовятся къ печати слѣдующіе томы сочиненій того же автора. Кромѣ того, отдѣльно печатается «Грошолоуба» О. Я. Конисского.

«*Die österreichisch-ungarische Monarchie in Wort und Bild*. Недавно вышло два выпуска этого крупнаго изданія—328 и 329. Первый посвященъ описанію Буковины. Изъ статей можно отмѣтить слѣдующія: А. Romstorfera: Orts'anlagen und Wohnungen, E. Kolbenheyer'a «Die Hausindustrie», Исидора Воробьевича — „Musik“ и Яна Сборы Die rumänische Literatur und Sprache (Gazeta Lwowska, 177).

Черная рада. Хроника 1663 года. Сочин. П. А. Кулиша, с. 60 коп. (на русскомъ языкѣ). Разрѣшена къ печатанью и на малорусскомъ.

«*Довиля*» 1888—1898, Н. А. Кувьменко. Екатеринославъ, 1899. Сборникъ стихотворныхъ произведеній.

И. М. Стещенко. Хуторни сонеты. Кіевъ, 1899, 1—32, in 32°. Цена 10 коп.

Huculszczyzna (Museum imienia Dzieduszyckich we Iwowie. Dział VII, etnograficzny). Lwo'w. Nakładem Mus. im. Dzied. 1899, 1+44, in 8°.

Иллюстрированный каталогъ предметовъ, собранныхъ въ Гуцульщинѣ. Всѣхъ таблицъ 37. На нихъ помѣщены снимки самыхъ разнообразныхъ предметовъ: писанокъ, орудій домашняго обихода, образцовъ вышивокъ, глиняныхъ и деревянныхъ издѣлій и т. п. Фотографическіе снимки исполнены прекрасно, съ замѣчательной отчетливостью; къ рисункамъ приложены объясненія.

И. Левицкий. Пряттели. Изданіе третье. Черкассы, 1899 р., 1—46, in 32°. Цѣна 5 коп.

Повне виданья творивъ Пантелеймона Олександровича Кулиша. Досвіткы, думы та поэмы. Тыпомъ другимъ, зуповненымъ. Харьквивъ, 1899, 1—254, in 32°. Цѣна 75 коп. Это уже третье изданіе (1-е

въ 1862, 2-е въ 1878 въ Кіевѣ); добавлено—новое предисловіе и «прыпысы» (поясненія и примѣчанія къ стихотвореньямъ,—всѣхъ 8). Совершенно новое стихотвореніе—«Присвѣта оправленого въ золото прымирныка»—очевидно предыдущаго изданья, подареннаго женѣ.

И. Мырный. Лыхый попутавъ. Оповидацьа. Стр. 38 in 8°. Полтава, 1899.

Д. В. Кумда. Козаче слово. Оповидацьа съ презазивъ про козацтво. Кременчугъ, 1899, 1—22, in 16°. Брошюрка, слабая и по языку, и по содержанію.

Археологическая лѣтопись.

Засѣданія обществъ.

9-го сентября состоялось звѣданіе *Церковно-археологическаго общества при Кіевской Духовной Академіи*. Между прочимъ, постановлено ходатайствовать предъ кѣмъ слѣдуетъ, о передачѣ стараго архива кіевской духовной консисторіи (за XVIII вѣкъ) въ вѣдѣніе Церковно-археологическаго общества. Членъ общества, профессоръ Н. И. Петровъ сдѣлалъ сообщеніе *«Объ упраздненной стѣнописи великой церкви Кіево-Печерской лавры»*. Анализируя два рукописныхъ описанія этой стѣнописи 1720—1730 годовъ и сопоставляя съ описаніемъ лавры 1653 г. у архидіакона Павла Алепискаго и съ другими данными, референтъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) О первоначальномъ росписаніи великой лаврской церкви извѣстно только то, что на алтарной стѣнѣ было мозаическое изображеніе Богородицы, а въ главномъ куполѣ—такое-же изображеніе Спасителя, а внизу на стѣнахъ церкви—изображенія, вѣроятно фресковыя, тѣхъ мучениковъ, частицы мощей коихъ, положены въ основаніе церкви. Вѣроятно, нѣкоторыя изъ этихъ изображеній пострадали во время бывшаго въ 1230 году землетрасенія, отъ котораго по свидѣтельству лѣтописи, великая печерская церковь разступилась на 4 части, т. е. дала 4 большія трещины. Въ 1240 году, при разореніи Кіева Батыемъ, великая лаврская церковь была разрушена по окнамъ и по перси иконы Богоматери въ главномъ алтарѣ.

2) Въ 1470 году кіевскій князь Симеонъ Олельковичъ возстановилъ великую лаврскую церковь, какъ свидѣтельствуется объ этомъ

надпись на современныхъ барельефахъ съ изображеніями Богородицы и преподобн. Антонія и Феодосія: «основана бысть церковь на старомъ основаніи при великомъ королѣ Казимірѣ благовѣрнымъ кн. Симеономъ Александровичемъ, отчичи Кіевскомъ, и при архимандритѣ Іоаннѣ». Къ этому «Синописисъ» прибавляетъ, что князь Симеонъ Олельковичъ, обновивъ великую лаврскую церковь, «украси ю всякою красотою и различными шатахъ выписа». Но работа этого князя въ 1482 году уничтожена была крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ, который, неожиданно напавъ въ этомъ году на Кіевъ, опустошилъ какъ городъ Кіевъ, такъ и Печерскую обитель.

3) Новыми благотворителями и реставраторами лавры были князья Острожскіе, Константинъ Ивановичъ († 1530 г.) и сынъ его Константинъ Константиновичъ († 1608 г.), изъ коихъ первый и погребенъ былъ въ лаврѣ. Объ участіи этихъ князей въ украшеніи великой лаврской церкви свидѣтельствуется, между прочимъ, и архидіаконъ Павелъ Алепискій, который въ 1653 году видѣлъ на правой или южной сторонѣ этой церкви каменное надгробіе князю К. И. Острожскому, съ изображеніями на аркѣ воинскихъ подвиговъ сего князя, а на лѣвой или сѣверной сторонѣ—портретъ сына его К. К. Острожскаго. Ко временамъ князей Острожскихъ должно отнести и тогдашній иконостасъ главнаго алтаря великой лаврской церкви, по всѣмъ признакамъ одно-ярусной, о которомъ Павелъ Алепискій говоритъ, что «онъ великолѣпенъ, но старъ».

4) Петръ Могила, сдѣлавшись печерскимъ архимандритомъ, придавъ великой лаврской церкви болѣе нарядный видъ, снабдивъ ее новыми 4-мя куполами, изъ коихъ одинъ былъ надъ главнымъ входомъ, два—на южной сторонѣ и одинъ, въ соотвѣтствіе съ куполомъ Предтеченской придѣльной церкви,—на сѣверной сторонѣ, что не могло не отразиться и на лаврской стѣнописи. Есть извѣстіе о томъ, что Петръ Могила украсилъ великую лаврскую церковь прекрасною греческой живописью и вызывалъ мастеровъ изъ Москвы. Но что въ украшеніи великой лаврской церкви относилось къ этой эпохѣ—сказать трудно.

5) Въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в., при гетманѣ Мазепѣ, великая лаврская церковь получила значительныя измѣненія во внѣшнемъ своемъ видѣ. Въ это время съ сѣверной и западной сторонъ великой лаврской церкви пристроены бѣли боковые придѣлы архидіакона Стефана и Іоанна Богослова, вмѣсто прежнихъ часованъ,

посвященныхъ этимъ святымъ, а Предтеченская церковь вошла, въ качествѣ придѣльной, въ составъ общаго плана великой церкви. Часовни, бывшія у западной стѣны великой церкви, были замѣнены длинною, во всю ея ширину, и низкою наружною папертью, съ четырьмя входными дверьми и шестью надъ ними овальными окнами. Несомнѣнно, эти наружныя измѣненія великой лаврской церкви должны были отразиться на ея стѣнописи.

6) Пожаръ великой лаврской церкви въ 1718 году ласальственно прервалъ нить художественныхъ преданій въ ея росписаніи стѣнописью и иконами. Пожаромъ этимъ и послѣ пожара уничтожена была даже внутренняя штукатурка великой лаврской церкви, а слѣдовательно не только иконопись (за немногими исключеніями), но и стѣнопись. Традиція могла сохраниться, при реставраціи церкви, только въ выборѣ сюжетовъ для живописи и распредѣленіи ея по извѣстнымъ частямъ храма. Да и эта послѣдняя традиція въ значительной мѣрѣ нарушена была, при восстановленіи церкви, какъ новыми надстройками, напр. Преображенскаго и Андреевскаго придѣловъ, вообще измѣненіями въ этой церкви, такъ и художественными вкусами реставраторовъ. Описаніе реставрированной стѣнописи и иконописи великой лаврской церкви послѣ пожара 1718 года сохранилось въ двухъ лаврскихъ рукописяхъ за №№ 204 и 183, которыя представляютъ изъ себя *исполнительныя*, послѣдовательно осуществившіяся проекты росписи великой лаврской церкви въ 1720—30 гг. и никакъ не могутъ быть считаемы за копіи древняго описанія росписи великой лаврской церкви въ концѣ XV и въ первой половинѣ XVI вѣка. Изъ сличенія этихъ проектовъ съ первоначальнымъ росписаніемъ великой лаврской церкви въ XI вѣкѣ и съ описаніемъ живописи у Павла Алеппскаго въ 1653 году видно, что реставраторы 1720—1730 гг., удержавъ немного изъ прежнихъ сюжетовъ росписи особенно въ иконостасѣ, во многихъ случаяхъ прежніе сюжеты замѣнили и дополнили новыми сюжетами, соотвѣтственно измѣненіямъ въ самой церкви и художественнымъ вкусамъ того времени.

7) Въ 1772—1777 годахъ іеромонахъ Захарія Голубовскій, со своими «молодыками» — учениками, переписалъ заново обветшалую стѣнопись великой лаврской церкви 1720—30 гг., исключивъ нѣкоторые прежніе сюжеты и прибавивъ много новыхъ.

8) Работа Голубовскаго поновлена была въ 1824 и 1840—42 гг. въ послѣдній разъ самоучкой іеромонахомъ Ирнархомъ и лаврскими

послушниками и исправлена по указаніямъ академика Солнцева. Эта стѣнопись и уничтожена была недавно съ надлежащаго разрѣшенія, при чемъ сняты были со стѣнописи, прежде ея очистки, фотографическіе снимки. (Кіевск. Сл., № 4195).

Исслѣдованія и раскопки.

Поездки гр. П. С. Уваровой въ Черниовскую губ. и на Волинь. Неутомимый предсѣдатель археологическаго съѣзда гр. П. С. Уварова, почти тотчасъ-же по окончаніи съѣзда, совершила рядъ поѣздокъ для осмотра и изслѣдованія памятниковъ мѣстной старины. Поѣздки эти не останутся безъ результатовъ: авторитетъ графини, ея горячее отношеніе къ дѣлу охраны памятниковъ прошлаго, неослабѣвающій интересъ къ изученію этихъ памятниковъ, способность привлекать вниманіе къ нимъ мѣстныхъ людей, могутъ служить ручательствомъ, что многое будетъ сдѣлано какъ для охраны, такъ и для изученія и изданія тѣхъ или другихъ остатковъ старины.

Первая поѣздка была совершена въ г. Козелецъ Черн. губ. Цѣль ея—осмотръ находящагося здѣсь собора. Въ Козельцѣ, въ срединѣ прошлаго столѣтія, на средства графа К. Разумовскаго, по плану знаменитаго въ свое время художника строителя Растрелли и подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ, построенъ величественный соборный храмъ въ честь Рождества Божіей Матери. Вслѣдствіе скорой смерти строителя и его матери Н. Д. Разумовской, соборный храмъ, не обезпеченный вкладомъ на его ремонтъ и содержаніе, а также благодаря бѣдности и малочисленности не только соборнаго прихода, но и всего города, пришелъ въ полный упадокъ. Въ настоящее время нѣтъ средствъ не только на подновленіе великолѣпнаго италіанской живописи иконостаса, но даже на оштукатурку внутреннихъ и наружныхъ стѣнъ храма. Года четыре тому назадъ открытъ комитетъ по возобновленію собора, который, черезъ архитектора, подробно осматривавшаго соборъ, установилъ, что для приведенія соборнаго храма и иконостаса въ надлежащій величественный видъ нужна сумма не менѣе 50 тысячъ руб.; въ комитетѣ по возобновленію собора имѣется всего лишь около 3 тысячъ руб. Узнавши, что въ августѣ мѣсяцѣ въ Кіевѣ будетъ археологическій съѣздъ, комитетъ

письмомъ просилъ предсѣдательницу Императорскаго Московскаго Археологическаго общества графиню П. С. Уварову, не найдетъ-ли она возможнымъ по пути въ Кіевъ или обратно посѣтить г. Козелець и осмотрѣть соборный храмъ. Графиня увѣдомила комитетъ, что она можетъ пріѣхать въ г. Козелець, а затѣмъ, при личномъ свиданіи въ Кіевѣ съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства А. А. Раковичемъ, назначила и день своего пріѣзда—22 августа. Въ воскресенье, 22 августа, графиня П. С. Уварова прибыла въ Козелець и на другой день подробно осматривала какъ иконостасъ, такъ и разницу собора. Ею сдѣлано общае сообщеніе способствовать дѣламъ комитета, почетнымъ членомъ котораго она избрана единогласно въ концѣ іюля, общала хлопотать, чрезъ оберъ прокурора св. Синода, о разрѣшеніи всероссійской подписки на возобновленіе собора, а также объ отпускѣ средствъ изъ строительныхъ суммъ Синода на дѣло возобновленія храма. Затѣмъ графиня, а въ сопровожденіи А. А. Раковича, ѣздила въ отстоящее въ 8 верстахъ отъ города с. Лемеша, мѣсто родины графовъ Разумовскихъ, гдѣ осматривала церковь, построенную немного раньше козелецкой соборной на средства Н. Д. Разумовской; ѣздила также въ отстоящій отъ города въ 5 верстахъ Георгіевскій монастырь.¹⁾

Вернувшись въ Кіевъ и пробывъ въ немъ всего лишь одинъ день, гр. Уварова, вечеромъ 24-го августа, отправилась въ болѣе продолжительную поѣздку по Волыни.

Первая остановка состоялась въ с. Городкѣ, Ровескаго уѣзда, имѣніи бар. Ф. Р. Штейнгель, гдѣ владѣльцемъ имѣнія, два съ небольшимъ года тому назадъ, положено основаніе областному музею Волынской губ. Осмотрѣвъ музей, гр. Уварова обратила главное вниманіе на отдѣлъ «сборниковъ историко-географическихъ матеріаловъ», гдѣ между прочимъ собранъ довольно большой подборъ фотографій видовъ Волыни и снимковъ съ различныхъ памятниковъ старины. Кромѣ занятій въ музеѣ, гр. Уварова принимала дѣятельное участіе въ раскопкахъ кургановъ, подготовленныхъ къ ея пріѣзду бар. Штейнгелемъ въблизи Городка, у д. Рогачева. Здѣсь графиня наглядно познакомилась съ характеромъ погребеній въ волынскихъ курганахъ.

Дальнѣйшій маршрутъ лежалъ на Луцкъ и Владиміръ-Волынскъ.²⁾

¹⁾ Свѣдѣнія о посѣщеніи г. Козельца заимствованы нами изъ корреспонденціи, помѣщенной въ газетѣ „Кіевлянинъ“ (№ 238).

²⁾ Объ этой части экскурсіи свѣдѣнія помѣщены въ газетѣ „Волынь“, № 106.

Вечеромъ 26-го августа гр. Уварова, вмѣстѣ съ дочерьми* прибыла въ Луцкъ. Утро 27 августа было посвящено обзорѣннѣ древностей г. Луцка. Въ сопровожденіи предсѣдателя владиміръ-волинскаго братства Е. Н. Дверницкаго графиня Уварова посѣтила православные храмы, музей и богадѣльню Кресто-воздвиженскаго братства, мѣста построенія древнихъ храмовъ и окольнаго замка, Либартовъ верхній замокъ, римско-католическій кафедральный костелъ и еврейскую синагогу. Сохранившіася стѣны и 3 башни верхняго замка, построеннаго въ XIV вѣкѣ княземъ Либартомъ Гединовичемъ и его ближайшими пріемниками, поражаютъ своимъ величіемъ и крѣпостью каменной кладки. Еврейская синагога состоитъ изъ двухъ частей: башни, построенной, по преданію, въ XIV вѣкѣ Витовтомъ, и пристроеннаго къ ней молитвеннаго зала. Въ ней особенное вниманіе обращаютъ на себя стѣнные старинные свѣтильники; въ ризницѣ ея сохранились старинныя парчевыя и шитыя золотомъ покрывала. Въ ризницѣ кафедральнаго римско-католическаго костела, кромѣ цѣнныхъ старинныхъ дарохранительницъ, чашъ, блюдовъ и другихъ священныхъ предметовъ, хранится около 200 роскошныхъ священническихъ и епископскихъ облаченій, парчевыхъ и шелковыхъ, шитыхъ серебромъ, золотомъ и шелками и украшенныхъ золотымъ венеціанскимъ кружевомъ. Облаченія эти и другіе старинные предметы обновлены старательно и умѣло и хранятся въ образцовомъ порядкѣ, дѣлающемъ честь ихъ хранителю.

Въ тотъ же день графиня Уварова выѣхала въ г. Владиміръ* 28 августа осмотрѣнны древности г. Владиміра и его окрестностей, начиная съ Святогорскаго, нынѣ женскаго монастыря въ с. Зимно, гдѣ въ настоящее время реставрируется церковь и колокольня, построенныя, равно какъ и окружающія ихъ стѣны и башни, судя по надписи на одномъ изъ церковныхъ колоколовъ, въ XV вѣкѣ князьми Чарторійскими. При осмотрѣ производящихся работъ гр. Уваровой обращено вниманіе на полное несоотвѣтствіе формъ новыхъ пристроекъ и надстроекъ въ церкви и колокольнѣ остальнымъ древнимъ частямъ этихъ зданій и высказано пожеланіе о сохраненіи нынѣшняго въ церкви иконостаса, построеннаго въ стилѣ временъ Елизаветы Петровны, вполне гармонирующаго съ внутренностью храма. Послѣ Святогорскаго монастыря осмотрѣнны развалины древняго храма вблизи г. Владиміра въ урочищѣ «Старая Каѳедра», открытыя въ 1886 г. и лежавшія до того времени въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій подѣ

землею. Кирпичъ этихъ развалинъ такъ обветшалъ, что имъ грозитъ въ близкомъ будущемъ полное разрушеніе, несмотря на всѣ мѣры, принимаемыя братствомъ къ ихъ сохраненію. Въ самомъ городѣ осмотрѣны церкви—древняя свято-Васильевская братская церковь, построенная не позже XIV в. и реставрируемая въ настоящее время, и соборная свято-Николаевская, построенная въ концѣ XVIII в. уніатскимъ архимандритомъ Важиаскимъ, въ честь Іосифа Кунцевича, на мѣстѣ его бывшей усадьбы. Въ этой церкви хранятся древній за-престольный крестъ Пятницкой церкви, покрытый серебряною ризою въ половинѣ XVIII в. уніатскимъ митрополитомъ Володковичомъ, и старинная серебряная риза съ образа Божіей Матери Мстиславова храма. Въ Христорожественскомъ монастырѣ особенное вниманіе графини Уваровой обращено на древній омофоръ XV в., найденный въ гробницѣ уніатскаго митрополита Володковича. Посѣтивъ затѣмъ древнехранилище свято-Владимірскаго братства, братскую народную читальню съ библиотекой и великокняжеское городище, гр. Уварова закончила обзорѣе мѣстныхъ древностей осмотромъ величественнаго памятника XII в., каедральнаго собора владимірь-волинскихъ епископовъ, построеннаго во честь усненія Божіей Матери в. к. Мстиславомъ Изяславичемъ, обновленіе котораго, съ сохраненіемъ его древнихъ формъ, близится къ концу. Въ этотъ храмъ, съ разрѣшенія высокопреосвященнѣйшаго Модеста, архіепископа волинскаго и житомирскаго, состоялось переложеніе останковъ в. к. Владиміра Всильковича, почившаго въ 1289 г., въ новый гробъ, помѣщенный подъ однимъ изъ аркасолій храма. Послѣ осмотра древностей г. Владиміра, гр. Уварова съ дочерьми выѣхала въ с. Будятичи, имѣніе Е. Н. Дверницкаго, съ тѣмъ, что-бы на другой день—29 августа предпринять двѣ экскурсіи: въ с. Низкиничи для обзорѣнія храма, построеннаго въ 1653 г. Адамомъ Киселемъ, и въ урочище «Старгородъ» на р. Бугѣ, для осмотра городища и вала, оставовъ, какъ можно полагать, города «Воляня». Вторая экскурсія не состоялась вслѣдствіе проливнаго дождя. Въ с. Низкиничи гр. Уварова прибыла 29 августа къ обѣднѣ, послѣ которой осматривала церковное зданіе прекрасной архитектуры, мраморное надгробіе Адама Киселя, помѣщенное въ одномъ изъ пилоновъ храма, его гробъ въ склепѣ подъ храмомъ и священническія облаченія, современныя постройки храма. Къ сожалѣнію, замѣчательный въ художественномъ отношеніи металлическій гробъ, въ которомъ покоятся останки Адама Киселя и его брата Николая,

весь покрытый лѣпными украшеніями, сильно пострадалъ въ послѣднее время, благодаря крайней небрежности каменщиковъ, ремонтировавшихъ церкви: они, какъ говорятъ, положили на крышку гроба вѣсколку пудовъ заготовленныхъ для ремонта гипса и алебаstra, подъ тяжестью которыхъ расплюснулась крышка гроба и въ одномъ изъ его угловъ разошлись стѣнки.

Утромъ 30 августа гр. Уварова выѣхала изъ с. Будятичъ, черезъ Владиміръ и Ковель, въ обратный путь.

Случайныя находки.

На городищѣ у с. Коночки, Черкасск. у. сдѣлана очень интересная находка. Это небольшая свинцовая висячая печать, хорошей сохранности. На одной сторонѣ ея помѣщено изображеніе святого во весь ростъ; изображеніе настолько хорошо сохранилось, что видны глаза и волосы; сѣва и сирава изображенія идутъ сверху внизъ надписи, къ сожалѣнію почти совсѣмъ стершіяся, на одной изъ нихъ можно различить лишь букву **Д**. На другой сторонѣ помѣщена, типичными для княжеской эпохи буквами, надпись въ трехъ строкахъ: **ДЪ | НЬСЛ | ОВО**. Это уже второй случай находки вислой печати съ такой надписью. Десять лѣтъ съ небольшимъ тому назадъ подобная по размѣрамъ и надписи печать найдена въ г. Переяславѣ, Полтавск. г.; она хранится въ кіевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ, описаніе и снимокъ ея мы помѣстили въ свое время въ Кіевской Старинѣ¹⁾. Отличается эта печать отъ настоящей лишь тѣмъ, что на ней святой изображенъ не во весь ростъ, а по грудь. На музейномъ экземплярѣ сѣва изображенія ясно читается надпись — **О ДАВЪ** (сокращенное Давидъ?); быть можетъ и въ данномъ случаѣ была такая-же надпись, на это намекаетъ и сохранившаяся буква **Д**. Въ вышеуказанной замѣткѣ мы сдѣлали предположеніе о принадлежности печати черниговскому князю Давиду Святославовичу (1097—1123 гг.); это предположеніе можетъ быть отнесено и къ настоящей печати; не противорѣчатъ этому и находки другихъ предметовъ на

¹⁾ См. 1888 г., июнь, нашу замѣтку „Два замѣчательные предмета Кіевского Церковно-археологического музея“.

городищѣ у с. Коновчи,—всѣ они относятся къ концу великокняжеской эпохи. (Печать поступила въ собраніе Б. И. Ханенко).

Музеи и собранія древностей.

Постройка Киевскаго музея древностей и искусствъ подходит къ концу. Въ настоящее время идутъ работы по устройству упорныхъ стѣнъ для площадки передъ музеемъ и производятся нѣкоторыя переделки. Освященіе зданія музея предполагается въ настоящемъ мѣсяцѣ. Такимъ образомъ, одна часть дѣла будетъ закончена. Затѣмъ, предстоитъ еще внутренняя сторона дѣла: выработка положенія музея, связанная съ изысканіемъ средствъ на содержаніе зданія, служащихъ, на приобрѣтеніе предметовъ—этимъ теперь и занято правленіе Киевскаго общества древностей и искусствъ, завѣдывающее постройкой музея.

Въ Музей древностей университета св. Владимира, кромѣ переданныхъ постановленіемъ XI-го съѣзда коллекцій, добытыхъ экскурсіями по порученію Предварительнаго комитета съѣзда (коллекція изъ раскопокъ В. Б. Антоновича и Е. Н. Мельникъ въ Волинской губ. и наша, собранная при обследованіи береговъ р. Западнаго Буга), пожертвованны также нѣкоторыя коллекціи частныхъ лицъ изъ бывшихъ на археологической выставкѣ при съѣздѣ. Среди пожертвованныхъ выдѣляется по количеству экземпляровъ коллекція каменныхъ орудій г. Тиховскаго, происходящая изъ стоянокъ въ урочищахъ Песчанка и Новоселки близъ с. Сананова, Кременецкаго у. Волинской губ. (Часть этой коллекціи поступаетъ также въ Волинское Епархіальное Древлехранилище).

Въ Церковно-археологическій музей при Киевской дух. академіи переданъ недавно о. казначеемъ Киево-Печерской лавры замѣчательный крестъ. Это именно тотъ крестъ, который былъ случайно открытъ въ стѣнѣ церкви на лаврскихъ воротахъ. Крестъ украшенъ эмалью, и въ виду того, что его можно отнести къ предметамъ датированнымъ, представляетъ рѣдкій экземпляръ произведеній нашей княжеской эпохи. Въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ «Лѣтописи» мы постараемся дать какъ подробное описаніе креста, такъ и рисунокъ съ него. вмѣстѣ съ крестомъ поступилъ также изъ лавры кусокъ

штукатурки, найденный внутри великой церкви, съ вырѣзаннымъ крестомъ и буквами, относящійся ко времени построенія церкви.¹⁾ Однимъ изъ цѣнныхъ пожертвованій въ музей является также бронзовый змѣевикъ съ греческими надписями и изображеніями, исполненными чернью; онъ интересенъ для сравненія съ змѣевиками, находимыми въ Россіи.

Городецкимъ музеемъ Волынской губ. барона О. Р. Штейнеля приобрѣтена довольно большая партія каменныхъ орудій изъ Кременецкаго и Дубенскаго уѣздовъ. Между приобрѣтенными предметами есть нѣсколько очень интересныхъ по формѣ и отдѣлкѣ.

Въ *собраніе древностей Б. И. Ханенко въ Кіевъ* поступили предметы изъ послѣднихъ раскопокъ г. Мазараки въ Полтавской губ., о которыхъ мы сообщали въ прошломъ номерѣ. Пользуясь случаемъ приводимъ болѣе подробное описаніе скифскаго меча, найденнаго въ одномъ изъ кургановъ. Собственно отъ меча, имѣющаго 50 сѣм. длины, сохранилась желѣзная рукоятка и нижняя часть желѣзнаго клинка; но длину меча можно возстановить по сохранившейся одной половинѣ ноженъ. Рукоятка и насаженная на нее сверху перекладина обтянуты золотой пластинкой, орнаментированной полукольцами и городками изъ бисера. Большой художественный интересъ представляютъ ножны; они слошныя золотыя, въ верхней части расширяются (7¹/₂ сѣм.) и здѣсь помѣщено штампованное изображеніе двухъ лошадей, въ изогнутыхъ позахъ, соединенныхъ другъ съ другомъ головами. Среднюю часть занимаютъ 7 барсовъ(?), размѣщенныхъ одинъ подъ другимъ. Конецъ ноженъ гладкій, съ тремя рядами городковъ изъ бисера.

Пріемъ собранія украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго законченъ въ концѣ прошлаго мѣсяца уполномоченнымъ Черниговскаго земства Б. Д. Гринченкомъ, проработавшимъ надъ нимъ около двухъ недѣль. Собраніе сдано по описи Обществу древностей и искусствъ и будетъ храниться въ помѣщеніи новаго музея до 1901-го года.

¹⁾ Описанія этихъ двухъ памятниковъ помѣщены въ статьѣ П. А. Лашкарева— „Остатки древнихъ зданій Кіево-Печерской лавры“, Труды Кіевск. дух. Академіи 1883 г. январь; см. также его-же „Церковно-археологич. очерки, изслѣдованія и рефераты“, стр. 215 и слѣд.

Разныя извѣстія.

Въ теченіе сѣзда выходили *«Извѣстія XI Археологическаго Сѣзда въ Кіевѣ»*. Извѣстій вышло 14 номеровъ, составляющихъ томъ, іп. 8^о, въ 231 стр. Здѣсь мы находимъ свѣдѣнія о засѣданіяхъ сѣзда, экскурсіяхъ и сжатыхъ резюме доложенныхъ рефератовъ; въ концѣ помѣщенъ списокъ членовъ сѣзда.

—

Ко времени открытія сѣзда *Б. И. Ханенко* выпущено новое роскошное изданіе—*«Собраніе Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности приднѣпровья. Эпоха предшествующая великому переселенію народовъ»*. Выпускъ *П. Кіевъ, 1899. 4^о. 41 стр. + 37 таблицъ*. Настоящій выпускъ посвященъ т. н. скифскимъ древностямъ, сравнительно хорошей подборъ которыхъ составляетъ часть собранія *Б. И. и В. Н. Ханенко*. Коллекція эта составила изъ раскопокъ *С. А. Мазараки* въ бассейнѣ р. Сулы, изъ раскопокъ *В. В. Хвойко* въ разныхъ уѣздахъ Кіевской губ., изъ коллекціи покойнаго *Н. Я. Тарновскаго*, производившаго раскопки въ Каневскомъ у., и наконецъ, изъ случайныхъ находокъ въ Кіевской, Полтавской и Екатеринославской губ. Въ небольшомъ введеніи къ этому изданію дается краткій очеркъ Скифія; затѣмъ помѣщены свѣдѣнія о раскопкахъ кургановъ по р. Сулѣ, въ урочищѣ «Галушино» у с. Пастырскаго Чигиринскаго у., при м. Трипольѣ, Кіевск. у. и при селахъ Райгородѣ и Прусахъ, Черкаскаго у., сообщаются также свѣдѣнія о находкахъ въ Матроньевскомъ городищѣ, Чигиринскаго у. Остальную часть текста занимаетъ описаніе предметовъ собранія. Въ этомъ послѣднемъ отдѣльныхъ главы обнимаютъ собой: 1) предметы изъ желѣза 2) бронзовые предметы, 3) предметы изъ золота, серебра и электрона, 4) предметы изъ кости, 5) предметы изъ камня, янтаря, стекла и разные, и 6) глиняныя издѣлія; всего предметовъ описано 814. Иллюстрирующія текстъ таблицы исполнены роскошно и даже черезчуръ роскошно, такъ какъ намъ представляется излишнимъ издавать въ многочисленныхъ экземплярахъ совершенно одинаковые предметы (см., напр., тт. VI, XII, XXIV, XXV и др.). Собраніе *Б. И. и В. Н. Ханенко* обладаетъ еще нѣсколькими отдѣлами древностей, не вошедшихъ въ изданіе владѣльцевъ,—будемъ надѣяться, что и они, путемъ изданія, сдѣлаются достояніемъ большаго круга ученыхъ и любителей.

—

Какъ «привѣтствіе XI Археологическому Съѣзду» Юліаномъ Кулаковскимъ издана „Карта Европейской Сарматіи по Птоломею“. Киевъ, 1899, 4°. 31 стр.—карта. Текстъ состоитъ изъ двухъ главъ. Въ первой помѣщенъ обзоръ общихъ свѣдѣній о географіи Птоломея и выясненіе основныхъ принциповъ его карты земли; во второй—комментарій къ одной изъ десяти таблицъ Европы Птоломея—«Европейская Сарматія», гдѣ, на основѣ свѣдѣній Птоломея, въ связи съ другими фактами, въ томъ числѣ и археологическими, авторъ старается найти соотношенія между древней и современной топографіей; здѣсь, между прочимъ, авторъ высказываетъ предположеніе, что въ городѣ Метрополѣ Птоломея можно признать нашъ Киевъ, что поддерживаютъ и находки монетъ, слѣданныя на территоріи Кіева.

XI-му Археологическому Съѣзду посвященъ составленный нами «Отчетъ Городецкаго музея Волынской губерніи барона Ф. Р. Штейнзель за второй годъ, съ 25 ноября 1897 г. по 25 ноября 1898 г.». Киевъ, 1899. 8°. 59 стр. Здѣсь, на ряду съ поступленіями по другимъ отдѣламъ музея, подробно описаны и предметы, поступившіе въ теченіе отчетнаго года въ археологическій отдѣлъ. (О нихъ см. «Лѣтопись», февраль.)

К. Болсуновскимъ изданы «Сфрагистическіе и геральдическіе памятники Юго-Западнаго края». Киевъ. 1899. 4°. 9 стр.—2 таблицы. Здѣсь помѣщено изображеніе 52-хъ печатей, какъ частныхъ лицъ, такъ и различныхъ учреждений, XVI, XVII и XVIII вв. Текстъ къ таблицамъ не безъ опечатокъ. Желательно продолженіе этого изданія,—матеріаль, трактующій имъ, еще очень мало затронуть и обработанъ.

Въ № 3, 4 и 5 (въ одной тетради) «Археологическихъ извѣстій и замѣтокъ» за настоящій годъ, издаваемыхъ Имп. Московск. Археолог. Обществомъ подъ редакцію Д. Н. Анучина и А. И. Кирпичникова, перепечатано изъ апрѣльскаго номера нашей «Лѣтописи» сообщеніе о находкахъ различныхъ предметовъ на городищѣ Княжа Гора. Перепечатка эта снабжена слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Всѣ эти сообщенія лишь укрѣпляютъ наше довѣріе къ «древностямъ великокняжеской эпохи», привозимымъ въ такомъ изобиліи на Кіевскій рынокъ». Надѣмся, что у почтенныхъ редакторовъ, побывавшихъ на

сѣздѣ и имѣвшихъ возможность видѣть всѣ предметы, о которыхъ шла рѣчь, «недовѣріе» теперь немного разсѣется. Мы однако недоумѣваемъ, откуда могло возникнуть такое недовѣріе? Вѣдь Книга Гора давно извѣстна массой находокъ, если-же здѣсь имѣлась въ виду поддѣлка поставщиками-крестьянами древностей, то можемъ завѣрить почтенныхъ редакторовъ, что и въ Кіевѣ есть люди, способные отличить поддѣлку.

Въ журналѣ „*Искусство и художественная промышленность*“, въ выпускѣ за июнь-юль, *Е. М. Кузьминимъ* помѣщена прочувствованная замѣтка о музеѣ В. В. Тарновскаго. Къ замѣткѣ приложенъ портретъ покойнаго.

Археологическіе труды П. А. Лашкарева. Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о недавно скончавшемся проф. Лашкаревѣ, помѣщеннымъ въ предыдущей книгѣ Кіевской Старины, приводимъ болѣе подробный списокъ его ученыхъ работъ въ области археологии.

1) Религіозная монументальность (напечатано въ Трудахъ Кіевской дух. Академіи, 1866 г. № 1 и 2).

2) Что осталось отъ древней кіевской церкви Спаса на Береговѣ (тамъ-же, 1867 г. № 7).

3) По вопросу объ архитектурѣ XII в. въ Суздальскомъ княжествѣ (въ Трудахъ I археологич. Сѣзда въ Москвѣ, т. 1).

4) Кіевская архитектура X—XII в. (въ Трудахъ III археолог. Сѣзда).

5) Развалины церкви св. Симеона и Коопревъ конецъ древняго Кіева (въ Трудахъ Кіев. дух. Академіи, 1879 г. № 5).

6) Киворій, какъ отличительная архитектурная принадлежность алтаря въ древнихъ церквахъ (Труды Кіевской дух. Академіи, 1883 г.).

7) Остатки древнихъ зданій Кіево-Печерской Лавры (Труды Кіев. дух. Ак. 1883 г. № 1).

8) Остатки древней церкви въ Переяславѣ (Кіевская Старина, 1889 г. № 1).

9) Соборная Успенская церковь въ г. Каневѣ.

Всѣ эти статьи вошли въ особый сборникъ, изданный покойнымъ подъ заглавіемъ: «Церковно-археологическіе очерки, изслѣдованія и рефераты». Кіевъ 1898 г. Статья подъ № 9 впервые напечатана только въ этомъ сборникѣ.

10) Въ Сборникъ не вошла еще слѣдующая статья—«Дача Кіево-Братскаго монастыря—Церковщина» (напеч. въ Трудахъ Кіев. дух. Акад., 1899 г. № 3).

П. А. Лашкаревъ уроженецъ Курской губерніи; сначала обучался въ Бѣлградской дух. семинаріи, а потомъ въ Кіевской дух. Академіи, въ которой окончилъ курсъ (въ 1859 г.) первымъ магистромъ, почему и оставленъ бакалавромъ по кафедрѣ каноническаго права и церковной археологіи. Послѣднюю онъ преподавалъ только до 1869 г. (до новаго академическаго устава), а съ этого времени преподавалъ каноническое право, по которому и издалъ свои академическія лекціи (Кіевъ 1889 г., 2-ое изд.). Хотя покойный преподавалъ въ Академіи церковную археологію только 10 лѣтъ, но онъ до конца жизни интересовался церковными древностями; участвовалъ въ раскопкахъ древнихъ памятниковъ, часто осматривалъ старинныя церкви (послѣдняя его экскурсія была въ Черниговъ и описана въ Извѣстіяхъ XI археологич. Съѣзда); на съѣздахъ археологическихъ бывалъ депутатомъ и читалъ рефераты. Живое участіе онъ принималъ въ Церковно-археолог. Обществѣ при Кіев. дух. Академіи, въ которомъ нѣсколько лѣтъ былъ товарищемъ председателя. Скончался на 66 году отъ роду.

I. К.

Мѣдный поясъ кавказскаго типа, найденный въ Кіевской губ. 1).

(Къ рисунку).

Въ 1889 г., въ с. Подгорцахъ, находящихся въ 25 в. ниже Кіева, на возвышенномъ берегу днѣпровской долины, найденъ былъ горшокъ изъ грубой красной глины съ прямымъ дномъ и довольно толстыми стѣнками, въ которомъ оказался хорошо сохранившійся

¹⁾ Издаваемый поясъ представляетъ очень рѣдкій экземпляръ заносной культуры на нашемъ Приднѣпровьи. Въ низовьяхъ Днѣпра еще можно указать на нѣкоторыя находки съ несомнѣнно выраженнымъ вліяніемъ кавказской культуры, въ среднемъ-же Приднѣпровьи настоящий поясъ является пока единичной находкой, указывающей на нѣкоторыя связи, существовавшія въ глубокой древности съ отдаленнымъ Закавказьемъ. Это обстоятельство, въ связи съ тѣмъ, что поясъ среди другихъ, извѣстныхъ предметовъ этой культуры, можетъ быть названъ однимъ изъ самыхъ интересныхъ, побудило насъ издать его въ видѣ приложения къ настоящей «Лѣтописи». Текстъ въ изображенію любезно согласился составить членъ Импер. Археологической Комиссіи А. А. Сплицынъ.

мѣдный поясъ, мѣдная бляха, такая же спираль и кусочки заржавѣвшаго желѣза. Черезъ мѣстнаго священника Каминскаго рѣдкаа находка эта попала въ Музей Кіевской духовной Академіи, гдѣ и сохраняется въ настоящее время ¹⁾.

Поясъ характернаго закавказскаго типа ²⁾. Онъ представляетъ собою тонкую, широкую, гладкую ленту, длиною 84,4 сант., ширною 10 сант., покрытую орнаментомъ и изображеніями животныхъ. Орнаментъ занимаетъ концы пояса и $\frac{2}{3}$ остальной поверхности, такъ что фигуры животныхъ занимаютъ лишь $\frac{1}{3}$ ея. Онъ состоитъ изъ тщательно выработанныхъ чешуйчатыхъ, шнуровыхъ и пунктирныхъ линий; концы пояса украшены оригинальными спиралями, свернутыми изъ двухъ сложенныхъ вдвое линий (такъ что на край спирали выступаютъ 4 конца), двойнымъ шнуровымъ орнаментомъ, пунктирными линиями и зубцами. Изображенія животныхъ занимаютъ узкую и длинную полосу. По содержанію онѣ соединяются въ 3 отдѣльныя группы. Посрединѣ представлены олень и двѣ собаки, влѣво—обращенные другъ къ другу головами два буйвола(?), справа—два грифа, въ томъ же положеніи, и утка. Всѣ животныя изображены съ совершенно одинаковыми туловищами, но съ разными головами. Имъ придана поза, наиболѣе выгодная для заполненія узкаго поля: передняя часть опущена и положена на далеко вытянутыя ноги, а задняя приподнята, при чемъ для соблюденія симметріи одна изъ заднихъ ногъ положена на землю. Нельзя не сознаться, что поза придумана очень хитроумно. Туловище животныхъ по необходимости длинное и тонкое. Кругомъ всего туловища, за исключеніемъ головы, проходитъ кайма изъ двухъ линий съ насѣчкою внутри. Такими-же полосками орнаментирована задняя часть туловища, а вся передняя покрыта своеобразнымъ (ассирійскимъ?) чешуйчатымъ или лепестковымъ орнаментомъ. Олень изображенъ съ огромными рогами, длиною, тонкою шейю и короткимъ хвостомъ. Собаки представлены лающими; головы ихъ опущены, пасти широко раскрыты. Нижнія челюсти собакъ характерно изогнуты, уши малыя, лбы выпуклыя, у одной загнутый хвостъ. Предполагаемые буйволы представлены также съ тон-

¹⁾ Кіевское Слово 1893, 930.—Указатель Музея Кіев. дух. Акад., стр. 14.

²⁾ V i r c h o w, *Über die culturgeschichtl. Stellung des Kaukasus, unter besonderer Berücksicht'g der ornamentirt. Bronzegürtel aus transkaukasischen gräbern.* Berlin, 1895.—M o r g a n d e, *Mission scientifique au Caucase.* T. I, стр. 114, 115, 141, 162 - 164.

зово изогнутой шеей и низко опущенною головою; рога ихъ образованы почти круглыми концентрическими линиями, съ тремя пере-хватами, ноги непомѣрно вытянуты для наполненія мѣста подъ рогами. У грифоновъ сравнительно короткая шея, голова хищной птицы съ широко раскрытою, круглою пастью, большіе круглые глаза, на лбу орнаментированный выступъ, представляющій въ сущности глазъ (см. описанный у Вирхова поясъ № III); лапы съ длинными ногтями, хвостовъ, повидному, нѣтъ. Птица помѣщена очевидно лишь для наполненія пустого мѣста, образовавшагося оттого, что у грифовъ нѣтъ роговъ, имѣющихся у симметрично расположенной пары буйволовъ. У птицы тонкая изогнутая шея, широкій хвостъ и протянута впередъ тонкія ноги; туловище ея покрыто чешуеобразнымъ орнаментомъ, здѣсь совершенно кстаті имитирующимъ перья. Всѣ фигуры и орнаментъ исполнены на поясѣ вдавленными линиями съ наружной стороны. Хорошая сохранность пояса объясняется какъ сухостью почвы, въ которой онъ сохранялся, такъ и сравнительно большою толщиной его (0,5 мм.). Совершенно аналогичнаго по рисунку пояса въ закавказскихъ древностяхъ намъ неизвѣстно. По изображеніямъ, ближайшія аналогіи онъ имѣетъ въ поясахъ, описанныхъ у Вирхова подъ № II и III.

Найденная вмѣстѣ съ поясомъ бляха, вѣроятно принадлежитъ къ нему же. Она круглая, выпуклая, снабжена съ внутренней стороны петлею для прикрѣпленія и украшена вдоль края двумя линиями слабого пунктира и 4 кружками. Такъ какъ діаметръ бляхи 10,7 сант., то длина всего пояса не менѣе 95 сант. Вмѣстѣ съ бляхою найдена еще мѣдная спираль, свернутая изъ четырехгранной крупной проволоки. Предполагаемъ, что это часть извѣстной подвѣски, состоящей изъ двухъ такихъ спиралей, соединенныхъ дужкою.

Пояса, подобные описанному, встрѣчены уже въ довольно значительномъ количествѣ въ раскопкахъ де-Моргана, Белька, Ресслера и Марра, произведенныхъ въ предѣлахъ Арменіи. Они попадаются въ могильникахъ, при мужскихъ костякахъ. Наболѣе старыя изъ нихъ вовсе не заключаютъ вещей изъ желѣза. Пояса встрѣчаются, повидному, не въ этихъ могильникахъ, а въ болѣе позднихъ, гдѣ уже не рѣдки желѣзные кинжалы, ножи и другія подѣлки.

А. Спицынъ.

сять копѣекъ), съ одной стороны, вынимать изъ *кешени* (изъ кармана), а съ другой принимать и прятать, лишь бы въ такой или въ такой праздникъ, къ заутренѣ или къ обѣднѣ, въ большой колоколъ звонилъ я, а не кто-либо иной... Переходъ *привѣнъ* въ этомъ случаѣ дѣлается не сокровенно, но во всенародное свѣдѣніе, и никто этимъ у насъ не скандализируется, и не сгорчается: такъ принято, такъ ведется, сложился обычай... Ну, да чтобъ гусей не раздражить! Довольно, что Гарасько Трохимовичъ стучить въ окошечко именно потому: къ заутрени въ большого зазвонить колокола не кто-либо, а чернобровый Гарасимѣнченко Степанъ... И когда, вечеромъ, пойдутъ колядовать, всѣмъ и каждой будетъ извѣстно, что такъ и такъ—кромѣ, конечно, одной, которая и не знаетъ ничего, и не вѣдаетъ... „Га? Чогб? Щб, сестриці, кѣжете“?

Но оставимъ Гараська Трохимовича съ его стучаніемъ въ окошечко, съ его интересами: ему еще многое предстоитъ— пусть онъ *повѣжно* совершаетъ свое повѣжное теченіе! Придетъ до *бѣтнющкы*, до *пекѣрни*, почнетъ стучать въ дверь—слышитъ *наймишка*, да не встаетъ,—посылаетъ *наймита*; наймитъ тоже слышитъ—посылаетъ наймичку. Потомъ церковь надо отворить, свѣчи зажигать и т. д. Мы отправимся куда-нибудь, къ кому-нибудь,—да вотъ хоть къ старому Тѣркуту: „хата тѣпла, люде дѣбри¹⁾“, да кстати и въ Гринькѣ, съ женою и съ *кутею*²⁾, въ тестю и тещѣ, семья большая, люди предковскихъ обычаевъ.

У Тѣркута: старуха-жива; три женатыхъ сына—одного только осенью женилъ; двѣ замужнихъ дочери—одну выдалъ замужъ тоже только осенью; неженатый сынъ *женило* (котораго пора женить; употребляется въ смыслѣ болѣе или менѣе шуточномъ, иногда даже насмѣшливомъ); двѣ незамужнихъ дочери

1) Сокращеніе извѣстной прибаутки: „Хата-тѣпла, люде-дѣбри, кѣбаки-довѣла“. Въ такомъ сокращенномъ видѣ прибаутка эта употребляется въ болѣе *деликатной* бесѣдѣ.

2) См. 2-е письмо.

Рязскани М. Т. Симонова.

12

Приложеніе въ Киевск. Старинѣ, 1899 года.

навыданныю (невѣсты), невѣстки, куча *онѹкивъ* и *онѹчокъ*. Туркутъ не изъ богачей—*молодожьонъ* (недавно оженившійся, т. е. сынъ) вчера не отправился; меньшая замужня дочь вчера не прѣѣхала изъ Вишнякѣвъ; вся семья, поэтому, на лицо, прѣѣзжихъ не имѣется.

Изъ экономіи, въ *ти хати*, въ чистой, *черезъ сины*, огня нѣтъ, а тутъ, на пдлочкѣ, у *кѹмыни каидчыкъ*, *эле-эле*, нагорѣлъ *инитъ* (свѣтильня). Спать—на *полѹ* старикъ съ *дидовымъ онѹкомъ*; на печкѣ—старуха съ *бабыными онѹками* и онѹчками; на *лави*—женыло: „таке зилля, якъ *пѹрубокъ*, треба мать на *ѹци*—не то, щобъ... про те у насъ крый Бигъ! а такъ—дурный рѹзумъ, разъ бы въ разъ на *улыцю*, ще *нашурубѹрыты!*“ (на землѣ) *ѹдми*, *пѹкотомъ*, одна изъ старшихъ невѣстокъ и остальные онѹки и онѹчки, которые поспокойнѣе, *дидови* не будутъ мѣшать спать. А тамъ *черезъ сины*, остальная семья: незамужнія дочери на печкѣ: „у насъ, кажѹ, про те крый Бигъ, а дивѹти якѹсь незвычайно при старыхъ, хотъ бѹтько й *мѹты*“; на *полѹ*—невѣстка, у которой грудной ребенокъ, на землѣ—*молодожьоны съ дрибязкомъ* (съ маленькими дѣтьми), а тѣ двое *по лѹвахъ*.

Тихо, крѣпко спятъ, даже старикъ крѣпко спитъ; только изрѣдка одинъ изъ онѹковъ: „переймай, переймай!“ вскрикиваетъ, или: „на свѣй бикъ! на свѣй, на свѣй!“—*бѹлка*¹⁾, должно быть, ему грезится... да отъ времени до времени, *нидъ ниччю*, вздыхаетъ малый теленокъ—передъ самою *кутѣю* Богъ даль! тѹ-то праздниками полакомится *дитѹра молѹзывомъ*²⁾!

Но вотъ *бѣвкнуло* (ударилъ въ колоколь)—не громко, еще хо рошенько *сѣрия* не *росколыхалы*... въ другой разъ—громче—старикъ притихъ... еще громче—улышалъ. „Слѹва тоби“, говоритъ, „Гѹсподы!“ *заворушылся*, крестится, поднимается...

1) *Булки*, или *ковинька*—игра. Подробное объ этой игрѣ объясненіе можно найти въ одномъ изъ примѣчаній къ Отрывкамъ изъ автобіографіи Василя Петровича Бѣлокопытенка. См. выше.

2) *Молѹзыво*—извѣстнымъ образомъ приготовленное блюдо, изъ молока только-что родящей коровы. Самое молоко тоже называется *молѹзыномъ*.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ обѣихъ хатахъ у Туркута— яркій огонь, бѣготня, *умыванья*, *одяганья*, кромѣ самыхъ малыхъ дѣтей, которыхъ и не трогали. А Гарасимѣнченко Степанъ звонитъ и звонитъ, стараго и малаго зоветъ послушать великую вѣсть: „Дѣва днесъ Пресущественного рождѣ!“

Сборы въ церковь на Рождество не долги, особенно старику и мальчикамъ: бѣлье чистое надѣто съ вечера, все убранство вынуто изъ скринь и принесено изъ *хѣжи* (изъ чулана въ сѣняхъ), *комиръ*, тоже съ вечера. Вотъ развѣ дивчата съ своими *стричкѣми*, да пожалуй еще молодая невѣстка—*вымо- стить рижѣчки* у платка, у новой плахты *ирѣвы*, *червѣный* поясъ, чтобы конецъ сзади такъ и разостлался!..

Мальчики ужъ готовы, у порога, перешептываются, по-сматриваютъ на старика. Готовъ и старикъ, поясомъ *пидперездѣзъ каптанѣкъ*, надѣлъ новый нагольный кожухъ.

— А ну, старá, достань теперѣ гроши!—говоритъ, окончивъ *одяганья* и поправляя что-то за *комиромъ* (за воротникомъ),—должно быть что-то жметъ.

Старуха достаетъ изъ скрини мѣдныя деньги, завязанныя въ *хустѣнку*—беретъ, садится возлѣ стола и принимается считать и раскладывать въ маленькія кучки, отъ времени до времени присвѣчивая къ кагавьцю: „шагъ вонѣ (грошъ ли это), чы копѣйка“. „Ну“, говоритъ, „уже деньги теперь настали! просто *кинци зъ нымѣ погубышизъ!* На, лышѣнь, старá, подывѣсь ты!“ или обращается къ кому-нибудь изъ старшихъ дѣтей, кто случится ближе...

Окончивъ расчеты, старикъ подзываетъ старшаго онука: „Оцѣ“, говоритъ, тоби *шажѣкъ* (грошикъ), свичеу обминышъ (не купишь, а вымѣниешь, или поставишь) Бѣжи Матери... А оцѣ, Петрусью, тоби!“ Получившіе совершенно счастливы!.. „А вы, объявляетъ остальнымъ:—вы на служби (на обѣднѣ т. е., *обмытыте*).. На, старá, дасѣ имъ тоди, а то погублять (потеряютъ).“ Неполучившіе немножко опечалены:—имъ бы хотѣлось сейчасъ имѣть шажки въ рукахъ;—*дидивзъ* онукъ дѣлаетъ даже возраженіе, баба хочетъ замолвить слово за *своихъ*: „Ни, ни!“

говорить тихо:—идить“!—онъ знаетъ, что дѣлаетъ, онъ рассчиталъ крѣпко!..

Двери скрипнули, *чоботы* (сапогі) застучали, и чрезъ нѣсколько секундъ хата отъ *дитво́ры* опросталась.

Потомъ старикъ даетъ деньги женатымъ сыновьямъ, чтобы каждый поставилъ по свѣчѣ всѣмъ намѣстнымъ иконамъ, на утренѣ и на обѣднѣ, по нѣскольку шажковъ дочерямъ и невѣсткамъ... *Жемло* проситъ и себѣ! „Ще й тоби“! говоритъ старикъ:—„я, якъ бувъ такѣмъ, нибѣлы у бѣтка не просѣвъ!.. Ну, на; та йдѣ соби геть!.. Архистратѣхови жъ Михайлови поставъ“!.. уже вслѣдъ, а тотъ только усмѣхается;—„а на служби Ивану Воину“!.. чы не одучятъ хоть вонѣ тебе одъ кулачокъ ¹⁾!.. „На жъ и тоби, старѣ“! заключаетъ старикъ, обдѣливъ всю семью и отложивъ и себѣ нѣсколько шажковъ. Старуха отказывается: „гдѣ ужъ! мнѣ-ли *протдвѣпытця* (протолкаться т. е. къ свѣчамъ и къ иконамъ)“! Вотъ, говоритъ, на службу пораньше пойду и Матери *Бджи* свою, *самодилкову* (домашняго, своего приготовления).

Уходитъ въ церковь старикъ, а за нимъ и другіе: сыновья, невѣстки, дочери... Какіе *дукачи* (въ родѣ медальоновъ—мѣдныя, серебряныя, иногда и золотыя) у нихъ, *намыста́, стрички́*! Какія свиты бѣлыя:—еще ни разу не надѣвали!... Послѣднею

¹⁾ Старикъ намекаетъ на предстоящіе, во время праздниковъ кулачки. Вообще, парубокъ въ многочисленной семьѣ у насъ какъ, будто чужой: воно такъ зилла—задыракувате, гуливое, въ лѣсъ смотреть, а не въ семью, пока не женится, т. е., не то чтобы въ лѣсъ, а за ворота... Впрочемъ, это отчужденіе болѣе наружное, чѣмъ внутреннее, болѣе ворчаніе, чѣмъ дѣйствительно гнѣвъ: «Ще й тоби» говоритъ старикъ Туркутъ:—«ну, на, та йды соби геть»! Скажу даже больше: я крѣпко сомнѣваюсь, чтобы за этимъ ворчаніемъ не было чего-нибудь совсѣмъ противоположнаго насупленному виду, сердитому голосу,—также крѣпко сомнѣваюсь, чтобы старикъ Туркутъ велѣлъ поставить свѣчи Архистратигу Михаилу и Ивану Воину, именно для того, чтобы они отучили повѣсу отъ кулаковъ, а не для того, чтобы они помогли ему весь Таранвский куть (уголь, т. е. часть села, гдѣ живутъ Тараны) гонять праздниками на кулачкахъ, какъ череду. Не даромъ же повѣса, уходи, усмѣхалса!

собирается старуха... останавливается еще разъ, оглядываетъ себя и все кругомъ, какъ бы еще чего не забыть. Ушла—и чрезъ нѣсколько секундъ снова назадъ, стучить въ окошечко: „Глядите же мени“, говоритъ: „не забудьте телѣты нагодувать“!

Остаются дома: только невѣстка съ груднымъ ребенкомъ, всѣ *дивчѣтка-онучки*!—гдѣ имъ толкаться ночью!—да онучи-мальчики, которымъ въ церкви пришлось бы только носы утирать. Къ обѣднѣ, пожалуй, кое-кого и изъ нихъ заберутъ, кто покрупнѣе—старуха возьметъ, —*матери*; а теперь:—, вондъ ще зовсимъ малѣ,—лѣкій ще у йѣго грихъ“!

Главная забота остающейся дома невѣстки—убрать хаты, накормить теленка и затопить *пѣчи*.

Уборка хаты въ настоящемъ случаѣ состоитъ уже не въ подбѣливаньи и вымываньи: все, что нужно было вымыть и вымазать, вымыто и вымазано вчера послѣ вечери, или, —какъ объ этомъ сказано мною въ своемъ мѣстѣ—и раньше. Не займется теперь невѣстка и украшеніемъ хаты. То ли, что для народа, говоря вообще, праздникъ становится осязательнѣе, ближе его сердцу, теплѣе, только съ того момента, когда въ празднованіе начнутъ приводить предметы, болѣе доступные его пониманію и ему близкіе—напр., на Свѣтлый Праздникъ, когда, на заутрени, „обнимемъ другъ друга“, еще болѣе, когда вокругъ церкви станутъ рядами *паски*, и еще болѣе, когда хата, все и всѣ въ праздничномъ, всѣ цѣлуются, христосуются, а на столѣ—паски, то, другое,—другими словами, то ли, что праздникъ у народа, по крайней мѣрѣ у нашего народа, сосредоточивается главнымъ образомъ въ обѣденное и послѣдующее за тѣмъ время, или же тутъ имѣютъ значеніе какія-либо другія причины, напр., просто расчетъ, заняться украшеніемъ, когда вытоплено, подметено, пыль не подымется и не сядетъ ни на чемъ—то ли, или это; но сколько я замѣтилъ, украшеніе хаты на Рождество дѣлается у насъ всегда, когда вотъ-вотъ уже изъ обѣдни!... подразумевается, если кто нибудь изъ женщинъ во время обѣдни дома; если же всѣ уходятъ въ церковь—что, скажу мимоходомъ,

бываетъ только въ семействахъ слишкомъ немногочисленныхъ, да и то не всегда,—украшеніе—во всякомъ случаѣ—последняя вещь, чѣмъ займется хозяйка, или кто тамъ вмѣсто нея, такъ-что приди изъ церкви, поклонись образамъ... погляди кругомъ—свѣженькое все, чистенькое, хата какъ съ игопочки... Невѣстка Туркутишина, потому, не займется теперь украшеніемъ хаты: этимъ займется во время обѣдни наименьшая невѣстка:—кстати, она такая *джыджулѹха* ¹⁾! она уберетъ постели, одежду, которую поразбрасывали спѣшившіе въ церковь; меньшія дѣти стануть подыматься, будетъ умывать ихъ, наряжать, чѣмъ Богъ послалъ: дѣвочкамъ—*намістечка* по *разбѣчку* (по ниткѣ) или по два, а, пожалуй и какую-нибудь ленточку на головку... мальчикамъ—копѣчной тесемки по кусочку, *въ застижки*; а встанутъ всѣ—солому подобрать, гдѣ спали, *идѣ ничь*, хаты подмести, повинимать *рушныкы* для убранства хаты и т. д.

Кормленіе теленка,—не на Рождество, а во всякое другое время,—занятіе не изъ такихъ, которыми особенно озабочиваютъ моихъ земляковъ и землячекъ; а потому во всякое другое время о немъ не стоило бы и упоминать. Но на Рождество,—для нихъ, а слѣдовательно и для насъ, ведущихъ рѣчь объ ихъ *Риздвянныхъ святкахъ*, оно очень важно. По нашимъ понятіямъ,—коровы, во время *Риздвянныхъ святокъ*—Риздвянныхъ святѣкъ въ тѣснѣйшемъ значеніи, т. е. первыхъ трехъ дней: на *саме Риздѣѣ*, или на *Святый Вѣчиръ*, какъ у меня названъ тотъ день, на *Богорѣдницю* и на *Трѣйцю*—должны быть неразлучно съ своими телятами, и телята должны *въ прыпустъ* (сколько хотятъ) кормиться молокомъ... Ясли ли, давшія убѣжище Матери, рождающей Бога, или что-либо другое послужило тутъ основаніемъ—не берусь разсуждать. А что дѣло ограничивается однѣми коровами—изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ только коровы и свиньи въ эту пору рождаютъ; но послѣднія—въ

¹⁾ Любящая, чтобы все было на ней и гдѣ она живетъ, изящно, чисто, приваржено. О мужьяхъ не говорится джыджулунъ, хотя и говорится прыджжжулывся.

такомъ снисхожденіи не нуждаются:—онѣ и безъ того не различны съ дѣтенышами. Притомъ, животныя эти, занимая столь почетное мѣсто въ яствахъ украинскихъ христіанскихъ празднествъ, занимаютъ слишкомъ непочетное мѣсто въ украинскихъ христіанскихъ понятіяхъ.

Какъ бы то, впрочемъ, ни было, относительно коровъ и телятъ, мой земляки и землячки такихъ-именно убѣжденій, а потому, тотчасъ послѣ вечера на Багату Кутю, телятъ впускаютъ къ матерямъ,—въ кошары, или гдѣ тамъ онѣ есть,—и оставляютъ вмѣстѣ до утра четвертаго дня праздника, иногда даже и долѣе. Если же теленокъ слишкомъ малъ, можно опасаться, замерзнетъ на дворѣ, или пожалуй въ темнотѣ наступитъ *тосаряка*,—держатъ въ хатѣ, по крайней мѣрѣ ночью, но за то носятъ, какъ можно чаще, кормить. „А що“, спрашиваетъ молодой *хазяинъ* у своей молодой *хазяйки*:—мѣже бъ порѣ до коровы теля?—„Та тилькы що носыла!“—„Ну, и що жѣ?“—„Такъ цмолѣтъ (съ охотою, съ аппетитомъ сосеть, *ажъ цмокае*), такъ цмолѣтъ!“—„А та?“—„Та?... скѣзано, маты—ажъ пидтюпцемъ¹⁾, явъ побачыла!.. и такъ лѣже ёго, лѣже!“ И молодой *хазяинъ* поворачивается къ окошечку съ улыбкою, которая даетъ разумѣющему разумѣти, что благодать Божія на домѣ семь: „Ну“, говорить, „попыжы жѣ и ты своѣ!“

Самая главная забота остающейся невѣстки—топить *пѣчи* и *прыймѣтыця пѣратыця*. Печка въ той хатѣ, *черезъ сины*, томится сейчасъ же, по уходѣ всѣхъ въ церковь, или, смотря по заведенному въ семействѣ порядку, немножко позже; но въ печкѣ здѣсь, гдѣ и ѣсть будутъ варить, разводится огонь къ концу заутрени; словомъ, такъ, чтобы *топинка* окончилась непременно до окончанія обѣдни—а обѣдня на Рождество бываетъ у насъ по деревнямъ довольно рано—и притомъ такъ окончилась, чтобы осталось немножко времени и *пряджыджу-*

¹⁾ Этому слову нѣтъ соответственнаго въ великорусскомъ языкѣ. *Тюпать*—бѣжать рысцекъ, *пидтюпцемъ*—идти такъ быстро, что вотъ-вотъ побѣжить, и даже сдѣлаетъ нѣсколько шаговъ бѣгомъ.

лѣтъ хату. Въ семействахъ немногочисленныхъ,—вообще, гдѣ на обѣдню всѣ уйдутъ и печки *дотоплювать* некому будетъ—разводится огонь и еще раньше, чтобы покончить совсѣмъ по крайней мѣрѣ къ тому времени, когда *задзвѣнять у вси*.

Впрочемъ, хлопоты тутъ за *топинкою* не бываютъ такъ многосложны, какъ въ другіе праздничные дни, кромѣ, конечно, Свѣтлаго праздника; даже не такъ многосложны, какъ и въ *буддень*. Блюды, въ этотъ день, какъ увидамъ ниже, готовится немного; все, чтб нужно для *варинки*, изъ погреба, изъ коморы и т. д., внесено съ вечера, какъ объ этомъ объяснено у меня во второмъ письмѣ, даже топливо заготовлено на Багату Кутю, т. е. принесены поближе солома, тростникъ, дрова, какъ тоже объяснено во второмъ письмѣ. А чтб вчера сало накрошено, мясо нарублено—объ этомъ и говорить нечего! По нашимъ понятіямъ, въ такой праздникъ, какъ Рождество¹⁾ вообще грѣшно работать: напр., грѣшно доставать *вѣрыво* изъ погреба, мыть лаву, даже топить грѣшно, и если топимъ, то дѣлаемъ это по самой необходимой необходимости¹⁾; но крошить, рубить—вообще, *рѣзать*—изъ работъ это у насъ самая грѣшная! Откуда это, въ силу какихъ причинъ, подъ какими вліяніями сложилось у насъ такое вѣрованіе? Замѣчу однако, что рубить, дѣлая *домовину* (гробъ)—не грѣхъ, какъ не грѣхъ дѣлать это ни въ одинъ день въ году, конечно, если настоить въ томъ крайняя надобность. И еще замѣчу, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Украины рѣзать на Новый Годъ и еще грѣшнѣе. Это еще непонятнѣе. Хотѣлось бы очень знать, въ какой степени повсемѣстно это вѣрованіе у украинскаго народа, не выключая галичанъ и потомковъ запорожцевъ. Нашъ Новый Годъ, къ сожалѣнію, я имѣлъ случай наблюдать только въ Полтавской губерніи и, главнымъ образомъ, только по рѣкѣ Оржицѣ.

Время отъ заутрени до обѣдни употребляется, мужскою частію семьи, на тѣ, чтобы овцамъ, лошадямъ и проч. дать

¹⁾ Ужинать, поэтому, на Рождество у насъ почти никогда не готовятъ, какъ объ этомъ будетъ и ниже.

досвѣтчѣну и *вранишну* порцію корму, погнать до *ополѣнки* и проч., и чтобы немножко *прикорхнѣть*, *замнѣть* по крайней мѣрѣ, т. е. дать *досвѣтчѣну* порцію сейчасъ, пришедши отъ заутрени, потомъ заснуть, а потомъ, уже предъ самою обѣденою, дать и *вранишню* порцію.—Кормленіе и напованіе скота въ этомъ случаѣ дѣлается не очереднымъ изъ сыновей или внуковъ, вообще—не по заведенному порядку, а *гуртомъ*, общими силами, чтобы поскорѣе. „А нуте, диты, кѣньтесе!“ говоритъ старикъ Туркутъ—и тотъ по *осокѣ*, тотъ солому *смѣкатъ*, тотъ ополонку пробивать—не прорубливать, а пробивать—а *малѣча* ужъ конечно возлѣ овецъ. Такъ же точно употребляется это время и женщинами: кормятъ птицу, свиней и *щобъ хотъ бчи поламать*¹⁾, —съ тою только разницею, что какъ птица и свиньи, *одбсвѣта* никогда не кормятся, то не кормятся и теперь.

Но вотъ снова зазвонили *до цѣрквы*,—(конечно, у *великаго дзѣбна* другой кто звонить, а не Герасимѣнченко)—снова опросталась хата, да ужъ такъ, что только наименьшая невестка дотапливаетъ печку, да двое, трое дѣтей, *хвѣренъкихъ* или совсѣмъ *нѣзмысливъ*, дома,—даже груднаго ребенка унесли! Вотъ и печка дотоплена, *джыджумѣха* принимается, наконецъ, хату *джыджумѣть*...

Но нѣтъ! не стану объ этомъ рассказывать! Интересно наблюдать, какъ обломокъ мрамора, подъ рѣзцомъ искусства ваятеля, мало-по-малу превращается во что-то образъ имѣющее; но гораздо выше интересъ—взглянуть, когда этому мрамору данъ, такъ-сказать, послѣдній ударъ, и произведеніе явится во всеоружіи соответственныхъ идеѣ формъ...

Случалось мнѣ на Рождество входить къ моимъ землякамъ и въ хаты... и въ мѣщанскія и въ панскія *гѣрнычкы*, и въ велико-панскія и купеческія горницы. Войдешь къ купцу, мѣщанину и даже къ подгороднему доброму моему земляку—панское и великопанское въ сторону—такъ и рѣзнетъ сейчасъ тебѣ въ

1) Непереводимое выраженіе: «Не заснула, а тилькы бчи поламала», говорятъ преимущественно женщины.

глазъ: какая-нибудь яркаго цвѣта заваѣска у кіота—у купца; шпалерь, теремокъ—у мѣщанина, у подгородняго земляка. А рѣзнуло въ глаза,—дѣло извѣстное—и вниманіе тамъ остано- вится, недоумѣваешь или усмѣхаешься, а дальше не пойдешь, а пойдешь,—не скоро, или такъ пойдешь, чтó и вспоминать не стоитъ... Но сколько я ни входилъ къ моимъ добрымъ земля- камъ, хуторскимъ или сельскимъ захопустникамъ,—бѣденъ ли онъ, достаточенъ,—сначала, отъ порога, только чистота—не та, вакою-то терпкостію дышащая чистота, которая обдаеть васъ, когда входите въ нѣмецкій домъ, а чистота теплая, улыбаю- щаяся... отъ *печи*, съ пидпичья, отъ *мѣсныка*, лавы, *поллицы*... потомъ, на *колóчкахъ*, постепенно: *рушнычкы*, рушники, шитые рушники, разшитые... и наконецъ, въ преразшитомъ рушникѣ, на бѣленькомъ *божныкѣ*, съ пахучими васильками по бокамъ и съ висящими изъ *божныка* обильными колосьями жита.. какъ средоточіе міра этого, какъ его послѣднее слово... *мовъ въ миз- дѣнку*,—маленькій, потемнѣвшій... ликъ какъ и наши, измож- денный, какъ и мы... благословляетъ!.. голова долу преклоняется, рука поднимается врестъ сотворить... А подъ нимъ, поистинѣ *Вочеловѣчившимся*¹⁾, на *пóкутти*,—ясли, гдѣ Онъ когда то...

Обѣдъ на Рождество начинается и продолжается среди обстановки, какъ и на Багату Кутю: курится ладанъ, читается молитва, горитъ восковая свѣча. А все не то, что Багата Кутя,—нѣтъ той теплоты и тихости, той таинственности, того чего-то, чтѣмъ такъ проникнута *вечѣра*.

Если и весело бываетъ на Рождество за обѣдомъ—веселость выходитъ какая-то шумная, съ набитымъ колбасою ртомъ, съ разрумяненными подъ вліяніемъ чарки, послѣ холода, щеками..

За первую чаркою вспоминаютъ и отсутствующихъ— „нехай же, мовъ, легѣнько и имъ згадѣтця!“—но вспоминаютъ какъ-то вскользь, безъ особеннаго значенія; а ужъ заплакать— очень, очень рѣдко!

¹⁾ Едва ли иной народъ, съ очертаніями своего лица, отразилъ себя въ иконописи, больше, чтѣмъ народъ украинскій—конечно въ иконописи своей, а не заимствованной, или привозной.

Предложить дѣтямъ *горилки*—если еще и предложить: пьютъ—пусть пьютъ, а не пьютъ—„дурни, такого дѣва та не хѣчуть!“

Въ отношеніяхъ семьи съ домочадцами внимательный наблюдатель непременно замѣтитъ, что того, что было вчера, ужъ нѣтъ!

Первымъ блюдомъ на столѣ непременно является что-нибудь изъ остатковъ вчерашней вечери, большею частію рыбное: холодный борщъ, холодные *товченыки*, холодная жареная рыба. Подается все разомъ, ѣдятъ, кто что хочетъ, пока кончатъ. Нѣтъ рыбнаго—даютъ немножко кути или узвару; но только, говорю, начать обѣдъ непременно нужно вчерашнимъ.

За этимъ слѣдуетъ сейчасъ колбаса—смотри, *джыджолуха*, чтобъ была она горячая, шкварчащя! Ужъ не даромъ же шесть недѣль „и въ вѣчи не бачылы, якá вона!“

Колбаса—„не та чѣрна-яка, а хорбша ковбасá, насьва“—вообще говоря, для насъ желанный гость на столѣ, и появленіе ея мы всегда привѣтствуемъ извѣстнымъ ослабленіемъ въ лицѣ и киваніемъ слюнокъ; чтожъ и говорить, если еще шесть недѣль!.. шутка ли—шесть недѣль! А вѣдь есть несчастные, которые и по шести мѣсяцевъ и даже по шести лѣтъ въ глаза ея не видали!.. Запѣвалы, конечно, тутъ *малѣча*: чуть *джыджолуха зашамотила* у печки, послала *хвѣтки* доставать сковороду—позаворачивали *головкы*, повытягивали шеи... А старшіе—„оцѣ бъ такы й вони!“

Но вотъ сковорода визжитъ, тянуть по черени.. вытянули, *сычѣть*—мысли и сердца дѣтскія, аможе шествіе ея! А! поставили на столъ...

Да не подумаетъ однако читатель, что дѣтскій восторгъ, удивленіе—только изъ дѣтскаго желудка! Дѣло въ томъ, что эта самая колбаса, и не дальше какъ сегодня утромъ, была въ лѣсѣ, въ *садкѣ*, или просто гдѣ-нибудь въ *гайкѣ*, на деревѣ, и особенно на вербѣ, вмѣстѣ съ саломъ и тому подобнымъ скромнымъ, и только вотъ, предъ самымъ окончаніемъ обѣдни, спустилась—въ село, въ печку, и прямо на сковородку! Поне-

волѣ будетъ и восторгъ, и удивленіе, а пожалуй и опасеніе: а ну, да вздумаетъ снова!.. Въ какой степени распространенъ у насъ обычай говорить подобное дѣтямъ—не знаю; но знаю навѣрное, что онъ существуетъ не на одномъ только пунктѣ лѣвой стороны Днѣпра.. Нижеподписавшійся самъ испытывалъ ощущенія, которыя сейчасъ описалъ, и живо помнить, какъ во времена оны, ѣдешь бывало съ старикомъ къ заутрени—перевѣжать надобно было черезъ лѣсъ:—„А что“, спрашиваешь, „колбаса вѣрно ужъ спускается съ дерева?“—„Какъ можно! отвѣчаетъ серьезно:—еще рано!“—„Да гдѣ жъ она?—невидно!“ „Въ *ущыни*, ночь!“ Случалось, что къ заутренѣ не ѣздили, а поѣхали къ обѣднѣ: „Да, говоритъ, ужъ начала спускаться! вѣрно ужъ на *нидѣрева* спустилась!“ А возвращались изъ церкви: „Вонъ-вонъ!“ говоритъ:—видишь, какъ *чхурнула*!“—„Гдѣ, гдѣ?“—„Да вонъ же, впереди!“—„Да гдѣ же?“—„Эхъ, якій же ты дурунь! говорю—впереди!“ Вы напрягаете все вниманіе, *зпынаетесь* (поднимаетесь) на саяхъ—нѣтъ!—„Сховалась ужé“, говоритъ, „за ригъ повернула!“

Въ семействахъ, познакомившихся съ разными, идущими въ свѣдъ, прибавками, къ колбасѣ подаютъ соленые огурцы. „Що то вонъ за птыця булѣ бѣ, та ковбаса, якъ бы їй крыла!“

За ковбасою слѣдуетъ иногда борщъ, но большею частію, можно сказать почти всегда, *капустя*, что-то въ родѣ великорусскихъ щей, только гораздо гуще—почти розмазною: готовится изъ сѣченой капусты, немножко пшена, съ *свининою*. Блюдо довольно вкусное, если хорошо приготовить. Почему въ праздникъ Рождества *капустя* отдается преимущество предъ борщомъ—не знаю. Не потому ли, что, какъ я сказалъ выше, въ праздникъ этотъ не позволяется ничего рѣзать, а для капусты не вужно ни *пелюстѣкъ* рѣзать, ни *буракивъ* *крышѣтъ*? Притомъ, приготовленіе *капусты* легче и не столько *колѣ* *нѣи* *захѣду* и *забобоновъ*, какъ возлѣ борща.

Капустою и оканчивается обѣдъ. Въ семействахъ достаточныхъ и, вообще, въ такихъ, гдѣ до колбасы не ѣли куты, послѣ капусты ѣдятъ еще и кутю, обыкновенно съ молокомъ;

но какъ избранныхъ такихъ не слышомъ много, то и считаю себя вправѣ заканчивать на Рождество обѣдъ капустою.

Послѣ обѣда, *джыджулуха* съ мужемъ собирается къ своимъ, въ Гринькѣ—да чтобы все новое да лучше надѣтъ! и въ особенности, чего въ Гринькахъ не носятъ: пусть ахаютъ прежнія подруги, удивляются—„вотъ“, молъ, „у *Ивианы*: кóмиръ у вѣи на кожуси бабакóмъ оббѣтый, платокъ—съ золотыми цвѣтами!“ *Джыджулуха* бѣгаетъ, суетится, а старицъ наказываетъ и поклонъ передать *свѣтамъ*, и просить въ гости *прибувати*. И непременно добавитъ: „Та скажѣ, що мовъ свекоръ щодня бѣ!“—„А свекруха“, подхватываетъ Туркутиха въ томъ же тонѣ: „щодня исты не даѣ“!.. Тѣ собираются, а остальная семья—вся спать, даже дѣти: надо вознаграждать за ночное бдѣнїе, да и время свободное. А выславшись хорошенъко..

Но прежде, чѣмъ Туркутова семья выпится хорошенъко считаю нужнымъ прервать на время свой рассказъ.

Вамъ, можетъ быть, страннымъ показалось, отчего я, рассказывая про *праздникъ*, прошелъ молчанїемъ то, что считается самымъ важнымъ въ праздникѣ, т. е. ничего не сказалъ о рождественской заутрени или обѣднѣ, или даже не повелъ васъ въ церковь? Вмѣсто всякаго объясненїя, выписываю слова, которыми начинается 1-е мое Письмо. Подъ словомъ „святки“, праздники, я буду разумѣть не то, что мы привыкли обозначать этимъ названїемъ, а то, что празднуетъ или чествуетъ какимъ-нибудь обычаемъ украинскїй народъ“ и т. д.—Рождественскїя заутрени и обѣдня не заключаютъ въ себѣ ничего, что въ душахъ моихъ земляковъ отразилось бы какамъ-нибудь особеннымъ трепетанїемъ, какъ, напр., приведенныя выше свѣтловоскресенскїя „обнимемъ другъ друга“ и паски вокругъ церкви, или же *Ордань*, процессїя по полямъ на Юрїя, освященїе воды на *Маковїя* особенно если еще освященїе бываетъ на паромѣ... Паромъ отчаливають, выѣзжаютъ на средину рѣки—и тамъ святятъ воду... Рождественская заутрени и обѣдня для моихъ земляковъ,—да, сколько успѣлъ я замѣтить, и для великорусскихъ простолюдиновъ—какъ заутрени и обѣдня послѣдняго воскресенья, воскре-

севья предпоследняго и т. д. Вся разница въ томъ, „що то була неділя, а то вели́ке свято, *Риздво́*, рѣзговинь“—а это еще не много. Одинъ только признакъ рождественскаго церковнаго празднованія, да и то—одной только обѣдни, составляетъ особенность для моего земляка, именно то, что на Рождество „слѣжба дѣже довга“; но эта особенность не такого характера, чтобы могла занимать мѣсто въ моемъ изложеніи. Двѣнадцатый годъ и по груди Украины прошелъ нелегкимъ колесомъ; но вскочило это колесо не на томъ пунктѣ, гдѣ у нея сердце, а тамъ, гдѣ карманъ... да помяло немножко шею, помозолило руки. Спросите у украинскаго простолюдина, что́ это правилось на Рождество послѣ обѣдни: „та то“, говоритъ, „про Француза... Французъ, ка́жутъ, колісь... рѣтныквивъ бра́лы“, и расскажетъ вамъ многое на тему „постача́лы—постача́лы“!.. да въ добавокъ, пожалуй, укажетъ на свой *каптанъ фабрицького* сукна, спитый отцомъ или дѣдомъ въ тѣ поры: „Ба́чыте“, говоритъ, „якѣ дермо́ (дрянь), а по пятна́дцять рубливъ, якъ одна́ копійка“!

Считаю нужнымъ, „за однимъ заходомъ“, сказать тутъ и слѣдующее. Украинскій рождественскій праздникъ, поставленный подъ уголь зрѣнія, подъ какимъ у меня онъ поставленъ, кажется, есть не что́ иное, какъ продолженіе праздника, начавшагося вечерю на Багату Кутю,—продолженіе съ помарками и пробѣлами,—и заканчивающагося на Святой Вечерь колядками. Трудно это доказывать, и вообще при состояніи народознанія, въ какомъ оно у насъ находится, а тѣмъ болѣе—мнѣ; потому и не осмѣливаюсь доказывать свое предположеніе, а только высказываю: можетъ быть, на что́-нибудь пригодится. Скажу только, что основаніемъ для него у меня—главнымъ образомъ—вѣліе и отъ Рождества тѣмъ близкимъ, *риднымъ*, о которомъ я упомянулъ во 2-мъ Письмѣ, говоря о Багато́й Кутѣ, и которое я сильно чувствую всякій разъ, когда опускаюсь поглубже въ трактуемый предметъ. Вѣроятно, между двумя, видными на нашемъ горизонтѣ *озерьянымы* и перемежающимися между ними какими-то углубленіями, была когда-то связь; вѣроятно, во времена оны, протекала тутъ кака́-то рѣка, да мѣстами высохла

или берега обвалились, мѣстами ее засыпали или запрудили, и на лицѣ земномъ, послѣ многихъ столѣтій, является что-то, что разгадать въ состояніи только зондированіе почвы, сравненіе, соображеніе, трудъ долгій, терпѣніе великое. Болѣе же осязательными для меня признаками: 1) употребленіе на Рождество и на Багату Кутю въ пищу предметовъ, такъ сказать, самаго *домашняго* свойства; 2) въ извѣстной степени сходство—обѣда на Рождество съ вечерюю на Багату Кутю; 3) обычай брать кутю (*итті* или *ихать* съ кутею), отправляясь къ роднымъ, не только на Багату Кутю, но и въ Рождество; 4) другой обычай—проводить всею семьею день Рождества не въ гостяхъ или гдѣ бы то ни было, а непременно дома, въ хатѣ, до наступленія колядокъ,—такъ-что, на дворѣ вы увидите только, что вышли дать скоту и проч. вечернюю порцію корму; на улицѣ, въ полѣ—„дѣты до бѣтька идутъ, онѣкы до дѣда и бабы“; и 5) безразличное (на разныхъ, впрочемъ, пунктахъ Украины) употребленіе для обоихъ праздниковъ названія *Святъ вечеръ*, *Святій вечеръ*: въ однихъ мѣстахъ Святъ-вечеромъ называютъ Багату Кутю, употребляя и это послѣднее названіе; въ другихъ—вечеръ и даже день Рождества, а въ иныхъ—оба дня,—различая только иногда Багату Кутю отъ Рождества употребленіемъ, для первой, названія *Святъ вечеръ*, а для послѣдняго—*Святій вечеръ*.

Время отъ сна до сумерекъ, Туркутова семья проводитъ: старшіе въ *си хати*, тутъ же и прѣзжая дочь съ своимъ мужемъ—сейчасъ послѣ сна прѣехали—бесѣдуютъ, взаимно передаютъ новости, *забавляются* разными *забавками*; *малѣча*—въ той хатѣ тоже забавляются разными *забавками*, играютъ въ разные *хатни* игры.

Самыя употребительныя въ это время *забавки*: *сдяшныкове* и *гарбузѣве насиння* (сѣмена подсолнечника и тыквы), а при недостаткѣ сдяшныковаго и гарбузѣваго—*дымляче* и *кавунѣве*; орѣхи, гдѣ водятся близко лѣса; *кысмѣчи зъ квасу*, гдѣ водится много садовъ; яблоки *зъ писты* (особый родъ квашенья яблокъ) и *зъ капусты*, кто позажиточнѣе и познакомился съ подобными

прѣмхамы (выдумками, капризами); *медяни коржи* и т. п. У горожанъ, а также и у сельскихъ козаковъ, склоняющихся по образу жизни къ пачству, появляются сверхъ-того иногда: *вертунѣи* или *бѣнты*, *орѣшкы*, *шмычекѣи* и тому подобныя продукты мѣстнаго кондитерскаго искусства, *маковникѣи* и т. д. Разумѣется, старикамъ, какъ Туркутъ, всѣ подобныя *дурнѣици* большею частью не по зубамъ, и они ихъ и называютъ такъ: „дурныца! говорятъ. А вотъ груши и яблоки изъ *узвѣру*—это другое дѣло! „Ке-лышѣнь мени горщѣкъ зъ узвѣромъ (Дай-ка, и проч.)“! Возставши отъ сна, онъ выпилъ наваръ, а теперъ: тѣ—орѣхи, сѣмена, а онъ—свое, *зобѣ та ѣ зобѣ* ¹⁾!

Изъ игръ самая употребительная въ это время—любимая наша *цицибаба* ²⁾. Кому-нибудь изъ играющихъ, по жребію, завязываютъ глаза, ведутъ до порога и заставляють взаться руками за колышекъ, которымъ отворяется дверь, а сами прячутся: „А ну“! скажетъ какой-нибудь *цвирикунъ* (сверчокъ), изъ-подъ *пѣкуття*, или просто стоя посреди хаты,—увернется, надѣется на свою ловкость:—„уже“! говоритъ, и *цицибаба*, повернувшись и разставивъ руки, принимается тихонько, осторожно, нагнувшись впередъ, прислушиваясь... Иногда, когда игра въ разгарѣ, такую возню подымутъ, такой *валтъ* и крикъ, что просто, какъ говорится, хоть святыхъ вонъ выноси! со всѣхъ сторонъ шмыгаютъ, хохочуть, дергаютъ, *ситають*, а бѣдная *цицибаба*, какъ въонъ на огнѣ: и сюда, и туда!.. Пойманный въ свою очередь, становится *цицибабою*.—Въ большомъ ходу въ это время и *чмыхъ*. Садятся въ кружокъ—посрединѣ хаты или на *полу*, гдѣ лучше, и одинъ объявляетъ, что „запирается чмыхъ“, т. е. что никто не долженъ говорить, ни даже *чмыхнутъ*. Игра

¹⁾ Зобать—клевать, говорится о птицѣ, клюющей зерно, по преимуществу съ вылушиваніемъ отъ шелухи, а также и о людяхъ, зобящихъ насиння, ѣдящихъ что-нибудь мелкое, напр. груши, потихоньку, зъ разстановкою,—словомъ, какъ птица: сначала однимъ глазомъ посмотреть, поворотивъ голову—другимъ, и клунеть. Вылушила—и снова.

²⁾ Въ вныхъ мѣстахъ *куца-баба*.

состоить въ томъ, что одинъ старается разсмѣшить, а другіе должны удерживаться. Провинившійся наказывается условленнымъ числомъ ударовъ *джутомъ* (сплетеннымъ платкомъ и т. п.), и въ свою очередь запираетъ чмихъ. Иногда выходятъ очень смѣшныя сцены! Для *дитвдры* довольно одной мысли,—и чмихнуть нельзя—ужасно какъ смѣшно! а тутъ еще кривляется, дѣлаетъ рожицы... Иной, чтобы вѣриѣе удержаться, приподымется даже, старается ни на кого не глядѣть, особенно на *тоибъ*.. но нечаянно взглянулъ, за носъ себя!.. движеніе его замѣчено—и другіе за носъ... Нѣсколько мгновеній молчаніе, тишь передъ взрывомъ, поси-нѣли даже—и вдругъ чмихъ, чмихъ, чмихъ, неудержимый хохотъ! Но иногда выходятъ сцены и другого рода: дѣло доходить до слезъ и до разборательства старшихъ...

Но вотъ уже въ хатѣ темнѣтъ начало,—пора засвѣтить *каганецъ*—на Рождество, какъ сказано выше, вечеромъ почти никогда не топятъ, *вечеряютъ* то, что осталось отъ обѣда,—почему утромъ и готовятъ побольше; вотъ *зашамотила дитвдра*: кто постарше, одѣлись, куда-то ушли; немного спустя каганецъ засвѣтили—дивчатъ ужъ нѣтъ, куда-то исчезли, паробокъ *шмынѣвъ*, нѣтъ даже одного изъ женатыхъ сыновей... Туркутова семья сидитъ, какъ и сидѣла, какъ-будто ничего и не случилось, продолжаютъ *уторить*, забавляются *забавками*, ведутъ тихую бесѣду...

Стукъ въ сѣняхъ отъ многихъ *чобитъ*; отворилась хата—*дитвдра*—*колядники*, первая *бурта* (первый отдѣлъ).

Охъ, дѣтство мое невозвратное!..

Пишущему строки сіи воспоминается его дѣтство, когда и онъ еще былъ малымъ-премалымъ *пахолкомъ*!..

Семья, какъ и Туркутова: старикъ, *старѣсенъкая* моя—не *старѣсенъкою* тогда была! всѣ, и я возлѣ *старѣсенъкою*, *прытулѣвшись*...

Воспоминается, какъ одни за другими колядники: *дитвбра* дивчата, парубки, женатые... просятъ благословенія;—благословятъ, колядуютъ...

Вспоминается, какъ дивчата—(подъ крылышкомъ у матери, любимое дитя)—*приспивувалы* мнѣ...

Ой рано кѹры запылы,
Святѣй вѣчирь!

А ще ранише панъ Матвійко вставъ...
какъ я прятался подъ рукавъ матери...

Панъ Матвійко вставъ, коня осидлавъ,
Коня осидлавъ, въ поле выежавъ...

Но всего памятиѣ, когда два брата Лѣдовѣнки—какіе колядники были!.. высokie, длинноусые, строгія лица!..

Нѣтъ, не вспомнить мнѣ тѣхъ колядоевъ! Про какихъ-то *ормивъ* пѣли, гдѣ-то и куда-то летавшихъ... какъ-будто.. какъ-будто теперъ осень скучная и холодная.. а оттуда, съ какого-то мглистаго далека, вѣтеръ хлопьями доносить—что-то больно, больно щемящее сердце... какъ будто:

Вылитáлы орлѣ
Зза крутди горѣ,
Вылитáлы, буркутáлы,
Рѣскоши шукáлы...

„Вернитесь“, говорятъ, „*митá мои*“!— „Нѣтъ,—отвѣчаютъ, не вѣрнемось, не вѣрнемось“!..

13 февраля 1861 г. С.-Петербургъ.

Дидъ Мына и баба Мыныха. ¹⁾

I.

Сусидами тутъ звѣтъца, хто билия ко́го живѣ... Вонд и въ на́шій сторуни та́къ же са́мо: хто билия ко́го живѣ, и сусиды соби. Тилькы въ на́шій сторуни и ти ще, хто въ чужій ха́ти не наймо́мъ. Бѣде оцѣ въ чоловика ха́та порѣжня, и винъ пу́стыть въ ии когд жыть, той вже и *сусида* ёго, хотъ бы та ха́та була геть де-небудь одъ ёго, хотъ бы за селомъ, абб и въ другому сели. Сихъ сусидивъ ще йноди й пидсусидками звать у насъ; тилькы то вже по-письменному такъ, паны такъ звать, а на-рѣдъ—прѣсто: „Сей чоловикъ,“ каже, „сусида мій!“ абб: „йде до мене въ сусиды.“

Въ таыхъ сусидахъ колысь у насъ багато народу жыл, и у панивъ, и у замѣжнёго козацтва. Охѣчо було йдуть въ сусидство; наветъ було йдуть, хто и польце своё мавъ. Прийде було до хазяина: „А щѣ“, мовъ, „пáne Пётре!“ абб тамъ: „пáne Семѣне! приймай въ сусиды!“ — „Прошу“, каже, „покрѣно прошу!“ Замскували, знаѣте, хазяины народъ: просторнише було. „А заложыть же за тебе“, каже, „багато трѣба?“ Се бъ то заплатыть пѣршому хазяинови до́вгъ, абб подушне тамъ и рекрутчыну. „Пять тамъ, чы дѣсять рубливъ.“ — „Добрѣ“, каже. И заложыть,

¹⁾ «Хата», сборникъ изд. П. Кулиша. Слб. 1859. 8°.

и той переходыть. Та чомъ булѣ и не йты? Хазяинъ заложывъ довгъ, абѣ подушнѣ и рекрутчыну,—звисно, не даромъ, а вывертѣ за роботу. Одбѣтывъ сусида не зна: хазяинъ всимъ дворомъ одбува одбѣты, а не кѣжна душа сама по соби. Вонѣ, здаѣтця, те та на те й выходыть, тилькы въ хазяйствѣ вонѣ не выходыть те та на те, ни для хазяина, ни для сусидивъ. Пѣтимъ, для худѣбы сусиды даромъ хазяйська толѣка и хазяйський пастѣхъ: де хазяйське пасѣтця, тамъ и ѣгѣ; огорѣдъ, пидметъ для конопѣль—тежъ даромъ, а ѣноди—й для сина пдле, абѣ болѣто; жне за снпъ, молѣтыть за корѣбку, кѣсыть, гребѣ, ривъ копѣ, скотъ пасѣ, наймытуе—за грѣши, абѣ одвертѣ. Всяка робѣта гуртовѣ,—прымиромъ сказаъ, орѣть, тыны плесты, хѣты вкрывѣть, хазяйськы и сусидськы,—гуртѣмъ зъ хазяинѣмъ и за хазяйськѣю харчю. Та щѣ й казѣть? Якъ тилькы сусида не зѣвсимъ бувъ лѣдѣчый, звончытця рикъ—подушнѣ й рекрутчына одрѣблени, зъ симъѣю выгодувавсь, зодигсь и зѣбувсь, худѣба и вся рухѣмость пры ѣмѣ, та ще й прыдѣба: прылидокъ тамъ одѣ скотынкы, хлибець не поила симъѣя—прѣдѣсть, грѣши бѣдутъ. А якъ ще сусида якѣ ремеслѣ маѣ въ рукахъ,—прымиромъ сказаъ, музика винъ, абѣ швецъ, абѣ кушниръ—ще бильше грошенѣтъ зарѣбыть, и одѣ людей, и одѣ хазяина. Иноди булѣ самъ такы хазяинъ навчыть и ремеслѣ.

Покійныкъ татѣсъ—нехѣй надѣ нымъ земля перомъ!.. Вже булѣ лѣдѣчи цураютця ѣгѣ, якъ той лѣдѣону; затѣ роботящи люде—все булѣ до ѣго въ сусиды. Бо такъ булѣ покійныкъ: побѣчыть, щѣ тамъ у котрѣго хлѣпець, абѣ дивчы до чѣго вдѣчу маѣ: „Э“, каже, „та твѣй, бачѣ, Петрусь, абѣ твоя Мотрусья—бнѣ-щѣ зъ ихъ бѣде!“ и зѣразъ же и оддѣсть въ науку, абѣ тутъ такы, до котрѣго зъ сусидивъ, абѣ вуды ѣше. Соби, знаѣте, булѣ корысть: якѣго нѣжно, и есть, не трѣба ни спытувать, ни йиздыть; ну, и сусида ѣгѣ бѣде чоловикѣмъ замѣжнымъ. Такъ щѣ, въ яку булѣ хѣту ни зайды у ѣго до сусиды: бѣтько оцѣ тамъ—на скрыпци, абѣ шыломъ рѣбыть, жинка—ткѣля, дочкѣя—кылымвыця; а якъ щѣ чоловикъ булѣ росторѣпный и невспѣщый, то й рѣзомъ на всяке дило. Та щѣ й ка-

зать? У повійныка мижъ сусидами всёгò булò знайдешъ, чогò тилькы въ хазяйствѣ треба: трѣе на скрыцкѣхъ грѣлы, та ще якъ грѣлы! и въ панивъ булò весилля грѣють! трѣе шѣвствомъ зароблялы, чынбари, воскобійныкы, кранци, пѣвсти былы, кылымныци, ткѣли—всѣгò-всѣгò, кажу, булò.

II.

И такымы-то сусидамы у насъ булы и дидь Мына зъ своєю бабою. Тамъ хѣтка булѣ у насъ надъ дорѣгою, якъ-разъ проты нашыхъ хатъ,—воны й жылы тамъ. И булò—неначе тепѣрь ии бѣчу! зимою зѣвжды очерѣтомъ—виконця тилькы блыщять, мовъ у тыи сидухы очыци; а литомъ—билѣнька-билѣнька, сказѣвъ бы въ новій сорѣчечци! и въ стрихы зъ усихъ бѣквивъ—вылѣ, граблыщѣ, штыли: ¹⁾ згорбылась, мовлявъ, старѣнька бабуса, та й пѣльци розстѣвыла... И булò, якъ почнѣ вже вечорить,—по толоци каплоухи до хутора, тилькы трюхъ-трюхъ одвѣ за 'дныєю, ажъ уха телипѣютьця; дали—вивци, а тамъ и товѣръ, и котрѣ жъ пѣпаскы, а корѣвы—такъ попѣреду, и ажъ гѣловами выхытуютъ! А баба Мыныха вже й колѣ порѣга, высивокъ тамъ заколотыла, лушнаѣкъ въ пидсытокъ: гарнѣньке у старыхъ булò хазяйствечко. И якъ наблызятця—тому сѣгò, тому тогò... а ыноди й по шматкѣ ще хлиба, та й силлю зверху... Поглядить почуха, лѣскаве слѣво скѣже,—не такъ якъ у ыншихъ, по тилькы й чуешъ—прокlynѣють, абѣ й ломѣвою. А котрѣ, въ репѣяхы тамъ, въ колючкы вбрѣлось, абѣ въ багни валялось, зашкарубло: „Ай-яй!“ кѣже, „якъ же оце ты, ледащыце! абѣ тамъ—бродяжко!“ и повыбирѣ, обчуха, а ыноди, то ще й гребиночкою розчѣше. Стоить скотына, абѣ овечка, пѣе тамъ, або хрума, и знай хвостѣмъ... любыть. А ыноди й бабу пыкою, по спыни тамъ, абѣ по руди: „И тебѣ“, мовъ, „почухаю!“

И предывнии булы повѣйныкы обѣе, дуже дывни! Тепѣрь такыхъ людѣй вже й нема! Трудяци булы, невсыпуци, а тилькы такъ якось...

¹⁾ Що солѣму нѣсѣть, якъ молѣтѣть.

Примиромъ, жне булѡ Мына, абѡ косыть,—якъ и други робыть; а дѡли—кынувъ серпъ, абѡ кѡсу: „Годи вже!“ кѡже, та ще й шапку-кожуханку свою зверху, долонею,—зѡвжды булѡ їи ажъ на нись, и зѡвжды вона въ ёго, якъ у тїй писни спивають:

Звѣрху дирва,
Витромъ пидбыта.

„Пиду ще“, кѡже, „до-дѡму!“ и повїявся геть помияжъ жытѡмы, тилькы шапка тѡ поверхъ колѡсся, мовъ той будякъ, що рѣпнувъ и пухъ розлитаѣтця. Абѡ оцѣ возовыця булѡ почнѣтця сусидсьва, дидови своѣ бѣ трѣба перевезты: „Вже жъ“, кѡже, „пандче, нехай и мое рѡзомъ перевезуть!“ и пишовъ, не дожыдаючи одвиту.

И не подумайте, щобъ хто на ёго зъ сусидъ за те поремствувавъ колы. „Не тилькы“, мовъ, „въ хазяйськїй робѡти ввылюе, а й ёму ще робы“,—ни! Разъ те, що тѡ вже такїй чоловикъ бувъ, такъ ужѣ й зналы, що винъ такїй, що ёго вже не переробышь; а друге—вси зналы, що хоть иводи й за ёго прыхѡдытця, такъ винъ же за тѣбе во-стокрѡтъ. Винъ покынувъ отто жиньвѡ, або косовыцю,—вже то винъ щось та наглѣдивъ, абѡ щось та надумавъ, и нехѡй бы котрѣ пишлѡ, то абѡ цимрыну лѡгодыть колѡ колѡдзя,—обвалылась, недѡбре вдѡу тягѡтъ,—абѡ заплїшуе и прыправляє дѡвѣрци колѡ янди сусидськои кошѡркы,—недоглядъ, абѡ никольство господарѣви. И то вже пѣвно знѡйте, що винъ тамъ обныкае и по сусидськыхъ хатахъ, и по огородахъ и скрызъ,—и дѣ щѡ не такъ, заразы направить, якъ треба; и на дитѣй посварытця, щобъ не пустувѡлы безъ матерокъ, абѡ не робылы кѡ-зна-чого, а котрѣ голѡдне, и нагѡдуе; що попрысирнювано, а дощъ накрапа,—попрыбырѡ, якъ слидуе.

И якъ у малѡму булѡ дили покїйныкъ, такъ булѡ и въ велькому. Чоловикъ оцѣ на тикъ багѡто насадывъ, а тутъ хуртовына насувѡется,—кыне своѣ, щѡ бѣ тамъ ни робывъ, и за щипъ: „А ну!“ кѡже, „молоты, небѡже, скорїше! бачъ якѣ суне!“ и стѡне у грядкы, и вже такъ булѡ почнѣ вымахувать щипомъ, и такъ ухѡкае тогѡ, що мусыть и шапку геть, дѡрма що морѡзъ

буде зъ очыма, якъ то кажутъ. (Хоть и бильше шестыдесяты було, кремязный ще дидъ бувъ! невеличкый такый, широкоплечый и зъвжды пръве негдленый, а волдсса пръве й сывить ще не почывало.) Абдъ зидву: оцѣ буде бидный чоловикъ котрый зъ сусидивъ, и въ тогдъ чоловика симъя велька буде, ничымъ гаръздъ заплатыть кравцямъ, щобъ тамъ свытыну, абдъ кожухъ зложылы,—прыйде до ёго: „А ну, лышѣнь“, каже, „свои лынтвари ¹⁾, абдъ тамъ сукно“ (винъ и кравѣцьке дило вмивъ), и зшпорга. Той тамъ, звисно: „Будь ласкавъ, диду!“ абдъ: „Спасыби, мовъ, тоби“, а дидъ и байдуже соби, мовъ и не чуе. И справди було такы иноди не чуе: все, знъаете, тамъ у ёго въ голови що-небудъ. Оцѣ булдъ й дывытця винъ на тѣбе и дриботыть тоби (дриботунъ бувъ старый), а дума пѣвно о чимсь дургимъ: „а якъ“, мовъ, „на-зъвтре отте и отте?“ Тымъ булдъ чъсто: оцѣ дриботыть-дриботыть, та й стане, або скаже тоби тавѣ, що ни къ селу, ни къ гдороду. Хто не знъавъ ёго, булдъ пытаютця: „Та сей дидъ“, кажутъ, „мабутъ, у васъ прыдуркуватый, абдъ-що?“ То наши булдъ и шутвуютъ: „Та ни“, кажутъ, „винъ не прыдуркуватый, а тилькы однимъ днемъ зъвжды старший одъ себѣ!“ Такъ-то винъ булдъ. А якъ що вже булдъ и почуе, що тамъ той,—зведе брѣви (густы такы и велькы булы, и гдолову и дчы зъвжды внызъ). и такъ и бачышъ, що „Що це“, мовъ, винъ?“ и дывытця-дывытця; тилькы вже выдно—щось друге прышлдъ на мысль, за шапку и повиявся.

А вже кисся булдъ, обручи, выла, влючкы, штыли—для усѣгдъ двѣру постача булдъ: лиснычыть любывъ, й тогдъ булдъ понадбавуе! Якъ тилькы булдъ выберетця у ёгдъ слободна годына,—деревяни постолы, магырку свою, черезъ плечѣ тѣрбу, за пдъясъ сокыру,—и пишѣвъ чъвкать и брѣхатьця, осдкою та очеретамы, до лизъ и до лисивъ! И цилисиньый булдъ день выходыть иноди тамъ. И де вже було ожына есть, груши, тѣренъ, гусы дыки де на яйцяхъ, журавли,—все знъайде, до всѣго добудетця. А вже що горихивъ-горихивъ булдъ ндсыть! та ще все одынъ въ одынъ

¹⁾ Лынтваръ—овѣча шкура.

чорнобрывци, що вже спіє-спіє, та й вывалытця зъ гнізда! знайды та роскусы, то ядрѣ ажъ хрумтыть! Зъ мышыныхъ ниръ достае булѣ ихъ, й видтыля булѣ выдере! Зъ инои норы, якъ роскопа, иноди булѣ зъ дѣброи пивъ-корѣбкы выгорне!

Мы, диты, якъ булѣ знаемо, що винъ въ лисъ пишѣвъ, тилькы вѣчиръ—надъ гору, и вже й очѣй не зведемѣ; то гляды лышень, и гойдаеця де-небудь повѣрхъ очерѣту гаекъ... Отѣо вже Мына начухравъ тамъ всячыны, и такъ, зъ гиллямъ и лыстомъ, и лѣмытця! И якъ выйде на бѣрегъ,—по пѣясъ прѣве въ грязюци (а тѣрба и пѣзуха бнѣ-якъ надулысь!), брѣхнувъ оберѣмовъ обѣ-землю: „А нуте лышѣны!“ вѣже.... Якъ зайци кынемось булѣ до ёго, и винъ: тому ожыны, тому горихивъ, а вже мени булѣ (дужче всихъ дитѣй любылы менѣ покѣйныкы обѣе) яке-небудь журавлыне яйцѣ, абѣ тамъ яструбенячь, шуличенячь.... И якъ пидемо булѣ выбрыкомъ на гѣру, тилькы“: „Хи-хи-хи“! Скрыпъ-скрыпъ! (мовъ скрыпыть, смѣгця булѣ). Та ще и въ богы вызметця,—зовсимъ баштѣвный дидъ, якъ втеръ, и лозына пидъ нымъ скрыпыть!...

III.

Якый дидъ Мына бувъ, тѣвже сѣмо и бѣба Мыныха булѣ у всякѣй робѣти! Де вже по ѣи сылахъ вѣжко булѣ, абѣ де пичкання багѣто—глыну тамъ мисыть, хѣты валькуватъ, конѣпли мочыть и тягѣть, за тѣрныцею—вонѣ не бувѣла никѣлы. А отъ—та й то хибѣ самѣ, бо ѣи вже и не клыкалы—пирѣя тамъ драть, вѣвну скубты, помогты тамъ щѣ матуси. А и на неѣи нихтѣ булѣ не порѣмствуеця, бо и вонѣ.... Щѣбъ тамъ бабуватъ булѣ, якъ у насъ стари жѣныкы прѣве зѣвжды, абѣ тамъ лыкамы, абѣ знѣхарствомъ,—никѣлы булѣ вонѣ; затѣ всяку хазѣйственну чѣсть нихтѣ булѣ такъ не знѣ. Прымиромъ, на корѣву булѣ подывытця: „Ни“, мовъ, „зъ сыѣл корѣвы корысти не мѣтынешъ“, то вже такъ вонѣ и буде, не мѣтынешъ, Абѣ оцѣ на огорѣдъ до тѣбе прѣйде и пороскѣзуе, що: „Оггуть“, мовъ, „капуству, оттуть картѣпельку, а оттуть для тѣюну вгидѣя“, то такъ и

робы, якъ каже; а зрбышъ ынаково—все погано выйде! И такъ булò вонà у всякому надвирнòму дили. А вже що въ хатнòму дили—колò дйва тамъ, колò пèчы, колò тиста, колò вàрыва... Видкиля вонà всòму тому навчылась, Богъ ии святий знае... Каже булò, що й мàты ии булà тава бàба. И тымъ всяке булò до неи за порàдою. Оце напалы скотыну перелогы, чоловикъ купуе тельцю абб вивцю, тисто не зходыть, а тутъ такый случай: шышкы тамъ трèба липыть, коровай бгать, кныши тулыть на гробкы,—зàразъ до бабы Мыныхы!... И вже хочъ яка тамъ нèпогодъ, назустричъ ии витерь, дощъ въ вичи сичè; а вонà; зогнулась невелычкая, обгорнулась въ сиреньку юпчыну, на голови бильй платòкъ—и ажъ тюпотыть! Лèдвн поспншàется той.

А вже якъ котрè захворяе булò въ хутори, а особлыве дуже: „Бàбу Мыныху“, прòсыть булò, „поклычте!“ Не знàла, кажу, вонà нйякыхъ лививъ, а тилькы буде коло хвòрого, вже ёму и лèгше! бо нхтò булò не зьумие такъ перевернуть, такъ гòлову вместиць, вскрыть доладу. И вже булò якъ поклычуть, не одпустыть винъ ии. Жинку й дитèй ыноди не пидпускà до сèбе чоловикъ, важко сердèшнему; а бàба Мыныха нехàй тутъ буде.. И якъ почнè вже булò вонà ёму тыхою и неспишною мòвою своёю, и се, и те... и такъ булò теплèнько тоби вèю, яжъ до сàмого сèрця, та ще й усмихъ такый, (святи, мабуць, Ббжи тилькы усмихàютця такъ),—и чòловикъ заслухаетця, розважытця, лèгше ёму стане на тили и на души..

IV.

А на такую людыну хто жъ такы стàне рèмствувать, колы вонò мàе Бòга въ животи! А щòбъ хазяинъ тамъ,—та вонà однимъ пасинныкувãннямъ одплàчувала хазяиновн за все! Бо и тутъ вонà, якъ и у всякй хазяйственнй части,—и пасика наша зовсимъ булà на ии рукахъ. Та ще тогò мàло сказàть, булà на ии рукахъ: вонà—не знàю, якъ сказàть вамъ... Оце булò тилькы прыйде Тèплото Олèксы и сòнечко гарàздèнько обытрìе, вже вонà и йдè.

„Добрыдень“, каже, „вамъ,—и вамъ, панбче, и вамъ, пани-матко, и вамъ, дитонькы!“ Було якось поважвише вона въ сей день.

„Добрыдень и тоби, бабуся!“ кажутъ.

„Будьте здорбви зъ прѣзныкомъ святымъ, зъ Тѣплымъ Олѣксою!“

И почнѣ. Ии прбсѣть садовытьця, одпочыть.— „Ни“ каже, „я прышла за диломъ, порѣ за Божу птѣшку прыймѣтьця“.

„Та ще хблодно!“ каже татусъ:— «мбже бѣ, ще пилождѣть.»

«Ни», каже, «порѣ: Тѣплого Олѣксы!.. хотъ одынъ-другый улыкъ погритьця!»

И такъ ужѣ було по ии й буде: поснидаемо, повлычуть двоухъ-трѣхъ чоловика зъ сусидъ, поблагословылись (а горилки нахто було ни капли: не любыть бжола й духу горилчѣного), и пидуть вси до бжоляныка!

И такъ було вона цилисивьке лито, покы й знову пѣсику на зимивлю въ пбгребъ: всюды прывидѣ даѣ, а татусъ тилькы за нѣю, хотъ и не дуже-то покійныкъ любывъ за чужымъ прыводомъ ходыть и хотъ самъ знѣвся на пѣсици дббре. И вже було, якъ одвезуть пѣсику въ поле, сама тамъ и рои збира, и, чы трѣба въ гречкы перевезты, одшукѣе такѣ мисце; за всимъ, кажу, сама. И якъ було вона, якъ прыйдемо туды до неи!..

Тамъ у насъ степбкъ—верстбвъ зб дви одъ хутора, або й бильше—хорбшый тавый степбкъ! И тепѣрь винъ хорбшый, а тоди ще луччый бувъ: травѣ зѣвжды було въ пбясъ, а ыноди и пидъ-плечи; а вже що квитбкъ-квитбкъ!.. А на степку садочбкъ въ прыдолынеу: по краяхъ густо, мовъ зѣгорода, а по середьни—чысте мисце, тилькы десь-нѣ-десь порозтыцювани вышенькы та квиткы... ще лучче, нижъ по степу: горбшокъ пахучый купами, матерынка, смилка, зѣяча кривця... Тутъ-то й пѣсика булѣ, хливѣць велычѣнькый для пасишныка и для улыквивъ..

И оцѣ було, якъ вбдчымо пнсля обида вчѣння, и братъ татусѣви—братъ насъ тоди вчывъ—що, мовъ, дббре вчылись, татусъ и одпустыть до Мыныхы: «Колы дббре», каже, «го нехай и йдутъ!» Уже знѣвъ покійныкъ, що якъ туды, то ничбго й

лучшого намъ не треба! И запряжуть було визъ, абб и прбсто пихотою, та ще и всякои всячыны матуся надае: тому глѣчычокъ зъ молокомъ, тому борошно въ торби, тому сало,—и мы мовъ ти комашкы, що несуть свои подушы...

А та вже й вигляда насъ! И якъ тилькы заглѣдыть,—назустрічъ намъ: «Голубяточка мои», каже, „якъ потомылысь!“ И въ одну руку сало, въ другу глѣчыкъ, торбу зъ борошномъ перекине черезъ плечѣ,—и вона по-серѣдныи, а мы—кругомъ, мовъ ти каченята плутаємось по травѣ... И скільки роивъ піймала, розказуе, якъ будка проихала оттамъ шестырыкомъ, якъ кони басували, и лажыкка ззаду кунявъ.

А якъ прийдемо, робѣту геть (пыть було любыть старá и жать: тамъ за-для неї завжди було сїють, такъ було й кажутъ „за для бабы Мыныхы“), и вже все було коло насъ: сѣстерь позаквитчуе, винкы поплетѣ, братамъ тежъ що-небудь; а вже що мени—метѣлыкывъ!... Тамъ наветь у неї изъ пирию така клитка була для метѣлыкывъ: кошаркою було звать ии, а метѣлыкывъ—худибчыною моєю: „Васюнына“, кажутъ, „худибчына“!

А якъ ужѣ стане було сонечко на взáходы—вечѣрю варыть гуртомъ! Вона жъ порядкуе, а мы пораемось: хлѣпци огѣнь розвѣдять, сѣстры, за ии приводомъ, мисять галушкы, вáрять.... И любо було, и корысть була: залюбки навчались, чому примусомъ и не навчылысь бы, мѣже, и що пѣтимъ дѣ-вому зъ насъ було, якъ нахидка! Я знаю, якъ скипокъ наколѣтъ, якъ роввесты огѣнь, скільки солы и пшона въ кашу,—я тутъ навчывся, и пѣтимъ, якъ пидбильшавъ и ставъ валасáтыця по свитахъ, прыгодылось мени и куды тоби! Кѣней попáсувать було станемо въ степу, абб де надъ стовбѣвымъ шляхомъ ночувáть, що за тыѣю дорожнягою ничѣго не добудесся,—поганяйло жъ коло кѣней, а я назбыравъ тамъ труску якого, абб що, прыправывъ казанѣкъ до оглббли абб на смшкáхъ, розвивъ огѣнь, и таку кашу було втну, що тилькы нá та покоштуй!

А якъ було повечѣряемо,—поперемывáемо мысочкы, поховá Мыныха хлѣбъ и все, въ стриси въ хливци, щобъ собáкы не добулысь (нихтѣ було коло пасивы не ночуе,—ни для чого), та

й до-дому!... Поки й вику могó, думаю, не забуду, якъ було тоди! Хóроше такъ, прохолóда; зóри тилько що почалы показуватьця; кругómъ пахъ одъ травы и квитóкъ, а тутъ пéрепелы питьпидёмкають, у дзвóны мовъ бьють... деркачи, дыки утятá десь свыстять крыламы, журавли десь курлюкають на тырлахъ, вивчáрыкъ вертаётця, въ лисъ, посвыстуге: хотъ бы й до вику вишнего здаётця, zostався бъ такъ... А мы купцемъ коло Мыныхы, и вонá тыхо такъ, мовъ по зóрямъ чытáе: „Оци квитинокы такъ“, кáже, „звугця, а оця травыця такъ... оцé берёзья, оцé чебрéць, оцé дрякъ... на такыхъ и такыхъ ростуть воны поляхъ, оттаки й таки бувають, на те й на тé прыгóдни“... Абб про зóри було роскáзуе: „Отгó“, кáже, „дорóга...—для невóльныквивъ та дорóга! Зъ невóли“, кáже, „хто втикáе, на iн трéба дывытця, чы зъ Турецькой невóли, чы зъ Татарской: якъ-рáзь вонá черезъ нáшу стóрону! Богъ колысь“ кáже, „дужче любывъ нáшу стóрону—й дорóгу ту зробывъ для нáшыхъ невóльныквивъ“

V.

И вже де трéба було замистыть татуся абб матусю, особлыве въ повáжному дили: хрестъ одвезты на ныву, що печуть на Хрестци, покропыть въ кошáрахъ и въ бжоланыку на Голóдну Кутю, одвезты въ Дмытрову Субóгу мыску на гробкы и все тамъ, якъ слидъ велыть,—дида Мыну; зажбóнь зробыть, на чáсточку поцóви дать, кáшу зварыть, якъ котрэ грамáтву абб часлóвецъ зкóнчыть,—старá! А ыноди и оббе рáзомъ, де трéба бъ татусéви и матуси оббмъ. Нáймычя-сыротá зáмижъ одъ насъ выхóдыть, абб сыротá-нáймыть жéнытця, батькувáть и матерювáть трéба бъ, а татусéви и матуси куды ихать, у рóдычывъ весилля, абб-що,—воны! И вже на той разъ стари, якъ-бы и спрáвжни хазяинъ и хазяйка, и въ весильному дили, и у всéму. А якъ дило урочысте йде, то и татусь и матуся будутъ дóма, а зкруту багáто, абб трéба литнѣи людыны, то си самó по соби, а то й воны такы. И вже въ такимъ рáзи, а найпáче де трéба, якъ звычай указуе, ти бильше було рбблягъ, особлыве

матуся—молодѣ людына ще булѣ, а стари—такъ порядкують. Огъ, прымиромъ, якъ и за паскы булѣ прыймутця!

У насъ ихъ, знаєте, багѣто булѣ печуть, дуже багѣто: весь Билый тыждень тилькы й дила булѣ, що жарѣть въ печахъ! Бо въ нашій сторони такый звычай, що якъ прыйде Велыкодна Субѣта, то вже старцеви не дадутъ хлиба тамъ шматкѣ, абѣ пашкѣ, а пасочку невелычку, та й до пасочки ще: крашанѣкъ, сала, солѣ дрибѣкъ, палянычку для попѣ—всѣго. Та й не тилькы старцямъ такъ: бидный хто буде въ сели, вдовѣць, сыроты, и имъ пошлють. „Хто, мовъ, имъ тамъ, абѣ зъ чѣго?“ Та ще й такъ у нашій сторони: скільки вже ни буде у хазяина сусидивъ, то имъ, и паскы, и всячыны посвятить. Навѣть и панкы своимъ хрестянамъ такъ, котри бидныши и ще же зовсимъ забулы стародавни звѣчѣи. Ну, котрѣ хазяиновыта хазайва, и для сѣбе тежъ, и пасѣкъ, и всякои всячены: панійкы—пѣпушныкы тамъ, бабы, пундыкы рѣзни, прыщи прыщѣть, а котри такъ собѣ, люде та й гѣди, тежъ що-небутъ; такъ що вводи недиль зѣ три абѣ й зъ чѣтыри контытуюця тымъ. Одъ того-то, кажу, у насъ булѣ весь Билый тыждень зъ паскѣамы.

И якъ печуть булѣ, то вже порядкуе булѣ бильше баба Мыныха. А де вже, якъ звычай вельть, прымиромъ скавѣть, замисѣть джу, хрестъ зрѣбыть на тисти пѣльцемъ, перехрестѣть и, закрыть и цмокнуть, щобъ дѣбре зхѣдыла,—хоть въ другимъ рѣзи и аби-хто бъ се, а для паскы вже вѣна: якось вѣно поважнише, знаєте, якъ така людына. Абѣ оцѣ напалилы ничъ для пасѣкъ, вымелы, свяченои вербы трѣба туды прутыкъ, щобъ згоривъ, такъ годытця, абѣ бброшна жмицьку, чы въ-миру ничъ напѣлена,—тежъ завжды булѣ старѣ. А вже въ Велыкодну Субѣту, паскы булѣ дилыть въ комѣри и розсылѣть ихъ...

На-двѣри оцѣ такъ сѣашно, зѣлено!... сусиды, выдно въ двѣры, метуть двиръ, огѣроды, наймыты и наймычкы на прысѣнкахъ, а вона—натупалась старѣнька!—на скрыни: „Отту“, каже, „дѣчко (дѣчкѣю вѣна матусю зѣве булѣ въ такимъ случаи) Голованѣви“, каже, „ѣтъ що винчыкъ зарумянывся, а отту ведыку—Грыцыси: въ дѣткамы малѣнькымы бидна!... та й сала ий биль-

шый кусокъ!" то матуся вже, якъ вона каже, а наймыты и наймычкы въ рушныкы и въ скатерти, и рознобятъ.

Самъ було зъ дидомъ наветь и святыхъ повезе, и для насъ и для сусидивъ. Зъ вѣчора було ще налаштують, волбвий визъ, найлуччий, и поскладають. А якъ тилькы порѣ: новыи кожухъ абб нову свиту, дидъ—новыи кобенякъ, наветь батигъ новыи и нову магырку, и зъ Богомъ!... Летымъ було до службы, ясно такъ, вѣсело, зѣлено!... наганяемо: старѣнька кукблыгця, то до тыѣи паскы, то до другои!... а той зпереду, шапку ажъ на нисъ, и въ правій налыгачъ, а въ ливій батигъ. Не добре бъ и держать налыгачъ, а ще незручнѣше батигъ: рукава—дѣвгы, сукно—цупкѣ, лѣдвы закавраши злѣмуе. Та не дуже бъ то нужно й держать ихъ: сири смырни, дружни. А держыть: паскы на вѣзи! „Береженого“, мовъ, „Богъ бережѣ!“ — „Хрыстѣсь воскресъ, Хрыстѣсь воскресъ!“ зацвириньчала дитвѣра. Та—гилькы головою, усмихнулась... а той мовъ и не чуе: „Собъ-сѣбъ, сири!“ каже: не скажутъ вони: „Во-истыну воскресъ!“ помы не почують „Хрыстѣсь воскресъ!“ одъ пошѣ.

И дитвѣри ще веселише—хотили старѣнькыхъ пидневидыть: гамъ, лѣминъ! Те—якъ баба усмихнулась; друге, „що и дидъ“, каже, „усомъ моргнувъ“...

VI.

И вже що щыри булы покійныкы до насъ до всихъ, прыхлени, до хазяйского добра конѣтельни! Коже було скорѣше своё перепустыть, нижь попустыть зъ хазяйского! Я никѣлы не забуду, якъ разъ дидъ Мына!... Тепѣрь, смихъ менѣ берѣ, якъ згадаю, а тоди не до смиху було мени, та и всимъ було не до смиху!

Тоди, знѣете, тилькы що появывся Засѣрынь... Засѣрынь, знѣете, кодысь бувъ тамъ; абб мѣже, ёго й не було никѣлы мѣже, чы й бувъ винъ колы на свити, а тилькы чутва такѣ пишла, що прѣби, мовъ, издыть! Було оцѣ сѣгѣдня, що, мовъ, у такѣго-то стагу шкуры зъ спыны, а зѣвтра, що допомигъ тамъ...

И багато було всякою всячины. И було, кажуть, такой винь, що як хоче вже когò подобрать, то ще й оповистыть попереду—гогуйся, мовь!... И вже й гогуйся, кажуть було, колы оповистывъ, и не думай якъ-вѣбудь тамъ; бо ничѣго не докажешъ, ще гирше буде: знавъ винь, лыбѣнь, щось, чы щѣ. Разъ, кажуть, одинъ панъ въ Мыргордському повити (се я дѣбре помятую, що въ Мыргордському) здумавъ бувъ, щобъне пустыть, мовлявъ („вечѣрять буду“, сказавъ той), и скрызъ зъ лыхтарнямы и зъ каганцямы поставывъ,—знавъ же винь лыхтарни и каганци!.. Ти, кажуть, и стережуть, а Засѣрынь сусиль въ хату!... „А щѣ“, каже, „встеригся, вражий сыну!“ и канчукивъ тому пѣнову повечѣрившы (а такы повечѣривъ, и пѣна и пѣнiю посадовывъ зъ собою)!.. И якъ давъ канчукивъ, бувъ такой, та й нема! шукай витра въ пѣли!.. Тилькы, кажуть, сторожи, що тамъ геть стоялы зъ лыхтарнямы, икъ царыни: „Чогѣ“, мовъ, „вы бѣйдыкы бѣетѣ! Идить соби и въ сучiй мѣтери до-дѣму, я вже побувавъ у вѣшого пѣна!“

Такой-то бувъ, кажуть, той Засѣрынь! И багато, кажу, було объ ѣму всякою всячины! Якъ ужѣ перестѣлы объ ѣму чуткы ходыть, кажуть було люде, що ѣгѣ й не було никѣлы що то певно дѣсь дзвинь великый лылы и пустылы такую поголѣску, щобъ голоснишыи бувъ; а тоди—багато одъ ѣго страху було! И було якъ побѣчать, що до кѣго замѣжнѣго проижи пѣны, въ карѣти абѣ въ коляси, перестѣять и кѣней попѣсты, абѣ тамъ череночувать: „Охъ“, кажуть було, „та тѣ жѣ певно Засѣрынь!“ (бо той все було, кажуть, въ карѣти абѣ въ коляси) и такой ѣстрахъ пѣде по сѣлу, що и крыи Бѣже!... И пѣтимъ по всѣму повиту рознесѣтця, що, мовъ, у онъ-тогѣ Засѣрынь бувъ,—а той и въ вичи ѣгѣ никѣлы не бѣчывъ, и якый винь!...

Такъ лучылось разъ и у насъ. Тилькы що повечѣрѣлы, и матуся насъ поставыла молытьця Бѣгу (а татуся не було тоди дѣма), колы въ хату вивчаръ Якивъ и ажъ блидный! „Пѣйматко!“ каже... „Яшыйсь панъ“, каже, „въ коляси за толѣшнымы ворытьмы!“

Матуся такъ и затрусилась, а мы й соби, на неї дивлячесь... „Ой лышечко жъ“, каже, „мени!... Чогб жъ ёму трѣба?“

„Переночувать, каже, просытця... „Я“, каже Якивъ, „що, мовъ, и пемѧ панотця дома“, „проби!... Попросы“, каже, такъ хазяйку“.

— Що ёгдъ въ свитоньку Бджому робыты!... „Бижы“, каже, „що мовъ, диткы малёньки, спать не дадутъ“. А насъ такы ховать, въ стинку, въ кущи... А пѣтимъ назадъ, и зъ переляку не знѧла вже, що, та скрынью зъ мидякѧмы, и въ пекѧрню пидъ верстать!... Смѣтця булѧ пѣтимъ зъ вѣи чѧсто покійнивъ татусь.

Колы Якивъ знѧву, и ще блиднѣшый: „Вже“, каже, „въ горѧди“!

Та що вамъ и роскѧзувать! Якъ почула матуся, що мовъ и въ горѧди вже, и до насъ!... и забравшы, стинкѧмы, левѧдою, и до Мынивъ: „Рятуйте, мовъ, ховайте насъ, Засдрывъ приидѧвъ!“ И тутъ то дидъ Мына!... Знѣршу и Гѧсподы, якъ передѧкѧвся: тилькы—„эгѧ!... эгѧ!... эгѧ!...“, и то въ той кутѧкъ, то въ другый! А дѧли, якъ вхѧпыть ципъ, и туды!... Смѣхъ кѧжу, менѧ тешѣрь берѧ.

Якъ вбигъ, знѧете, въ прыхожу, а той сѧме роспытѧе у чѧляды. „Немѧ хазяйкы дѧма!“ одчеркнувъ не дѧвго думаючы!... А ципъ такъ и держытъ напоготѧви: колы, мовъ, щѧ, щѧбъ такъ и лулуснуть посерѧдъ лѧба....

И такъ покы той спать лигъ, все въ ципомъ. И якъ той ничѧго соби, вечерѧвъ тамъ тѧ-що (бо такы матуся осмилылась пидъ викнѧ до пекѧрни: „Дѧвайте“, мовъ, „чогѧ вхѧче“, то и Мына ничѧго; стоить соби въ кутѧчку и на ципъ зхыльвся; а якъ той стѧне наблыжѧтьця, абѧ до свитлыци,—вѧразъ и пиднима ципъ: „Не мѧжна“, каже, „не мѧжна!“ Роскѧзувавъ пѣтимъ татусѧви самъ панъ той (бо татусь незабаромъ вернувся до-дому, и вѧны справди одынъ однѧго знѧлы. А матуся вже й не выхѧдыла до тогѧ пѧна): „По дѧчѧмъ“, каже, „у вразького дѧда выдѧво булѧ—такъ бы й почѧвъ молотыты!“

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXVII.

1899 г.

НОЯБРЬ

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета св. Владимира.
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.

1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I. ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО И ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ. (<i>Продолженіе</i>). П. Житецкаго	127—166
II. ВОСПОМИНАНІЯ О ПРИВОРОТСКОМЪ ДУХОВН. УЧИЛИЩѢ 50-ХЪ ГОДОВЪ. М. Трублаевича	167—184
III. МАРУСЯ БОГУСЛАВКА. Побытово исторычня драма въ 2-хъ актынахъ М. Старицкаго	185—227
IV. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДНЕВНИКА Г. П. ГАЛАГАНА за 1845 годъ.	228—242
V. ПАМЯТИ А. С. ЛАШКЕВИЧА. (Къ 10-лѣтію со дня его кончины). Е. Кивлицкаго.	243—248
VI. ИЗЪ ШКОЛЬНЫХЪ ЛѢТЪ А. С. ЛАШКЕВИЧА. В. Беренштама.	249—269
VII. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ КІЕВѢ. (<i>Продолженіе</i>). Н. Бѣляшевскаго.	270—286

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Греко-руніатскій монастырь въ Курскѣ. А. Танковъ; б) Письмо Теофана Прокоповича къ Кіево-Печерскому архимандриту Іоаннію Сеплютовичу. Сообщ. О. Л; в) Эпитафіюль вознаго Андрея Чечеля, 1765 г. Сообщ. А. Л.; г) Сатирическія вирши 1786 года. Сообщ. О. Сластіонъ; д) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.	59—74
Текущія извѣстія	75—79
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Иванъ Левицкій. Повисти и оповидання. Т. I. J. S.; б) Извѣстія Общества любителей изученія Кубанской области. Вып. I, подъ ред. В. Сысоева и А. Дьячкова-Тарасова. Е. К.; в) Щорсовская бібліотека графа Литовра-Хребтовича. Краткія свѣдѣнія о собраніи рукописей. Сообщ. С. Л. Шташицкій И. Каманина; г) Д. Айваловъ и Е. Рѣдинъ. Древніе памятники искусства: Кіево-Софійскій, Златоверхо-Михайловскій и Сприлловскій монастыри. В. Щербины; д) Корыстныя звирятка. Кажанъ, йнжакъ и зпнське шеня (крыть). Напысавъ О. Степовыкъ. С. Н. е) Обзорніе журналовъ 1-й половины 1899 года; ж) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ	80—102
Археологическая лѣтопись	103—120
III. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Разказы М. Т. Симонова (Номиса). Листы 14-й, 15-й и $\frac{1}{4}$ 16-аго.	

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 2 ноябра 1899 года.

Вышла въ свѣтъ книга «Повести и оповидання
Ивана Левицкого, т. I». Складъ изданія находится въ
книжной торговлѣ редакціи журнала «Кіевская Старина»
(Безаковская, № 14) и въ книжномъ магазинѣ типогра-
фіи М. М. Стасюлевича (Спб., Вас. остр., 5 лин., д.
№ 28). Цѣна 1 р. 50 к. Книгопродавцамъ обычная
уступка.

ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО

И

ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ.

(Продолженіе ¹⁾).

V.

**Новыя литературныя вѣянія въ кievской академіи. Паденіе
славяно-малорусской рѣчи.**

Послѣ 1743 года, когда написана была Георгіемъ Щербацкимъ „трагедокомедія, нарицаемая Фотій“, не появлялось уже ни одной новой драмы въ стѣнахъ кievской академіи.

Что же было причиной паденія малорусской драмы?

Отвѣчать не трудно: прежде всего—паденіе самихъ формъ малорусской общественной жизни.

Есть указанія на это послѣднее явленіе въ самихъ драмахъ.

Такъ, въ драмѣ „Милость Божія“ Хмельницкій, какъ мы видѣли, говоритъ длинную рѣчь, въ которой изображаетъ идеальныя черты козака. По его мнѣнію, козакъ долженъ искать не бо-

¹⁾ См. Кіевск. Стар., 1899 г., октябрь.

гатства, а славы, долженъ вести жизнь умѣренную и простую, долженъ любить свою же младшую братію, не отнимая у нея хуторовъ, млиновъ, лѣсовъ, и т. п. Безъ сомнѣнія, автору драмы были очень хорошо извѣстны всѣ эти уклоненія отъ идеала, и онъ хотѣлъ бы удалить ихъ изъ дѣйствительной жизни авторитетнымъ именемъ Богдана Хмельницкаго. Но вотъ—черезъ двадцать лѣтъ послѣ появленія этой драмы тѣ же черты жизни, и уже не въ видѣ намековъ, изображаются въ драмѣ Конисскаго „Воскресеніе мертвыхъ“. Старшина козацкая всѣми правдами или, лучше сказать, неправдами „выдирала“ земли у посполитыхъ и козаковъ. Посредствомъ ограниченія вольнаго перехода посполитыхъ отъ одного державца къ другому она добивалась закрѣпощенія не только посполитыхъ, но и низшихъ рядовъ козачества. Сидя на своихъ „урядахъ“, т. е. занимая извѣстныя должности, она имѣла въ своихъ рукахъ всѣ средства производить на эти слои рѣшительное давленіе, которое часто доводило болѣе бѣдныхъ козаковъ до того, что они отказывались отъ своихъ козацкихъ правъ, предпочитая имъ положеніе *подданныхъ*. Съ другой стороны, еще со временъ Петра Великаго козацкое сословіе обременено было всякаго рода тягостями: козаковъ отправляли тысячами на *каналскія* работы, употребляли ихъ для постройки крѣпостей, для проведенія линий, при чемъ они должны были своимъ порядкомъ нести военную службу. Не удивительно, что въ средѣ самихъ козаковъ явилось охлажденіе къ военной службѣ, бывали даже случаи уклоненія отъ нея посредствомъ продажи грунтовъ и приписки въ подданство къ державцамъ. Все это указывало на близость того момента, который неизбежно долженъ былъ наступить, т. е. полнаго закрѣпощенія посполитыхъ и безземельныхъ козаковъ при Екатеринѣ II (1783 г.). Такъ мало по малу перестраивалась жизнь малорусскаго народа на новый ладъ. Старые идеалы ея, которые связаны были съ именемъ козака, борца за народную свободу, утрачивали свою притягательную силу, становились просто непонятными для новыхъ поколѣній. Въ такую эпоху личные интересы обыкновенно выдвигаются на первый планъ, и погоня за матеріальнымъ

благосостояніемъ предпочитается всякимъ общественнымъ стремленіямъ.

Теперь перенесемъ въ положеніе писателя малорусскихъ драмъ. Произведенія ихъ предназначались не столько для чтенія, сколько для представленія, а здѣсь уже неизбѣжно должны были выступать живыя лица, съ живымъ словомъ и дѣломъ, и всѣ эти Гипомены и Діокиты въ сценическомъ исполненіи должны были недвусмысленно указывать на щекотливую дѣйствительность. Можно ли было безъ вреда для школы вносить въ драму, предназначенную для исполненія въ школѣ, изображеніе общественныхъ пороковъ того времени? Не нужно забывать при этомъ, что самые пороки эти не были случайнымъ отступленіемъ отъ закона,—напротивъ того, они сами готовы были превратиться въ законъ... Понятно послѣ этого, почему малорусскія драмы общественнаго содержанія должны были замолкнуть.

Отчего, однако же, во второй половинѣ XVIII вѣка мы не видимъ и такихъ драмъ, какія обыкновенно писались раньше на отвлеченныя церковно-богословскія темы—въ родѣ „Мудрость предвѣчная“ (1703) или же „Брань честныхъ добродѣтелей“ (1737)?

Вопросъ этотъ находится въ связи съ исторіей славяно-малорусской рѣчи въ кievской академіи.

Въ 1733 году одинъ изъ питомцевъ ея, епископъ смоленскій Геденъ, писалъ о своей alma mater, что она „изобиловала всегда учеными людьми и имѣла себѣ честь сицевую, что отъ нея аки съ преславныхъ оныхъ Аевинъ, вся Россія источникъ премудрости почерпала и вся своя новозаведенныя училищныя колоніи напоила и изростила“¹⁾. И это не было преувеличеніемъ. Одинъ изъ историковъ кievской академіи справедливо называетъ ее „разсадникомъ російскихъ іерарховъ XVIII вѣка“²⁾. Всюду они заводили училища при епископскихъ кафедрахъ, учителей

1) Исторія кievской академіи Макарія, 191.

2) Ibidem 173.

въ эти училища выписывали изъ той же академіи, въ которой сами учились.

Но tempora mutantur.

Въ 1765 году гр. Румянцевъ составилъ записку „о усмотрѣнныхъ въ Малой Россіи недостаткахъ и неурядицахъ“. Принята она идеей единообразія административныхъ органовъ и учреждений, которыя предназначались для Малороссіи, безотносительно къ ея этнографическому составу, къ ея историческимъ преданіямъ. Въ этой запискѣ вотъ что говорится о кіевской академіи: „къ обученію юности здѣсь хотя и есть школы и такъ называемая въ Кіевѣ академія, однако же онѣ отнюдь не на тѣхъ правилахъ основаны, каковыя Ея Императорскому Величеству угодно подавать къ исправленію народа“¹⁾. Само малороссійское шляхетство, которое образовалось изъ той же козацкой старшины съ присоединеніемъ инородцевъ всякаго происхожденія, было равнодушно къ историческимъ заслугамъ академіи. Еще недавно, въ 1729 году, гетманъ Апостоль, подтверждая Братскому монастырю права на владѣніе угодьями, называлъ академію „всему обществу нашему благопотребною, гдѣ малороссійскіи сини въ наукахъ свободныхъ имѣютъ наставленіе“²⁾. Не то мы читаемъ въ прошеніи малороссійскаго шляхетства о восстановленіи разныхъ старинныхъ правъ Малороссіи, которое подано было Екатериной II въ 1764 г. Въ параграфѣ 13 просить шляхетство объ учрежденіи въ Кіевѣ университета, который долженъ состоять изъ четырехъ факультетовъ: одинъ изъ нихъ— богословскій долженъ быть учрежденъ вмѣсто существующей въ Кіевѣ академіи, при чемъ монастырь, какъ ненужное учрежденіе, можно было, по мнѣнію просителей, уничтожить³⁾. Это уже голосъ новыхъ людей, вкусившихъ нѣчто отъ благъ европейской цивилизаціи и усвоившихъ новые вкусы и свѣтскія привычки, которыя не согласовались съ патріархальнымъ мировоз-

¹⁾ Прибавленіе къ статьѣ Авсѣенка «Малороссія въ 1767 г.». Кіевъ, 1864 г.

²⁾ Матеріалы для отечественной исторіи Судіенка, I, 50.

³⁾ Кіевская Старина 1883 г. Іюнь. 344.

зрѣніемъ старинной школы съ ея церковно-религіознымъ характеромъ, съ ея монашескимъ режимомъ. Но, помимо суетности, навѣянной модными теченіями жизни, въ просьбѣ малороссійскаго шляхетства было и серьезное основаніе. Оно чувствовало потребность въ положительныхъ, реальныхъ знаніяхъ, которыхъ не могла доставить ему академія. Не удивительно поэтому, что съ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія она начала клониться къ упадку. „Ей предстояла“, говоритъ Аскоченскій, „слишкомъ неравная борьба съ заведеніями, снабженными и лучшимъ методомъ преподаванія, и отличными профессорами, и одобрительнымъ вниманіемъ правительства, и внѣшними выгодами“¹⁾. По прежнему, воспитанники цѣлыми толпами направлялись на сѣверъ, но уже не столько для того, чтобы учить, какъ въ первой половинѣ XVIII вѣка, сколько для того, чтобы учиться. По заявленію Арсенія Могилянскаго, митрополита кіевскаго, съ 1754 по 1768 годъ болѣе трехсотъ студентовъ поступили въ медикохирургическія училища, въ петербургскую академію наукъ, въ московскій университетъ, въ кадетскіе корпуса, во всѣ семинаріи русскія, въ писмоводители и переводчики военныхъ и гражданскихъ начальствъ²⁾. Особенно увеличился отливъ молодыхъ людей изъ академіи послѣ изданія положенія о губерніяхъ, когда появилось множество новыхъ присутственныхъ мѣстъ. Теперь уже немногимъ изъ искателей счастья, получившимъ образованіе въ академіи, удавалось добиться виднаго положенія въ церковной іерархіи. Еще императрица Елисавета приказала въ 1754 году, чтобы св. Синодъ представлялъ въ архіереи и архимандриты не однихъ малороссіянъ, но и изъ природныхъ великороссіянъ³⁾. Императрица Екатерина II не любила малороссійскихъ архіереевъ, поэтому спросъ на нихъ сильно упалъ⁴⁾.

1) Кіевъ съ древѣйшимъ училищемъ его академіей, II, 316.

2) Описаніе кіево-софійскаго собора, II, 225.

3) Очеркъ исторіи западно-русской церкви Чистовича, II, 341.

4) См. Положеніе духовенства въ царствованіе Екатерины II и Павла I, Знаменскаго, стр. 39. Въ 1764 г. дана была новому правителю Малороссіи, графу П. А. Румянцеву, инструкція, въ которой

Тѣмъ не менѣе во все продолженіе XVIII вѣка не останавливалось переселеніе кіевскихъ воспитанниковъ на сѣверъ. Большинство изъ нихъ терялось въ массѣ рабочаго люда, добывавшаго себѣ средства къ существованію службой. Изъ этой массы выдѣлялись немногіе счастливыя, которые прокладывали себѣ дорогу къ высокимъ постамъ въ государствѣ¹⁾. Наконецъ, многіе изъ нихъ вошли въ общую колею литературнаго движенія, подвизаясь въ Петербургѣ и Москвѣ на литературномъ поприщѣ и оказывая въ свою очередь воздѣйствіе на школу, ихъ воспитавшую²⁾.

вмѣнено было ему въ обязанность «искуснымъ образомъ присматривать за архіереями, дабы они не выступали изъ надлежащихъ сана своего предѣловъ, разсѣвая въ народѣ простомъ предосудительныя плевелы» (Исторія Россіи, Соловьева, т. XXVI. 46). Не могли, конечно, не сознавать этихъ неудобствъ своего положенія и сами малорусскіе архіереи. «Бѣда да горе!» писалъ Іоасафъ, бѣлгородскій епископъ, къ Гервасію, епископу переяславскому. «Самые честные люди остаются съ нашихъ, а въ Тферь, а въ Владиміръ промованы, которые еще и недавно монахами, съ русскихъ, однакъ добріи люде и достойные. Сіе по прочетѣ прошу сожечь, а я, разсуждая теперь пребѣдное отечества состояніе, плачу и въздыхаю: Господи помилуй!» (Кіевская Старина, 1882, февраль, 322. Руководство для сельскихъ пастырей, 1880 г., т. II, стр. 344).

¹⁾ Таковы были: Завадовскій (Петръ Васильевичъ, въ послѣдствіи графъ и министръ народнаго просвѣщенія при Александрѣ Павловичѣ), Безбородко (Александръ Андреевичъ, въ послѣдствіи князь и государственный канцлеръ при Павлѣ Петровичѣ), Трощинскій (Дмитрій Прокофьевичъ, сынъ казака, въ послѣдствіи министръ юстиціи при Александрѣ Павловичѣ).

²⁾ Назовемъ тѣхъ изъ нихъ, которые оставили болѣе или менѣе замѣтный слѣдъ въ наукѣ и литературѣ XVIII вѣка:

Кондратовичъ Кириакъ, переводчикъ при академіи наукъ. Триста стихотвореній Кондратовича напечатаны въ трехъ книгахъ подъ заглавіемъ: «Старикъ молодой добροхотному и недоброхотному читателю». Изъ переводовъ его самый капитальный трудъ «Россійскій ботаническій словарь, изданный въ 1780 г.

Максимовичъ Несторъ, извѣстный подъ псевдонимомъ *Амбодикъ*, докторъ медицины. Онъ первый началъ писать порусски о медицинскихъ предметахъ.

Особенно сильно было это воздѣйствіе при митрополитѣ кievскомъ Самуилѣ Миславскомъ (1783—1796). Желая поставить кievскую академію въ такое положеніе, чтобы она могла удовлетворять общимъ требованіямъ просвѣщенія, обязательнымъ для всего государства, онъ всѣми мѣрами старался уравнять ее съ великорусскими учебными заведеніями и со стороны языка. Самъ онъ былъ членомъ Россійской академіи, которая, какъ извѣстно, учреждена была для разработки русскаго языка. Новиковъ считалъ его писателемъ „изобильнымъ въ знаніи русскаго

Бантышъ-Каменскій Николай (началъ образованіе въ кievской академіи, продолжалъ въ московской академіи, а окончилъ въ московскомъ университетѣ), членъ многихъ ученыхъ обществъ, извѣстный своими историческими изслѣдованіями, между прочимъ «Исторіей объ униі». Онъ началъ издавать поэзію Аполлосову, Реторіку Бургія и Философію Баумейстера—учебники, принятые и въ кievской академіи, гдѣ до этого времени, по замѣчанію митрополита Евгенія, «отъ Поэзіи до Богословія продолжались письменныя системы» (Описаніе кievо-софійскаго собора, П, 218).

Козицкій Григорій (окончилъ образованіе за границей), лекторъ философіи и словесныхъ наукъ при академіи наукъ, издатель сатирическаго журнала «Всякая всячина». Даже злорѣчивый Сумароковъ хвалитъ его за знаніе русскаго языка. Онъ написалъ сочиненіе о русской орфографіи, оставшееся неизданнымъ (Филологическія разсканія Грота, П, 196).

Эминъ Федоръ, издатель «Адской почты» (1769), авторъ Россійской Исторіи, которая доведена имъ до 1213 г.

Рубанъ Василій (окончилъ образованіе въ московскомъ университетѣ), издатель журналовъ: «Ни то, ни се» (1769), «Трудолюбивый муравей» (1771), «Старина и Новизна» (1772—1773), авторъ «Краткой лѣтописи Малой Россіи съ 1506 по 1775 г.» и разныхъ другихъ сочиненій въ прозѣ и стихахъ.

Симоновскій Петръ (окончилъ образованіе за границей), авторъ «Краткаго описанія малороссійскаго козацкаго народа съ начала происхожденія его и разнообразнаго по временамъ состоянія по 1761 годъ».

Сичъкаревъ Лука (началъ образованіе въ кiev. акад., окончилъ въ петербургской акад. наукъ). Извѣстенъ, по замѣчанію митрополита Евгенія, не столько сочиненіями, какъ весьма многими переводами съ греческаго, латинскаго, нѣмецкаго, англійскаго, французскаго, ита-

слова“¹⁾. Не удивительно поэтому, что Самуиль обращалъ особенное вниманіе на преподаваніе въ академіи русскаго языка. Онъ требовалъ отъ воспитанниковъ ея, чтобы они учили оды Ломоносова наизусть, при чемъ сами они должны были упражняться въ сочиненіи стиховъ, наблюдая „остроту въ эпиграммахъ, нѣжность въ мадригалахъ, простоту въ басняхъ, удовольствіе въ пѣсняхъ, страданіе въ элегіи, искренность въ сатирѣ, восторгъ въ одѣ, ужасъ и жалость въ трагедіи, смѣхъ и обманы въ комедіи“²⁾. Въ 1784 году онъ приказалъ студенту богословія Дмитрію Сигиревичу, уроженцу московской губерніи, „быть учителемъ россійской поэзіи и элоквенціи по правиламъ поэзіи, напечатаннымъ въ Москвѣ, ораторіи же по правиламъ господина Ломоносова“³⁾. „Вмѣстѣ съ тѣмъ, говоритъ Аскоченскій, на счетъ академіи отправлены были три студента (Никита Соколовскій, Павелъ Логвиновскій и Даніилъ Домонтовичъ) въ московскій университетъ съ крѣпкимъ наказомъ, чтобы они какъ можно старались изучить великорусскій говоръ и произношеніе. По окончаніи курса наукъ они обязаны были возвратиться въ Кіевъ для занятія учительскихъ должностей. Наличные учителя также въ свою очередь получили отъ митрополита предписаніе наблюдать, сколько возможно, чтобы въ ихъ урокахъ не страдалъ

ліанскаго и польскаго языковъ. (Словарь свѣтскихъ писателей, митрополита Евгенія, т. II, 165).

Хмельницкій Иванъ (обучался сперва въ кіевской академіи, а потомъ въ кенигсберскомъ университетѣ), докторъ философіи. Ему принадлежитъ редакція Проекта новаго уложенія, а также нѣсколько философскихъ разсужденій (Ibidem, т. II, 240).

Сохацкій Павелъ, профессоръ московскаго университета по кафедрѣ греческой и римской словесности, издатель журналовъ: «Пріятное и полезное препровожденіе времени» (1793—1798), «Ипокрена или усиѣхи любословія» (1799—1800), «Новости русской литературы» (1802).

1) Исторія Россійской академіи, Сухомлинова, 186.

2) Ibidem, 189.

3) Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ академіей, Аскоченскаго, т. II, 342.

русскій языкъ. Иеродіакону Анатолю, назначенному преподавателемъ истории и географіи, строго указано было изъяснять оныя на русскій языкъ съ наблюденіемъ выговора, какой наблюдается въ Великороссіи¹⁾. Такой же приказъ получилъ учитель французскаго языка Лапкевичъ. „Самыя дѣти не оставлены были безъ вниманія ревнительнымъ архипастыремъ. Онъ учредилъ особаго репетитора въ сиротскомъ домѣ (бурсѣ) для обученія живущихъ тамъ мальчиковъ русскій грамотѣ, подтвердивъ и ему, какъ можно, стараться о правильномъ выговорѣ. Настойчивость Самуила была такъ велика, что нѣкоторые наставники откровенно отнеслись къ нему съ представленіемъ о неспособности строго исполнять его волю, извиняясь тѣмъ, что они никакъ не въ состояніи перемѣнить своего малороссійскаго выговора“²⁾.

Дѣло, однако же, заключалось не въ одномъ устраниніи малорускаго выговора, но и въ усвоеніи великорускаго, т. е. въ произношеніи славянскихъ и общерусскихъ словъ по великорусскому выговору, а также въ устномъ и письменномъ употребленіи лексическаго состава и грамматическихъ особенностей литературной русской рѣчи, установленныхъ въ грамматикѣ Ломоносова. Все это представляло не мало трудностей для тѣхъ преподавателей академіи, которые не оставляли своей родины, а потому не могли путемъ бытовыхъ отношеній войти въ общеніе съ общественной и литературной средой сѣверной Руси. Понятно, почему они не могли составлять драмъ своихъ на славяно-малорусскомъ языкѣ, чѣмъ занимались съ большимъ усердіемъ прежде.

VI.

**Григорій Саввичъ Сковорода и философское міровоззрѣніе его.
Отчужденіе отъ современныхъ ему теченій общественной жизни
и литературный стиль его.**

Итакъ, славянорусская рѣчь, развивавшаяся на югѣ Россіи въ народномъ малорусскомъ направленіи, встрѣтилась въ по-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem, 343.

ловинѣ XVIII вѣка съ литературной русской рѣчью, развивавшеюся на сѣверѣ Россіи въ народномъ великорусскомъ направленіи. Последняя была гораздо сильнѣе первой, поэтому во второй половинѣ XVIII вѣка мы уже не видимъ въ кіевской академіи сколько-нибудь значительныхъ литературныхъ произведеній, написанныхъ славяно-малорусской рѣчью.

Тѣмъ не менѣе внѣ академіи эта рѣчь не скоро еще вышла изъ употребленія. Во второй половинѣ XVIII вѣка она даже имѣла сильнаго представителя въ лицѣ извѣстнаго философа Григорія Саввича Сковороды.

Много было написано о Сковородѣ всякаго рода замѣтокъ, воспоминаній, очерковъ его жизни и дѣятельности, а недавно, по поводу столѣтней годовщины послѣ его смерти, явился цѣлый рядъ изслѣдованій философскихъ воззрѣній Сковороды, высказанныхъ имъ въ загадочныхъ произведеніяхъ его. Но и послѣ этихъ изслѣдованій вопросы о томъ, былъ ли Сковорода философъ съ системой или безъ системы, былъ ли онъ пантеистъ, монистъ или дуалистъ, повидимому, не рѣшены окончательно. Не удовлетворяетъ насъ и то мнѣніе, недавно высказанное на страницахъ Кіевской Старины, что Сковорода былъ эклектикъ¹⁾. Дѣйствительно, въ сочиненіяхъ его можно найти отзвуки разныхъ философскихъ ученій, но мы не думаемъ, чтобы въ этихъ отзвукахъ не было основнаго тона, который связываетъ философскія размышленія Сковороды съ умственными теченіями его времени, чтобы не было въ нихъ основной идеи, которая есть зерно всякой системы. Для насъ же собственно самое важное—знать эту идею, чтобы не казался намъ Сковорода случайнымъ явленіемъ въ украинскомъ обществѣ прошлаго вѣка.

Учился онъ въ кіевской академіи въ эпоху ея процвѣтанія—въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка. Товарищемъ его по школѣ былъ Самуиль Миславскій, котораго онъ превосходилъ успѣхами въ наукахъ. Отличаясь прекраснымъ голосомъ, онъ попалъ при Елисаветѣ Петровнѣ въ придворные пѣвчіе и прожилъ въ Пе-

1) Кіевская Старина, 1898 г., февраль, 272.

тербургѣ болѣе двухъ лѣтъ. Въ 1744 г. Сковорода возвратился въ Кіевъ, чтобы продолжать ученіе въ кіевской академіи, но, не довольствуясь наукой того времени, воспользовался случаемъ побывать за границей, гдѣ изучилъ нѣмецкій языкъ. Хотя мы и не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній о томъ, чему еще учился Сковорода за границей, но, принимая во вниманіе пытливый умъ его, мы не можемъ представить себѣ, чтобы онъ не воспользовался знаніемъ нѣмецкаго языка для расширенія своихъ познаній. Позволяемъ себѣ высказать мнѣніе, что именно за границей онъ нашель точки опоры для своихъ смѣлыхъ богословскихъ построеній, которыя не совпадали съ кіевской наукой. По возвращеніи на родину онъ занялъ было скромное мѣсто учителя пѣтики въ переяславской семинаріи, но его „Руководство о поэзіи“ не понравилось мѣстному епископу, который предпочиталъ старинныя силлабическія вирши стихамъ Ломоносова, поэтому Сковорода долженъ былъ оставить это мѣсто, сдѣлавшись домашнимъ учителемъ въ семействѣ мѣстнаго помѣщика Томары. Рѣзкій тонъ учителя съ ученикомъ былъ причиною удаленія Сковороды изъ дома Томары, куда онъ снова поступилъ послѣ кратковременнаго путешествія въ Москву. Въ 1759 году ему предоставлено было мѣсто учителя поэзіи въ харьковскомъ коллегіумѣ. Нѣсколько лѣтъ прожилъ онъ въ Харьковѣ, но и здѣсь, какъ въ Переяславѣ, вышли у него недоразумѣнія съ властями. Въ 1766 году ему поручено было преподавать благородному юношеству „правила благоправія“. Въ руководство ученикамъ онъ написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Начальная дверь къ христіанскому добронравію для молодого шляхетства харьковской губерніи“. Это сочиненіе вызвало гоненіе на Сковороду, и онъ долженъ былъ удалиться изъ Харькова. Съ этого времени до самой смерти своей (1794 г.) Сковорода оставался бездомнымъ странникомъ, переходя съ мѣста на мѣсто, отъ одного помѣщика къ другому, между которыми онъ имѣлъ не мало искреннихъ друзей и почитателей. Въ убогой сѣрой свиткѣ, съ палкой въ рукахъ и съ флейтой за поясомъ, съ котомкой за плечами, въ которой хранилось все его имущество—библія и нѣсколько свит-

ковъ его сочиненій, появлялся онъ часто въ толпѣ народа—на городскихъ улицахъ, на сельскихъ ярмаркахъ, предлагая ученіе свое, то въ видѣ импровизированной проповѣди, то въ видѣ любимой народомъ стихотворной псалмы.

Чему же училъ Сковорода?

По нашему мнѣнію, все ученіе его сводится къ вопросу о томъ, въ чемъ заключается истинное благо человѣка, иными словами—къ вопросу о нравственныхъ задачахъ его жизни. Къ разрѣшенію этого вопроса нашъ философъ шелъ отчасти богословскимъ, отчасти философскимъ путемъ. Не отрицая вѣры, которая „видитъ свѣтъ, въ тьмѣ стихійной свѣтящейся, видитъ, любитъ и благовѣститъ его“¹⁾, онъ, однако же, искалъ этого свѣта и въ философствующемъ разумѣ: „жизнь“, говоритъ онъ, „живеть тогда, когда мысль наша, любя истину, любитъ выслѣживать тропинки ея и, встрѣтивъ око ея, торжествуетъ и веселится симъ незаходимымъ свѣтомъ“²⁾. Въ этой двойственности метода заключается главная причина отчасти неясныхъ и смутныхъ, отчасти рискованныхъ положеній въ сочиненіяхъ Сковороды, возбуждавшихъ у современниковъ его не только недоумѣнія, но и порицанія. Даже близкіе и преданные ему люди, преклоняясь предъ нравственнымъ авторитетомъ его, боялись его мнѣній. Таковъ былъ одинъ изъ любимѣйшихъ учениковъ его Ковалинскій, который говоритъ о себѣ, что онъ „будучи воспитанъ полуучеными и школьными учителями, частію монахами, въ рукахъ коихъ тогда святилища наукъ находились, сожалѣлъ душевно, что такой добродѣтельный мужъ имѣлъ несогласныя съ учеными мнѣнія“³⁾. По словамъ Ковалинскаго, онъ испытывалъ „возбужденную борьбу мыслей и не зналъ, чѣмъ рѣшить оную“, въ виду того, что многіе „внушали ему отвращеніе къ Сковородѣ, запрещали имѣть знакомство съ нимъ, слушать разговоры его и даже ви-

1) Мы будемъ приводить выдержки изъ произведеній Сковороды по юбилейному изданію сочиненій его, Харьковъ, 1894 г.

«Разглагодъ о древнемъ мирѣ», отд. II, 55.

2) Письмо къ Тевяшову, отд. II, 258.

3) «Житіе Сковороды», Ковалинскаго, отд. I, 12—13.

дѣться съ нимъ“¹⁾. Это обычная участь пророка, провозглашающаго „любви и правды чистыя ученья“, хотя нужно сказать, что Скворода имѣлъ не однихъ хулителей, но и страстныхъ почитателей. Любопытно знать, что возмущало однихъ и восхищало другихъ въ ученіи его?

Тотъ же Ковалинскій даетъ намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Въ свою очередь мы дополнимъ этотъ отвѣтъ нѣкоторыми выдержками изъ сочиненій самого Сквороды.

„Я не добиваюсь знать“, говорилъ Скворода Ковалинскому, „какъ и когда Мойсей раздѣлил море жезломъ въ великомъ семь мірѣ, въ исторіи, а поучаюсь, какъ бы мнѣ въ маломъ моемъ мірѣ, въ сердцѣ, раздѣлить смѣсь склонностей природы непорочныя и растлѣнныя и провести волю мою непотопленно по пути житейскаго бытія, дабы доставить себѣ во свое время *свободу мыслей*, т. е. веселіе духа или, такъ называемое, счастье“²⁾. Въ этой формулѣ заключается весь Скворода, вся его нравственная сущность, отрицавшая все то, что нарушало „свободу мыслей“. По его мнѣнію, есть три міра, въ которыхъ Богъ открываетъ себя людемъ: космосъ—великій міръ, микрокосмосъ—человѣкъ и Библія—міръ символическій³⁾. Скворода называлъ себя „любителемъ священныя Библіи“, но думалъ, что язычники, черпавшіе познаніе Бога не изъ Библіи, не достойны за это осужденія, ибо они знали истину, „и если Богъ есть истина, то они были вѣрные служители его“⁴⁾,—думалъ также, что буквальный пониманіе библейскихъ символовъ есть путь, ведущій къ заблужденіямъ. Являются эти заблужденія въ двухъ видахъ: или въ видѣ „буйнаго безбожія“, которое ничего не видитъ въ Библіи, кромѣ всякаго рода несообразностей, или въ видѣ „рабострастнаго суевѣрія“, которое, опираясь на библейскіе символы, требуетъ чудесъ, т. е. нарушенія законовъ природы. Скворода называетъ это требованіе „исполнскою дерзостію“. „Какъ мо-

1) *ibidem*, 14.

2) *ibidem*, 35.

3) «Потопъ змінивъ», отд. I, стр. ХСШ.

4) «Житіе Сквороды», Ковалинскаго, отд. I, 13.

жетъ“, говоритъ онъ, „возстать сама на свой законъ блаженная натура?“¹⁾ Особенно вооружается онъ противъ фанатизма, присутствующаго суевѣрїю. „Нѣтъ“, говоритъ онъ, „желчь и жестоковѣйшїе суевѣрїя. Опѣмѣвъ чувствомъ челоуѣколюбія, оно гонитъ своего брата, дыша убійствомъ“. Отъ него „вздоры, споры, секты, вражды междуособныя, ручныя и словесныя войны, младенческіе страхи и прочее“²⁾. Сковорода называетъ суевѣрїе „листвіемъ лицемѣровъ“, которые „непрестанно въ псалтырь барабають, бродяють поклонниками по Іерусалимамъ, цѣлуютъ всякій день заповѣди Господни и за алтынъ продають оныя“³⁾. Для нихъ вся сущность религіи заключается въ церемонїяхъ и обрядахъ: „одинъ скорбитъ, если кто на полдень, а не на востокъ съ нимъ молится; иной сердитъ, что погружаютъ, другой бѣснуется, что обливаистъ крещаемого“⁴⁾. Нѣтъ, „не въ вѣдѣніи таинствъ и не въ исполненїи обрядовъ тайноводства“, по миѣнію Сковороды, заключается совершенство и высокость челоуѣка, а въ дѣланїи истинной пользы ближнему“⁵⁾. Поэтому онъ совѣтовалъ стремиться „къ возвышенїю мыслей нашихъ выше видимаго обряда служенїя, выше буквальнаго смысла, выше историческаго богопочитанїя“⁶⁾. Очевидно, безъ этого, по его разумѣнію, не возможна была истинная свобода мыслей, слѣдовательно—и счастье.

Приведенныя нами мѣнія Сковороды объ „историческомъ богопочитанїи“ достаточно поясняютъ намъ, почему „оглагольщики“ его видѣли въ немъ „развратителя нравовъ и душегубителя, т. е. еретика“⁷⁾. Не даромъ этотъ „еретикъ“ не любилъ Кіева, который жилъ еще историческими преданїями. Ничего не видѣлъ онъ въ этихъ преданїяхъ, кромѣ „вражды междуособной“, сопровождаемой „ручными и словесными войнами“, поэтому онъ

1) Письмо къ Теуашову, отд. II, 253.

2) Ibidem.

3) «Брань Архистратига Михаила съ Сатаною», отд. II, 205.

4) Письмо къ Теуашову, отд. II, 254.

5) «Житїе Сковороды», Ковалинскаго, отд. I, 13—14.

6) Ibidem, 35.

7) Ibidem, 26.

былъ совершенно равнодушнъ къ прошлому своей родины. Конечно, онъ зналъ это прошлое. Ковалинскій рассказываетъ, что въ 1764 году „при обзорѣннн древностей кievскихъ Скворода былъ ему истолкователемъ исторіи мѣста, нравовъ и древнихъ обычаевъ“ 1), но замѣчательно, что въ сочиненіяхъ своихъ онъ обнаруживаетъ полное отсутствіе всякаго историческаго чутья. Въ одномъ только стихотвореніи его мы встрѣтили легкій намекъ на прошлое:

„О когда бы же мнѣ въ дурни не пошиться,
 Дабы волности не могъ какъ лишиться.
 Будь славенъ во вѣкъ, о муже избранне,
 Волности отче, герою Богдане“ 2).

И при этомъ—ни слова о томъ, что Хмельницкій былъ героемъ не только личной, но и народной вольности, которая, по видимому, ничего не говорила ни уму, ни сердцу Сквороды. „Малороссію“, говоритъ Ковалинскій, „онъ обыкновенно называлъ матерью, потому что родился тамъ, а Украину теткой по жительству его въ оной и по любви его къ ней“ 3). Любилъ онъ ее за широкій просторъ ея полей, которыя въ его время заселялись выходцами изъ старой Украины,—за отсутствіе въ ней политическихъ и церковно-религіозныхъ страстей, которыя чужды были душевному складу украинскаго философа. На дѣвственной почвѣ новой Украины онъ выработывалъ въ себѣ, по словамъ Ковалинскаго, „сердце гражданина всемірнаго“ 4). И много было въ томъ краѣ людей, утомленныхъ національной борьбой и искавшихъ свободы и покоя въ чувствѣ всемірнаго гражданства. Большинство изъ нихъ ни о чемъ больше не думало, какъ только о матеріальномъ благосостояніи, но были между ними и такіе, которые задумывались о высшихъ задачахъ жизни. Въ средѣ этихъ послѣднихъ

1) Ibidem, 21.

2) «De libertate», II, 291.

3) «Житіе Сквороды», Ковалинскаго, отд. II, 21—22.

4) Ibidem, 5.

Сковорода и находилъ благожелательныя чувства. Они смотрѣли на него, какъ на мужа мудраго и праведнаго ¹⁾.

Разсуждая о другихъ источникахъ богопознанія, Сковорода не даетъ большой цѣны изученію космоса. „Мы“, говоритъ онъ, „измѣрили море, землю, воздухъ, небеса, размежевали планеты, доискались на лунѣ горы, рѣкъ и городовъ, но то горе, что при всемъ томъ, кажется, чегось великаго недостаетъ,—нѣтъ того, чего и сказать не умѣемъ: одно только знаемъ, что недостаетъ чегось“ ²⁾. „Я наукъ не хую“, продолжаетъ онъ, „одно то хулы достойно, что, на нихъ надѣясь, пренебрегаемъ верховную науку“, которая, имѣя предметомъ самого человѣка, „насъ потерянныхъ находить и намъ же самымъ насъ возвращаетъ: и сіе-то есть быть щастливымъ—узнать, найти се самого“ ³⁾. Мысль эта невольно заставляетъ насъ вспомнить Сократа и его знаменитое: γινώδι σεαυτόν. Оставляя въ сторонѣ спорный вопросъ о томъ, хотѣлъ ли Сковорода быть русскимъ Сократомъ, мы замѣтимъ только, что въ трактатахъ своихъ онъ нерѣдко упоминаетъ о Сократѣ съ величайшимъ уваженіемъ. Но есть и внутреннія точки соприкосновенія въ міровоззрѣніи Сковороды и Сократа. Какъ тотъ, такъ и другой, искали критерія истины не во внѣшнемъ мірѣ, а внутри человѣка. „Я знаю то, что ничего не знаю“, говорилъ Сократъ. Выходя изъ этого убѣжденія, онъ рѣшился подвергнуть пересмотру и переоцѣнкѣ ходячія понятія и мнѣнія съ тѣмъ, чтобы найти вѣрный путь къ полученію достовѣрнаго знанія. Чтобы установить этотъ путь, онъ долженъ былъ въ самомъ человѣкѣ указать на положительную силу, которая устраняетъ всякій произволь въ распознаніи того, что истинно, отъ того, что ложно. Сила эта есть ничто иное, какъ добродѣтель или же то, что мы называемъ нравственнымъ достоинствомъ человѣка. Открыть эту силу можно не иначе, какъ посредствомъ самопознанія или же посредствомъ мудрости, которая и есть предметъ

¹⁾ Ibidem, 2.

²⁾ «Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ», отд. II, 92.

³⁾ Ibidem, 95—96.

философіи. Нѣчто подобное мы уже видѣли у Сковороды въ его критическихъ замѣчаніяхъ о Библии. Подобно Сократу, онъ тоже стоитъ на почвѣ самосознанія и думаетъ, что оно-то и есть истинная мудрость. Къ чему же ведетъ эта мудрость? По миѣнію Сковороды, она разъясняетъ человѣку, въ чемъ заключается его счастье¹⁾. Здѣсь уже мы не видимъ Сократа. Сковорода думалъ, что философія не есть изслѣдованіе о мудрости, т. е. о методахъ самопознанія, а есть возвышенное настроеніе духа, равносильное понятію о счастіи. Ковалинскій сообщаетъ, что на вопросъ одного ученаго: „что есть философія“? Сковорода отвѣчалъ: „когда духъ въ человѣкѣ веселъ, мысли спокойны, сердце мирно, то все свѣтло, счастливо, блаженно: сіе есть философія“²⁾. Что касается добродѣтели, то она есть ничто иное, какъ самый трудъ, направленный, по указаніямъ мудрости, къ достиженію счастія³⁾. Переходя къ разъясненію понятія о счастіи, Сковорода устанавливаетъ примѣты его: оно должно быть благо, для всѣхъ доступное и прочное. Не далеко оно отъ васъ. Царство Божіе внутри васъ есть. Чтобы быть счастливымъ, нужно только предаться волѣ Божьей: „чѣмъ кто согласнѣе съ Богомъ“, говоритъ Сковорода, „тѣмъ мирнѣе и счастливѣе. Сіе то значить: жить по натурѣ“⁴⁾. Подъ натурою онъ разумѣетъ не скотскіе и слѣпые инстинкты человѣка, а „царственное естество“ его, которое онъ называетъ „святимъ духомъ“, живущимъ внутри человѣка и зовущимъ его къ исполненію „той должности, для которой онъ въ мірѣ родился, самимъ Вышнимъ къ тому предопредѣленъ“⁵⁾. Всѣ несчастія человеческой жизни онъ объясняетъ тѣмъ, что люди, не познавъ себя, „входятъ въ несродную имъ стать“ и берутся за дѣло, которое не соотвѣтствуетъ ихъ „сродности“⁶⁾. Происходитъ въ этомъ случаѣ нарушеніе законовъ природы, ибо

1) «Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ», отд. II, 83.

2) «Житіе Сковороды» Ковалинскаго, отд. I, 30.

3) «Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ», отд. II, 83.

4) «Алфавитъ мира», отд. II, 116.

5) Ibidem 117—118.

6) Ibidem 116.

Томъ 66.—Ноябрь, 1899.

„природа и сродность—значить врожденное Божіе благоволеніе и тайный его законъ, всю тварь управляющій“¹⁾.

Мы дошли до той границы въ философскихъ размышленіяхъ Сквороды, за которою начинаются туманныя и смутныя созерцанія его съ пантеистическимъ оттѣнкомъ. „Въ Библии“, говоритъ онъ, „Богъ именуется огнемъ, водою, вѣтромъ, желѣзомъ, и прочими безчисленными именами: для чего же его не назвать натурой?.. Симвъ словомъ называется все—на-все, что только родится во всей міра сего машинѣ“²⁾. „А понеже сія мати, раждая, ни отъ кого не принимаетъ, но сама собою раждаетъ, для того называется и отцемъ, и началомъ, ни начала, ни конца не имущимъ, ни отъ мѣста, ни отъ времени независящимъ... Сіе повсемственныя и премудрыя силы дѣйствіе называется тайнымъ закономъ, правленіемъ, по всему матеріалу разлитымъ безъ конечно и безъ времени“³⁾. „А какъ въ Богѣ раздѣленія нѣсть, то онъ есть простирающееся ко всѣмъ вѣкамъ, мѣстамъ и тварямъ свойство, убо Богъ, и миръ его, и человекъ его—есть то едино“⁴⁾. Судя по выпискамъ, нами сдѣланнымъ, можно было бы думать, что это пантеизмъ матеріалистическій, но, говоря объ эволюціи мірозданія, Скворода всегда даетъ перевѣсъ духовному началу и даже противопоставляетъ иногда природу Богу. Бесѣдуя съ Ковалинскимъ о вѣчности, онъ говоритъ, что „воля вѣчная, возжелавъ облещи совершенства свои въ явленіе видимости, изъ ничего произвела все то, что существуетъ мысленно и тѣлесно. Сіи желанія воли одѣлись въ мысленности, мысленности въ виды, виды въ вещественные образы. Назначено поприще или кругъ каждому существу по образу вѣчнаго явить силы свои, т. е. изліяніе невидимаго по временной видимости и паки вступить въ свое начало, т. е. въ свое

1) Ibidem 132.

2) «Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ», отл. II, 85.

3) Ibidem 86.

4) «Разглаголь о древнемъ мирѣ», отд. II, 5.

ничто. Край первый и край послѣдній есть единъ, и сіе едино есть Богъ“¹⁾).

Такимъ образомъ самопознаніе или же мудрость въ союзѣ съ добродѣтелью приводитъ человѣка къ сознанію присущаго ему божественнаго начала, въ чемъ и заключается истинное человѣческое счастье.

Въ общежитіи выражается это счастье дѣлами любви къ ближнему, которая есть „законъ природы, самонужднѣйшій для блага человѣческаго, всеобщій, напечатанный въ сердцѣ каждаго, данный каждому существу, даже послѣдней песчинкѣ“²⁾. Въ сущности весь вопросъ о счастьи, не только личномъ, но и всеобщемъ, сводится къ исполненію этого закона, яснаго и простаго, потому и нетруднаго. Итакъ, говорилъ Сковорода, „благодареніе Богу, что трудное сдѣлалъ ненужнымъ, а нужное нетруднымъ“³⁾. Выходя изъ этого положенія, заимствованнаго у Эпикура, Сковорода наложилъ на себя подвигъ самоотреченія. Онъ отказался отъ всѣхъ приманокъ міра, отъ увлеченій суетой жизни. Ему предлагали „монашеское состояніе, обѣщая на семь поприщѣ честь, славу, изобиліе всего, почтеніе и счастливую жизнь“. Сковорода отказался отъ этого предложенія, „полагая монашество въ жизни нестяжательной, малодовольствѣ, въ лишеніи всего ненужнаго, въ отверженіи всѣхъ прихотей, въ обузданіи самолюбія, дабы удобнѣе выполнить заповѣдь любви къ ближнему“⁴⁾. Свобода отъ всѣхъ мірскихъ желаній—въ этомъ, по его мнѣнію, заключался весь смыслъ жизни. „Мнози“, писалъ онъ другу своему Ковалинскому, „глаголють: что дѣлаетъ Сковорода? чѣмъ забавляется? Авъ же о Господѣ возрадуюся, возвеселюся о Бозѣ Спасѣ моемъ! Радованіе есть цвѣтъ человѣческія жизни“⁵⁾. Но этого „радованія“ можно было достигнуть только цѣною убоже-

1) «Житіе Сковороды», Ковалинскаго, отд. II, 19—20.

2) Ibidem, 34.

3) Ibidem и во многихъ другихъ сочиненіяхъ.

4) Ibidem, 10.

5) Ibidem, 26—27.

ства. „Кто не любитъ хлопотъ, тотъ долженъ научиться просто и убого жить“¹⁾. Такъ онъ говорилъ, такъ и жилъ, переходя съ мѣста на мѣсто, отъ однихъ добрыхъ людей къ другимъ,— „непремѣннаго же жилища не имѣлъ онъ нигдѣ, почитая себя пришельцемъ на земли во всемъ разумѣ сего слова“²⁾. Но высшняя форма этой жизни была не выдумана самимъ Сквородой. Онъ былъ представителемъ того типа людей, которые известны подъ именемъ странствующихъ дяковъ, съ тою разницею, что не имѣлъ многихъ ихъ слабостей. И въ самомъ дѣлѣ, по своему, такъ сказать, іерархическому положенію онъ былъ дякомъ, сдѣлавшись таковымъ послѣ того, какъ получилъ увольненіе изъ придворныхъ пѣвчихъ съ званіемъ придворнаго уставщика.

Могли ли быть доступны идеи Сквороды простому народу?

Многія—да, на примѣръ, мысли о счастіи; но метафизическія основы этихъ мыслей едва ли ясны были и для многихъ образованныхъ слушателей его. Скворода далекъ былъ отъ методическихъ приемовъ Сократа—индукціи и опредѣленій, и не столько доказывалъ свои мысли, какъ діалектикъ, сколько внушалъ ихъ, какъ проповѣдникъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ въ рукахъ проповѣдей его, обращенныхъ къ народу. Даже теоретическія воззрѣнія его на народъ намъ известны только по выпискамъ изъ такихъ сочиненій Сквороды, которыя не дошли до насъ въ полномъ своемъ составѣ³⁾. Нѣкоторые скептически относятся въ этимъ выпискамъ⁴⁾, хотя въ нихъ нѣтъ ничего такого, что не соответствовало бы духу и стилю другихъ сочиненій Сквороды. Можно сказать только, что учителемъ народнымъ въ строгомъ смыслѣ этого слова Скворода не былъ. Безъ сомнѣнія, глубокая и, такъ сказать, учительная сила его личности заключалась въ томъ, что слово его не расходилось съ дѣломъ.

1) Басня Чижъ и щигликъ, отд. II, 155.

2) «Житіе Сквороды» Ковалевскаго, отд. II, 29.

3) См. въ статьяхъ Хижеу: «Григорій Варсва Скворода», Телескопъ за 1835 г., XXVI.

4) См. юбилейное изданіе сочиненій Сквороды, отд. I, XVII—XXV.

Сковорода жилъ такъ, какъ училъ, и училъ тому, что самъ исполнялъ въ жизни. Въ этомъ—вся тайна его влiянiя на современниковъ. И однако же не видно изъ его жизни, чтобы онъ свиль себѣ гнѣздо въ средѣ простаго народа. Онъ искалъ прiюта и находилъ его въ средѣ украинской интеллигенциi, съ которой состоялъ въ постоянномъ умственномъ общенiи, какъ мѣстный ораторъ, писатель и учитель. Не безъ основанiя утверждаютъ, что расположенiе къ просвѣщенiю въ дворянствѣ харьковской губерни посѣялъ Сковорода: по крайней мѣрѣ, въ числѣ первыхъ помѣщиковъ, подписавшихся на 612 тысячъ для основанiя харьковскаго университета, были или ученики, или короткiе знакомые и друзья Сковороды. Но на дворянское словiе смотрѣлъ онъ далеко не съ точки зрѣнiя простонароднаго философа. Когда, по порученiю мѣстнаго епископа, спросили его, зачѣмъ онъ въ сочиненiи своемъ, изъ-за котораго оставилъ онъ харьковскiй коллегiумъ, отступилъ отъ обыкновенныхъ мнѣнiй о христанскомъ благодравiи, то Сковорода отвѣчалъ: „дворянство различествуетъ знанiемъ (вѣроятно, званiемъ) и одѣянiемъ отъ черни народнои и монаховъ: для чего же не имѣтъ оному и понятiй различныхъ о томъ, что нужно знать ему въ жизни? Такiя ли прилично ему мысли имѣтъ о верховномъ существѣ, какiя въ монастырскихъ уставахъ и школьныхъ урокахъ“¹⁾ Въ этомъ сословномъ консерватизмѣ нельзя не замѣтить нѣкотораго противорѣчiя съ его собственнымъ убѣжденiемъ, что истина для всѣхъ одна и счастье—тоже одно. Ни однимъ словомъ онъ не отовзался на жгучiе вопросы своего времени, которые рѣшались не въ пользу народа. Равнодушными глазами смотрѣлъ онъ на закрѣпощенiе его, которое на его глазахъ происходило. Оптимистъ по своему мировоззрѣнiю, онъ совѣтовалъ каждому довольствоваться своимъ положенiемъ, „оставаться въ природномъ своемъ званiи, сколько оно ни подлое“²⁾. Въ баснѣ своей „Голова и Тулубъ“ онъ дѣлаетъ такое правоученiе простому народу: „на-

1) «Житiе Сковороды», Ковалинскаго, отд. I, 24.

2) «Алфавитъ мира», отд. II, 121.

родъ долженъ обладателямъ своимъ служить и кормить ихъ¹⁾. Очевидно, отрицая „историческое богочитаніе“, онъ отрицалъ вмѣстѣ съ нимъ и уроки родной своей исторіи, и это не прошло ему даромъ. При всемъ нравственномъ достоинствѣ его личности, было въ ней что-то самодовлѣющее и жесткое... Самое убожество его, которое, повидимому, приближало его къ простому народу, имѣло отчасти декоративный характеръ. Скворода отлично понималъ силу впечатлѣнія, производимаго контрастомъ между его убогимъ видомъ полунищаго и ученою, иногда загадочною его рѣчью. Самолюбію его всегда льстило это впечатлѣніе, которое доставляло ему исключительную роль въ свѣтѣ. Не разъ онъ высказывалъ мнѣніе, что свѣтъ подобенъ театру. „Когда Богъ“, говорилъ онъ въ одномъ собраніи, опредѣлилъ мнѣ „въ низкомъ лицѣ быть на театрѣ свѣта сего, то должно уже мнѣ и въ нарядѣ, въ одѣявіи, въ поступкахъ и въ обращеніи съ степенными, сановными, знаменитыми и почтенными людьми наблюдать благопристойность, уваженіе и всегда помнить мою ничтожность предъ ними“²⁾. Это именно то смиреніе, о которомъ справедливо говорятъ, что оно „паче гордости“. Не могъ Скворода не сознавать своихъ умственныхъ силъ, своего умственного превосходства надъ массою людей, съ которыми ему приходилось встрѣчаться въ жизни. Посылая то или другое сочиненіе свое, по обыкновенію въ рукописи, тому или другому пріятелю, онъ нерѣдко высказывается со всею наивностію авторскаго тщеславія³⁾. Одинъ изъ современниковъ его говоритъ, что „своенравіе, излишнее самолюбіе, не терпящее никакого противорѣчія, слѣпое повиновеніе, котораго онъ требовалъ отъ слушавшихъ его—magister dixit—затмѣвали дарованія его“⁴⁾. Слова эти заслуживаютъ довѣрія въ виду того, что они сказаны были простодушнымъ человѣкомъ, который наивно сознается въ слабостяхъ своихъ, подавшихъ Сквородѣ поводъ назвать его

1) Отд. II, 155.

2) «Житіе Сквороды» Ковалинскаго, отд. II, 26.

3) «Украинская старина» Данилевскаго, 62—63.

4) Ibidem, 41.

„мужчиною съ бабьимъ умомъ и дамскимъ секретаремъ“¹⁾. Не такъ безразлично относился самъ Скворода къ „оглагольникамъ“ своимъ, уязвлявшимъ его самолюбіе. Это было именно самолюбіе людей, которые избрали себѣ въ жизни путь мысли и остались въ сторонѣ отъ заманчивыхъ положеній, доставляемыхъ почестями и богатствомъ. Такое самолюбіе нерѣдко одѣвается въ одежду смиренія. Въ такой одеждѣ и являлся Скворода въ современномъ ему обществѣ.

Еще менѣе можно назвать Сквороду народнымъ писателемъ, хотя нельзя отрицать въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ его мотивовъ народныхъ. Охотно вводилъ онъ въ свою рѣчь церковно-славянскія слова и формы, кромѣ прошедшихъ простыхъ, которыя встрѣчаются у него рѣдко. Даже въ письмахъ своихъ не могъ онъ отрѣшиться отъ высочайшаго церковно-славянскаго, употребляя такія слова, какъ *аще, нели, обаче*, иногда даже заканчивая письма свои словомъ *аминь*²⁾. Нужно замѣтить при этомъ, что, по свидѣтельству Ковалинскаго, Скворода на письмѣ „употреблялъ иногда малороссійскія нарѣчія и правописаніе, употребляемое въ произношеніи малороссійскомъ: онъ любилъ всегда природный языкъ свой“³⁾. По всей вѣроятности, въ устныхъ бесѣдахъ своихъ онъ предпочиталъ рѣчь малорусскую. Есть и въ письменныхъ произведеніяхъ его значительная доля словъ и формъ малорусскихъ. Но рядомъ съ этими послѣдними мы встрѣчаемъ слова и формы великорусскія, напримѣръ: *давича* (отд. II, 241), *возь* (293), *въть* (ib.), *братецъ* (84), *лоточка* (270), *не безъ чинишка* (238), *нечиво* (151), *всіо* (293), *въ серіодкѣ* (151), *живіюшь, поіюшь, вріюшь* (293), *войдіотъ* (ib.) и т. п. Не легко иногда разобратъ въ этомъ хаосѣ словъ, то различныхъ по значенію и по происхожденію, то сходныхъ по значенію, но различныхъ по происхожденію. Безсознательно для самого себя писатель дѣлаетъ все, чтобы выразить мысль свою самымъ не-

1) Ibidem.

2) Ibidem, 56.

3) «Житіе Сквороды», отд. II, 40.

естественнымъ образомъ, употребляя слова то церковно-славянскія, то малорусскія, то великорусскія. Насилія надъ языкомъ въ произведеніяхъ Сквороды доходятъ до того, что онъ импровизируетъ особенныя формы, не то малорусскія, не то великорусскія, напримѣръ: *взянь* (отд. II, 241), *обиходься* (288), *спъвая* (262), *не спрятаешся* (305), *сдълався* (363), *неколи* (238), *дуракови* (239) и проч. Подчиняясь разнообразнымъ вліяніямъ рѣчи, то книжной, то разговорной, то городской, то сельской, онъ какъ бы утратилъ самое чувство ея. Въ самомъ дѣлѣ, какъ иначе объяснить то обстоятельство, что Скворода называетъ малороссійскими пѣснями тяжелыя силлабическія вирши? Такъ, въ одномъ изъ трактатовъ „Брань архистратига Михаила съ сатаною“ помѣщены слѣдующія вирши, подъ которыми сдѣлана выноска самимъ авторомъ: „сія пѣснь есть изъ древнихъ малороссійскихъ и есть милая икона, образующая весну: она простаива“:

„Зима преjde. Солнце ясно
 Мыру откры красно.
 Изъ подземной клѣти явишася цвѣты,
 Мравомъ прежде побіенны.
 Уже всѣ райскія птицы
 Испущенны изъ темницы,
 Повсюду лѣтають, сладко воспѣвають,
 Веселія исполненны.
 Зелены поля въ травы,
 Шумящія въ листь дубравы
 Встають одѣваясь, смотря возсмѣваясь,
 Ахъ, коль сладко тамъ взирати!“¹⁾

Можно было бы подумать, что названа эта „милая икона“ малороссійскою не въ смыслѣ языка, а въ смыслѣ происхожденія. Но вотъ отрывокъ изъ оды Горація, перетолкованной *малороссійскимъ діалектомъ*, какъ говоритъ самъ Скворода въ заглавіи въ своемъ произведеніи:

¹⁾ Отд. II, 215.

„Ахъ, ничемъ мы не довольны: се источникъ всѣхъ скорбей!

Разныхъ умъ затѣвъ полный—вотъ источникъ мятежей!
Поудержмо духъ несытый! Полно мучить краткій вѣкъ!
Что ль намъ дастъ край знаменитый? Будешь тоже
человѣкъ.

Вить печаль вездѣ летаетъ, по землѣ и по водѣ,
Сей бѣсъ молній всѣхъ быстрае, можетъ насъ сыскать
вездѣ.

Будьмо тѣмъ, что Богъ далъ, рады, разбиваймо скорбь
шутя.

Полно насъ червямъ снѣдати: вить есть чаша всѣмъ
людямъ.

Славны, напримѣръ, герои, но побиты на поляхъ.
Долго кто живеть въ покоѣ, страждеть въ старыхъ тотъ
лѣтахъ.

Васъ Богъ одарилъ грунтами, но вдругъ можетъ то
пропасть,

А мой жребій съ голяками, но Богъ мудрости далъ
часть“ 1).

Называя языкъ этого перевода малороссійскимъ, Скворода, очевидно, не имѣлъ отчетливаго представленія о той рѣчи, на которой писалъ стихами и прозой. Не удивительно поэтому, что сочиненія его, особенно прозаическія, были недоступны для простого народа не только по содержанію, но и по языку. Ближе къ пониманію народному стояли стихотворенія Сквороды, но прежде чѣмъ перейти въ народное обращеніе, они должны были потерпѣть значительныя измѣненія въ языкѣ. Къ числу такихъ стихотвореній относится, между прочимъ, извѣстная сатирическая пѣсня, начинающаяся словами: „Всякому городу нравъ и права“ и распространенная во многихъ редакціяхъ книжныхъ, полународныхъ и народныхъ 1). Любопытно, что

1) Отд. II, 278—279.

2) См. Альманахъ 1835 г. «Утренняя звѣзда», гдѣ помѣщены для сличенія двѣ редакціи этой пѣсни. См. также Данилевскаго «Украинская старина», стр. 84, «Воронежскій литературный сборникъ»,

Сковорода слагалъ иногда свои вирши подѣ вліяніемъ народныхъ пѣсенъ, заимствуя изъ нихъ не столько поэтическіе образы, сколько общія идеи, болѣе или менѣе подходившія подѣ его философское міровоззрѣніе. Симпатіи его къ народной пѣснѣ и къ народному слову, повидимому, наталкивали его на путь народнаго писателя. Къ тому же располагалъ и народный складъ его сатирическаго ума, склоннаго къ рефлексіи. Но Сковородѣ не доставало серьезныхъ увлеченій судьбою того самаго народа, въ средѣ котораго онъ родился. Идеалистъ по натурѣ, онъ не могъ пойти вслѣдъ за тѣми земляками своими, которые въ новыхъ порядкахъ жизни искали личнаго счастья,—не могъ также увлекаться и старыми идеалами, которые въ его время теряли свое обаяніе. Поэтому онъ создалъ для себя особенную сферу отвлеченныхъ положеній, въ которыхъ не было и слѣда общественнаго самосознанія. Всѣ силы души своей онъ обратилъ на то, чтобы приладить эти положенія къ личной жизни своей. Всякая другая работа внѣ этой субъективной сферы самоусовершенствованія казалась ему ниже его достоинства. Онъ гордо отвернулся отъ современной ему общественности, не интересуясь вопросомъ, откуда она произошла и куда она ведетъ. Отсюда — противорѣчія и натяжки въ его убѣжденіяхъ и симпатіяхъ, отсюда же и бессознательность его въ самомъ способѣ литературнаго изложенія.

Такимъ образомъ славяно-малорусская рѣчь, постепенно воспринимая великорусскіе элементы, должна была выйти изъ литературнаго употребленія, уступивъ свое мѣсто литературной русской рѣчи, которою вполне уже владѣли ученики Сковороды. Въ этомъ мы отчасти могли убѣдиться по выдержкамъ изъ сочиненія одного изъ нихъ—Ковалинскаго.

Теперь обратимся къ судьбѣ книжной малорусской рѣчи въ XVIII вѣкѣ.

1861 г. вып. I, стр. 254, «Сочиненія Сковороды», Слб. 1861, №№ VIII, IX, стр. 11—12, наконецъ, юбилейное изданіе сочиненій Сковороды, 1894 г., отд. II, стр. 266—267.

VII.

Произведенія уніатской печати, написанныя книжною малорусскою рѣчью въ XVIII в.

Замѣтимъ прежде всего, что въ XVIII в. писатели малорусскіе какъ будто бы охладѣли къ печатанію своихъ сочиненій. Думаемъ такъ на томъ основаніи, что ни одно изъ произведеній, о которыхъ говорили мы выше, за исключеніемъ „Панегирика“ Теофана Прокоповича, не было напечатано. Можетъ быть, одною изъ причинъ этого явленія было сознаніе, что славяно-малорусская рѣчь со всѣми особенностями ея правописанія не годится для всероссійскаго употребленія. И въ самомъ дѣлѣ, она не соотвѣтствовала гражданской печати, заведенной Петромъ Великимъ.

То же самое, и еще въ большей степени, мы должны сказать о книжной малорусской рѣчи. По своимъ особенностямъ лексическимъ и грамматическимъ она еще дальше стояла отъ литературной русской рѣчи, поэтому писавшіе этой рѣчью еще менѣе могли рассчитывать въ XVIII в. на распространеніе ея путемъ печати.

Въ прежнее время сама Украина собственными своими силами должна была отстаивать свою умственную и нравственную независимость, противъ которой направлены были всѣ усилія католической Польши, манившей къ себѣ верхніе слои малорусскаго народа всѣми соблазнами политической и религіозной униі. Не поддался народъ этимъ соблазнамъ и выдвинулъ для защиты своего національнаго существованія, какъ боевыя, такъ и культурныя средства. Къ послѣднимъ относились литературныя произведенія, въ которыхъ объяснялось и защищалось ученіе „благочестивой“ вѣры, съ ея догматами и обрядами, съ ея общественно-народными институціями, которыя давали возможность всѣмъ слоямъ малорусскаго народонаселенія подавать свой голосъ въ дѣлахъ вѣры. Печатались эти произведенія въ мѣстныхъ типографіяхъ для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей народа, поэтому не считалось дѣломъ страннымъ или необычнымъ упо-

требленіе въ этихъ произведеніяхъ такой рѣчи, которая была болѣе доступна народному пониманію, т. е. рѣчи книжной малорусской.

Въ XVIII вѣкѣ политическая обстановка лѣвобережной Украины существенно измѣнилась. вмѣсто польскаго государственнаго строя, страдавшаго слабостію центральной власти, явилась власть твердая и энергическая. На лѣвой сторонѣ Днѣпра уже невозможны были религіозныя преслѣдованія. Напротивъ того, „благочестивая“ вѣра нашла въ единовѣрномъ государствѣ поддержку и защиту. Самыя средства религіознаго просвѣщенія должны были измѣниться. Это уже были не мѣстныя средства, вызванныя опасеніями за свободу религіозной совѣсти, за самое бытіе праотеческой вѣры. Это были общегосударственныя средства, предназначенныя не для одной Малороссіи, но для всей Россіи. Вотъ почему въ XVIII вѣкѣ, особенно во второй половинѣ его, въ лѣвобережной Украинѣ казалось уже страннымъ писать богословскія сочиненія книжною малорусскою рѣчью. Тѣмъ болѣе показалось бы страннымъ печатать тѣ изъ нихъ, которыя написаны были языкомъ Голятовскаго и Радивиловскаго.

Не то было въ правобережной Украинѣ. Она оставалась еще подъ властію Польши, которая съ неодолимою силой роковыхъ страстей и предубѣжденій выдвигала религіозный вопросъ какъ будто бы для того, чтобы ускорить свое паденіе. Со времени андрусовскаго мира (1667 г.) она не переставала стремиться къ завѣтной мечтѣ, подсказанной іезуитами, провести чрезъ унію на лоно католической церкви ту часть малорусскаго народа, которая входила въ составъ Рѣчи Посполитой. Теперь уже ревнители католичества могли рассчитывать на осуществленіе этой мечты: козачество не могло прійти на защиту православія, а духовенство, мѣщанѣ и крестьяне, лишеныя политическихъ правъ, не могли, повидимому, выдержать дружнаго натиска католической пропаганды. Мы не станемъ слѣдить за этой пропагандой. Скажемъ только, что она шла тѣми же путями, какъ и въ XVII вѣкѣ—путемъ угнетенія православнаго духовенства и привлеченія его въ унію матеріальными выгодами.

До самаго конца XVII в. православныя епархіи оставались православными, благодаря двусмысленному поведенію нѣкоторыхъ епископовъ, тайно принявшихъ унию, но не заявлявшихъ объ этомъ своей паствѣ. Когда же сняли они маску, то оказалось, что изъ пяти православныхъ епархій въ Польшѣ сохранила вѣрность православію одна только бѣлорусская. Послѣ этого униа признава была въ Польшѣ единственною законною церковью греческаго обряда, и политика двуличія смѣнилась политикой открытаго насилія. Памятникомъ этого насилія была униатская литература XVIII в. Она хотѣла регламентировать народную совѣсть, ввести ее въ тотъ кругъ религіозныхъ представлений, источникомъ которыхъ было не религіозное одушевление, а политическій оппортунизмъ, сводившій весь вопросъ о народномъ просвѣщеніи къ спасенію души подъ условіемъ соединенія съ римскою церковью:

„Кто хочетъ душу вѣчне спасти свою,
 Нехъ той примаеть вѣрою живую
 Съ Церквою Рима соединеніе,
 Бо на томъ виситъ всѣхъ насъ спасеніе“.¹⁾

Книга, изъ которой выписали мы эти стихи, издана была въ 1778 г. базилианами—монахами почаевской лавры. Учрежденъ былъ этотъ орденъ еще въ XVII в. при униатскомъ митрополитѣ Іосифѣ Рутскомъ (1613—1637), но особенное значеніе приобрѣлъ онъ послѣ того, какъ православныя епархіи, остававшіяся въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой, перешли въ унию. Состоя въ зависимости отъ одного папы, базилиане почти не признавали власти мѣстныхъ епископовъ. Они завладѣли управленіемъ униатской церкви, присвоили себѣ болѣе значительные монастыри съ ихъ земельными угодьями и доходами, отняли у бѣлаго духовенства лучшіе приходы. Какъ ученики іезуитовъ, они старались распространять унию посредствомъ школы: съ этою цѣлью они завладѣли, какъ низшими, такъ и высшими школами.²⁾ Но, конечно, смотрѣли они на унию, какъ

¹⁾ «Пѣснь катихизмова» изъ книги «Народовѣщаніе».

²⁾ Historia szkół Lukaszewicza, 1849 г., т. I, 354, т. II, 263—277.

на переходную стадію, поэтому они далеки были отъ тѣхъ религіозныхъ настроеній, которыми руководились нѣкогда создатели православныхъ школъ. Обученіе въ базилианскихъ школахъ происходило на языкѣ польскомъ, изученіе же церковно-славянскаго языка совсѣмъ было запущено. Случалось иногда, что воспитанники базилианъ, поступивъ на приходы, отправляли богослуженіе по тетрадкамъ, на которыхъ церковныя службы написаны были латинскими буквами. Вообще же къ образованію низшаго духовенства базилиане относились съ пренебреженіемъ, поэтому епископы нерѣдко вынуждены были рукополагать въ священники людей полуграмотныхъ. На этихъ священниковъ базилиане смотрѣли глазами католическаго духовенства, сочинившаго извѣстную пословицу: Pan Bóg stworzył pora dla chłopa, a plebana dla pana.

Но такъ или иначе, а съ этимъ хлопомъ нужно было считаться. Привыкъ онъ къ обрядамъ своей церкви и къ богослужебному языку ея, поэтому нужно было сочинить такія книжки, которыя могли бы служить руководствомъ для сельскихъ пастырей, чтобы они могли „простимъ языкомъ русскимъ простѣйшій народъ поучати“, воспитывая его „въ единеніи съ церквію Рима“. 1) Въ изданіи такихъ книжекъ больше всего потрудились базилиане—особенно послѣ того, какъ овладѣли они почаевскимъ монастыремъ и возобновили его типографію (1720—1725 г.). Не входя въ подробный разборъ этихъ изданій, мы укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ только лишь для того, чтобы познакомиться съ педагогическими приѣмами униатскихъ просвѣтителей.

Въ 1722 г. напечатано было въ монастырѣ супрасльскомъ „чину святаго Василия Великаго“ „Собраніе припадковъ краткое и духовнымъ особамъ потребное“. Книга эта заключаетъ въ себѣ ученіе о таинствахъ, о десяти заповѣдяхъ Божіихъ, изясненіе символа вѣры и молитвы „Отче нашъ“ и „Богородице дѣво“, „такжеде науку, како подобаетъ наставляти малыхъ

2) «Народовѣщаніе», 1778 г.

или невѣжовъ“. Издава она была, какъ говорится въ предисловіи, по распоряженію замойскаго собора, состоявшагося въ 1720 г. при уніатскомъ митрополитѣ Леонѣ Кишкѣ. Это тотъ самый соборъ, отъ котораго ведетъ начало свое цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ въ сліянію уніи съ католичествомъ. Душею этого собора были базилиане, добившіеся на немъ постановленія, чтобы епископами назначались монашествующіе, какъ надежные слуги папской власти, непосредственно ей подчиненные. Изъ окружнаго посланія Афанасія Шептицкаго, преемника Кишки по званію митрополита, мы узнаемъ, что замойскій соборъ созванъ былъ главнымъ образомъ для исправленія „росскихъ книгъ, аще въ нихъ поползновенія и преткновенія обрящутся“, несогласныя съ ученіемъ римской церкви. И дѣйствительно, не мало въ нихъ оказалось „поползновеній и преткновеній“, которыя митрополитъ предлагаетъ устранить. Въ Тріоди постной 1717 г. вмѣсто словъ: „да вѣчнаго огня избавить“ положи тіе: „да милостивно муъ очистительныхъ избавить“. Въ молитвословѣ 1720 г. вмѣсто словъ: „спаси, Господи, и помилуй святѣйшихъ архіепископовъ, вселенскихъ патріарховъ“, положи тіе: „святѣйшаго архіерея вселенскаго, имя рекъ, пану римскаго“. Въ Трифолоѣ 1694 г. слова: „Духъ святой отъ Отца одинаго исходитъ“ вымажь „единаго“, а положи такъ: „отъ Отца и Сына исходяща“. Что касается до „Собранія припадковъ“, то основная задача этой книги—сообщить мало подготовленнымъ пастырямъ церкви *minimum* богословскихъ знаній, необходимыхъ въ церковно-религіозной практикѣ,—при чемъ въ самомъ началѣ книги дѣлается предостереженіе, что каждый годъ четыре раза епископъ будетъ посылать нарочитыхъ мужей для испытанія въ познаніи ея. Въ текстъ книги введены три языка: до 137 листа—церковно-славянскій въ славяно-русской редакціи, отъ 137—книжный малорусскій и параллельно на соответствующихъ страницахъ—польскій. Къ концу книги приложенъ „Лексиконъ сирѣчь словесникъ славенскій, имѣющъ въ себѣ слова первѣе славенскія азбучныя, по семь же полскія“. Словарь этотъ изданъ въ виду того, что едва сотый іерей зналъ

пославянски, въ чемъ убѣдился самъ епископъ „съ неисчетною болѣстію сердца“. Невольно эти польскія объясненія славянскихъ словъ заставляютъ насъ вспомнить о „Лексиконѣ словеноросскомъ“ Памвы Берывды, который для объясненія славянскихъ словъ обращался къ книжной малорусской рѣчи, или же объ изданной нами рукописи: „Синонима славеноросская“, гдѣ замѣтно стремленіе вытѣснить изъ самой книжной малорусской рѣчи польскія слова¹⁾. Приходится намъ повторить здѣсь общеизвѣстную истину, что унія опиралась на культуру польскую и на языкъ польскій.

Въ 1751 г. напечатано было въ монастырѣ почаевскомъ тоже монахами „чину святаго Василя Великаго“ „Богословіе правоучительное“. Это ничто иное, какъ распространенное и улучшенное „Собраніе припадковъ“—съ тѣмъ же порядкомъ въ распредѣленіи статей, съ тѣмъ же двойнымъ текстомъ малорусскимъ и польскимъ, начиная съ листа 105, и съ славяно-польскимъ лексикономъ въ концѣ. Упоминаемъ объ этой книгѣ, потому что она была настольною книгой уніатскаго священства, замѣняя для него школьную науку, и не разъ издавалась въ послѣдствіи²⁾.

Но какъ учить народъ? На какомъ языкѣ проповѣдывать ему? И объ этомъ позаботились базилиане. Они издавали въ томъ же почаевскомъ монастырѣ сборники поученій подъ разными наименованіями: „Сѣмя слова Божія“ 1781 г., „Бесѣды парохіальныя“ 1789 г., „Науки парохіальныя“ 1794 г. Особенно любопытенъ этотъ послѣдній. Въ предисловіи переводчикъ объясняетъ

¹⁾ См. объ этомъ нашъ «Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в.».

²⁾ Отъ этой книги нужно отличать «Богословіе правоучительное изъ богословія Антоіне... римскимъ діалектомъ писаннаго... на русскій діалектъ вкратцѣ переведенное». Это тоже почаевское изданіе. Первое, по Ундольскому, относится къ 1776 г. Въ библіотекѣ кievской Духовной академіи мы видѣли изданіе 1779 г. Составъ книги не тотъ, что въ «Богословіи правоучительной» 1751 г. Всѣ статьи строго соглашены съ порядкомъ таинствъ, нѣтъ особыхъ отдѣловъ о Символѣ вѣры, о заповѣдяхъ Божіихъ, нѣтъ лексикона. Во всей книгѣ языкъ церковно-славянскій, нѣтъ книжнаго малорусскаго.

происхожденіе „наукъ парохіалныхъ“, которыя первоначально переведены были съ италіанскаго языка на польскій, съ польскаго на „славенско-русскій“, а потомъ уже „простымъ и привычнымъ русскаго языка, бесѣды посполитымъ способомъ предложены для лавѣйшаго простыхъ людей и неуквовъ вирозумленія и спасеннаго онихъ пожитку“. Онъ думаетъ, что „въ предложеніи сихъ наукъ“ многія слова и выраженія покажутся разнымъ читателямъ „неуживаемыми и неугодными“, но причина этого, по его мнѣнію, заключается въ самихъ свойствахъ русскаго языка. „Вѣдомо бо есть тебѣ, благоговѣйный читателю“, говоритъ онъ, „же въ русской сей простой, въ Полщѣ привычной и посполитой бесѣдѣ, слова и способности ихъ выраженія суть рожніи и не всѣмъ одинакові: на Волянню иншіи, на Подолію и на Украинѣ иншіи, въ Полѣсью иншіи. Для того въ одномъ томѣ наукъ предложеніи, не могохъ всѣмъ тако не согласующимся и разнствующимъ въ рожномъ ихъ бесѣдѣ несогласіи подлугъ моего угодили желанія. Но ты, всечестный и благоговѣйный читателю, поневажъ всегда зъ людьми твоей паствѣ врученными живещи и съ ними всегда бесѣдуещи и добре способъ ихъ бесѣды и словъ выраженія знаещи, для того лавво можещи сія краткія науки читаючи, такъ имъ слова выражати, якъ они между собою бесѣдовати обыкоша и якъ имъ пріятнѣйше“. Въ выписанныхъ нами строкахъ мы встрѣчаемъ тѣ самыя выраженія, которыя, начиная со второй половины XVI вѣка, употребляли защитники „благочестивой“ вѣры въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходилось укрѣплять ее въ сознаніи „простыхъ“ людей. И они обращались тогда къ „простой мовѣ“, къ „русской мовѣ“, къ „языку русскому“, разумѣя подъ нимъ народный малорусскій языкъ. Нельзя сказать, чтобы они твердо и неуклонно стояли на почвѣ этого языка: и для нихъ, какъ для монаховъ „чину Василія Великаго“ народный языкъ былъ только орудіемъ религіозной борьбы. Но большая разница въ томъ, что вели они борьбу для самозащиты—оборонительную, а не наступательную. Такъ или иначе, они сознавали, что православіе съ его соборнымъ началомъ церковно-религіозной жизни болѣе соотвѣтствуетъ народному міровоззрѣнію, чѣмъ уніа

съ ея подавляющимъ авторитетомъ церковной іерархіи. Такимъ образомъ, прибѣгая къ народному языку для защиты православія, они не видѣли противорѣчія между средствомъ и цѣлю, и можно было бы пожелать имъ только большей послѣдовательности и настойчивости въ употребленіи этого средства. Совсѣмъ иное мы видимъ, когда въ народномъ языкѣ ищутъ опоры для того, чтобы привить къ народу понятія, чуждыя его духовной сущности. Тутъ уже нѣтъ сочувственнаго уваженія къ народу и языку его, нѣтъ и вѣры въ народъ, въ его творческія силы. Тутъ господствуетъ одна мысль, одно стремленіе—привести народъ къ послушанію святѣйшему папѣ римскому, стремленіе, возникшее не изъ религіозныхъ потребностей народа, а изъ клерикальныхъ расчетовъ и соображеній, осложненныхъ вліяніемъ страстей, ничего общаго съ религіей не имѣющихъ. Это методъ педагогическаго приспособленія къ народу, вовсе не рассчитанный на то, чтобы вызвать въ немъ самостоятельность мысли и чувства.

Такого же метода держались и составители Богогласника—книги, весьма распространенной въ униатскомъ мірѣ¹⁾. Въ составъ ея вошли, между прочимъ, пѣсни духовнаго содержанія, небезызвѣстныя народу. Есть между ними и такія, которыя встрѣчаются нерѣдко въ рукописныхъ сборникахъ прошлаго вѣка, предшествовавшихъ появленію Богогласника: сюда относятся нѣкоторыя „умилительныя“ пѣсни, помѣщенные въ четвертой части Богогласника, а также рождественскіе канты, вошедшіе въ дополнительный отдѣлъ первой части. Любопытно заглавіе этого отдѣла: „иныя пѣсни на Рождество Христово вмѣсто не богоугодныхъ обычныхъ колядъ простымъ пѣвцемъ служація“. Такимъ образомъ Богогласникъ дѣлаетъ уступки „простымъ пѣвцемъ“, но только тѣмъ, которыя согласны съ его религіозно-поучительными цѣлями. Чтобы достигнуть этихъ цѣлей, онъ критически относится къ своему матеріалу, заимствуя его исключительно изъ письменныхъ источниковъ. Изъ предисловія

1) Головацкій относитъ первое изданіе Богогласника къ 1790, а второе сокращенное къ 1805 году. Мы пользовались позднѣйшимъ изданіемъ 1825 г. Всѣ изданія почаевскія.

узнаемъ мы, что не вошли въ него пѣсни, „худо и не-искусно составленныя“, не вошли также тѣ пѣсни, которыхъ „не возможно увѣдати приличнаго имъ гласа“. Что касается пѣсенъ, „добрѣ сочиненныхъ и по своему гласованію увѣданныхъ“, но неискусными писцами испорченныхъ, то онѣ исправлены и переработаны, и въ такомъ видѣ пѣвцамъ и слушателямъ предложены, „аки снѣдь, иными смаки утворенная, аки потемненное серебро, седмирицею очищенное“. Къ этому мы должны прибавить, что многія пѣсни заново сочинены разными авторами на славяно-малорусскомъ и польскомъ языкахъ. Большою частію сочиняли пѣсни сами же базилиане, но въ числѣ авторовъ, и именно польскихъ пѣсенъ, были и законники „towarzystwa Iezusowego“, были и свѣтскіе люди. Такъ сложилась книга, предназначенная, какъ для церковнаго, такъ и для домашняго употребленія, въ кругу людей духовныхъ и мірскихъ, старыхъ и молодыхъ. Въ ней, говорятъ составители ея, обращаясь къ любителямъ душеспасительнаго пѣнія,

„Ветхія и новыя (пѣсни) обратишь себѣ,

И старѣйшимъ, и юнѣйшимъ угодити тробѣ“.

Но слабость уніи и заключалась именно въ томъ, что она, всѣмъ угождая, никого не удовлетворяла. Напрасно она усиливалась найти поддержку въ народѣ, отказываясь въ то же время отъ его историческихъ преданій. Напрасно также ожидала она помощи отъ католичества, которое не могло уважать ее, какъ сильнаго противника, сознающаго свое нравственное достоинство. Она была ему нужна для борьбы съ православіемъ; тамъ же, гдѣ эта борьба оканчивалась торжествомъ уніи, католики не могли ужиться съ нею. Въ каждой попыткѣ ея къ самозащитѣ они видѣли доказательство того, что она снова готова была возвратиться въ православіе. Чтобы отрѣзать ей всѣ пути къ огступленію, торопились какъ можно скорѣе покончить съ нею. Такъ начались гоненія на самую унію въ тѣхъ областяхъ, гдѣ она не нужна была, какъ противовѣсъ православію. Вообще же можно сказать, что едва ли бы она уцѣлѣла въ польскомъ го-

сударствѣ, если бы не наступилъ первый раздѣлъ его, послѣ котораго Червоная Русь отошла къ Австріи, гдѣ унія нашла защиту и покровительство въ новомъ правительствѣ, которое не имѣло надобности сводить съ нею личные счеты.

Что сказали мы объ уніи, то же должны сказать и объ уніатской литературѣ XVIII в. Не было въ ней ни выдающихся произведеній, ни такихъ значительныхъ именъ, какъ имена Ѳ. Прокоповича, Конисскаго, Сковороды. Она имѣла церковно-оффиціальныи характеръ, не выходя за границы того, что удовлетворяло потребностямъ религіозной мысли. Безъ сомнѣнія, и въ этой области возможна игра фантазіи, свободные порывы чувства, возможно отраженіе народной психологіи, народныхъ настроеній, не исключая даже юмористическихъ, что и видимъ мы въ народныхъ малорусскихъ виршахъ, созданныхъ подъ режимомъ старинной „благочестивой“ вѣры, отличавшейся терпимостью. Такого рода творчество не могло найти поддержки тамъ, куда проникла уніатская регламентація, руководимая духомъ партіи, убѣжденной, что народъ есть масса, изъ которой можно лѣпить, что угодно. Въ этихъ условіяхъ чисто нравственнаго свойства заключается причина, почему книжная малорусская рѣчь, преобладавшая въ уніатскихъ произведеніяхъ XVIII вѣка, не могла развиваться дальше того предѣла, до котораго она дошла въ XVII вѣкѣ.

Но, можетъ быть, унія, угнетаемая католическими творцами ея въ польскихъ областяхъ, могла вызвать болѣе сильную литературную производительность въ Австріи, гдѣ предоставлено ей было болѣе прочное существованіе.

Не видно этого изъ фактовъ.

Извѣстно, что Іосифъ II, какъ убѣжденный поклонникъ просвѣтительныхъ идей XVIII вѣка, выступилъ съ цѣлымъ рядомъ реформъ, направленныхъ къ уничтоженію рабства, унижающаго человѣческое достоинство. Нигдѣ эти реформы не были такъ своевременны, какъ въ галицкой Руси, гдѣ крестьяне томилась въ панской неволѣ, гдѣ дворяне были не только привилегированнымъ сословіемъ, но и своего рода государствомъ въ

государствѣ. Не забудемъ, что до 1768 г. польскій панъ могъ распоряжаться не только имуществомъ, но и жизнію своихъ „подданныхъ“. Въ 1782 г. сдѣлана была законодательная попытка положить конецъ этому безправію. Крестьяне освобождены были отъ крѣпостной зависимости, но безъ земли. Оставляя землю своего пана, они могли переселяться, куда имъ было угодно, заниматься ремесломъ, какимъ имъ было угодно. Продолжая жить на землѣ пана, они исполняли разныя повинности, но строго ограниченныя инвентарями. Это слабая сторона реформы, та полуоткрытая дверь, чрезъ которую крѣпостные порядки снова могли проникнуть въ послѣдствіи. Какъ бы то ни было, но и то, что получили галицкіе крестьяне, было нѣчто невиданное и неслыханное въ старинной Польшѣ. Этого мало. Такъ какъ крестьяне были малороссіяне, а не поляки, то правительство вынуждено было поднять умственный уровень ихъ для того, чтобы они могли защищать свои права, однимъ словомъ— позаботиться о народномъ образованіи. Кому же было заняться этимъ дѣломъ, какъ не пастырямъ церкви? Но мы уже знаемъ, что и эти послѣдніе большею частію были люди необразованные. Отсюда явилась необходимость учредить въ самомъ Львовѣ русскую семинарію (1783 г.), въ которой богословскіе и философскіе предметы должны были преподаваться на русскомъ языкѣ. По мысли учредителя, будущіе просвѣтители народа должны были знать языкъ его, поэтому и сами должны были учиться на языкѣ прихожанъ своихъ. Въ 1784 г. основанъ былъ въ Львовѣ университетъ, а въ 1787 г. разрѣшено было и въ университетѣ преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ на русскомъ языкѣ, для чего назначены были два профессора — Петръ Лодій на философскую кафедру и Андрей Павловичъ на математическую. Такъ изъ соціального вопроса самъ собою возникъ вопросъ національный, а изъ этого послѣдняго вопросъ о просвѣщеніи, и притомъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ.

Какъ же воспользовалась галицкая Русь этими благоприятными условіями для своего развитія?

Нечего и говорить, что поляки отнеслись крайне неблагожелательно къ лекціямъ въ университетѣ на русскомъ языкѣ: они называли ихъ „Winkelschulen“, а русскихъ воспитанниковъ „алилуями“. Но и сами русины галицкіе, какъ говоритъ одинъ старинный ученый ихъ, „не оцѣнили вниманія къ нимъ правительства: вмѣсто того, чтобы положить материнскій языкъ въ основу своего образованія, они видѣли пониженіе своего достоинства въ томъ, что богословскія и философскія науки преподавались имъ не на латинскомъ языкѣ, какъ нѣмцамъ и полякамъ, и потому просили объ отмѣнѣ постановленія о лекціяхъ на русскомъ языкѣ“¹⁾. То же самое говорятъ и позднѣйшіе ученые галицкіе Я. Головацкій и О. Огоновскій²⁾. Очевидно, реформа застала убогую Русь, одичавшую подъ тяжестью духовнаго и матеріальнаго рабства, какъ говорится, въ-расплохъ. Выходя изъ того убѣжденія, что не устный, а книжный языкъ служитъ признакомъ образованности народной, галицкіе ученые начали преподавать въ университетѣ на церковно-славянскомъ языкѣ, называя его россійскимъ языкомъ. Чтобы составить понятіе о томъ, что разумѣлъ Лодій подъ россійскимъ языкомъ, достаточно выписать нѣсколько строкъ изъ предисловія его къ переводу „нравственной философіи“ Баумейстера. „Во исполненіе всемілостивѣйшаго намѣренія императорскаго“, говоритъ переводчикъ, „Высочайшее Виденское наукъ правительство при возбужденіи сихъ училищъ 1787 года опредѣлило, да дѣло Христіана Баумейстера въ любомудріи умозрительномъ и дѣйствительномъ преподается, и не по мнозѣ повелѣно быше, да на россійскій языкъ предложится, что понеже трудовъ моихъ касашеся, немедленно дѣлу руцѣ приложихъ, и по мѣрѣ силъ, аще и въ недостатку нужныхъ къ переведенію средствѣй сый единою для пользы учащагося юно-

1) Grammatik der ruthenischen oder Kleinrussischen Sprache in Galizien von I. Levicki, 1834 г.

2) Научовый сборникъ, 1865 г., ст. Я. Головацкаго: «о первомъ литературно-умственномъ движеніи русиновъ въ Галиціи». Исторія литературы русков, О. Огоновскаго, 1889 г., ч. II, вид. I.

шества галиційскаго предложихъ. Сея ради причины да не почувдятся простымъ иногда выраженіямъ благосклонный читатель! но наче трудившемуся благоутробно да простигъ при новонасажденномъ благополучія дровѣ о новопроизрастшемъ радуясь плодѣ¹⁾. Повидимому, въ этой книгѣ „благоутробно“ прощать нечего... Были и другія попытки передать высшую науку на такомъ же „россійскомъ“ языкѣ, съ такими же извиненіями за употребленіе „простыхъ выраженій“. Въ 1790 г. появился переводъ церковной исторіи Давненмайра съ предисловіемъ отъ переводчика, который говоритъ: „еже касается перевода, зане часть выраженій простыхъ употребихъ, сего да не кто мнѣ отъ иностранныхъ въ зло вмѣняетъ. Сей бо трудъ мой едино токмо намѣряетъ къ ползѣ юношества русскаго галиціанскаго въ сѣятилицы лвовскомъ рускомъ богословію учащихся и прочихъ въ тойже области свойственнымъ образомъ глаголющихъ“²⁾. И здѣсь, какъ въ трудѣ Лодія, никакого „свойственнаго глаголанія“ не было,—не было даже книжной малорусской рѣчи, которую, безъ сомнѣнія, допускали преподаватели въ устныхъ бесѣдахъ съ учащимся юношествомъ, не отвергая ее и въ сочиненіяхъ церковно-богословскаго содержанія.

Такимъ образомъ благоприятная минута для возрожденія галицкой Руси была упущена. Послѣ смерти Іосифа II (1790) положеніе галицкихъ униатовъ становится все хуже и хуже. Французская революція охладилла прогрессивное настроеніе въ правящихъ кругахъ всей Европы. Наступила и въ Австріи реакція. Она выразилась въ сближеніи правительства съ польскимъ дворянствомъ. Были и мѣстныя причины этого сближенія. Послѣ окончательнаго раздѣла Польши, въ Украинѣ, въ Подоліи и на Волыни все униатское духовенство съ своими прихожанами перешло въ православіе. Поляки не замедлили объяснить правительству, что они не могутъ рассчитывать на вѣрность униатовъ, которые тянутъ къ Россіи, и что единственная опора его есть

¹⁾ Исторія литературы русскои, О. Огоновскаго, ч. II, від. I, стр. 52.

²⁾ Ibidem, 55.

шляхта въ союзѣ съ католичествомъ. Отсюда возникла мысль объ учрежденіи митрополіи въ самой Галиціи, чтобы уніаты не смотрѣли по сторонамъ и не помышляли о связи своей съ Кіевомъ. Въ 1808 г. поставленъ былъ въ Львовѣ митрополитомъ перемышльскій епископъ Антоній Ангеловичъ. Но „блескъ митрополіи Галицкой“, говоритъ Я. Головацкій, „не поднесъ русскаго языка, не огрѣлъ и не просвѣтилъ русскаго народа“¹⁾. Въ 1806 г. перенесенъ былъ университетъ изъ Львова въ Краковъ. Русскія каѳедры одна за другою закрывались. То, что дано было прежде, мало по малу отбиралось отъ русиновъ. Въ декретахъ Іосифа II отъ 1786 и 1787 годовъ русскій языкъ признавался „краевымъ, народнымъ, національнымъ“ (Landes - Volks und National - Sprache), но уже въ 1805 г. тривіальныя (трехклассныя) школы отданы были подъ надзоръ латинской консисторіи, а въ 1813 г. русскій языкъ совсѣмъ былъ устраненъ изъ нормальныхъ (четыреклассныхъ) школъ. Что касается до приходскихъ школъ, то въ силу реформы 1817—1818 годовъ онъ допускался лишь въ школахъ уніатскихъ не смѣшанныхъ, а въ школахъ смѣшанныхъ предпочтеніе отдавалось языку польскому. Предоставлялось громадамъ право заводить русскія школы въ мѣстностяхъ, гдѣ есть смѣшанныя школы, но эти школы не должны были разсчитывать на поддержку школьнаго фонда. Слѣдствіемъ всего этого было признаніе за польскимъ языкомъ господствующаго положенія въ томъ краѣ, гдѣ само правительство нѣкогда называло русскій языкъ „краевымъ, народнымъ, національнымъ“.

II. Житоцкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Наукowyй сборникъ 1865 г.: «О первомъ умственнo-литературномъ движеніи русиновъ въ Галиціи».

Воспоминанія о Приворотскомъ духовномъ училищѣ 50-хъ годовъ.

Въ 30 верстахъ отъ губернскаго города Каменца-Подольскаго въ глухомъ мѣстѣ находится село Приворотье, Ушицеаго уѣзда. Послѣ учрежденія православной епископской каеэдры въ Подольской губерніи, Подольскому архіерейскому дому надѣлена была казной фѣрма въ этомъ селѣ. Часто проживая тамъ и облюбовавъ этотъ уголокъ, первый православный епископъ Подоліи Іоанникій выхлопоталъ учрежденіе здѣсь духовнаго училища, которое было открыто во второмъ десятилѣтіи текущаго столѣтія по типу тогдашнихъ духовныхъ училищъ. Въ 40-хъ годахъ оно изъ уѣзнаго духовнаго училища, состоявшаго изъ 4-хъ классовъ, преобразовано было въ приходское духовное училище, но въ 50-хъ годахъ вновь преобразовано въ уѣзное духовное училище съ тремя отдѣленіями: высшимъ, среднимъ и низшимъ, съ шестилѣтнимъ курсомъ. Въ срединѣ 50-хъ годовъ мнѣ пришлось поступить въ это училище въ низшее отдѣленіе. Припоминая теперь впечатлѣнія, вынесенныя изъ училища, я не могу не замѣтить, что тогдашній строй училища и жизни учениковъ его, по сравненію съ нынѣшнимъ строемъ такихъ училищъ, представляется настолько отличнымъ, почти легендарнымъ, что считаю умѣстнымъ воспроизвести эти впечатлѣнія, хотя-бы для того, чтобы дать читателямъ понятіе о томъ, при какихъ условіяхъ воспитывались тогда люди, готовившіеся быть пастырями православнаго народа. Не претендуя на стройность изложенія, я желаю разсказать только то, что приходилось видѣть и слышать лично.

При поставленіи моемъ въ училище, учительскій персоналъ состоялъ изъ смотрителя, инспектора (священники) и трехъ учителей; учениковъ же было около 250, которые распредѣлялись по классамъ неравномѣрно: въ низшемъ отдѣленіи, гдѣ большинство предметовъ преподавалъ одинъ учитель, учениковъ было около 120, въ среднемъ около 70, а въ высшемъ около 60. Большинство учениковъ состояло изъ казеннокоштныхъ. Это были большей частью сироты священниковъ и причетниковъ. Небольшая часть состояла изъ дѣтей священниковъ ближайшихъ уѣздовъ и, наконецъ, самая меньшая часть учениковъ—изъ дѣтей лицъ, не принадлежавшихъ къ духовному сословію, которые въ спискахъ учениковъ числились подъ рубрикой „свѣтскаго званія“. Большой частью это были дѣти крестьянъ сосѣднихъ селъ и отчасти мелкихъ дворянъ, состоявшихъ на службѣ въ качествѣ „офиціалистовъ“. Въ числѣ такихъ учениковъ были и католики. Кромѣ того, въ спискахъ учениковъ числились еще „архіерейскіе пѣвчіе“, которые никогда не посѣщали училища и жили въ архіерейскомъ домѣ въ губернскомъ городѣ, но переводились по спискамъ безостановочно изъ класса въ классъ. Ученики „свѣтскаго званія“ не обязаны были изучать потное пѣніе, обязательное для остальныхъ учениковъ. Доступъ въ училище открытъ былъ для учениковъ не только изъ жителей Подольской губерніи, но и сосѣдней Бессарабіи. Этихъ послѣднихъ учениковъ въ мое время было около 10. Смотрителемъ училища былъ священникъ В. Это былъ человекъ среднихъ лѣтъ, по окончаніи духовной академіи прослужившій на учебномъ поприщѣ уже около 20 лѣтъ, но по своему характеру меньше всего пригодный для педагогической дѣятельности, а тѣмъ болѣе для того, чтобы стоять во главѣ учебнаго заведенія, которымъ онъ управлялъ единолично, такъ какъ остальные учащіе, за исключеніемъ инспектора, не несли административныхъ обязанностей. По природѣ добрый и безхарактерный, онъ часто и сильно раздражался и въ это время способенъ былъ запоротъ провинившагося ученика, не задумываясь надъ степенью его вины. Напримѣръ, преподавая латинскій языкъ, онъ всегда раздражался, когда уче-

никъ произнесеть слово „его“ съ удареніемъ не на первомъ слогѣ, а на послѣднемъ, что соотвѣтствовало произношенію этого слова на греческомъ языкѣ. Нерѣдко въ этихъ случаяхъ смотритель кричалъ, что „по-гречески ты знаешь, а по-латински не знаешь,—ловъ!“ . Послѣднее слово наводило ужасъ, такъ какъ обозначало, что ученика немедленно будутъ сѣчь розгами. При этомъ число ударовъ розгами не считалось, но обыкновенно рѣдко бывало меньше 10. Мольбы наказываемаго о пощадѣ еще больше раздражали смотрителя и удлиняли экзекуцію. —Инспекторъ училища представлялъ собой иной типъ. Онъ хотя видимо былъ больной, но никогда не кричалъ, за то съ невозмутимымъ спокойствіемъ приказывалъ пороть розгами и смотрѣлъ на эту экзекуцію спокійно. Правда, онъ наказывалъ гораздо рѣже, нежели смотритель, но за то былъ неумолимъ и, повидимому, совершенно не обращалъ вниманія на мольбы ученика, а иногда посмѣивался. Злость его проявлялась только тѣмъ, что онъ въ минуты раздраженія грызъ свою священническую косу зубами. Третій по старшинству—учитель ариѳметики О... Это былъ толстый не по лѣтамъ человекъ, основательно преподававшій свой предметъ, никогда не раздражавшійся, говорившій всегда по-малороссійски, съ улыбкой, наказывающій розгами за всякое незнаніе обыкновенно не болѣе 5 или 6 ударами, но всегда очень чувствительными, за чѣмъ онъ строго наблюдалъ. Свою систему ученія онъ примѣнялъ одинаково строго ко всѣмъ ученикамъ безъ различія разрядовъ и не щадилъ даже своего родного племянника—сироту, воспитывавшагося на его счетъ и принадлежавшаго не къ числу лучшихъ учениковъ. Учитель русскаго языка В. былъ какой-то сонный человекъ. Все его поведеніе въ классѣ, отличавшееся медлительностью и сонливостью, наводило на учениковъ сонъ до тѣхъ поръ, пока не начиналась порка, къ которой онъ также прибѣгалъ, хотя и рѣже, чѣмъ предыдущіе коллеги. Правда, экзекуція эта, благодаря его сонливости, рѣдко бывала мучительной, и случалось, что наказывавшій билъ розгой по полу, а лежавшій на полу ученикъ для виду кричалъ. Но этотъ сонливый учитель, исполняя обя-

занность помощника инспектора, любилъ жаловаться на учениковъ смотрителю, а послѣдній, при своей раздражительности, всегда навазывалъ тяжбу того, на кого приносилась жалоба. Защитникомъ учениковъ въ такихъ случаяхъ являлась жена смотрителя, которая, зная вспыльчивый нравъ своего супруга и склонность къ доносамъ, всегда старалась не допускать послѣдняго въ квартиру мужа подъ разными предлогами, если замѣчала, что онъ пришелъ съ жалобой. Однажды случилось, что жена смотрителя не успѣла удалить этого учителя отъ своего мужа, и послѣдній, выслушавъ доносъ, произвелъ жестокую экзекуцію надъ 4-мя учениками высшаго отдѣленія, и это повлекло за собой для смотрителя печальныя послѣдствія, о чемъ будетъ подробно разсказано ниже. Послѣдній по старшинству учитель К., по національности молдаванъ, также представлялъ собой особый типъ. Это былъ недалекій, мелочной и придиричивый человѣкъ, злобно и презрительно относившійся къ ученикамъ и часто любившій прибѣгать къ розгѣ, линейкѣ и другимъ орудіямъ, въ родѣ ключа. Правда, онъ не любилъ назначать много ударовъ, но всегда старался потѣшиться надъ своей жертвой. Наказывая линейкой по рукамъ, онъ обыкновенно кричалъ „давай лапу“ и, нанося самолично удары, на стоны и мольбы своей жертвы отвѣчалъ улыбками и насмѣшками. Во время урока „нотнаго пѣнія“ этотъ учитель расправлялся съ учениками большей частью при помощи ключа. Наблюдая за тѣмъ, чтобы всѣ ученики отбивали тактъ рукой, онъ обыкновенно наносилъ удары ключемъ по рукѣ, неисправно отбивавшей тактъ. Поврежденія, наносимыя такими „отбиваніями такта“, часто не заживали долгое время.

Черезъ годъ послѣ моего поступленія въ училище, когда я перешелъ въ среднее отдѣленіе, учитель русскаго языка В. перешелъ на должность учителя ариметики вмѣсто выбывшаго въ священника О. Учителемъ же русскаго языка былъ назначенъ только что окончившій духовную семинарію С. Это былъ новый, очень симпатичный типъ учителя, который никогда не прибѣгалъ къ розгамъ, относился къ ученикамъ съ любовью и

толково преподавалъ свой предметъ. Симпатіи учениковъ сразу оказались на его сторонѣ. Онъ служилъ до сихъ поръ въ санѣ протоіерея въ деревенскомъ приходѣ, и, встрѣтившись съ нимъ нѣсколько разъ въ послѣдніе годы, я убѣдился, что этотъ чловѣкъ дѣйствительно имѣлъ право на тѣ симпатіи, которыя онъ заронилъ въ сердца Приворотскихъ учениковъ.

При такомъ учительскомъ персоналѣ, уровень преподаванія не могъ быть удовлетворительнымъ. Все ученіе сводилось обыкновенно къ зубренію уроковъ по печатнымъ руководствамъ, которое примѣнялось ко всѣмъ предметамъ, не исключая языковъ и ариѳметики; всякая записка въ отвѣтѣ ученика или отступление отъ текста разсматривалась какъ незнаніе, послѣдствіемъ котораго были: наказаніе розгой, линейкой и стояніе на колѣняхъ. Для ближайшаго контроля надъ занятіями учениковъ существовали такъ наз. „аудиторы“, которые, до прихода въ классъ учителя, обязаны были провѣрить, знаютъ-ли ученики урокъ. „Аудиторы“ эти были изъ лучшихъ учениковъ того-же класса, въ которомъ учились сами, и каждому изъ нихъ назначались обыкновенно по четыре ученика. Для контроля надъ „аудиторами“ заведены были такъ наз. „нотаты“, т. е. классные журналы, въ которыхъ „аудиторы“ должны были ежедневно отмѣчать знаніе или незнаніе уроковъ ввѣренными имъ учениками по каждому уроку отдѣльно. Большинство преподавателей, приходя въ классъ, начинали свою дѣятельность съ просматриванія отмѣтокъ въ „нотатѣ“ и подвергали экзекуціи въ той или иной формѣ всѣхъ отмѣченныхъ „нез.“ (не знаетъ). Чаше всего ихъ цѣлой гурьбой ставили на колѣни. Это учрежденіе „аудиторовъ“ оказывало деморализующее вліяніе на учениковъ въ особенности низшаго отдѣленія, такъ какъ вызывало подкупы „аудиторовъ“ и заискиваніе однихъ учениковъ предъ другими. Больше всего подкупу были доступны казеннокоштные ученики, которые, имѣя плохой столъ, всегда рады были получить въ видѣ подарка кусокъ хлѣба. Такой подарокъ, называвшійся по мѣстному выраженію „бардой“, подносился обыкновенно своекоштными учениками, жившими на частныхъ квартирахъ и имѣвшими возмож-

ность захватывать съ собой въ училище запасы хлѣба. „Барда“ эта служила, кромѣ того, мѣновой единицей, которую можно было обмѣнять на пуговицу, перо или другіе предметы скромнаго обихода казеннокоштныхъ учениковъ. Благодаря заискиваніямъ и подкупамъ, „нотаты“ не всегда выражали дѣйствительное знаніе или незнаніе уроковъ учениками. Случалось, что „аудиторы“ платились за неправильную отмѣтку ученика „знающимъ“ урокъ, если учитель находилъ его незнающимъ. Ихъ также наказывали тогда въ той или иной формѣ. Наказаніе розгами совершалось обыкновенно особо избранными для этого по каждому классу учениками, называвшимися „цензорами“, которые обязаны были всегда имѣть въ запасѣ готовые розги или получать ихъ отъ сторожей. Въ случаяхъ, когда наказанію придавалось особо важное значеніе, его производили сторожа, что обыкновенно дѣлалось по распоряженію смотрителя.—О библиотекѣ, изъ которой ученики могли-бы получать книги для чтенія, не было и помину, и если очень рѣдко попадались между учениками другія книги, кромѣ учебниковъ, то они или доставались отъ учителей чрезъ учениковъ, жившихъ у нихъ на квартирѣ, или привозились учениками изъ дому. Послѣдняя категория чаще всего состояла изъ лубочныхъ изданій въ родѣ „Бовы Королевича“ и „Еруслана Лазаревича“. Разъ только на квартиру, въ которой я жилъ, попалась прекрасная книга: „Проповѣди священника Гречулевича“ на малороссійскомъ языкѣ, которая привлекала вниманіе всѣхъ жившихъ со мной учениковъ и даже хозяина нашей квартиры, крестьянина, и всей его семьи. Они очень охотно слушали чтеніе этихъ проповѣдей учениками и часто сами просили почитать имъ „розумну книжку“.

Домашній бытъ учениковъ находился въ условіяхъ еще менѣе благопріятныхъ. Въ особенности печально было положеніе казеннокоштныхъ, т. е. бурсаковъ. На полное содержаніе бурсака, т. е. на столъ, пищу, обувь, одежду и учебныя пособия, отпускалось тогда, если не ошибаюсь, 18 р. въ годъ. Такая ничтожная даже и для того времени сумма не давала возможности сколько нибудь сносно содержать учениковъ. Обуви,

напримѣръ, отпускалось настолько недостаточно, что въ некоторые ученики, въ особенности высшихъ классовъ, не имѣвшіе собственныхъ средствъ, ходили босыми во все лѣтнее время. Правда, и между своекоштными учениками низшихъ классовъ нерѣдко попадались такіе, которые ходили лѣтомъ босые. Последнее дѣлалось не только по бѣдности, но и для удобства, и не порицалось начальствомъ. Въ ежедневныхъ журналахъ, которые велись по каждой квартирѣ и каждой отдѣльной комнатѣ казеннаго общежитія, очень часто встрѣчались отмѣтки, что такіе то ученики не были въ классѣ „за неимѣніемъ обуви“. Наибольшей скудостью отличался столъ бурсаковъ. Обѣдъ каждый день состоялъ только изъ борща и каши въ самомъ грубомъ видѣ, а хлѣба никогда не давали въ достаточномъ количествѣ. Для устраненія постоянной голодовки казеннокостные ученики совершали лѣтомъ тайные, а иногда и открытые набѣги на крестьянскія поля, сады и огороды. На поляхъ наиболѣе излюбленнымъ объектомъ набѣговъ былъ „горохъ“, представлявшій большое лакомство. Тайные набѣги совершались съ такой виртуозностью, что хозяева полей, тщательно охранявшіе ихъ отъ „бурсаковъ“, очень рѣдко изловляли хищниковъ, а если это и удавалось, то по дорогѣ въ училище, куда препровождали пойманныхъ послѣдніе часто ухитрялись уйти, а иногда освобождались открытой силой товарищей, „бурсаковъ“. Но случалось иногда, что пойманнаго приводили къ смотрителю, и тогда неизбежно совершалась самая жестокая экзекуція. Открытыя нападенія на поля и сады совершались обыкновенно среди бѣлаго дня, большой толпой бурсаковъ, подъ предводительствомъ извѣстныхъ силачей. По училищному преданію, среди „бурсаковъ“ во всѣ времена водились силачи, внушавшіе страхъ окрестнымъ крестьянамъ. Въ мое время такимъ сильнымъ былъ Павелъ Г., извѣстный подъ именемъ „Павко“. Онъ отличался сравнительно огромной силой и смѣлостью, которая приобрѣли ему славу непобѣдимаго между крестьянами с. Приворотья. Сначала крестьяне пробовали было задержать „Павка“, но послѣ неудачныхъ попытокъ, окончившихся избіеніемъ крестьянъ, онъ совершалъ свои на-

бѣги съ толпой бурсаковъ, почти открыто и безнаказанно. Къ такимъ открытымъ набѣгамъ прибѣгали только въ крайности, когда тайные оказывались неудачными и награбленные запасы истощались. Тайные набѣги совершались большей частью въ одиночку. Наиболѣе частымъ нападеніямъ подвергался садъ церковнаго старосты, извѣстнаго подъ именемъ „Казько“. Его усадьба находилась недалеко отъ училища и прилежала одной стороной къ полямъ, а другой къ церковному погосту, такъ что представляла много удобствъ для побѣга въ случаѣ опасности. „Казько“ служилъ церковнымъ старостой много лѣтъ и былъ очень популяренъ между бурсаками, но это не спасало его сливоваго сада отъ хищничества голодныхъ бурсаковъ. При мнѣ еще ходило много легендъ о томъ, какъ бурсаки, застигнутые „Казькомъ“ на деревьяхъ, засыпали ему глаза пескомъ, или нюхательнымъ табакомъ и уходили, но въ мое время бурсаки, не прибѣгая къ этимъ легендарнымъ средствамъ, умудрялись однако таскать фрукты и овощи изъ его сада и огорода. Случалось иногда, что „Казько“ ловилъ хищниковъ и представлялъ ихъ своему настоятелю, инспектору училища, который всегда наказывалъ виновныхъ розгами, но это не спасало имущества Казька отъ дальнѣйшихъ хищеній. Независимо того, бурсаки прибѣгали и къ другимъ способамъ для добычи пищи. Вблизи училищнаго зданія обыкновенно крестьянки продавали разные яства, въ родѣ хлѣба, пирожковъ, варениковъ, кнышей, „кологухи“ и т. п. Изголодавшіеся бурсаки, не имѣя денегъ для покупки, иногда обступали торговку цѣлой толпой, забирали весь ея товаръ и моментально убѣгали въ училище. Такія нападенія обыкновенно вызывали жалобы начальству и обыски въ бурсацкихъ номерахъ (комнатахъ), но обыски никогда не обнаруживали виновныхъ, такъ какъ бурсаки, дѣйствуя сообща, всегда успѣвали во-время спрятать концы въ воду. Существовали еще и другіе способы добыванія пищи. Нерѣдко бурсаки устраивали открытыя нападенія на своекоштныхъ учениковъ въ то время, когда послѣдніе являлись въ училище на уроки, и силой отнимали „барду“, т. е. куски хлѣба или другія

яства, принесенныя своекоштными для завтрака. Пишущему эти строки не разъ приходилось испытывать на себѣ такія насилія и лишаться, казалось, хорошо спрятанной „барды“ или пирога. Наконецъ, пища добывалась бурсаками также и путемъ добровольнаго обмѣна своекоштными учениками „барды“ на пуговицы, перья и т. п. Этотъ обмѣнъ носилъ специальное названіе „замохать“. Въ этихъ случаяхъ „барда“ играла роль мѣновой единицы. На нее можно было получить не только предметы нищенскаго обихода бурсаковъ, но также книжку, „переводъ“ урока съ латинскаго или греческаго языка, практическій урокъ нотнаго цѣнія, подкупить аудитора и т. п.

Внутренній бытъ бурсы также былъ безотраденъ. Въ каждой жилой комнатѣ, или такъ называемомъ номерѣ, былъ особый старшій изъ числа учениковъ высшаго отдѣленія, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ являлся для бурсаковъ низшихъ классовъ болѣе жестокимъ начальствомъ, нежели настоящее начальство. По установившемуся порядку всѣ ученики низшихъ классовъ обязаны были говорить ученикамъ высшихъ классовъ „вы“ и оказывать имъ полное повиновеніе. Это повиновеніе выражалось тѣмъ, что младшіе должны были исполнять всѣ черныя работы по уборкѣ комнатъ и чисткѣ одежды и обуви старшихъ и исполнять всѣ вообще приказанія послѣднихъ. Младшимъ приходилось, кромѣ того, таскать воду изъ бочки, стоявшей среди училищнаго двора. Прислуги въ училищѣ было мало, и ей приходилось только топить печи и изрѣдка мыть полы, вся же остальная черная работа лежала на ученикахъ низшаго отдѣленія по дежурству. Въ особенности тягостно было положеніе учениковъ низшаго отдѣленія въ отношеніи къ старшимъ. За небольшими исключеніями, старшіе эти, прошедшіе въ свою очередь низшее отдѣленіе, со всѣми его тягостями, отличались полнѣйшимъ произволомъ, самодурствомъ и требовательностью и нерѣдко били учениковъ низшаго отдѣленія, которыхъ называли не иначе какъ „тхуръ“¹⁾. Настоящее начальство какъ будто не замѣчало этихъ

¹⁾ Т. е. хорежъ.

ненормальныхъ отношеній, и жалобы „тхуровъ“ на старшихъ не облегчали положенія жалобщиковъ. Правда, жалобы поступали слишкомъ рѣдко, такъ какъ обозлившійся старшій всегда имѣлъ возможность отомстить „тхуру“ очень чувствительно и безнаказанно. Только тѣ ученики низшаго отдѣленія, которые имѣли братьевъ среди учениковъ высшаго отдѣленія, чувствовали гнетъ не такъ сильно, такъ какъ за нихъ было кому вступиться. Кромѣ „старшихъ“, бурсакамъ такъ-же, какъ и своекоштнымъ ученикамъ, доставалось еще и отъ такъ называемыхъ „гомашей“. „Гомашами“ назывались болѣе сильные, смѣлые и назойливые ученики, которые попадались во всѣхъ классахъ и нерѣдко побивали болѣе слабыхъ и скромныхъ товарищей, придираясь за какой-нибудь пустякъ и вмѣшиваясь въ ссоры товарищей. Жалобы на „гомашей“ также были рѣдки, такъ какъ вызывали мечь. Вліяніе „гомашей“ проявлялось главнымъ образомъ въ классахъ въ учебные часы.—Такія тяжелыя условія жизни иногда вызывали побѣги бурсаковъ изъ училища, обыкновенно изъ числа худшихъ учениковъ, которымъ жилось хуже другихъ. Иногда бѣглецы уже не возвращались въ училище, а иногда ихъ возвращали родители или родственники, или крестьяне, поймавшіе бѣглеца въ пути. Горе было возвращенному! Онъ обыкновенно подвергался самому жестокому и немилосердному сѣченію. На моей памяти было два случая невольнаго возвращенія въ училище. Оба бѣглеца были тяжело наказаны и по окончаніи учебнаго года исключены изъ училища.

Съ наступленіемъ лѣтнихъ каникулъ громадное большинство бурсаковъ отправлялись по домамъ и возвращались въ училище пѣшкомъ, нерѣдко за 200 и за 300 верстъ. Путь изъ училища домой они совершали большей частью безъ всякихъ запасовъ и денегъ и пробавлялись въ пути то даровымъ угощеніемъ, то похищеніемъ разной снѣди. Изъ рассказовъ этихъ путешественниковъ по возвращеніи въ училище приходилось убѣждаться, что путешествія эти мало чѣмъ отличались отъ путешествій гоголевскихъ бурсаковъ, за исключеніемъ, конечно, фантастическихъ приключеній, введенныхъ Гоголемъ въ „Віѣ“. Рассказы эти слу-

жили обильнымъ матеріаломъ для товарищескихъ разговоровъ и свидѣтельствовали о той-же изобрѣтательности и изворотливости бурсаковъ, какія они проявляли и въ училищѣ.

Жизнь своекоштныхъ учениковъ была нѣсколько лучше. Всѣ они жили на частныхъ квартирахъ и имѣли лучшей столъ, если не въ качественномъ, то въ количественномъ отношеніи. Гнетъ старшихъ смягчался тѣмъ, что почти всѣ работы по уборкѣ помѣщенія лежали на хозяйвахъ квартиръ, которые въ то же время ограничивали власть „старшихъ“. Кромѣ того, своекоштные ученики низшаго отдѣленія имѣли родителей, которые въ крайнемъ случаѣ могли вступить за свое дѣтище и оградить отъ произвола „старшихъ“. Но гнетъ старшихъ все таки давалъ себя чувствовать, такъ какъ и здѣсь ученики низшаго отдѣленія должны были исполнять всѣ приказанія старшихъ, также не чуждыхъ самодурства. Имъ приходилось подавать воду, ходить на другія квартиры по порученіямъ старшихъ, будить всѣхъ учениковъ къ заутрени. Мнѣ до сихъ поръ памятно, какъ тяжело и непріятно было вставать зимней ночью, задолго до разсвѣта, и караулить на морозѣ, чтобы не пропустить благовѣста къ заутренѣ, несмотря на страхъ, вызываемый ночной обстановкой въ мальчикѣ 8—11 лѣтъ. Квартировали своекоштные ученики большей частью у крестьянъ, даже въ одной комнатѣ съ семьей хозяина. Такая квартира была, въ числѣ прочихъ, у упомянутого выше „возака“, гдѣ мнѣ приходилось жить. Благодаря такой обстановкѣ и простотѣ нравовъ, ученики низшаго отдѣленія иногда помогали семьѣ хозяина въ домашнемъ быту, напримѣръ, укачивали маленькихъ дѣтей въ люлькѣ и т. п. Только квартиры съ болѣе значительнымъ числомъ учениковъ помѣщались въ комнатѣ, отдѣльной отъ семьи хозяина. Были также квартиры, содержимыя въ видѣ промысла вдовами священниковъ, дьячковъ и т. п. Квартиры у крестьянъ больше привлекали учениковъ, чѣмъ у профессиональныхъ квартиросодержательницъ, такъ какъ отношенія хозяевъ-крестьянъ къ своимъ жильцамъ были проще и лучше и почти никогда не вызывали

жалобъ начальству на учениковъ, а напротивъ здѣсь проявлялось заступничество, тогда какъ профессиональные квартиросодержатели, желая устранить неудовольствія за плохой столъ, жаловались на поведеніе учениковъ начальству. Достоинство квартиръ оцѣнивалось по тому, сколько разъ можно было ученикамъ требовать прибавки кушанья и сала. Обязанность требовать отъ хозяевъ такую прибавку или сала лежала обыкновенно на ученикахъ низшаго отдѣленія, которые, по требованію „старшихъ“ и учениковъ высшихъ классовъ, должны были отпрапляться съ посудой къ хозяйкѣ. Нѣкоторые хозяева и хозяйки-крестьяне сами настаивали на томъ, чтобы ученики за столомъ ѣли побольше, чтобы въ часы, не назначенные для ѣды, ихъ не беспокоили требованіями хлѣба в вообщее ѣды. Иногда эти настаиванія вызывались и другими соображеніями. Напримеръ, наканунѣ постовъ, въ такъ называемые „запусты“, ученикамъ подавались скромныя кушанья, главнымъ образомъ „вареники“ въ обильномъ количествѣ, и когда ученики не успѣвали съѣсть до сна всего приготовляемаго, то хозяева будили ихъ ночью для ѣды, чтобы не выбрасывать ея, какъ скоромную, на другой день, когда начинался постъ. Жизнь въ непосредственномъ общеніи съ крестьянами оказывала на учениковъ крайне неблагоприятное вліяніе. Жизнь крестьянина, въ особенности тогдашняго времени, вся построена была на предрасудкахъ и суевѣріяхъ, которые регулировали всю его жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. Благодаря ничтожному просвѣтительному вліянію школы, ученики невольно поддавались вліянію окружающей среды и усваивали ея понятія. Ученики, напримеръ, со словъ своихъ хозяевъ глубоко вѣрили, что дождь, который необходимъ былъ по случаю засухи, задержалъ кто-то въ сосѣднемъ селѣ, что такая-то вѣдьма отняла молоко у коровы хозяина, что когда обрѣзываютъ ногти, то обрѣзки нужно обязательно прятать за пазуху, что когда ночью воютъ собаки, то будетъ моръ и т. п.

Благодаря всей этой обстановкѣ, ученики Приворотскаго училища, даже послѣ перехода ихъ въ семинарію, отличались грубостью и негостеприимностью сравнительно съ учениками, по-

ступавшими въ семинарію изъ другихъ училищъ, и вличка „Приворотскій ученикъ“ оставалась за ними и въ семинаріи. Всѣ прочія духовныя училища Подольской губерніи расположены были въ мѣстечкахъ, т. е. болѣе культурныхъ центрахъ, и оказывали менѣе вредное вліяніе на воспитаніе учениковъ. Дѣйствительно, Приворотскіе ученики отличались самыми нежелательными качествами. Здѣсь проявлялись, напримѣръ, противостественные пороки. На одной изъ квартиръ у крестьянина въ мое время такой случай былъ ясно обнаруженъ и заявленъ инспектору, но, сверхъ ожиданія учениковъ, не вызвалъ никакихъ мѣропріятій, и обвиняемый ученикъ высшаго класса Х. былъ переведенъ въ семинарію въ числѣ другихъ учениковъ. Дальнѣйшая судьба этого ученика была печальна. Онъ попался въ кражѣ у посторонняго лица и сосланъ въ Сибирь. Жертвой этого порока былъ только что поступившій въ училище ученикъ низшаго отдѣленія изъ молдаванъ, плохо понимавшій русскій языкъ и рассказавшій товарищамъ по простотѣ непонятный ему поступокъ Х. Были и другія проявленія печальныхъ нравовъ. Ученики, жившіе на квартирахъ, также не чуждались набѣговъ на чужіе сады и огороды. На квартирѣ у крестьянина Ивана Ат. съ нами жило нѣсколько человекъ изъ молдаванъ и между ними Г. Однажды осенней ночью, предъ разсвѣтомъ, мнѣ пришлось проснуться отъ какого-то шума. Оказалось, что ночью Г. съ другими моими сожителями отправился за яблоками въ садъ при архіерейской дачѣ, гдѣ ихъ настигъ сторожъ сада, и хищники стали уходить чрезъ сарай, гдѣ Г. такъ сильно ударился головой о что-то твердое, что облился кровью и въ полусознательномъ состояніи доставленъ на квартиру его спутниками. Бѣдный Г. нѣсколько дней пролежалъ дома больнымъ, но начальство не обратило вниманія на причину болѣзни, и Г. благополучно прошелъ курсъ училища. Былъ еще случай такого рода. Въ церкви, во время всенощной, ученикъ высшаго отдѣленія Ф. разсердившись на товарища К., хватилъ его пожемъ въ икру такъ сильно, что К. свалился съ ногъ. Въ церкви произошелъ шумъ, и К. вынесли на рукахъ изъ церкви.

Ф. былъ жестоко наказанъ розгами, но не былъ исключенъ изъ училища.

Печальныя условія жизни учениковъ нѣсколько смягчались съ наступленіемъ теплыхъ лѣтнихъ дней, когда открывалась возможность свободно гулять по окрестнымъ полямъ, лугамъ и лѣсамъ, такъ какъ начальство не стѣсняло учениковъ. Училище находится на краю деревни, за которой расположены поля, а невдалекѣ и лѣсъ, манившіе къ себѣ дѣтей. Уроки тогда дѣлились на утренніе и послѣобѣденные. Утромъ было 2 урока, оканчивавшіеся въ 12 часовъ дня, и ученики, выйдя изъ классовъ, спѣшили скоро пообѣдать и затѣмъ въ хорошую погоду отправлялись гулять, куда кто хотѣлъ. Въ три часа начинался послѣобѣденный урокъ, на который стекались ученики изъ полей и лѣсовъ. Въ 4 часа урокъ этотъ оканчивался, и ученики опять спѣшили перекусить чѣмъ попало и снова разбѣгались на просторъ, иногда за 3—5 верстъ. Во время этихъ прогулокъ собирали землянику, клубнику, черешни, полевые овощи и грибы. Продукты эти служили подспорьемъ для питанія, а самыя путешествія, нерѣдко сопровождавшіяся побѣгами, видимо укрѣпляли учениковъ физически и морально. Они вырабатывали силу и ловкость и вѣроятно спасали дѣтей отъ тѣхъ болѣзней и слабосилія, которыя казались неизбѣжными при томъ плохомъ питаніи и тѣхъ печальныхъ гигиеническихъ условіяхъ, какія переживали бурсаки. Кромѣ того, въ теченіе мая бывало нѣсколько прогулокъ, такъ называемыхъ „рекреацій“, отбывавшихся всѣми учащими и учащимися сообща. Обыкновенно съ наступленіемъ мая въ первый ясный день ученики высшаго отдѣленія на первомъ урокѣ объявляли по всѣмъ классамъ, что нужно итти въ смотрителю и просить разрѣшенія устроить рекреацію. На этотъ кличъ толпы учениковъ всѣхъ классовъ устремлялись къ квартирѣ смотрителя и располагались на ступенькахъ, на крыльцѣ и въ корридорѣ, а пѣвчіе впереди затыгивали специально назначенную для этого пѣсню: „Привѣтствуемъ прекраснымъ маемъ тебя, начальникъ нашъ, отецъ“, оканчивающуюся самодѣльной латинской цитатой: „reverendissime

patet, rogamus recreationem". Иногда пѣніе этой пѣсни повторялось нѣсколько разъ, пока появится смотритель. Выйдя къ поющимъ, смотритель, по природѣ добрый человѣкъ, всегда напускалъ на себя строгій видъ и долго отказывалъ, но усиленные просьбы дѣтей, сопровождавшіяся цѣлованіемъ рукъ и одежду, и радостныя фізіономіи дѣтей, надѣявшихся на прогулку, скоро заставляли смотрителя сдаться—и рекреація разрѣшалась. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда смотритель появлялся дѣйствительно сердитымъ, приемы просителей-дѣтей смягчали его отъ природы доброе сердце, и рекреація всегда разрѣшалась. За три года ученія въ Приворотѣ я не помню случая отказа въ рекреаціи; такихъ рекреацій въ теченіе мая, смотря по погодѣ, бывало отъ 3 до 5. Нужно было видѣть, какой радостью сіяли дѣтскія лица, когда наконецъ смотритель соглашался на рекреацію. Крики радости долго раздавались по всему училищу. На другой день послѣ рекреаціи также не было уроковъ, и такимъ образомъ каждая рекреація давала два дня отдыха.

Бывали развлечения и зимой. На масляницѣ обыкновенно устраивался драматическій спектакль, —Заблудшій сынъ королевичъ“, приготовленіе къ которому доставляло много радостей. Въ послѣдній день масляницы, вечеромъ, всѣ актеры, въ сценическихъ самодѣльныхъ костюмахъ, съ пѣвчими, „чортомъ“ и толпой зрителей, являлись въ квартиру смотрителя, и тамъ отбывался спектакль, сопровождавшійся угощеніемъ актеровъ. Роль „чорта“ въ мое время исполнялъ ученикъ П, —молдаванинъ. Онъ отличался замѣчательною ловкостью движеній и любовью къ искусству. Въ теченіе всей масляницы онъ единолично выступалъ въ своей роли, бѣгалъ по всѣмъ номерамъ бурсы и тѣшилъ учениковъ. Нерѣдко случалось, что въ костюмѣ „чорта“ П. выбѣгалъ на улицу, бросался на перваго прохожаго мужичка и своимъ видомъ заставлялъ его удирать безъ оглядки. Больше всего бывало потѣхъ, когда П. встрѣчалъ крестьянъ другихъ деревень, случайно проѣзжавшихъ мимо училища. Онъ вскакивалъ къ нимъ въ сани или повозку, моталъ рогами, заглядывалъ въ глаза, обнималъ ихъ и нерѣдко приводилъ крестьянъ въ трепеть.

За исключеніемъ этихъ радостныхъ моментовъ, жизнь учениковъ протекала очень грустно. Въ селѣ Приворотѣ не было ни базара, ни почты, ни лавокъ, ни рѣки, ни порядочнаго огорода или сада. Хотя при училищѣ былъ чахлый садъ, но онъ принадлежалъ къ квартирѣ смотрителя, а потому былъ недоступнымъ для учениковъ. При училищѣ былъ также большой прудъ, въ которомъ купались ученики, но пригодное для купанія мѣсто было такъ незначительно, что если купалось одновременно больше 20 человекъ, то становилось очень тѣсно. Была также при училищѣ довольно примитивная баня, но она не оказывала вліянія на гигиеническія условія жизни учениковъ, въ особенности бурсаковъ. Жилыя комнаты бурсаковъ бѣлились только на каникулахъ, но и то не каждый годъ; вентиляція была плохая, и накоплявшаяся грязь въ комнатахъ замѣтна была даже для бурсаковъ. Благодаря этому, „чесотка“ въ самой разнообразной формѣ никогда не переводилась въ училищѣ. Были ученики, у которыхъ руки такъ сильно были усѣяны гнойливыми прыщами, что они не могли свободно разгибать пальцевъ. Чесотка водилась главнымъ образомъ у учениковъ низшихъ классовъ, какъ бурсаковъ такъ и своекоштныхъ, благодаря постоянному общенію, но на нее не смотрѣли, какъ на болѣзнь, и не лѣчили. Правда, доктора не полагалось при училищѣ, а только фельдшеръ, но видимо чесотку онъ не считалъ болѣзною, а начальство не обращало на это вниманія.

Отсутствіе лавокъ и почты ставило учениковъ въ крайне затруднительное положеніе. Всѣ запасы письменныхъ принадлежностей и другихъ предметовъ домашняго обихода дѣлались дома на всю учебную треть года, и пополненіе необходимыхъ предметовъ совершалось при помощи мѣнковой торговли между учениками. Интересы учебной жизни совершенно не были замѣтны у учениковъ, и жизнь протекала монотонно. Только выдающіяся наказанія волновали на нѣкоторое время умы. Въ моей памяти сохранилось воспоминаніе объ одномъ изъ такихъ выдающихся наказаній. Наканунѣ какого-то праздника четверо учениковъ высшаго отдѣленія, будучи у все-

нощной въ училищной церкви, не пошли цѣловать евангелія, какъ потомъ оказалось, вслѣдствіе неисправности заднихъ частей штановъ. Объ этомъ учитель В., по окончаніи всенощной, донесъ смотрителю, и послѣдній распорядился немедленно наказать виновныхъ. Двое изъ этихъ несчастныхъ жили въ одной квартирѣ со мной и другими учениками, и когда за ними впопыхахъ прибѣжалъ сторожъ и увелъ въ училище, всѣ мы поняли, что будетъ бѣда. Квартира наша расположена была на пригоркѣ, съ котораго видно было училище и крыльцо квартиры смотрителя. Выйдя на дворъ, мы со страхомъ стали слѣдить за уведенными въ училище товарищами. На нашихъ глазахъ они поднялись на высокое крыльцо квартиры смотрителя, гдѣ уже стояли другіе ученики. Скоро на крыльцѣ появилась хорошо знакомая намъ фигура смотрителя, а затѣмъ мы видѣли, какъ въ воздухѣ что-то стало мелькать и слышались стоны. Экзекуція тянулась около часа. Когда затѣмъ ученики стали спускаться съ крыльца, а черезъ нѣсколько минутъ появились и на квартиру, то помню, что никто изъ насъ не рѣшился спрашивать, и мы молча пошли въ комнату. Къ этому времени хозяйка подала намъ ужинъ, и мы сѣли за столъ вмѣстѣ съ пришедшими, но никто не прикасался къ пищѣ. Всѣмъ было не по себѣ. Такъ продолжалось нѣсколько минутъ. Вдругъ одинъ изъ наказанныхъ Г. заплакалъ навзрыдъ и привелъ всѣхъ насъ въ оцѣпенѣніе. Никто не рѣшился спрашивать, и всѣ немедленно молча легли спать. Только на другой день послѣ обѣдни мы узнали, что ученику В. дано было 200 розгъ, Б. 180, Г. 120 и Ш. 100, причемъ удары наносились двумя сгорожами со всей силой, такъ какъ смотритель, замѣтивъ, что одинъ изъ сторожей наносилъ слабые удары, выхватилъ у него розгу и сильно ударилъ его. Тогда сторожа, изъ страха побоевъ, стали сѣчь немилосердно. Послѣ этого случая между учениками стали ходить слухи, что смотритель будетъ уволенъ. Вскорѣ къ намъ на квартиру пріѣхалъ отецъ одного изъ наказанныхъ, священникъ Ш., и отъ него мы узнали, что онъ подалъ жалобу на смотрителя и надѣется, что онъ будетъ уволенъ. Вскорѣ послѣ этого въ училищѣ произошелъ пожаръ:

сгорѣло два училищныхъ зданія, изъ которыхъ въ одномъ помѣщалась больница, а въ другомъ классы и три жилыхъ комнаты. Дѣло было осенью, и бурсаковъ пришлось размѣстить въ уцѣлѣвшихъ отъ пожара зданіяхъ и приспособить для жилья подвальное помѣщеніе, гдѣ раньше помѣщались птицы и разныя вещи. По случаю пожара пріѣхалъ въ училище ректоръ семинаріи, обходилъ всѣ классы и видимо не щадилъ смотрителя. Послѣ отъѣзда ректора, слухи объ увольненіи смотрителя еще болѣе усилились, но тѣмъ не менѣе прошелъ учебный годъ, и мы развѣхались по домамъ при томъ-же смотрителѣ. Послѣ каникулъ я перешелъ въ другое училище и только здѣсь узналъ, что смотритель Приворотскаго училища В. уволенъ и назначенъ священникомъ въ сосѣдній городъ. Какъ оказалось, все дѣло двинулъ отецъ высѣченнаго Ш., который добился назначенія формальнаго слѣдствія, давашаго неблагопріятные результаты для смотрителя и рѣшившаго его судьбу.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе 40 лѣтъ, и училище по прежнему остается въ томъ же селѣ Приворотѣ. Хотя Синодъ, вслѣдствіе ревизіи одного изъ ревизоровъ учебнаго комитета, предписалъ перевести это училище въ другую мѣстность но, по представленію мѣстнаго начальства, исполненіе этого указа отмѣнено

Правда, теперь всѣ своекоштные ученики живутъ въ общестіи и училищный строй принаровленъ къ современнымъ требованіямъ, но тѣмъ не менѣе условія глухой деревни, лишенной самыхъ примитивныхъ удобствъ, необходимыхъ для воспитательнаго учрежденія, неизбѣжно сказываются и теперь.

М. Трублаевичъ.

МАРУСЯ БОГУСЛАВКА.

Побытово-исторычня драма въ пяты одминахъ.

Прологъ — „Продавъ братъ сестру“!

I дія—„Зирваний рай“

II дія—„Потурчылась, побусурманылась“.

III дія—„Матерынъ прысудъ“

IV дія—„Едына порада—смерть“!

ДІЕВИ ЛЮДЕ.

Ганна зъ Богуслава—паняматка, вдова. Хочъ и литня женщина, але энергична, ще пры здоровыи.

Маруся Богуславка—їи дочка; молода, мякоч, нязной вдачи.

Степанъ—братъ їи; завзятый, запальный козарлюга.

Охримъ Колій—осавуль наказного; поштывый, пидтоптаный.

Сохронъ Малёваный—атаманъ куринный; Марусынъ жевыхъ.

Леся Кушниривна—подруга Маруси.

Катря—наймычка у паняматкы Ганни.

Андрій Лобанъ } зъ козачои старшыны, середнихъ
Иванъ Карпенко } литъ.

Запорожець 1. }
 Запорожець 2. } невольники.

Гирей—мурза, а потимъ папа; Марусынъ чоловікъ.
 Красывый, палый, поѣтычый.

Ахметъ—старый евнухъ.

Исламъ-бей—назорця надъ невольниками; молодой.

Хаймъ—корчмаръ, жыдъ.

Шляхтычъ 1 и 2—богати полякы-паны.

Панна 1-ша и 2-га — вильни паняны, мешкають при
 корчми.

Дидъ }
 Баба Варьва } челядь у Ганны, вдовы.
 Парубокъ }
 Дивчына }

Шляхта, музыкы, дивчага, козаки, запорожци, татаре
 анычары, муэзины, одалискы Гирей, арачата, черкесы, пры-
 служныци, Марусыны диты.

Діється въ XVII віку.

(Мижъ першою и другымы діями мынае шить литъ).

ПРОЛОГЪ.

Середына великой корчмы, на грядыци Буджацького стѣну зъ Польщю. На авансцени справа и злива по столу, пидъ стинамы лавы. Въ глыбыни въ кутку 2 бочки здоровыхъ, пры ныхъ стильчыкъ зъ посудю, диверъ и т. и.; въ другимъ кутку тежъ стилъ. Блыжче—характерна, высока груба зъ великымъ коминкомъ. По стинахъ и надъ дверыма картыны (козакъ верхы на бочци, козакъ Мамай и др.). Зправа видъ актѣривъ ванкиръ. Ничъ. Свѣтло—стари шандалы на столахъ, а коло стойкы каганецъ.

Шляхтычъ 1 (*товстелезный*). Шляхтычъ 2 (*якъ бычъ*). Охримъ и други сыдятъ за столомъ направо (*видъ акт.*), пють и въ кости грають; наливо на шырокій лави, на кылымы сыдытъ Мурза (*красывый, молодой*), коло ёго крутятся корчмаръ—жыдъ (*въ стародавній ярмулци, пейсахъ и лапсардакахъ*), дивчата, прислужныци, поубырани въ полськы, украинськы и навить турецькы уборы—розносятъ кубкы, пидлывають выно.—Музыка стоить коло бочокъ, блызъ вхидныхъ дверей.

Хоръ.
Нема въ свѣти краще втихы,
Надъ выно й дивочи смѣхы,
Зъ нымы рай и день и ничъ,
Зъ нымы смутокъ лыне причъ.

Гей, красуни—любкы,
Намъ словняйте кубкы,
Щобъ по винця градо,
Щобъ насъ все бохало!

Гей, понури и оспали,
 Не цурайтесь пляшкы й крали,
 Бо безъ цыхъ прысмакъ лыбонь,
 Въ серци згасне вамъ вогонь.

Гей, красуни-любкы и т. д.

Шляхтычъ 1. Гей, вохаймося! *(обнима панну)*

Шляхтычъ 2. Гуляй душа безъ кунтуша!

Вси. Гуляй! *(Пьютъ)*.

Жыдъ. *(Одскаже одъ Мурзы)*. Ой, веселе панство! Ой, сличне панство! А вы, паняны красни, нальвайте всимъ меду, щобъ келехы не вакувалы, щобъ черезъ винця лылось... тай розважайте пышныхъ гостей... Ой, щобъ у мене антыкъ, щобъ корчму Хаима вси знали!

Панна 1. Не турбуйсь, господаре! Не занудытсь панство зъ нами!

Панна 2. Абы мы зъ нымъ не занудылысь!

Шляхтычъ 2. Ухъ, де тамъ, моя вохана? *(крутитъ вуса)*

Панна 1. *(Зтираетсь на плече 1-го шляхтыча)*. А ну, мій ясны пане, на мое щастя!

Шляхтычъ 1. На сыни оченята? Гайда шить дукативъ!

Голосы. Панъ мае! Выгравъ!!

Панна 1. Половина жъ моя, бо мое щастя? *(обнима ёго)*

Шляхтычъ 1. Все твое, моя цяцяна... *(оддае гроши)* и сердце и все... Эй, ажъ горыть... треба залыть... сыпъ меду!!

Панны. Кому, пышне панство, меду, кому венгжыны?

Паны. Просымо враще цилункивъ! *(смихъ)*

Други. Гей, панове, ставте, часу не гайте—золото сличне вышеню тысне! *(Ночынають враты; панны обсидають)*.

Дивчына *(въ турецькимъ убори пидносыть Мурзы пытво)*. Найпышншому проминю сонця! *(кланяетсь)*.

Мурза. Спасыби, квитко зъ Ай-Петри!! И ранишній схидный витрець бувъ бы щастлывый обняты тебе.

Голосы. Два пецы! Пять!

Охримъ. Десять таляривъ бытыхъ! Ставте! Щаслыви! якъ дотягъ жыда за паса, такъ и душа побигла до ласа! *(смихъ)*.

Мурза (*до жыда*). Маешь тройнду зь очыма и зь розумомъ.

Жыдъ. Ой, вей! Слово свитозорого пана мене дурмануть...
У насъ выборни красуни...

Мурза. Красунь мое око не бачыть писля тией зори, що проминемъ своихъ чаръ осяяла мое сердце и отруила... Такой красы не бачыло сонце, хиба-но великый пророкъ може вбачаты ии пидь наметомъ эдемськихъ садкивъ.

Жыдъ. Ой, ой, ой!! А дежъ пробувае те чудо?

Мурза. Въ Богуслави... дочка ихвёго муэзина... (*приклада руку до чола и грудей*). Клянусь бороною Пророка, нема такой перлыны въ сывёму мори, нема такой на неби зори!

Жыдъ. Цц-цц-цц!! (*чуха за пейсомъ*). То свитлый панъ для того и коней тамъ хоче купуваты... ай вей, вей!! хе хе!! Але я сонцю красному раджу подывытысь и у нашего панства кони... Ой, кони, ой слични кони!! Вогонь... Пецло!

(*Прислужныци потроху розходяться; за нымы оддали два шляхтычи*).

Мурза. Можна подывытысь и тутъ, колы твій языкъ бувъ хочъ на часъ у прыязни зь правдою?

Жыдъ. Ой вей, не то, що въ прыязни, а у шлюби!

Мурза. Слова твои долитають до мого вуха...

Выхидъ 2-й.

(*Два шляхтычи, змовляючысь, выходять*).

Голосы. Гей, жыде!

Жыдъ. Заразь, до послугы! (*бизыть*).

Мурза. О, Аллахъ!.. О, Магометъ! Видберы у мене десять гурій на неби, та дай мени цю джаурку!!

Шляхт. 2. А що-жъ ты, шельмо, не бавышь насъ?

Жыдъ. Служу, панству! чымъ можу...

Охримъ. То спивай и танцюй!!

Жыдъ. Якый у мене, вельможный пане, спивъ? Мій тателе мавъ голосъ товстый, а моя мамеле тандытный, а якъ зложылы до купы, то вышло таке, що не вартъ ёго й слухаты... (*смиахъ*)

таке, що нехай ему абы-що, тай уже! А танцюваты моя мамеле
разъ зпробувала, такъ патынкамы такъ ударыла тателе, що
винъ, жвыняйте, прысивъ и довго не мигъ встаты.

(Вси регочутся).

О х р и м ъ. Тай мудра жъ твоя мама!

Ж ы д ъ. А чымъ я выненъ? Хай краще панны заспивають
и потанцюють...

Ш л я х т. 2. Ни, ни! Ты, жыде! Не-то канчукамы!

(Встае видъ столу).

Ж ы д ъ *(скорчывся)*. Заразъ, заразъ! Не турбуйтесь, пануню!
(Спива и прытаницьвуе, музыка прырае).

Я жыдочовъ зеръ хороший,
Тилькы-бъ треба бильше грошей:
До послугы я панамъ...
За дукаты все видамъ!

Ой вей! Лапсердомъ!!
Скачы, враже, якъ панъ каже
И задкомъ, и передкомъ
Передъ паномъ Федиркомъ!
Ой, гепъ, гоць!! *(Танцюе).*

Маю Хайку балабусту
И перынъ до лыха.
Охъ и вей, на шабашъ зъ нею
Що за мыла втиха!
Ой, вей! Лапсердомъ и т. д.

Маю диты слични, дывни,
Чесни, якъ у Лота:
Дамъ котрому въ руку грывню
Вышахруе злота,
Ой, вей! Лапсердомъ и т. д.

П а н ы.

Ха, ха, ха! Вивать Хайму! За ёго кошты венг-
жыны!

Жыдъ. Охъ, сповняйте кубкы!
Паны (чокаются). Кохаймося!!

Вси (спивають). Покры кровь не прохолола,
Кохаймося, пиймо згола,
Щобъ позбутысь всякихъ хмарь,
Засыпаймо, середь чарь.

Гей красуни любкы,
Намъ сповняйте кубкы,
Щобъ по винця грало,
Щобъ насъ все кохало!

Вивать!!

Други (пидспивують). Гей, панове, ставте,
Часу-но не гайте,
Золото пресличне
Ажъ вышени тысне...

Вивать!!

Жыдъ. Уфъ! Уфъ! Ледве ходыть духъ! Трохы не всочывъ
у лыхо, ажъ по никуды... по самый гугель... (до Мурзы). Отой
товстый панъ, програвся... а мае слични кони... ой! зми! Ходы,
мій ясныи свите, до тѣи кимнаты, а я туды запроважу пана...

Мурза (остае). Ходимъ.

Жыдъ (проводючы). Ой, ой, ой!! (Зитха и до пана)
Вельможный пане, ясныи Мурза чекае...

Шляхт. 1. А? Заразь! (Пшшовз).

Выхидъ 3.

Тижъ и Сохронг зъ Степаномъ.

Степанъ. Ну, ну весна!.. Отъ спирищывъ дощъ... Якъ хлюща!
(отрушуе кобенякъ).

Сохронъ. А ты й розкысь? (жыдъ вертаетя)

Степанъ. Не бійсь, не медяныкъ.

А все жъ охлявъ и дрыжакывъ найився,
Бо въ жывоти сухисенько. (До жыда) Гершъ ду!

- Мерщій усыпъ скаженои два вухли,
Та доброй!
- Жидъ (идбила). Вельможный пане, выты! (маха на дивчатъ и опоряжа стилъ, де сидивъ Мурза).
- Сохронъ. Найпершъ бижы, та конямъ дай оброву,
Опоряды й поставъ пидъ накрыття!
- Жидъ. Выты, пане!.. Гей! (до прислужныка) ясновель-
можнымъ корецъ
Горилкы дать изъ бочки, що въ кутку
И привитатъ! (выбила въ сини)
- Панна І. (Гостро усмихнулася и побилла).
Гостей мы пышныхъ ради
Вдовольныть.
- Степанъ (рострапляется и весело оглядаючись),
Ну Богови хвала,
Що зъ степену насъ наверувавъ до ворчмы.
И тепло тутъ и весело,—люблю! (сида).
- Сохронъ. Та що й сказать! де гра, пытво й жонота,
Ты бъ и днювавъ...
- Степанъ. И почувавъ-бы навить,
Ягъ ось и тутъ!
- Сохронъ. Ну: брате, не звычай:
Пробудемо малу-мы тутъ годыну,
Поки оброкъ...
- Степанъ (збентежено). То-що ты? Схаменысь!
У глупу ничъ.. у хлющу въ степь рупаты?
У-день надбаемо мы нашъ прогай!
- Сохронъ. Та зроду ни! Й хвылыны не прогаю
И въ ворчму сю не завернувъ-бы я,
Колы-бъ, на грихъ, не пидупалы кони...
- Степанъ. Та не шалій! чы-жь Богуславъ за моремъ?
Достанемось безъ похау на шлюбъ:
За день и Бугъ, за нымъ Ятранъ, Сынюха,
А тамъ и Росъ и славный Богуславъ,
Де мешкае сестра моя Маруся.
- Сохронъ. Де сяе мій едыный въ свити рай!

- Жьндъ (до себе). Ага! Воны!! На руку, мовь ковинька.
(пидходить до Мурзы).
- Степанъ. Який тамъ рай дивоча красота?
Ударывъ доць, обвіявъ гострый витеръ—
И по краси, по втиси.
- Панна 1 Панству ось
Горилкы жбанъ... (лукаво) Ще може чого треба?
- Степанъ. Надумуюсь и шепитну...
- Панна 1. Я вмыть
До панськой послугы. (Выходять кокетуючи)
- Степанъ (нальва оковыту). Отъ де рай,
Такъ на души видъ ёго проминь грае,
И проминь той не зрадыть...
- Сохранъ. Годи, цыты!
Ты пидсушысь... лыбонь намокъ занадто? (одныва
трохы).
- А про сестру недбало не верзы.
Ии душа прозора, якъ крышталь,
А серденько добротъ високихъ повне,
Воно весь свить скрасыты може...
- Степанъ (сміючись) Ой,
Та не смишы, а то ажъ страхъ..
- Сохранъ (юстро) Степане!
Вона мени жоною мае быть.
- Степанъ. Этъ, байдуже! Уси воны красуни,
Изъ одніи, мовлявъ, зійшлы джи,
И сердце въ выхъ минлыве, якъ весна ця,—
То сонечко, то слёта, то крупа:
(Панна 1, зновъ проходячы повузъ, наблызылась)
- Сохранъ. Ха! Ты лыбонь зъ такимъ товаромъ знався,
Що на торгахъ купуется всима (Панна худко
видходить)
- То й чесныхъ всіхъ заводишь въ одну миру,
Але сестру...

Степанъ. Та слухай, не гнивьсь,
 Хиба тебе образыты я хочу?
 Сестра моя видь тебе не втече...
 Тилькы чого-жь хапатысь такъ до бабы?
 Сохронъ (*сердыто*). Ухъ, ричь ява! Колы до бруду звывъ (*пье*).
 То не валяй нымъ мѣння найяснише...

(*Степанъ усмихається*).

Чы-жь знать тоби хвылыны неземни,
 Що душу намъ до неба порывають
 И пахощивъ їй надають райськихъ?
 Чы-жь зрозумить тоби те свитле щастя,
 Яке скраша веселкою жыття
 И проминемъ жывыть задубле сердце?
 Степанъ. Ха, ха, ха, ха! Неначе Ювеналь
 Виршуешъ ты жиночи теревени...
 А я забувъ ти дуροци давно
 И погопывъ зитханья у горилци,
 Та лыцарю й не до лыця вони!
 Сохронъ. Не до лыця? Свята любовь, коханья?
 Хиба-жь воно прыныжуе нашъ духъ?
 Хиба зныща завзяття и одвагу?
 Степанъ. Фу, пышно якъ!... Змагатыся дасть-би...
 Але чого твій порожнюе кухоль?
 (*Налыва*). Ну-жь хыльнемо за твій щасливый шлюбъ
 И за сестру, на втиху й на здоровье!
 Сохронъ. За неи радъ! (*Пье до дна*).
 Степанъ. Отъ це хыльнувъ гараздъ...
 Ну, я пиду на коней ще погляну.

Выхидъ.

Ти-жь безъ Степана.

Шляхтычъ 2. А дежь сусидъ?
 Охримъ. Кышени спорожнывъ,
 То певно вже шука порады въ жыда.

Шляхтычъ 2. Порады? Этъ! За пейсы стрипонувъ,
Той знайдутся, посыплются дукаты.

Голосы. Ну, выдай кость! Сто-злотыхъ! Двисти!

Охримъ. Ой,
Панъ певно тежъ до жыда мае вдатысь?
(Смихъ, а дали тыха гра).

Софронъ. (Встае и по паузи). Моя красо, мій вконе зо-
лотый!

О, якъ тебе незмирно я кохаю,
Немовъ злылысь вси почуття мои
У це одно вельчне, свитле слово;
Воно яскрыть у серци крышталемъ,
Воно мене до тебе порыва,
Зозулечко, моя щаслыва доле...
О, якъ я рвусь душею въ Богуславъ!
Стрилою-бъ я черезъ степы полнувъ,
Щобъ взять тебе за рученьку мерщій
Та й на рушныкъ поставыть передъ Богомъ,
Але лежыть мижъ нами далыня
И побороть їи одразу годи;
То жъ кожна мыть, що барыть зустрічъ намъ,
Е ворогъ мій запеклый, ненавысный,
А ворогу не ражу я теперъ
Стать на шляху, спыныть мене въ дорози!
(Выходыть у сины).

Выхидъ. 5.

Ти-жъ и Степанъ зъ двома шляхтычамы, безъ Сохрона (Степанъ стрився зъ Сохрономъ, щось ёму сказавъ, той одійшовъ; шляхтычи, непевно зырнувши на нихъ, пишли до столу).

Жыдъ. (пидходе до Степана). Панъ-лыцаръ мій прямуе
въ Богуславъ?

Степанъ. Такъ, жыде, такъ... въ свое кубельце ридне.

Жыдъ. Ой вей, яке-жъ те мисце, знаю й я!

- Степанъ. Бувавъ?
 Жыдъ. Авже-жь не разъ... и въ панській хати...
 Ридъ знаю...
- Степанъ. Якъ?
 Жыдъ. Хлибъ купувавъ...
 Степанъ. Ага!
 Жыдъ. Адже вашъ димъ у мисти...
 Степанъ. Пальцемъ въ небо!
 На хутори, за мистомъ...
- Жыдъ. Ой! Такъ, такъ!
 За ричвою, бивъ шляху що у Лукы...
- Степанъ. Ха, ха! Брехня! Ну й жыдюга!..
 Жыдъ. Вей миръ!
 Степанъ. Пидъ дубнякомъ, по другый бивъ одъ ричвы.
 Жыдъ. Ай, вопфъ якый порожній въ мене... шлехтъ!
 Сестра була у пана?
- Степанъ. Эге-жь, една...
 Жыдъ (*радо*). Те-те-те-те! Ой слична, ой краса!
 Маненькою ще бачывъ... Отъ такую (*показуе*).
 И сяла вже, якъ сонечко яснѣ...
 Все кыкалы Марусею здається?
- Степанъ. Такъ, такъ!
 Жыдъ. Браты, здається, тежь булы?
 Степанъ. Ни жодного причъ мене...
 Жыдъ. Батько й маты?
 Степанъ. Вмеръ панъ-отець... сама собі вдова...
 Жыдъ. Охъ, охъ, вей миръ!... (*Пауза*). А сивъ-бы панъ
 до столу!

Выхидъ 6-й.

Ти-жь и Мурза та шляхтычъ 1-й.

- Мурза (*до шляхтыча 1-го*) Такъ завтра я оглежу весь табунъ
 И решту дамъ... (*сидя зновъ на свое мисце*)
 Шляхт. 1-й. Преслично, свитлый Мурзо!

(*Весело до жыда*). Що-жъ тыхо въ насъ? Гуляй! Спивай!
Танцюй!

Музыкъ сюды! мазура!!

Вси. (Коло столу). Гей, мазура!!
Жыдъ. (У синь:). Гершъ-ду, музыкъ! И вси панны сюды.
Панны. (Зибравшысь) До паньскои услуги!
Шляхт. 1. Пыйте, грайте,

Спивайте! (*заграе*)

Шляхт. 2. О, якъ панъ нашъ затына!!

Хоръ жиночый. Уланы, уланы,
Малёвани диты,
Кожна панна рада
За вамы летиты;
Не одна паньенка,
Не одна и вдова,
За вамы, уланы,
Полетить готова!

Хоръ спильный. Не одна паньенка,
Не одна и вдова,
За нами, панове,
Полетить готова!

Хоръ хлопьячый. Ой кобиты пышни,
Малёвани пани!
Не одынь зъ насъ гришныхъ,
Лыхомъ васъ спомьяне,
Не одынь піака, не одынь гульвиса,
Васъ, красуни пышни,
Помьяне у биса!

Вси, Не одынь піака, не одынь и т. д.
а жонота. Не одынь піака, не одынь гульвиса
Одъ барыль и пляшокъ
Пиде геть до биса!!

Хоръ спильн. Гынь нудота й смутокъ,
Лый венгжыну въ кубокъ;

Веселысь-но душа,
 Гуляй безъ кунтуша!
 Кохаймося, браття,
 Цилуймося, кобиты...
 Поки кровь въ насъ грае,
 Поки й втихы въ свити!

(Идѣ цей хоръ и музыку танцюють мазура де-яки пары, а рещта пидіукують, приспивують, прытупують).

Степанъ. *(або хто другий; не вытерпивъ).* Гей, шкварь ко-
 зака!

*(Закінчуются танци або козакомъ, або краковякомъ, колы це
 можливо).*

Шляхт. 1. Ну, досыть! Гей!! До столу зновъ, панове!
 До бою я всіхъ влечу!!

Шляхт. 2. Ой, беда!!

Выходъ. 7.

*Ти-жъ, безъ музыкъ и панянокъ; на кону зостаються тилкы
 дви, и зъ ихъ одна въ украинскимъ убори. (Жыдъ пидходить до
 Мурзы, той показуе на одну танцюристку; прыклькають, Мурза
 гладыть по шоци, а потимъ розмовля тыхо зъ жыдомъ).*

Охримъ *(зудрившы Панаса).* Хи, зновъ землякъ! Степанъ
 лыбонь... Попенко?

Степанъ. Степанъ, Степанъ... якъ панъ добродій зна?

Охримъ. Ще зъ пуньянку... Я самъ зъ Великихъ Лукивъ
 И панъ-отця, покійнаго зазнавъ...

То зъ сыномъ вже й чоломкатыся можно?

Степанъ. Авже-жъ! *(обнима)* Авже-жъ! Не то, що можно
 слидъ!

Охримъ. А що, мовлявъ,—до гурту може хочешъ?

Зъ фортуною погратыся?

Степанъ. Чомъ ни?

Вже-жъ не така вона велика пани,
 Щобъ сичовыкъ не змигъ іи чипать!

- Охримъ. Повія, бра! (*До гурту*). Вельможне добродійство,
Ось земляка до столу вамъ прививъ,
Бидкується, що у кышеняхъ мульть.
- Шляхт. 1. Такъ мы ёму ихъ вмыть спорожнымо...
- Степанъ. Тамъ хто кому?
- Шляхт. 1. Ого, завзятий въ ката!
- Шляхт. 2. Держить теперь мицнише чересы!
- Шляхт. 1. Такъ бій на смерть! Пять сотень злотыхъ
ставлю.
- Хто кыда кость?
- Голосы. Занадто дуже!
- Степанъ. Я!
- Шляхт. 1. Хвалю! Люблю!... Дванадцять!
- Степанъ. Двадцять двое!
- Шляхт. 1. Панъ мае, ось...
- Голосы. Ну й ловко! И не зблidyть...
Мовъ тры шагы поставывъ...
- Шляхт. 2. Двисти злотыхъ...
- Хто йде?
- Охримъ. Я!
- Голосъ 1. Я!
- Степанъ. На нихъ ще ставлю сто!
- Шляхт. 1. А я на все, додавши зверху двисти!
- Панна 1. (*до Степана*) Охъ, пане мій! Яый огонь въ
очахъ,
Яка краса въ завзятти необоримъ!
На мене панъ хай ставыть...
- Степанъ. Що-жь за те?
- Панна 1. Подяка... що-жь?
- Степанъ. И тилькы? Мало, мало!
- Шляхт. 1. Взяла слипа... Берунъ ии забый!
А ну ще разъ...
- Голосы. Зновъ выгравъ панъ, отъ штука!!

Выхидъ 8.

Ти-жъ и Сохронъ.

(Мурза встаетъ и бѣе въ долони. Вбѣла два татарчаты. Мурза показуе очыма, одынъ бере подушку, другой камень).

Жыдъ *(Мурзи)*. Тутъ братъ ии, пресвитлѣй володарю,
И запалывсь, якъ порохъ у тѣй гри...
Ой, вей, ферфаль! Впаде напечно въ пастку
Все намъ спрїя.

Мурза. *(Идучы до кимнаты)*. Ля иляга Аллахъ,
У-могомедъ расуль Аллахъ... Алейкумъ!!
Я золота не пошкодую...

Жыдъ. *(маха на прислужныць)* Гить.

(Прислужныци несутъ за нымъ кумысъ).

Сохронъ. Гей, слухай-но... не знаю, якъ дражныты *(Жыдъ пидбѣла)*.
Чы можна-бъ тутъ мени купыть коня?
Щобъ взять пидъ верхъ, а зтомленыхъ на по-
видъ...

Товарышъ мій другого визме ще...
Жыдъ. Ой лыцарю вельможпый, якъ не можна?
И румака, и огыря зъ Карпатъ,
И турьского гонывитра Арапа,
Я панови всякъ ранкомъ покажу
И выбраты напечно буде зъ чого...

Сохронъ. До ранву? Ни! рушаю заразъ я!..

Жыдъ. У глупу вичъ?

Сохронъ. У глупу, такъ... Отъ заразъ
Бахметыкивъ мени ты покажы.
Я й пѣмацькы коня пизнаю...

Жыдъ. Добре...

А лишне-бъ тутъ пидночувать...

Сохронъ *(нетерпяче)*.

Отъ, жыдъ!

Кажу-жъ що ни, що не востанусь зроду,
А винъ свое...

Жыдъ. Я падаю до нигъ...

Вмыть до послугъ... (*Повернувся йты*).

Софронъ (*за нымъ*). Клады-жъ цину помирну...

Выхидъ 9.

Ти-жъ безъ жыда й Сохрона.

Степанъ. Моя черга... шість сотень золотыхъ князь!

Шляхт. 1. Накривъ горбомъ... а ну, скачы пся матирь!

Голосъ 1. Ну й гра, якъ чортъ...

Голосъ 2. А програе, якъ хлопъ.

Шляхт. 2. Паленый грачъ!

Охримъ. Процвындыривъ сылу пецивъ!

Голосы. Дванадцать! Симъ!!

Шляхт. А въ мене двадцать!

Голосы. Взавъ!

Степанъ. (*блудный, тремтыть, бье кулакомъ*).

А! пекло! гынь!!

Панна 1. (*Заграе*). На мене ставъ, но, пане!

Степанъ. Эй, къ бису! Геть! (*одтыха*).

Панна 1. (*на бикъ одходлы*). У, быдло!

Охримъ. Ставъ ривнищъ!

Дивч. (*въ укр. убори*) Хай панъ не гра... тутъ выграты не можна...

Степанъ. (*дыко сміється*) Ага! Метци?

Дивч. Не знаю... я мовчу...

Тилькы не грай, онъ прислухають...

Степанъ. Пизно!..

Остатни ось дукаты... тилько тры!

Голосы. Чы-жъ панъ умеръ?... Чы ставыть що до кону?

Степанъ. Ось тутъ въ руди! (*кыда кости*).

Голосы. Ажъ двадцать тры!

Шляхт. 1. Панъ ма!

Шляхт. 2. Ха, ха, ха, ха! На це чысло й тры пеца!

- О х р и м ъ. Э, брате, зле! Якъ разъ наставъ твій пасъ,
А ты спустывъ...
- С т е п а н ъ. На посьмихъ! Глумъ тай годи!
(до себе) Що тутъ чыныть? Фортуна надійшла,
Немае чымъ за хвистъ ии вхопыты...
Ни шеляга... кримъ жовтякивъ шосты...
Въ Сохрона-бъ то позычыты? Такъ зроду
На гру не дасть... тай мало зъ нымъ... А жыдъ?
Кый бисъ!
- Г о л о с ы. Що-жъ панъ? здоровый кинъ на столи!!
- С т е п а н ъ. А! пропадай! До пецивъ ще й коня!
- Ш л я х т. 2. Чы добрый кинъ?
- Ш л я х т. 1. (реоче). Зъ горы бижыть за витромъ?
- С т е п а н ъ. Та, пане, тутъ такого скрызъ нема...
Взявъ зпидъ паши...—дукативъ зъ сотню вартъ!
- О х р и м ъ. Степану я повирю...
- Ш л я х т. 2. Ну, то йде!
- Г о л о с ы. Симнадцять! О!?
- С т е п а н ъ (несамовыто). У мене двадцять двое!!
- Ш л я х т. 1. Ось двадцять тры!
- О х р и м ъ. Пропаваъ турецкый кинъ!
- С т е п а н ъ. Шельмовство! (схоплюется).
- Ш л я х т. 1. Цо-о?
- О х р и м ъ. Та то проклинъ до лыха...
- С т е п а н ъ (чуло). Охъ, коню мій! товарышъ дорогый!
Не выручывъ... а выручавъ повсюды,
И я тебе незрадного продавъ
За мыть одну пекельного завзяття!
А, сатано! На хвылоньку едыну
Ихъ одурить... И може все верну?
Щось сердце рве и бье въ выскы.. Панове!
Позвольте ще поставыть ставокъ зъ пьять.
Мое добро зашыто въ саквахъ...
Не хочеться перерывать...

Шляхт. 1.

А хто

Поручыцца за пана?

Степанъ (*запальчыво*).

Честь и гоноръ!

Охримъ. Та ще и я!

Степанъ.

Ой, доле выручай! (*Грають тыхо*).

Выхидъ 10.

Ти-жъ и Сохронъ зъ жыдомъ.

Сохронъ. Такъ, колы хочъ—пять сотень польскихъ злотыхъ.

За другога-жъ не бильшь, якъ сотень тры...

Жыдъ.

Вельможный панъ... ласкавый, дуже мало.

Той кивъ гнидый—пидъ гетмана... антыкъ,

Цины нема! Ой, вей, якъ лыцарь сяде,

То закрасыть Украину цилкомъ!

Сохронъ.

Ты языкомъ не ляпай тутъ багато

И не бары часу мени... не дамъ³

И шелега тобі я бильше... Хочешъ

Беры мерщій... Ось золото! (*Высыпа на руку*).

Жыдъ.

Ой, ой!

Хочъ дешево... а пану маю скынуть,

Бо лыцаря такого скрызъ нема!

Сохронъ.

Ну, ну, не гай! Ось маешъ всеньки гроши

За два коня...

Жыдъ (*мчыть*)

Такъ вирно!

Сохронъ.

А теперъ

Скажы мерщій, сидлаты ихъ, бо йду...

Жыдъ.

Та можебъ панъ спочывъ...

Софронъ (*кризно*).

Убью, якъ пса!

Жыдъ.

Бижу! (*на бикъ*). Нехай ёго мудруе маму!

Сохронъ.

Отакъ гараздъ! Теперъ безпешно намъ.

И дощъ ущухъ—за тры дни будемъ дома!

Колы-бъ воны перелетили своимъ,

Чы маревомъ розвіялысь по степу...

Якъ занудывсь я, зирочко моя,
 Жду й не дождусь хвылыны раювання...
 Ну, та теперь не зымь и не досплю
 А буду знай летить до Богуслава...
 Де жь мій Степанъ? Чы-ба! Такы устрявь!
 Э, годи жарть! (*пидходить*) Степане, гей, Сте-
 пане!

Цокынь, вставай! Вже кони пидь сидломъ!

Шляхт. 2. Ни, перше панъ насъ поквитуе...

Шляхт. 1. Правда!

Степанъ (*злостно*). Я не встаю... Панове... Килька сливъ...

(*до Сохрона*). Не можу я рушаты звидсиль заразъ...

Ты постривай...

Сохронъ. Я? тутъ, тривать? шкода!

На чорзна-що, щобъ я хвылыну тратывъ!

Та завалысь земля!..

Степанъ. Що-жь... бачышь,, такъ

Ніяково...

Сохронъ. Этъ, лыхо? Кынь дукаты,

Що тамъ програвъ, що выненъ имъ—и квитъ!

Рушаты часъ! Купывъ я двое коней!

Степанъ (*зъ жаромъ*). Истратывъ все?

Сохронъ. Ни, злотыхъ зъ двисти е!

А що?

Степанъ. Та такъ (*на бикъ*). Я въ десятеро выненъ.

Годыны зъ дви пожды... наибильше тры...

Сохронъ. Прогайнувать на тры годыны щастя?

Я не здуривъ... та и для чого це?

Щобъ затыгтысь въ запали до нестяму...

Розсатаныть себе въ пекельній гри.

Степанъ. Прошу наибильшъ, що на годыны дви...

Сохронъ. Не можу...

Степанъ. А! Уважь хочъ на годуны!

Сохронъ. Не можу, ни!

Степанъ. Бабій!

- С о х р о н ь. А ты пакъ хто?
Сестра чека въ слезахъ, въ тривоzi, въ тузи,
А братъ затывъсь зъ паскудствомъ у корчми...
- С т е п а н ь. Сестра, сестра! Що зъ нею статысь може?
Пряде, спива спокойно и безъ слизъ...
- С о х р о н ь. Ты по соби, розбещенный...
- С т е п а н ь. Э, брате,
Опекы я не потрибую... й самъ:
Повчыты-бъ змигъ...
- С о х р о н ь. Кого? мене? Ну, спробуй!
Жыдъ (*входять*). Готово все!
- Ш л я х т. 1. Що-жъ панъ?
- С т е п а н ь. Я вмыгъ (*до Сохрона*).
Пожды...
- С о х р о н ь. Ни хвыли!
- С т е п а н ь. Звирь!!
- С о х р о н ь. А ты-жъ то хто, друзьяка?
Для вапосты...
- С т е п а н ь. Та не для бабы, ни!
- С о х р о н ь (*за шаблю*). Колыбъ не братъ ты бувъ Маруси.
- С т е п а н ь. Къ бису
Изъ нею йды!...
- (Жыдъ *полохлыво* пидходить до мурзы и щось горяче ему
розказуе.)
- С о х р о н ь (*выхотывъ до половыны шаблю*).
Эй, слово ще! (*опомятававшысь*).
- Ш л я х т. 2. Що-жъ панъ?
- С т е п а н ь (*до тляхтыча*) Я встаюсь!
- С о х р о н ь. Такъ я безъ тебе йиду...
- С т е п а н ь. Пидъ тры чорты!..
- С о х р о н ь. А, гынь ты у багни! (*выбиа*).

В ы х и д ь 11.

Ти-жъ безъ Сохрона.

Ш л я х т. 1. Панъ забарывсь... ждемо... остатня ставка..

Ш л я х т. 2. А потимъ вже панъ прынесе саквы...

Рятунокъ намъ... у Мурзы сыла грошей...

(*Степана мало не тягне*).

Пресвитлѣй панъ такее сердце ма,
Явого вже на цилимъ свити годи...
Ось лыцарь мій до ласкы поклыка:
Ему на часъ потрибни, вей миръ, гроши...
На малый часъ: зъ бавшышомъ верне... Я
Ручаюся, на балабусту й диты!

Мурза. У позыку? Аллахъ! Я не лыхварь!
Але я радъ запомогты въ прыгоди,
Колы юнакъ споможе и мени...

Степанъ. Не все гараздъ я розумію...

Мурза. Пане,

Я закохавсь въ твою сестру, и отъ
Колы мени споможешъ ии маты,
То заплачу ажъ двадцять сотень лиръ.

Жыдъ. Ой, скарбъ!

Степанъ (*зъ жаху*). Що? Якъ? Сестру продать въ неволю?

Мурза. О, твій языкъ не ти слова вжыва...
Твоя сестра—моя неволя й згуба,
Для неи дамъ чудово-пышный рай...
Вона моимъ подружжамъ первымъ буде,
Владыкою незличенныхъ скарбивъ;
Скривъ панувать—ии це буде воля.

Жыдъ. И панъ мовчыть?.. И про сестру не дба?

Степанъ. Сестра, сестра! Охъ и яка-жь спокуса!
Але продать?.. Невири дать въ ясырь?
Пекельный грихъ, безчестіе довичне!

Голосы (*промижъ себе*). Що-жь це за жарть? На гоноръ гравъ!
Отъ зухъ!

Шляхт. 2. Провчыть ёго!

Шляхт. 1. Мени Охримъ заплатыть!

Мурза. Зъ горы я дамъ... отъ заразъ десять сотъ,
А решту вже, колы до рукъ визьму я
Мою зорю...

Жыдъ.

Ой, що-жъ то за гешефтъ!
Царыцею сестра... и стильки грошей...
Ажъ крутыть кофѣ...

Степанъ.

Туманъ стоитъ въ очахъ...
А тутъ пече... Товарыша израдыть...
Сестра... тамъ—рай... а тутъ—публика, смерть...
А винъ пыха... чернецъ...

Вси.

Що-жъ панъ заплатыть?

Чы, якъ шахрай...

Степанъ.

А! Кляти!.. Згодень я!
(*Перебыва Мурзи руку*)
На гоноръ мій!!

Мурза.

Я вирю... Маешъ гроши (*дае*).
Умовимось.

Жыдъ.

Ой, дали-бугъ гешефтъ!

Степанъ (*кыда на стилъ частыну*).

Давиться! Ось! Але теперъ хто пысне,
Такъ гоноръ я на шкури покажу! (*Выйма шаблю*)
(*Вси накынулись мовчки на дукаты*).

Мурза (*зорта руки*). О, раю мій! Ля-илляга Алейкумъ!

З а в и с а.

ДІЯ І.

Зправа видъ актѣривъ, на першимъ плянѣ, фасадъ будынка старолавнѣго, зъ рундукомъ, ганкомъ. Пидъ рундукомъ на передкони стоить широка лава. За будынкомъ выдко други будуванна: клуню, амбаръ то-що. Злива левада. Въ глыбны килька проризныхъ деревъ: черезъ прогалыны выдко осяяный сонцемъ Богуславъ. Надъ вечиръ.

В х и д ь 1.

Ганна, Маруся, Сохронъ и Леся.

(*Настя сидыть на лави зъ Лесею, шось передывляються, шють, ютують. Леся часто черезъ рундукъ бига въ будынокъ и выно-*

сыть нови убрання. Сохронъ зъ Марусею выходятъ изъ-за будынку, прямуючы на передкинъ).

- Сохронъ. Якъ пышно скривъ, лвыи чудовый день!
Така-жъ весна теперъ въ моёму серци:
И соловей щибече чаривно,
И цилый мыръ красуе закоханнямъ...
Охъ, зиронько, мій раю неземный!
Твоя краса уси дыва створыла:
И перса ци, гартовани въ бояхъ,
Застужени у сичовыхъ негодахъ,
Твій взиръ палкый, яскравый розтопывъ
Для радощивъ, для втихъ, для раювання!
- Маруся. Твои слова, мій соволе ясный,
Спаляють выдъ... Не знаюсь я у чарахъ!
Росла я тутъ у скрытій гущыни,
Пидъ ласкавымъ дозоромъ батька й ненькы,
Въ захованнимъ кубельци й розцвила,
Не знаючы ни чаривныхъ роскошивъ,
Ни бенькетивъ, ни ласощивъ чадныхъ,
Ни жодной спянилои прынады;
Про чудеса на свити чула я,
Хиба въ казкахъ, видъ нашої бабуси,
И скарбъ отой въ моій души будывъ
Хымерный стрій и злotosяйни мріи;
А серденько у мене розцвило
Пидъ дзвономъ кобзъ, пидъ плачемъ думъ жур-
львыхъ;
- Сохронъ. Прокынулась у-перве и любовь..
Любовь? Кому-жъ дисталося те щастя
У чысти сны пидкынуты вогонь?
- Маруся. И кобзарямъ, и неньци моій ридній,
И дидови,—що надыхнули палъ
До ридного, до доли Украины...
- Сохронъ. О, квите мій зъ ясныхъ райськихъ садкивъ!
Въ твоій краси, въ твоій души прозорій,

- Въ твоимъ чутти и серци неземнимъ
Така буя неборыма сыла,
Що їй усе схыляется до нигъ—
И сталь, и мидь, и жала стриль, и лѣза,
И пѣгукы непереможныхъ бурь.
- Маруся. Слицуешъ ты, мій орле сызокрылѣй,
И наддаешъ мени таку вагу,
Якои я, нескрыляна, не маю.
Зневирышся—и выкохаешъ жаль,
А потимъ жаль проймѣ морозомъ душу...
- Сохранъ. Зневирюся я? Та швѣдче небо це
Свою ясну завису розпанаха
И жмутомъ вышъ на землю упаде;
Скорышъ земля, ця нездыжна твердыня,
Розїдется на скрепахъ и впаде
У прорвыща пекельной безодни,
Нижъ вкрадется зневирря у мій рай
И холодомъ обвіе мою душу!
- Маруся. Не вмю я, мій любый, розказать,
Якъ серденько веселкою трипоче,
Голубкою до тебе прыпада...
Одно тобі лышь шепитну, що чую
У серци я щаслывый, дывный спивъ,
Якый дзвеныть и зѣхватомъ, и ладомъ,
И въ тыхый рай всю душу порыва.
- Сохранъ. Моя, моя! На выы и за выы! (*Обнима*).
- Маруся. Клянусь тобі подружжамъ вирнымъ быть!

(Прыпада тыхо, по паузи заходють вливо).

*(Чуты ледве-ледве здаля веснянку. Спивъ разъ-у-разъ то стыха,
то зновъ выныка).*

Выхидъ 2.

Ти-жъ безъ Сохрана и Маруси.

*Леся (ныже намысто и мовъ-бы пидъ прыспивъ хора и соби
пидтяга).*

„А-вже-жъ весна, а-вже-жъ красна—изъ стрихъ вода капле“...

Свинчыла вже остатни намгста:

Ось зъ янтарю, ось зъ перливъ, ось зъ кораливъ;

И дукачи добрала золоти...

Погляньте-бо, якъ сяють, пани-матко!

Г а н н а. Гараздъ, гараздъ... ты маешъ доню смакъ...

У тры разы?... и дукачи?... чудесно!

Серпанкы ще прыстроить треба!..

Л е с я.

Ось

Я прынесла изъ били и шовкови,

Прычепурю кораблыкъ.

Г а н н а.

А ну, ну;

Я-жъ ще оци спидныци поскладаю.

Здаеця вже, усе въ насъ до ладу,

Не голою выдаемъ Марусю.

Л е с я.

Не голою? Та ахне Богуславъ

Видъ задросты! Ажъ тры здорови скрыни

Набыто вже добра того зъ верхомъ,

А це ище й четверта буде повна,

Кримъ кылымивъ...

Г а н н а.

А зъ усёго добра

Братъ сплатыть ий не менше, якъ третыву.

Л е с я.

Э, що й казать! Та наша молода

Забъ усихъ заможнистью й красую...

За подругу пышатыму и я!

Ну, ось убиръ... прыкыву я до чола (*встае*).

Чы до лыця?

Г а н н а.

Чудово!

Л е с я.

Люстра-бъ! Ой,

Якъ хочется поглянуты на себе...

Я побижу...

Г а н н а.

Стій, возо! Онъ вода:

Въ видро й дывысь!

Л е с я.

Ага, ага! (*Дывытця*). Ой чудо!

(*Чуты, якъ оддала спиваютъ веснянку*).

Ой матинко, якъ гарно, далеби!
 Колы-бъ мерщій мени до шлюбу статы...
 Я побижу до подружокъ—генъ, генъ!
 Хай глянуть, якъ въ малжонскимъ мени строи!
 Ажъ завыдки ихъ вкоплють... Ха, ха, ха!!
 (Побигла).

Г а н н а. Та стій! Куды? Отъ дзыга ще, тай годи!
 По хутору собакъ дражныть, чы що?
 Щобъ обнеслы серпанокъ и спидныцю?
 Зъ веснянкою дїйдуть вони й сюды,
 А покы-що тутъ поможи прыбраты...

(Озирается). Де-жъ наши це, обручени диткы?

Л е с я. Туды пишлы... генъ ходять по левади...
 Поклыкаты?

Г а н н а. Нехай соби гудуть,
 Якъ голубкы... Колы-жъ и буркотаты,
 Якъ не теперь!.. За сыротою Богъ:
 Малжонка давъ хорошего Маруси,
 Поштывую дытыву давъ мени:
 Не піяка, не лодаря-гульвису,
 А лыцаря вже славного.

Л е с я. Охъ, охъ!
 А спивакá якого на бандури!!

Г а н н а. Тоби одно!

Л е с я. А такъ, колы козакъ,
 Та хорошунъ, та на бандури грае,
 Та ще й спива... то Боже, Спасе мій,
 Не встояты ни за́що, а ни-за́що!

Г а н н а (сміется). Охъ, дивко, охъ! Яка-жъ бо ты слаба!
 Невильный винъ, обрученный...

Л е с я. Дарма!
 Хиба отбыть ёго на думци маю?
 Мени абы послухаты писень...
 Ато-бъ такы у подругы, посестры,
 Колы й сама...

Г а н н а (*обнима и голубить*). Та знаю, знаю я
И тайну твого серденька ..

Л е с я. Мамо!

Г а н н а... Такъ, мамою и буду...

Л е с я (*змишалась зчервонила*). Боже мій!
Не знаю й якъ! (*Цилуе руки*). Такъ я увесь цей
МОТЛОХЪ

Перенесу въ середню... и видро
Геть прыберу и почвы... а намысто
И дувачи у скрыньку положу...
А може ще що пани-матци треба?
Вертאותся гень наши молоди... (*побила въ бу-
дынокъ*).

В ы х и д ь 3.

Ганна сама.

Не дочекавсь мій панъ-отець до втихы,
Побачыты зъ дружыною дочку,
Укохану еднью Марусю...
То-бъ радувавсь небижчыкъ дорогой!..
Теперь тоби, моя сыритко люба,
Благословення дасть чужа рука,
А ридная лежить въ глыбокій ями
Пидъ тяжою чавунной плиты... (*утера слёзы*)
Але вона за щастя твое, доню,
Пиднимется на тимъ свити въ мольби
Передъ яснымъ винцемъ Святой Дивы...
О, Господы! Ты—мылосердя скарбъ,
Твоихъ щедроть не пересохне море...
Поглянься-же зъ райськїхъ Своихъ осель
На доленьку рабивъ твоихъ сумырныхъ,
Сохрона та Маріи, и пошлы
Имъ лагоду, та тыхе, довге щастя! (*Пишла*).

Выхидъ 4.

Леся зъ Степаномъ.

Леся *(зновъ выхидыть на рундукъ и, глянувши за мистокъ, зуплынылась, приложивши до очей руку).*
Здаеця винъ, мій сокиль, мій орель...
Не даромъ же затѣхало серденько...
Такъ, винъ и есть...

Степанъ *(зъ-за мистка наблыжаеця).*
Вже Мурза тутъ... провивъ
Яругамы цю татарву въ диврову...

Леся *(идбиа).* Мій голубе!.. На мене й не зырне,
Встромывъ чогось у землю свои очи
Чы-жъ сердышся?

Степанъ. Ни, не того...

Леся *(заирае).* А що-жъ?

Може знайшовъ соби дивчѣну другу?

Ну, признавайсь! *(Крутыть ёго)*

Степанъ. Ото-ще!

Леся. Э, щось е...

Нечевне щось, непевне... Не оманьшъ...

Мовъ вареный... и голосу не чутъ...

Щось на души нечисте... Щось зрадливе...

Степанъ *(дрижыть).* Та що ты? Цыть!

Леся. Зъ лыця ты навить
зблidyть...

Ховаеця одъ мыру, наче злодѣй...

И глянуты у вичи..

Степанъ. Лесе, цыть!

Охъ, не вражай!..

Леся. Колы гриха не маешъ,
То усмихнысь и прыголубъ мене,
Якъ першъ було, хочъ тыхымы словами...
Чы може я тоби обрыдла вже
И хочешъ ты видкынутысь?

- Степанъ (на бикъ). Не могу...
Горыть, пече...
- Л е с я. Та що ты! Схаменись!
Скажи мени... признайся... що тамъ сталося?
Чы зновъ беда... чы втрата... чы похидь?..
Що жъ ты мовчышь? Я далеби заплачу...
- Степанъ. Не сыла... эть!
- Л е с я. Та що за тайна?
Промовъ мени, безъ жартивъ—це образа..
Не хочешъ, ни?
- Степанъ. Охъ!
- Л е с я (розсердылась). То бувай здоровъ..
Козаче мій!.. (Шила на рундукъ).
- Степанъ. Будь проклятый, скориче!

В ы х и д ь 5.

Степанъ одынъ.

- Степанъ. Прокляття! А! Ударь хочъ зъ неба гримъ,
Убий мене, зрадлывого Іуду!
Іуду... такъ! Я ридную сестру
Продавъ въ ясырь, въ неволю бузувиру..
За золото зневажывъ свою кровь,
Зламавъ кильце, якимъ Богъ ридъ еднае,
Втоптавъ въ багно зъ вибивъ святой законъ
И на загынъ давъ хрыстіянську душу!
Іуда! Гиршь! Той хочъ одвагу мавъ
Порваты вмытъ свое жыття гыдыве..
А я?.. Я—тхирь! Третьты оця рука,
Не зводытся до лыцарського вчынку..
Не вже-жъ то ни? (Хапається за кинджалъ)
Э, пизно! часъ мынувъ:
Тепера смерть ще більшъ накойтъ лыха..
Ихъ тутъ загынъ... Зборонцивъ въ насъ нема..
Все выпалють и вырижуть невиры,

Колы зламаты имъ слово... О, я звить,
Я вѣбродокъ всесвѣтнѣи гыдоты! (*Забѣла*).

Выхидъ 6.

Ганна, Маруся, Сохронъ, а потимъ и Леся.
(*Впродовжъ цїи сиены чуты оддала хоръ*).

- Сохронъ. Тры дни—и рай... Але якъ тыхо часъ
Сей точытся... Неначе дидъ зъ похмилля...
- Маруся. Зъедналы насъ свѣти вже молитвѣ:
Я и теперь твоя, мій орле сызый,
И прысяглась цымъ серцемъ не зражать,—
Чого-жъ тоби бентежытысь?
- Сохронъ. Не знаю,
Але тоди тривога одлетыть,
Колы нашъ шлюбъ жаданый завершытыся,
И я ёго, якъ сонця-правды, жду.
- Маруся. И диждемось, колы въ тимъ Божа воля;
Але чого намъ прыспышаты часъ,
Колы дае и радисть винъ, и щастя,
И втихою намъ душу напува...
Хиба, тоби, мій орле, мало раю?
Хиба тебе и винъ не вдовольня?
Чого-жъ жадать прыйдешнѣи хвылыны,
Колы оця сучасна чаривна?
Колы-бъ моя була надъ часомъ воля,—
Я-бъ крывнула цїй мыти: „зупынысь
Въ своимъ прудкимъ полѣти; ты прекрасна,
Ты радистью мени сповняешъ свить“!
- Сохронъ. Твїй голосокъ бреныть чудовымъ спивомъ,
Въ твоихъ очахъ и любоци, и рай...
Въ твой краси небесна перемога:
То-жъ я боюсь, щобъ сварбъ мій неземный
Прыгода зла не вырвала! Ще тры дни!

Маруся. Твои страхі бентежуть и мій духъ,
Щось за тяжкѣ прокралось въ мое сердце...
Глянь—сонце гра, ни хмаронькы, ни млы
На бани цій блакитній та прозорій,
Чого-жъ намъ ждаты тыхъ лыховистныхъ бурь?
Вже й день ясный скинчытся незабаромъ,
И тилькы два зостанеться намъ дни...

Сохранъ. А все жъ то два. (*Цілує її*).

Маруся. Охъ, не смуты серденька,
Воно й само щось ные и тремтыть...

Сохранъ. Нема чого полахатысь зи мною:
Хоть-бы вся тьма нечыстныхъ вражыхъ сыль
Изъ-пидъ земли, изъ прорвыць злосмердючыхъ
Повстала вразъ, то перса ци й рука
Тебе, зорю, одъ неи заборонють;
Край нигъ твоихъ кисткамъ ляжу я,
И навить ихъ не переступыть ворогъ!

Маруся. Такъ, виро я! Ты лицаремъ, орломъ
Мени запавъ найперше въ сердце... Дужыхъ,
Побидныкывъ, звытяжчивъ запальныхъ
Воно любыть, кохаты тилькы й може...
И марытся, що по Украини ты
Сврызъ досягнешъ и славы, и почоту,
И схылытся до нигъ твоихъ чоломъ
Уся пыха, мизерією вкрыта...

Сохранъ (*Усмихається*).
Дытяти сны. Насъ пани-матка жде...

Маруся. Матусенька? Ходимъ, тамъ поручъ сядемъ...
Про славу ты розкажешъ, про бои—
Матуся тежъ послуха...

Сохранъ (*обнима*). О, мій раю!! (*Пиишы до рундука*).

(*Ганна ще ранниъ выйшла и зъ рундука выгляда ихъ*).

Выхидъ 7.

Ганна, Сохронъ, Маруся, а потимъ и челядь.

- Ганна. А я усе васъ вызыраю тутъ,
Бо чую вже самотыну старечу,
То й нудъ бере...
- Маруся. Ой, мамо, не тужить:
Я васъ самыхъ не кыну... такъ, Сохроне?
- Сохронъ. Конешне, такъ... Побудемъ вкупи часъ,
А то—до насъ...
- Ганна. Э, теща, любый зятю,
Залышня ричъ въ кубельци молодыхъ...
- Сохронъ. Крый Боже!
- Ганна. И! То такъ воно здається,
А потимъ зять щось ынше заспива...
- Маруся. Ой, зроду ни! Та то була-бъ образа
Мени така, що и не знаю...
- Ганна. Бачъ,
Уже й пишла за мене суперека...
Якъ Богъ судывъ, то такъ и буде! Ну,
Сидайте-жъ тутъ, бикъ мене, голубьята!
Дывылась-бы, не зводючы очей,
Та слухала-бъ все ваши буркотання...
- Маруся. Ось, ненечко, Сохронъ розскаже намъ
Про сичови прыгоды...
- Сохронъ. Щожъ-бы саме?
А, отъ хиба про гемонський походъ,
Що насъ завивъ за Тендеръ на погыбель.
Зладналы мы чаѣкъ десятивъ зъ пять,
Щобъ понестись по морю до Сынопа,
Та погулять на славу у неvirь,—
Добра добуть и вызволить зъ кайданивъ
Невольныкивъ,—товарышивъ, бративъ,
Що гынуть тамъ по тюрмахъ та галерахъ...

- Маруся. Ой, делечко! Спивають кобзари,
Якв тяжка робота имъ и мука!
- Ганна. Такъ, доню...
- Сохранъ. Ну, прокралысь мы Днипромъ,
Тай выплылы до свита въ Чорне море...
Отъ вырнуло и совечко изъ млы—
Осяяло хыстке й ясне роздолля:
Воно кругомъ яскрыло, якъ сафыръ,
За край небесъ розкынувшыся лономъ;
Здавалося, що баня незмирна
Зъ хмарынами хытається пидъ нами,
А мы немовъ въ блакити несемось
Надъ прорвою, безоднею страшною:
То здймутся вси весла, то пирнуть,
Блыснувши вразъ—срибломъ чы адамантомъ,
А хвыля гра пидъ проминемъ яснымъ,
Гойдае насъ, пестуючысь, ласкаво:
Чайкы летять поломанымъ ключемъ,
По сынёму витрыламы биліють...
А на чайкахъ, неначе макъ, шапки,
Ажъ мріють скрызъ червонымы рлдками,
А серденько-жь и мліе, и тремтыть!..
- Маруся. Ой, гарно-жь якъ, ой пышно! Боже мылый,
Колы-бъ мени побачыть дыво те!..
Здається, я пташыною-бъ отъ заразы
Полынула... Та де узять крылець?
- Ганна. Хто видае: жыття, що довга ныва,—
На ій якъ разъ спиткаты можно все!
- Сохранъ. Наврядъ тилькы, щобъ моря досягнула;
Та ничого й нудытыся за нымъ—
Ему не вирь,—воно знаднѣ й зрадлыве...

(Леся выходыть зъ бандурою и зупыняється)

Отъ плывемо, спиваемъ и люльки
На вильному мы, вильни, запалылы...

Про лихо въ насъ а-ни гадокъ нема,
 А вже воно чатуе за плечыма!
 Старезный дидь на чайци въ насъ сыдивь,
 Що зъ моремъ знавсь, якъ зъ шаблюю своєю;
 Отъ, глянувъ винь у дальню й прорикъ,
 Що зъ билои хмарынкы встане туча.
 Не вирылось... а хмаронька проте
 Росла й росла, темрявылася млоу
 И морокомъ все небо поняла...
 Насупылось, ажъ почорнило море,
 Зшварубылось, мовъ груба та рилля,
 И зайкомъ скрызъ заплыгавъ билый гребинь...
 Дыхнувъ Борунъ, витрыламы шарпнувъ
 И знову стыхъ. А наказный гугае:
 „На дно чаёкъ покласты щоглы вымыть,
 За весла вси! Пыльнууй, стернычый, остро!
 Насупроты бурхлывыхъ хвиль керуй!“

Маруся. Ухъ, страшно якъ!

Ганна. Ховай ихъ Маты Божа!

Леся. А я-бъ отамъ хотила буты, страхъ,
 Посмакувать, яка то смерть на очи!

Сохронъ. Розпатлана, скажена й нависна!
 Завыла вразъ, немовъ видёмъ тыхъ зграя,
 И заревла, немовъ страшенный звирь...
 Запынылось и застогнало море;
 Хыстка гора на гору пиднялась,
 Помежы ныхъ розкрылись чорни прорвы,
 И темрява зловисна налягла...
 Мовъ трисочка злитала чайка вгору
 И падала въ роззявлену глыбинь...
 А навкругы росли тремтячи скели,
 Схылялыся розтрипанымъ чоломъ
 И поглынуть ярылысь шкарлупыну...
 У нелади розсатапылыхъ сыль

- Вбачалося вже свита преставлення
 И гризний часъ остатнёго Суда.
- Маруся. Охъ, матинко! Погнуты запорожци...
 Якъ жалко ихъ, ажъ сердце замира! (*Тремтѣть*)
- Ганна. То-жъ, донечко, борци святи за виру,
 За воленьку и за пытымый край...
- Маруся. О, Боже, дай, щобъ лыцарство буяло!
 Щобъ славою вкрывало намъ жыття!
- Леся. Ну що-жъ, якъ тамъ?
 Сохронъ. Погыбель нависала,
 И стали вси чытаты мольтвѣ...
 Пиднявсь тоди старезный дидъ на лави,
 У билому и билый самъ, якъ лунь,
 Ажъ мыготивъ срибломъ на витри волосъ,
 И голосно промовывъ до бративъ:
 „Розжеврилось напастю Чорне море
 И лютистю на всихъ насъ зазиха,
 Жадаючи видъ братчыкивъ охвиры...
 Вси гришни мы предъ Господомъ Святымъ;
 Та юнакамъ ще довга въ свити ныва,—
 Имъ треба ще покутувать грихи
 Та послужыть и Богови й родыни;
 А я, лыбонь, другый вже викъ жыву,
 И потрудывсь для мыру й для покуты,
 То й слидъ мени ще браттямъ спомогты
 И вызволыть зъ тяжыхъ обіймыщъ смерти.
 Простить мени, колы я выненъ чымъ
 И словомъ злымъ мене не спомьяните“!
 Промовывъ те и, першь нижъ стямывсь гуртъ,
 Мелькнувъ унызъ и счезъ у чорній прорвы...
- Маруся. Ой, Боженьку!! (*Упала до матери зъ рыданнямъ*).
- Ганна. (*упада*). Марусю! Годи!! Цыть!
- Сохронъ. И на що я розказувавъ? Просыла-жъ,
 А отъ теперъ серденько надрыва!
 Зозулечко риднесенька! (*Пестыть ѳи*)

Г а н н а.

Вгамуйся!

Л е с я.

Напийся ось водици... *(подае)* хочь ковтокъ!

И чымъ ии-бъ розважыты? Сохроне,

Бандура ось... заграй и заспывай! *(подае)*

С о х р о н ь.

Раднишій я, абы просохлы слезы! *(Прыирае)**(Спива)* Вылиталы орлы,

Зь-за крутой горы,

Вылиталы, буркоталы—

Роскоши шукалы... и т. д.

(Потимъ переходить въ танцюрысту)

Колыбъ мени хочь запаска

Й понередныця,

То побигла-бъ до млына я,

Поки мелется;

Ой чукъ, чы не чукъ

Мій мырошнычокъ:

Назбираемо въ долини

Та волошечокъ!

Ой волошкы сынесеньки,

Жыто съ колосомъ,

Утомывся мылесенькый,

Лежыть покотомъ...

Ой любъ, чы не любъ—

Годи вже казытысь,

Треба статы на шлюбъ,

Нема де подитысь... и т. д.

—

И шумыть, и гуде,

Дрибенъ дощыкъ иде,

А хто-жъ мене, молодую,

Тай до дому проведе?

Обизвався козакъ

На солодкымъ меду:

Гуляй, гуляй, дивчинонько—

Я до дому проведу!

Ой дивчына горлыца
 До козака горнется,
 А козакъ, якъ орелъ,
 Якъ побачывъ, тай умеръ!

Выхидъ 8.

*Тижъ и килька зъ челяди: бабуся, дивчына, парубокъ и дидъ.
 (Выйшылы воны, хто зъ ганку, хто зъ-за будынку, ранише на спивъ
 и зупынылысь на ходу).*

Дидъ (писля першой писни Сохрона, помы той прырае
 на бандури)

Ну, тай спива!

Баба. Чудово, якъ и ты

Колысь спивавъ...

Дидъ (хыта юловою) Згадала!

Дивчына (до парубка). Охъ, якъ гарно!

(Писля першого куплета 2-ой писни)

Ой, ця така, що ажъ дрижать жыжы...

И пидкивкы ажъ цокають!...

Парубокъ (локтемъ пидъ бикъ). А спробуй!

Леся. (Почала за першымъ куплетомъ прытанцёвувать
 и тятты у танецъ Марусю, а та упираеця)

Марусенько, та ну-бо, усмихнись,

Та округнись зи мною...

Маруся Охъ, не слыуй!

Не те теперь у мене на души...

Леся. Та слухай-бо, якъ грае и спивае,

Я-бъ кынулась на шыю... (Все прытанцёвуе).

Маруся (усмихнулась). Хто-жъ миша?

Дидъ (парубку). Отъ ще глухий! Бандура гра, ажъ
 дзвонить,

А винъ стоить та тилькы мне ханькы;

Та я бъ майнувъ зъ дивчыною, якъ буря,

Щобъ ажъ земля здвыгнулась... Этъ, сопй!

Та йды-жъ, иды!

- Парубовъ (опынается). У будень?
 Дивчина (заирае до ёго). Ну-бо, Грыцю!
 Дидъ. Покинь его! А говъ, стара, хочъ мы
 Покажемо, (окручуе бабу) якъ вовну треба мьяты!
 Баба. Чы не сказывсь? Ой лыхо!
 Сохронъ (зрыва остатній аккордъ). Ну, кинець!
 Не подолавъ Марусыного жѣлю!
 Маруся. Ни, фара я... спасыби!
 Гапна (цилуе его въ голову). Зятю мій,
 Задовольнывъ стару ты, ажъ слёзоу
 Умылася, а отъ уже й сміюсь...
 Ходимъ въ покой, я покажу ще посагъ,
 Якый даю...
 Сохронъ. Та на що, мамо, винъ?
 И безъ ёго Маруся скарбъ...
 Ганна. Ни, зятю,
 Ходимъ, поглянь!... Кримъ того маю я
 Зъ тобою ще перебалакаты...
 Сохронъ. Заразъ:
 Послухаты мою матусю радъ...
 (Выходють; челядь тежъ розійшлась).

Выхидъ 9-й.

Маруся и Леся.

- Леся. „Такъ хто-жь миша?“ И ты-бъ не ревнувала?
 Маруся. Я? Байдуже!
 Леся. Колыбъ отъ на очахъ
 Я кинулась Сохрону на шыю?
 Маруся. Ни гадонькы!
 Леся. Ты рыба, а чы що?
 Та я бъ за те повидерала очы!
 Маруся, Ой, лышенькы! Та ты якась чудна,
 Тебе гараздъ и зрозумить не могу:
 То хочеться тобі всіхъ цилувать...

- Л е с я. Не всіхъ, не всіхъ... а мылого...
- М а р у с я Не знаю,
Мени таке и въ думку не спада:
Я-бъ слухала чудови розповидкы
И день, и ничъ—про славу козаківъ,
Втишалась-бы лицарськымы писнямы,
Не зводячы зъ коханого очей,
Колы воны горять сватымъ завзяттямъ...
А лащытысь мене и не кортыть...
- Л е с я. То ты така холодна, наче крыга?
Не видаешъ, якый у серци палъ,
Колы ёго огорне закоханя?
Прытыснутысь до мылого-бъ щильнишъ,
Въ обіймыщахъ солодеыхъ зайимиты,
Въ цилункахъ злыть, стопыть свои вуста
И вчадиты одъ любощивъ: то-жъ щастя,
То-жъ втихонька, то невымовный рай!!
Для ёго все—себе и мырь забудешъ!
- М а р у с я. Цыть, ясочко! Та ты таке верзешъ,
Що ажъ морозъ по шкури йде и пломинь
Видъ сорому у выдъ мени пашыть...
Кохаю-жъ я, але того...
- Л е с я (*пажо*). Ты крыга!
- М а р у с я. Вже й лагется...
- Л е с я. Не вірю я... брехня!
Щобъ ни жагы, ни палу? Ты не любышь!
- М а р у с я. Ба ни, люблю...
- Л е с я. Якъ песъ хороший кій!
- М а р у с я. Не ображай!
- Л е с я (*обнима*). Пробачъ мени, лебидко...
А серденько твое ще мицно спыть.
Та цуръ ёму!.. Зъ горы идуть дивчата
Зъ веснянкою... А ну, на чоли стань,
Та звездычай и весну, й любе щастя,

Яке вона несе тобі й мені! (*Поспишають обыдеи до курту*).

Вихидъ 10-й.

Ти-жъ и дивчата въ винкахъ.

Дивчата. Зъ весною васъ, бувайте-но здорови,
Марусенько и Лесе!

Лесе и Маруся. Дзяк вамъ!
Бувайте й вы!

Лесе. А ну, Марусю, въ коло,
Чы на чоли!

Дивчата (*беруть за руки їи*). Голубко, почынай!
Маруся (*спива и за нею й хоръ*).

А вже-жъ весна, а вже-жъ красна,
2) Изъ стрихъ вода капле;
Козаченьку молодому
2) Мандривочка пахне! и т. д.

Водють кола зъ розмаитымы фигурами.

Вихидъ 11.

Ти-жъ и Мурза зъ татарами.

Мурза (*выскакуе*). Аллахъ керымъ!! Моя, моя!!
Дивчата (*шарахнули*). Татаре!

Мурза (*хапа Марусю*). Моя ханымъ! (*до татаръ*)
Хапай и вымыт назадъ!

Дивчата. Рягуйте! Ой! (*татаре похопылы де-кого й счезлы*).
Степанъ (*выскакуе*). Справдывъ козаچه слово..
Але теперь ты ворогъ, и сестру
Одибье брать! (*Добува шаблю*).

Вихидъ 12.

Ти-жъ и Сохронъ та Ганна и челядь.

Сохронъ (*несамовыто*). Розбій! Пекельни сылы
Пограбылы и щастя, и мій рай!

Де ворогы? На кони! (*Выйма шаблю*).

Ганна (*лама руки*).

Маты Божа!

Поглянсь, закрой!

Сохронъ

До зброи!

Дидъ.

Въ мисто даць

Тра звистку!

Ганна.

Ой, рятуйте мою доню!

Сохронъ.

За мною хто?

Степанъ.

Я—на жывить и смерть!

Сохронъ.

Въ погоню-жъ гей!

Вси.

Хай гыне воровъ лютый!!

З а в и с а .

М. Старицкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Отрывокъ изъ дневника Г. П. Галагана за 1845 г.

Въ № 9-мъ 1898 года были напечатаны „Отрывки изъ юношескаго дневника Г. П. Галагана“ за 1836—41 годы. Характеристика этому дневнику была дана слѣдующая: „Огличительною чертою дневника Галагана является *искренность* автора и *правда* событій; такіе дневники пишутся только для себя. Дневникъ Галагана заключаетъ въ себѣ исторію мятущагося духа юноши, который ищетъ *прямой дороги* въ жизни и никакъ не можетъ ее пайти, сбиваясь въ жизненныхъ противорѣчіяхъ“. Ту же самую характеристику придется повторить и по отношенію къ печатаемому теперь новому отрывку изъ его дневника за 1845-й годъ, когда Г. П. Галаганъ записывалъ разные факты, а главное—свои настроенія и впечатлѣнія, будучи уже не юношей, а совершенно зрѣлымъ по лѣтамъ человекомъ, т. к. ему тогда было уже 26 лѣтъ. Тутъ мы встрѣчаемся уже съ размышленіями его на болѣе глубокія темы, какъ напримѣръ—вопросы о народной нравственности, которую ему хочется исправлять, и вопросы объ экономическомъ положеніи своихъ крестьянъ, второе ему хочется улучшить. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ постоянно колеблется, такъ какъ власть помѣщика, распоряжающагося судьбами своихъ рабовъ, на каждомъ шагу сталкивается у него съ общимъ философскимъ міросозерцаніемъ, и онъ въ одномъ мѣстѣ дневника записалъ слѣдующія характерныя строки,

говоря о томъ, что онъ *вельмъ дать хлосту писарю*: „надобно напоминать этимъ людямъ для примѣру, но неужели нѣтъ другихъ средствъ? Можетъ быть и есть, но я довольно эгоистъ, чтобы потрудиться поискать ихъ,—высѣчь легче“. Или—въ другомъ мѣстѣ, говоря о видѣнной имъ бѣдности крестьянъ въ Ичвѣ,—онъ замѣчаетъ: „Сердце сжимается при мысли, какую я видѣлъ тамъ нищету, и надобно быть закоснѣлымъ такимъ, какъ я, чтобы послѣ этого спокойно ѣсть и пить и быть веселу, довольствовавшись только приказомъ о перестройкѣ хатъ. О, когда-нибудь воздастся мнѣ за это отъ Бога, отъ брата бѣдныхъ: ту будетъ плачь и скрежетъ зубовъ“.

Книга для разныхъ замѣтокъ, въ томъ числѣ и о получаемыхъ и посылаемыхъ мною письмахъ 1845 года.

Генварь. 10. Выѣхалъ въ этотъ день изъ Сокиринецъ съ матушкой въ Яготинъ, гдѣ князь Николай Григорьевичъ Репнинъ скончался 9-го числа, оплакиваемый многими своими крестьянами и погоронними. 11-го мы пріѣхали въ Яготинъ, а 12-го я пріѣхалъ въ Мосѣвку къ Татьянѣ Евстафьевнѣ Вальковской (Волховской), гдѣ засталъ много гостей, но не такъ много, какъ обыкновенно. Много танцевалъ и пріятно провелъ время. 14-го поѣхалъ съ Лаврентіемъ Николаевичемъ въ Милютинцы на обѣдъ (къ Селецкимъ?) и тамъ мнѣ было пріятно. Ночевалъ въ Яблоновкѣ.

15.—Пріѣхалъ въ Сокиринцы, благодаря милосердаго Бога, благополучно и у воротъ встрѣтилъ всѣхъ нашихъ, которые поѣхали къ Михайлѣ Петровичу (Милорадовичу?) въ Калюжинцы. Онъ привезъ молодую жену къ цѣлой кучѣ дѣтей.

16.—Утромъ приходилъ крестьянинъ Игнатъ Гаевый съ своимъ зятемъ Гайдаемъ, и я далъ послѣднему на покупку вола 30 руб. асс. въ позыку; обѣщался отдать черезъ годъ и можетъ быть и раньше; впрочемъ онъ прибавилъ, что можетъ быть и „вы пане подождете, якъ не розгадаю съ гришмы“. На это я ничего не отвѣчалъ, а они ушли съ благодареніями.

Приходилъ каретникъ просить позволенія жениться на дочери Демьяна Гнатка. Но его просьба не будетъ удовлетворена, потому что у Гнатка одна дочь и онъ мастеровой и притомъ графскій. Справедливо это или нѣтъ? Для этого надобно-бы потрудиться узнать, есть ли точно между молодыми людьми любовь, что при теперешнемъ развратѣ, который вкоренился въ селѣ, трудно предположить.

Приходилъ слѣпой солдатъ изъ Прилуки, изъ Кустовець, по прозванію Краснощека, просить помощи.

18.—Хотѣли сегодня ѣхать съ маменькою въ Прилуку и Густыню на похороны князя Репнина, но сдѣлалась страшная метель, и мы должны были остаться. Я хотѣлъ изъ Прилуки ѣхать прямо въ Гнилицу, а оттуда въ Мостище и въ Кіевъ.

Вчера я призывалъ Демьяна Гнатка и объявилъ ему, что каретникъ принадлежитъ графинѣ (Комаровской, сестрѣ Галагана), потому дочь его отойдетъ въ Пѣски. Онъ отвѣчалъ, что если такъ, то нехай останется дочка, може и другій найдетъ, а вона ще молода. Онъ хотѣлъ ее отдать замужъ съ тѣмъ, чтобы имѣть помощника. Приходилъ еще Ильченко просить позволенія женить сына; ему позволено. Приходилъ Матвѣй Карпець, что живеть въ Свиначемъ яру возлѣ Матюшенка; хочетъ женить сына на дочери Федора Сенчука; позволено.

Вечеромъ приходилъ Кутовій изъ Ични просить позволенія выдать дочь за козака. Ему отказано отъ маменьки; тогда онъ пошелъ ко мнѣ, кланялся въ ноги, увѣрялъ, что его дочь полюбила козака; я ему отвѣчалъ, нисколько нетронутый его просьбами: что мы теперь ни за что не будемъ выдавать дѣвокъ въ Ичнѣ за козаковъ, потому что лучшія выходятъ, а наши парубки остаются безъ невѣстъ; и притомъ, что это переводня; что я знаю давно, что дѣлается въ Ичнѣ, что тамъ богатые всѣмъ пользуются, а бѣдные нищи, что я примусь за Ичню и тогда все переверну тамъ. Сколько ни просилъ Кутовій, но ему отказано. Сегодня утромъ приѣхали изъ Ични: Михайло десятникъ и тотъ козакъ, котораго сынъ хочетъ жениться на Кутовой дочери; пришли ко мнѣ, просили о томъ же и имъ съ

тою же жестокостью отказалъ, и говорилъ еще о злоупотребленіяхъ, которыя происходятъ отъ этого; они начали меня увѣрять, что тутъ любовь. Михайло, которому я уже давно далъ право быть фамиллярнымъ, прибавилъ, что „подумайте! они за васъ будутъ Бога молить, и вы можете быть въ ихъ положеніи“. Привнаюсь, что я колебался съ минуту, думалъ, что если въ самомъ дѣлѣ тутъ любовь, она такъ рѣдко случается между мужиками, неужели и тутъ уничтожить ее? Но какъ подумалъ объ Ичнѣ и теперешнемъ ея положеніи, отвѣчалъ рѣшительно: *нѣтъ!* Какъ легко тамъ показать твердость воли, гдѣ неограниченная власть! Но благородно ли—вотъ вопросъ. Вообще Ичня теперь (кстати о ней) очень меня занимаетъ и огорчаетъ. Вслѣдствіе нерадѣнія управляющихъ и насъ самихъ, эта Ичня такъ запущена, что дошла до крайности. Монополія богатыхъ въ сильнѣйшей степени, бѣдность въ шестидесяти четырехъ семействахъ, немущихъ земли, ужасна. Притомъ у остальныхъ земля вся заложена у разныхъ людей, у нашихъ и дядинькиныхъ, и у козаковъ. Народъ избалованъ въ сильной степени, доходитъ даже до непослушанія. Я полагаю, что тамъ дворяне и козаки всему причиною: они научаютъ нашъ народъ дурному и сами же надъ нами смѣются. Я думаю, что тамъ надобно повернуть крутыми мѣрами: 1) Отобрать даромъ всѣ заложеныя земли и отдать ихъ владѣльцамъ,—это лучший урокъ, чтобы они не закладывали впередъ; Войцеховскій совѣтуетъ, чтобы отобрать съ посѣяннымъ житомъ, и я съ нимъ согласенъ по жестокосердію моему. 2) Отобрать у козаковъ всѣхъ наймитовъ и наймичекъ и подать на нихъ бумагу, какъ на передержателей бѣглыхъ, потому что они не имѣли никакого позволенія отъ экономіи. Не знаю почему, но всѣхъ козаковъ, особенно Сокиринскихъ, мнѣ жалко, но Иченскихъ, хотя и жалко, но они такъ богаты и такое зло дѣлаютъ нашимъ крестьянамъ, что ихъ надобно поучить и поугать добре. Разумѣется, что мы сами виноваты гораздо больше, нежели козаки, но чтобы прекратить весь этотъ ералашъ, надобно повернуть вкруто; это послужитъ нашимъ же людямъ въ пользу. Что! Вотъ тебѣ благодарное поприще показать

деспотическую власть, заставить себя бояться слабѣйшихъ тебя людей, быть жестокимъ, неумолимымъ. До сихъ поръ я былъ ничто; начну же съ того, что буду притѣснять слабѣйшихъ! Какое начало! Впрочемъ извиню себя тѣмъ, что все это я бы могъ по прежнему возложить на другого, а самому послѣ явиться милостивцемъ; и то достойно только слабого, и въ томъ нѣтъ благородства. Не скрою, что въ этихъ предполагаемыхъ реформахъ въ Ичнѣ играетъ (роль?) мое самолюбіе; хочется, чтобы обо мнѣ говорили, чтобы меня боялись тѣ, которые было даже забыли, что они мои рабы, — теперь они будутъ трепетать: какой признакъ ничтожества! Это должно прибавить новый укоръ моей почти замершей совѣсти. —

24. *Мостище*. — 21-го числа я выѣхалъ изъ Сокиринецъ въ Кіевъ съ грустью въ сердцѣ; и не одна разлука съ матушкой и съ другими и наконецъ съ Сокиринцами были причиною грусти; нѣтъ! убѣжденіе, что я ѣду безъ цѣли, безъ желанія, — это и много кое чего было причиною грусти. Приѣхавши въ Прилуку, я почелъ нужнымъ сдѣлать расправу въ экономіи за безпорядки писаря. Для того я призвалъ ихъ обоихъ, разругалъ и велѣлъ писарю бить приказчика по щекамъ, послѣ чего велѣлъ приказчику, который плакалъ и извинялся, дать *хлосту* писарю; тотъ прибѣжалъ, говорилъ, что онъ не перенесетъ этого, но я его прогналъ, и ему дали тридцать розогъ. Онъ точно пьетъ и не исполняетъ своей обязанности, а приказчикъ вовсе не смотрѣлъ за нимъ. Надобно напоминать этимъ людямъ для примѣру, но неужели нѣтъ другихъ средствъ? Можетъ быть и есть, но я довольно эгоистъ, чтобы потрудиться поискать ихъ: высѣчь легче. Въ Гнилицѣ я провелъ сутки, и все время была метель, но не смотря на то я все объѣздилъ; здоровы слава Богу, переносимъ все. Въ Гнилицѣ безпорядокъ страшный, который если описывать, то надобно наполнить всю книгу; скажу одно, что ко мнѣ приходила свадьба и бояре, изъ которыхъ одинъ, Могила, такіе молодцы (*sic*), что у меня сердце развеселилось. Въ конномъ заводѣ все въ порядкѣ; тамъ нѣмецъ Гофманъ, славный нѣмецъ. Въ Мостищѣ также все въ безпорядкѣ. Чтобы узнавать,

есть ли у крестьянъ хлѣбъ, я ходилъ по хатамъ; нашель, что нищеты слава Богу нѣтъ. Во многихъ хатахъ меня не узнавали и принимали за какого-нибудь должностного. Характеръ мужиковъ здѣсь какъ то разнится отъ сокиринскихъ и гнилицкихъ; кажется, что здѣсь народъ не такъ хитеръ. Женщины очень красивы; выговоръ разнится во многомъ отъ степного. Многие изъ мужиковъ имѣютъ очень хорошенькія хаты и весьма живописныя.— Если маменька рѣшится отказать Николаю Фомичу, то пока найдемъ другого, я самъ хочу заняться управленіемъ Гнилицы, Прилуки и Мостица. Боюсь за успѣхъ: оно съ виду кажется гораздо легче, нежели на самомъ дѣлѣ; я боюсь за себя во 1-хъ, потому что я вовсе не приучилъ свою голову къ постоянному серьезному думанію и къ разсчету, и потому меня очень легко обмануть въ вѣдомостяхъ, а во 2-хъ, что я слишкомъ занимаюсь мелочами, которыя хороши въ созерцательной жизни, которую я теперь веду, а не въ положительной жизни хозяина; меня занимаетъ фізіономія мужика, его костюмъ, манера говорить и т. п. и потому я очень могу легко пропустить вещи серьезныя за мелочами. Впрочемъ что будетъ—то будетъ, и во всякомъ случаѣ я съ большою жадностью ожидаю этихъ занятій, которыя послужатъ лучшимъ мѣриломъ моихъ силъ. Сначала надобно будетъ употребить строгость, которую я даже теперь начинаю уже показывать, строгость..... *Засимъ въ тетради вырвано нѣсколько листковъ.*

. . . у козака воль, да еще у двухъ или трехъ мужиковъ по мелкой штукѣ, но впрочемъ по большей части скоть болѣетъ и выздоравливаетъ; такъ у Яценка заболѣло 6 штукъ и выздоровѣли, у Василя Чарныша 3 штуки и также выздоровѣли. Не знаю, какъ продолжится, но до сихъ поръ остается только благодарить Бога, если сравнить съ опустошеніемъ произведеннымъ въ другихъ селахъ; овцы также падаютъ (падаютъ?) отъ *метелицы*. Кромѣ того отъ необыкновенно долговременной зимы, которая началась съ первыхъ чиселъ ноября, и не дальше какъ вчера было еще 12 градусовъ морозу, у крестьянъ истощился запасъ паши для скота, и многие уже закладывали платье, чтобы ку-

пить соломы. Видя это, я предложил маменькѣ подарить имъ скирду или двѣ Лебединскаго сѣна, съ тѣмъ, чтобы прежде осмотрѣть запасы каждаго и потомъ каждому выдать по запискѣ, кому на сани, а кому на гринджолы; мое предложеніе было принято съ радостью, и вышло по справкѣ приказчика и моей до 35 хозяевъ нуждающихся. Первые поѣхали *горяне*, а на другую недѣлю *бочане*; они остались очень довольны этимъ распоряженіемъ, и многіе благодарили, какъ за благодѣяніе. [Слѣдовательно [этому горю мы помогли. Но другое несчастье вмѣстѣ съ падежомъ постигло Сокиринцы: сильная оспа на дѣтей отняла отъ 30 до 40 ихъ у несчастныхъ родителей; это горе все равно для меня, что ножъ въ сердце, потому что мы виною этого. Экономія не обращала на оспу вниманія и она въ послѣдніе 4 года не была привита. Это вѣчно останется на моей совѣсти, потому что я долженъ былъ на это обратить вниманіе; но это ошибка неисправимая. Особенно жалко людей такихъ, какъ Ома Митрошенко и Михайло Павловъ Горбачъ, которые имѣли каждый по двое дѣтей и всѣхъ лишились; такихъ примѣровъ нѣсколько. Кромѣ того здоровье людей не хорошо, вѣроятно отъ продолжительныхъ холодовъ: около 8-го числа сего мѣсяца умерли скоропостижно Могилка, оставивши въ нищетѣ свое семейство, и вдова Горбачева, которая оставила двухъ сыновей, очень молодыхъ; вслѣдъ за ними умеръ Волкъ послѣ недолговременной болѣзни и, не знаю почему, онъ не былъ отправленъ въ больницу. Потомъ умерла почти скоропостижно Деріева, молодая женщина, жена садовника Аникѣя. Наконецъ, на дняхъ, мы лишились одного изъ лучшихъ нашихъ крестьянъ—Лукиана Горбача, который умеръ въ нѣсколько часовъ отъ застуженной рожи. Это былъ человѣкъ, котораго я ставилъ въ примѣръ другимъ; онъ оставилъ жену, сына Совонтія, котораго недавно женилъ на одной дегтяревской, молодецъ собою, сына Якова еще малого и четырехъ дочерей, изъ коихъ старшей 15 лѣтъ. Но за нихъ можно быть покойну, по крайней мѣрѣ пока жива ихъ мать. Вотъ главные факты довольно несчастливые, которые случились за это время. Теперь вотъ факты особенные: кажется, что

крестьяне остались нами довольны за помощь, оказанную имъ въ пашѣ; кромѣ того, что больше 35 человекъ ѣздило по реестру приказчика въ Лебединцы за сѣномъ, еще многіе, т. е. человекъ 10, приходили ко мнѣ за записками, которыя я имъ выдавалъ; это загладило маленькое неудовольствіе происшедшее отъ нововведеній Войцеховскаго. Онъ жалуется, что сокиринчане худо работаютъ и, разумѣется, что на эти его жалобы *je fais la sourde oreille*; для успѣшнѣйшей работы онъ заставляетъ работать по урокамъ, которые иногда довольно сильны. Кромѣ того, онъ нашелъ у здѣшняго приказчика маленькія плутовства, которыя однако не мѣшаютъ ему быть отличнымъ приказчикомъ; онъ его погонялъ, а лебединскаго приказчика также погонялъ за что-то и, не зная хорошо человека, велѣлъ ему при людяхъ, чтобы онъ ихъ билъ за неисправныя работы. Оба брата взбѣленились на народъ, первый изъ досады, а второй получивъ на это позволеніе, будучи сердитъ на лебединскій народъ. О первомъ, т. е. о Михайлѣ, я тотчасъ узналъ отъ сокиринчанъ и изъ наивныхъ разсказовъ П. О второмъ же я узналъ непріятнымъ образомъ. Онъ написалъ рапортъ управляющему, въ которомъ доноситъ, что лебединскіе мужики, въ числѣ 6 человекъ, на него бросились и пр., и скоро послѣ того явились ко мнѣ 4 изъ лебединскихъ мужиковъ: Куликъ, Хоменко, Тихенко и Килонширенко, бросились въ ноги и начали на приказчика жаловаться самыми убѣдительными рѣчами, говорили, что они всѣ пропадутъ, если я не заступлюсь за нихъ и т. п. Будучи въ Лебединцѣ на возвратномъ пути изъ Пѣскокъ, я бранилъ очень приказчика и, кажется, что онъ меня понималъ. Лебединскіе крестьяне, точно, разбалованы и жестокіе воры по большей части, но мнѣ жаль сокиринчанъ. Въ Лебединцѣ есть гнѣздо, изъ котораго выходитъ все зло,—это Андрусенко и Колонширенко: первый—человекъ, который только по непростительной ошибкѣ Николая Фокяча не сосланъ въ Сибирь за василіе дѣвокъ, а второй по своему обрусѣвшему виду не понравился мнѣ съ перваго взгляда, да и вышелъ бездѣльникъ. Нужно будетъ рѣшиться на строгую мѣру, а именно: пересе-

лить ихъ обоихъ изъ Лебединца; такихъ людей и не жалко. Я ѣздилъ въ Пѣски, гдѣ, кажется, народъ доволенъ и нами, и Лизогубомъ; тамъ мужики: Бликъ, Жвинка, Свяченскій—молодцы, стоящіе добрыхъ козаковъ. Въ хуторѣ Литви молотило 40 человѣкъ; я имъ, по ихъ просьбѣ, позволилъ молотить за пашу, и велѣлъ дать въ позыку сѣмянъ на посѣвъ немущимъ. Въ Сокиринцахъ, ходивши спрашивать о пашѣ, я прошелъ всю Сакаливку и былъ у Сакаловъ, которые мнѣ сказали, что не нуждаются; они порядочно живутъ; былъ у Данилы сапожника, который нуждается, и потомъ, проминувши многихъ, пошелъ къ Степаненкамъ, у которыхъ я ни разу не былъ: они живутъ очень уютно и съ большими удобствами; у Биденковастика я былъ у того, который имѣетъ двухъ женатыхъ сыновъ; онъ, кажется, очень порядочный человѣкъ и сыновья также. Былъ я также у Остапа Жилы, котораго прикавчикъ было обидѣлъ панщиною. Его жена хочетъ сдѣлать завѣщаніе, въ которомъ опишетъ все свое имѣніе сынамъ, чтобы послѣ ея смерти не беспокоили бы зятя ея любимаго Іосифа. Я еще былъ у многихъ крестьянъ, но теперь не припомню, и мое записываніе будетъ бесполезно или я не буду записывать каждый день, что я видѣлъ или слышалъ по этой части; но вотъ что припомню. Былъ у Андріяна Фесенка; какъ я люблю это семейство! Когда я вошелъ къ нимъ, то дома были только одни дѣти: Катерина, Иванъ и Ларіонъ; они сидѣли и выбирали пшеницу; Андріяна не было дома, а Александръ пошелъ за теткою. Между тѣмъ, какъ я ожидалъ ихъ прихода, дѣти говорили мнѣ на мой вопросъ разныя молитвы, прекрасно ими выученныя. Потомъ пришли Андріяна и его тетка. Я завелъ разговоръ о томъ, что надобно бы Андріану жениться. Онъ очень покраснѣлъ и сказалъ, что уже сватался, и назвалъ на комъ, но не знаетъ позволять ли: я обѣщалъ ему похлопотать за него; разумѣется, въ этомъ дѣлѣ между нами не чистая (sic) вещь, но что же дѣлать,—теперь такъ часто выходятъ дѣвки замужъ не честны, что въ этомъ случаѣ можно его въ томъ отношеніи извинить, что онъ можетъ быть увѣренъ, что эта дѣвка не отъявленная потаскушка, и такъ какъ не по своей волѣ по-

теряла невинность, то можно даже сказать, что хорошаго поведенія. Ахъ какъ бы мнѣ хотѣлось устроить судьбу ихъ обоимъ! Былъ еще нѣсколько разъ у Савуленковой или Евусевой, которая очень больна чахоткой. Ея дочь Анна прехорошенькая, и такъ какъ еще молода, то я надѣюсь, что она сохранится честно. Я имѣю теперь на примѣтѣ четырехъ дѣвочекъ 14 лѣтъ, о которыхъ буду стараться, сколько позволяетъ приличіе, чтобы они сохранились въ хорошей нравственности и вышли бы замужъ честными, это: 1) Савуленкова, о которой будетъ стараться мать, 2) Марта Фесенкова, на которой нравственность я надѣюсь, но все-таки надобно, чтобы за нею смотрѣли и защищали бы ее тетка, Андріянъ и будущая жена его, 3) меньшая дочь Жилы Остапа, хорошенькая дѣвка, за которою по моему требованію строго смотрятъ отецъ и мать и 4) дочь Демьяна Гнашки, за которой хотя и ухаживалъ каретникъ, но увѣряетъ отецъ и другіе, что дурного ничего не было, и какъ единственную дочь онъ ее сохранить, я надѣюсь. Вотъ пока четыре дѣвки, надъ которыми я буду наблюдать и увижу результатъ, который скажется послѣ ихъ замужества. Недавно я зазвалъ къ себѣ Степаниду, нашу добрую хозяйку, на которой рѣшительно опирается весь порядокъ въ домѣ, и мы долго проговорили съ нею о нравственности женщинъ на селѣ. Много интересныхъ фактовъ слышалъ я отъ нея, интересныхъ, но вмѣстѣ очень неутѣшительныхъ, — напротивъ, приводящихъ въ отчаяніе; не хочу, да и слишкомъ много ихъ, всѣхъ пересказывать; скажу только, что въ ея словахъ даже я нашелъ слабый лучъ надежды, способности поправить несчастье; надобно надѣяться на Бога, на его помощь и покровительство въ этомъ случаѣ и работать неусыпно и не смотря на кучу препятствій. Степанида женщина опытная, съ которою можно посоветоваться.

На первый случай я взялъ вотъ какія мѣры: строгій приказъ родителямъ смотрѣть за дочерьми и обѣщанія награжденія дѣвки, напр. — телицу и т. п. Я объ этомъ говорилъ маменькѣ. Разумѣется, что это дѣло приличнѣе для нея, нежели для меня: надобно такъ, чтобы наблюденія дѣлалъ я, а награды будутъ отъ маменьки. Въ

это время также я разсудилъ предлинный и безтолковый процессъ между Павломъ поваромъ и его зятемъ Игнатомъ Горбачемъ. 15 числа и 16 я былъ въ Ичяѣ и ходилъ съ Войцеховскимъ и приказчикомъ по мѣстечку, по правой сторонѣ рѣки; насъ водилъ войтъ Дорошенко и указывалъ хаты. Сердце сжимается при мысли, какую я видѣлъ тамъ нищету, и надобно быть закосячлымъ такимъ, какъ я, чтобы послѣ этого спокойно ѣсть и пить и быть веселу, довольствовавшись только приказомъ о перестройкѣ хатъ. О, когда нибудь воздастся мнѣ за это отъ Бога, отъ брата бѣдныхъ, ту будетъ плачь и скрежетъ зубовъ.

28 марта. Отъ 23 по сіе число опять не записывалъ, трудно мнѣ привыкнуть разомъ къ постоянному порядку. Съ сегодняшняго дня началась рѣшительная весна.

31 марта. Погода чудная, сегодня 12 град. тепла въ тѣни, и снѣгъ быстро таетъ, вездѣ потоки, но черезъ ледъ еще ѣздить. Какія были особенности въ это время, не знаю, не могу припомнить;—что то въ родѣ тоски, напитанной досадою тяготитъ у меня на груди. Какъ всегда, моя мысль не оставляетъ меня и къ счастью теперь довольно часто приходитъ меня мучить. Но впрочемъ я такъ создавъ, что если все около меня очень пріятно, то я почти забываю то, что должно помнить лучше всего для спасенія души; но за то малѣйшее непріятное обстоятельство достаточно, чтобы я опять обратился внутрь себя и чтобы вся моя грусть и тяжесть воротились. Сегодня утромъ я былъ на Пашковкѣ у Антова Коваленка, котораго засталъ одного съ женою и въ гостяхъ у нихъ козака. Онъ бѣденъ и живетъ въ землянкѣ, т. е. въ хатѣ, которая по окна устроена въ землѣ. Онъ очень обрадовался, увидя меня и нѣсколько разъ цѣловалъ; я спрашивалъ, отчего у него такая хата, онъ отвѣчалъ что никакъ не разстарается, но что, хотя у него и нѣтъ земли, онъ завелся скотиною, имѣетъ корову и быка. Жена его ослѣпла на одинъ глазъ вслѣдствіе долговременной болѣзни; я спросилъ у него, зачѣмъ его сынъ былъ приведенъ въ больницу весь оборванный до ужаснѣйшей степени, на что онъ отвѣчалъ, что его взяли неожиданно, но у него есть лучшее платье. У этого му-

жика еще двѣ дочери, обѣ взрослыя, одна ходила по наймамъ, но теперь взята домой для помощи матери, часто больной. Обѣ Антонѣ Коваленкѣ ничего дурного не слышно, надобно будетъ ему помочь. Теперь почти на половинѣ нашихъ хатъ прибиты досточки желтыя, съ надписью имени, прозванія и номера; по крайней мѣрѣ видно своихъ.

1 апрѣля. Сильная вода хлынула съ поля и со всѣхъ мѣстъ и по недозмотрительности приказчика нашу большую греблю вырвало подъ лотовами. Я почти весь день провелъ тамъ и, не смотря на воскресенье, люди проработали день и ночь, и почти тщетно. Работники въ числѣ отъ 40 до 50 были всѣ бочане ¹⁾. Я сжалившись, видя ихъ стоящихъ въ водѣ выше колѣнъ, велѣлъ имъ всѣмъ дать по чаркѣ горѣлки, исключая двухъ или трехъ отъявленныхъ пьяницъ, въ числѣ ихъ Грыцько Яковенко (братъ Павла повара) и Павло Ширникъ.

2 апрѣля. Опять былъ на плотинѣ, которая мало подаетъ надежды; три четверти воды изъ пруда вытекло, и собаки начинаютъ таскать мертвую рыбу. Сегодня работаютъ *горяне*. Въ нихъ, точно, есть больше украинскаго въ фізіономіяхъ,—отчего не знаю, можетъ быть близость къ дворовымъ изгладило фізіономію у бочанъ. О нѣкоторыхъ крестьянахъ, которыхъ я еще не зналъ, я спрашивалъ у приказчика. Былъ также и на Магеровщинѣ, гдѣ вода шла всю ночь черезъ плотину и прорыла себѣ путь подъ грунтомъ козака Полковниченка. Артемъ Чорнышъ мельникъ и Михайло Горбачъ, старикъ, показывали мнѣ опустошенія, произведенныя водою.

3 апрѣля. Около половины марта я, будучи у Антона Ивченка, узналъ, что жена его брата Петра, который очень меня интересуетъ по своей благородной наружности, *на тыжни* ²⁾ у Петра Никитича; мнѣ пришла мысль, испугавшая меня, я подумалъ: и вотъ мы требуемъ доброй нравственности отъ людей, когда мы посылаемъ отъ молодого мужа жену, которая вышла

¹⁾ Вѣроятно жители той или другой части с. Сокирянецъ.

²⁾ Т. е. на недѣльной работѣ.

за него шесть мѣсяцевъ тому назадъ, на тыждень въ такое мѣсто, гдѣ множество холостой молодежи. Какихъ послѣдствій можно ожидать отъ этого? Мое сердце облилось кровью и взбунтовалось противъ самого себя; почему я объ этомъ не подумалъ прежде? Возвратившись домой, я тотчасъ передалъ маменькѣ мою мысль, и вслѣдствіе этого въ тотъ же вечеръ былъ строгій данъ приказъ: отнюдь не брать на тыжни не только дѣвокъ, о чемъ былъ еще и прежде приказъ, но и молодыхъ женщинъ и вообще хозяекъ, а брать: бездомныхъ вдовъ, накритокъ и старыхъ дѣвокъ.

4 апрѣля. Приходилъ ко мнѣ утромъ Иванъ Тудень, мужъ красильщицы Авдотьи, просить въ позыки грошей на вола. Я ему далъ отвѣтъ тотъ же, что и Степаненку и Спиридону, т. е., что у меня нѣтъ денегъ, а когда будутъ, то я дамъ. Теперь время подумать о той мысли, которая еще осенью родилась во мнѣ: т. е. объ оборотной помощи людямъ. У насъ многіе мужики брали въ позыку деньги на воловъ, но весьма немногіе отдали деньги. Иные въ самомъ дѣлѣ не могутъ, по причинѣ дешевизны всего того, что онъ продаетъ, и дороговизны того, что покупаетъ, но все-таки отдаютъ по частямъ; другіе же, отчасти по безопасности, а отчасти надѣясь на милость, и не думаютъ отдавать; между тѣмъ необходимо съ нихъ взыскивать, потому что, даривши эту сумму одному, отымаешь ее отъ другого. А такъ какъ деньгами съ нихъ взыскивать въ теперешніе годы очень затруднительно и для нихъ, и для насъ, то нельзя ли взыскивать съ нихъ работою, обращая ихъ трудъ въ пользу другимъ крестьянамъ. Подумавши, вотъ какое я нашелъ средство: у насъ много такихъ крестьянъ, которые нуждаются въ починкѣ старыхъ хатъ, а иные въ постройкѣ новыхъ. Купивши для нихъ лѣсъ, можно его вывезти и даже построить хату, влести и т. п.—трудами должниковъ-крестьянъ, оцѣнивши трудъ на деньги, и столько выключать изъ должной суммы.

12 апрѣля. Въ это время я очень много обращался съ народомъ, безпрестанно будучи на дворѣ, много ѣздивши верхомъ по селу и видя много крестьянъ на работахъ; между тѣмъ, что

нужнѣе всего записать,—это, что у меня еще три человѣка просили грошей въ позыку на вола: старикъ Афанасій Коваленко, Петро Грышко, сынъ вдовы, молодой человѣкъ, и сегодня Федоръ Горбачъ, братъ покойнаго Лукіяна; какъ я съ ними раздѣляюсь,—не знаю. Сему послѣднему можно дать деньги въ руки; что же касается до тѣхъ, то лучше поручить Чернышу, когда онъ поѣдетъ въ Прилуку на ярмарку покупать воловъ, чтобы онъ и имъ купилъ, продавши тотъ скотъ, который они хотятъ продавать. Я говорилъ съ приказчикомъ о моей мысли на счетъ способа получать съ крестьянъ обратно занятія ими деньги посредствомъ взаимной помощи крестьянъ; онъ говоритъ, что это можно будетъ сдѣлать. Старикъ Иванъ Сенчукъ взялъ у маменьки въ позыку 10 рублей на покупку лѣса для хаты. Въздвигши на моемъ Жарондѣ на жита, которые слава Богу подають надежду, я останавливался у его хаты и говорилъ съ нимъ. Этотъ человѣкъ похоронилъ 16 душъ въ свою жизнь, изъ коихъ 4 души были его дѣти, по большей части взрослые; двѣ дочери взрослые, а сынъ женатый, который умеръ вслѣдствіе побоевъ Коваленка во время его приказчиктвa. Вотъ уже 5 дней, какъ люди сѣютъ. Я былъ вчера въ хуторѣ и отпустилъ иченцевъ домой; они пошли съ большой радостью, потому что Пасха приближается. Теперь метутъ у насъ садъ дѣти, хлопцы и дивчата, и имъ дають обѣдъ; поколѣніе это довольно порядочное, только что мальчики обѣщаютъ изъ себя мелкихъ людей; что касается до теперешнихъ мужчинъ, то во время работъ не плошакотъ; я имѣлъ время рассмотреть ихъ: это славный народъ, большей частью здоровый и притомъ имѣющій отпечатокъ патріархальной доброты на лицѣ; во время работъ на плотинахъ они вообще были веселы, часто слышны были между ними шутки, смѣхъ, и они работали отъ души. Не знаю только, почему они такъ мало усердны къ церкви, что и теперь на плащаницѣ было ихъ очень мало и вчера на Страстяхъ также. Сегодня хотѣли мыть полъ въ домѣ, внизу, въ корридорахъ, дѣвками, пригнанными изъ села, я увидѣлъ въ окно, какъ онѣ входили, пошелъ на нихъ посмотреть, вообразилъ себѣ, что ихъ родителямъ очень должно быть горько посылать свою

дытину во дворъ мыть полы; это унизительно; это противъ моей совѣсти, противъ моего желанія поставить крестьянина-земледѣльца какъ можно на благороднѣйшую ногу, и особенно его женъ и дочерей. Я пошелъ къ матушкѣ и сказалъ ей объ этомъ, представивши ей, что это даже непристойно, заставить дѣвокъ мыть тамъ, гдѣ таскаются безпрестанно мужчины; она сейчасъ велѣла ихъ отпустить и дать мыть полъ мальчикамъ, не смотря на всю досаду Ивана Кузьменки. Сторожа вытерли полъ, который остался почти такимъ же грязнымъ, но за то въ другой разъ не позовутъ дѣвокъ изъ села. (*На этихъ словахъ запись 1845 г. кончается*).

ПАМЯТИ А. С. ЛАШКЕВИЧА.

(Къ 10-лѣтію со дня его кончины).

Десять лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ дня смерти Александра Степановича Лашкевича, а десять лѣтъ это промежутокъ времени, въ который, съ одной стороны, сглаживается чувство горечи, вызванное недавней утратой и часто заставляющее насъ рисовать отошедшаго отъ насъ человѣка въ идеальномъ видѣ, съ другой—сглаживаются тѣ мелкіе недостатки и слабости покойнаго, которые играютъ такую важную роль въ нашихъ житейскихъ отношеніяхъ. Черезъ десять лѣтъ можно уже отнестись къ человѣку объективно, можно дать болѣе или менѣе безпристрастную оцѣнку его дѣятельности.

Пишущій эти строки познакомился съ А. С. всего за полтора года до его кончины, но эти послѣдніе полтора года жизни покойнаго были временемъ его дѣятельности, какъ редактора-издателя „Кіевской Старины“, дѣятельности, которая дала ему право на благодарное воспоминаніе со стороны всѣхъ тѣхъ, кто любитъ прошлое своей родины и дорожить имъ. Притомъ положеніе секретаря редакціи сразу поставило автора этой замѣтки въ близкія отношенія къ покойному и дало ему возможность узнать многія интимныя стороны въ прошломъ нашего журнала и оцѣнить, какъ матеріальныя жертвы, такъ и тотъ незамѣтный для посторонняго глаза трудъ, которые были вложены покойнымъ А. С. въ дѣло изданія „Кіевской Старины“.

Прежде всего я позволю себѣ остановиться нѣсколько надъ выясненіемъ вопроса, что побудило А. С., не историка по профессіи и даже человѣка мало писавшаго, отдаться съ такимъ жаромъ дѣлу изданія историческаго журнала. Воспоминанія товарищей повойнаго по гимназіи и университету даютъ картину обстановки, среди которой учился А. С., подъ вліяніемъ которой складывались его симпатіи и антипатіи, его міровоззрѣніе. Я отмѣчу только нѣсколько фактовъ. А. С. родился и выросъ въ культурной семьѣ. Его отецъ—С. И. Лашкевичъ интересовался и литературой, и исторіей вообще, и исторіей Малороссіи въ частности. Памятникомъ этого интереса остались его библиотека, значительно пополненная потомъ А. С-мъ, и собраніе документовъ, а также рукописный трудъ его по исторіи раскольниковыхъ слободъ Черниговской губ., не имѣющей теперь научнаго значенія, но свидѣтельствующій о вкусахъ автора. Годы ученья А. С. совпадаютъ съ знаменательной эпохой русской жизни—эпохой подготовленія и осуществленія величайшей реформы Императора Александра II; для юго-западной Руси эти годы были еще и временемъ пробужденія національнаго самосознанія, усиленнаго борьбой съ господствовавшей въ краѣ, если не въ политическомъ, то въ экономическомъ и соціальномъ отношеніяхъ, чуждой національностью, дѣлавшей послѣднія попытки удержать за собою свое господствующее положеніе. Университетская молодежь того времени не оставалась безучастною къ совершавшимся событіямъ. Студенческіе кружки, въ которыхъ вращался А. С. и которые вмѣщали въ себѣ все, что было даровитаго и честнаго среди студенчества, живо интересовались происходившимъ вокругъ нихъ, и члены этихъ кружковъ уже со школьной скамьи готовились къ работѣ на пользу народа. Быть можетъ, никогда Кіевскій университетъ не далъ столько полезныхъ родинѣ людей, какъ въ тѣ годы. Захваченный общимъ теченіемъ, А. С. по окончаніи университета отдаетъ свои силы крестьянскому дѣлу. Но медовый мѣсяцъ крестьянской реформы, длившійся въ юго-западномъ краѣ, въ силу особыхъ условій, дольше, чѣмъ въ остальной Россіи, миновалъ, измѣнились и

условія личной жизни А. С. Онъ поселяется въ своемъ имѣніи въ Новозыбковскомъ уѣздѣ, Черниговской губ. И здѣсь онъ находитъ для себя подходящую сферу дѣятельности — онъ посвящаетъ свое время земству и судебно-мировымъ учрежденіямъ.

Въ серединѣ 80-хъ годовъ А. С. переѣхалъ на постоянное житье въ Кіевъ. Возобновились старыя товарищескія связи, завязались новыя отношенія, но дѣла, опредѣленнаго, живого дѣла, не было. Въ это время А. С. начинаетъ принимать участіе въ издававшейся уже Ѳ. Г. Лебединцевымъ „Кіевской Старинѣ“, помѣстивъ въ ней нѣсколько статей и замѣтокъ и сообщая время отъ времени документы изъ своего собранія. 1887 годъ былъ критическимъ годомъ для нашего журнала. Непосильный трудъ и матеріальные убытки вынудили Ѳ. Г. Лебединцева заявить о прекращеніи изданія. Какъ ни прискорбно было это обстоятельство и для успѣвшаго уже сформироваться кружка сотрудниковъ, и для хотя немногочисленныхъ, но сердечно расположенныхъ въ журналу читателей, но выхода не было, — никто не хотѣлъ, да и не могъ взяться за продолженіе такого хлопотливаго и явно убыточнаго дѣла. У одного только А. С. явилась мысль взять на себя эту тяготу. Не берусь сказать, явилась ли эта мысль у А. С. совершенно самостоятельно, или была ему вѣзмъ-нибудь подсказана, во всякомъ случаѣ онъ горячо ухватился за нее, хотя ему и былъ представленъ рядъ возраженій противъ его плана. Одинъ изъ самыхъ близкихъ друзей А. С. настойчиво указывалъ на тѣ матеріальныя жертвы и душевныя безпокойства, которыя ожидали его на тернистомъ пути редактора-издателя не ходкаго журнала. Рѣшеніе А. С. было принято безповоротю. Въ началѣ 1888 г. заключена была сдѣлка съ Ѳ. Г. Лебединцевымъ, по которой за 2000 рублей къ А. С. переходило право на изданіе и оставшіеся неразоспедшимися экземпляры „Кіевской Старины“. Это было началомъ дѣлаго ряда хлопотъ и огорченій. Положеніе изданія было самое плачевное. Уже въ 1887 г. подписка сильно упала, а теперь, къ тому же, прошло время подписки на новый годъ и даже неизвѣстно было, когда можно будетъ открыть приѣмъ ея. Надо было одновре-

менно и хлопотать объ утвержденіи А. С. редакторомъ, и готовить матеріаль для изданія, и начинать печатаніе первой книжки. Случайныя мелочныя обстоятельства задерживали утверждение; портфель редакціи былъ пустъ, а въ довершеніе всего и самъ А. С., и всѣ близкіе къ новой редакціи люди были совершенными профанами къ техникумъ журнальнаго дѣла. Утвержденіе было получено только въ февралѣ, и рѣшено было въ мартѣ выпустить тройную книжку. Пустой портфель быстро наполнился благодаря двумъ обстоятельствамъ: во 1-хъ, А. С. привлекъ въ участію въ редакціонной работѣ широкой кругъ лицъ, предоставивъ редакціонному собранію рѣшающій голосъ въ вопросахъ литературныхъ, во 2-хъ, онъ установилъ опредѣленный гонораръ за статьи и рецензіи въ размѣрѣ 25—40 р. за печатный (сравнительно небольшой) листъ, что привлекло въ сотрудники людей, лишенныхъ возможности безвозмездно затрачивать свой трудъ. Въ редакціи закипѣла оживленная работа. Труднѣе было справиться съ вопросами хозяйственными. На первыхъ порахъ сдѣлано было много промаховъ, много ненужныхъ затратъ. Наконецъ, вышла первая книжка, очень сочувственно встрѣченная критикой. Казалось, самое трудное было сдѣлано—начало положено. Но на дѣлѣ вышло, что затрудненія нисколько не уменьшились. Приходилось улаживать недоразумѣнія между сотрудниками, считаться съ цензурными условіями, заботиться о запасѣ матеріала на глухіе лѣтніе мѣсяцы; а между тѣмъ оживленіе нѣсколько улеглось, дѣло входило въ обычную колею, тѣ, кто посвятилъ не мало времени и труда журналу въ началѣ не могли уже принимать такого дѣятельнаго участія въ черной, подготовительной работѣ. Такъ, проф. Э. Г. Мищенко, взявшій на себя работу по приведенію въ порядокъ первыхъ двухъ книжекъ, не могъ продолжать этой хлопотливой работы въ слѣдующіе мѣсяцы. Всю черную работу пришлось взвалить на себя редактору, отчасти только пользовавшемуся помощью немногихъ близкихъ лицъ. Тому, кто хоть сколько нибудь знакомъ съ журнальной работой, понятно, что при ограниченномъ составѣ редакціи редактору приходится просто разрываться на части: и

выправка предназначаемыхъ для печатей статей, и корректуры, и улаживаніе цензурныхъ недоразумѣній, и сношенія съ соотрудниками, и возня съ типографіей—буквально не дають редактору возможности вздохнуть свободно: каждый день приносить свои новыя, неожиданныя хлопоты. А тутъ еще расходы, расходы изъ своего кармана, безъ надежды на ихъ пополненіе въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Нужно сознаться, что А. С. былъ плохой хозяинъ. Дѣла его по имѣніямъ были далеко не въ блестящемъ состояніи. А между тѣмъ соблюдать экономію въ расходахъ по журналу онъ не хотѣлъ, да и не могъ. Его мягкость, податливость приносили изданію большой ущербъ. Бывало, нельзя было уговорить его отложить до слѣдующаго мѣсяца статью, которую онъ пообѣщаль автору помѣстить въ данной книжкѣ, и книжки выходили въ 18—20 листовъ вмѣсто предполагаемыхъ 15—16. Легко, особенно въ первые мѣсяцы, выдавалъ А. С. и авансы, которые не разъ такъ и оставались авансами навсегда. Впрочемъ, иногда покойный принимался соблюдать экономію въ мелочахъ, но эта экономія въ большинствѣ случаевъ вела только къ новымъ затратамъ. Прошедъ 1888 годъ. Журналъ увеличился по объему и улучшился по содержанію. Подписка стала увеличиваться, но медленно, и новый 1889 г. грозилъ новыми убытками. А имущественныя дѣла А. С. очень запутались. Хлопоты по устраненію денежныхъ затрудненій пошатнули уже и безъ того разстроенное здоровье А. С. Къ веснѣ 1889 г. онъ сталъ прихварывать. Лѣто, проведенное въ деревнѣ, не восстановило его здоровья, и онъ вернулся въ Кіевъ серьезно больнымъ, а 30 октября его не стало.

Казалось, предпринятое А. С. въ послѣдніе его годы дѣло завершилось неудачей. Но вокругъ „Кіевской Старины“ уже сплотился кругъ людей, привыкшихъ считать дѣло А. С.—своимъ дѣломъ. И въ этомъ сказалось вліяніе основной черты характера А. С.—его мягкости, его толерантности. Благодаря этимъ чертамъ, онъ могъ сгруппировать вокругъ журнала людей, не сходящихся, быть можетъ, въ частностяхъ, но равно дорожащихъ и печатнымъ словомъ, и научной истиной, и судъ-

бами своей родины. Эти же черты сказались и на направленіи журнала. Чуждый національной и религіозной нетерпимости, А. С. умѣлъ устранить изъ журнала все, что оскорбляло чье бы то ни было національное и религіозное чувство, и это было отмѣчено въ свое время и въ русской, и въ польской, и въ еврейской печати. Заващивая нашу замѣтку, не можемъ еще разъ не сказать, что покойный, несмотря на всю мягкость и податливость своей природы, остался на всемъ продолженіи своего жизненнаго пути вѣренъ всѣмъ завѣтамъ, которые вынесъ изъ своей молодости, и до гробовой доски сохранилъ тѣ стремленія, которыя одушевляли его и его товарищей по школѣ.

Е. Кивлицкій.

ИЗЪ ШКОЛЬНЫХЪ ЛѢТЪ А. С. ЛАШКЕВИЧА.

Мнѣ было пятнадцать лѣтъ, и я былъ въ 5 классѣ Кіевской 1-й гимназіи, когда впервые увидѣлъ и вскорѣ потомъ и познакомился съ двѣнадцатилѣтнимъ Сашей Лашкевичемъ. Онъ поступилъ въ это время во 2-й классъ нашей гимназіи, помѣщавшейся въ то время въ Липкахъ, въ такъ называемомъ Кловскомъ дворцѣ, построенномъ въ царствованіе Елисаветы, въ зданіи, гдѣ теперь женское духовное училище. Въ то время 1-ая гимназія была закрытымъ и вполне сословнымъ учебнымъ заведеніемъ; въ двухъ интернатахъ, 1-мъ и 2-мъ „благородныхъ пансіонахъ“, помѣщавшихся въ отдѣльныхъ отъ гимназіи зданіяхъ и даже усадьбахъ, воспитывались исключительно дѣти дворянъ; въ мое время во всей гимназіи было всего лишь 4 ученика изъ потомственныхъ почетныхъ гражданъ и купцовъ 1-й гильдіи. Кромѣ значительнаго числа казеннокоштныхъ во 2-мъ пансіонѣ, остальные пансіонеры въ обоихъ интернатахъ принадлежали къ зажиточнымъ семьямъ; преобладали сыновья помѣщиковъ—польскихъ изъ Юго-Западнаго края и малорусскихъ изъ Черниговской и Полтавской губерній.

Приходящихъ учениковъ было такъ мало (около 15-ти во всей гимназіи), что они совсѣмъ исчезали бы среди громаднаго большинства остальныхъ учениковъ, если бы исключительность ихъ положенія и даже самая эта малочисленность не выдѣляли

ихъ изъ остальной массы учащихся. Жили они исключительно при родителяхъ и только на время уроковъ приходили, точнѣе—пріѣзжали на собственныхъ лошадяхъ въ гимназію. Рѣзко отличались они отъ грубоватыхъ, въ поношенныхъ курткахъ, пансіонеровъ болѣе мягкими манерами, выхоленной внѣшностью, изящными, чистенькими и новыми мундирчиками. Пансіонеры относились къ нимъ нѣсколько свысока и покровительственно, такъ какъ они обыкновенно оказывались слабѣйшими въ школьныхъ дракахъ, не принимали участія въ шалостяхъ и продѣлкахъ противъ начальства, учителей и надзирателей, стояли въ сторонѣ отъ тѣсной товарищеской среды, созданной совмѣстной жизнью въ интернатѣ. Многіе товарищи по классу были съ ними на „вы“, въ то время, какъ среди пансіонеровъ одного возраста нераздѣльно господствовало братское „ты“. Впрочемъ, отношенія пансіонеровъ къ приходящимъ не чужды были въ некоторой доли заискиванія: приходящіе привозили своимъ товарищамъ „сысники“, т. е. съѣстное, часто „фундовали“, т. е. покупали лакомства, брали ихъ къ себѣ въ отпускъ, водили на свой счетъ въ театръ, но главное—они исполняли въ городѣ разныя порученія пансіонеровъ, которыхъ въ будни не выпускали: сообщали роднымъ или знакомымъ извѣстія отъ пансіонеровъ и обратно, передавали письма, доставали книги для чтенія, дѣлали покупки. Последнее было особенно важно; пансіонеры лишь тайно могли хранить у себя свои деньги, поэтому и покупать безъ вѣдома начальства могли только тайно; къ тому же чаще всего самыя пріобрѣтаемыя вещи были запретныя: игральныя карты, табакъ, спиртные напитки. Все это выдѣляло приходящихъ: всякаго изъ нихъ знали всѣ пансіонеры, съ нимъ знакомились и вѣжливо раскланивались.

При такихъ условіяхъ въ число приходящихъ учениковъ, по примѣру своего старшаго брата, моего товарища по классу, поступилъ и А. С. Лашкевичъ. Съ тѣхъ поръ прошло около 45 лѣтъ, но я и теперь живо представляю его себѣ: это былъ худенькій, плохо развитый физически, слабенькій и изнѣженный мальчикъ; уже въ то время онъ былъ сильно близорукъ—отсюда

неувѣренность въ движеніяхъ и робость, замѣтная во внѣшнихъ манерахъ; онъ былъ очень застѣнчивъ, казался боязливымъ, хотъ и не былъ таковымъ въ дѣйствительности.

Ежедневно вмѣстѣ со старшимъ братомъ, рослымъ и красивымъ юношей, пріѣзжалъ онъ въ гимназію на парѣ хорошихъ лошадей въ собственномъ некрытомъ экипажѣ, повидимому произведеніи сельскаго, вѣроятно крѣпостного, каретника; изрѣдка братья пріѣзжали въ большой коляскѣ, запряженной четверкой лошадей съ фореиторомъ; эти же экипажи являлись къ концу уроковъ и увозили Лашкевичей домой; на козлахъ всегда возсѣдалъ лакей, снимавшій со своихъ панычей верхнюю одежду или же одѣвавшій ихъ. Въ одномъ классѣ съ Александромъ Степановичемъ учился мой младшій братъ—пансіонеръ. Это сблизило меня съ этимъ классомъ, и потому я помню нѣкоторыя черты, отличавшія Сашу. Онъ видимо желалъ сблизиться съ товарищами, и это ему удалось, несмотря на то, что онъ не участвовалъ въ физическихъ играхъ, никогда не вступалъ въ драку, не игралъ въ мячъ, въ городки, паланты, мету; за то онъ дѣятельно участвовалъ въ продѣлкахъ, гдѣ требовались остроуміе и рискъ; въ шалостяхъ, направленныхъ всего чаще противъ надзирателей и учителей-иностранцевъ, онъ не разъ попадался; противъ нашихъ учителей французскаго языка онъ не разъ выступалъ вмѣстѣ съ товарищами, сопровождая ихъ появленіе криками „Трубочистъ“ и „Чижики“, ихъ общеизвѣстною кличкою. Когда надо было, по мнѣнію класса, устроить этимъ учителямъ какую-нибудь каверзу, обмануть ихъ, пользуясь тѣмъ, что они по-русски читать не умѣли, или же въ полномъ составѣ класса объявить, что заданный урокъ не выученъ, Лашкевичъ никогда не отставалъ отъ товарищей. Тутъ онъ выкавывалъ желаніе жить съ товарищами душа въ душу и поступалъ онъ такъ вовсе не вслѣдствіе лѣности или незнанія: онъ и въ дѣтствѣ, а потомъ и въ зрѣломъ возрастѣ отличался трудолюбіемъ, за всякое дѣло брался горячо и настойчиво, если оно было ему по душѣ. Добросовѣстно готовилъ онъ и уроки, не знаю, по привычкѣ-ли, или же ради полученія хорошихъ от-

мѣсто, — во всякомъ случаѣ любознательности тутъ слѣдуетъ отводить самое малое мѣсто: ни учебники, установленные программой, ни тогдашніе преподаватели не могли пробудить въ мальчикѣ этого стремленія, — удовлетворялось оно больше всего чтеніемъ. Лашкевичъ еще и въ то время очень любилъ читать книги, конечно, дѣтскія, уже и въ то время очень дорожилъ ими; можно было замѣтить у него уже и первые признаки позднѣе развившагося библіофильства.

Совсѣмъ иначе сталъ относиться къ своимъ занятіямъ Александръ Степановичъ съ переходомъ въ высшіе классы. Послѣ Крымской войны и въ нашей гимназіи повѣяло новымъ духомъ: многіе великовозрастные, окончательно залѣтнвшіеся и огрубѣвшіе ученики, остававшіеся въ классахъ по 4 года, иногда совсѣмъ прекратившіе всякія занятія, поступили юнкерами въ войска, отправлявшіеся въ Севастополь; составъ учащихся въ классахъ сталъ болѣе однороднымъ по возрасту; нѣкоторые ученики стали выдѣляться своей любознательностью, охотой къ чтенію; такіе юноши сближались между собой и привлекали къ занятіямъ и другихъ товарищей. Измѣнился и духъ преподавателей: и на нихъ слегка отражался подъѣмъ духа, наплывъ новыхъ идей, такъ сильно охватившихъ русское общество послѣ перемѣны царствованія и заключенія Парижскаго мира. Нѣкоторые преподаватели замѣнили суровое, грубое, иногда даже жестокое обращеніе съ учащимися болѣе мягкимъ, гуманнымъ; учителя стали ближе къ ученикамъ, больше стали вникать въ ихъ интересы. Къ тому же нѣкоторые старики, наиболѣе заплесневѣвшіе въ рутинѣ и злоупотребленіяхъ, удалились, явились новые учителя, молодые, энергичные, совсѣмъ иначе относившіеся къ своему служебному и гражданскому долгу. Среди нихъ былъ и незабвенный для всѣхъ тогдашнихъ учениковъ 1-й гимназіи П. Е. Рощинъ, преподаватель математики. Въ высшей степени просто и изящно излагалъ онъ свой предметъ. Онъ главнымъ образомъ старался на урокахъ вызывать самостоятельность учениковъ: при помощи своего талантливаго учителя они легко рѣшали трудныя задачи, сами выводили послѣдующія те-

оремы или алгебраическія формулы изъ предыдущихъ. Отмѣтки отступили на задній планъ. Роцинъ неудовлетворительныхъ не ставилъ, но онъ до такой степени съумѣлъ сдѣлать свой предметъ интереснымъ для учащихся, что они горячо принялись за его изученіе, а нѣкоторые не ограничивались гимназическимъ курсомъ и стали изучать нѣкоторые отдѣлы высшей математики. Ученики добросовѣстно готовили уроки не ради полученія хорошихъ отмѣтокъ, а потому, что совѣстно было огорчить любимаго преподавателя, да и товарищи часто плохой отвѣтъ объясняли тупостью отвѣчающаго. Къ своему предмету Р—нъ успѣлъ внушить такую любовь, что большинство оканчивающихъ курсъ въ гимназiи стали поступать на математическій факультетъ. Добросовѣстно и не ради отмѣтокъ готовясь по математикѣ, ученики понемногу начинали относиться такъ-же и къ другимъ предметамъ гимназическаго курса. Дѣятельность и вліяніе Роцина не ограничивались предѣлами класса: онъ нанималъ себѣ квартиру въ гимназическомъ дворѣ и здѣсь во всякую пору дня принималъ учениковъ просто и любезно, но безъ всякой слащавости; онъ откровенно указывалъ имъ ихъ недостатки и заблужденія и всегда охотно и терпѣливо объяснялъ встрѣтившіяся имъ трудности. Тутъ онъ выходилъ за предѣлы курса, указаннаго программой, задавалъ интересныя математическія задачи, знакомилъ съ вопросами физики, предмета въ то время совсѣмъ заброшеннаго въ нашей гимназiи, сообщалъ свѣдѣнія по математической географіи и астрономіи; въ ясные вечера, даже зимой, на гимнастическомъ дворѣ знакомилъ со звѣзднымъ небомъ, показывалъ свѣтила въ телескопъ. Но одними своими факультетскими предметами не ограничивался Р—нъ; не было вопроса, отъ посильнаго разъясненія котораго онъ бы уклонился. Снисходительный къ вѣшнимъ и мелкимъ проступкамъ, къ нарушеніямъ общепринятыхъ, но формальныхъ условностей, объясняя ихъ лишь относительное значеніе, Р—нъ всегда откровенно указывалъ ученикамъ ихъ нравственные недостатки. Сурово отрицая крѣпостное право и барскія привычки, прирожденныя привилегіи и всяческія общественныя неправды, онъ всегда старался внушить

овружающимъ глубокое уваженіе и любовь къ наукѣ вообще, а не только къ математикѣ. Особенно охотно останавливался онъ на гражданскихъ обязанностяхъ своихъ юныхъ собесѣдниковъ, на необходимости правды, справедливости и стремленія къ лучшимъ общечеловѣческимъ идеаламъ. Если прибавить, что зоркій, наблюдательный глазъ учениковъ не могъ уловить ни малѣйшаго противорѣчія между словомъ и жизнію учителя, то легко представить силу его вліянія.

Сильное вліяніе оказалъ Р—нъ и на Александра Степановича, не смотря на то, что не болѣе 1 года, да и то въ 4-мъ классѣ, былъ его учителемъ. Р—нъ скоро принужденъ былъ оставить нашу гимназію, переселился въ С.-Петербургъ, гдѣ сталъ выдающимся профессоромъ въ спеціальныхъ военныхъ академіяхъ. Но Лашкевичъ часто встрѣчался съ Р—мъ въ послѣдніе годы его здѣсь пребыванія, такъ какъ старшій его братъ часто бывалъ у любимаго учителя и познакомилъ съ нимъ ближе и Сашу. Послѣдній не любилъ математики; въ это время уже стало сказываться его влеченіе къ историческимъ и словеснымъ наукамъ; но знакомство съ Р—мъ ярко отразилось на общемъ развитіи юноши, на его общественныхъ идеалахъ и симпатіяхъ.

Переходъ Александра Степановича въ высшіе классы совпадалъ съ цвѣтущей эпохой въ жизни кіевскихъ учебныхъ заведеній, когда Попечителемъ учебнаго округа сталъ Н. И. Пироговъ. Вліяніе его особенно замѣтно отразилось на гимназіяхъ—въ нихъ повѣяло новымъ духомъ. Возвысилось значеніе преподавателей: они стали болѣе самостоятельными; усилилась дѣятельность педагогическихъ совѣтовъ, къ которымъ теперь съ правомъ равнаго голоса привлечены были и „младшіе“ учителя, между тѣмъ какъ раньше въ немъ участвовали полноправно, конечно очень относительно, одни лишь „старшіе“ учителя; въ совѣтахъ то и дѣло разсматривались вопросы о лучшей организаціи школы, о болѣе правильныхъ отношеніяхъ къ ученикамъ, болѣе образовательномъ и нравственномъ воздѣйствіи на нихъ, о болѣе правильной постановкѣ курса и болѣе цѣле-

сообразныхъ методахъ преподаванія и воспитанія. Освѣжился педагогическій персоналъ, оживилось преподаваніе, отношеніе къ ученикамъ стало вѣжливымъ и гуманнымъ, а грубое обращеніе, произволъ и разнообразныя жестокія наказанія, продолжительныя заключенія въ карцерѣ, пресловутые субботники и вообще частыя тѣлесныя наказанія во время пребыванія Н. И. Пирогова попечителемъ почти исчезли. Въ высшей степени благотворно отразились всѣ эти реформы на настроенія и поведеніи кіевскихъ гимназистовъ. Къ этому времени Кіевская 1-я гимназія помѣщалась уже въ своемъ нынѣшнемъ зданіи; оба пансіона были соединены въ одинъ, а пріемъ приходящихъ учениковъ очень усиленъ, такъ что учебное заведеніе перестало быть вполнѣ замкнутымъ и сословнымъ. Большое общеніе съ внѣшнимъ міромъ и реформы Пирогова усилили умственную дѣятельность учащихся, вызвали въ нихъ стремленіе къ знанію, къ развитію, и взамѣнъ прежней грубости, тайныхъ попоекъ, карточной игры и разврата теперь стало замѣтно стремленіе къ самообразованію посредствомъ сознательнаго усвоенія гимназическаго курса и внѣкласснаго ученія. Это умственное движеніе сильно отразилось и на Александрѣ Степановичѣ: онъ сталъ теперь замѣтно увлекаться филологическими науками, особенно предавался чтенію журналовъ, которые раньше вовсе не проникали въ нашу гимназію, такъ что, окончивая курсъ, мы даже не знали о ихъ существованіи. Первое наше знакомство съ ними явилось благодаря покойнымъ профессорамъ университета Павлову и Бунге. Постоянно убѣждаясь въ плохой подготовкѣ поступающихъ въ университетъ молодыхъ людей, П. В. Павловъ сталъ самъ преподавать исторію въ 7-мъ классѣ нашей гимназіи, а Н. Х. Бунге черезъ нашего инспектора, своего школьнаго товарища, познакомившись съ нѣкоторыми изъ насъ, сталъ снабжать насъ книгами и журналами—Отечественными Записками, Современникомъ, Русскимъ Вѣстникомъ. Большое умственное возбужденіе Александра Степановича особенно сильно сказалось въ его отношеніи къ литературнымъ вечерамъ, устроеннымъ Н. И. Пироговымъ. Периодически въ залѣ одной изъ

двухъ гимназій Кіева собирались ученики двухъ высшихъ классовъ. Здѣсь въ присутствіи попечителя и всего педагогическаго персонала обѣихъ гимназій, одинъ изъ учениковъ читалъ рефератъ на тему, имъ выбранную; присутствующіе дѣлали свои замѣчанія и возраженія; въ заключеніе Н. И. Пироговъ дѣлалъ сводъ и оцѣнку всего прослушаннаго. Не смотря на отсутствіе какой-либо предварительной цензуры для темъ и рефератовъ, всѣ литературныя работы и пренія не выходили за предѣлы дозволеннаго; одинъ лишь разъ представленъ былъ рефератъ на тему „О запрещеніи куренія въ гимназіяхъ“, но и тутъ ученики оставались въ границахъ спокойнаго обсужденія и почтительныхъ возраженій старшимъ, а Пироговъ, воспользовавшись этимъ щекотливымъ случаемъ, высказалъ свое основанное на терпимости къ чужимъ, даже незрѣлымъ мыслямъ, мнѣніе. Всѣмъ, вооруженнымъ глубокимъ знаніемъ, уваженіемъ и любовью къ подростоющей молодежи, соображенія его о вредѣ куренія и необходимости ограниченій въ школѣ, произвели сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ учениковъ, глубоко запали въ ихъ сердца и понятія.

Лашкевичъ очень горячо относился къ этимъ вечерамъ; къ каждому изъ нихъ онъ готовился, тщательно знакомился съ вопросами, подлежащими разсмотрѣнію въ ближайшей литературный вечеръ; самъ онъ дважды выступалъ въ качествѣ референта; не вспомню теперь, какія онъ выбралъ темы, но и теперь мнѣ живо рисуется, какъ горячо относился онъ къ этой работѣ, какъ тщательно собиралъ и изучалъ пособія и источники для ихъ разработки; доклады его прошли съ большимъ успѣхомъ и вызвали похвалу попечителя округа. Самъ я въ это время былъ уже студентомъ, поэтому мои свѣдѣнія о литературныхъ вечерахъ и ихъ вліяніи на гимназическую среду я получалъ только отъ младшихъ товарищей по гимназіи и между прочимъ отъ А. С. Лашкевича, съ которымъ постоянно встрѣчался въ послѣдніе годы его пребыванія въ гимназіи, такъ какъ я, познакомившись съ его отцомъ, сталъ часто бывать у него въ домѣ. Въ это время я сблизился съ Александромъ Степано-

вичемъ, узнавъ домашнюю обстановку, среди которой онъ росъ и сложился,—въ ней я и перейду теперь.

Степанъ Ивановичъ Лашкевичъ, отецъ Александра, былъ богатый помѣщикъ Новозыбковскаго и Сосницкаго уѣздовъ Черниговской губерніи; ему принадлежало по тогдашнему обозначенію около 3000 „душъ“ въ трехъ имѣніяхъ. Онъ окончилъ со степенью кандидата филологическій факультетъ московскаго университета, былъ слушателемъ пр. Мерзлякова, память котораго глубоко чтить. На государственную службу Степанъ Ивановичъ, кажется, никогда не поступалъ, если не считать службой дѣятельность почетнаго попечителя Новгородъ-Сѣверской гимназіи. Извѣстно, что должность эта вполне оправдывала эпитетъ „почетный“. Выбранный на эту должность дворянствомъ обыкновенно никакой служебной дѣятельности не проявлялъ; обязанности его сводились къ ежегоднымъ пожертвованіямъ въ пользу учебно-образовательныхъ учрежденій гимназіи или на развлеченія учениковъ (на маѣвки, угощенія, балы, спектакли), или же на помощь бѣднымъ учащимся; взамѣнъ получались чины и ордена.

Когда я впервые увидѣлъ Степава Ивановича, онъ по наружности былъ уже старикомъ. Высокаго роста, худощавый и стройный, съ красивымъ, очень блѣднымъ лицомъ, съ сѣдыми волосами и бакенбардами, всегда тщательно одѣтый, всегда спокойный, важный и медлительный въ движеніяхъ и рѣчи, онъ производилъ впечатлѣніе настоящаго образованнаго „барина“. Держался онъ всегда прямо, но голова его почти всегда была опущена, выраженіе лица чаще грустное; смѣялся онъ рѣдко и мало, даже улыбался не часто и какъ-то грустно; казалось, что его неотступно гнететъ какая-то печальная дума: говорили, что онъ не можетъ утѣшиться послѣ смерти любимой жены. Жизнь его отличалась необыкновеннымъ однообразіемъ и правильностью. Большую часть года онъ проживалъ въ Кіевѣ, а на время лѣтнихъ каникулъ въ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ учились его сыновья, переѣзжалъ въ имѣніе.

Въ Кіевѣ Лашкевичи проживали въ собственномъ домѣ на Печерскѣ на Милліонной улицѣ. Старшіе сыновья жили въ отдѣльномъ флигелѣ во дворѣ, отецъ съ малолѣтней дочерью и сыномъ занимали большой одноэтажный деревянный домъ; тутъ же находился и крайне заущенный, заросшій садъ.

Ежедневно въ опредѣленный часъ къ семьѣ выходилъ изъ своей комнаты вполне одѣтый отецъ; послѣ утренняго чая онъ садился на диванъ, всегда на одно и то же мѣсто, читалъ новыя журналы или книги; крайне рѣдко, да и то лишь при отличной погодѣ, онъ выѣзжалъ на прогулку съ малыши дѣтьми и ихъ гувернанткой въ большомъ экипажѣ четверикомъ съ фюрериторомъ и лакеемъ. Къ обѣду собирались всѣ члены семьи, потомъ вечеромъ опять сходились для чая и ранняго ужина, послѣ котораго отецъ садился на всегдашнее свое мѣсто на диванѣ; часа черезъ два, послѣ довольно вялой бесѣды съ дѣтьми и гостями, въ разъ навсегда опредѣленный часъ старикъ молча вставалъ; всѣ присутствующіе также вставали, хозяинъ прощался съ гостями, благословлялъ дѣтей, цѣловался съ ними и удалялся въ свои апартаменты. По воскресеньямъ и праздникамъ Степанъ Ивановичъ ѣздилъ къ обѣднѣ всегда въ одну и ту же церковь Спаса на Берестовѣ, въ которой состоялъ старостой и о благоговѣніи которой очень заботился; въ ней его стараніями были возобновлены старинныя фрески.

Въ управленіе домомъ и многочисленной дворней, даже въ воспитаніе дѣтей Степанъ Ивановичъ повидимому почти не вмѣшивался. Эти заботы всецѣло лежали на проживавшемъ въ теченіе многихъ лѣтъ у него въ домѣ, у него же и умершемъ Николаѣ Егоровичѣ. Фамиліи его даже очень близкіе къ Лашкевичамъ люди не знали; всѣмъ извѣстно было, что онъ, уроженецъ одной изъ великорусскихъ губерній, былъ товарищемъ Степана Ивановича по Московскому университету, хотя съ виду казался гораздо старѣе его. На какихъ условіяхъ онъ проживалъ у Лашкевича, мы не знали, но видѣли, что на немъ лежали домашнее хозяйство и заботы о старшихъ сыновьяхъ, съ товарищами которыхъ онъ очень сближался. Молодежь очень лю-

била его за чрезвычайное добродушіе, веселый нравъ и невинныя шутки юношей. Будучи фактотумомъ въ домѣ—и управляющимъ, и экономомъ, и ключникомъ, и дядькой при дѣтяхъ, онъ до глубокой старости отличался большой живостью, интересовался литературой, любилъ толковать о ней съ молодежью, изрѣдка бесѣдовалъ о ней же и съ Степаномъ Ивановичемъ; послѣдняго онъ очень уважалъ, всегда свято исполнялъ, и старался предугадывать его волю и желанія, даже замѣтно побаивался его. Снисходительно относился Николай Егорычъ къ молодежи, къ ея не всегда достаточно почтительному подшучиванію. Молодыхъ Лашкевичей онъ очень баловалъ, старался исполнять всѣ ихъ желанія, даже капризы и прихоти, снабжалъ ихъ втихомолку деньгами, прикрывалъ ихъ проступки—въ этомъ отношеніи онъ шелъ даже наперекоръ желаніямъ своего патрона.

Жили въ семьѣ Лашкевича еще и приживалки, бѣдныя пожилыя дворянки, одна изъ нихъ съ дочерью-подросткомъ; онѣ жили въ отдѣльномъ помѣщеніи, никогда не показывались гостямъ; о существованіи ихъ посторонніе узнавали лишь отъ дѣтей или Николая Егорыча, очень ихъ не любившаго, или, наконецъ, по поводу какого-нибудь особеннаго происшествія съ ними. Дворня была чрезвычайно многочисленна: были тутъ поваръ и его помощники, много лакеевъ, нѣсколько кучеровъ, фореиторовъ, судомойки, горничныя, прачки, дворники, портные, сапожники, швеи, обойщики, столяры и др. Меня, истиннаго горожанина изъ буржуазной семьи, очень поражала эта масса прислуги; особенно удивлялся я, когда впервые почевалъ у Лашкевичей. У каждаго изъ сыновей былъ особый лакей, умывавшій и одѣвавшій паныча, надѣвавшій носки, завязывавшій галстухъ; у каждаго гостя опять таки былъ свой спеціальный прислужникъ. Надо думать, что эта многочисленная прислуга мало работала: домъ, въ которомъ жили Лашкевичъ и его семья, былъ крайне запущенъ; побѣлка стѣнъ почти исчезла, штукатурка во многихъ мѣстахъ обвалилась, крыша протекала; внутри—стѣны, потолоки и полы выказывали такіе же слѣды за-

пущенности, и это особенно бросалось въ глаза, такъ какъ тутъ же, въ обстановкѣ комнатъ, обращали на себя вниманіе многіе изящные и дорогіе предметы. Я долго думалъ, что за ветхостью—ремонтировать этотъ домъ уже невозможно, но когда онъ сдѣлался наконецъ совсѣмъ неудобнымъ для жизни, Степанъ Ивановичъ продалъ его; при новомъ владѣльцѣ оказалось, что домъ построенъ изъ толстыхъ сосновыхъ брусевъ, которые отлично сохранились, а ветхость по виѣшнему виду явилась отъ отсутствія въ теченіе многихъ лѣтъ какого-либо ремонта. Теперь С. И. Лашкевичъ купилъ двухэтажный домъ въ Липкахъ на Виноградной улицѣ; внутренняя обстановка сдѣлалась еще болѣе барскою, но и этотъ домъ никогда не ремонтировался.

По своему происхожденію, связямъ и богатству Лашкевичъ легко могъ бы примѣнить къ тогдашнему кіевскому бондону, „Липкамъ“, сдѣлаться замѣтнымъ его членомъ, но онъ сторонился отъ свѣтскаго общества, бывалъ лишь у немногихъ родственниковъ, только ихъ и товарищей своихъ сыновей и принималъ у себя. Къ этой молодежи онъ относился съ замѣчательнымъ дружелюбіемъ, терпимостью и гостепріимствомъ. Въ тихихъ и чинныхъ, прежде пустынныхъ барскихъ хороммахъ, со вступленіемъ въ университетъ сыновей, особенно Александра Степановича, теперь стали бывать молодые студенты, происшедшіе изъ различныхъ слоевъ общества, въ своей дешевенькой, часто изрядно изношенной одеждѣ, нѣкоторые въ очень распространенныхъ въ то время украинскихъ національныхъ костюмахъ и вышитыхъ, не блестящихъ особенной чистотой рубашкахъ. Здѣсь юноши не чувствовали того стѣсненія, которое обычно испытывали, когда случалось побывать въ томъ или другомъ пышномъ салонѣ или даже въ болѣе скромныхъ буржуазныхъ гостинныхъ. Хозяинъ ко всѣмъ, безъ различія происхожденія, средствъ, костюма, относился равно спокойно, привѣтливо, но сдержанно и немногословно. Въ иные вечера здѣсь раздавались громкіе, оживленные споры по вопросамъ общественнымъ, научнымъ и литературнымъ. Хозяинъ со вниманіемъ и интересомъ слѣдилъ за этими спорами, изрѣдка тихо и спо-

койно выражалъ свое мнѣніе, съ полной терпимостью предоставляя всѣмъ высказаться. Онъ никогда не пользовался своею властью хозяина и старика, чтобы устранить то или другое рѣзкое или крайнее, не нравившееся ему мнѣніе. Слегка выражая сочувствіе свое къ освобожденію крестьянъ, онъ повидимому мало интересовался современностью; его гораздо больше занимали вопросы литературные и историческіе, особенно относившіеся къ родной Малороссіи; онъ очень гордился своимъ происхожденіемъ отъ Полуботка. Постоянно и много читалъ, выписывая журналы, приобретаая новыя книги по исторіи и словесности, Лашкевичъ поражалъ насъ, молодыхъ птенцовъ, своими знаніями. Среди этой шумной, веселящейся молодежи, старикъ сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ на диванѣ съ обычнымъ грустнымъ выраженіемъ лица, по временамъ слегка улыбаясь по поводу той или другой шутки, остроты или выходки; въ обычный часъ онъ вставаньемъ давалъ сигналъ къ прощанію; онъ удалялся въ свои комнаты, а молодежь переселялась къ Александру Степановичу и тутъ долго еще, до глубокой ночи или до разсвѣта, раздавалась оживленная бесѣда, продолжались споры, шумъ, веселіе. Въ позднѣйшее время изрѣдка бывали танцевальныя вечера, которые продолжались до поздней ночи; хозяинъ и тутъ все время присутствовалъ на своемъ обычномъ мѣстѣ; оригинально было здѣсь сочетаніе родовитыхъ, чинныхъ и элегантныхъ родичей хозяина съ плохо одѣтыми (студенческая форма было уже отиѣнена), но умственно возбужденными, самоувѣренными и мало стѣсняющимися молодыми товарищами сына.

Къ началу каникулъ вся семья, на долгихъ, въ нѣсколькихъ экипажахъ съ приживалками и дворней переселялась въ главное имѣніе, с. Брахловъ, Новозыбковскаго уѣзда. Однажды я гостилъ тамъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Семья обитала въ роскошномъ и просторномъ домѣ; тутъ же большой цвѣтникъ, садъ, рѣка и деревня. Образъ жизни Степана Ивановича и тутъ оставался неизмѣнно такимъ же, какъ и въ городѣ: порядокъ дня, занятія, интересы были тѣ же, не доставало лишь мужской моло-

дежи. И здѣсь хозяйинъ крайне рѣдко оставлялъ комнаты для посѣщенія сада или поѣздки въ экипажѣ, и здѣсь онъ не входилъ въ хозяйственныя дѣла, которыми всецѣло и безотчетно распорядился наемный управляющій; дворня здѣсь была еще многочисленнѣе. Только съ немногими сосѣдями, частью родичами, поддерживалось знакомство. Проходили годы; все кругомъ измѣнялось; прежняя молодежь возмужала; сыновья выросли, стали самостоятельными; Александръ Степановичъ поступилъ на службу, самъ Степанъ Ивановичъ дряхлѣлъ, но домашній порядокъ не измѣнялся, не измѣнялись его привычки и образъ жизни. По прежнему дорожилъ онъ независимостью, сторонился отъ хозяйственныхъ заботъ и всякой дѣятельности, по прежнему много читалъ, продолжая относиться съ интересомъ къ вопросамъ литературы и исторіи, преимущественно мѣстной.

Я, можетъ быть, слишкомъ долго остановился на домашней обстановкѣ А. С. Лашкевича, но мнѣ думается, что личность его отца сама по себѣ представляетъ интересъ—это очень оригинальный представитель интеллигентнаго, но вполнѣ пассивнаго лѣвобережнаго малорусскаго панства въ эпоху освобожденія крестьянъ, того самаго панства, изъ среды котораго въ это самое время выдѣлялись столь же оригинальные и пассивные, но менѣе симпатичные „мочеморды“. Привлекательно было гостепріимство и любовное отношеніе этого *барина* къ университетской, и притомъ по преимуществу вуждающейся, иногда почти бездомной, демократически настроенной молодежи. И теперь, по прошествіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, эта успѣвшая уже сама состариться молодежь съ чувствомъ глубокой благодарности вспоминаетъ объ этомъ гостепріимномъ домѣ и его привѣтливомъ хозяйнѣ. Остановился я подробно на родной обстановкѣ Александра Степановича еще и потому, что она должна была сильно на немъ отразиться. Полная обезпеченность, даже болѣе того—богатство, родовитыя связи и та бездѣятельность и пассивность, которыя съ дѣтства окружали его, должны были, казалось, при поступленіи въ университетъ въ 1860-мъ году, направить молодого Лашкевича въ студенческіе кружки, предавав-

шіеся веселью и сладкому ничего-недѣланію, тѣмъ болѣе, что въ двухъ такихъ кружкахъ вращались близкіе ему люди. Таковъ былъ кружокъ родовитыхъ молодыхъ людей изъ кievской чиновничьей знати и лѣвобережнаго панства, которые всецѣло отдавались свѣтской жизни съ ея щегольствомъ, ухаживаніями, развлеченіями, кутежами и отсутствіемъ какихъ либо серьезныхъ интересовъ. Таковъ былъ и другой кружокъ, такъ называемый Дерптскій, съ болѣе буржуазнымъ составомъ, группировавшійся вокругъ нѣсколькихъ студентовъ, перешедшихъ къ намъ изъ Дерптскаго университета; тутъ выпивка, особенно пива, возводилась въ какой-то культъ, причемъ широко практиковались и разные другіе виды кутежа; многіе юноши не устояли и погибли и нравственно, и физически подъ напоромъ растлѣвающего безцѣльнаго прожиганія жизни и пьянства. Къ университетскимъ занятіямъ и лекціямъ, къ идеямъ, которыя одушевляли молодежь того времени, дѣлили ее на кружки и партіи, призывали ее къ дѣятельности во имя убѣжденій и къ борьбѣ за нихъ, представители этихъ двухъ кружковъ относились безучастно: лишь изрѣдка появлялись они въ университетскихъ корридорахъ, и того рѣже посѣщали они лекціи, видимо не интересуясь ими и скучая на нихъ: одинъ изъ принадлежавшихъ къ 1-му упомянутому мною кружку забрелъ какъ то, быть можетъ послѣ бурно проведенной ночи, на лекцію по славяновѣдѣнію, заснулъ тутъ и громко храпѣлъ; студенты тутъ же выгнали его изъ аудиторіи. Чаше всего однокурсники впервые встрѣчали нѣкоторыхъ изъ принадлежавшихъ къ этимъ кружкамъ студентовъ въ экзаменную пору: тутъ они знакомились съ товарищами ради полученія программъ, записокъ и другихъ пособій или указаній.

Отъ сближенія съ этими и другими подобными кружками Александра Степановича оградило умственное возбужденіе, вызванное вліяніемъ П. Е. Рощина и мѣрами Н. И. Пирогова въ средѣ учениковъ высшихъ классовъ Кіевской 1-й гимназіи. Съ другой стороны, благодаря живости и настойчивости, отличавшимъ Лашкевича, на немъ не сильно отразилась бездѣтельность въ до-

машней обстановкѣ. Онъ искалъ занятій, дѣла, а отъ отца могъ унаслѣдовать любознательность и интересъ къ литературѣ. И вотъ, поступивши на историко-филологическій факультетъ, онъ увлекся славяновѣдніемъ; онъ аккуратно посѣщаль лекціи по этой отрасли знанія, не смотря на то, что онѣ отличались въ то время крайней вялостью и сухостью; посѣщаль онъ постоянно также лекціи по Исторіи Русской Словесности, увлекался лекціями В. Я. Шульгина по новой исторіи и П. В. Павлова по русской исторіи, физиологіи общества и исторіи пластическихъ искусствъ. Занятія славяновѣдніемъ сблизили его съ кружкомъ студентовъ славянофиловъ. Въ этомъ кружкѣ особенно выдавались и пользовались большимъ вліяніемъ нѣкоторые студенты изъ духовнаго званія, большей частью великороссы, перешедшіе къ намъ изъ Кіевской духовной академіи, изъ которой ихъ исключили за нелады съ начальствомъ. Эти молодые люди отличались большей зрѣлостью, стремленіемъ къ знаніямъ, серьезностью занятій. Скоро кружокъ этотъ, при участіи Лашкевича, устроилъ *Печерскую* воскресную школу, которая отличалась отъ двухъ раньше открытыхъ студентами школъ, Подольской и Новостроенской, славянофильскимъ направленіемъ своихъ участниковъ; напротивъ того, въ Подольской, особенно же Новостроенской, преобладало направленіе мѣстное—украинское. Не долго оставался Лашкевичъ въ славянофильскомъ кружкѣ, хотя дружескія отношенія къ нѣкоторымъ изъ его членовъ сохранилъ навсегда. Теперь онъ возмужалъ, характеръ его сталъ складываться окончательно. Это былъ уже высокаго роста, красивый и вполне здоровый юноша; отличаясь, какъ я уже замѣтилъ, живостью и настойчивостью, онъ былъ въ то же время добръ, всегда почти веселъ, остроуменъ и добродушно-насмѣшливъ. Дѣтская застѣнчивость исчезла и замѣнилась общительностью, и потому у него было множество знакомыхъ между студентами. Дѣятельность въ воскресной школѣ и общія собранія учителей всѣхъ такихъ школъ постоянно нагаливали мысли на вопросы о значеніи мѣстнаго языка, этнографіи и исторіи; еще болѣе возбужались эти интересы начинавшейся въ то время въ стѣнахъ университета

борьбой между польской молодежью и мѣстной русскою по вопросу о томъ, какой національности должны принадлежать край и университетъ. Борьба велась съ большою страстностью, увлекала всѣхъ живыхъ людей, увлекла она и Александра Степановича. Онъ посѣщалъ всѣ сходки молодежи, принималъ горячее участіе въ страстныхъ спорахъ по поводу національныхъ и другихъ вопросовъ, дѣятельно участвовалъ въ кассѣ взаимопомощи и въ студенческой библіотекѣ съ лекторіей, устроенными студентами по почину попечителя учебнаго округа Н. И. Пирогова. Теперь Лашкевичъ всецѣло присоединился къ малорусскому или украинскому кружку, горячо отдался изученію Украины въ ея прошломъ и настоящемъ, сталъ преподавателемъ въ *Ежедневной* школѣ, для которой помѣщеніе отведено было въ самомъ зданіи университета и которую устроили учителя Новостроенской воскресной школы. Участвовалъ Лашкевичъ и въ другой школѣ, которую студенты украинцы устроили на свой счетъ въ частномъ домѣ: здѣсь на полное содержаніе принимались крестьянскіе мальчики, по большей части лакеи-козачки, сопровождавшіе въ Кіевъ своихъ паничей, студентовъ; въ школѣ ихъ готовили къ дѣятельности сельскихъ учителей. Въ этой школѣ воспитывались, между прочимъ, и два родныхъ племянника Т. Г. Шевченка. Въ это время возникли и упрочились дружескія отношенія А. С. Лашкевича со многими земляками студентами: ихъ сближала совмѣстная гуманитарная и національная дѣятельность и общность убѣжденій; связь создавалась крѣпкая: она пережила пребываніе въ университетѣ, держалась годами и потомъ еще разъ освѣжилась и окончательно упрочилась, когда Александръ Степановичъ сталъ издателемъ и редакторомъ „Кіевской Старины“, гдѣ нѣкоторые изъ давнихъ университетскихъ друзей его были постоянными сотрудниками.

На 3-мъ курсѣ съ Александромъ Степановичемъ произошелъ случай, о которомъ онъ очень любилъ потомъ вспоминать, съ обычнымъ добродушіемъ остроумно относясь къ постигшей его неприятели. Проснувшись 23 апрѣля 1863 г., кіевляне узнали, что въ минувшую ночь изъ города скрылась вся поль-

ская университетская молодежь и нѣкоторые извѣстные польскіе дѣятели. Вскорѣ появились слухи о кровавой стычкѣ гдѣ то недалеко отъ Кіева; привезли раненаго ковака и привели подѣ военнымъ коновоемъ много связанныхъ повстанцевъ. Подѣ вліаніемъ весьма понятнаго любопытства, многіе кіевляне разныхъ возрастовъ и званій, въ числѣ ихъ и Александръ Степановичъ, устремились на Житомирское шоссе, откуда приводили плѣнныхъ, но тутъ, едва-лишь выходили они за тогдашнюю городскую черту у Триумфальныхъ воротъ, ихъ ожидалъ совсѣмъ неожиданный сюрпризъ. На время польскаго возстанія изъ крестьянъ на всей территоріи Юго-Западнаго края организована была сельская стража: приказано было задерживать всѣхъ неизвѣстныхъ, безпаспортныхъ и подозрительныхъ людей и доставлять ихъ въ полицію. Среди крестьянъ распространился слухъ, что за каждаго задержаннаго „шмургента“ они будутъ получать по 3 рубля, и вотъ подѣ Кіевомъ сельская стража стала задерживать каждаго, выходившаго изъ города за Триумфальныя ворота. Вартовники были безграмотны, провѣрять паспортовъ сами не могли, да у большинства случайно вышедшихъ и не было документа, удостовѣряющаго личность. Никакія объясненія не помогали—всѣхъ арестованныхъ уводили пѣшкомъ за нѣсколько верстъ, если не опибаюсь, въ с. Вету, а отсюда въ Борщаговку. Тутъ всѣхъ задержанныхъ, а приводили ихъ въ теченіе всего дня, за неимѣніемъ другаго помѣщенія, заключали въ какой то отвратительный хлѣвъ. Оказалась тутъ самая разнообразная компанія, исключительно русскихъ людей: были тутъ чиновники, студенты, ремесленники, былъ и кіевскій полицейскій городской, случайно выглянувшій за Триумфальныя ворота и тоже причисленный къ подозрительнымъ. Былъ тутъ и нашъ Александръ Степановичъ, тоже запедшій за роковыя ворота. Прибывали все новые заключенные, помѣщеніе становилось невыносимо тѣснымъ, тѣмъ не менѣе задержанные едва допросились воды. Въ теченіе сутокъ они не получали никакой пищи, и крестьяне едва согласились за дорогую цѣну дать имъ ржанаго хлѣба, да и того мало—его не хватило на утоленіе голода. Про-

шла крайне мучительная ночь, и на утро вывели на улицу всѣхъ заключенныхъ, съ понятнымъ наслажденіемъ вздохнувшихъ свѣжимъ воздухомъ. Каждому изъ нихъ туго скручивали руки позади спины, а потомъ связывали ихъ по двое; тутъ сказалось игривое настроеніе крестьянъ: весьма маленькаго городского связали съ очень высокимъ студентомъ—первый до известной степени повисъ—позиція крайне неудобная для обоихъ столь случайно, но тѣсно сплоченныхъ товарищей по невзгодѣ. Александра Степановича такъ крѣпко связали, что онъ все время не могъ рукой коснуться къ своему лицу, между тѣмъ очки его постоянно съѣзжали на носъ и онъ все время принужденъ былъ приставать къ своему случайному близнецу съ просьбой поправить ему очки, при чемъ не мало долженъ былъ изгибаться, чтобы достаточно приблизить свое лицо къ услужливой рукѣ товарища. „Шмургентовъ“ поставили въ двѣ шеренги и повели въ городъ; кругомъ, въ качествѣ ближайшаго конвоя, выступали крестьянки, вооруженныя копьями; въ качествѣ надежнаго резерва, въ сторонѣ съ такимъ же оружіемъ шла толпа крестьянъ, все время глумясь подъ своими плѣнными, ругая ихъ. Особенно, по словамъ Александра Степановича, отличался очень высокаго роста, видный и красивый крестьянинъ. „А що, панове? чы добре вамъ? Чы будете ще бунтовать“? обращался онъ къ связаннымъ; „годи вже! не будете вже гербаты зе мличкомъ пыты, будете радисеньки и житній хлибъ зъ водой йисты! Годи вже вамъ панувать—теперь все буде наше“! воскликнулъ онъ, указывая величественнымъ жестомъ руки во всѣ стороны: „и тутъ, и тутъ буде наше! Скризь буде наше!“

Съ прибытіемъ въ Кіевъ бѣднымъ плѣннымъ пришлось пережить тяжелыя минуты: городская чернь, принимая ихъ за поляковъ, толпилась вокругъ нихъ; раздавались ругательства, въ нихъ бросали комками грязи. Привели ихъ къ Старокіевской части (теперь *участокъ*); здѣсь связанныхъ ввели во внутреннее помещеніе, а крестьянъ оставили на улицѣ; послали нарочного къ губернатору, немедленно развязали плѣннаго городского, поставили его сторожить входныя съ улицы двери. Долго пришлось

ждать прибытія губернатора: администрація и полиція въ этотъ день совсѣмъ сбились съ ногъ отъ множества неожиданныхъ дѣлъ. Скучно было крестьянамъ ждать росписокъ въ принятіи плѣнныхъ и желанной трехъ-рублевой награды, и вотъ то одинъ изъ нихъ, то другой направлялся къ завітнымъ дверямъ части, стараясь проникнуть во внутреннія помѣщенія. Но тутъ у входныхъ дверей освобожденный городской мстилъ имъ за перенесенное заключеніе и обиды: крѣпкими словами и ударами въ шею и другія части тѣла онъ прогонялъ ихъ. Прошло уже болѣе сутокъ послѣ задержанія большинства, когда пріѣхавшій губернаторъ, просмотрѣвъ списокъ приведенныхъ, замѣтилъ имъ, что теперь военное время, что всякому слѣдуетъ быть крайне осмотрительнымъ, что они своей неосторожностью сами навлекли на себя пережитыя неприятели. Послѣ этого всѣмъ задержаннымъ разрѣшено было разойтись.

Черезъ годъ съ небольшимъ послѣ этого эпизода, А. С. Лашкевичъ окончилъ курсъ университета. Онъ поступилъ на службу въ кievское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, вскорѣ былъ назначенъ генераль-губернаторомъ Безакомъ мировымъ посредникомъ и потомъ предсѣдателемъ повѣрочнаго отдѣленія мирового съѣзда въ Гайсинскій уѣздъ Подольской губ. Здѣсь онъ горячо отдался исполненію служебныхъ обязанностей: онѣ вполне соответствовали направленію и убѣжденіямъ, вынесеннымъ изъ университета. Съ большимъ одушевленіемъ, радостно рассказывалъ онъ университетскимъ друзьямъ о тѣхъ случаяхъ, когда ему удавалось отстоять тотъ или иной интересъ крестьянъ. Вскорѣ умеръ генераль-губернаторъ А. П. Безакъ; измѣнилось направленіе политики въ крестьянскомъ вопросѣ въ Юго-Западномъ краѣ; Лашкевичъ оставилъ службу и поселился въ родномъ Новоизыбковскомъ уѣздѣ. Здѣсь началась его земская и судебно-мировая дѣятельность, но относится она, какъ и дѣятельность его по крестьянскимъ учрежденіямъ въ Юго-Западномъ краѣ, уже не къ школьнымъ годамъ А. С. Лашкевича, закончившимся въ 1864-мъ году. Школьные годы и молодость не прошли для него даромъ: онъ вышелъ изъ нихъ снабженный

знаніями, духовнымъ развитіемъ, стремленіемъ къ умственному труду; они дали ему то общественно-національное и демократическое направленіе, которое было руководящимъ началомъ во всей его послѣдующей дѣятельности; они же создали ему дружескія связи съ нѣкоторыми университетскими сверстниками—украинцами, связи, сохранившія свою силу до самой смерти его. Лашкевичъ имѣлъ право съ удовольствіемъ вспоминать о золотыхъ годахъ своей молодости—многимъ завѣтамъ ея онъ былъ вѣренъ до конца жизни.

В. Беренштамъ.

Археологическій съѣздъ въ Кіевѣ.

(Продолженіе ¹⁾).

Рефераты, доложенные съѣзду, распредѣлялись по нѣсколькимъ секціямъ, хотя строгой классификаціи придерживаться было довольно трудно, какъ вслѣдствіе того, что отдѣлы, на которые распадался съѣздъ, были не вполне достаточны и носили довольно общія названія, такъ и благодаря чисто случайнымъ обстоятельствамъ, какъ напр., изобиліе рефератовъ въ одномъ отдѣлѣ и отсутствіе ихъ въ другомъ, недостатокъ времени и т. п. Для археологическихъ, или правильнѣе, историческихъ съѣздовъ еще пока не настало то время, когда ихъ можно было бы раздѣлить на секціи, придерживаясь точной регламентаціи, какая, напр., практикуется на съѣздахъ естествоиспытателей—многія вспомогательныя исторіи науки еще настолько слабо у насъ разработаны, что назначеніе для нихъ спеціальныхъ секцій не имѣло-бы практическаго смысла. Однако, введеніе въ программу съѣзда болѣе спеціальныхъ группъ имѣло-бы то значеніе, что могло бы побудить къ работѣ тѣхъ или другихъ спеціалистовъ; такъ напр., мы думаемъ, что пора бы ввести въ программу отдѣлъ *антропологическій*, имѣющій такое близкое и существенное отношеніе къ археологіи и исторіи вообще. Но это дѣло будущаго, а пока обратимся къ настоящему съѣзду. Въ дальнѣй-

¹⁾ См. Кіев. Стар. 1899 г., № 10.

шемъ, не придерживаясь строго дѣленія съѣзда на секціи, мы будемъ касаться, и то лишь за недостаткомъ мѣста, только въ общихъ чертахъ рефератовъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ прошлому Южной Россіи, прибавляя къ этому тѣ немногочисленные сообщенія болѣе или менѣе общаго характера, которыя имѣли мѣсто на спеціальныхъ секціяхъ.

Начнемъ съ *первобытныхъ древностей*. Секція эта отличалась сравнительнымъ изобиліемъ докладовъ, но среди нихъ мы можемъ указать лишь одинъ, именно докладъ *В. А. Городцова*— „*Необходимость выработки номенклатуры и системы описанія доисторической керамики*“, гдѣ былъ поднятъ одинъ изъ вопросовъ, имѣющихъ общее значеніе. Указавъ на важность изученія керамики для доисторической археологіи и на давно ощущаемую потребность въ опредѣленной номенклатурѣ и системѣ описанія матеріала, способа приготовленія, формъ и орнаментаціи керамическихъ издѣлій, референтъ, въ примѣненіи къ орнаменту, предложилъ выработанный имъ образецъ табличной классификаціи. Здѣсь различные виды орнамента подведены подъ извѣстную систему, несомнѣнно могущую облегчить и отчасти упорядочить описательную часть работъ, касающихся первобытной керамики.

На выставкѣ въ новомъ зданіи музея была демонстрирована коллекція предметовъ изъ палеолитической стоянки на Кирилловской улицѣ, обследованной *В. В. Хвойко*, особенно пополнившаяся, благодаря находкамъ настоящаго года; въ засѣданіи, происходившемъ въ зданіи музея, проф. *П. Я. Армашевскій* сдѣлалъ сообщеніе объ этой стоянкѣ, гдѣ коснулся какъ обстоятельствъ находки, такъ и геологическаго и археологическаго ея значенія. Въ виду того, что о стоянкѣ на Кирилловской у. помѣщены въ различныхъ изданіяхъ довольно полныя свѣдѣнія,¹⁾ мы не будемъ

¹⁾ Этой находки коснулся и проф. Антоновичъ въ рефератѣ, прочитанномъ на Рижскомъ съѣздѣ—«Памятники каменнаго вѣка, найденные въ Кіевѣ въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ». См. также публичные лекціи по геологіи и исторіи Кіева, читанныя проф. *П. Я. Армашевскимъ* и *В. В. Антоновичемъ* въ «Истор. Общ. Нестора Лѣтописца въ мартѣ 1896 года». К. 1897 г. и «Археологич. Лѣтопись» настоящаго года—январь, май, іюнь. Наиболее обстоятельный обзоръ этой находки, составленный *Хв. Вовкомъ*, помѣщенъ въ «Материалахъ до украинско-руської этнологіі», т. I, Львовъ, 1899 г.

здѣсь распространяться о ней, упомянемъ лишь, что на этомъ же засѣданіи проф. Д. П. Анушинъ высказался въ томъ смыслѣ, что по поводу этихъ находокъ возникаютъ нѣкоторыя сомнѣнія, напр., представляется загадочнымъ тотъ фактъ, что на мѣстѣ стоянки не найдено орудій, которыми человекъ могъ бы убивать мамонтовъ, такъ что является предположеніе—не вымеръ-ли мамонтъ въ данной мѣстности еще до появленія здѣсь человека и что послѣдній воспользовался его костями лишь какъ матеріаломъ? Намъ кажется, что геологическое положеніе находки и нѣкоторыя другія обстоятельства исключаютъ всякія сомнѣнія.

Неолитической эпохѣ каменнаго вѣка было посвящено нѣсколько рефератовъ. Изъ нихъ обобщающій характеръ носилъ рефератъ проф. Антоновича— „О каменномъ вѣкѣ въ Волынской губерніи“. Референтъ подводитъ итоги находкамъ отдѣльныхъ предметовъ, стоянкамъ и погребеніямъ, затрогивая попутно и вопросъ о городищахъ каменнаго вѣка, вопросъ, требующій еще болѣе точнаго обследованія. Городища эти круглой и овальной формы, на нѣкоторыхъ изъ нихъ найдены стоянки каменнаго вѣка, что и дало поводъ референту высказать предположеніе о принадлежности городищъ этому періоду, хотя могло быть и такъ, что подъ городища, сооруженныя въ болѣе позднее время были заняты мѣста, на которыхъ раньше находились поселенія каменнаго вѣка. Стоянокъ и мастерскихъ въ Волынской губ. открыто до 40, обнаружены онѣ главнымъ образомъ въ Дубенскомъ, Кременецкомъ и Острожскомъ у., спорадически-же орудія встрѣчаются по рр. Ушѣ, Жеревѣ и Норинѣ; въ послѣднемъ случаѣ, по нашему мнѣнію, также еще рано дѣлать выводы—болѣе тщательныя изслѣдованія на мѣстѣ могутъ обнаружить и здѣсь стоянки и мастерскія, какъ это было, напр., въ Ровенскомъ у., гдѣ только лишь въ послѣднее время открыты богатые мастерскія, до этого-же были извѣстны лишь спорадическия находки. Что до погребальныхъ обрядовъ, то ихъ встрѣчено два типа: въ ямахъ, обложенныхъ плитами съ сосудами, въ которыхъ помѣщались пережженные кости и орудія—по мнѣнію референта, болѣе поздній типъ, и погребенія въ курганахъ (зарегистриро-

вано ихъ немногимъ болѣе 30-ти), причемъ скелеты лежать по большей части на боку, въ скорченномъ положеніи. Докладъ проф. Антоновича съ очевидностью показалъ, что Волинь очень богата каменнымъ вѣкомъ, но, съ другой стороны, для болѣе твердыхъ выводовъ потребуется еще много и много систематической работы.

Неолитическаго періода на Волини касался затѣмъ небольшой рефератъ г. *Житынскаго*, о которомъ мы уже упоминали выше. Явился онъ результатомъ личныхъ наблюденій и поисковъ въ бассейнѣ р. Стыря; авторомъ отмѣчено нѣсколько новыхъ мѣстъ находки каменныхъ орудій; въ концѣ реферата было обращено вниманіе на новый типъ орудій—грубой отдѣлки топоры съ сверлинами изъ сравнительно мягкаго камня, найденныя въ разныхъ мѣстахъ по теченію Зап. Буга и Стыря; имъ посвящена специальная работа польскаго археолога Эразма Маевского, на которую и ссылался референтъ. Результатомъ нашей экскурсіи на р. Западный Бугъ было открытіе болѣе 30-ти стоянокъ неолитической эпохи, расположенныхъ на песчаныхъ береговыхъ россыпяхъ. Преобладающими орудіями являются отбивныя—ножи, скребки, острія, стрѣлы,—все по большей части небольшихъ размѣровъ; на нѣкоторыхъ изъ стоянокъ однако найдены и куски шлифованныхъ орудій; тутъ-же собрана и керамическая коллекція. На археологич. выставкѣ въ университетѣ находилось довольно большое собраніе древностей изъ Подольской губ. г. *Пуласкаго*. Какъ-бы объясненіемъ этой коллекціи служилъ доложенный владѣльцемъ рефератъ — „*Археологическія находки въ Подольской губ.*“. Коллекція составлена главнымъ образомъ благодаря личнымъ раскопкамъ г. Пуласкаго въ мѣстности, ограниченной съ одной стороны р. Смотрычемъ, съ другой—р. Жванчикомъ, съ третьей—т. н. Траяновымъ Валомъ. Встрѣченныя здѣсь культуры относятся къ разнымъ періодамъ: мы тутъ имѣемъ стоянки неолитическаго періода, погребальныя кисты изъ каменныхъ плитъ съ костяками въ скорченномъ положеніи и съ каменными орудіями при нихъ, а также и могилы съ насыпью того-же каменнаго періода, поселенія переходной эпохи къ ме-

таллическому вѣку, сходныя съ галицкими и нашими трипольскими могилами съ каменною насыпью съ инвентаремъ т. н. скифскаго типа и, наконецъ, славянскія городища.

Очень интересный вопросъ былъ поднятъ *Н. Е. Бранденбургомъ* въ рефератѣ „*Аборигены Кіевскаго края*“. Матеріаломъ для реферата послужили раскопки кургановъ, произведенныя въ разное время референтомъ въ Кіевской губ. Изъ нихъ онъ выдѣлилъ въ особую группу тѣ курганы, гдѣ были обнаружены скелеты въ скорченномъ положеніи. Населеніе, оставившее эти погребенія, референтъ и считаетъ первоначальнымъ населеніемъ края и приурочиваетъ имъ названіе Киммерійцевъ, упоминаемое Геродотомъ, Страбономъ и другими древними писателями. По поводу хронологическихъ указаній референтъ не придаетъ этому погребальному типу очень глубокой древности, какая обыкновенно приписывалась ему и, основываясь на находкахъ въ могилахъ нѣкоторыхъ металлическихъ предметовъ, въ томъ числѣ и желѣзныхъ (послѣдніе только въ одномъ случаѣ), въ конечномъ выводѣ относитъ его къ началу христіанской эры. Возражая референту, проф. Антоновичъ сообщилъ, что въ извѣстныхъ ему могилахъ со скорченными костяками никакихъ металлическихъ предметовъ найдено не было и, слѣдовательно, трудно ихъ датировать началомъ христіанской эры. Дѣйствительно, нахожденіе въ одномъ случаѣ желѣза еще ничего не доказываетъ; очень возможно, что данная могила и относится къ болѣе позднему времени; вѣдь встрѣчаются иногда скелеты въ скорченномъ положеніи и въ славянскихъ курганахъ, обычныя же находки предметовъ въ т. н. курганахъ со скорченными же костяками,—каменные и отчасти мѣдныя и бронзовыя орудія, такъ что ихъ можно отнести къ переходу отъ камня къ металлу, а потому и по времени они должны быть гораздо древнѣе, чѣмъ начало христіанской эры. Могила подобнаго рода вскрыта на югѣ очень много, не всегда однако изслѣдованіе ихъ велось съ необходимой въ данномъ случаѣ тщательностью; по внѣшнему виду такого рода могилы почти не отличаются отъ расположенныхъ по соседству скифскихъ, и зачастую раскопка ихъ оставляетъ лишь

однѣ разочарованія искателямъ греко-скиеской богатой культуры, въ результатѣ поверхностное обследованіе. Между тѣмъ, въ виду открытій въ послѣднее время поселеній съ переходной культурой, очень важно было-бы какъ болѣе добросовѣстное отношеніе къ этого рода памятникамъ, такъ и обработка уже извѣстнаго матеріала; вотъ почему можно привѣтствовать починъ въ этомъ направленіи, сдѣланный Н. Е. Бранденбургомъ.

Очень часто въ могилахъ вышеупомянутаго типа встрѣчаются окрашенные скелеты; на съѣздахъ уже нѣсколько разъ дебатировался вопросъ о способѣ, или правильнѣе, о времени этого окрашиванія: окрашивался ли трупъ, или кости послѣ уничтоженія мягкихъ частей? Вопросъ былъ рѣшенъ въ первомъ смыслѣ, но и на этомъ съѣздѣ *проф. Кулаковскій* въ докладѣ „*Къ вопросу объ окрашенныхъ костякахъ*“ счелъ умѣстнымъ снова затронуть его, имѣя въ виду мнѣніе чешскаго ученаго Нидерле, заключающагося въ своемъ сочиненіи „Человѣчество въ доисторическую эпоху“ къ противному объясненію окрашиванія. Другимъ поводомъ къ реферату послужило отнесеніе однимъ ученымъ археологомъ погребенія съ окрашенными костяками, датируемыми обыкновенно переходной эпохой къ металлическому вѣку, къ болѣе позднему времени, съ чѣмъ также не соглашался референтъ. Крашенные скелеты фигурировали еще въ одномъ рефератѣ—*проф. Лилеева*—„*Раскопки кургановъ близъ Ньжина*“; раскопано здѣсь 16 кургановъ и въ нихъ скелеты и части досокъ гробовъ оказались окрашенными красной краской—фактъ, впервые встрѣченный въ Черниговской губерніи.

Благодаря выставкѣ, устроенной въ музеѣ, на съѣздѣ можно было видѣть въ полномъ составѣ громадную коллекцію предметовъ изъ раскопокъ В. В. Хвойко въ окрестностяхъ м. Триполья, Кіевск. г., площадокъ съ остатками оригинальной керамики и нѣкоторыми другими предметами, какъ каменными, такъ и костяными и мѣдными. *А. М. Покровскимъ* и *В. В. Хвойко* было сдѣлано сообщеніе объ этихъ раскопкахъ, о результатахъ которыхъ мы уже сообщали раньше ¹⁾. Сообщеніе это было до-

¹⁾ См. Археологич. вѣстникъ, январь.

полнено проф. Милюковымъ, указавшимъ на то, что данная культура давно уже извѣстна на западѣ и новинкой является только для Поднѣпровья.

Скиѣскимъ древностямъ былъ посвященъ всего лишь одинъ рефератъ—Д. И. Эварниковаго—„Раскопки въ Александрійскомъ и Херсонскомъ уѣздахъ“. Въ виду того, что раскопокъ скиѣскихъ кургановъ мы имѣемъ уже достаточно, докладъ съѣзду дневниковъ раскопокъ еще 3-хъ изъ нихъ не представляетъ большого интереса.

Слѣдуя далѣе хронологіи памятниковъ древности нашего юга, упомянемъ о рефератѣ В. Г. Ляскоронскаго—„Находки римскихъ монетъ въ бассейнѣ средняго Приднѣпровья“, въ которомъ референтъ склоняется къ тому мнѣнію (не новому въ нашей исторической литературѣ), что клады римскихъ монетъ могутъ служить доказательствомъ заселенія края въ извѣстную эпоху, а потому и древность многихъ поселеній края, не говоря уже о Кіевѣ, простирается до 2000 лѣтъ. Распредѣляются находки римскихъ монетъ преимущественно по теченію болѣе значительныхъ рѣкъ. На правомъ берегу Днѣпра онѣ встрѣчаются въ бассейнѣ р. Роси и область эта является какъ-бы связывающимъ звеномъ между Днѣпровскимъ и Бужскимъ бассейнами. Въ большомъ количествѣ римскія монеты найдены далѣе на сѣверѣ, по направленію къ Кіеву, какъ по главной магистралі—р. Днѣпру, такъ и по его притокамъ—рр. Красной, Стучнѣ, Бобрику. Въ мѣстности, прилегающей къ Кіеву съ сѣвера и запада, попадаются отдѣльныя находки монетъ по рр. Здвижу, Ирпеню, Гнилоплату и въ устьѣ Припети. Ниже устья Роси онѣ встрѣчаются довольно часто по р. Тясмину и переходятъ затѣмъ въ бассейнъ р. Буга. На лѣвой сторонѣ Днѣпра находки также слѣдуютъ теченію крупныхъ рѣкъ; кромѣ лѣваго берега Днѣпра сюда относятся теченія рр. Десны, Сулы, Слѣпорода, Псла, Ворсклы, Орели и др.; при посредствѣ послѣднихъ находки соединяются съ таковыми-же бассейна р. Дона.

Каждый годъ приноситъ съ собой новыя находки и потому обзоры ихъ, дѣлаемые время отъ времени, имѣютъ серьезное зна-

ченіе. Въ виду того, что мы имѣемъ уже очень значительное число находокъ *кладовъ* римскихъ монетъ, намъ вѣжется, слѣдовало-бы уже исключить изъ такихъ обзоровъ находки *единичныхъ монетъ*, которыя, какъ случайныя, не могутъ служить надежными фактами для научныхъ выводовъ, хотя и увеличиваютъ число ихъ. Не можемъ не пожелать попутно, чтобы въ изслѣдованіяхъ о римскихъ кладахъ и вообще при регистраціи этихъ кладовъ, было обращено болѣе серьезное вниманіе на обстоятельства находокъ, и главнымъ образомъ на посуду, въ какой иногда попадаются клады,—это очень важно въ виду начинающаго обрисоваться у насъ на югѣ особаго погребальнаго типа, относящагося повидимому къ той же эпохѣ, что и большинство римскихъ кладовъ, т. е. къ II—III вв. по Р. X.

Проф. Н. И. Веселовскій въ рефератѣ „*Каменные орудія при вещахъ римской эпохи*“ сообщилъ о двухъ случаяхъ находокъ каменныхъ топоровъ въ курганахъ Кубанской области, въ которыхъ остальные предметы могутъ быть отнесены къ римской эпохѣ. Въ дополненіе къ этому предсѣдатель Имп. Археологич. комиссіи гр. А. А. Бобринскій привелъ случай находенія бронзовыхъ топоровъ въ скифскихъ курганахъ средняго Приднѣпровья въ погребеніяхъ, относимыхъ къ позднѣйшей эпохѣ. Эти факты пережитковъ въ древнее время, причемъ предметы болѣе глубокой старины пользуются особымъ значеніемъ, сравнительно очень рѣдки, а потому и заслуживаютъ быть отмѣченными.

Обычной обстоятельностью и научностью отличался рефератъ проф. Э. Р. фонъ-Штерна—„*Значеніе керамическихъ находокъ для культурной исторіи черноморской колонизаціи*“. Наряду съ историческими данными, не всегда ясными, а также надписями и монетами, не маловажную роль для выясненія вопроса колонизаціи черноморскаго побережья занимаютъ предметы керамики. Иллюстрируя это положеніе, референтъ указалъ на послѣдовательный рядъ вліяній, какія можно было установить, основываясь на керамическихъ издѣліяхъ. Самое древнее—милетское, съ V вѣка—аѳинское, имѣвшее небольшой перерывъ и затѣмъ снова возобновившееся, съ паденіемъ Аѳинъ прекра-

щается и это влияние; въ III в. въ могилахъ греческихъ колоній встрѣчается „каленская“ и „мегарская“ посуда; со II в. можно замѣтить сношенія съ Италией и Римомъ, продолжавшіяся до конца римскаго государства; есть указанія и на сношенія съ Александріей. Керамика классическаго міра разработана уже съ достаточной полнотой, но не въ такомъ положеніи находится дѣло съ византійской, арабской и итальянской керамикой, остатки которой также были находимы на югѣ—тутъ еще предстоитъ много трудной, но и важной по результатамъ работы. Добавимъ отъ себя, что даже вопросъ о русской средневѣковой керамикѣ въ нашей археологической литературѣ представляетъ непочатый уголь—давно-бы пора приняться за него.

Переходимъ теперь къ небольшой группѣ рефератовъ, посвященныхъ доисторическому прошлому *славянъ*.

Проф. чешскаго университета Л. Нидерле затронулъ вопросъ, уже раньше трактованный имъ, „о времени переселенія славянъ съ сѣвера Карпатскихъ горъ въ Венгрію“. По теоріи референта, подкрѣпленной рядомъ антропологическо-археологическихъ данныхъ (что и представляетъ новизну въ разработкѣ этого стараго вопроса), славяне изъ своей сѣверной родины въ области р. Вислы распространились на западъ и на югъ за Карпаты и заняли область нынѣшней сѣверной Венгріи.

Въ трехъ обстоятельныхъ рефератахъ, именно проф. Антоновича, Е. Н. Мельникъ и С. С. Гамченко, была дана детальная характеристика курганнаго погребальнаго ритуала на Волыни.

Проф. В. Б. Антоновичъ производилъ раскопки въ Кременецкомъ, Луцкомъ и Дубенскомъ уу. и въ рефератѣ „О раскопкахъ кургановъ въ западной Волыни“ сообщилъ о результатахъ раскопокъ. Всего раскопано 43 кургана; могильники преобладаютъ въ Луцкомъ и Дубенскомъ уу., въ Кременецкомъ-же ихъ меньше; болѣе значительные по числу кургановъ встрѣчены здѣсь у сс. Суража и Брыкова и часть ихъ раскопана; въ Луцкомъ у. раскопки произведены у с. Рыкани, въ Дубенскомъ-же у с. Красно. Форма кургановъ куполообразная, въ большинствѣ слу-

чаевъ они не высоки—до 2-хъ метровъ, иногда окружены канавками, насыпаны изъ окружающей почвы—чернозема или суглинка. Въ насыпи, на разныхъ уровняхъ, встрѣчаются прислойки, иногда по нѣсколько, состоящія изъ черепковъ, углей, костей животныхъ; по мнѣнію референта это остатки тризны, послѣ воковой курганъ подсыпался. Попадались въ насыпяхъ кургановъ и кремни со слѣдами обдѣлки—фактъ этотъ можно объяснить тѣмъ, что мѣстомъ подъ некрополь случайно была выбрана бывшая стоянка каменнаго вѣка. Могильныя ямы расположены ниже горизонта: на 47 могилъ 12 было устроено въ почвѣ, 35 на подпочвѣ; средняя глубина могилъ—73¹/₂ см. ниже горизонта. Въ могильныхъ ямахъ, въ 18 случаяхъ, встрѣчено погребеніе безъ признаковъ дерева, въ остальныхъ—найлены остатки бревень и досокъ; кромѣ дерева иногда были подстилки подъ скелетомъ изъ зола и угля, такіе-же слои зола и угля встрѣчены и подъ скелетами; въ двухъ случаяхъ подъ могильной ямой открыты слѣды навѣса въ 2 ската изъ 4-хъ досокъ или бревень. Обычное явленіе—въ могилѣ хоронился одинъ покойникъ: на 43 кургана встрѣчено всего 6 коллективныхъ могилъ, изъ которыхъ въ пяти случаяхъ при взросломъ находились скелеты дѣтей, а въ одномъ—3 дѣтскихъ скелета. Положеніе скелета—головой на западъ, съ увлоненіями къ сѣверу или югу, смотря по времени года; скелеты лежатъ на спинѣ, ноги вытянуты, руки-же найдены въ разныхъ положеніяхъ: вытянутыми вдоль тѣла, на тазовыхъ костяхъ, на поясныхъ позвонкахъ и т. п. Въ изслѣдованныхъ могилахъ, при костяхахъ, встрѣченъ довольно бѣдный инвентаръ предметовъ домашняго обихода и украшеній. Характерное обстоятельство—отсутствіе оружія; найдено оно всего лишь въ двухъ курганахъ (у с. Рыкани): въ первомъ, при костяхъ, лежащемъ на боку со скрещенными ногами, находилась костяная орнаментированная пластинка отъ лука, 3 желѣзныхъ наконечника стрѣль, 2 стремени и костяная обложка ручки или ноженъ; во 2-мъ—желѣзный наконечникъ дротика. Очень немногочисленны и находки сосудовъ: въ 2-хъ случаяхъ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ головы скелета найдены глиняные

горшки, въ одномъ—дужка и обручъ отъ ведра; обычная принадлежность покойника въ большинствѣ славянскихъ могильниковъ—желѣзные ножики—здѣсь встрѣчены всего лишь въ одномъ курганѣ. Лучше обстоитъ дѣло съ украшеніями; онѣ преобладаютъ въ могилахъ съ женскимъ погребеніемъ; простѣйшія изъ нихъ—проволочныя мѣдныя или серебряныя кости, свернутыя въ полтора оборота; ими украшались косы, продѣвавшіяся въ ряды такихъ колець, онѣ-же служили запонами къ вороту, серьгами, надѣвались на пальцы; кромѣ спиральныхъ колець найдены также перстни изъ плетеной проволоки, стеклянныя и металлическія буссы, мѣдныя пугови и пара большихъ серебряныхъ серегъ, состоящихъ изъ кольца съ надѣтыми на него двумя полными конусами, сложенными основаніями. Любопытны остатки одежды: въ одномъ случаѣ у шеи найденъ кусочекъ кожи, покрытый разложившимся глинистымъ бисеромъ, въ другомъ—остатки пояса, затканнаго золотыми нитками. Референтомъ приведены и нѣкоторыя антропологическія данныя для населенія, оставившаго могильника: средній ростъ мужскихъ скелетовъ—1,71 метр., слѣдовательно—высокій, женскихъ—1,55 м.—выше средняго; черепа, въ среднемъ, субдолихацефалы, съ колебаніями въ одну и другую стороны.

Рефератъ *Е. Н. Мельникъ*—*„Раскопки кургановъ въ Ровенскомъ, Луцкомъ и Дубенскомъ уу. Волыск. губ.“* отличался тавой-же обстоятельностью и строго-фактической основой въ выводахъ какъ и предыдущій. О раскопкахъ *Е. Н. Мельникъ* мы уже сообщали въ свое время,¹⁾ теперь скажемъ о содержаніи его лишь въ общихъ чертахъ. Исслѣдованію подверглись 22 могильника, въ которыхъ раскопано 260 кургановъ. Мѣстность избрана такимъ образомъ, чтобы можно было прослѣдить похоронный типъ отъ границъ древлянской земли, по теченію Случи, до области занятой лѣтописными лучанами; раскопки и были главн. обр. сосредоточены въ окрестностяхъ Луцка и Пересоницы. Въ могилахъ обнаружены какъ погребенія, такъ и сожженія, причемъ послѣднія можно скорѣе назвать полусожженіями—кости

¹⁾ См. „Археологич. лѣтопись“, февраль.

только обуглены и порядокъ скелета не былъ нарушенъ. И здѣсь оружіе также почти совершенно отсутствуетъ: въ инвентарѣ громаднаго количества раскопанныхъ кургановъ встрѣтились всего 4 желѣзные стрѣлы, наконечникъ дротика и два желѣзныхъ топорика; не очень часто попадались и деревянные ведра, окованные желѣзными обручами; найденныя при скелетахъ украшенія тѣхъ-же типовъ, что и въ другихъ волянскихъ курганахъ. При подсчетѣ найденныхъ предметовъ оказывается, что на 379 металлическихъ предметовъ желѣзныхъ было около 20 проц., 62 проц. низкопробнаго серебра и около 18 проц. бронзы; золото найдено всего въ одномъ случаѣ. Въ заключеніе упомянемъ о въ высшей степени интересной находкѣ въ одномъ изъ кургановъ: здѣсь, при покойникѣ, находился деревянный сундучекъ, отъ котораго сохранились лишь однѣ оковки, и въ немъ желѣзные и бронзовые вѣсы съ цѣлымъ подборомъ болѣе крупныхъ—желѣзныхъ и мелкихъ—бронзовыхъ разновѣсокъ; это наиболѣе древніе памятники подобнаго рода, найденныя до сихъ поръ въ Россіи, имѣющіе большое значеніе для древне-русской метрологіи.

За отсутствіемъ *С. С. Гамченко*, которому Волянь обязана уже цѣлымъ рядомъ раскопокъ, произведенныхъ съ образцовой тщательностью, рефератъ его—*„Раскопки кургановъ у м. Мирополя въ бассейнѣ р. Случи“* былъ доложенъ проф. Антоновичемъ. Предприняты были раскопки въ данной мѣстности съ цѣлью опредѣлить западныя границы распространенія древлянскаго погребальнаго типа. Раскопка 32 кургановъ изъ имѣющихся здѣсь 464 убѣдила изслѣдователя, что древлянскій типъ господствуетъ и здѣсь. Курганы дали какъ сожженіе, такъ и погребеніе. При сожженіи кости и вещи клались въ урну, помѣщаемую или на площадкѣ въ насыпи кургана, или на горизонтѣ безъ урны. Погребеніе происходило или въ выжженныхъ колодахъ, или въ гробахъ, сколоченныхъ изъ досокъ. Отдѣльно стоитъ находженіе въ могильной ямѣ кисты изъ сіенитовыхъ плитъ, въ которой и былъ схороненъ покойникъ. И миропольская группа кургановъ оказалась бѣдной предметами: это обычные

железные ножики, пряслицы, украшенія въ видѣ колець, буссы, перстней и сосуды. Эти послѣдніе раздѣляются на погребальныя урны (обыкновенно съ крышкой) и горшки и миски, помѣщавшіеся или у ногъ скелета, или надъ гробомъ, причемъ въ послѣднемъ случаѣ они обсыпались углемъ. Цѣлыхъ сосудовъ найдено въ общемъ немного, чаще встрѣчались черепки, которыми какъ-бы посыпали покойниковъ. Всѣ сосуды изготовлены безъ гончарнаго круга, стѣнки ихъ носятъ слѣды выглаживанія, на днищахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ помѣщены клейма, въ видѣ напр. круга съ крестомъ посрединѣ. Къ числу очень рѣдкихъ находокъ нужно отнести разбитую глиняную человѣческую фигурку. С. С. Гамченко раздѣляетъ найденные предметы на приготовленные на мѣстѣ—глиняныя и желѣзныя издѣлія, и на привозные, къ какимъ относитъ серебро, желѣзную руду и кремень, иногда попадавшійся въ могилахъ. Оставляя въ сторонѣ нѣкоторые другіе выводы и предположенія С. С. Гамченко, касающіеся быта, а также и религіозныхъ воззрѣній; древнихъ обитателей бассейна Случи, упомянемъ объ одномъ наблюденіи, имѣющемъ большую долю вѣроятности. Означенный могильникъ распадается на 24 группы, расположенныя по урочищамъ; въ центральной части могильника имѣется древнее городище; такое расположеніе кургановъ г. Гамченко считаетъ не случайнымъ, а перенесеннымъ и на покойниковъ остаткомъ семейно-родового быта.

Близко примыкаетъ къ вышеприведеннымъ сообщеніямъ рефератъ А. М. Покровскаго—*„Археологическія данныя о типѣ череповъ изъ волынскихъ кургановъ“*. Господствующій типъ череповъ—длинноголовые, сравнительно небольшой высоты, съ узкимъ лбомъ; лицо довольно короткое съ сравнительно широкими скуловыми дугами; мужскіе черепла очень сходны съ женскими. Референтъ для своихъ наблюденій пользовался 59 черепами изъ раскопокъ Е. Н. Мельника; измѣренія, произведенныя при раскопкахъ, показали, что средній ростъ мужскихъ косяковъ равенъ 163,95 см., женскихъ—158,45 см., причемъ больше 50 процентовъ были высокаго роста. А. М. Покровскимъ былъ доложенъ еще другой рефератъ—*„О черепяхъ кочевниковъ“*; мате-

ріалъ, надъ которымъ пришлось работать, былъ очень незначи- тельнъ—всего 4 черепа изъ кургановъ, приписываемыхъ кочев- никамъ и характеризующихся находками лошади, сбруи, кривой сабли. Черепа оказались короткоголовыми, небольшой высоты, съ короткимъ лицомъ и сильно выраженными скуловыми костями и широкими скуловыми дугами.

Здѣсь мы покидаемъ область доисторической старины и переходимъ къ болѣе близкимъ намъ временамъ.

Кіевскій съѣздъ былъ довольно обилень рефератами по исторической топографіи, преимущественно княжескаго періода. Мы уже упоминали объ исторической картѣ Черниговской губ.; нѣсколько рефератовъ было посвящено выясненію отдѣльныхъ частныхъ вопросовъ. Проф. Антоновичъ въ рефератѣ: „*О мѣсто- положеніи лѣтописныхъ Шумска и Пересопницы*“ опредѣлилъ мѣстоположеніе ихъ въ древности, указалъ на фактъ передвиженія населенныхъ пунктовъ съ теченіемъ времени на извѣстное разстояніе отъ первоначальнаго мѣста. Съ частью реферата, ка- сающейся г. Шумска, мы уже имѣли возможность познакомить читателей ¹⁾, что-же касается мѣста древней Пересопницы (те- перь небольшое село), то референтъ считаетъ имъ городище типа великокняжеской эпохи, находящееся въ верстѣ отъ села. А. И. Бунинъ, ставя вопросъ: „*Гдѣ находились города Липецкъ и Варгола, а также и другія мѣста, упоминаемыя въ лѣтописи подъ 1283—84 и.*?“ опровергаетъ ранѣе высказанныя по этому поводу мнѣнія ученыхъ и останавливается на городищѣ въ 20-ти в. къ югу отъ Сумъ, какъ на мѣстѣ древняго Липецка, а для Варгола даетъ указаніе на существованіе городища въ 2-хъ верстахъ отъ теперешняго г. Варгола, Глуховскаго у. Черниговск. губ. Въ другомъ рефератѣ А. И. Бунина—„*Гдѣ находились во- рота, упоминаемыя въ лѣтописи подъ 1268 г.*“, основываясь на текстѣ лѣтописи и топографическихъ данныхъ, опредѣляетъ мѣстоположеніе этихъ „воротъ“ у с. Тарнавы на р. Поръ, въ Красноставскомъ уѣздѣ Люблинской губ. П. И. Троицкій въ рефератѣ „*Древній городъ Лопосня, его мѣстонахожденіе и на-*

¹⁾ См. „Археолог. Лѣтопись“, май.

мятники“ приводитъ данныя археологическаго характера, подтверждающія мнѣніе Погодина, что городъ Лопосня, принадлежавшій черниговскимъ князьямъ, находился на берегу р. Ови, при устьѣ рѣчки Лопосни; здѣсь и донинѣ существуетъ городище съ расположеннымъ на немъ погостомъ, называемое „Четыре церкви“.

Частнаго вопроса по исторіи нашего княжескаго періода коснулся прсф. *Ю. А. Кулаковскій* въ докладѣ „*Къ исторіи Боспора (Керчи) въ XI—XII вѣкахъ*“,—именно, вопроса—входили-ли этотъ городъ въ предѣлы Тмутараканскаго княжества, явившагося однимъ изъ удѣловъ по смерти Владиміра Святого? Хотя лѣтопись и не упоминаетъ этого города въ числѣ владѣній Тмутаракани, но референтъ цѣлымъ рядомъ наведеній склоняется къ рѣшенію вопроса въ утвердительномъ смыслѣ.

А. М. Черепнинъ въ сообщеніи „*О Кіевскихъ денежныхъ гривнахъ*“ приходитъ къ тому заключенію, что кіевскія гривны въ видѣ шестиугольныхъ слитковъ были основною единицей древне-русской, или вѣрнѣе, кіевской денежной системы. Всѣ ихъ не былъ постоянны и измѣнялся благодаря внѣшнимъ торговымъ сношеніямъ; древнѣйшія гривны вѣсятъ отъ 31 до 34 зол., вѣсѣція-же отъ 35 до 39 золот. можно считать болѣе поздними.

Въ отдѣлѣ искусствъ и художествъ южные памятники княжескаго періода послужили матеріаломъ всего-лишь для двухъ докладовъ. *Проф. Лашкаревъ* далъ объясненіе церковныхъ древностей *г. Чернигова* по выставленнымъ имъ фотографіямъ, планамъ и разрѣзамъ¹⁾, а *В. Н. Никомевъ* въ рефератѣ „*Стѣны внутри Великой церкви Кіево-Печерской лавры по снятіи съ нихъ штукатурки*“ далъ полную картину состоянія храма въ послѣднее время, съ указаніемъ, какія части храма оказались древними. Тщательнымъ осмотромъ церкви было установлено также, что внутри ея не сохранилось никакихъ древнихъ украшеній: ни мозаики, ни фресокъ, ни мраморовъ, и что даже самая штука-

¹⁾ «Археологич. Лѣтопись», мартъ.

турка была вся замѣнена при возобновленіяхъ храма и покрыта живописью въ періодъ съ 1730 по 1777 г.; кромѣ того, выяснилась крайняя необходимость капитальнаго исправленія и укрѣпленія стѣнъ, сводовъ и арокъ.

Интересными по темамъ, но не вполне удовлетворительными по выполненію, были два реферата *М. П. Истомина*, касающіеся уже болѣе поздней исторіи южно-русской церковной живописи. Въ первомъ рефератѣ— „*Фрески XVII—XVIII в. въ храмахъ и костелахъ юго-зап. Россіи и отголоски прошлаго въ нихъ*“, референтъ приходитъ къ общему заключенію, что фрески этого періода не представляютъ произведеній, проникнутыхъ народнымъ міровоззрѣніемъ, а являются продуктомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣриломъ художественнаго развитія высшихъ слоевъ общества; въ частности, на стѣнописи отражается весьма сильное вліяніе западной гравюры, хотя есть и болѣе оригинальныя композиціи, какъ напр. такія, гдѣ можно видѣть отголоски протестантскихъ вѣроученій, затѣмъ иллюстраціи мѣстно-чтимыхъ иконъ и святыхъ. Фрески православныхъ храмовъ, несмотря на западное вліяніе, сохранили еще византійскій отпечатокъ болѣе поздняго пошиба. Во второмъ рефератѣ, вызвавшемъ довольно вѣсткія возраженія,— „*Главнѣйшія черты въ иконографіи на Волини отъ XVI до XVIII вѣка*“, референтъ старался установить въ иконописи волынскихъ храмовъ какъ сохранившіеся еще отголоски византійскихъ традицій, такъ и слѣды вліянія западнаго искусства.

Къ вышеприведеннымъ рефератамъ примыкаетъ еще нѣсколько, имѣющихъ предметомъ также церковныя древности. *Свящ. Е. Стцинскій* далъ очеркъ древнѣйшихъ церквей Подоліи, начиная съ пещерныхъ въ с. Лядавѣ, Могилевск. у. и въ с. Бавотѣ Ушицкаго у.; *проф. свящ. О. Титовъ* затронулъ вопросъ о *заграничныхъ монастыряхъ кievской митрополіи*; таковыми были, съ присоединеніемъ Кіева къ Россіи, монастыри, находившіеся въ польско-литовскомъ государствѣ, такъ напр. монастыри бѣлорусскіе, виленскіе и слуцкіе; *Проф. А. П. Голубцовъ* сообщилъ о *Братской иконѣ Богоматери, Богоявленской церкви и старомъ*

корпусъ кievской академіи, и, наконецъ, свящ. Титовъ, на основаніи документальныхъ данныхъ, установилъ, что на мѣстѣ нынѣшней Андреевской церкви и раньше была самостоятельная церковь въ честь того же апостола.

Намъ остается еще дать отчетъ о рефератахъ, касающихся языка и письма, археографіи и исторіи и быта старой Малороссіи, что мы и отлагаемъ до слѣдующаго раза.

Н. Бѣляшевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Греко-уніатскій монастырь въ Курскѣ. Курская губернія, какъ извѣстно, лежитъ въ центральномъ пространствѣ Россіи, населеніе ея искони православное, такъ что представляется страннымъ тотъ фактъ, что въ Курскѣ существовалъ уніатскій мужской монастырь. А между тѣмъ дѣло такъ и было: монастырь, для духовныхъ лицъ изъ уніатовъ, былъ устроенъ, по Высочайшему повелѣнію, въ 1839 году и протсуществовалъ въ Курскѣ почти четыре года.—Въ предлагаемой вниманію читателей статьѣ мы изложимъ, на основаніи неизданныхъ архивныхъ актовъ, нѣсколько свѣдѣній, касающихся Курскаго монастыря для уніатовъ, высланныхъ въ Курскъ изъ Западнаго края.

Въ январѣ 1839 года курскій архіепископъ Иліодоръ получилъ отъ тогдашняго оберъ-прокурора св. Синода графа Протасова увѣдомленіе о томъ, что священники—полоцкаго уѣзда Игнатовичъ и дисненскаго Тимковичъ, не оказавшіе должнаго повинновенія началству, по повелѣнію Государя Николая Павловича высланы въ курскіе монастыри: первый въ Знаменскій, находящійся въ Курскѣ, и второй—въ Коренской (въ 25 верстахъ отъ Курска), подъ надзоръ настоятелей. Въ письмѣ своемъ Протасовъ сообщилъ архіепископу Иліодору о томъ, что оба священника, принадлежавшіе къ образованному уніатскому духовенству, не проявляли ничего предосудительнаго, но пребываніе ихъ въ Бѣлорусской епархіи оказалось вреднымъ, по нерасположенію ихъ къ православію. Въ слѣдующемъ письмѣ своемъ, полученномъ въ Курскѣ въ февралѣ 1839 года, когда Игнатовичъ и Тимковичъ находились уже въ Курскихъ монастыряхъ,

графъ Протасовъ просилъ преосв. Иліодора отобрать отъ высланныхъ подробное показаніе о томъ, кто именно составлялъ всеподданнѣйшее прошеніе, подписанное ими, и довѣренность на подачу этого прошенія отъ 111 священниковъ—уніатовъ. Игнатовичъ и Тимковичъ сознались въ томъ, что они сочинили прошеніе и довѣренность и объяснили, что никто изъ помѣщиковъ не былъ соучастникомъ въ составленіи прошенія Государю.

Вислѣдствіи (въ 1839 году) продолжалась высылка въ курскіе монастыри упорствовавшихъ въ уніи священниковъ западнаго края. Начальникамъ монастырей было велѣно внушать высланнымъ, чтобы они оказали послушаніе православной церкви. Такъ и дѣлалось. Архіепископъ Иліодоръ самъ объѣздилъ тѣ монастыри, въ которыхъ содержались уніаты, и увѣщевалъ ихъ оставить свое упорство. Мало-по-малу уніатскіе священники стали присылать преосв. Иліодору просьбы о присоединеніи ихъ къ православію. Онъ увѣдомлялъ объ этомъ графа Протасова, и тотъ выражалъ удовольствіе по случаю уменьшенія числа уніатскихъ священниковъ въ Курской губерніи, такъ какъ присоединившихся къ православію немедленно возвращали на родину.

Находившійся въ Обоянскомъ монастырѣ бывший уніатскій благочинный *Пій Перebilло*, въ числѣ другихъ, получалъ духовные журналы и книги для чтенія отъ архіепископа Иліодора, и это чтеніе повліяло на него въ томъ отношеніи, что онъ подалъ обширное прошеніе о желаніи оставить уніатство. «Находясь, писалъ Перebilло, немалое время въ тихомъ пристанищѣ, свободный отъ заботъ суетнаго міра, не столько огорчаюсь я моремъ скорбей, въ коемъ нынѣ нахожусь, сколь сдѣланной мною погрѣшностью въ послушаніи своего начальства. Нынѣ же, что жъ начну, унылый? къ кому трепещущее мое сердце обратиться, какъ не къ Источнику всѣхъ благъ и съ душевнымъ умиленіемъ воцѣять: Отче! согрѣшихъ предъ Тобою, прости мя и прими мя, яко единого отъ наемныхъ Твоихъ. Сокрытая тайна въ *Христіанскомъ Чтеніи*, мая мѣсяца, въ главѣ XII Св. Іоанна Златоуста изъ Бесѣды 89-й на Евангеліе отъ Маттея: *Иисусъ сръте я, милоя, радуйтесь!* Онъ же, преступльше, яшася за нозъ *Ею*—хотя довольно вразумлена мною, но не могу знать, ко мнѣ ли въ особенности сіи слова относятся? Если ко мнѣ—то съ полнымъ удовольствіемъ и усердіемъ принимаю и, безпредѣльно сію благость цѣня и исполнѣ будучи увѣренъ въ сущности истинны, желаю возвратиться въ прародительское вѣроисповѣданіе Греко-россійской Восточной Церкви».

Въ началѣ 1840 года Пій Перепилло исповѣдался, причастился Св. Тавнѣ и былъ отпущенъ въ Полоцкъ. Архіепископъ Иліодоръ получилъ отъ оберъ-прокурора Св. Синода письмо, въ которомъ было сказано: «Приноси вашему Преосвященству искреннѣйшую благодарность за ваши совѣты и убѣжденія, имѣвшія столь благія послѣдствія, я надѣюсь, что вы не оставите продлить ихъ и въ другихъ случаяхъ, подобныхъ сему». Дѣйствительно, время отъ времени арх. Иліодоръ извѣщалъ графа Протасова о желаніи того или другого уніатскаго священника принять православіе. Долго, около двухъ лѣтъ, оставался непреклоннымъ Игнатовичъ, повидимому, имѣвшій большое вліяніе на другихъ въ мѣстѣ первоначальнаго своего служенія. Свящ. Игнатовичъ былъ порученъ вниманію ректора Курской семинаріи, архимандрита (виослѣдствіи архіепископа) Варлаама. До ноября 1840 года арх. Варлаамъ въ своихъ рапортахъ сообщалъ, что Игнатовичъ, находясь въ монастырѣ, вель себя хорошо, но образъ мыслей его оставался прежнимъ. Въ рапортѣ же своемъ 13 ноября ректоръ писалъ, что Игнатовичъ «касательно образа своихъ мыслей въ религіи, послѣ данныхъ ему отъ меня въ вѣдѣніи мѣсяцы всевозможныхъ средствъ къ убѣжденію въ истинѣ, какъ кажется, перемѣняется и будетъ просить высшее начальство о принятіи его въ число всѣхъ православныхъ христіанъ».

27-го ноября Игнатовичъ подалъ прошеніе синодальному оберъ-прокурору о желаніи присоединиться къ православной Церкви, по точной силѣ 1-го пункта «формальнаго акта», совершеннаго въ 12-й день февраля 1839 года.

Въ отвѣтъ на это графъ Протасовъ писалъ: „долгому считаю увѣдомить васъ, милостивый государь и архипастырь, что мнѣ особенно пріятно было получить извѣщеніе ваше о томъ, что свящ. Іоаннъ Игнатовичъ обращается къ истинѣ. Не оставьте объявить арх. Варлааму о вниманіи къ нему начальства вслѣдствіе усилія въ обращеніи Игнатовича». Послѣ своего обращенія Игнатовичъ уѣхалъ въ Минскую губернію.

Мы видѣли, что присылаемые въ Курскую епархію уніатскіе священники, обыкновенно, помѣщались въ монастырѣ, гдѣ и были располагаемы къ отрѣшенію отъ уніатства. Но наравнѣ съ этимъ, въ 1839 году въ Курскѣ была учреждена *уніатская обитель*, находившаяся до 1841 года въ завѣдываніи архіепископа Литовскаго Іосифа Сѣмашко, а потомъ преосвященнаго Иліодора. Когда рѣшено

было устроить въ Курской губерніи монастырь для уніатовъ, то графъ Протасовъ писалъ курскому губернатору М. Н. Муравьеву: «Нельзя ли въ одномъ изъ городовъ Курской губерніи найти домъ съ садомъ и другими удобствами, для приличнаго помѣщенія года на 2 или на 3, примѣрно, до 20-ти человѣкъ, съ устроениемъ въ ономъ домашней церкви для нѣкоторыхъ уніатскихъ духовныхъ, въ меньшей степени фанатиковъ, но которые, по образу мыслей своихъ и религіознымъ убѣжденіямъ, не могутъ оставаться среди благонадежнаго духовенства, съ тѣмъ, чтобы они, будучи подвержены надлежащему надзору, пользовались нѣкоторыми удобствами, безъ значительныхъ изъ казны издержекъ». М. Н. Муравьевъ, по соглашенію съ преосв. Иліодоромъ, призналъ всего удобнѣе устроить уніатскую обитель въ Курскѣ. Для этой цѣли былъ нанятъ на Дворянской улицѣ домъ наслѣдниковъ купца Шматова за 550 руб. въ годъ. Въ домѣ была устроена, на казенный счетъ, церковь. Въ келияхъ при церкви жили присланные изъ Западнаго края іеромонахи и священники въ числѣ отъ 20-ти до 30-ти человѣкъ. Настоятелемъ обители архіепископъ Іосифъ назначилъ архимандрита *Венедикта Ленартовича*, ранѣе жившаго въ Виленскомъ Базиліанскомъ монастырѣ. Архимандритъ долженъ былъ тщательно соблюдать правила, предписанныя для общежительныхъ монастырей. Духовникъ, казначей и уставщикъ были присланы изъ *Бытенскаго* монастыря. Вообще для Курской уніатской обители были установлены слѣдующія правила:

1) По примѣру другихъ монастырей, въ одной комнатѣ могутъ помѣщаться по 2 или даже по 3 духовныхъ лицъ.

2) Не дозволяется никому, безъ дозволенія начальства, имѣть вѣдшихъ сношеній, а въ особенности съ мѣстами ихъ прежняго жительства; каждое, отправляемое изъ обители, письмо должно быть подвергнуто осмотру, равно и присланное въ обитель не прежде отдаваемо, какъ по предварительномъ прочтеніи.

3) Викарный обители можетъ отлучаться за покупкою съѣстныхъ припасовъ, съ приличнымъ однакоже наблюденіемъ.

4) Архимандритъ и іеромонахи на столъ каждагодневно получаютъ по 50 к., а каждый дьячекъ по 30 к.

5) На прочее содержаніе для 3-хъ чиновныхъ іеромонаховъ—викарнаго, духовника и казначея—назначается по 12 руб., остальныхъ іеромонаховъ—по 9 и дьячковъ—по 6 руб. сер. въ годъ. Архимандритъ

остальное содержаніе долженъ имѣть отъ доходовъ своей Трокской архимандріи.

Въ 1841 году св. Синодъ, принявъ во вниманіе, что Литовскому архіепископу управлять обителью, находящеюся въ Курскѣ, по отдаленности, весьма затруднительно какъ въ отношеніи благочинія, такъ и отчетности въ суммахъ, отпускаемыхъ на содержаніе обители посредствомъ мѣстнаго начальника губерніи, перечислилъ уніатскую обитель въ вѣдѣніе курскаго архіерея. На основаніи синодскаго указа преосв. Иліодоръ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: 1) объявить отъ имени св. Синода настоятелю обители съ братією, чтобы они оказали курскому епархіальному архіерею надлежащее повинненіе а въ случаѣ какихъ-либо недоумѣній спрашивали у него разрѣшенія; 2) наблюденіе за благочиніемъ въ обители поручить кафедральному протоіерею Моисееву, а за хозяйственной отчетностью—эконому архіерейскаго дома.

Получивъ увѣдомленіе о перечисленіи уніатской обители въ вѣдомство Курской епархіи, настоятель ея, Трокскій архимандритъ Венедиктъ Ленартовичъ, представилъ въ курскую духовную консисторію протестъ, изложенный имъ въ формѣ «репорта». Въ началѣ репорта онъ высказалъ, что вмѣстѣ съ братією монастыря будетъ подчиняться арх. Иліодору, но только въ томъ, «въ чемъ совѣсть наша, безъ нарушенія догматовъ вѣры, исповѣдуемыхъ нами, дозволить». Затѣмъ Ленартовичъ выразилъ несогласіе на то, чтобы обитель получила названіе: «временной обители для воссоединенныхъ духовныхъ лицъ, бывшихъ уніатовъ». Онъ писалъ: «если бы воссоединеніе было нами учинено, на это имѣло бы начальство наши подписки, и тогда не послѣдовало бы Высочайшаго соизволенія на учрежденіе въ Курскѣ обители. Я и монашествующіе въ ней не были бы отрѣшены и вывезены, равно какъ и духовныя лица не были бы разлучены съ женами, дѣтьми и родными, оставшимися теперь, безъ пропитанія, прирѣнія и пріюта. При семъ я и отъ имени всей братіи имѣю честь изъяснить, что какъ мы были въ исповѣданіи догматовъ вѣры нашей съ Римско-Западною церковью, въ семъ же и по гробъ пребудемъ». Подъ этимъ „репортомъ“ Ленартовичъ подписался: „настоятель обители, докторъ философіи и богословія“.

Въ 1841 году въ Курской уніатской обители состояло 20 чело-вѣкъ: 1 архимандритъ, 11 іеромонаховъ, 2 священника, 4 низведенныхъ въ причетники священника и 2 состоявшихъ въ запрещеніи

іеромонаха. Іеромонахи и священники совершали ежедневно вечерню, утреню, часы и обѣдницу, а въ дни высокаторжественные—установленные молебны. Однако, всѣ бывшіе уніаты оставались непреклонными и не выразили желанія принять воссоединеніе. Не смотря на запрещеніе, Ленартовичъ во всѣхъ своихъ бумагахъ называлъ курскую обитель уніатскою, такъ что архіепископъ Іліодоръ собственноручно вычеркивалъ это названіе. Въ 1842 году онъ обратился къ оберъ-прокурору св. Синода съ такимъ письмомъ:

„Настоятель Венедиктъ Ленартовичъ не перестаетъ именовать курскую обитель *уніатскою*, не смотря на общее воссоединеніе всей греко-уніатской, бывшей въ Россіи, церкви съ Восточною. Цѣль сего упорства, повидному, не иная, что нѣкоторые духовныя лица бывшаго греко-уніатскаго обряда, связанныя однимъ духомъ противленія, твердо положили держать и удержать за собою, будто уніатское исповѣданіе сохраняется подъ кровомъ временной обители, какъ малый остатокъ вѣрныхъ Римской каведрѣ уніатовъ, почему и при молитвословіяхъ возносятся имя Римскаго папы, яко владыки вселенскаго, и при богослуженіи удерживается прежній порядокъ. Единенію сихъ лицъ въ мысляхъ, чувствованіяхъ, равно и въ жизни благопріятствуетъ, вѣроятно и впредь будетъ благопріятствовать, самое ихъ общезнатіе, обезвеченное отъ казны содержаніемъ“.

Архіепископъ Іліодоръ находилъ самымъ удобнымъ упразднить временный монастырь для упорствующихъ уніатовъ и размѣстить находившихся тамъ по одному или по два въ православные монастыри, въ виду того, что бывшіе уніатскіе священники, высланные въ эти монастыри, воссоединились съ православіемъ, а пзъ братіи уніатской обители никто не выразилъ желанія оставить уніатство.

Мнѣніе арх. Іліодора имѣло успѣхъ. Въ концѣ 1842 года курская временная обитель бывшихъ уніатовъ была закрыта. Находившіяся въ ней духовныя лица были высланы въ разные монастыри не только курской, но и другихъ губерній. Въ письмѣ своемъ 15 ноября 1842 года, тогдашнему архіепископу Харьковскому, Иннокентію пресов. Іліодоръ такъ упоминалъ о закрытіи уіатской обители: „Временная обитель курская закрыта. Жившіе въ ней карбонаріи разосланы по разнымъ епархіямъ. Благодаренъ я крайне за облегченіе“...

А. Танковъ.

Письма Теофана Прокоповича къ Кіево-Печерскому архимандриту Іоанникію Сенютовичу. Въ приходской церкви села Оробьевъ, лубенск. у., полт. губ., хранится старопечатная богослужбная книга подъ заглавіемъ: «Правло молебное къ божественному и покланяемому Параклиту, пресвятому Духу, твореніе инока Максима Святогорца», in 4-to, 39 листковъ. Выходной листъ вырванъ, и потому время и мѣсто изданія этой книжицы не извѣстно, да и въ указателяхъ старопечатныхъ книгъ мы не нашли ея названія. На первыхъ листкахъ, внизу, есть надпись: «Сія книжица монаха Кіріона, подарована монахомъ Гавріиломъ, 1760 года, мая 22 дня». Такъ какъ въ Оробьевскую церковь поступила часть вещей упраздненнаго при Екатеринѣ II находившагося въ близкомъ сосѣдствѣ Красногорскаго мужского монастыря, то нѣтъ сомнѣній, что и настоящая книжица поступила отсюда же. Она въ старинномъ бумажномъ переплетѣ. На первомъ бумажномъ листѣ, половина котораго приклеена къ лицевой палатуркѣ, читаемъ слѣдующее письмо, писанное южно-русскимъ почеркомъ XVIII вѣка:

«Преподобнѣйшій отче архимандрите Кіево-Печерскій, мой о Христѣ возлюбленній брате и благодѣтелю!

«В полученномъ отъ вашего преподобія к моему смиренію писавіи получилъ и извѣстіе совершеннаго бывшихъ взаимъ обостороннихъ подозрѣній отложенія и прежней любви нашей возобновленія. Радуюся, яко добрымъ новымъ годомъ, таковымъ сердце нашихъ обновленнымъ согласіемъ и благодарю Бога, сіе в насъ сотворшаго, что и ввредъ оній же любви законоположникъ да утвердить в насъ, молити Его благоутробіе долженствую. Которій да подастъ преподобію вашему прочее время жизни сея безпечальное, радостное и в старости юношескимъ здравіемъ благословляемое в долготу днѣй, желаю от усердія.

«Преподобія вашего искренный братъ и сослужитель

Теофанъ, архіепископъ Псковскій.

«Москва, 1723 году, марта 24 дня».

Хотя въ письмѣ имя адресата не означено, но таковымъ несомнѣнно нужно считать Іоанникія Сенютовича, занимавшаго Кіево-Печерскую архимандрію въ 1715—1729 гг.

Для прикрѣпленія къ книгѣ задней палатурки также употреблено переилетчикомъ два бумажныхъ листа, заключающихъ другое

обширное письмо Теофана къ тому же печерскому архимандриту, съ объясненіями по поводу бывшей между ними ссоры; но изъ этихъ листовъ уцѣлѣлъ лишь одинъ, гдѣ читаемъ:

«...Вѣдали и сіе и часто от мене слышали, что на явшихся мнѣ противниковъ аки загражденнїя уста имѣю доносить или свидѣ-
тѣлствовать нѣчто имъ тяжкое, хотя бы и весма било истинное; которого моего аффекту сію вѣну, давно мнѣ познанную, обыкль я предлагать, что у людей неглушихъ вѣри слову своему не обрѣ-
таетъ, кто противника своего порочить. И такъ не могу дознатся, сиі вопо помянутое к мнѣ недоброхотство ваша и моя братія на васъ бы вымышляли. Дивно мнѣ было слушающему о вашей к мнѣ не-
любвѣ, и она вамъ сиі вопо могла бы придатся? Но когда пришло на мысль, гдѣ вамъ ваша мишца быть показалася и каковіе оттуду
возрасли были надежды вамъ, что и от словъ прежде вашихъ, и от
новыхъ обходительствъ, прежнимъ правомъ необыклихъ, разумѣть
было мощно, то мощно било и доходить, сиі вопо порочить мене
вамъ похотѣлося. Не сіе ли помислилося, чтобъ я не былъ к возмеч-
танной висотѣ помѣшкою, и тако надлежало мене, бѣднаго аки
бервенище, на пути лежащее, извять изъ среди? Если такъ было,
разсуди пренодобіе ваше: куда насъ иногда уносятъ суетніе надежды
и неукротимая желанія? Но что ни было, немощно било мнѣ не
вѣрить словамъ не одного человекъ и, яко видимо было, не враговъ
вашихъ, и обстоятелно согласно повѣствованшихъ. И какъ же било
возможно не скорбѣти, вѣдя главн моея вѣщаго, *laturum misero
quet mihi rebar orem!* ¹⁾ Прибавила якъ вѣроятія, такъ и печали
необычная дерзость брата вашего, которій, перенявъ от мене письмо,
къ зовой братіи писанное, распечатавъ,—и сему ли не вѣрить?
Тое жъ утвердила и свою болѣзнію уязвила мене неслыханная ваша
на бывшаго отца ігумена Видубицкаго ярость, безприкладнимъ гоне-
ніемъ (якъ и зъ дѣла видимъ) и брата своего в крайное безчестіе и
погибель ведущимъ себе явившая. Сіе предложивъ, и сіе извѣст и
творю пренодобію вашему, что хотя не безъ скорбы воспоминалося
мнѣ імя ваше, однакожъ укрощевалъ я въ себѣ отмстителную похоть,
не токмо вамъ вѣчныхъ, но и временныхъ благъ отмщенія не желал,
такъ что, если-бы пренодобіе ваше видѣлъ сердце мое, то призналъ
бы лишное бити ваше моего прощенія требованіе» ...

Кюнца письма не достаетъ.

Сообщилъ О. Л.

¹⁾ Г. е. о комъ я думалъ, что онъ мнѣ, бѣдному, окажетъ содѣйствіе.

Эпитаціонъ вознаго Андрея Чечеля, 1765 г. Въ старой Малороссіи эпитаціоны (иначе *наиробки*) сочинялись для каждаго сколько нибудь замѣтнаго покойника, разумѣется, если только находился *сочинитель*. Сочинялись эпитаціи какъ покойникамъ, такъ и покойницамъ, одинаково. Такіе эпитаціоны были своего рода *посмертными* «послужными списками», въ которыхъ разсказывались жизнь умершаго и его заслуги. Въ К. Ст. (1894 г., мартъ, 534) былъ напечатанъ *эпитаціонъ* генер. обознаго Василія Борковскаго, указывающій, какъ подробно излагались черты общественной дѣятельности такихъ видныхъ покойниковъ. ¹⁾

Андрей Чечель возный Роиской сотни, Черняговскаго полка, былъ потомокъ (кажется, внукъ) извѣстнаго мазепинскаго сторонника, сердюцкаго полковника Дмитрія Чечеля, ²⁾ случайно уцѣлѣвшій при арестахъ семействъ мазепинцевъ. Эпитаціонъ Чечеля полученъ, въ копіи, отъ С. Д. Носа, который нашелъ его гдѣ то въ Городницкомъ уѣздѣ, гдѣ жилъ Чечель.

*Эпитаціонъ или надгробно надписанне блаочестно преставльшомуся
Андрею Чечилю* ³⁾, *возному сотню Роиской.*

Всякъ пришедъ сюди на гробъ, вспомятуй день смерти,
Вспомни, что я когда-сь жилъ, и тебѣ умерти.
Если впредѣ хочешъ познати, кто я былъ въ сей жизни,
Какимъ именемъ званъ и какой отчизны,
Что училъ живучи и какое дѣло,
Которое по смерти пребыть могло бъ цѣло.
Не укорылъ ли кого, не обыдилъ како,
Не взялъ ли мзды и съ правды ученилъ инако.
Отрываю здесь тебѣ всяка моя дѣла,
Грѣхи болѣзненніе и души и тѣла.
Имяноваль я Андрей, Чечиль прозивался,
Не въ праздности гулялъ, писахъ и забавлялся.
Пространно выписую я, мою забаву,

¹⁾ Кромѣ этого *эпитаціона*, въ К. Ст. были напечатаны такія же эпитаціи: Евд. Изв. Брежинской (1740—1779), въ въ 1883 г., іюнь, 394, и бунч. тов Николая Тризна (1694—1776), въ 1885 г., май, 180.

²⁾ См. о немъ Опис. Ст. Малор., II, 277.

³⁾ Въѣсто Чечеля, какъ писался сердюцкій полковникъ.

Черезъ котору времейну въ жизни имѣлъ славу.
Отъ младенчества, какъ и остался сиротою,
Содержалъ дворъ отческій съ тяжкою бѣдою;
Къ обученю передомъ принялъ я желанье,
Имѣя божеское къ тому дарованье.
Обучался я русскихъ писменъ, чрезъ четыре года,
Имѣя тупость въ юныхъ, десять лѣтъ отъ рода;
Изучался и писать, и полска языка,
И къ латинскому была охота велика.
Совершенно жъ изучить не было мнѣ время,
Отягчило бо мысли, нелегкое бремя:
О домостроитльствѣ, началъ сокрушаться,
Кое за нераченьемъ стало разораться,
Смотрѣтели моихъ добръ во свои кармани
Собирали корысты, являя обманы.
Въ незабавномъ времени, прибравши готово,
Коло людей поступать начали сурово,
Явно всѣхъ разогнали, тогожъ къ недостатокъ.
И на пустіе мѣста побрали задатокъ;
Гдѣ все укренивши у чужіе руки
И болшое думали, покуда заруки
Испрошени отъ мене ко недоущеню,
Учивилъ я тѣмъ конецъ себя разореню.
Мысли мой на десять часть были розбиты,
Что дворъ въ край спустошали мой домовитый.
И что чинить думалъ я въ пятнадцатомъ лѣтѣ,
Не зная обстоятельство въ временномъ томъ свѣтѣ.
Уже отчаятиси, уже ослабѣти,
Уже отъ наслѣдія пришлось прочь отбѣгти;
Сердце во мнѣ смугилось, духъ изнемогаетъ;
Ободрыла мысль одна, что Богъ всесоздатель,
Бѣднимъ спроть своихъ многихъ щедротъ датель,
Положился на его святѣйшую волю,
Несомнѣнно надѣюсь, что и мнѣ дастъ долю,
Сиротѣ размножати отческой славы.
Не было мнѣ достатка, ни тоя державы,
Одна бѣдность плачевна мене лишъ постигла,
Что юность моя сію бѣду въ дворъ впустила,

Мнѣ остались влопоти, мнѣ остались бѣды,
 Коихъ ни отецъ не звалъ, ни ево сосѣди.
 Уиутивши зъ рукъ добро, нескоро сяскати,
 Принужденъ я былъ ко трудамъ себе мордовати.
 О что ползы во трудахъ зъ големи руками!
 Не утаю, что было ничего предъ вами,
 Нелзя и утаити, видно бо все тое,
 Что докучилъ одному, двумъ, тромъ и удвое.
 Дворъ соорядилъ про себе порядкомъ пристойнымъ,
 И тотчасъ началъ жить хозяйномъ стройнымъ.
 Ревностенъ былъ до людей въ всѣхъ случаяхъ бѣднихъ,
 Семей съ пятнадцать имѣлъ у себе осѣдлхъ.
 Если надобно было что испорядити,
 Не хоживалъ по дворамъ помощи просити,
 Бо у себе все то имѣлъ, что треба при дворѣ;
 Что спорится то все исправится вскорѣ.
 Чѣмъ же бы помышлялъ я долговъ удалитя,
 Разсудилъ я, что законъ не претитъ женитяся;
 Единому тому я слѣдую закону,
 О женился безъ всякого своего урону.
 Чрезъ женитбу я свою долговъ избувати
 Сталъ и закладное все поле отбирати,
 И всѣхъ долговъ думалось избуть, чтобъ свободно,
 Дѣтямъ владѣть осталось тѣмъ, что есть природно.
 Лучше потерпѣть хотѣлъ да збуть лихо зъ шіи,
 Но смерть пресѣкла мои всѣ мысли такіи,
 О уже жена и дѣти, и вси, мя прощайте,
 И хоть что погрѣшилъ, однакъ душу поминайте,
 И всѣмъ бо неминути такого предѣла!
 Простѣтъ мене да душа и въ васъ будетъ цѣла!
 1765 г. августа 12.

Сатирическія вирши 1786 года. Прилагаемыя ниже сатирическія вирши найдены мною случайно при перетраживаніи полусгтѣвшаго бумажнаго матеріала, который валялся въ сыромъ углу церковной коморки, старой, нынѣ уже разобранной церкви села Краси-

ловки, черниговской губ., козелецкаго уѣзда. Пересматривая тетрадь коіій съ ордеровъ духовнаго Березинскаго правленія и указовъ за 1786 г., я наткнулся тутъ на упомянутыя вирши, которыя и были написаны между этими ордерами.

Авторомъ этихъ виршей былъ, по нѣкоторымъ догадкамъ, дьячекъ той же церкви Николай Мазалевскій, умершій въ 1793 году. Содержаніе виршей—сонъ автора, которому его покойный дѣдъ показываетъ муки на томъ свѣтѣ нѣкоего Буркунъ Змира, знавшаго «всю церковную рахубу до шнира». Фамилія «Змира» въ той мѣстности и по нынѣ распространена. Несомнѣнно, наше стихотвореніе относится оъ одному изъ предковъ Змиръ, этой дѣловитой и зажиточной нынѣ фамиліи козаковъ. Сатира интересна тѣмъ еще, что написана до Котляревскаго, который конечно много уже засталъ подобнаго и иного рукописнаго и устнаго матеріала и, усвоивъ духъ этихъ народныхъ произведеній, принялся и самъ писать свою знаменитую Энеиду.

Печатаемъ эти вирши, сохраняя правоисаніе подлинника, хотя во многихъ мѣстахъ, очевидно, текстъ испорченъ.

Кажуть, що сонъ змутыв; а мнѣ удалось,
 Мовъ у око влѣпило, що во снѣ верзлося.
 У пятницю увечері навишися кваши,
 Да съ своею Педорою лѣгъ бувъ спаты в поддашши,
 Ажно той дѣдъ покойникъ приснившись да каже:
 Чому твоя Педора эль (?) припечка не маже?
 Завтре, каже, настане свято роковее,
 А я злекавшись промовивъ: дакъ кажить яее?
 Коляжь, каже, не знаешъ, чимчикуй за мною!
 Да правдѣ (?) повювъ мене на гору тропою.
 Тамъ же то я набрався великого нулу:
 Поки тютюнъ на свѣтѣ, поти тямить буду.
 Перше якъ привювъ мене до товстого дуба,
 Такъ я з ляку бувъ почавъ снѣвать кривогуба,
 Да питаюсь, що за врагъ виспѣ на кодолѣ,
 Витрещило оча и зъ ляхои долѣ?
 Ажно той дѣдъ покойникъ здыхнувши тихенько да каже:
 Чи ти жъ не тямшъ Эдъ (?) гировій враже?
 Сей, каже, покойничокъ звався Буркунъ Змира

И знавъ усю церковну рахубу до шнира.
 Якъ же, каже, у Спаса обмалъ грошей стало,
 Дакъ онъ и его продавъ, лишъ у ладъ не припало,
 Вѣнъ, каже, сѣромаха въ чѣшчику родився,
 Да легенька жъ ему и смерть—сидцемъ задавився,
 Ёо якъ ластовка, такъ онъ, гвѣздо звивши
 Да на шійку подъ горло гречи наложивши,
 Пустився мовъ соколъ изъ горы спорненъко,
 Стрепенувся мовъ рибка на удцѣ чудненъко.
 Разъ, каже, и руками за голля хватився,
 Мовъ Борисовъ бикъ рикнувъ да зновъ у низъ пустився.
 Треба ему пѣнити (?) з вечера до свѣта.
 Душка бачить, що вже ей болшъ не видати свѣта
 Кинулась була вгору шукати дороги,
 Ажно веровкою моцненъко заплелися пороги.
 Такъ, каже, вона на часъ поспѣшилась,
 Якъ блоха скрозъ редно, скрозъ штани пробилась.
 Заразъ ему потекло до пятъ ручаями;
 Нехай своимъ родичамъ снится, янголь зъ нами;
 Якъ бы мавъ, каже, у ями землею покрится,
 Лючше угадавъ отмовъ (?) сѣгъ на вѣтрахъ вертѣтся
 Й въ день, каже, й въ ночъ якъ бадъ (?) зиѣзди лѣчить
 Хоть би, каже, й тобѣ такая смерть на встрѣчи.
 Лишъ же глинувъ я назадъ, ажъ друга прочвара.
 Смерть из дѣдькомъ чвалае мовъ воликовъ пара,
 На дѣдку кожушина вся на шматки порвата,
 Роги в пеклѣ позбивани, хромае до ката,
 Ногтѣ з лапъ позлазили, скрежече зубами,
 Сизенькій мовъ журавликъ—знать бито кіями.
 А смерть, мовъ бубонъ, гола собою, нечвадна,
 Боса, простоволося, изгорбилась бѣдна
 Пасокою умазалась, ребра кругомъ знати,
 Очей, ушей й носа притѣмомъ не видати.
 Косіомъ (?) поднершисъ, скаче мовъ по купѣ жаба
 Лишъ витрещила зуби щербата мовъ баба
 Да правда ис подругомъ ненько (?) галасаютъ
 А в лементѣ такіе рѣчи промовляють:
 Дѣдько каже: ахъ, бѣда, де намъ тецерь дѣтсья?

Хиба, каже, пойти у болото утопатся
 А смерть у вулакѣ трубечи говоритъ истиха:
 Ужежъ намъ не россѣстись отъ таково лиха;
 Треба, каже, темеръ о собѣ промишляти,
 Якъ бы на свѣтѣ прожить, чимъ душу питати.
 Купимъ, каже, повозу да кунчоватъ станемъ
 За добиччу по рибу то въ Крымъ по соль грянемъ.
 Я, правда, супятився, ставъ дѣда питати,
 Водкуль имъ лихо се стало, чи можно се знати...
 Може ихъ гонять на людѣ Днѣвира полонити,
 Либо во армію до Крыму воловъ гонити,
 Ой, нѣтъ, каже, голубе, не тая причина:
 Ихъ, каже, побила отце лихая година,
 Що ихъ батько анциперъ якъ узявъ насѣку (?)
 Атаманську й хотѣвъ пановатъ до вѣку,
 Да всюди по шляхахъ караули разставивъ,
 Тузавъ народъ хрестянскій, бѣди всѣмъ набавивъ
 Було, каже, по сто душъ в одинъ кусъ глотае,
 Мовъ косарь в вагана галушки матае.
 Що богъ сѣявъ—смерть жала, а вунъ жравъ пстиха.
 Великого повенъ свѣтъ натолнивъ (?) бувъ лиха;
 Й такъ уже въ его стала була губа ласа,
 Що отважилась була углонуть в Спаса.
 Якъ же взяли по зубахъ хрестомъ плазовати,
 Дакъ мусивъ вунъ усе добро до щенту вертати.
 Бачать его молодцѣ, що беда куриться,
 Мусили, якъ отъ жару блохи розлетѣтса.
 А смерть була у грубѣ сховалася с тривога,—
 Дакъ Ева, еи понявши, вывела за рога,
 Якъ узяла нусцями (?) по ребрахъ мѣсити,
 Дакъ дѣдко пожалѣвши хотѣвъ боронити.
 Ну жъ Адамъ учепившись налигачемъ бити,
 Поти бивъ, поки роги мусили злетѣти.
 Отто вони эдь (?) по туй холозѣи плачуть,
 А хрестяне въ небѣ пьютъ, гуляють, скачуть.
 Я, правда, заглядився такой дивовижи,
 Ажно зза гори мелькають в армахъ волики ржи,
 Отто я думавъ, що Христосъ съ плугомъ иде орати,

Толко жъ лудка заграла, ну, я стааъ гадати:
 Може, каже, перезна до свата котитса,
 Ажно янголія возами тащитъся.
 А се, реку, яка манѣя, спитався,
 Ажно, каже, великдень в гостѣ к намъ припхався;
 Вунъ, каже з Русалиму мався давно бути,
 Да ляхая халепа якъ узала дуги,
 Отто вунъ на тумъ боцѣ ожидавъ дороги,
 Ажъ покуль не грянули Днѣпровіе пороги.
 Я, правда, догадався, що те свято буде,
 Якъ жунки красять яйця, паски лѣплять люде,
 Да спитавшись збоку, почавъ познавати
 В якомъ возѣ панъ великдень звать пробувати;
 Ажно глянну на передѣ, сидить у чимлѣтѣ (?),
 Крашанками, якъ цвѣтомъ, укруги укритій.
 На юмъ жуванъ съ китайки, у бока гаманъ зле,
 Ковбасою волики стиха погание,
 Чижмачки боброви, онучки шовкови,
 У вигуларнуй шамотцѣ й ермолукъ новій,
 Перснівовъ повно на рукахъ, мае корогвою;
 Якъ ясна зоря—такъ пригожь собою
 Да на всѣхъ поглядае окомъ веселенькимъ
 Й пѣсенку голосомъ спѣває техенькимъ:
 Нащо, каже, ти Юдо квапвся на гроши,
 Щобъ тобѣ вкругъ потилицѣ обйшли воши,
 У користь, каже, не привювъ й не всиѣвъ пропити,
 Лишь ти мусишь за той торгъ у пеклѣ горѣти,
 Будуть тобѣ й з плечей полоссье здирати,
 Щобъ у коженицахъ Иродъ могъ по пеклу скакати,
 Припадае тобѣ из нимъ у одной сутязѣ
 Смолу возить до пекла, эдѣ (?) замуляишь вязи.
 Той, каже, гнався за славою, якъ за зайцемъ,
 А ти, бачу, удавився грошовимъ крайцемъ.
 Я, правда, те все почувши заразь скаменувся,
 Да пудъ редномъ лежечи в зо сну прочнувся,
 Ну Педору локтями под боки торкати:
 Годѣ, реку, намъ хронтв,—пора уже уставати,—
 Уже, бачу, намъ завтра квашѣ не наварити

Лишь треба хочъ гречану паску замѣсити
 Вона, правда, изо сну стала промовляти:
 Я, каже, ще вчора думала учиняти,
 Бо недарна всѣ люде к млинамъ потурили,
 Звать на Паску борошна молоть захотѣли;
 Моя й мати не разъ то було звягае (?),
 Що Великдень млиновимъ колесомъ выежжае;
 Колядки, важе, тогдѣ угадати,
 Якъ свиньи отъ ножа стануть голосати,
 Лишь, Охрѣме, клонотъ намъ безъ сала—
 Шти,—билити черга намъ припала.
 Эдь же, реку, коли-бъ дѣдъ покойникъ зараниѣ приснився,
 Тобъ и й ноччю збоку де-небудь поживився,
 А теперь лишь мушу у людей прохати,
 Да то зайшовъ й до васъ ковбасъ добувати:
 Позичте й намъ, эдь и наша поросна;
 Якъ наведе свинья кобановъ—будуть съ ковбасъ кросна.
 Сюлькижъ сего що зедать и з осмнну полови,
 Да вже жъ буде й сала якъ коробъ здоровій;
 Половину оставлю, а другу зменяю,
 Тютюну и горѣлки до ката надбаю,—
 Тогдѣ попрошу й васъ панове-молодцѣ на ведерце браги,
 А теперь и ви ко мнѣ не будьте тужави.
 Якъ витрещить очи на мене ваша ласка,
 То в мене при полѣ буде й сало й ковбаска,
 А ми с Педорою смелемъ то смачвенько,—
 Скажуть: хто давъ, нехай той святкуе легенько.

Сообщилъ О. Сластіонъ.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.
 Въ дополненіе къ суммѣ 1598 р. 83 к., поступившей въ редакцію
 на сооруженіе памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ (см. № 4-й,
 стр. 30-и 2-го отд.), вновь пожертвовано: Меѳод. Павловскимъ—2 р.
 50 к., И. И. Савенкомъ—1 руб. и мелкими бенефіціями 10 руб., а
 всею вмѣстѣ съ прежними 1612 руб. 33 коп., которые и отправлены
 въ Полтавскую Городскую Управу.

Текущія извѣстія.

О присужденіи преміи графа Уварова профессору Д. И. Багалѣю за сочиненіе «*Опытъ исторіи харьковскаго университета*». Отѣнку этого сочиненія производилъ В. И. Срезневскій. Трудъ этотъ, по мнѣнію рецензента, обращаетъ на себя вниманіе широкою замысла автора и заключаетъ въ себѣ не лѣтопись только внутренней жизни харьковскаго университета, научной и учебной, а его исторію въ связи съ исторіей мѣстнаго просвѣщенія и развитія народнаго образованія, исторію вліянія университета на умственное развитіе края, на ростъ и благоустройство города. Наиболѣе удачными главами труда г. Багалѣя слѣдуетъ признать двѣ начальныя главы, дающія много интереснаго, а часто и новыхъ свѣдѣній, важныхъ не только для исторіи просвѣщенія въ харьковскомъ краѣ, но и для исторіи русской образованности вообще. Еще большее значеніе слѣдуетъ признать за послѣдней главой «Опыта», посвященной дѣятельности университета по наблюденію за среднимъ и низшимъ народнымъ образованіемъ. Сообщая чрезвычайно много новыхъ данныхъ, настоящая глава важна и тѣмъ, что даетъ университету обликъ учрежденія первостепеннаго значенія, какъ разсадника культуры вообще.

Харьковскій историческій архивъ, послѣ двадцатилѣтняго ожиданія, дождался наконецъ помѣщенія, удовлетворяющаго не только требованіямъ правильнаго храненія дѣлъ, но и потребностямъ научной работы. Въ засѣданіи 16 сентября правленіе университета опредѣлило отдать подъ архивъ 8 комнатъ въ пустующемъ теперь помѣщеніи бывшей хирургической клиники. Постановленіе это оказывается какъ нельзя болѣе кстати, какъ въ виду принятаго кіевскимъ археологическимъ съѣздомъ рѣшенія о ходатайствѣ по поводу превращенія историческаго архива въ центральный, такъ и въ виду пополненія архива новыми дѣлами. По распоряженію мѣстнаго начальства, архиву рѣшено передать дѣла губернаторской и генераль-губернаторской канцелярій и др. присутственныхъ мѣстъ г. Харькова за время отъ учрежденія губерніи по 1855 г. Пріемъ этихъ дѣлъ (около 100,000) при прежнемъ помѣщеніи архива былъ невозможенъ.

Палеографическая выставка. Въ Археологическомъ Институтѣ въ виду усиѣха, сопроваждавшаго въ прошломъ году иконографическую выставку, предполагается, по словамъ «Нов. Вр.», въ половинѣ учебнаго года устроить палеографическую выставку; организація этого дѣла возложена на гг. Соболевскаго, Покровскаго, Лихачева, Маркова и Успенскаго.

Геологическая раскопка. Въ Кіевѣ доставлены кости мамонта, вынутыя изъ русла рѣки Десны корчеподъемною машиною Министерства Путей Сообщенія, производящею очистку рѣки отъ корчей. Ислѣдовавшему эту мѣстность инженеру Максимовичу мѣстные жители сообщали, что близъ того-же пункта, въ кролевецкомъ уѣздѣ, черниговской губ., неоднократно находились клыки и кости мамонтовъ, почему вся эта мѣстность пріобрѣтаетъ особый интересъ для изслѣдованій геологовъ.

Выборъ мѣста для памятника И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ. Борьба.—пишетъ корреспондентъ «Южнаго Края»,—изъ-за выбора мѣста для постановки памятника Котляревскому снова возгарается. После многочисленныхъ рѣшеній и перерѣшеній, примѣривъ памятникъ ко всѣмъ площадямъ и улицамъ Полтавы, дума почувствовала себя уставшей и, не прійдя ни къ какому окончательному рѣшенію, вовсе перестала заниматься памятникомъ. Но вотъ въ Полтаву пріѣхалъ товарищъ прокурора с.-петербургскаго окружного суда скульпторъ-любитель Л. В. Позенъ, взявъшій модель бюста Котляревскаго для памятника, и вопросъ о мѣстѣ для его постановки опять дебатруется. Среди многообразныхъ предложеній наибольшей симпатіей среди гласныхъ пользуются два—мѣсто за соборомъ на горѣ, съ которой открывается видъ на р. Борсклу, монастырь и живописныя окрестности Полтавы, и мѣсто въ центрѣ города на Протопоповскомъ бульварѣ, или на площадѣ близъ номеровъ Воробьева. За первое мѣсто, за соборомъ, вблизи котораго жалъ и самъ Котляревскій, стоятъ многіе изъ полтавцевъ желающіе, поставить памятникъ Котляревскаго въ родной для него обстановкѣ, въ виду роскошной панорамы украинской природы. Но скульпторъ Позенъ, въ засѣданіи комиссіи изъ гласныхъ заявилъ, что характеръ концепціи памят-

ника не соотвѣтствуетъ характеру этой обстановки и что при его проектированіи имѣлся въ виду укромный уголокъ въ центральной части города, а не необъятная даль, открывающаяся съ захолустной площадки за соборомъ. Г. Позенъ рѣшительно настаиваетъ, чтобы памятникъ Котляревскому былъ поставленъ въ центральной части города, гдѣ бы его могли видѣть, безъ особаго на то намѣренія, и мѣстные жители, и всякій прїѣзжій. И намъ, добавляетъ корреспондентъ, кажется, что съ мнѣніемъ г. Позена нельзя не согласиться. Въ самомъ дѣлѣ, приверженцы площадки за соборомъ, какъ на одинъ изъ убѣдительнѣйшихъ доводовъ, ссылались на то, что, если бы возможно было спросить Котляревскаго, гдѣ ему поставить памятникъ, то онъ несомнѣнно указалъ бы на эту площадку. Сторонники г. Позена, опровергая это, говорятъ, что, ставя памятникъ Котляревскому, мы до извѣстной степени ставимъ памятникъ и автору его—скульптору Позену. И разъ послѣдній и руками и ногами отбивается отъ площадки за соборомъ, то весьма вѣроятно, что то же самое отвѣтилъ бы и самъ Котляревскій, если бы его возможно было привлечь къ совѣщанію о мѣстѣ для постановки памятника. Какъ бы то ни было, сознаніе необходимости окончательно разрѣшить этотъ вопросъ такъ велико среди гласныхъ, что надо думать, не дальше этого мѣсяца будетъ, наконецъ, избрано мѣсто для памятника. Больше шансовъ за то что дума остановится на площадкѣ близъ номеровъ Воробьева, довольно подходящей для данной цѣли. Хотя надо сказать, что, несмотря на заявленіе скульптора Позена, среди гласныхъ есть еще не мало человѣкъ, мечтающихъ о томъ, чтобы поставить памятникъ Ивану Котляревскому на горѣ за соборомъ, переименовавъ ее въ «Иванову гору» и засадивъ ее двумя десятками калинъ и рябинъ, которыя можно бы, по мнѣнію этихъ мечтателей, назвать «Ивановымъ гаемъ».

Въ дополненіе къ этому извѣстію можемъ сообщить, что 28-го октября должно было состояться засѣданіе Полтавской Городской Думы для окончательнаго рѣшенія вопроса о мѣстѣ для памятника.

Сѣздъ славянскихъ журналистовъ Въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Краковѣ состоялся сѣздъ славянскихъ журналистовъ, слѣвавшій нѣсколько важныхъ постановленій, стремящихся къ организаціи славянской печати. Постановили учредить славянское бюро корреспон-

денцій (въ Краковѣ), а также общество, которое служило бы постояннымъ объединеніемъ всѣхъ славянскихъ журналистовъ Австро-Венгріи, и издать памятную книжку на пяти славянскихъ языкахъ. На обѣдѣ въ честь членовъ съѣзда особеннымъ интересомъ отличалась рѣчь краковск. профес. Маріана Здеховскаго. Взявъ исходной точкой ту мысль, что, несмотря на духъ раздора, въ теченіе долгихъ вѣковъ разъединяющей славянъ, славяне умѣли достигнуть единства и взаимнаго пониманія въ области поэтического творчества, ораторъ, съ цѣлью подтвердить свою мысль, между прочимъ сослался на Шевченка, который «имѣлъ дружественныя связи въ польскихъ литературныхъ кругахъ и какъ бы являлся олицетвореніемъ той потребности въ мирѣ и прощеніи взаимныхъ обидъ, которую чувствуютъ всѣ славяне.» Слѣдующій съѣздъ назначенъ черезъ годъ въ Загребѣ. (Одесскій Листокъ).

Лекція въ Хоролѣ. По словамъ «Полтавскихъ губернскихъ Вѣдомостей», козаки х. Ромодана рѣшили устроить у себя публичную бібліотеку; желаніе хорошее, а средствъ не хватило. Потолковавши, рѣшили просить Д. И. Эварницкаго прочесть въ Хоролѣ двѣ лекціи въ пользу названной бібліотеки. «Паннѣвъ багато буде слухать, а мы хоть такъ посыдымо!» Лекторъ не отказалъ въ этой простой искренней просьбѣ и прочелъ двѣ лекціи по археологіи. Первая лекція посвящена была исторіи развитія археологіи въ Западной Европѣ, обзорнѣю палеолитическаго, неолитическаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ. Вторая—развитію архелогіи и обзорнѣю тѣхъ же вѣковъ въ Россіи. Лекціи были прочитаны столь простымъ и доступнымъ языкомъ, что даже нашимъ ромодановцамъ, собиравшимся посидѣть «хоть такъ»—все пришлось по-душѣ. Лектору были поднесены хлѣбъ-соль, букеты цвѣтовъ, перевязанные вышитыми рушниками, а въ заключеніе одинъ изъ козаковъ благодарилъ Д. И. за оказанное вниманіе и трудъ.

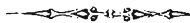
Новое просвѣтительное общество. На-дняхъ начало функционировать въ Одессѣ «Огдѣленіе петербургскаго благотворительнаго общества изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ». Общество это имѣетъ цѣлью содѣйствовать религіозно-нравственному и

умственному развитію и экономическому благосостоянію малорусскаго народа. Для достиженія своихъ цѣлей общество рѣшило издавать книги и брошюры по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства и домоводства на единственно-доступномъ пониманію народа природномъ его языкѣ. Общество также будетъ издавать свой печатный органъ. Во главѣ общества стоятъ такіе знатоки Малороссіи и малорусскаго языка, какъ Н. Ф. Федоровскій, Д. Л. Мордовцевъ и др. Между прочимъ, среди членовъ находятся: одесскій городской голова П. А. Зеленый, проф. Новороссійскаго университета Н. Д. Пильчиковъ, секретарь Ганемановскаго общества докторъ-мед. И. М. Луценко и другіе. Представителемъ для Одессы и Херсонской губ. избранъ д-ръ медицины И. М. Луценко. (Южн. Обзорѣніе № 934).

На состоявшемся 6 октября засѣданіи «Товариства ім. Котлиревскаго» (во Львовѣ) выяснилось, что на постройку собственнаго малорусскаго театра собрано уже болѣе 33.000 злот. рейнск. (около 26.000 рубл.). (Русланъ, ч. 244).

Некрологи. Во Львовѣ въ концѣ сентября умеръ гр. Владиміръ Дѣдушицкій, основатель прекраснаго музея во Львовѣ. (Muz. ім. Dzie duszickich). Онъ извѣстенъ также какъ авторъ изслѣдованій о жизни и завитіяхъ русиновъ.

Въ концѣ сентября скончался въ Прагѣ Францишекъ *Ржегоржъ*, талантливый чешскій этнографъ, знакомившій чешскій міръ съ галицкимъ народомъ. Онъ объѣхалъ почти всю восточную Галицію, узналъ близко жизнь галицкаго крестьянина, его обычаи, привычки. — Въ послѣднее время особенно много о русинахъ помѣщалъ онъ въ «Slovansk'omъ Prěhled'ѣ».

БИБЛЮГРАФІЯ.

Иванъ Левицкій. Повѣсти и оповиданья. Т. I зъ портретомъ автора. СПБ. 1899.

Передъ нами первый томъ «повѣстей и оповиданъ» И. С. Левицаго, извѣстнаго подъ давнимъ псевдонимомъ Ивана Нечуя. Имѣя на плечахъ 61 годъ отъ роду, Ив. Сем. Левицкій посвятилъ изъ нихъ литературному труду цѣлыхъ 35 лѣтъ. Трудъ этотъ — поэтическое творчество на малороссійскомъ языкѣ, творчество, слишкомъ замѣтное у насъ, ибо его повѣсти и романы, изображая украинскую народную среду, вмѣстѣ съ тѣмъ затрагиваютъ бытъ нашего духовенства и иныхъ сферъ. Такимъ образомъ Иванъ Семеновичъ почти первый вывелъ на литературную сцену различные слои украинскаго общества. Этимъ онъ заслужилъ украинскія симпатіи: его знаютъ и почитаютъ.

Такого рода мыслями проникнута между прочимъ его сказка-поэма «Запорожци», помѣщенная въ I томѣ¹⁾. Жилъ себѣ въ селѣ Кодакъ надъ Днѣпромъ лоцманъ Карпо Летючий, — рассказываетъ въ этой поэмѣ. Однажды къ лоцманскому атаману Ивану Музыкѣ пріѣзжаетъ богатый купецъ и проситъ его дать ему надежнаго лоцмана для того, чтобы провести его байдакъ черезъ Днѣпровскіе пороги. Лоцманскій атаманъ возлагаетъ эту миссію на Карпа Летючаго. Онъ его очень любилъ и вполне надѣялся на умѣлость его провести

¹⁾ Впервые напечатана въ 1873 году въ галиц. журналѣ „Правда“ (№ 11), а затѣмъ вошедшая въ собраніе повѣстей (К. 1874 г.) и отдѣльн. брошюрой (Кіевъ, 1874 г.). Вошла также въ Львовское изд. „Оповиданья“ (1875 г.).

байдакъ между порогами. Для поощренія Карна онъ пообѣщалъ, въ случаѣ удачнаго исполненія имъ порученія, выдать за него замужь дочку свою Олесю. Карно Летючий немедленно согласился вести байдакъ, движимый надеждой обладать красавицей Олесей. Онъ поѣхалъ съ байдакомъ, но какъ ни былъ остороженъ, все же о послѣдній порогъ онъ разбилъ байдакъ и въ горѣ кинулся въ Днѣпръ. Потери лодманской чести, потеря Олеси Музыквинны привела его къ такому поступку... Пошелъ онъ ко дну, ждалъ, что вотъ-вотъ ударится о какой-нибудь порогъ и тѣмъ кончить жизнь свою. Онъ потерялъ сознание. Но оказалось, что онъ пробудился въ незнакомомъ ему мѣстѣ, на мху, и надъ нимъ была водяная крыша, накрывавшая огромную скалу; на скалѣ этой онъ и находился. Присмотрѣвшись, онъ увидѣлъ пышный садъ, громадныя луга; повсюду цвѣли цвѣты; солнце проныкало сквозь водяную крышу. Увидѣвъ далѣе кучу цвѣтовъ, онъ сталъ всматриваться и замѣтилъ, что цвѣтки—это люди. И дѣйствительно, двое изъ нихъ направлялись къ нему. На нихъ были высокія черныя шапки съ красивыми верхами, синіе кунтуши съ откидными рукавами. Они спросили его, кто онъ, и велѣли ему слѣзть со скалы. Онъ забылъ сперва свое имя, но со скалы слѣзъ легко, благодаря помощи пришедшихъ людей. Люди эти отличались необыкновенной красотой. Отъ нихъ онъ услышалъ, что они запорожскіе козаки, что онъ находится въ Сичѣ. «Ото бачъ, зруйновали Сичъ, а помочи вамъ не було де взяти, то наши характерныки й зачарували Сичъ. Зъ того часу наша Сичъ зъ островомъ, зъ гетьманомъ (почему не съ кошевымъ? зъ козаками отгуть! Нашу Сичъ поглинувъ Днипро». Пошли они далѣе и увидѣли запорожцевъ. Запорожцы сидѣли, здоровые, красивые, и тихонько между собою разговаривали, но Карну показывалось, будто то ревуть страшныя Днѣпровскіе пороги. Запорожцы потребовали, чтобъ Летючого отвести къ гетьману. Шли они далѣе, приблизились къ новому чудесному саду съ грушами, съ виноградомъ. Въ томъ саду повсюду были каменныя лавки, гдѣ сидѣли старыя запорожцы, всѣ съ сѣдыми бородами и черными усами. Они сидѣли «позгортувавши руки и насхылявши внызъ важки головы». Минувъ садъ, прошли они каменную ограду и очутились въ другомъ саду, а изъ этого сада ллса человѣческой голосъ, прекрасный, звонкій. Кто то пѣлъ козацкую думу, очень старинную. Карно вошелъ въ садъ и увидѣлъ, что пѣлъ старый кобзарь; кругомъ его стояли и слушали про давнія дѣла на Украинѣ запорожцы среднихъ лѣтъ. При крикѣ

«до гетьмана! до гетьмана!» всѣ встали, кобзарь пересталъ пѣть, и двинулись къ гетману. Вошли снова въ прелестнѣйшій садъ. Тамъ снова пѣли кобзари и козаки танцовали какой-то «танокъ», и «танокъ той бувъ такой жвавий, такой веселый, що въ Карпа ажъ жыжки затрусилысь до танцивъ». Прошли дальше мимо кладбища. Наконецъ прошли ворота, охраняемыя старыми запорожцами, попали снова въ садъ и очутились у гетмана. «Винъ бувъ такой великый, якъ Палій. Здається, не було коня въ свити, щобъ здержавъ его на собі» Гетманъ думалъ глубокую думу, понуривъ голову, и его мысли вылетали соловьями. Увидѣвъ козаковъ, онъ грозно взглянулъ, и отъ этого взгляда взлетѣлъ орелъ къ небу, раздѣливши крыльями хрустальную крышу. Увидѣвъ Карпа, пришельца изъ Украины, гетманъ пролилъ слезы. Слезы упали на землю, и изъ нея появились розы. Спросилъ гетманъ, помнятъ ли про Запорожье на Украинѣ, рассказываютъ ли тамъ о быломъ поны или монахи или другіе какіе люди? Карпо отвѣчалъ, что про Запорожье онъ слыхалъ отъ своихъ близкихъ, а ни поны, ни монахи, никто другой ничего про нихъ не говорятъ. Гетманъ положилъ свою булаву, и изъ-подъ нея появились левкои и фіалки, а виноградъ обрѣлся вокругъ камня, на который легла булава. Затѣмъ гетманъ пригласилъ отправиться въ церковь и спросить у Бога, что имъ дѣлать, и помолиться за Украинну. Пошли въ церковь, которая изображалась однимъ крестомъ изъ чистаго золота. Тамъ пѣлъ чудесный голосъ. Голосъ исходилъ изъ куста калины. При приближеніи гетмана голосъ замолкъ. Гетманъ сталъ молиться, за нимъ молились козаки. «Одъ тієї козацької молитвы страшно заревлы пороги, задрижалы обидва береги Днипра, затрусилась земля по Украинни, затрусился Кивъ на горахъ». Затѣмъ пѣвшій кустъ калины обратился въ красивую дивчину. Карпу Летючему представилось, что предъ нимъ Олеся Музыквина, но оказалось, что это была Маруся Музыквина, давно превращенная характерникомъ запорожскимъ въ калиновый кустъ за то, что она полюбила гетмана и вступила на запорожскую землю. Олеся Музыквина была ей родственница въ пятомъ колѣнѣ. Теперь гетманъ и характерникъ почему-то возвратили Марусѣ образъ человѣческой и рѣшили и ее, и Карпа Летючого вынести на землю. Характерникъ принялъ ихъ на свои плечи, разскъ большими крыльями водяную крышу и вынесъ ихъ на Украинну. Музыквина стала исвать свой хуторъ, но хуторъ обратился въ село. Людей было мало. «То бачъ, объяснилъ характерникъ, скопылося

таке страшне повітря и навіяло страшный сонъ на Украину, и люде разомъ такъ и поснули та й будуть спати, покы зновъ не повіе теплий витерь зъ теплого краю, покы винъ не прынесе зъ хмарами цилюцой та живуцой воды и покропнеть тією водою землю и людей». Поражена была Маруся, что кругомъ земля была въ еврейскихъ рукахъ или въ польскихъ. «А де жъ людське?»— «Отамъ тропкы людського къ селу» — гукнувъ дідъ зъ кураня. Дальше увидѣла Маруся большой сахарный заводъ. Онъ омазался принадлежащимъ поляку. Увидѣли потомъ мельницу, принадлежащую еврею. Зашла Маруся въ хату, похожую на ея отцовскую хату, увидѣла кругомъ бѣдность. Она спросила о причинѣ такой бѣдности старуху хозяйку. Та отвѣчала: «Бидни, бо нема зъ чого забагатити. Зъ поля плата велика, а тутъ и подушне платы, и на волость, и на школу... Та все платы та платы! И робымо, и ничого не маемо!» Вспомнила Маруся, что не такъ было у ея батька, при немъ было и что ѣсть, и что пить, «бо було въ его стилько стелу, скільки окомъ скынуты, була отара овецъ, булы воды и коровы. А яки кони мавъ батько! Якъ той стеновый витерь, литалы воны по стеллахъ. Бувъ въ его и ставокъ, и млыннокъ, и садокъ, а въ садку була пасіка». Тяжело вздохнула Маруся и снова обратилась въ калпну, снова зацвѣла и снова перенеслась подъ Дибирь въ гетманскій садъ, оставивъ капли росы, свои слезы, на мѣстѣ родныи. Карно же Летючий узналъ, что все его имущество продано и деньги отданы владѣльцу разбитаго имъ байдака, а его, Карпа, приказалъ судъ высѣчь на свалѣ Ненасытца, у котораго разбился байдакъ. Олеся же его давно вышла замужъ за другого люцмана. Тогда Карно пошелъ за Дунай, а всѣ думали, что онъ разбился и погавъ у Ненасытца.

Конечно, Запорожье представлено далеко не въ вѣрныхъ краскахъ, соответственныхъ дѣйствительно бывшему. Мы видимъ, что въ сказкѣ-поэмѣ Левицкаго запорожцы сидятъ, разговариваютъ да поютъ и молятся, что едва-ли похоже на ихъ давнюю дѣятельность. Если-бы въ сказкѣ запорожцы не сказали, что это пхъ Сичъ, то мы могли бы и не догадаться объ этомъ. Но во всякомъ случаѣ Левицкій хотѣлъ представить давнее Запорожье, давняго носителя идей Украины, давняго выразителя этихъ идей.

При всюдѣ связищей главной особенности таланта И. С. Левицкаго, несомнѣнно на произведеніяхъ его сказались еще его воспитаніе, мѣсто рожденія и дальнѣйшая жизнь. Родился И. С. Левицкій въ с. Стеблевѣ, каневского уѣзда, кievской губерніи, воспитывался въ Богуславскомъ духовномъ училищѣ, потомъ въ Кіевской

духовной семинаріи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1859 году и въ томъ же году былъ опредѣленъ учителемъ въ Богуславское духовное училище, а затѣмъ въ 1861 году поступилъ въ студенты Кіевской духовной академіи и, по окончаніи академическаго курса въ 1865 году, былъ назначенъ преподавателемъ словесности въ Полтавскую духовную семинарію, откуда перешелъ на службу, въ концѣ того же учебнаго года, въ Варшавскій учебный округъ. Черезъ 7 лѣтъ онъ покинулъ Царство Польское и перешелъ на службу въ Одесскій учебный округъ, въ кишиневскую мужскую гимназію, гдѣ состоялъ учителемъ русскаго языка. Отсюда онъ, уже прослуживши 25 лѣтъ, вышелъ въ отставку.

Естественно, знакомство и связи Ивана Семеновича опредѣлялись такою его біографіею. Онъ зналъ хорошо крестьянъ своего роднаго села, зналъ арендаторовъ и посессоровъ, зналъ затѣмъ духовенство, зналъ писарей волостныхъ, народныхъ учителей, евреевъ, зналъ, наконецъ, студентовъ и профессоровъ Духовной академіи и отчасти студентовъ университетовъ. Въ этомъ кругу онъ и выбираетъ дѣйствующихъ лицъ своихъ повѣстей. Стремясь изображать ихъ, Иванъ Семеновичъ хотя часто бываетъ склоненъ давать положительные типы, тѣмъ не менѣе у него лучше удаются типы отрицательные. Въ большинствѣ же представляемыхъ имъ людей въ его авторской умѣлости какъ бы отсутствуетъ способность превращать въ типы тѣ или другіе характеры; онъ останавливается на передачѣ наблюдаемаго, вовсе не скрашивая съ цѣлью приданія наблюдаемому образу положительнаго или отрицательнаго характера; поэтому мы имѣемъ дѣло часто съ прекрасною фотографіею жизненнаго явленія, при полномъ отсутствіи типа.

Однимъ изъ лучшихъ произведеній нашего автора является оповиданія «Рыбалка Панасъ Круть», одно изъ довольно раннихъ, относящееся къ 1866 году. ¹⁾ Въ немъ авторъ выводитъ старика-рыбалку, который случайно молодому товарищу своему, Паньку, ночью, во время ловли рыбы, рассказываетъ про свое житье. Разнымъ ремесламъ обучился Панасъ Круть, между прочимъ шитью полушубковъ, которыми

¹⁾ Первоначально напечатано въ „Правдѣ“, 1868 г. (№ 23—26) подъ заглавіемъ „Гореславська нячъ, або рыбалка Панасъ Круть“; затѣмъ напечат. было въ 1882 г. въ календарѣ Товариства „Просвита“ и вошло въ собраніе повѣстей его (Кіевъ 1874 г.); было и два отдѣльн. изданія, — во Львовѣ, въ 1869 г. и въ Кіевѣ, въ 1874 г. и 1887.

торговалъ на ярмаркахъ, и обучился скоро и хорошо. Но ему не удавалось хорошо сбывать готовый товаръ: на ярмаркѣ обыкновенно сосѣдній еврей обрѣтеть себѣ раньше покупателей, чѣмъ онъ, и онъ остается не причемъ. Научился онъ также играть на цымбалахъ и былъ музыкою; научился и точать сапоги. Женатъ онъ былъ необыкновенно счастливо и очень скорбѣлъ о потерѣ жены, выступающей положительнымъ идеаломъ въ повѣсти. Ему и не думалось замѣнить ее другою. Панасу разъ во снѣ довелось послѣ ея смерти слышать ея чудесное пѣніе, и рассказъ объ этомъ является однимъ изъ поэтичнѣйшихъ во всемъ произведеніи. Послѣ смерти жены Панасъ Круть оставилъ шитье полушубковъ и отдался рыбальству. Пилъ только онъ серьезно и кончилъ жизнь свою на водѣ, въ половодіе, пустившись на рыбную ловлю въ несовсѣмъ трезвомъ видѣ. Весь рассказъ происходитъ вадъ Росью, вблизи грязнаго мѣстечка Богуслава, мастерски изображеннаго авторомъ.

Не какъ тишъ выступаетъ рыбакъ Панасъ Круть въ этомъ рассказѣ. Мы видимъ здѣсь изображеніе, близкое къ дѣйствительности, нисколько не обобщающее² какихъ либо сторонъ въ характерѣ людей, близкихъ къ Панасу Крутю.

Та же Рось, тотъ же Богуславъ, Звенигородщина, мѣстность родная автору, является ареной дѣйствія и во многихъ другихъ произведеніяхъ И. С. Левицкаго. Возьмемъ, наиримѣръ, повѣсть или лучше сказать романъ «Бурлячу». 1) Здѣсь выведена молодая красивая дѣвушка Васылына, дочка крестьянина Паляныка. Живетъ семья Васылыны и она въ Звенигородскомъ уѣздѣ, въ с. Комаривкѣ, недалеко отъ с. Керелявки, гдѣ бѣдовалъ Тарасъ Шевченко. Мѣстность описана прелестными садами. Живетъ Паляныкъ сносно, достатковъ хватаетъ, но иногда все-же нужно бываетъ въ хозяйствѣ нѣ-которое подспорье. Въ такихъ случаяхъ выручаетъ его дочь. Она, наиримѣръ, идетъ на заработки на сосѣдній сахарный заводъ на «буряки». Заводская администраціи обыкновенно закликаетъ дивчатъ на работу, рассылая по сосѣднимъ селамъ гарбы съ музыкой и жидомъ, исполняющимъ роль нанIMATEЛЯ. Когда разъ проѣзжалъ такой поѣздъ по Комаривкѣ и набралъ кучу дивчатъ, попросилась у отца отпустить ее на буряки къ пану въ сосѣднее село Журавку и Васылына. Работала она тамъ подъ музыку съ необыкновеннымъ увлеченіемъ.

1) Первонач. изд. въ. Кіевъ въ 1861 году.

Кругомъ была масса парубковъ, которые всѣ липли къ красавицѣ Васыльнѣ. Но одинъ парубокъ пришелся и ей по душѣ, нѣкто Васыль Кранченко. Не разъ и не два она ѣздила такимъ образомъ на бурыки. Красоту ея замѣтилъ и приказчикъ пана арендатора, еврей Лейба. Зная охоту до красивыхъ дивчатъ у пана Ястшембскаго, онъ сразу намѣтилъ Васыльну, какъ жертву для пана. Послѣ нѣсколькихъ посѣщеній Васыльной бураковой плантаціи, онъ предложилъ ей замѣнить случайную работу постоянной. Нужда у Васыльного отца тогда была большая: предстояло платить подать. Неудивительно поэтому, что онъ согласился отпустить дочь на заработки. Такимъ образомъ Васыльна и поступила на службу къ арендатору Ястшембскому. Ястшембскій былъ паничъ польской семьи, вынужденный въ концѣ концовъ взяться за аренду, такъ какъ собственное его имуществъ было продано за долги. Онъ окончилъ едва три класса гимназій, волочился за дивчатамп, картежничалъ и вообще велъ жизнь пустую, разгульную, хотя отъ природы и не былъ золь. Къ нему то и поступила Васыльна. Очарованный ея красотой, Ястшембскій предложилъ ей занять мѣсто горничной, удаливъ съ этого мѣста другую красавицу Одарку. Ухаживая за Васыльной, онъ сумѣлъ ей понравиться. Доходило дѣло до того, что Ястшембскій готовъ былъ даже жениться на ней. Но до женитьбы онъ принималъ своихъ пріятелей и однажды по ихъ совѣту затѣялъ устроить въ своихъ холостяцкихъ покояхъ «дикій балъ» съ участіемъ Васыльны, Олены и другихъ красивыхъ дивчатъ и молодыхъ. Во время этого бала, неудачно описаннаго — сказать между прочимъ —, неожиданно пріѣхали къ Ястшембскому двѣ старѣющія тетки, Ядвига и Юзефа. Онѣ стали стыдить Ястшембскаго за его поведеніе, требовали, чтобы онъ остепенился и, наконецъ, женился на приличной ему партіи. Тетки даже выбрали ему пару въ лицѣ панны Брониславы, не старой дѣвицы, съ двадцатью тысячами приданого. Немедленно завязалось знакомство съ будущей невѣстой, и панъ Ястшембскій, чувствующій, что въ карманахъ его пусто, вскорѣ влюбился въ панну Брониславу и надѣялся поправить свое состояніе. Предстояла свадьба, но надо было удалить изъ дому Васыльну. Съ большимъ трудомъ онъ сдѣлалъ это. Васыльна, уже беременная, была устранена. Ей приходилось идти въ родительскую хату, но она не могла на это рѣшиться. Лейба, доставившій ее въ домъ арендатора, повстрѣчавшись съ ней, выдалъ ей записку, рекомендуя ее въ работницы на суконный заводъ въ Стеблевѣ. Васыльна отправилась

туда, кой-какъ, съ помощью какого то человѣка, доѣхала до завода, но въ горѣ, въ отчаяніи, мучимая болѣзненнымъ состояніемъ, она забрела въ какую то расщелину между камней на берегу Роси и тамъ легла. Усталая, разбитая во время дороги, она въ ту же ночь родила сына. Прийдя утромъ на короткое время въ сознаніе и услышавъ дѣтскій крикъ, она въ ожесточеніи на Ястшембскаго отвергла сына, отказалась кормить его и тутъ же бросила ребенка въ Рось. Затѣмъ безчувственно кинулась на землю. Въ такомъ состояніи ее отыскала бурлачка съ фабрики, Марія, перенесла ее въ свою хату и продержала у себя до ея выздоровленія. Оправившись хоть отчасти, Васылына поступила тотчасъ же на суконную фабрику за 2 руб. въ мѣсяць. Тутъ ей пришлось узнать фабричныя харчи, фабричныя нравы. Съ полгода она держалась въ сторонѣ отъ выпивокъ въ компаніи. Но потомъ, вѣчно приглашаемая на гулянки, и она начала пить и веселиться, позабывши объ утопленномъ ребенкѣ. За нею ухаживалъ бурлакъ Мына, и затѣмъ не бурлакъ Михальчевскій, служившій столяромъ на сахарномъ заводѣ, шляхтичъ родомъ, жившій съ старухой матерью. Онъ влюбился въ Васылыну и ей понравился. Скоро рѣшили они сыграть свадьбу. Но Васылына сразу не могла перестать пить съ бурлаками. Ее, пьяную, лежащую у перевоза, однажды принесъ Михальчевскій къ себѣ въ домъ. Мать съ сокрушеніемъ сердечнымъ ухаживала за ней. Матери было тяжело, что любимый сынъ ея женится на пьяницѣ, но и она поддавалась необыкновенной красотѣ Васылыны. Михальчевскій таки женился на ней и зажилъ счастливо. Васылына и ему не рассказала о гибели ея ребенка, хотя рассказала объ отношеніяхъ къ Ястшембскому. Кончается повѣсть посѣщеніемъ Васылыною родителей ея, оказавшихся живыми и здоровыми.

Во всей повѣсти главнымъ лицомъ, не оставляемымъ авторомъ, является Васылына. Невольно ждешь, что это окажется глубокая натура. Казалось бы, такъ естественно было съ ея стороны, ушедши въ Стеблевь, тамъ одуматься. Но ничего этого не случилось. Могла она, конечно, лишиться жизни своего ребенка, но не могла при серьезной натурѣ такъ скоро забыть объ убійствѣ, совершенномъ ею, не могла предаться вновь веселію и пьянству, не могла скрыть убійства отъ Михальчевскаго. Все это мыслямо при извѣстной легкости въ характерѣ. Въ повѣсти только два человѣка и похожи на положительные типы: это мать и сынъ Михальчевскіе, но и она, какъ образцовая мать, выведена на очень короткое время, и онъ, какъ образцо-

вый мужъ и человѣкъ, является только подъ конецъ повѣсти, и идеальныхъ чертъ его не видно читателю. Такимъ образомъ въ этомъ болшемъ произведеніи Ивана Семеновича Левицкаго отсутствуютъ типы, а имѣется на лицо только чудесная фотографія.

Иначе стоитъ дѣло въ повѣсти «Шомижъ ворогамъ»¹⁾. Здѣсь болѣе тонко очерченной является фигура волостного писаря Леонтія Петровича Коцюбенка въ селѣ Горобцивкѣ и жены его Феодосіи Карповны. Въ лицѣ ихъ представлены явные грабители и обдиралы села. Тутъ предъ нами является вѣрно изображенный типъ сельскихъ міролюбцовъ. Но за то всѣ остальные выступающія въ повѣсти лица, не смотря на тагучесть изображенія ихъ помысловъ, являются безцвѣтными. Таковы и отецъ Артемій, и жена его Сусанна Власевна, и дочка ихъ Вата, и предполагаемый женихъ послѣдней Леонидъ Семеновичъ, студентъ Кіевского университета и братъ по матери Феодосій Карповичъ. Изъ всѣхъ ихъ типовъ никакихъ не вышло, хотя авторъ повидному и предполагалъ дать положительный типъ въ лицѣ дочери отца Артемія, Ваты.

Но картина значительно измѣняется, когда мы имѣемъ дѣло съ «бабой Параской та бабой Палажкой». Обѣ сердитыя, другъ друга ненавидящія, одна другой всячески досаждающія, и обѣ жалуются на судьбу и преслѣдованія, при чемъ одна заявляетъ, что «не можна баби Парасци вдержатись на сели», а другая обращается съ просьбою: «благословить баби Палажки скоропостыжно вмерты». Для образца ихъ отношеній приведемъ слѣдующую выдержку: «А це зновъ розсердилась Палажка на мене, що я пожартувала зъ нею, та й то не я, а моя сусида Левадыха высадала той жартъ. На двори була страшна спека: въ хати душно, а я думаю, піду та зварю вечерю на городи коло крыныци, покы сынъ та невестка вернутя съ поля. Взяла я таганъ, казаюкъ, набрала трисокъ та сухого хворосту. Прийшла до крыныци, колы зиркѣ! на цимрыни стоить залізне видро. Подивилась я, видро Палажчыне: я его заразы признала, бо знаю вси видра на кутку. Це жь, думаю, Палажка ходыгъ до моеи крыныци по воду, бо Соловейко (мужъ Палажки) саме тоди чыстывъ свою крыныцю. А тутъ прийшла по воду моя сусида, стара Левадыха.—Хто це забувся видро?—чыгае вона въ мене.—Та хто жь, кажу,—Палажка! Хиба жь ты не бачышь, що видро неначе погрызене зубами. Мабуть ій не було кого грыты, та одъ злосты погрызла свои видра. Ну тай хазайка! Добре, що не забулась отутъ коло крыныци своеи головы. Взяла

¹⁾ Напечат. въ первый разъ въ 1793 г. въ галицк. газетѣ „Заря“.

я те відро та й кинула въ крошыву: нехай, думаю, Палажка трохы пожалыть лытки, якъ буде доставаты відро. Ото росклала я идъ вербамы багатты, поставыла таганъ, почепыла казанокъ. Сыдымо соби зъ Левадыхою та балакаемо то про се, то про те. А Левадыха каже: «а давай пожартуемо трохы зъ Палажкою! Облыймо бисову бабу холодною водою, якъ вона прыбыжить за відромъ; може не буде така гаряча та лыка. Левадыха сердылась тоди на Палажку за те, що Палажка давала ій дули та ще й пры громади. «Скупаемо жъ мы тебе, щобъ знала, якъ мени дули сукаты», каже Левадыха. Тилько що вона це сказала, ажъ Палажка лизе черезъ перелазъ. Мы зъ Левадыхою шустъ у конопля та й прысиды. А Палажка прыстранчылась до крыныці, глинула на цырыны, заглянула въ крыныцю та й каже сама до себе: «де жъ це дилося мое відро?» Вона туды крутъ, сюды вертъ, блыснула маленькымы чорнымы очыма по конопляхъ, по бурьянахъ. А очы такъ и блыщать одъ злости, якъ у гадюкы, неначе зъ нихъ искры сыплются, а дали вгледила відро та й полизла въ крошыву. Крошыва жалыть іи въ лытки, въ руки, а вона чухае лытки та лае крошыву. Взяла вона відро, шелепається до крыныци по крошыви та такы й мене не забула: «це мабутъ, каже вона голосно, ота ыродова душа, Параска, закынула мое відро въ крошыву». Мабутъ догадувалась, що я десь тутъ недалечко. Я насылу всыдила въ конопляхъ, трохы не выскочыла, та мене вже Левадыха прыдержала за сшидныцю. Ій Богу, кажу до Левадыкы, нарву крошывы та простиагнимо Палажку коло крыныци та даймо ій доброи прочуханкы та памятного, щобъ не забувала видерь. «Дывымосъ мы, Палажка трычи перехрестылась, щось пошептала: вже й не знаю, чы молылась, чы видымыла, вытягла відро зъ водою и тилькы що поставыла на цырыны, а мы зъ конопель та до нев. Левадыха вхопыла іи за плечи, бо дужча одъ мене. «Держы жъ, кажу, та добре, бо буде пручатысь!» Я вхопыла відро зъ водою та й лынула ій пошереду межы очи: оце, кажу, тоби одъ очей, щобъ очыци не боллы; лынула вдруге на самисынку голову: а це, кажу, тоби одъ голови, щобъ не була така дурна; а потымъ лыну разъ за потылицю, а другый за пазуху. А вона стоить, якъ дурна вивця, та тилькы: ухъ! ухъ! ухъ! ухъ! «Ухай, кажу, сердце, ухай на здоровьячко! Водыця холодненька, якъ зо льдомъ. Це одъ прыстриту дуже добре».

«Скупалы мы іи та й регочемося обидвы. А зъ неи вода ажъ дзюрчыть: и въ запасы, и въ нидтычкы. Кляне вона насъ я сливъ

не добере: «бодай васъ свята земля поглынула живыми! Бодай васъ чорты на тимъ свити облылы горячою смолою!» «А я кажу: «поки васъ чорты обиллють, а мы тебе вже й облылы».

«Взяла Палажка порожне видро та й потяглась до дому. А Левадыха кричыть: «здорова зносы та въ граще вберысы! Це мы тебе скупалы, щобъ блохы въ ночи не кусалы.» Писля того Палажка и не говорыть зо мною и не дывытся на мене, а якъ стринется зо мною на вулицы, то обмынае мене по-надъ сампсненькымы тынамы. Хибажъ вона дытына, не знае, що то булы жарты. А якъ парубкы колысь и пхнули зъ гребли въ ставокъ, якъ вона була дивкою, то вона й не сердылась. Тры роки писля того все хвалылась: «оце мене дурни парубкы скупалы въ ставку въ квиткахъ та въ стричкахъ та въ червоныхъ чоботяхъ». А якъ я зъ Левадыхою трохы покропыла ія водою, то вона вже и губы надула ..

Несомнѣнно въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ высоко талантливыми воспроизведеніями двухъ отрицательныхъ типовъ. Типы эти жизненны въ нашемъ селѣ и рисуютъ намъ всю страшную степень невѣжества нашего народа.

Отрицательный же типъ встрѣчаемъ въ «Двухъ прыятеляхъ», въ лицѣ еврея Шмуля, организовавшего воровскую шайку, и въ концѣ концовъ послѣ того, какъ всѣхъ воровъ переловили, и заслали въ Сибирь, оставшагося нетронутымъ и продолжающимъ павовать.

Наконецъ, отрицательный типъ находимъ мы въ оповиданніи «Невынна», гдѣ изображена воровка, мнящая себя лицемѣрно ни въ чемъ неповинной. Она въ концѣ концовъ украла образъ св. Николая и видъ образа ее очень смущалъ. Послѣ ареста мужа ея, укравшаго барильце водки и упившагося ею, она, наконецъ, пошла къ пону, исповѣдалась предъ нимъ и отдала ему краденный образъ,— тогда ей стало легче. Это—снова типъ отрицательный, и вышелъ онъ изъ подъ пера И. С. Левецкаго въ прекрасномъ видѣ.

Основная черта таланта И. С. Левецкаго ясно сказалась при изображеніи того тяжелого гнета, который выпадаетъ украинскому люду при поступленіи его на фабрики и заводы, гдѣ зъ большинствѣ случаевъ руководителями работы да и предиріятій являются часто евреи. Такъ, въ повѣсти «Мыкола Джера», посвященной Н. В. Дисенку и выдѣляющейся изъ ряда другихъ повѣстей присутствіемъ двухъ типовъ, положительнаго

характера Немыроды, жепы Джери, и самого Мыколы Джери, изображены два сахарныхъ завода, на которые бѣжалъ Джери отъ панскаго гнета передъ волей. Оба сахарныхъ завода состояли подъ управленіемъ евреевъ и на обоихъ дурно кормили рабочихъ. Особенно характеренъ еврей Абрамъ Моисеевичъ Бродковскій, посессоръ сахарнаго завода въ Черкащинѣ. „То бувъ товстый здоровый жыдъ, зъ рудою бородою, зъ сирыми очыма, въ чорній оксамытовій жыдетци. На жыдетци телипанся важкый золотый ланцюжокъ зъ печаткою и всякымы цацькамы; на товстыхъ кудыхъ пальцахъ блищали важки золоти перстия зъ дорогымы блискучымы камнявымы. Комарчыны й сорочка, чорный блискучый галстухъ на шыи булы нечысты, засмальцованы, ажъ блищали проты сонца. Чорный довгый сюртукъ, вышневый, оксамытовый картузъ на потылицы, давали ему дуже характерный, жыдивськый выдъ. Не вважаючи на его богате вбрання, на золото, одъ его ткнуло жыдомъ». Не менѣе характерна и его жена. «Вона була убрана зовсимъ по панськи, але їи лыце, їи нечыста одежа, чорный подилъ спидныци и роскудлане волосся на голови—все це показувало, що вона не пани». Оба они сильно сердились на явившихся на ихъ заводъ крестьянъ, когда они обращались къ самому Абраму и его женѣ на ты. «Що ты, свынню! Ну! чого ты на мене тыкаешть? Я тобі не дамъ грошей за мисяць»—такого рода реплики даютъ они въ повѣсти на обращенія къ нимъ крестьянъ. Жыдъ этотъ такъ довольствовалъ людей на заводѣ, что въ великій постъ въ его вармахъ начали умирать люди. Мѣстный попъ отказался въ концѣ концовъ причащать и хоронить жертвъ заразы. Онъ разсердился на еврея за то, что онъ, взявши заводъ въ посессію, пересталъ давать ему, священнику, пудъ сахару и 100 руб. платы за требы на заводѣ. Въ виду такой обиды, попъ пожаловался на еврея своему благочинному. Поднялось дѣло, въ результатъ котораго Бродковскаго легко бы засудили въ Сибирь. Но Бродковскій во время сотнямъ рублей погасилъ поднявшійся шумъ и снова началъ платить попу 100 руб. и пудъ сахару въ годъ. Между тѣмъ зараза, смерть не унималась на заводѣ. Пошли слухи, что жыды рѣзали ночью собакъ и мясо собачье клали въ борщъ бурлакамъ. Ватага бурлаковъ повыбивала окна у Бродковскаго. Бродковскій самъ уѣхалъ изъ села. Тогда явился въ село становой, священникъ и докторъ. Докторъ пробовалъ воду изъ источника, изъ котораго пили крестьяне, но самъ побоялся попробовать бурлацкаго борщу съ гнилою таранью да съ прибавленіемъ

крысь для вацшаго ввуса. Велѣль очь почистить и помыть казармы. Все было напрасно: бурлаки убѣгали съ завода.

Не менѣе характеристично и изображеніе еврея Лейзора Рабыненка, бывшаго на Стеблевской суконной фабрикѣ, куда поступила въ качествѣ бурлачки Васылина. Этотъ Лейзоръ Рабыненко взялся у стеблевскаго поссессора поставлять рабочихъ на заводы. Хозяинъ уплачивалъ ему наличными деньгами за каждаго поставленнаго рабочаго. Лейзоръ долженъ былъ отыскивать работниковъ, ставить ихъ на заводы, платить имъ отъ себя за работу и кормить ихъ. Коль коро врей не набиралъ нужнаго числа рабочихъ, директоры заводовъ имѣли право доставить рабочихъ, платя имъ двойную плату, при чемъ плату эту записывали на счетъ Лейзора. Поэтому то жидъ долженъ былъ заблаговременно доставлять рабочихъ и для этого держалъ своихъ агентовъ повсюду, гдѣ только можно было повыгоднѣ нанять людей. «По близькихъ и далекихъ селахъ нышпорыла Лейзорова жыдивська полиціи,—читаемъ въ Бурлачкѣ,—роздавала гроши напередъ, у той часъ, якъ мужыкамъ приходылось дуже тяжко, а найбільше пидъ часъ выплаты подушнаго. Лейзорова полиціи, окримъ того, заплутувала мужыкивъ у довгы й за страшни проценты тягла людей за шыю до Лейзора на заводы». Обь организаціи, придуманной Лейзоромъ, читаемъ далѣ слѣдующее: «Колы у Лейзора була тысяча робатныкивъ, и одъ каждой души зосталось по карбованцю на ригѣ, то й то вже бувъ для его не поганыи заробитокъ. Але Лейзоривъ интересъ бувъ той, щобъ зъ кожнои души зоставалося у его кышени якъ можна бильше карбованцивъ. Окримъ того, винъ платывъ одъ кожнои души проценты своимъ агентамъ. И Лейзоривъ заробитокъ и проценты для его полиціи—все це падало на людськи души, до котрыхъ ему було мало дила. Ти души были не жыды, а гои, а винъ бы й жыдавъ не помылувавъ. И винъ ихъ не мылувавъ, харчувавъ такъ, що люди не выдержували, выдали пашпорты, выдали роботу й втывали зъ заводивъ, куды тилько можно було втываты. Мисцєви люди знали жыдивськи руки й не йшли на заводы. Лейзоръ йвадивъ у великий пистъ на далеке Полисса, у бидный могылевськый та мнєськый край, дававъ завдатокъ биднымъ бѣлоруссамъ саме пидъ часъ оплаты подушнаго, або пидъ часъ голода, бравъ въ волости ихъ пашпорты й потимъ перевозывъ ихъ на заводы. На украинськыхъ заводахъ появлысь нещасни полищукы, чы, якъ звать ихъ на Украину, лытвыны або лапацоны. Лейзоръ державъ ихъ у такыхъ

казармахъ, харчувавъ такими харчами, що нещасні дитвины, звикли йсти невіяний та несіяний хлїбъ, кыдали заводы й тивалы въ свїй голодный край». Случалось не рѣдко, что онъ добавлялъ къ нищѣ бурлаковъ свиное сало, въ которомъ кишѣли черви. Въ конторѣ Лейзора вертѣлись жидки, сухіе, длинныя, проворныя, постоянно гуркотящіе. У Лейзора въ подворіи втѣлись три жидовскія семьи: одна въ комнатѣ при его квартирѣ, другая въ надворной хаткѣ, третья въ мужичьей хаткѣ на огородѣ вблизи, Лейзорова двора. Это были полицейскіе Лейзора—Шмули, Срули, Гершки, которые нишпорили въ Стеблевѣ и въ ближайшей околицѣ, развѣзжала бидками по селамъ, знали съ шинкарями, съ подрядчиками на заводахъ, съ мельниками изъ жидовъ, съ жидами поссессорами, знали на все цѣны, брали у мужиковъ пашню за проценты и свозили все къ своему начальнику стеблевской околицы, Лейзору Рабыненку. У Лейзора въ Одессѣ были свои высшіе начальники: жидовскіе губернаторы и министры, которыхъ онъ извѣщаль обо всемъ и доставлялъ имъ пашню. То были министры пшеницы, ржи, гречихи и проса и даже министры свиного сала, олея, дегтю.

Если ко всему сказанному мы добавимъ, что всѣ повѣсти Левицкаго написаны прекраснымъ, не дѣланымъ, не кованымъ малороссійскимъ языкомъ, что во всѣхъ ихъ замѣчаются прекрасныя описанія знакомыхъ ему мѣстностей,—то мы этимъ дополнимъ поучительное содержаніе его повѣстей и рассказовъ и должны будемъ признать ихъ въ высшей степени талантливыми.

I. S.

Извѣстія Общества любителей изученія Кубанской области. Вып. I подъ ред. В. Сысоева и А. Дьячкова-Тарасова. *Екатеринодаръ*, 1899 г., Стр. VIII+166. Ц. 1 р.

Года полтора назадъ возникло въ Екатеринодарѣ новое „Общество любителей изученія Кубанской области“. Потребность въ такомъ обществѣ давно уже чувствовалась. Извѣстный статистическій комитетъ, не смотря на свою почтенную дѣятельность, не могъ по самымъ условіямъ своей организаціи явиться центромъ, объединяю-

щамъ мѣстныхъ изслѣдователей. Проектъ объ учрежденіи ученой архивной комиссіи, къ сожалѣнію, не осуществился. Въ 1896 г. возникъ новый проектъ устройства общества для всесторонняго изученія края. Проектъ этотъ былъ сочувственно встрѣченъ мѣстной администраціей, и въ концѣ 1897 г. общество уже начало свою дѣятельность, и теперь передъ нами лежитъ первый выпускъ его «Извѣстій».

Содержаніе разбираемой книжки весьма разнообразно. Статья г. Ваганова «Значеніе карантинной линіи по границѣ Кубанской обл. съ Закавказьемъ въ связи съ условіями животноводства въ нагорной полосѣ» касается очень важнаго для Кубанской области вопроса объ охраненіи скота отъ эпизоотій и объ открытіи доступа продуктамъ животноводства на русскіе и заграничныя рынки. Статья г. Попандуло посвящена нефтянымъ промысламъ въ Кубанской области. Другія статьи относятся къ исторіи края. Таковы двѣ статейки извѣстнаго историка Черноморскаго козачества П. П. Короленка о первоначальномъ заселеніи черноморскими козаками Кубанской области и объ Екатеринодарскомъ войсковомъ соборѣ. Въ замѣткѣ г. Дмитренко разсказанъ эпизодъ изъ жизни некрасовцевъ на Кубани. Г. Сысоевъ начинаетъ свои «Очерки изъ исторіи Тмутараканскаго княжества» біографіей преп. Никона. Отмѣтимъ еще программу для собиранія свѣдѣній о рудахъ, минеральныхъ источникахъ и пр. Въ книжкѣ приложено два вида Екатеринодарскаго войскаго собора.

Искренно желаемъ новому обществу успѣшно трудиться надъ изученіемъ родного края.

Е. Б.

Щорсовская бібліотекa графа Литавора-Хребтовича. Краткія свѣдѣнія о собираніи рукописей. Сообщилъ С. Л. Пташицінъ. Москва 1899 г.

Щорсы, село Новоградскаго уѣзда Минской губерніи, въ 24 верстахъ отъ уѣзднаго города, принадлежитъ графамъ Литоворамъ-Хребтовичамъ. Послѣдній литовскій канцлеръ графъ Іоакимъ Литаворъ-Хребтовичъ († 1812 г.) устроилъ здѣсь прекрасное помѣщеніе для своей богатой бібліотеки, которую составилъ покупкой книгъ изъ древнихъ бібліотекъ: римскаго кардинала Іосифа Имперіала, бібліотеки Іосифа Залускаго и бібліотекъ 150 упраздненныхъ галицкихъ

монастирей. Настоящій владѣлецъ Щорсъ К. А. Бушеневъ-Хребтовичъ озаботился приведеніемъ ея въ порядокъ и описаніемъ. Не ожидая, пока выйдеть въ свѣтъ это послѣднее съ изложеніемъ всѣхъ подробностей, авторъ сообщаетъ краткія свѣдѣнія о хранящихся въ бібліотекѣ 129-ти рукописахъ. Содержаніе ихъ очень разнообразно: здѣсь мы встрѣчаемъ и книги Литовской метрики, и дипломатическую переписку, сеймовыя конституціи, лавдумы сеймиковъ западнаго края, всякаго рода юридическіе документы, частную переписку, литературныя произведенія, историческія сочиненія, законодательныя памятники, и проч. и проч. Въ частности укажемъ на такія рукописи, какъ рукопись XVI в. на польскомъ и латинскомъ языкахъ 2-го литовскаго статута; она пріобрѣтаеть для насъ особый интересъ, какъ дополненіе, и быть можетъ, поправка и объясненіе русской рукописи этого же статута, найденной нами случайно подъ искаженнымъ заглавіемъ въ бібліотекѣ Почаевской Лавры¹⁾. Русская рукопись, хотя и не полная, во многомъ однако дополняетъ и исправляетъ напечатанный во «Временникѣ Московскаго Общества исторіи и древностей» подъ редакціей О. М. Бодянскаго списокъ лит. Статута; сопоставленіе всѣхъ этихъ редакцій Литовскаго закона 1566 г. должно дать богатые результаты; въ виду этого, изданіе Статута Щорсовской бібліотеки было бы теперь весьма кстати. Въ числѣ рукописей этой бібліотеки находятся также и письма Богдана Хмельницкаго. Вообще трудно опредѣлять весь интересъ, всю важность рукописнаго матеріала бібліотеки въ краткой рецензіи, и трудъ г. Пташицкаго служатъ весьма цѣннымъ пособіемъ для археографа.

И. Каманинъ.

Д. Айналовъ и Е. Рѣдинъ. Древніе памятники искусства Кіева: Софійскій соборъ, Златоверхо-Михайловскій и Кирилловскій монастыри. Харьковъ, 1899 (стр. 62)

Настоящая брошюра, представляющая оттискъ изъ «Трудовъ педагогическаго отдѣла Харьковскаго историко-филологическаго об-

¹⁾ Рукопись Статута была обязательно прислана изъ Лавры на палеографическую выставку XI-го археологическаго съѣзда и обратила на себя вниманіе специалистовъ.

щества», преслѣдуетъ чисто педагогическіи цѣли. «Въ послѣднее время у педагоговъ, говорится въ предисловіи, явилась благая мысль— знакомить учащееся молодое поколѣніе съ родиной, ея памятниками— при помощи лѣтнихъ образовательныхъ поѣздокъ, устройствомъ (sic) историко-географическихъ чтеній, съ иллюстраціями, воссоздающими предъ ними (sic) различныя наиболѣе интересныя мѣста родины, ея замѣчательныя памятники. Кіевъ... особенно богатъ важными, замѣчательными древними памятниками искусства (sic)... Краткое ознакомленіе съ ними... составляетъ задачу настоящей книжечки, которая можетъ послужить матеріаломъ для указанныхъ выше чтеній, путеводителемъ при личномъ обозрѣніи указанныхъ святынь Кіева».

Само собою разумѣется, что при такой постановкѣ мы неправѣ ожидать чего-нибудь новаго, оригинальнаго. И дѣйствительно, брошюра представляетъ только сокращенное изложеніе спеціальнаго изслѣдованія (тѣхъ же) пр. Айналова и Рѣдина, изданнаго въ 1889 г. подъ руководствомъ пр. Кондакова («Кіево-Софійскій соборъ. Изслѣдованіе древней мозаической и фресковой живописи». Спб. 1889) и соотвѣтствующихъ частей извѣстнаго изданія гр. Толстого и пр. Кондакова «Русскія древности въ памятникахъ быта (выпускъ IV—1891 г. и V—1897). Поэтому мы считаемъ излишнимъ разсматривать брошюру со стороны ея содержанія: названныя сочиненія давно уже пользуются заслуженною извѣстностью не только среди спеціалистовъ, но и въ болѣе обширномъ кругу читателей, и мысль сдѣлать ихъ доступными для юношества заслуживаетъ полнаго сочувствія. Вопросъ только въ томъ, насколько удачно выполнена эта задача: дѣйствительно-ли настоящая переработка принаровлена къ пониманію учащагося юношества? Намъ кажется, что съ этой стороны брошюра пр. А—ова и Р—ина представляетъ существенные недостатки. Она представляетъ, въ сущности, не переработку, а сокращенное изложеніе названныхъ ученыхъ изслѣдованій. Общихъ руководящихъ указаній, необходимыхъ для неподготовленнаго читателя, въ ней совсѣмъ не встрѣчается; это—просто подробное описаніе памятниковъ кіевского искусства съ ссылками на аналогичные памятники искусства византійскаго и западно-европейскаго, едва-ли извѣстные предполагаемымъ читателямъ (особенно часто упоминается церковь св. Марка въ Венеціи и соборъ въ Монреалѣ), и на литературныя произведенія, имъ совершенно неизвѣстныя (напр. Гамиліи монаха Іакова Кокциновобовскаго). Въ этомъ отношеніи спеціальное изслѣдованіе пр. А—ова и Р—ина было бы

болѣе доступно для неподготовленнаго читателя,—въ немъ есть, напр., довольно полный очеркъ апокрифическихъ Евангелій, сказанія которыхъ послужили сюжетами для нѣкоторыхъ фресокъ Софійскаго собора. Въ текстѣ часто встрѣчаются, безо всякихъ объясненій, различные спеціальныя термины, которые тоже останутся непонятными, напр.: абсида, конха, нефъ, патера, лоронъ, стемма, далматика, оранта, денсусъ, (последнее слово опять полюбъ объяснено въ спеціальному изслѣдованіи пр. А и Р.). Наконецъ, по нашему мнѣнію, въ популярной брошюрѣ должны имѣть мѣсто только безспорныя положенія, а не личныя мнѣнія авторовъ, между тѣмъ въ настоящей брошюрѣ встрѣчается два такихъ мнѣнія: это оцѣнка мозаичныхъ изображеній Михайловскаго монастыря и мнѣніе о высокой культурѣ славянъ въ эпоху образованія ими государства, основанное на археологическихъ находкахъ, относящихся къ болѣе позднему времени. Распространяться объ этихъ мнѣніяхъ, принадлежащихъ пр. Кондакову, мы, впрочемъ, не станемъ, такъ какъ уже имѣли случай высказаться о нихъ на страницахъ «Кіевской Старины» (въ рецензіяхъ на «Русскія древности» — вып IV въ К. С. 1892 г. № 1 и вып. V—въ К. С. 1897 г. № 5).

Не смотря на всѣ указанные недостатки, брошюра пр. А—ова и Р—ова заключающая подробное описаніе и объясненіе важнѣйшихъ памятниковъ кіевского искусства, можетъ принести большую пользу тому кругу читателей, для котораго она предназначена (въ особенности, если чтеніе будетъ сопровождаться необходимыми разъясненіями); а многочисленныя, прекрасно исполненныя рисунки (числомъ 70), заимствованныя изъ «Русскихъ древностей», еще болѣе увеличиваютъ ея цѣнность.

В. Щербина.

Корыстни звирятка. Наманъ, йимжанъ и зинсьне щеня (крить). Написавъ О. Степовыкъ. *Зъ малюнками. Изданіе Благотворительнаго Общества изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ. № 1. С.-Петербургъ 1899. ц. 3 коп. 1)*

Какъ извѣстно читателямъ «Кіевской Старины», въ декабрѣ минувшаго года въ С.-Петербургѣ возникло Благотворительное Об-

¹⁾ Кстатн сдѣлаемъ поправку невѣрнаго извѣстія, сообщеннаго нами въ прошломъ номерѣ: „Общество“ не издавало книжки „Мале звирятко“. какъ было у насъ сказано (см. стр. 21-я, 2-го отд.).

щество изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ на понятномъ народу языкѣ, имѣющее въ виду удовлетворить, согласно § 1 своего устава, давно назрѣвшую потребность малорусскаго народа въ такого рода изданіяхъ. Къ сожалѣнію, первые же шаги дѣятельности молодого общества сопровождались крупными неурядицами, возникшими благодаря не въ добрый часъ поднятому въ общемъ собраніи еврейскому вопросу. Неурядицы эти вызвали пререканія на столбцахъ столичной прессы и дали поводъ нѣкоторымъ фельетонистамъ вдоволь позубоскалить и при сей удобной оказіи затронуть малорусскій вопросъ. Все это могло бы имѣть печальныя послѣдствія, убивъ въ зародышѣ доброе дѣло, но, къ счастью, лежащая передъ нами книжка даетъ право предположить, что молодое общество покончило со своими расправами и приступило къ мирной и давно ожидаемой дѣятельности.

Настоящая брошюра заключаетъ въ себѣ три популярныхъ естественно-историческихъ этюда, имѣющихъ цѣлью разсѣять укorenившійся въ народѣ предрассудокъ, будто три звѣрька (летучая мышь, ежъ и кротъ) являются вредными и опасными для человѣка животными и подлежатъ нещадному уничтоженію. Съ этой стороны, конечно, вышеупомянутую книжку надо признать желательной и полезной, тѣмъ болѣе, что составлена она толково и написана хорошимъ языкомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ и другой вопросъ, а именно—нѣтъ ли въ народной жизни предрассудковъ болѣе опасныхъ, вопросовъ болѣе жгучихъ, для разъясненія которыхъ простоядому особенно необходима помощь культурнаго человѣка? Отвѣтъ, кажется ясенъ... Гигіена, медицина, сельское хозяйство, вообще экономическія и правовыя отношенія—все это представляетъ для народа такія дебри, изъ которыхъ онъ не скоро еще выпутается. По этимъ вопросамъ можно и надо издать неодинокъ десятокъ популярныхъ книгъ, что, конечно, потребуетъ немалыхъ денежныхъ средствъ, а ими-то врядъ ли въ достаточной мѣрѣ обладаетъ только что народившееся общество, по крайней мѣрѣ въ настоящее время.

С. Н.

Обоврѣніе журналовъ 1-й половины 1899 года.

Русская Мысль №№ 1—6.

Профессоръ въ деревнѣ. Н. В. Кропивницкой (№ 4, стр. 128—142). Маленькій очеркъ изъ жизни малорусской деревни, въ которомъ въ беллетристической формѣ дается образъ деревенскаго портного Андрія Кривого, прославившагося на весь околотокъ своимъ искусствомъ. Этотъ образъ, вызывающій въ читателѣ симпатію къ себѣ своей несчастной долей съ самаго дѣтства, нарисованъ авторомъ блѣдно, такъ-что типъ ничего собой не выражаетъ. О томъ, что это типъ малорусскій, узнаемъ исключительно изъ словъ самаго автора, да изъ нѣсколькихъ разговоровъ, проведенныхъ на малорусскомъ языкѣ.

Еще о сельскомъ кредитѣ. В. Хижнякова. (№ 6, стр. 131—159). Въ статьѣ разсматривается состояніе волостныхъ сберегательно-вспомогательныхъ кассъ въ Черниговской губ., открытыхъ на основаніи Положенія 7 марта 1840 года, ссудо-сберегательныхъ товариществъ, а также сельскихъ банковъ, учрежденныхъ на основаніи устава 1883 года. Авторъ, какъ бывший председатель Черниговской Губернской Земской Управы, хорошо знакомъ съ положеніемъ и дѣятельностью всѣхъ этихъ учрежденій въ губерніи, и потому въ своей статьѣ даетъ много интересныхъ фактовъ.

Журналъ Мин. Нар. Просв. (№№ 1—6).

В. Сергѣевичъ. Русская Правда и ея списки (№ 1, стр. 1—41). Въ этой статьѣ дается характеристика различныхъ списковъ Русской Правды, которые авторомъ распредѣляются по тремъ *группамъ* или *фамиліямъ*. Каждая такая группа опредѣляется съ ея особенностями и устанавливается время составленія ея. Далѣе дѣлается обзоръ содержанія Правды, приводящій къ выводу, что содержаніе это не взято исключительно изъ какого-либо иностраннаго сборника, а представляетъ отраженіе современной составителю русской обычной и уставной практики. Что касается происхожденія Правды, то авторъ отрицаетъ въ ней оффиціальныи характеръ, а видитъ слѣды частной работы; въ виду этого нельзя считать, чтобы Правда имѣла практическое значеніе, въ смыслѣ руководства при рѣшеніи дѣлъ.

Ө. Леонтовичъ. Сельскіе чиншевики въ Литовско-Русскомъ государствѣ. (№ 2, стр. 285—307). Статья эта, представляющая только начало работы (продолженія въ послѣдующихъ книжкахъ не было),

даетъ указанія на различныя научныя опредѣленія чиншевыхъ отношеній, при чемъ указывается литература предмета. Статья эта, не претендуя на полное и всестороннее разсмотрѣніе чиншевого вопроса въ западномъ краѣ, ограничивается лишь анализомъ доступныхъ въ настоящее время документальныхъ данныхъ, относящихся къ сельскихъ чиншевицамъ въ литовско-русскомъ государствѣ. Въ статьѣ прежде всего разсматривается организація чиншевыхъ отношеній по средневѣковому нѣмецкому и польскому праву, въ связи съ римскимъ ученіемъ объ эмфитевзѣ.

Некрологъ А. А. Скальковскаго, составл. В. Р. (№ 2, современ. лѣтоп., стр. 84—86). Даны краткія свѣдѣнія о жизни и учено-литературной дѣятельности покойнаго.

А. Веселовскій. Три главы изъ исторической поэтики (№ 3—5). Эта статья представляетъ продолженіе начатой печатаніемъ еще въ 1894 году обширной работы автора въ области поэтики. Въ данныхъ книжкахъ журнала мы знакомимся съ теоріей синкретизма древнѣйшей поэзіи и начала дифференціаціи поэтическихъ родовъ, т. е.—первобытная поэзія сочетала ритмованныя, оркестическія движенія съ пѣсней-музыкой и элементами слова, и только постепенно стали выдѣляться обособленные роды поэтическихъ пѣсноубій (№ 3 и 4). Разсматривая по этому поводу разныя формы проявленія поэтическаго творчества у народовъ некультурныхъ и цивилизованныхъ, авторъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ останавливается на фактахъ изъ малорусской народной поэзіи (№ 3, стр. 85, 89, 91—94, 96).

А Шахматовъ. Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей (№ 4, стр. 324—384). Объ этой превосходной статьѣ было сказано уже въ нашемъ журналѣ въ № 6, отд. Библіографія, стр. 159, а подробное изложеніе содержанія статьи передано въ изслѣдованіи А. Крымскаго, *Филологія и погодинская гипотеза* (см. № 9, стр. 295—307).

Сверхъ того, разсмотрѣны: «Вѣстникъ Европы» (№ 1—6) и «Начало» (№ 1—3 и 5, т. е. всѣ вышедшіе въ этомъ году номера), но въ нихъ ничего не оказалось относящагося къ Югу Россіи, кромѣ статьи М. Фридмана «Мечты и дѣйствительность» («Начало», № 5, стр. 29—49-я 2-го отд.), въ которой говорится объ извѣстныхъ артеляхъ, устраиваемыхъ г. Левицкимъ въ херсонской губерніи.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Пѣсни Кубанскихъ и Терскихъ козаковъ для одного голоса и хора съ аккомпаниментомъ фортепіано, сборникъ А. Бундяя. Выпускъ IX.

Обширный трудъ А. Д. Багдая, предпринятый имъ въ 1896 году, успѣшно подвигается впередъ: передъ нами лежитъ уже девятый выпускъ этой интересной работы, и въ непродолжительномъ времени, какъ мы слышали, имѣютъ появиться еще три выпуска, до 12-го включительно. Но и этими двѣнадцатью выпусками изданіе не ограничится, и составитель располагаетъ матеріаломъ по крайней мѣрѣ еще для восьми выпусковъ.

Послѣдній лежащій передъ нами IX выпускъ, составленъ по тому же плану, что и всѣ предыдущіе.

Представляя собою опятно, на прекрасной плотной бумагѣ, изданную тетрадь въ 60 страницъ, выпускъ этотъ заключаетъ 40 пѣсенъ исключительно на малорусскомъ языкѣ; изъ нихъ одна половина пѣсенъ для одного голоса, а другая—для хора.

Bronisław Sokalski: «Powiat Sokalski pod względem geograficznym, etnograficznym, historycznym i ekonomicznym». Lwów, 1899. Nakład Museum im. Dzieduszyckich.

Обстоятельное изложеніе положенія Совалящины (въ Галиціи), ея площади, границъ, водной сѣти, почвы и климата.

Отдѣлъ этнографическій заключаетъ въ себѣ главы о количествѣ и размѣщеніи населенія, характеристикѣ послѣдняго, обычаяхъ, обрядахъ, праздникахъ годовичныхъ, «святахъ» (наиболѣе интересная часть книжки) и, наконецъ, о языкѣ; здѣсь же авторъ приложилъ словарь мало употребительныхъ выраженій, народныхъ «байки» и нѣсколько пѣсенъ, сопровождающихъ работы. Затронуты также авторомъ стороны историческая (Белзь, Сокаль, Крыстынополь, Тартаковъ и Угрыновъ) и экономическая. Въ концѣ приложенъ алфавитный списокъ городовъ, селъ и селеній, а также карта уѣзда (Gazeta Lwowska, № 203).

Въ № 191 галицкаго «Дѣла» помѣщена статья Івана Верхратскаго «Гоя-дюдя и собитка на угорскій Руси», содержащая этнографическіе матеріалы. «Гоя-дюдя» есть видоизмѣненное гагула, гагилка, гавивка, — названіе пѣсенъ, распѣваемыхъ молодежью на «Великдень» и въ свѣтлый понедѣльникъ; приведено нѣсколько вариантовъ. Выѣстъ съ этимъ приводится нѣсколько объясненій игръ: «качкы», «стуци», «крыжкы», «лопта», «гусята», «гѣрчыкы». Нѣкоторыя свѣдѣнія сообщены и о «собиткахъ» (купальскомъ обрядѣ).

Въ № 217 «Дѣла» помѣщена статья П. П. подъ загл. «Зъ педагогичной писательской творчости Юрія Федьковича», въ которой приводится нѣсколько стихотворныхъ и прозаическихъ произведеній, изъ

«Читанки», составленной Фёдоровичемъ для народныхъ школъ, почему-то не вышедшей въ свѣтъ. Изъ стихотвореній приведены «Дытныя, вогныкъ и мама», «Медвидь и бжолы», «Кинь и батигъ», «Наша хата», «Церковь»; изъ прозаическихъ: «Перепелычка» (байка), «Убога тай богачка» (казка).

Въ № 196 «Beilage zur Allgemeine Zeitung» помѣщена статья Ф. Кайндля «Bei den Rusnaken am Pruth und Dniester. Beiträge zur Volkskunde der Ruthenen (У Русиновъ на Прутѣ и Днѣстрѣ). Рядъ суевѣрій, и повѣрій, нѣсколько народныхъ разсказовъ. Оригинальнаго ничего нѣтъ.

Труды Черниовской губернской архивной комиссіи. Вып. 2. Черниговъ, 1899. ц. 1 руб. 20 к.

Вознесенскій I. Церковное пѣніе юго-зап. Руси по ирмологамъ XVII и XVIII вв. Вып. II. и III. Москва.

Малорусскіе разсказы. Изд. Прянишникова и Маракуева. Москва.

Малорусскія сказки. I, вып.—3 к., II вып.—3 к., III вып. ц. 3 к., Изд. Прянишникова и Маракуева.

Воейковъ, Пастернацкій и Сертеевъ. Черноморское побережье. Ц. 3 р. Спб.

Родной край. Сборникъ матеріаловъ для описанія: Воронеж., Курской, Орлов., Черниговск. и др. губерн. Т. III. Орелъ, 1899.

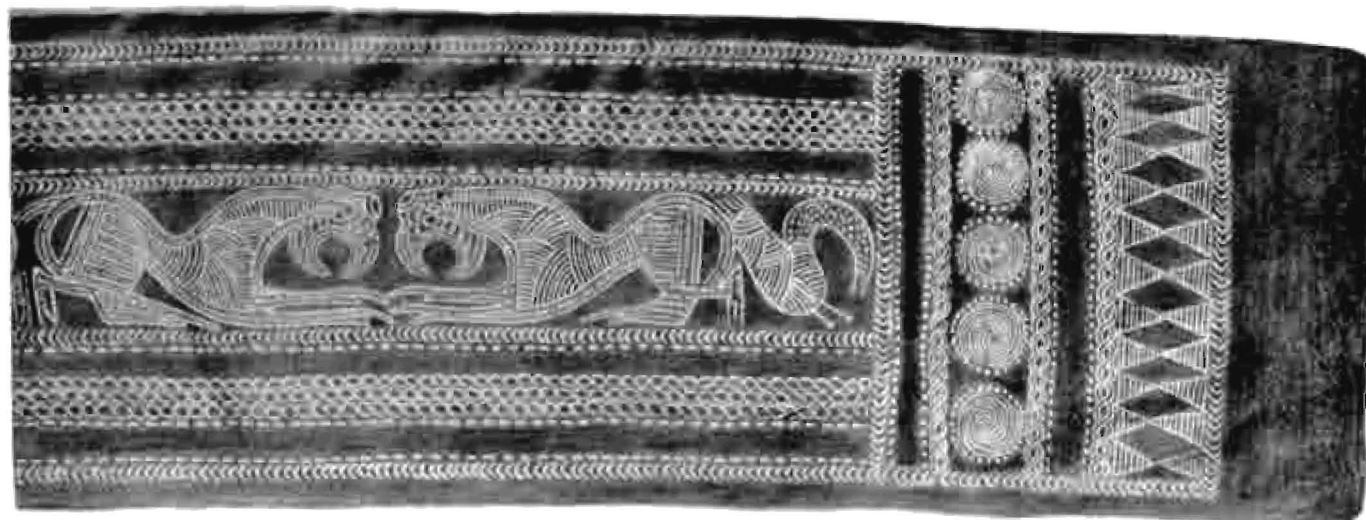
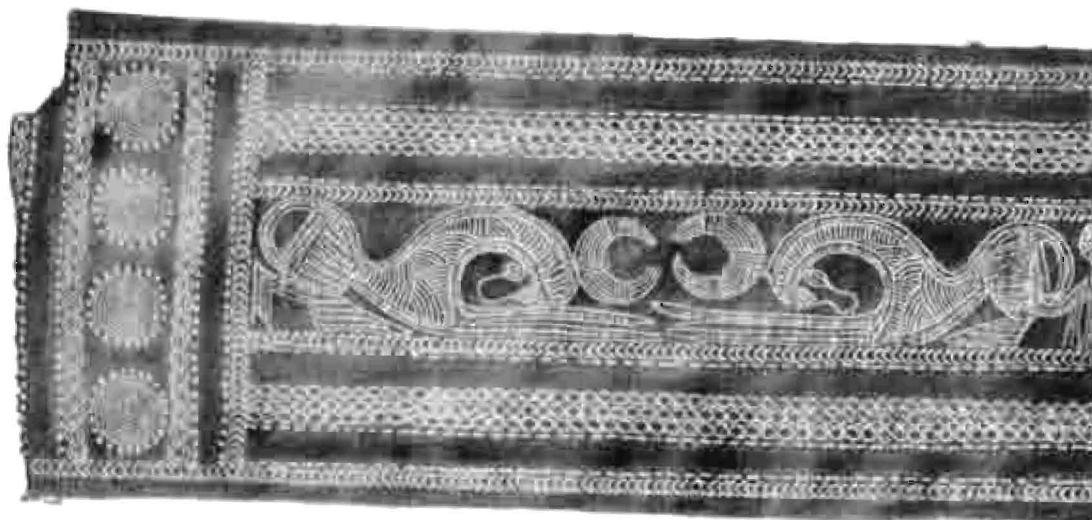
Чешскій В. Задунайскіе Запорожцы Спб. 1899. Ц. 15 коп.

Г. С. Сковорода, украинск. филос.-пропов., стр. 15. *Я. Верховца.* Спб. 1899 г.

«Powiat trembowelski. Szkic geograficzno-historyczny i etnograficzny» *J. A. Baydera* Lwow, 1899.

Поступилъ въ продажу 2-мъ изданіемъ «Сбырнычокъ украинскихъ писень съ нотами». Одесса. Цѣна 20 к., съ перес. 25 к.

Собрано в Кавказском музее.

Медный пояс кавказского типа, найденный в Кавказской губ.

Археологическая летопись.

Исслѣдованія и раскопки.

Раскопки въ с. Козацкомъ, Херсонскаго у. Берегъ Козака, притока Днѣпра у с. Козацкаго, носить слѣды поселенія, существовавшего въ глубокой древности. При расчисткѣ въ 1896 г. земли подъ виноградникъ здѣсь найдено множество черепковъ отъ античной посуды и нѣсколько цѣльныхъ вещей: два круглыхъ металлическихъ зеркала, глиняная лампочка, нѣсколько глиняныхъ пряслиць, мозаичная серьга, кремневый скребокъ и мн. др.,—все это хранится въ херсонскомъ археологическомъ музеѣ. Прилегающая степь покрыта множествомъ кургановъ различной величины, начиная отъ едва замѣтныхъ до высокихъ, съ вершинъ которыхъ открывается далекій горизонтъ. Интересуясь изслѣдованіемъ мѣстной старины, владѣлецъ имѣнія Козацкое, князь П. Н. Трубецкой, пригласилъ сюда на-дняхъ хранителя херсонскаго археологическаго музея В. И. Гошкевича, подъ руководствомъ котораго были вскрыты 7 и 8 сентября три небольшихъ кургана. Одинъ изъ нихъ, еле видимый, заключалъ подъ своей насыпью небольшую могилу, вырытую съ запада на востокъ; въ ней лежалъ скелетъ на спицѣ, ногами къ востоку, съ нѣсколькими приподнятой головой; кисти рукъ покойника были сложены на тазовыхъ костяхъ; правая нога протянута, а лѣвая согнута въ колѣнѣ вправо. Въ другомъ курганѣ насыпь была повыше—около аршина; могила, глубиною въ два аршина, была вырыта въ томъ же направленіи отъ запада къ востоку. Интересно, что западная стѣнка могилы была устроена уступами, на каждой ступенькѣ лежала камен-

ная плита. Къ сожалѣнiю, могила оказалась разграбленной: раздробленныя кости человѣка найдены въ могильной землѣ, а на днѣ могилы, у восточной стѣнки, оказалась полусгнившая рукоятка ножа,—желѣзнаго, судя по сохранившемуся въ рукояткѣ кусочку желѣза. Третій курганъ былъ еще нѣсколько выше: до 1½ аршина. Могила въ немъ была также со ступеньками и также вырыта съ запада на востокъ. На днѣ могилы найдены конскія кости, а человѣкъ былъ въ небольшой пещерѣ, выдолбленной въ западной стѣнкѣ могилы. Покойникъ былъ зарытъ въ сидячемъ положенiи. Въ насыпяхъ всѣхъ трехъ кургановъ, какъ и въ самыхъ могилахъ, попадались большiе камни—мѣстный известнякъ—очевидно, нарочито туда уложенные. Кости всѣхъ трехъ покойниковъ настолько истлѣли, что при сдвиганiи ихъ между пальцами превращались въ порошокъ. Судя по устройству могилъ и способу погребенiя въ связи съ указаннымъ состоянiемъ костей, всѣ открытыя погребенiя должны быть отнесены къ весьма отдаленнымъ временамъ. Князь П. Н. Трубецкой предполагаетъ въ будущемъ году продолжать изслѣдованiе кургановъ на своей землѣ. Найденные нынѣ въ могилахъ два человѣческихъ черепа князь любезно уступилъ херсонскому музею. («Югъ», № 436).

Площадки съ росписными сосудами въ Звенигородскомъ и Уманскомъ уу. Киевской губ. Въ концѣ сентября В. Н. Доманицкимъ произведенъ рядъ развѣдокъ, имѣвшихъ результатомъ открытiе у сс. Колодистаю, Луковки и Песчаной, Звенигородскаго у. и Корсунки и Глубочка, Уманскаго у. площадокъ съ культурой, сходной съ трипольской.

Впервые площадки обнаружены у с. Колодистаю. Въ восточной сторонѣ этого села, на склонѣ, ограниченномъ съ одной стороны огромной глубины каменоломней, а съ другой—ручьемъ Колодистымъ, замѣчена громадная площадь, болѣе 10-ти десятинъ, со слѣдами этой первобытной культуры. Собственно вышеупомянутая каменоломня и дала возможность констатировать присутствiе площадокъ. Занимаясь вообще изслѣдованiемъ окружающей мѣстности въ археологическомъ отношенiи, В. Н. Доманицкiй обратилъ вниманiе и на разрѣзы почвы, образованные выемкой каменоломни. Въ стѣнкахъ ея, на глубинѣ около ½ арш., встрѣтился пластъ пережженныхъ кирпичей и глины, толщиной также около ½ арш., подъ которымъ находилась масса

разнообразной посуды, цѣлой и разбитой. Болѣе тщательное обследованіе привело къ слѣдующему: вся вышеуказанная площадь оказалась занятой площадками, которыя шли, въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи, параллельными рядами, по направленію съ запада на востокъ; всѣхъ рядовъ площадокъ замѣчено до 8-ми, но часть ихъ совершенно уничтожена добываніемъ камня, такъ что доступными для изслѣдованія осталось около 5-ти рядовъ. Непродолжительныя раскопки, которыя можно было произвести въ данной мѣстности, дали уже довольно много интереснаго матеріала. Мы здѣсь имѣемъ цѣлый подборъ сосудовъ изъ красной, желтой и темной глины, въ видѣ горшковъ съ коническимъ дномъ, чашъ и мисокъ, типичныя бивоклеобразныя сосуды, представляющіе нѣкоторый вариантъ съ трипольскими, цѣлыя и разбитыя глиняныя статуетки, нѣкоторыя изъ нихъ фаллическаго характера, глиняное изображеніе птичьей головы кости животныхъ съ несомнѣнными слѣдами обработки, половину, кремневого отбивного ножа и раковины *Unio pictorum*. Многіе изъ сосудовъ украшены или вдавленнымъ орнаментомъ изъ точекъ, насѣчекъ, полосокъ, или росписаны красной, синей и черной красками. Въ одномъ изъ сосудовъ найденъ кусокъ кремня, оббитый со всѣхъ сторонъ, и кости какого-то животнаго. Слѣдовъ металла, какъ здѣсь такъ и въ другихъ мѣстахъ, пока не обнаружено.

Близъ с. *Луковки*, на фермѣ, принадлежащей священнику Н. Доманицкому и занимающей собой плоскогорье, окаймленное съ одной стороны рѣкой Гнилымъ Тивичемъ, а съ другой ручьемъ Колодистымъ, обнаружены подобнаго-же рода площадки. Упомянутое плоскогорье имѣетъ незначительный наклонъ съ сѣвера на югъ къ р. Тивичу, и болѣе значительный съ востока на западъ къ ручью Колодистому; площадки идутъ съ сѣвера на югъ въ 4 линіи; обнаруживаются онѣ на глубинѣ 3—4 вершковъ, и, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, сначала идетъ кирпичъ, сложенный въ 1, 2 и 3 ряда, а подъ нимъ культурный слой; послѣдній, вмѣстѣ съ кирпичемъ, достигаетъ толщины $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ арш. Пробныя раскопки, произведенныя на 6-ти площадкахъ, дали тѣ-же предметы, что и раньше: росписныя сосуды, сосуды въ формѣ бивоклей, фаллическія статуетки. Нужно кромѣ того отмѣтить, что небольшой уголокъ данной площадки отдѣленъ отъ остальной части невысокимъ валомъ, идущимъ отъ Гнилого Тивича къ ручью Колодистому въ направленіи съ юго-востока на сѣверо-западъ. Еще въ прошломъ году тѣмъ-же изслѣдова-

телемъ вскрыта находящаяся на валу могила, относящаяся повидному къ той-же эпохѣ, что и площадки. ¹⁾

Слѣды такихъ-же площадокъ встрѣчены у с. *Корсушки* (*Довемьке—тожь*) на лѣвомъ берегу р. Горнаго Тикича (здѣсь м. п. найдено глиняное грузило въ формѣ усѣченного конуса съ поперечнымъ отверстіемъ у вершины), у с. *Глубочка* на правомъ берегу Горскаго Тикича и на полѣ с. *Песчаной*, въ углу, образуемомъ впадениемъ р. Выси въ Синюху.

Настоящей осенью г. Доманицкій могъ произвести только развѣдочныя раскопки площадокъ; заслуживаютъ-же онѣ болѣе тщательнаго изслѣдованія, такъ какъ представляютъ большой интересъ для болѣе полнаго выясненія вопроса о площадкахъ, еще во многихъ частяхъ довольно темнаго. Но то, что добыто уже и теперь, имѣетъ немаловажное значеніе для вопроса о географическомъ распространеніи этой культуры.

Случайныя находки.

Вокрѣ Книжей горы на береговой возвышенности, носящей названіе «*Вельке Городыще*», а также и вблизи ея въ теченіи истекшаго лѣта встрѣтилось нѣсколько находокъ, указывающихъ на то, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ поселеніемъ скифской эпохи. Находки эти очень типичны: куски посуды—ручной выдѣлки и греческой лакированной, бронзовыя трехгранныя стрѣлы, бронзовыя булавки, привѣски (особенно интересно одно въ видѣ головы дикаго кабана). Въ послѣднее время тутъ-же найденъ цѣлымъ громадный сосудъ 45 см. вышиной.

На самомъ вряжѣ Книжей горы, въ той части ея, которая переходитъ уже въ поле, находился небольшой курганъ; онъ былъ раскопанъ въ 1898 г. Н. Я. Тарновскимъ, и оказался принадлежащимъ той-же скифской культурѣ. Приводимъ дневникъ раскопки этого кургана, сообщенный намъ Н. Е. Бранденбургомъ. Курганъ вышиной около 3 арш., подъ пашней; раскопанъ колодеземъ въ 8 сажень діам. По снятіи насыпи на 1¹/₂ арш., кругомъ колодца обозначился кольце-

¹⁾ Объ этихъ раскопкахъ см. „Археолог. Дѣлопись“ за апрѣль.

образный слой зеленоватаго глинистаго песку, видимо вынутаго изъ материка, до $\frac{3}{4}$ арш. толщиной, но на сѣв. и южной сторонѣ слой этотъ какъ-бы прерывался, образуя родъ двухъ неширокихъ проходовъ. Въ срединѣ колодца, на глуб. $2\frac{3}{4}$ арш. (съ вершины кургана) обозначилась неправильная могильная яма, до 7 арш. въ поперечникѣ, заваленная красноватой песчанистой глиной; съ южной стороны ея оказались слѣды наклоннаго грабительскаго подкона (ок. 2 арш. шир.), направлявшагося отъ края ямы къ вышеупомянутому южному проходу. По сторонамъ этого прохода, въ предѣлахъ колодца, рѣзко выдѣлялись два слоя: съ восточной—черный съ прямѣсю углей и обгорѣлаго дерева, занимавшій до 2 кв. саж., а западной—слой красноватой пережженной земли, около 1 кв. саж.; наконецъ, съ западной-же стороны ямы лежалъ третій слой въ 2 кв. саж., состоявшій также изъ черной земли, съ большимъ содержаніемъ крупнаго угля. Всѣ эти слои были замѣтны и выше, такъ что имѣли въ толщину около 1 арш. На глубинѣ $4\frac{1}{4}$ арш. въ упомянутомъ подкопѣ найдены остатки челов. скелета, но въ безпорядкѣ, а около нихъ нѣсколько черепковъ терракотоваго росписнаго сосуда и орнаментированная пластинка изъ листоваго золота; кромѣ того, въ подкопѣ оказался еще развалившійся человѣч. черепъ, кость ноги крупнаго животнаго, куски красной краски, наборная бронзовая бляшка и бронзовая стрѣлка. Въ самой ямѣ, бывшей глубиней ок. 3 арш., близъ дна ея, найдено лишь нѣсколько разбросанныхъ и обломанныхъ костей человѣка и животныхъ, а также нѣсколько вещей, какъ-то: желѣзный молотокъ съ долотообразнымъ обушкомъ, три наборныхъ бронзовыхъ бляшки и 4 бронз. стрѣлки. Могила, очевидно, была разграблена еще въ древности.

—

На самой *Княжей горѣ* изъ цѣнныхъ находокъ послѣдняго времени можемъ указать на двѣ серебряныя замкообразныя серьги, украшенныя изображеніями птицъ на черненомъ фонѣ и на бронзовую, хорошо патинированную, пластинку съ грубо выгравированными на ней двумя челоуѣческими головами съ распущенными волосами, изображенными въ видѣ зигзагообразныхъ линій.

—

У с. Сахновки, Черкаскаю у. крестьянами случайно вскрыта могила скифскаго типа. При скелетѣ найдены 2 бронзовыя бляшки

въ видѣ заднихъ звѣриныхъ ногъ, бронзовый налобникъ съ птичьимъ клювомъ и конусообразныя бронз. трубочки—наборъ уздечки, затѣмъ большой желѣзный мечъ, 2 жел. наконечника копій, части жел. чешуйчатого панциря и много бронз. наконечниковъ стрѣлъ; изъ предметовъ украшенія оказались всего 2 бронз. булавки, бронзовый браслетъ и стеклянныя бусы.

Разныя извѣстія.

— *Поддѣлка классическихъ древностей въ Кіевѣ.* Въ послѣдніе два года стали появляться на кіевскомъ толкучемъ рынкѣ въ продажѣ мраморныя издѣлія, якобы древне-греческаго производства, найденныя будто-бы при устройствѣ кіевской гавани. Если-бы повѣрить древне-греческому происхожденію этихъ издѣлій, то слѣдовало бы признать, что на мѣстѣ нынѣшняго Кіева находилась одна изъ древнѣйшихъ греческихъ колоній, подобныхъ тѣмъ, какими усѣяны были берега Чернаго моря за нѣсколько столѣтій до Рождества Христова. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что эти издѣлія—новѣйшаго кіевского производства, довольно грубыя, по техникѣ далеко уступающія поддѣлкамъ очаковскимъ и одесскимъ. Въ прошломъ году пишущему эти строки привелось видѣть двѣ такія поддѣлки изъ мрамора, а именно, овальный медальонъ, представляющій грубое воспроизведеніе какой-то монеты понтійско-босфорскихъ царей, съ головой царя, змѣей, перекинутой черезъ столбъ, и съ неосмысленнымъ наборомъ греческихъ буквъ, и во вторыхъ, мраморную дощечку въ $\frac{1}{8}$ листа обыкновенной писчей бумаги. На лицевой сторонѣ этой дощечки вырѣзанъ бюстъ, якобы царя, а надъ нимъ трехстрочная греческая надпись, въ которой есть нѣчто похожее на *царя* и *кесаря*, но никакого собственнаго имени этого царя не выходитъ. 17-го сего сентября пишущему предъявлена подобная мраморная дощечка, найденная будто-бы на кіевской пристани. На одной сторонѣ этой дощечки вырѣзано рельефомъ двѣ змѣи, какъ-бы готовныя броситься одна на другую, и на другой сторонѣ—рельефная-же греческая запись, дающая ясный и

опредѣленный смыслъ, но такой, который самъ по себѣ уже изобличаетъ фальсификацію этого издѣлія. Какъ будто фальсификаторъ хотѣлъ зло насмѣяться надъ неопытнымъ покупателемъ, жаднымъ до классическихъ древностей! Три первыя строки этой записи представляютъ изъ себя греческій текстъ извѣстнаго прмоса «Крестъ начертавъ Моисей», а четвертая состоитъ изъ неосмысленнаго набора греческихъ буквъ. (Кіевское Сл. № 4202)

На достройку *Кіевскаго музея древностей и искусства Н. А. Терещенко пожертвовано 40.000 рублей.* Благодаря этому щедрому дару возможно будетъ уже въ настоящемъ году закончить какъ наружную, такъ и внутреннюю отдѣлку зданія музея.

Лѣтомъ настоящаго года Императорскимъ Эрмитажемъ былъ командированъ въ Кіевъ для разборки и оцѣнки лаврской находки хранитель нумизматическаго отдѣла эрмитажа А. К. Марковъ. Послѣ продолжительной работы А. К. Марковъ представилъ отчетъ Эрмитажу объ этой находкѣ и опредѣнилъ стоимость ея въ 65.000 руб. (вмѣсто 38.000 стоимости по вѣсу металла). Эрмитажъ предложилъ собору лавры уступить ему находку по вышеприведенной оцѣнкѣ. Но въ виду предложеній нѣсколькихъ фирмъ, дававшихъ гораздо большую сумму, духовный соборъ лавры передалъ вопросъ этотъ на усмотрѣніе свят. синода. По послѣднимъ извѣстіямъ, свят. синодъ далъ свое согласіе на уступку находки Эрмитажу; такимъ образомъ, много нумизматическихъ рѣдкостей останется въ Россіи и не уйдетъ за границу, что непремѣнно-бы случилось при вольной продажѣ находки.

Предсѣдатель херсонской губернской архивной комиссіи *Г. Л. Скадовскій* выѣхалъ въ Одесскій у., въ с. Козырку, сосѣднее съ с. Парутинымъ для изслѣдованія въ археологическомъ отношеніи этой мѣстности и производства раскопокъ кургановъ. Въ виду близости этихъ кургановъ къ городищу древней Ольвіи и частаго находенія здѣсь у обрывовъ р. Буга обломковъ греческихъ издѣлій и монетъ, раскопки эти представляютъ большой интересъ. («Югъ»).

Въ Москвѣ, въ Историческомъ музеѣ, выставлена новая обширная витрина, въ которой помѣщается *бронзовый гробъ съ скелетомъ*. Кромѣ скелета въ гробу находится также нѣсколько серебряныхъ чашъ съ затвердѣвшей пищей, волчанъ и сабля; скелеть охватываетъ золотой поясъ. Гробъ со всѣмъ содержимымъ въ немъ найденъ былъ въ прошломъ году при раскопкахъ проф. Н. И. Веселовскаго въ *Кубанской области*. Находку относятъ приблизительно къ XIII в. Скелеть прекрасно сохранился. («Кубанск. Обл. Вѣд.»).

—

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ проф. А. И. Маркевичъ, И. Л. Линниченко и г. Ящуржинскій сдѣлали доклады *о рефератахъ XI-го археологическаго съезда въ Кіевѣ*. Въ общемъ проф. Маркевичъ призналъ, что *Кіевскій съездъ 1874 года былъ поразительно плодотворнымъ*.

—

Послѣ долгаго перерыва вышелъ 2-ой выпускъ *«Чтеній въ церковно-археологическомъ обществѣ»*. Кіевъ, 1899 г. Выпускъ этотъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи: 1) Дача Кіево-Братскаго монастыря «Церковщина», П. А. Лашкарева, 2) О росписаніи стѣнъ и вообще объ украшеніи Кіевскаго Владимірскаго собора Н. И. Петрова 3) Археологическая находка на хорахъ въ великой церкви Кіево-Печерской лавры Н. И. Петрова. О первой и третьей статьяхъ мы уже имѣли случай говорить, 2-ая же непосредственно не касается содержанія нашей «Лѣтописи».

—

Памяти Н. Я. Тарновскаго¹⁾.

Я познакомился съ Н. Я. лишь лѣтомъ 1896 года во время моей раскопки одного большого кургана въ Каневскомъ уѣздѣ, на которую онъ не замедлил пріѣхать верстъ за 10 изъ с. Лазурцовъ, узнавъ о моихъ работахъ, бывшихъ столь близкими его археологическимъ наклонностямъ. Кажется, именно съ этихъ поръ въ Н. Я.

окончательно укрѣпилась страсть къ курганнымъ изслѣдованіямъ, по-крайней мѣрѣ съ этого времени онъ отдался имъ вполне, пользуясь всякой возможностью производить свои раскопки и притомъ уже систематически, съ соблюденіемъ всѣхъ требуемыхъ правилъ; не знаю, какъ было ранѣе, но, кажется, что если онъ и пробовалъ свои силы въ подобныхъ-же работахъ, то лишь, такъ сказать, случайно, въ качествѣ простаго дилетанта, по крайней мѣрѣ по собственнымъ словамъ Н. Я., онъ тогда не имѣлъ еще подготовки и опыта и не усвоилъ значенія необходимости вести дѣло съ опредѣленной цѣлью и надлежащимъ образомъ, чтобы результаты работы получили характеръ научный.

Такъ начинали впрочемъ почти всѣ мы. Н. Я. однако быстро повялъ свои ошибки и, отнесясь съ полнымъ вниманіемъ и любовью къ получаемымъ практическимъ совѣтамъ и указаніямъ, отдался интересовавшему его дѣлу съ полнымъ увлеченіемъ и повелъ его рациональнымъ образомъ, стараясь въ то-же время ознакомиться поближе и съ археологической литературой. Не разъ онъ, напр., обращался и ко мнѣ лично, прося о высылкѣ той или другой книги и душевно радовался, когда ему удавалось добыть какое нибудь, уже сдѣланшееся рѣдкимъ, изданіе. Я увѣренъ, что впоследствии, когда-бы условія его жизни измѣнились, онъ составилъ бы себѣ обширную и прекрасную спеціальную библіотеку, тѣмъ болѣе, что владѣлъ иностранными языками и, слѣдов., имѣлъ широкій доступъ въ литературѣ; вообще, насколько я могъ узнать Н. Я., въ немъ были большіе задатки къ серіозной работѣ, такъ что, найди себѣ эти задатки ранѣе надлежащую почву, если-бы напр. Н. Я. своевременно примкнулъ къ мѣстному кружку людей, интересующихся научными вопросами, то изъ него выработался бы основательный археологъ. Но судьба судила иначе и скосила его въ самомъ началѣ новой его дѣятельности.

Тѣмъ не менѣе Н. Я. успѣлъ оставить послѣ себя слѣдъ своей довольно обширной коллекціей мѣстныхъ доисторическихъ древностей, которую онъ собиралъ, не щадя издержекъ, какъ посредствомъ своихъ

¹⁾ 11-го сентября исполнился годъ со дня смерти Н. Я. Тарновскаго; что бы почтить память его, мы помѣщаемъ въ настоящемъ номерѣ „Лѣтописи“ любезно доставленныя вамъ воспоминанія о немъ Н. Е. Бранденбурга.

Н. В.

личныхъ раскопокъ, такъ и при помощи своихъ спеціальныхъ агентовъ. Не разъ лично при мнѣ въ нему приносили разные вещи не только изъ ближайшихъ окрестностей, но и изъ другихъ уѣздовъ и даже губерній; не разъ случалось, что услышавъ о какойнибудь находкѣ, онъ летѣлъ самъ на мѣсто ея, иногда за 30—40 верстъ, несмотря ни на дурную погоду, ни на сквернѣйшія дороги, чтобы только не упустить случая, и въ результатѣ всего этого коллекція его заключала въ себѣ многіе предметы высокаго археологическаго интереса. Нѣсколько любопытнѣйшихъ находокъ было сдѣлано непосредственно и имъ лично; такъ, мнѣ извѣстна его раскопка одного кургана въ Черкасскомъ уѣздѣ, именно на Княжей Горѣ, гдѣ ему удалось сдѣлать даже важное, едва-ли не первое въ своемъ родѣ открытіе, именно констатировать существованіе могилъ бронзоваго вѣка въ среднемъ Приднѣпровьѣ, что до сихъ поръ отвергалось многими археологами, но, очевидно, преждевременно, такъ какъ въ упомянутомъ случаѣ Н. Я. открылъ глубокую курганную могилу съ слабыми остатками человѣческаго скелета, при которомъ между прочимъ оказался бронзовый дельтъ! Извѣстна мнѣ его-же раскопка въ Каневскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ нашелъ интереснѣйшій экземпляръ вооруженія Скифо-сарматской эпохи и друг. Вообще въ коллекціи Н. Я., сколько могу припомнить, находилось нѣсколько подобныхъ-же лично имъ сдѣланныхъ находокъ, представляющихъ выдающійся интересъ, но къ сожалѣнію оставшихся неизданными, но еще болѣе заключалось предметовъ изъ числа находокъ случайныхъ, скупленныхъ имъ изъ разныхъ рукъ, между которыми были, напр., очень рѣдкіе образцы оружія бронзоваго вѣка (особенно замѣчательны экземпляры короткаго меча и копья, пріобрѣтенные имъ за довольно дорогую цѣну); находились такіе рѣдчайшіе экземпляры, какъ, напр., боевой топоръ-молотъ изъ рога и др.; кромѣ того у него-же было собраніе мѣстныхъ находокъ римскихъ монетъ, не мало цѣнныхъ предметовъ позднѣйшаго княжескаго періода, былъ, напр., замѣчательнѣйшій въ своемъ родѣ экземпляръ прекраснаго съ перегородчатой эмалью энколпіона, собраніе разныхъ бытовыхъ древностей и т. д. Вся эта коллекція, подробно зарегистрированная покойнымъ, доходила до нѣсколькихъ тысячъ номеровъ, но какая участь ее постигла нынѣ, мнѣ неизвѣстно.

Да, жаль Николая Яковлевича, какъ начинавшаго и обѣщавшаго археолога; изъ него вышелъ-бы одинъ изъ усерднѣйшихъ мѣстныхъ

дѣятелей въ этой области и не пассивный лишь коллекционеръ, но работникъ на пользу археологіи. Жаль, что онъ не успѣлъ даже издать собранныхъ имъ матеріаловъ, о необходимости чего не разъ говорилъ мнѣ. Нельзя не отмѣтить въ Н. Я. и той черты, что онъ на научные интересы смотрѣлъ шире, чѣмъ многіе. Кто напр. еще при жизни своей, будучи самъ рьянымъ собирателемъ древностей, рѣшился бы безкорыстно поступиться обладаніемъ нѣсколькими интереснѣйшими въ своемъ родѣ предметами въ пользу учрежденія правительственнаго или общественнаго? Въ коллекціи Н. Я. былъ любопытнѣйшій экземпляръ вооруженія Скиво-сарматской эпохи (мечъ, два коныя, наборный кожаный поясъ и остатки колчана съ бронзовыми стрѣлами) и когда я намекнулъ ему, какой интересъ и значеніе имѣютъ эти предметы для собранія подобнаго рола древностей Историческаго Артиллерійскаго музея въ С.-Петербургѣ, то Н. Я. не поколебался подарить эту свою находку послѣднему! Другой разъ былъ доставленъ очень рѣдкій экземпляръ древняго шлема изъ одной курганной могилы, разграбленной кладовщиками и Н. Я., услышавъ мнѣніе (на этотъ разъ отъ другого лица), что подобныя вещи особенно важны для специальныхъ коллекцій того-же музея, снова не задумался пожертвовать шлемъ послѣднему!.. Имѣя напр. въ своемъ распоряженіи всѣ курганы на обширныхъ земляхъ своего отца, слѣдов., матеріалъ лично для него цѣнный и крайне интересный, онъ тѣмъ не менѣе въ уважительныхъ случаяхъ не дѣлалъ изъ него запрещеннаго для постороннихъ изслѣдователей плода и не только дѣлился имъ на пользу общую, но содѣйствовалъ даже своей личной помощью и притомъ безъ всякихъ эгоистическихъ разсчетовъ. Все это черты не заурядныя, рекомендующія ширину воззрѣній Н. Я. на научные интересы и много говорятъ въ пользу покойнаго.

Касаясь нравственнаго облика Н. Я., нельзя умолчать п о томъ, съ какою готовностью онъ всегда спѣшилъ на оказаніе медицинской помощи обращающимся къ нему. Н. Я. обладалъ нѣкоторыми медицинскими познаніями, прибрѣтенными имъ по собственной инициативѣ на специальныхъ курсахъ за границей, такъ что къ нему нерѣдко обращались за совѣтами даже не одни мѣстные крестьяне. Я самъ не разъ пользовался его помощью и не разъ былъ свидѣтелемъ, какъ напр. въ его квартиру въ Лазурцахъ собирались десятками мужики изъ окрестныхъ деревень въ тѣ дни, когда мы съ нимъ произ-

водили раскопки по сосѣдству и могли прїѣзжать домой обѣдать. Несмотря на то, что, пробывъ на работѣ съ раннаго утра, мы оба крѣпко жаждали хотя-бы кратковременнаго отдыха, Н. Я. немедленно принимался за больныхъ, затѣмъ наскоро обѣдалъ и вмѣсто отдыха снова выходилъ къ нимъ, а покончивъ, уже надо было снова отправляться на работы; иногда въ эти промежутки ему проходило даже уѣзжать за нѣсколько верстъ для поданія помощи заболѣвшему. Помню, разъ въ Черкасскомъ уѣздѣ, послѣ утомительнаго рабочаго дня, когда больше ни о чемъ и думать-то не хотѣлось, какъ лишь-бы скорѣе напиться чаю да лечь спать, къ намъ на убогой телѣжонкѣ прїѣхалъ какой-то мужикъ просить Н. Я. навѣдать больного, и измученный Н. Я., не взирая на усталость, немедленно потащился куда-то верстъ за пять... Признаюсь, мнѣ при данныхъ условіяхъ это показалось просто подвигомъ!

Какъ товарищъ на работахъ, Н. Я. былъ незамѣнимъ. Всегда готовый на всякое археологическое предпріятіе, всегда добрый и энергичный, не взирая ни на пыль, ни на жару, ни на дурную погоду, онъ былъ неопцѣненнымъ помощникомъ и сотоварищемъ. Немало дней и ночей мнѣ пришлось провести бокъ о бокъ съ нимъ то въ тѣсной крестьянской хатѣ, то въ палаткѣ среди поля, и ни разу онъ не возбудилъ противъ себя какого либо, даже скрытаго неудовольствія, хотя разница въ лѣтахъ между нами была большая. Деликатный и внимательный, онъ невольно подкупалъ къ себѣ; никакія лишенія его не пугали; хлебали, бывало, мы съ нимъ недѣлями на раскопкахъ и крестьянскій борщъ и щи собственнаго на керосиновой кухнѣ издѣлія, но это нисколько не вліяло на его настроеніе и не охлаждало рвенія къ работамъ, а между тѣмъ онъ въ жизни своей впдѣлъ много, былъ членомъ семьи богатой, привыкъ къ полному довольству и въ свое время даже пожилъ очень широко, о чемъ любилъ вспоминать, провизирруя впрочемъ надъ ошибками своей молодости и называя себя въ шутку «когда я былъ аркадскимъ принцемъ»!.. Все это рисуетъ его добродушіе и невольно возбуждало къ нему симпатіи.

Н. Я. можно сказать, палъ жертвой своего увлеченія археологіей. Въ прошломъ августѣ онъ во время нашихъ совмѣстныхъ раскопокъ имѣлъ неосторожность, или несчастье, напиться дурной воды и зара-

зился брюшнымъ тифомъ. Вскорѣ затѣмъ мы перебрались въ с. Ромашки Каневск. уѣзда, гдѣ расположились въ палаткѣ на небольшомъ курганномъ кладбищѣ; здѣсь Н. Я. уже началъ чувствовать недомоганіе, но боролся съ собой и уже полубольной сдѣлалъ все таки со мной еще археологическую экскурсію по Днѣпру. Въ ночь на Успеніе погода вдругъ перемѣнилась, поднялся пронзительный холодный вѣтеръ, пронизывавшій насквозь палатку, и въ результатѣ мы оба простудились. Я отдѣлался отчаяннымъ флюсомъ, Н. Я. почувствовалъ себя настолько худо, что несмотря на свое самообладаніе вынужденъ былъ оторваться отъ своихъ любимыхъ раскопокъ и спѣшить вернуться въ свою новую резиденцію въ с. Пекаряхъ, гдѣ у него была на Днѣпрѣ усадьба. Не могу не вспомнить в тутъ объ одномъ фактѣ, рисующемъ всю неисчерпаемую любезность этого человѣка; Н. Я., зная, что мнѣ придется перенести раскопки въ Ромашвахъ версты за 4 отъ селенія и что ежедневно туда путешествовать будетъ довольно тягостно, счелъ возможнымъ пожертвовать своими личными удобствами и, несмотря на свое болѣзненное состояніе, отѣхавъ верстѣ 10, вернулъ обратно свою четверку лошадей съ экипажемъ въ мое полное распоряженіе, а самъ поѣхалъ далѣе на чужихъ! Кто другой это сдѣлаетъ!.. Таковъ онъ былъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ я могъ видѣть.

Покончивъ раскопку, я поѣхалъкъ нему въ Пекари проститься передъ моимъ отѣздомъ изъ Кіевской губерніи. На дорогѣ встрѣтилъ его отца, возвращавшагося изъ Пекарей и передавашаго мнѣ, что хотя Н. Я. боленъ серіозно, но опасности нѣтъ, а между тѣмъ дни послѣдняго были уже сочтены... Въ Пекаряхъ, какъ оказалось, Н. Я. лежалъ уже на смертномъ одрѣ и умиралъ въ одиночествѣ, лишь среди своихъ любимыхъ древностей; при немъ находилась только сестра милосердія и два дня пробылъ я, не подозрѣвая, какъ и всѣ его родные, приближающейся катастрофы. Онъ находился въ полномъ сознаніи и, лежа въ постелѣ, попрежнему интересовался археологіей, глубоко сожалѣлъ, что не въ состояніи сопроводить меня въ Екатеринославскую губернію на дальнѣйшія мои раскопки и предавался будущимъ планамъ. Однимъ изъ послѣднихъ его мечтаній было принятіе у себя на исторической Княжѣй Горѣ въ Пекаряхъ предстоящаго въ 1899 г. Археологическаго съѣзда, когда послѣдній будетъ совершать свои проектированныя экскурсіи, и въ числѣ организаторовъ котораго онъ состоялъ въ качествѣ члена Распорядительнаго Комитета;

мечталъ сдѣлать пріемъ этотъ при особой археологической обстановкѣ, хотѣлъ встрѣтить съѣздъ на Княжей Горѣ при освѣщеніи ея вечеромъ кострами и смоляными бочками, встрѣтить хлѣбомъ—солью; его очень забавляла мысль, какъ будутъ «рабы» разносить вино въ древнихъ амфорахъ, занимало, какое оживленіе вызоветъ въ присутствующихъ эта оригинальная обстановка, какія рѣчи будутъ раздаваться на Княжей Горѣ, и т. д.; но помимо этого онъ еще болѣе интересовался будущей научной дѣятельностью съѣзда, на которомъ предполагалъ внести и свою лепту, именно сдѣлать докладъ о новыхъ находкахъ римскихъ монетъ въ среднемъ Придніпровьѣ. Мечтамъ его однако не суждено было осуществиться;—28 августа я простился съ Н. Я., никакъ не думая, что вижу его въ послѣдній разъ, а недѣли три спустя былъ пораженъ извѣстіемъ, что 11-го сентября его уже не стало... Произошли какіе-то усложненія въ болѣзни и послѣдняя свела Н. Я. въ преждевременную могилу. Бѣдняга закрылъ глаза одинъ, въ своихъ любимыхъ Пекаряхъ, не имѣя утѣшенія видѣть около себя нкого изъ близкихъ людей.. Миръ праху твоему дорогой соотарищъ.

Н. Бранденбургъ.

Н. П. Черневъ.

(Некрологъ).

3 октября скончался, послѣ продолжительной и изнурительной болѣзни, одинъ изъ видныхъ мѣстныхъ археологовъ Н. П. Черневъ. Покойный, сынъ генераль-маіора, родился въ 1858 г. въ Оренбургѣ. Высшее образованіе покойный получилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, по окончаніи котораго въ 1880 году поступилъ на службу въ главное военно-судебное управленіе. Отсюда въ томъ-же году онъ былъ командированъ въ военно-юридическую академію для слушанія специальныхъ курсовъ, гдѣ и оставался до 1881 года. Послѣ этого онъ былъ командированъ для практическихъ занятій въ оренбургскій военно-окружной судъ, а вскорѣ затѣмъ, 22 авг. 1881 г., назначенъ кандидатомъ на военно-судебныя должности при кіевскомъ военно-

окружномъ судѣ. Но и поступивъ на службу, покойный продолжалъ свое самообразование и готовилъ магистерскую диссертацию «О преступленіяхъ противъ женской чести».

Въ Кіевѣ онъ предался наукѣ и оставилъ службу; особенное вліяніе имѣлъ на него проф. Кистяковскій, читавшій лекціи по обычному русскому праву.

Но 13 января 1885 г. скончался профессоръ Кистяковскій, и Н. П. Черневъ, встрѣтивъ неожиданное препятствіе въ своихъ учено-юридическихъ занятіяхъ, постепенно сталъ увлекаться памятниками русской древности, которыми такъ богатъ нашъ Кіевъ, и даже составилъ свою небольшую коллекцію русскихъ монетъ. Эти археологическія стремленія его опредѣлили собою дальнѣйшіе шаги его жизни. Въ 1887 г. онъ поступилъ въ С.-Петербургскій археологическій институтъ, гдѣ и окончилъ курсъ съ отличіемъ, со степенью дѣйствительнаго члена его. Въ 1890 г. онъ поступилъ на службу въ канцелярію кіевского, подольскаго и волынскаго генераль-губернатора, гдѣ въ послѣдніе годы и до самой смерти занималъ должность старшаго помощника дѣлопроизводителя. Подкрашавшая къ нему въ этотъ періодъ жизни его злая болѣзнь не дала ему возможности выдвинуться далѣе на служебномъ поприщѣ. Но и въ этотъ періодъ времени Н. П.—чѣ не оставилъ научныхъ стремленій своихъ, закончилъ свою магистерскую диссертацию и составилъ на свои не богатые средства не большую, но рѣдку, тщательно и осторожно подобранную коллекцію крестиковъ и образковъ великокняжеской эпохи изъ раскопокъ на Княжей Горѣ, близъ г. Канева и др. мѣстъ. Она экспонировалась во время мнувшаго XI археологическаго съѣзда въ Кіевѣ въ одномъ изъ залъ новооткрытаго музея кіевского общества древностей и искусствъ. Даже и въ домашней жизни, и въ обстановкѣ покойный любилъ окружать себя предметами, носящими печать художественной старины.

Изъ этого уже краткаго перечня обстоятельствъ жизни покойнаго можно видѣть, что вся его сравнительно не долгая жизнь проникнута была уюромъ стремленіемъ къ самообразованію, къ свѣту и истинѣ. И, дѣйствительно, рѣдко въ наше время, особенно въ провинціи, можно встрѣтить людей съ такимъ широкимъ образованіемъ и съ такою искреннею любовію и стремленіемъ къ научнымъ изысканіямъ въ области русской науки и въ частности археологіи, какими отличался покойный Н. П.—чѣ. Ученія общества въ Россіи

цѣнили его богатую эрудицію и избирали его въ свои члены. Такъ, онъ состоялъ дѣйствительнымъ членомъ кіевскаго юридическаго общества, С.-Петербургскаго археологическаго института, Императорскаго русскаго археологическаго общества, московскаго нумизматическаго общества, кіевскаго историческаго общества Нестора лѣтописца и церковно-археологическаго общества при кіевской духовной академіи. Къ этому послѣднему обществу и особенно къ его церковно-археологическому музею покойный имѣлъ, можетъ быть, и по мѣсту своего жительства, особенно близкія отношенія: снабжалъ его дублетами изъ своихъ коллекцій и, совмѣстно съ А. Ф. Новицкимъ, составилъ описаніе монетныхъ коллекцій церковно-археологическаго музея, остающееся въ рукописи. Намъ извѣстны слѣдующіе печатные труды покойнаго:

1) «Нѣсколько словъ по поводу книги Его Императорскаго Высочества, Великаго князя Георгія Михайловича: «Описаніе и изображеніе нѣкоторыхъ рѣдкихъ монетъ моего собранія»,—библиографическая статья въ «Трудахъ Кіевской дух. Академіи», за іюнь 1886 г., и отдѣльными оттисками.

2) «Замѣтки о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ», С.-Петербургъ, 1888 г. (напечатанныя по распоряженію С.-Петербургскаго археологическаго института).

3) *Quelques monnaies russes rares ou inédits.* (Extrait de l' *Annuaire de la Société française de numismatique*, année 1888). Масон. 1888.

4) «Замѣтка о загадочной фигурѣ на монетахъ Великаго Княжества Кіевскаго», Б.(олсуновскаго и Ч.(ернева). Кіевъ, 1889.

5) «Е. И. В. Великій Князь Георгій Михайловичъ. Монеты царствованія Императора Николая I. С.-Пб. 1890. Ф^о. XII+28 і стр., съ портретомъ и 41 таблицей,—библиограф. статья въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», октябрь, 1890 г., стр. 412—415, и отдѣльными оттисками.

6) «Историческія замѣтки о трехъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи» (Мазеницахъ, Выдубицкомъ монастырѣ и Княжей Горѣ) въ «Сборникѣ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ Кіевѣ въ частныхъ рукахъ», издававшемся въ 1890—1893 гг. покойнымъ Н. А. Леопардовымъ при сотрудничествѣ Н. П. Чернева и даже предпринятомъ по его идеѣ, вып. I, 1890 г. стр. 11 и 12.

7) «Замѣтка о неязданныхъ и рѣдкихъ монетахъ», тамъ-же, вып. 3—4, 1891 г. стр. 7—13.

8) «О вѣживскихъ сребренникахъ съ именемъ Петра», тамъ-же, стр. 21—28

9) «Нѣсколько словъ по поводу вновь найденнаго экземпляра «Ярославля серебра» скандинавскаго типа, въ «Трудахъ Московскаго Нумизматическаго Общества», первый полутомъ, Москва, 1893 года, стр. 97—102.

10) «Каменные и глиняныя иконки княжеской эпохи», съ таблицею снимковъ съ 9-ти предметовъ, въ «Кіевской Старинѣ» за августъ сего 1899 г., въ «Археологической лѣтописи Южной Россіи»,—стр. 91—97, и въ особыхъ оттискахъ этой лѣтописи. Статья основана главнымъ образомъ на предметахъ изъ собственной коллекціи покойнаго.

Кромѣ того, покойный Н. П. Черневъ негласно принималъ дѣятельное участіе въ приготовленіи къ изданію К. В. Волсуновскаго «Дрогоичинскіи пломбы, ч. I, съ XXI таблицей». Кіевъ, 1894.

Не можемъ указать другихъ печатныхъ трудовъ покойнаго ученаго, такъ какъ часто онъ по скромности или подписывался только инициалами подъ своими статьями, или-же и совсѣмъ не подписывался.

Послѣ покойнаго Н. П. Чернева остались—вышеупомянутая коллекція крестиковъ и образковъ великокняжеской эпохи, полученныхъ изъ раскопокъ «Княжей Горы», и его магистерская диссертация «О преступленіяхъ противъ женской чести», въ рукописи, но совершенно обработанная и законченная въ научномъ отношеніи. И лучшею памятью по покойникѣ, а вмѣстѣ и подаркомъ для науки, было-бы приобрѣтеніе археологической коллекціи его, въ цѣломъ ея видѣ, однимъ изъ кіевскихъ археологическихъ музеевъ и напечатаніе его магистерской диссертации въ какомъ-либо ученомъ журналѣ.

Н. П.

Не могу не прибавить и отъ себя нѣсколько словъ къ выше приведенному некрологу Николаю Павловича Чернева. Я познакомился съ Ник. Павл., когда у меня только что проявились стремленія къ изученію памятниковъ мѣстной старины; въ лицѣ Ник. Павл. и жены его Ольги Морицовны, неизмѣнной спутницы его трудовой жизни,

живо интересовавшейся всѣмъ тѣмъ, къ чему лежало сердце покойнаго, я нашелъ людей дѣйствительно преданныхъ дѣлу, людей искреннихъ и отзывчивыхъ. Многимъ я обязанъ Ник. Павл., направлявшему мои первые шаги въ данной области; невольно вспоминаются тѣ частые вечера, когда въ небольшой квартирѣ покойнаго собирались люди, интересующіеся той или другой областью прошлой жизни, вспоминаются тѣ бесѣды, которыя велись по разнымъ вопросамъ нумизматики и археологій, причемъ Ник. Павл., при его громадной эрудиціи, съ готовностью дѣлился своими знаніями, давая указанія и совѣты... Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ; нѣсколько измѣнилась внѣшняя обстановка жизни, подкралась за тѣмъ болѣзнь.. Но не измѣнились симпатіи, не уменьшилась любовь къ дѣлу. Въ послѣднее время покойный еще съ большей энергіей чѣмъ прежде занялся собираніемъ и изученіемъ памятниковъ княжеской эпохи нашего юга; со всегдашней отзывчивостью согласился участвовать въ «Археологической Лѣтописи», въ которой и помѣстилъ нѣсколько замѣтокъ. Уже будучи въ постели, среди приступовъ тяжелой болѣзни, Ник. Павл. продолжалъ интересоваться любимымъ предметомъ. Трудно найти еще большую безкорыстную преданность дѣлу, какая была у покойнаго. Тяжело думать, что его уже нѣтъ...

Н. Б.

VII.

Затѣ жъ и для ихъ булò татусъ и матуся! Рыбки тамъ хо, рóшой достануть булò, яловку вбъють, баранчя зарижуть,—и рыбки булò имъ, и мяса. А вже що мы, диты: пирождечкы въ повитци, чы тамъ яки други моторжѣныкы—„И дидови жъ-прòби и баби!“ и однò передъ другимъ изъ рукъ у матуси! Те вѣже: „Я однесу!“ а друге: „Я!“

И вже булò оцѣ Велькдень Божый прыйде, абò Риздвò; на пѣрвый день гости не издять, не годытця,—и прыхдять булò обде. И ихъ булò: и въ свитлыцю, и горилочкы, и всякои всячынны... пòштуотця, идять любѣнько. Иноди булò й воны до себе прòсятъ, то й до ихъ идуть, и у ихъ тежъ. А зъ празныкомъ тамъ поздоровыть, посыпѣть чи-щò—завжды булò вже насъ посылають. Я николи не забуду, якъ мы булò щедрувѣть до ихъ!...

Споряджють булò насъ, якъ отъ зъ кутѣю до бабуси: и сорочки всямъ били, и всяку нову одѣжыну; стричòкъ булò тилькы немѣ въ застижки, якъ толи. Чòгò се такъ рѣды щѣдрого вѣчора—не звѣю; тилькы, кажу,—такъ.

И вже якъ спорядять булò насъ, гуртòмъ мы, зъ стардòю Кылыною—вянькувѣла у насъ, колò мѣншого брѣта.

„Благословить, хазяине и хазяйко, щедрувѣть!“

А воны, мовъ насъ и не сподивѣлись, сыдять соби, а и понапикувано, и попрыбирано, и въ новыхъ сорочкѣхъ!...

„Щедруйте“, вѣжуть.

Мы и почнемò: Кылына завòдыть, а мы за нѣю. И якъ ужѣ „добрывечиръ, давайте дохидъ!“ — „Спасыби, прохòдьте“, вѣжуть, и просятъ садовытьця!

А якъ пороздягаемось, якѣ ушта намъ пиде!... И варѣныкы, и млынци (дуже смашни робыла ихъ бѣба Мыныха!), и груши, и яблука сушени. Тилькы лакомише всѣго булò—ти горихы-чорнобрывци, абò ще насиння зъ волòськыхъ гарбузивъ: нигдѣ

було такдо нема, якъ у ихъ; такъ уси було й кажутъ, що у Мынь правдыви волдськи гарбузы.

Такъ-то було мы колысь!.. Вонд ни ыгривъ не було ніякихъ, ни крыку, ни гѣму, якъ звычайно диты любять, а вѣсело було!.. Якосъ такъ тыхо-вѣсело, тепло-вѣсело!.. Мовъ оцѣ матуся коло себе, тѣплымъ одяльцемъ прыгорнула, и казочку тоби, про жарь-птыцю, абб про ти садкы, де сонечко ясно свитыть, витрѣдь тыхо не-повиваѣ, а на яблунькахъ однѣ золотѣ яблучко, друге срибне, однѣ золотѣ, друге срибне..

Дидь Мына було зъ Кылыною колд стѣлу, тыхенько баллакають; а мы коло бабы Мыныхы, на полу, и тилькы стукъ-стукъ горішкы! хрумъ-хрумъ!.. А та, то тому помѣже, то другому! Та ще й прыговѣрюе, шуткуе: „Пѣ лобу ёгѣ“, каже „Васюню, пѣ лобу! лулусы!“ Абѣ: „А ну, Мѣню, якъ мышка, а ну?“ То Мѣня и справди, мовъ мышка: вхопыла двѣма палюшкамы ядѣрце, мовъ та лѣпками, и грызь ёгѣ! та ще й голѣвкою!..

Ыноди було росказуе намъ, якъ ти горішкы збирають мышы и билкы, и якый-то звирѣкъ втишний билка, якъ на хвосты литѣ. А ыноди и справди казку яку росказуе, абѣ що ыше—вонѣ вже вмила, що пидъ такый часъ. И мы ыноди було такъ заслухаѣмосъ, що й горішкы забудемо, товкачечкы зъ рукъ повыпадають, а котрѣ—такъ и заснѣ!.. А вона намъ тыхенько такъ, тыхенько!.. „Оттакъ“, каже, „диточкы, и оттакъ та собака просыла Бѣга!“ то намъ и справди, мовъ мы Бѣга бѣчымо и святѣго Петра!.. Поля великыи, хлибѣ высѣбы, кѣлосъ ажъ до земли, а Богъ обшмѣргуетъ кѣлосъ, обшмѣргуетъ: а собака на заднихъ ногахъ, прѣсыть Бѣга: „Щѣ жъ я“, каже, „заподіяла такѣ? за що жъ мени“, каже, „гынуты?“

А якъ поодягають було насъ до-дѣму, пидхѣптыть було старый менѣ на рувы, тулыть-тулыть до себе, цилуетъ-цилуе!.. а ыноди було и заплакнѣ!.. „Чомъ-то“, каже, „въ мѣне нема такѣгѣ малѣнького хлѣпчыка!“ (не було у старыхъ дитей: була вольтъ дочкѣ, та й та вмѣрла). Ыноди було такъ менѣ и ажъ до-дѣму: шало було, бѣроду ёму скребу, усъ въ ротъ запыхаю... Магырку зцуплю, волосся кудлаю... „Хи-хи-хи!“ було,—скрыпъ-

скрыпць! мовь... Хрестъ хыба тилькы теперь надъ тобю скрыпць, праведная душе!

УШ.

Хазяйствечко у покійныквѣ, якъ и попереду казавъ, гарненьке булò: овечятъ було зъ десятокъ, корòва, а шводи й дви, воливъ пара—гарненьке, кажу. И все те, знáете, выкохане такé, повнобòке: звисно, зàвжды вонò скотына лучча, якъ ии и изъ рукавá ще, якъ то кáжуть. И якъ булò стари втишаютьця тымъ всимъ! А найпáче булò своимъ пивнемъ и своими волáмы. Та не тилькы булò вони ными втишаютьця, а и вси булò въ хутори.

Пивень у ихъ... винъ и прòбстый соби бувъ доморòблый такы, и не тè, щòбъ сказáть велькый, абò-щò—якъ и звчáйно пивень; тилькы такый же то бувъ залырака, и такый лыхий!... Ёгò вже такъ булò й звуть: Лыхий кáжуть, абò: Задырака. „Чы бáчыте“, мовъ, „щò рòбуть Мынышынъ Лыхий, абò: Мынышынъ Задырака?“ И такый же то винъ бувъ зàвжды: задрьпаний такый, обскублений, грèбинь ёму поклеваний, крыла мовъ деркачи. А вже щò хвистъ, то не высять булò косыци, а по земли зàду, мовъ помелò; и въ грязюци таки, абò въ пищузи, глядя, де тамъ валасáвся, або де воювавъ.. Бо зàвжды булò, тилькы ёму и дила, щò воюе! Оцè булò тилькы де забачыть пивня, то вже и пустывся... и такъ же тоби, ажъ гòлову простягне. А те помелò зàду—тилькы ковыль, ковыль!... майгалáетця.. И якъ доженè, пидниме таку бучу, щò й ихъ не выдно за пищугòю,—тилькы пирья вгори, мовъ подушку щò распустыло! И вже, якъ булò тамъ ни побьють ёгò, кровъ ажъ юшáтъ зъ грèбиня, пирья покострубáчене; а накубся, стрепенувся, пиднявъ гòлову, и пишòвъ выступцемъ, мовъ генорáль якый въ пери! мовъ не ёго попобылы, а винъ попобывъ, и прòбья кукурику, та й вукуруку! нáша, мовъ, взялá!...

Пречудный, кажу, бувъ врáжий пивень! Оцè булò идуть стари зъ дòму, пòле тамъ, абò-щò: „Гляды жь“, кáжуть, „Задырако, стережы намъ хаты!“—шуткують, знáете; то винъ нибы

и справди розуміє: заляпа деркачами, и „ку-ку-ри-куу!“ Добре, мовъ, добре! И вже й справди не одійде одъ хаты, все кругомъ неи! И такъ же то напызтыся тобі, надметця... и вступъ такъ пышно, мовъ и справди Москаль на варті! Тилькы пызтыця-пызытыця, дметця-дметця, остогыдіє бидному, поскубтысь бы вже хотъ трѣшки,—такъ вразькы жъ пивни по огородахъ, та по токахъ: звисно лито; то и почне тоди, щѣ ни трапытыця. Собака оцѣ навѣрнетця до хаты, стала проты виква и нюшыть, задрывшы гѣлову, ласенько щось видтиля чутнѣ... кишка выли-зла зъ-пидъ дверей, на сѣнци грѣтыця, товаряка прыйшла почухатыця,—вже й пустывся: скѣче, на спыну зхопывся собаці, абѣ товарюци—деркачами ляпа...

Врагѣвый Задырака ыноди булѣ самъ нынѣче розуміє, що чудный и ёму те неначе дуже подобалось, и такѣ булѣ ыноди вытвѣрює!... Оцѣ булѣ якъ назбираетця до Мыны на прыспу що-недили булѣ туды: посыдѣгъ, знѣете, погutoryть; и татусь булѣ ыноди повійныкъ), и котрый: „А ну лышѣнь“, мовъ, „потанцюй!“ (бо вже винъ безпреминно тутъ: якъ такы, мовлявъ, щобъ така кумпанія та безъ ёго!) То той и почне: задерѣ гѣлову, пидниме деркачи и помелѣ,—и вытупцѣвує-вытупцѣвує прыгулькамы, нибы и справди танцює!.. а ти ѣчи ёму червѣни, такъ и выдно, що тамъ регѣче посвѣдему!.. Або выставыть булѣ якый чмутныкъ пидѣшву: „А щѣ“, кѣже, Лыхый! чы будемо бытыця, чы будемо мырытыця?“ то вже той, звисно, не мырытыця, а бытыця, и кыгтымы пидѣшву, нѣсомъ. Регѣту-регѣту булѣ! А якъ ужѣ вхѣзаетця,—„Гѣди вже“, кажуть, „тоби, гѣспыде! наши й батькы булѣ: бьютця-бьютця, та й оддыхають!“

Найчуднѣйшыи же бувъ вражый Задырака, якъ булѣ дидъ Мына зъ лису,—зъ лѣвѣю тамъ и съ усячыною. Чы винъ вже ёгѣ такъ прывчывъ, чы, мѣже, булѣ зрадіє такъ.. а мѣже, й чудныи ёму въ такымъ рѣзи здавався старый, почудуватъ захѣтця: якъ забачыть було, що той, мовъ байрачокъ, кажу, суне ярѣмъ,—скѣилькы есть духу до ёго и на той байрачокъ, на саму верхню гильку! И же, якъ зберетця, кувурику та й кувурику на ввесь хутирь: „Дывѣтыця“, мовъ, „люде добри, якы

мы!“ Хихикае булò тилькы старый зь-пидь байрачка, а хто булò забачыть ихъ, ажъ за жывить берутца!

IX.

Чудниши ще, ніжъ Задырака, булы волы Мыныхы, Ёвдошкы, якъ ихъ звàлы...

Вы, мòже, думаете, що, мовъ, колы такè мèння, то певно воны маленькы яки булы, сухорòги, стрьбучи? Зовсимъ ни! Воны на выдъ булы, якъ и звьчàйно воны: велыки, гвидои шèрсти, ажъ пидиàли, и рòгы—вгòру, кòлесомъ. И якъ пасутця булò, абò лежать и ремьгають (въ робòти ихъ булò николы не побачышь, не бувалы: зàвжды булò нашими), ничòго тавòго, здаётця, и нема. А нехàй лышень булò котрому до тимени шапку прывяжуть абò брыль, абò ва рòгы, та ще на супильци и „рыкъ-рыкъ!“ то тоди побачышь, щò то воны за Ёвдошкы!.. Задерè хвистъ и якъ пиде пò полю гасàть, абò тамъ по толòци, то й мёртвый бы, здаетця, зареготавъ: и скàче, и бèче, и головою крутыть!.. И вже якъ и друга скотына буде, то й ту ще пиддрòчуе ковызытця, такъ що мноди и вся чередà за нымы. Се такъ старый прывчывъ, якъ булы маленькымы. Якъ ничого булò робить, прывяже котрому магырку на гòлову и „рыкъ!“ ёму и на супильци, то те й скàче зь-переляку, мовъ цаплèне: „Танцюе!“ кàже,—втишàвся. И такъ потрòху; бо якъ наскàчетця, то винъ булò ёму ще й хлеба, и всèго...

А найчуднишымы булы Ёвдошкы въ другòму!... Оцè, прымиромъ, пасутця булò воны, и который зўздывъ (а вже такъ булò и зорàть кругòмъ), що тамъ хто на стерни спàть лигъ и одъ сòнца котрàжку зробывъ, зь свыты абò зь ряднà, на тры-нижкахъ напàвъ, абò снопы постàвывъ и на снопы навынувъ,—зàразъ тыхèнько до дрўгого, и бòкомъ штовхъ ёгò обь бикъ!... „А ну“, мовъ, „онъ бачъ!“ и до тыеи свыты, чы до ряднà, и за кинèць... а другый и соби за нымъ и за другый кинèць,—знялы тыхèнько и понесли!... Абò въ хўтори тамъ, побачыть, що жинка сорòчку розвисыла на тынў сушыть,—и сорòчку тежъ: олынъ за одынъ рукавъ, а дрўгой за дрўгой, розыпалы

—и пишли геть поручь!... та ще поважно такъ, мовъ роббту яку рблять: тилькы хыть! гóловамы тыхенько хыть!... А бчи, бестіакы, такъ жмурять: „Геть“, мовъ, „бачъ, сорбчку сұшымо!“

Якъ ужё привчывъ ихъ Мына до сёго, не знаю; тилькы булò, якъ кажú: де вжé выситыме тамъ сорбчка, ряднò, свыта, абò якà друга одёжныа... абò шыбка розбыта, дирку заткнұлы —вже вони знимуть, выцуплять!“ И не те, щòбъ тамъ зжувать; а такъ тилькы, почудувать. Подобалось, бачъ, имъ, якъ у ихъ однимають. Бо оцé булò якъ несуть щò, то й оглядаютьця, чы не женётця хто. И якъ не женётця, несуть, и покынуть депббудь; тилькы поженысь, то абò пидуть выстрыбомъ по всимъ усюдамъ, абò пидпұстять до сèбе, та й начнұть вовтұзаться, нибы не хочетця имъ выпустыть одёжны: упыраютьця переднимы и заднимы, ревуть, гóловамы мотаютъ. Такъ щò, яеъ хто вже булò зна ихъ, и николы зъ нымы, абò боитця, щòбъ не порвалы, махнè рукою: „Хай вамъ“, каже, „прасунокъ!... Колы вже вамъ хòчетця“, мовъ, „похызуватьця въ моихъ штаняхъ, абò тамъ въ моёму кобеныци,—силькысь, похызуйтеся!“ то ти подывлятця-подывлятця, не однима, и покынуть. А тилькы, кажú, поженысь, абò стань однимать, бұдешь знагъ куциньбу: выволожять тебе дòбре!

X.

Таки-то булы ти Ёвдошкы! пречудни, кажú!... Ёвдошкымы жъ ихъ продажнылы...

У насъ, знаете, сусіда бувъ, Цёмохомъ звався, шынкарювавъ. Высокий такый бувъ, лобъ все булò мбрщыть, нибы дума; а який гаспыдъ винъ колы й думавъ: манұ тилькы булò пуска! „Думаю!“ каже... Глузують булò зъ ёго за те и було ёму брехеньву ту, про тогò ындыка, щò, мовъ, хоть и не спива, та багато дума... И въ тогò Цёмоха була жинка, Ёвдохю звали. А Цёмохъ булò—Ёвдшкою: „Ёвдшко“, каже, „Ёвдошко!“ Молодà ще, знаете, людныа булà, а самъ Цёмохъ литній вже чоловікъ бувъ, се вже друга жинка къ ёго булà. И такà жъ то щebetуха

була вона, та Ёвдѡха, жартовлива! Було оцѣ визьметця въ бѡды, тай почнѣ Цѣмохови:

Ой ты старый дидуга,

Шзогнувся, якъ дуга...

то вивъ: „Ну бо, Ёвдошко, ну бо! Я“, каже, „чоловикъ поважный, а ты такъ!“ то та ще ёму дужче!...

Отъ разъ Цѣмохъ той и лежить у себѣ на полу и розмовля тамъ зъ кымсь, и зъаду кватирка розбита, диты, чы пьяныци тамъ (шынкарювавъ, кажу), и чымсь зяткнуто. А жинка кудась пишла... Коны слуха—щось дырчыть за спыною; оглядуеця—затычка такъ и лизе на двирь, тѡгне, видно, хтось!... Цѣмохови и прыйды въ гѡлову, що тѡ Ёвдѡха ёго зъ нымъ пожартувать хѡче (а то были Мыныны волю). „Ну бо“, каже, „Ёвдошко, ну бо!... Я поважный чоловикъ, а ты такъ!“

Попосміялись же за те зъ Цѣмоха довго!... А воливъ внаково вже було й не звуть,—Ёвдошки та й Ёвдошки!... И було оцѣ на токѣ, абѡ коло другои якои робѡты, а котрый Ёвдошка по горѡду тамъ, чы-щѡ,—и почнуть було прикладать: „Ну бо, Ёвдошко, ну бо!... Я поважный чоловикъ, думаю, а ты такъ!“ то було Цѣмохъ ажъ сидаетця...

XI.

Одже жъ, яки ни были ти Ёвдошки и той Задырака, и якъ, кажу, ни любылы и ни поважѡлы старыхъ, найшылы такы люде!... И попереѡдъ усѣго Задырака бидный!

Се було якъ разъ тогѡ року, що и перва холѣра, такъ въ Великий пистъ, на другимъ, чы на трѣгимъ тыжни. Выхѡдыть разъ Мына зъ хаты, коны сыдыть Задырака колѡ дверѣй, и такъ явѡсь и гѡлову повисывъ!... „Я“, роскѡзуе було покійныкъ, „ще и засміявся! и кажу ёму: „Чогѡ се“, мовъ, „ты, Задырако, гѡлову такъ повисывъ?“ Звисно, старый думавъ, що такъ чогѡ надувся пивень. Коны Задырака такы сыдыть: лупнувъ тилькы очыма, та й ни зъ миста. То було зѡразъ пидскѡчыть, почнѣ

яки штуки выкидывать, ато—сыдыть и хоть бы тоби зворухнувся! Бидного Мыну нына́че щò торкнуло: а визьмы, мовъ, та подывысь! И взявъ!... колы дивитця, пра́ва нижка разтрощена, а зъпидъ пра́вого крыла́ кровъ такъ и цыбыныть... „Ой лышечко жъ мени!“ кривне, и въ хату!... „Подывысь“, каже, „старá, щò оцè!“ Та щò й роскáзывать! Щось, видно, ломáкою оперищыло, абò перейхало сáнками. До вéчора й нижкы выпроставъ.

И якъ ужè пòтимъ ни допытывалысь,—ничòго не дощта́лысь! Мыныха жъ покíйныця ничòго ще соби, а вже щò дидъ Мына—ныбы другимъ чоловикомъ зробывся: ни за я́ку булò пра́ве робòту не прыйметця, мовъ не свíй булò хòдыть, и ажъ змарнивъ. „И моá вже, видно, чèрга скòро“, каже булò, „колы Задыра́ка... „и не договорыть бидный. Покíйныкъ татусь и други: „Та гòди!“ мовъ, булò ёму, „хыба́ се первына́, щò ледáчи люде!“—„Э, ни!“ ка́же... „Се вже вонò“, ка́же, „не дáромъ!... се вищунъ, ма́бусть, мени!“ Нíякъ булò и не розва́жышь ёгò.

Се жъ такъ на другимъ чы на трèтимъ тыжни, а въ Вёрбну суббòту и Ёвдошкы!... И теперь, якъ згада́ю, то и бòстрахъ менè берè, и ажъ сèрце болыть.

XII.

Бувъ тамъ у насъ, звáете, копытанъ одынъ одставный Билымъ прозывався. Недалéко такы й живъ одъ насъ, такъ за мылю, абò й тогò мёнше, въ Сыча́хъ: тамъ есть хутирь Сычи, то винъ въ Сычахъ тыхъ и живъ. Невелычке було соби той копытанъ, стербелькувáте, и зàвжды похнюпывшись и насупывшись; тилькы дòбрый чоловикъ бувъ, нехáй царстvue, дуже добрый! И розумный такый бувъ: кныждкы у ёго булò и папèривъ всáкыхъ страхъ скыльки! Якъ дощòвь литъ, vzdжу булò до ёго, и винъ булò до мéне ыноди наизджае,—зовсимъ ни гордовытый бувъ. И якъ розгуторытця булò (а не дуже-то любывъ покíйныкъ балáкать), то якъ почнè булò якъ почнè,—слухаю булò ёгò и не наслухаюсь!

И у тòго копытáна клáпотъ земли бувъ колò нáшої. Стративщыны (урòчыще такъ звèтця Страткивщыною), якъ разъ пò-

ручъ зъ нашымъ, и байрачокъ. Байрачокъ той колысь, видно, и хордшенъкый бувъ, тилькы пѣтимъ запустылы: звисно, той тамъ въ шкѣлахъ, пѣтимъ въ виську, хазяина досконального нема; а вже якъ опека та крепаки,—бодай такъ и не хазяинувать! Хибá хто не хотивъ, то не рубавъ, абѣ не пасъ. И наши пастухы ѡводи тежъ, якъ пасуть булѣ колѣ Страткивщины: разъ же, що трудно такы завжды й встерегтыся: пѣручъ, якъ кажу, було зъ нашимъ; а друге—чомъ, мовлявъ, скотыни и не поживытыця, колы ни хтѣ не забороня? Якъ же прыхавъ копытанъ на хазяйство и побачывъ те все (а хазяиновытый бувъ дуже покойныкъ). „Ни,“ каже, „такъ не мѣжна!“ и байрачокъ гарненько вычыстывъ, насадывъ ще дѣрева и обкопавъ рѣвомъ—не ходы, мовъ!.. Такъ куды тобі! и другихъ булѣ такы, и наши! Привыкло, знаете, те все; покы-то одвыкне, кажутъ, за вѣзомъ, то й безъ вѣза!.. Ну, и скотына втравылась, катъ ий и вдержыть. Вже копытанъ похвалявся, що, мовъ, буду скотъ стрелять“, а все такы булѣ ѡводи...

Отъ и приздыть винъ разъ до тогѣ байрачка, такъ на прѣвесни, якъ разъ въ ту Вѣрбну Субѣту, та ще и зъ рушныцею: „Гусей дыкыхъ“, дума, „настреляю“, бо тамъ завжды дыкыхъ гусей булѣ багато.

Ну, прыхавъ винъ, и коня тамъ чы зпутавъ, чы-щѣ, а самъ за куцъ и пиджыдать, покы наблызятця, бо цилисинькый табунъ ходывъ. Чы довго винъ тамъ сидывъ, чы не довго, пиджыдajúчы, колы, слуха—лѣмытыця щось, лѣмытыця байрачкомъ!.. Гусы й головки попиднималы!.. А дали—гупъ-гупъ! черезъ ривъ... Ти такъ я шарáхнули, тилькы залопотило!.. Копытанъ ажъ зубамы заскреготавъ, и зъ-за куцá: „Я жъ вамъ“, дума! „сяки-таки!“ — думавъ, що пастушкы. Колы дывтыця — пара воливъ, Ёвдошкы бидни!.. та ще й шевѣлю ёгѣ (положывъ, ий тамъ, зъ тогѣ бѣку) розыпалы и несуты!.. „Якъ побачывъ я се“, росказыуе булѣ пѣтимъ,—„такъ“, каже, „и кывула мени въ гѣлову кровь!.. Що це?“ каже, „думаю, сміютця надо мвѣю, чы-щѣ? На посміховыще я имъ здався?“ Та щѣ й казать, Молодѣ ще булѣ... та й не знало, що у насъ, колы зъ тобою

такъ, пимай и дай пастухѣ прочухана, абб займы скотыну и визьмы за спашъ, наветь поморн ии трѣхы голодомъ,—се такъ, се по-нашому! Якъ що за діло, нихтѣ й не осудыть тебе, всяке скаже: „Що діло, то діло!... Якъ правда, то й не грихъ!“ Якъ и безъ дила,—ну „дурень“, скажутъ, абб „здырщыкъ“, и все такы ничѣго. А вбыть скотыну, та ще волà: воно жъ то помещныкъ чоловикоу у насъ!... винъ зъ нымъ кривавыцею добува той насущныкъ!... не будь у насъ волà—чоловика бъ у насъ не буд!... Ёму й самѣму стукнуло въ голову, якъ збигся народъ, и побачывъ винъ... та не вернетця!... Я ниволы того не забуду!...

Я бувъ тоди саме коло Страткивщыны, коло орачывъ—зачымъ вѣрхы пославъ мене туды покойныкъ татусь. И Мына дидъ тутъ же бувъ чогабъ, и вси ничѣго, байдуже: смутный тилько старый бувъ, якъ и завжды пился Задырака бидного... Коу слухаемо—за кряжѣмъ, коло того байрачка, выстрелыло, и такы дѣбре чутнѣ; бо тамъ знаете, байракъ, а тутъ гаекъ близько, такъ лунà.. „Огѣ“, кажутъ орачы, „та сей не абы-якъ погрюкуе... пѣвно се копытанъ гусей такъ!“—а гусей, справди, цилый ключъ зъ-за кряжу... А я: „Понду“, думаю „подывлюсь!“ и пустывся—зъ-малку любывъ мыслывство. Коу добигаю до кряжу, назустричь нашъ пастухъ. „Ёвдошкѣ“, крычыть, „вбывъ копытанъ!“ и такъ и вдарывся объ землю!... Я вже не знаю якъ и туды... А народъ туды видусилия, хто бувъ близьче орачы тамъ, тѣ-що (звисно пидъ таку пору въ полі), и гвалтъ такый, крыкъ!.. Прыбигаю—бидни Ёвдошкы по сей бикъ рѣву, пѣручъ, одынъ на одного повалылысь, дохѣбять... и коло ихъ народу вже десяткывъ зѣ два—и дывтыця наветь страшно! „Вбыть ёго“, крычатъ, „вбыть, якъ винъ побывъ!... Щѣбъ то“, кажутъ, „Божу скотыну та такъ!“ и ажъ руки до неба знимаютъ!... А той по тимъ бѣци рѣву, спыною до дѣрева. Ничого бъ, здаётця, ёгѣ й знать, и бидный такый, а бчы такъ и свитятця!... И якъ народъ насуне на ривъ, щѣбъ-то убить, якъ кажутъ,—за курка и до щѣкы!... И такъ, покы й Мына зъ нашымъ—добигъ такы пастухъ и росказавъ. А якъ прыбигъ бидный Мына

и упавъ на Ёвдошбкъ, забулы и про тѣго... И вже й розказать немѣжна, щѣ тамъ робылося!.. У нѣшого й усъ вже сывый... Навѣть кинь мій... якъ прыбигъ Мына и прыпавъ до тыхъ, а вскѣчывъ и соби зъ нымъ... Зпѣршу харапудывся, хрипъ: а дали блыжче, блыжче... пѣнюхавъ и мѣрдою одного, другого... „Вставайте!“ мовъ... „Чогѣ“, мовъ, „вы?“ Не встають неборакы! Догадывся, выдно, и якъ вставъ надъ однимъ (дужче, выдно, любывъ ёгѣ), и якъ повисывъ гѣлову... а слѣзы по хрѣпамъ тилькы капъ, капъ, капъ!..

Якъ Мыну одырывали одъ Ёвдошбкъ, не зняю, не памятую гарѣздъ: одъ жалю и одъ плачу мовъ прыглушений ходывъ. Памятую тилькы, Самсѣненко Свырыдъ (козакъ бувъ Самсѣненко, такой высѣкый и такогѣ сурѣвого лыця бувъ чоловикъ), якъ ужѣ одвели Мыну геть, повернувся до тѣго,—а самъ Мына ни слѣва ёму: „Ты жъ“, каже, „сякый-такый поижъ ихъ самъ! чуешъ? Самъ, кажу, поижъ ихъ!.. бо тилько ты та ще хйба скажѣна собака!“ А той хотъ бы тоби словѣчко!.. бчи въ землю, руки нѣвхрестъ и рушныця геть!.. Колупнуло, выдно, що не *волиозъ*, мовъ, се винъ тилькы.. и якъ-бы кынулысь тоди до ёго, пѣвно и вбылы бъ, то и пѣльцемъ бы не ворухнувъ, и слѣва бъ не промѣвывъ!.. Лежѣчого тилькы въ насъ не ѣють.

ХШ.

Цисля тѣго недѣвго вже бидный Мына коротавъ викъ свій! И тоди ще, хто бачывъ, якъ я зъ нымъ до-дѣму: „О“, кажутъ, „не дѣвго вже ёму рѣсть топтаты!“ Бо вже я допровадывъ ёгѣ: нынѣче паморокы ёму вовсимъ забыло, абѣ, борѣнь Бѣже, змысль стрѣтывъ. Оцѣ йде йде, а я за нымъ и коня за пѣвидъ, та й стѣне. И дума-дума, вибы щѣ згѣдуе, и вѣрнетця назѣдъ, абѣ въ бикъ куды, абѣ сѣде на зѣмлю... „Встаньте“ кажу, <дидусю!.. Онъ хѣты нашы; бабуся жде“ (и самъ, зняѣте, а все такы, бидѣ моя!) то винъ: „Угу!“ каже, и, якъ малѣнька дытына, послухаетця!.. А якъ вывернувся зъ чѣнна (ужѣ Богъ ёгѣ знѣ,

якъ бы, здаётца, такому рыбацци! Пёвно вже такъ судылося!... Якъ разъ въ Страстный понеділокъ!) и якъ вхопывъ ёго тогò жъ такы вёчора жарь, вси такъ и зложылы: „Не животить вже“, мовь, „ёму!... дуже вже багато на одни плёчи“ хоть и не говорывъ объ тимъ ниждò, бо якъ такы объ дидови Мыни та такы рёчи!...

И справди, на самый Велькдень.. такый вже той Велькдень бувъ! Ще якъ и готòвылысь до ёго, на Билій неділи: паскы пеклы—не булò бабы Мыныхы; розсылалы и дилылы—тежъ не булò... Все чогòсь нибы нема, все щось нибы не такъ! Тò булò нёсело такъ въ си дни, смихъ, бигають, збираютьца, атò й гòловы повишала! А якъ вмеръ въ дòсвита, опричь татуся, та й то, що зъ вёчора ще поихавъ, ниждò й въ цёркви не бувъ... за гòремъ забулы, що й свято такё Богъ давъ!... Та що й казать! Якъ згадаю, що тоди діялося у насъ, мовъ абò сонечко прàведне тоди мивылося, абò пожéжа велька йшла, дымъ ёго верывъ: жовтымъ такемъ все мени, и мовъ яки тэни сновыгають... И одéжа бъ на кожному велыкодна, нибы-то вони й праздныкують, а все таке сумнё!...

Бильше всёго въ пàмятку мени, якъ ужé пипъ прихавъ ховать. На полу сыдили якисъ жинкы, и я зъ сётрамы, и зъ братамы, доставалы зъ макитры коржыкы и давалы намъ. Когы хтось въ хату: „Пипъ“, каже, „прихавъ!“ Незабаромъ, справди, пипъ у хату, а за нымъ й татусь, й матуся, й багато нарòду— а пипъ тоди бувъ у насъ старый такый, отéць Михаилъ, любылы ёго вси дуже!

.....

Пидвель и менé попрощатьца зъ покійныкомъ!... Такъ насупывъ брòвы, мовъ, думку яку вельку дума.. и бчы такъ дуже зажмурывъ: „Не на вмирущого!“, казàлы... На бчяхъ олыва, а на лóби винчыкъ....

XIV.

Незабаромъ за Мыною и баба Мыныха: не довго ждаць іі покійникъ на тимъ свити!

Якъ вмеръ винъ, не плакала вона за нымъ, не вбывалась, Не безъ того, мбже, щобъ тамъ такы, чогó не було; а все не такъ, якъ други: чы вже у неіі такá натура була, чы мбже, що покійныкъ вмеръ якъ разъ на сáмый Велькдень, та ще до схидь-сонця, Богъ іі святыі знае!... Того усмиху вже тилькы не було, що бувъ колысь. Оцэ скáжуть щó, що отъ якъ и колысь; то й хоче усмихнуцьця, та бы ій усмихнуцьця. тилькы скрывыцьця... и такъ же тоби, що лучче бь ужé вона заплакала, нижь отгáкъ смыацьця. Та мовчязна́ ще стáла и такá якáсь... Тó було хотъ й тыхо вона зáвжды, та все такы знаэшъ, що отъ вона прихóдыла, чы-щó, що вона такы въ хутори; атò мовъ іі й на свити нема, абó хотъ и жыва ще, та десь ынде жывэ, не побачышь іі, а тилькы почувешъ, що, мовъ, баба Мыныха... Оцэ до матуси ий нужно: попере́ду—въ хáту було, скáже добрыдень тамъ, чы добрывечиръ, посыдыть, погуторыть, и вже потимъ и обь дили; а теперь—то хибá якъ та до комирь, абó-що, и такъ, мовъ вона и не прохóдыла огорóдомъ, абó дворóмъ, абó тамъ якъ-небудь...

„Оцэ вы до комóри?“ кáже: „дайте мени, будьте лáскави, вощэчку!“

„Дббре, бабусяю! Идить же въ хáту, посыдыть тамъ, я зáразъ прынесу.“

„Та я тутъ пидожду, покы одрубáете“, и пиде въ комóрю за матусею, й матуся вже й не услыбóвуетця (вже знáла, що ій вáжко буты зъ людьми), и одрубá скориише.

И такъ вона, покы и вмерла! Такъ що въ послидне время ридко вже іі було хто й бачыть, особлыве, якъ, переселылась зовсимъ у пáсику. Іі й одговóрювали, що, мовъ, нехáй бы вже та пáсика, когó друго́го туды, а ій отдыхнуть вже порá, на покóй; такъ ни! Не тилькы не послухалась, а и зóвсимъ, кáжу, переселылась въ хливéць: тамъ було и днюе, и ночуе. Покы жь ще не було холэры, все такы було ыноди—мы навидаемось,

харчъ повезуть, абд такъ хто въ полѣ; а якъ настала холѣра, правѣ забулы, що й есть вона на свити!!! И не дывуйтесь! Диты батькивъ и матерей тоди забувала, батькы и матери дитей!.. Тоди холера у насъ була не те, що пбтимъ, люды всяку робѣту покынули, задвиръ правѣ було нихтѣ и ногбю! Вмре було хто въ степу, проижжачый якый, абд чоловикъ по якый нужды великый поиде, пошлютъ тамъ паны, абд одъ уряду; то такъ и лежытъ въ доли непохованый... Та и въ селахъ и хуторахъ: якъ що лучытця нужда, то ниякымъ Бѣгомъ не допрдсысса було, щобъ хоть въ двиръ до тебе заглянулы: боялысь, що прыпыне, щобъ не занесты до себѣ. Кажу, диты батькивъ и матерей цуралысь ыноди, батькы и матери дитей! Въ ышихъ дворахъ: батько було на горыщи, маты—въ пдвити, диты тежъ де-нѣбудь... и було й идать наризно и обхѣдять однѣ другѣго... Тымъ-то, Кажу, пидъ той часъ правѣ забулы, що чы есть и на свити баба Мыныха. Одымчытъ було который вѣзомъ, вечеркѣмъ, въ тры дни, абд въ чотыри дни разъ, харчи тамъ и воды барыло, та й тилькы. Та й то ще: якъ-бы не татусъ покійныкъ, нихтѣ бъ и не догадывся.. и попогарыкае було ще, цыкы зберутця!

Тилькы разъ такъ и пославъ покійныкъ ничю (прыпизнылысь, знате, лаштуючысь, та днемъ и боялысь таы дужче, щобъ зъ кымъ не зустритця), и пытѣ на другый день: „А що“, мовъ „одвизъ ты вчѣра баби?“.

„Одвизъ“, каже наймытъ.

„Що жъ, все тамъ благополушно?“.

„А Богъ ёго, каже, знае“!... „Я, каже, не розглежувавъ, а баба не одзывалась“.

Татусѣви дывно стало, щобъ то баба Мыныха не почула, якъ той прыздывъ, и—„А якъ“, мовъ, „тамъ? чы жывы, чы здѣрови?“.

„Якъ“, каже, „не одзывалась?“... „А ты жъ“, каже, „до неи одзывався?“.

„Ще й не разъ! Тилькы мовчала все: выдно, спала“.

„Ну, и що жъ ты?“.

„А що жъ бы я?... Ничо́го! поскладавъ“, каже, „все коло хливця, и пойхавъ: встане ранкомъ и забере“.

Татусѣви ще дивнише стало, и винъ ще дужче роспытывать, якъ и що, чы заглядувавъ въ хливецъ, чы була вона тамъ? „Ни“, каже, „въ хливецъ не заглядувавъ“. Татусъ до другихъ, чы не бачывъ іи хто въ хутори. „Ни, кажуть, не бачылы“. Покійныкъ татусъ ажъ стревожывся! А все такы и въ мысль ёму не прыйде: «А може?» мовъ.... Дума тилькы: „Пѣвно пишла до кого!“—за пасиву, знаете, що, мовъ, ройба́ саме, безъ догляду... „Побигну“, каже, „на часокы!“ и пойхавъ...

Пойхавъ винъ, и байдуже вси: позбиралысь въ пекарню и се тамъ, те.... Вонó такá вже й розмѣва пидъ тикѣй часъ: той, кажуть, такъ, а той—такъ.... Колы слухаемо, въ синяхъ—вси ажъ здрыгнулы!... Выскáкуемо, сыдыть винъ на стильци.... О, несказанно тяжко слухаты, якъ плаче оттакый чоловікъ!... Мовъ у грудяхъ въ ко́го рвѣтця, и ты все те чуешъ!...

XV.

Що дáльше робылось, горáзденько вже не памятую: мѣже, що и плакавъ тоди багáто, голова забыта булá, мáло й прыми́чавъ чо́гѣ, а мѣже, що колы вже те у Бѣга и діялось!

Памятую, що мы ихалы до пáсики. На одному вѣзи Нѣштапка (живка у насъ булá Нѣштапка), и Демянъ сусида зъ дошкáмы, лопáтáмы, заступáмы и всячыною для стравы; а на другому—мы вси.

Памятую, якъ мы прихалы, и я заглянувъ въ хливецъ.... Сыдыть въ кутѣчку, зхыльшы гѣлову и зложывшы руки... плечемъ объ тынь....

„Тыхѣнько“, кажу, „мáмо!... бáба спыть“.

„Спыть, спыть!“, матуся, утыраючы слѣзы... Въ хливецъ насъ не пустылы....

Ищѣ памятую—и се такимъ смутнымъ мени булѣ несказанно!... Огѣнь горыть, сѣнце печѣ; колѣ огню мы и матуся, вáрыть, и плаче; въ хливци Нѣштапка щось.... коло хливця та-

тусь майструе домовыну... а тамъ Демянъ копа, тилькы головà вже видно зъ ямы, бурхà землю...

И якъ черезъ огòнь переходылы, памятую, якъ ужé прощàться зъ покійвыцею и клàсты въ домовыну: попере́ду стари, а пòтимъ и насъ... Хотъ и звàлы, що не одъ холэры вмёрла, а все такы боялысь. Нёштапка тилькы не боялась: ничòго булò не боитця!

Дуже памятую—охъ, якъ я се памятую!... Вже сбнечко зайшлò, домовына въ ями... и татусь, щòбъ мы туды по гру-дочци земли...

Я и соби кынувъ, въ сàму труну—такъ дуже стукнуло тамъ, подъ землèю!... Мовъ видтила мени:

Помàлу-мàлу....

Памятую дàли, якъ ужé стàлы збирàться обидь той помы-нальный....

Тёмно, ничòго не видно, тилькы збòку садòчокъ и хли-вèць буванiють... А передъ нàмы—огòнь и колò огню на трави кòлыво и обидь той...

Стàлы передъ кòлывомъ; татусь попере́ду, молитву.... Де-мянъ „аминь“.... Всякъ соби тоди и пипъ, и дякъ!.... А дàли и за обидь....

Силы. Налывъ соби татусь и перехрестывся.... „Нехàй же“, кàже, „iй цàрство!...“ Не стàло гòлосу.... „Нехàй iй!“ зндву, и все гòлову внызъ.... А дàли мòвчкы чàрку, и перехыля iй, за-плющывшы òчи, перехыля.... а слéвы зъ-пидъ вiй тилькы кàпля за каплею....

Та щò вамъ и роскàзывать!...

XVI.

И дòвго тамъ булà та могла Мынышына. И якъ оцè идемò въ пàсику (други вже тамъ насипшыбувàлы!) абò такъ чòгò въ пòле, то й до неи булò. И вже булò Мàня—жалиб-ныця !такà булà!.... завжды булò: „Добры-день“, кàже, „тоби,

бабусенько!“... Мовчыть, не одклькветца!... „Дѣма“, кѣже, „нема!... Бѣжу пѣсичку, пѣвно, стереже!“ И якъ що есть було насиннячко, ягодкы яки, дынька,—посыпле, полѣжыть на могилу.... „Оцѣ тоби, бабусю, насиннячка, ягодѣвъ... оцѣ и дынька—самѣ найшла и вырвала“. Тымъ було на могили завжды сѣняшныкы, кущи, огудъ всякый,—здалеку було ии выдно.... А якъ метѣлыкъ було гарный налетыть: „Мѣже, то бабусенька наша!“ кѣже.... И якъ винъ туды, икъ пѣсици: „Вона!“ кѣже, „вона!... полетила навидаться!...“

1859, октября 5. Петербургъ.

Титка Настя. ¹⁾

— Тоди не такъ ще булò, якъ тепёръ! Тепёръ и жилёткы у насъ, и всяка дурныця; абò ще иноди й самовáры... Иншый, покы не голувовáвъ абò не прыкажчыкувáвъ,—кáша, мòже, зъ мякыною, борщъ—дымъ захоплюетця; та якъ и одпáсса людськымъ пòтомъ,—сире тоби, звыняйте, якъ той внуръ сирый товстый: „мени“, кáже, „оттò свижопрòбля“—рыба—„якъ нахныть“! а лынтварéвый кожухъ—за цывмыли чынбáрськымъ квáсомъ; а „жывить“, кáже, „парыты!“ И-и! не такъ бы тебè, гòлубе, по-парыты!

Такъ-то, кажу, тепёръ! И тоди люде любылы и хòроше изходыть, и смáшно звисты; тилькы все теè—не забувáлы, якъ булò батькы й диды, а найпáче, щò батькы й диды—мòже й вы чулы.

Прыхòдыть одинъ сòтенный осаула до свогò батька: „Повкòвныкъ, тáту“, кáже, „хòче менé цифéромъ запысать“!—„А ты жь ёму щò?“—„А щò жь бы я ёму? Кажу, батька, пиду, зпытаю“.—„Тò-то жь, ты мени гляды! атò онъ-бачъ“—на ципуру. „Скажы“, кáже, „повкòвныкови, щò люде будутъ смiятця!“

Одже титку и тоди вже булò, нáветь булò татусь: „Ты“, кáже, „сèстро, старосвицька людына!“ Усмiхнетця булò покiйныця, та ще й рукòю—силъкись, мовь,—чы такъ, то й такъ!

Старосвицька булà людына, дуже старосвицька!

¹⁾ Основа 1861 г., апрéль, 28—38.

Сынъ булò зъ Грузіи хустòкъ усявыхъ шовкòвыхъ, матерій турецькихъ та персыдцькихъ.— „Про смерть, на цёрковь, по-памъ!“ абб пороздарòвуе намъ, дядьковимъ, або отъ Кибченятамъ; а сама—матирчатый платòкъ, керсётъ зъ рукавами, зелèни смужкы... запаскы, та ще щòбъ и ляхивка, черевыкы абб чоботы—и вся невеличкая!... Ахъ, и забувся—хустка ще!... у пояса: безъ неи, якъ то кажутъ, и не ступыты! Домоткана, а тамъ—заполочю, абб-щò.

И такъ булò вона, и въ будень, и въ свято. А мижъ люде абб въ цёрковь, кожухъ зъ стоячимъ комирцёмъ, зимою,—сиронимецькый верхъ; а литомъ—голубый халатъ... Иноди, якъ лучытця булò зъ нею до рòдычивъ-панивъ: „Та вы бъ, титуско, щò нèбудь!“, звисно, диты. „Отъ Бигъ зна щò! стари выбачають!“ абб: „Чòгò вы“, каже, „турбуецесь? Сèгò не знимуть, кращòго не дадутъ!—и чы до Кибця, то й до Кибця, хотъ все теё куды попаначылось и пиндючытця почалò... Абб и до самòго Петелькы—и виць намъ зъ ридни добòдывся.

И булò якъ придемо—мы жъ не знаемо, куды и повернутця, а найпаче, якъ ще панство; а вона, мовлявъ—изогнувшысь, въ тыхъ черевыкахъ и въ голубòму халатыку—стукъ тыхёнько ципòчкомъ по гòрныци, стукъ!... Тыхая у покійныци, и мòва, и ходà булò.

Та и у всёму булò вона! Достаточòкъ бувъ гарнёнькый: сусидскихъ хатъ зò тры, чы зъ чòтыри, клунька, комиркы... воливъ супруга добра—щò такы одъ покійныка Буркuty, а то и сынъ; а въ хаткàхъ, не тильки черезъ сини, а и въ мыги: и пичъ, и пилъ... лавы, полыци, стиль на бòныкахъ, мысныкъ колò порòга...

Старосвицька, кажу, булò людына, дуже старосвицька!

Поки тилькы здужала,—и сàдыть булò, и полеть, жне, вàрыть исты; хотъ, якъ кажу, про одну душу и бàтечкы бь! Покійныкъ татусь не разъ—та чы тоби жъ, мовъ старуючы! „Ты бь ужé“, каже, „утыхомырылась: у тебе жъ, слава Бòгу, сусиды, наймытъ, наймычка!“.—„Итъ, Бигъ зна щò ты, Пётре! на те“,

каже, „Богъ и руки давъ! Не вже жъ тильки сидить, вложывшы ихъ, та готове исты?“

И булò такъ, що чы въ кумпаніи, чы такъ мижъ людьмы, ридко-ридко колы розгаторытця! та й то ще не зъ усякымъ, а хто тамъ ужé по души, отъ примиромъ, зъ матусею—нехай легенько їм згадæтця, мои стареньки! Ти тамъ и се, и те: „мы“, мовлявъ, абò „наши батькы й диды“; а вона—рукòю пидъ щòку, абò на свій ципòчокъ, слуха. Иноди жъ усмихнетця, нибы веселенька, а ыноди—ажъ лице осунетця, мовъ яку путь довгу, абò колò мерця тры вòчи...

А щòбъ отгáмъ розсёрдытця, погримать—на наймыта, абò такъ на когò—нихтò и не чувъ пивòлы, и не бáчывъ! Дуже-дуже велико вже булò: „о бодай же тебе!“ а то—„хырний!“ вáже. Той тамъ кобылу припустывъ до новыхъ стижкивъ,—снопы повыцюплювала, абò друге вшкòдывъ: „Оцè, ты“, кáже, „хырний, и кобылу прыпустывъ!“ Та такы, здаётця, вона и не вмíла лаекъ тамъ, абò сливъ якыхъ, що иноди и жонòта: „сякòго такого сына, сякòи такòи дочкы!“

Разъ тилькы ныначе розсёрдылась, та й то, не якъ инши люде—зъ татусёмъ покійныкомъ. И за що вони, Богъ ихъ святой знаè! Однò 'дногò любылы дуже, и татусь багáто допомагавъ,—отъ якъ и Буркута, кáжуть, вмеръ, и пòтимъ, якъ їи Степáна въ Грузію зъ Гранникомъ... Мòже, чы ны за ёго и вышло! До покійныка дохòдять булò чуткы, чáсто булò рёмствуе, що нибы обижаè нашòго. А мòже, и за що друге—Богъ ихъ, кажу, святой знаè! И такъ вонò скòро якòсь тée вчынылося!

Я малымъ хлопьямъ ще тоди бувъ, сáме по надвирью,—и байдуже, що тамъ у хáти. Колы вбигаю, въ свитлыцю, и такъ, знаète, ще прожòгомъ: матуся на дзыглыву колò грубы, блидàя,—и смутнáя-смутнáя! гòлову повисыла; прòгы нèи титка, тежъ на дзыглыку, хустыною слèзы... а покійныкъ у покутнèго столà, выпрямився, и òчи, що все булò ажъ дрыжыть... Я такъ и прывыпивъ до земли!

Трòхы погода, титка встàла и мòвчкы зъ свитлыци; за нèю—матуся, я.

Выходымо на рундукъ, а тутъ и сёстры: „Чогò се вы, титусю, чого?“. Тилькы плаче и наймытови скорисше—кобылу; а запригъ—мòвчкы, и поихала.

Мовъ тепёръ се бачу!

На рундуци, плачемо, вона иде, иде,—мовъ старый богъ зъ дробу зхòдыть... Вже до ворить, за двирь... А дали матуся, мовъ у сёрце ии кольнуло: „О, Царыце жъ моя небёсная!“—за нёю, мы... „бòже нашъ старый, бòже! титусю!“

Якъ ужè вона ублагáла ии вернутьця, ничòго не памьятую—колы теè у Бòга діялось! Памьятую, якъ ужè вернулась, и мы за нёю въ свитлыцю.

Татусь тамъ же такы, коло покутнёго стола, ликтемъ обперся, на долòню голòву. Сёрце, видно, пройшло вже, тилькы смутокъ великый.

Ввишла, тихёнько до ёго; вставъ, соби тихёнько.... Разъ поцилува́лись трычи нàвхрестъ, у друге, у трéге,—и зно́ву, де сыдили... У брата зъ сестрю тыха розмòва, оббе люде старосвицьки—пёчысть якáсь!... Замòвкы, проливла—зно́ву тыхà розмòва у брата зъ сестрю, оббе старосвицьки люде....

— — —

Одже, и що бъ бачця! Сёрце, якъ вазу; а щòбъ тамъ наймыть, абò сусиды,—та и крый Гòсподы! Чи такъ ужè ии поважáлы, що, мовлявъ, и кривòго слòва боялысь,—чи вмила; а якъ вшкòдыть булò, „о, бода́й же!“ мовъ.... „та лучче бъ“, кажутъ булò, „зряду трычи на спòвидь!“ а вмовляе булò на спòвиди Вертькивськый пипъ дуже!

У неи кить Спорышко бувъ—литомъ зàвжды въ спорыши колò хáты, за те и Спорышкомъ. А мы ще и Прицуцуватымъ. Оцè, примиромъ, сыдыть булò пидъ полòмъ, прислухàетця, якъ мышенята по ниркàхъ, абò пàрыть чéрево на кòмни, нòги одкыдавшы,—та зрáзу, вынàче якый гàспыдъ ёгò, до тéбе!.. и чòбить лàпами по щокàхъ, по щокàхъ! поляпаса ёму!... Такъ нàветь отгòй Прицуцуватый. Якъ розбиснуетця булò оцè—а булò якъ розбиснуетця, то и хáта ёму тисна: и по столу, и по лàвахъ, и по мысмыу—то нехàй булò тилькы повийныця „оцè,

мовъ, хырний! гѣди вже тоби!“—тыць, де бѣ тамъ ни бувъ, и уши васторбшывъ! „Тоби, тоби, не вылай хвостомъ!“—тернѣ лѣпою за однимъ ухомъ, пѣтимъ другою за другимъ, куса, бачъ, щось ёгѣ—хытра проклатуща звирына була—и пиде, пиде ти-хѣнько, мовъ нестрѣпений! и хибѣ пидъ лѣвою вже, за закаблукъ тамъ тебѣ, абб за халяву!

А вже що отти волистрѣторы всяки!... Знѣете, яки вони иноди у насъ: и чвѣнитця, индычитця... рѣтъ-безъ-заворѣтъ, всяке чѣртзнащо варзякае: „И такый я, и такый тамъ гѣспидъ! мій отѣць, мои диты... „дывытьця и слухаты гыдко; а тилькы нехѣй вона тутъ... мовчязна, и зогнувшись, и тамъ ле-нѣбудь въ кутѣчку, абб колѣ порѣга—та ба! мовъ ёму языкъ поцуныть въ середьну! Дрѣвня людына, знѣете, знѣла не тилькы ихъ, а и ихъ батькивъ и дидивъ; и якъ-бы до чѣго, и почала росказу-вать,—не одному бѣ прыйшлось, якъ то кажуть, у сиркѣ очѣй позычатъ. Та такы було иноди и допечуть, отъ якъ разъ Рыпыця у Петѣлькы—не сей Рыпыця, що тепѣрѣ, а ёгѣ бѣтько.

Такый, знѣете, винъ велькорозумный бувъ, той Рыпыця: наврутыть-наврутыть оцѣ вержѣтъ, ажъ стрычыть, мовъ у квакѣ чубикъ, та ще й гѣлову набикъ: „Та вонѣ“, кѣже, „такъ, а ваглявъ лышѣнь въ закѣны!“—все було зъ тымы закѣнами, нынѣче дурень зъ ступою! А якъ пьяный, то такѣ жѣ тоби, просты Гѣсподы, погане, такѣ вѣдлыве, що возмы, та прямо и наплюй ёму середь лба!... Огъ разъ винъ и заходывся у Петѣлькы, пидъ пьяну ручъ. Та одигѣтьця стѣла, такы въ свитлыци—зѣвжды було, и одигѣетця и роздигѣетця въ свитлыци, де бѣ ни була; а винъ: „чогѣ та й чогѣ, прѣбѣ, стѣбитця оцѣй халѣтъ?“ та ще й губы зшылыть, кенковѣть бы то, брыдкый, зъ старѣи людыны!.. Мы жѣ зъ матусею не знѣемо, якъ-то кажуть, куды й подитьця—татуся на той разъ у Петѣлькы не було; а вона хоть бы тоби ѣкомъ змигнула! застибѣ повѣгомъ гудзыкъ пидъ бородѣю—рукы тилькы вибы трымтять... „Оттогѣ й оттогѣ“, кѣже, „стѣбитця!“— „Поцинно“, той, „поцинно—одежнына хоть бы й княгыни!“ Ни выдержала напоследокъ покѣйныця! „Се“, кѣже, „Оныську Семеновичу“—Оныськомъ Семеновичемъ ёгѣ—„се“, кѣже, „тешѣрь

вонó поцинно здаётця, грóши дешёвши ста́лы! а якъ купувáвся сей халáтъ, тоди грóши дороги булы. Тоди... Вамъ“, кáже, „по-кíйнывъ вашъ панотéць, мóже, роскáзувавъ, що за таки грóши, абò ще й тогò дешёвше, тоди въ Києви панство мóжна булò купыты!“—а Рыпыця, знáете, бувъ зъ такыхъ, якъ бы й мы гришни, та тилькы бáтько ёму чына, въ Києви, за три четверыкы пшеныци.... Якъ сказа́ла вонá се, тоди Рыпыця, якъ той цуцыкъ, вхопывши облызня. А тутъ ще й Петéльва, спасыби ёму,—за насъ руку потягъ. Пидождáвъ трóхы, щобъ такы не такъ вже дуже: „Чы вы“, кáже, „Оныську Семёновичу“, прыдывлюючысь ёму до боро́ды,—що-не́дили, мовъ, отта́къ го́лытесъ?...

— — —

И булò такъ покíйныця: куды бъ ни ихала, а вже безъ паляныци не мóжна. „Годытця такъ!“ И прыиде, склоныла голову, добрыдень, чы якъ прыхóдытця, и наперéдь усéго—зъ хустыны и на стиль и́! а вже пóгимъ, и прывтáтъця, и щобъ тамъ наддягтысь.

И гостынцывъ тежъ булò дитямъ,—ныколы було безъ гостынця! „Свáримось“, кáже, „трёба и голубыты. Чымъ же“ кáже, „и згáдувать имъ буде стару?“ И не те, щобъ тамъ меданыкывъ, абò другòго чо́гò, городскòго—ни, сёгò у не́и не булò ныколы. А отъ: насиннычка по жминци... воржá медяно́го абò прòсто по шматку кнышá абò гречаныкá. „У зáйчыка“, кáже, „одняла! Бижыть“, кáже, и „несé,—я и одняла!“ И якымъ смашнымъ намъ здава́лось, що вонá у зáйчыка одняла! Такъ явòсь умила все вонá,—якъ то кáжуть, всяку копíйку рубомъ.

И чы й до не́и булò прыидемо: дуже любыла пада́тъця колò насъ; а щобъ тамъ пундыкывъ яеыхъ, прыщывъ—ныкòды! И не одъ сквáросты, абò, сказа́тъ бы, ни зъ чо́го—ни! така́ вже людына!

На обидь булò оцé—борщъ зъ мясомъ, кáша зъ молокòмъ, и дуже-дуже вже багáто, якъ ще й варёныкы; для зáбавкы—насиннычка, а иноди й варёной по чарупынци: „се“, кáже, „мóжна“; на пòлудень—колбасы, абò крышённыкывъ сала... Булò дядьковы—звисно, мазаниши—мулятця: „Не копы́йте“, кáже,

„диткы, губовъ, не копылте! иште, вонд смашнѣ!“—и ти, мовъ непѣвни, уплиталы крышѣныкы.

А щобъ тамъ тарилдѣзъ билихъ, абб выделовъ и ноживъ—тогд й завду въ неи не булд. Прдсто: на деревяни тарильци—хлебъ, на други—силъ... били ложки деревяни, нижъ колодй, рушныкъ кругомъ стдлу руки обтырѣть, та для дитѣй по полывяному полумыску для кджного, борщъ набирѣть—отъ и все! „Сидайте“, кѣже, „диткы, за стилъ, абб борщъ простыгне!“ Хлебъ булд риже, хибѣ котрѣ не подужае; мясо—зъ одвыѣи тарилкы, пѣльцями... Позаѣлджуемо булд соби и носы, и руки—усмихаетця тилькы тыхѣнько, вытырѣ: „О, якъ же ты“, кѣже, „Васылку, нечупѣрно!“—а сама, мовъ вонд до ёго не прыторѣалася!

И булд вже такъ пыльне за кбжымъ, щобъ тамъ крышѣныка безъ хлеба, абб щобъ варѣныкы не дуже въ маслѣ! Зѣразъ за руку: „хлебця“, кѣже, „дытныно моя, хлебця—вѣва буде!“; абд: „помалѣньку ёго, помалѣньку,—ослипнешъ!“

И що жъ! Якъ тилькы прыхбдять булд святкы, абд скажуть, що: мовъ, до титкы Нѣсти,—тилькы объ тимъ и рѣчи у насъ!

Прбстенькы у неи булы хаткы, и въ ихъ ничдго бъ и такго; а якдсь такъ тамъ!.. Якъ вгадаю, отъ якъ разъ мы до неи на Голбдну Кутю...

Темновѣто, мордзъ викна позамурбывавъ—мовъ у наши стари цѣркви... и стины, мовъ у наши стари цѣрквы; на столи трійця—въ васылкахъ—въ калыни, казанбѣзъ зъ кропыльцемъ, надпѣлена свичка воскова... Мовъ мы справди въ нашу стару цѣрвву на Голбдну Кутю, нема никдго, а буде та служба: и параміи, „такѣ глаблеть прорбкъ... рикы Ордѣанскіи... водд освѣщеная“.

И отти ложки били, мысныкы, сволокы: прбсто, и двѣдцѣть-сброкъ разъ ихъ бачывъ; а ще хдчетця передывытьця, ще щось нывѣче въ ихъ... въ оттыхъ мережкахъ, держалнѣхъ зъ горлявочкамы, въ оттыхъ закамѣркахъ въ мысныку... въ оттому, на свдлоци: „Рѣву“, кѣже, Бжого 1764 соорудыся домъ сей!“

„Соорудыся?... И старá цёрковь соорудыся... Пёвно отто, якъ и въ Хыбцяхъ: и владыка—старый, старый! въ золоти шапци: хлôпчыкы въ золотыхъ свыткахъ—якъ янголята спивáлы!... въ зёмлю щось закôпувалы...“

А мыскы у титкы! И на полыцяхъ и на мыснукy, зъ винцями и безъ винецъ, крути и розлôжысти, зъ бокáмы и безъ бокивъ... И все те, знáете, помыване: червôни, зелéни, били, жôвти... цяцькôвани!

Мы чáсто будò: „Будьте, мовъ, лáскowi, титусю!“ Зоннётця старёнъка на лáву—любыла такы ихъ показувать; а мы на земли кучею,—и почнè одну за днёю: и билу велыку, на винцяхъ хрёщыкы, на бокáхъ пружкы—и червôну, що паскы святятъ, зъ крывулькою и зъ зелёными голубáмы на дни. „Оцю“, кáже, „въ Лубняхъ, на Спáса—пывзолотôго врэжа сидуха! а оцю торикъ въ Оржыци—пятáкъ зъ шарôмъ; а оцю“, кáже, „туть такы, ганчáрь въ Богодухивку ихавъ“,—и почнè намъ, якъ той ганчáрь Коломыивськымъ шляхомъ, а вона на вгорôди: „по гôршкы“, крyчыть, „по гôршкы!“—пшенишного ôдрôшна зъ верхôмъ!

А для играшôкъ будò у неи! та ще й додму надаè!... ячôкъ-внискивъ, карахôнèкъ, близнятъ усякыхъ: сôяшныкового абò гарбузôвого насинья, жытнихъ колоскивъ, що по два на одному стебли. Абò ще вóлыкивъ: „Ось“, кáже, “диты, скылькы орёлъ зъ стёцу нагнáвъ!“—и цилисиньку намъ торбыну квасôли: жôвтои, сынèи, та ще й смужкы усякы! „Туть“, кáже, „и сыви, и полови, и пидчерёви!“ Пидъ Велькденъ—безконéшныхъ пысавôкъ всякыхъ, крашанôкъ бразолéйныхъ. А литвèи поры лучытця у неи—понавôзымо додму зайченятъ малюсиньвыхъ, пиръ велыкыхъ, що журавли зъ крыль гублятъ, дрохвыныхъ яèць, оврашкивъ—степовой хутирь!

— — —

Такáя-то булá, та титка Нáстя! Старосвицькая, дуже старосвицькая людына! Тепёръ такыхъ людей, гляды, чы мôжна вже й найты!

Не веселее тильки покойницы жыття булѠ! ОдѠ чоловіка зосталась давнд—я й не знаю покойника Буркуты; сынѠ одычкѠ бувѠ, та й той заихавѠ въ далѠки стѠроны: одна въ Божому свити, якѠ палець! А щобѠ по бенкетѠхъ тамѠ, по весиляхѠ, въ кумпаніи—не любила. Въ рады-годы хибѠ мижѠ люде, та й то, щобѠ не зѠвсимѠ такы одцурѠтьця, прытьѠмѠ треба; а то все домуе, все одна! Та якѠ лучалось и мижѠ люде—мовчизнѠ, кажу: якѠсь не тулылось, и люде ти мовѠ и чужи, и вона мовѠ имѠ чужѠ... А родычи бѠ сказѠть... ИзѠ усыѠи ридни вона тильки насѠ; такѠ разѠ те, що такы далѠко й жылы—колы-то въ БѠга дѠведѠтьця! а друге—матуся тоди молодѠ людына булѠ, все не те! ну, й другою жинкою у татуся: все нибѠ чужѠ, чужише, нижѠ пѠрша—такѠ ужѠ скривѠ ведѠтьця!...

Люде прырѠялы, щобѠ когѠ за дытynu—все такы, кажутѠ, охвитнише. Послухалась и взялѠ дядькову найменѠшу: „ЗѠ малѠго“, каже, „якѠ зѠ вѠску, все злипышѠ!“ Знала жѠ вискѠ! Дытyna выйшла невмѠсна, опрыскыла,—а вже що, нечуѠрна, то и кинци погубыла! А тутѠ ще й стари: „ОбиждѠе!“,—що, бачѠ, иноди дубчыкомѠ, абѠ посварѠтьця... ШутѠе булѠ покойницы: „Не мѠла“, каже, „бѠба клопоту, та купыла поросѠ“, а выдно, дуже и те доймѠло!

ОднѠ робѠта, здаѠтьця, и розважалѠ тильки покойницу, та ще отѠ, якѠ булѠ у церковь.

Прыидемо булѠ до неѠ на степѠкѠ, пидѠ косовыцю: „кѠсарыкы!“ каже. А якѠ гребовыця, то й самѠ ще зѠ граблями: дивци, мовѠ, сѠромѠ, руки зложывшы,—дивкою булѠ себе, якѠ веселиша. ПрыбизышѠ булѠ, дасы зза уха чѠлѠмѠ... поцилуе въ гѠлову и зѠнову за грабли. „БачѠ“, каже, „якѠ у насѠ дивѠга! Скажы“, каже, „своимѠ парубкѠмѠ“—а парубкы бѠ то, удови диды, що вже й зубивѠ въ рѠти не гуртѠ,—„скажы“, каже, „що онѠ, мовѠ, вона якѠ!“—и геть валѠкѠ пидкыне граблями!

А въ цѠрковь булѠ, хоть якѠ хуга бѠе, иде въ Вертькы! До утрени булѠ ужѠ не зѠвжды, а до службы—ни однисинькои не пропустѠть. Та ще вѠжнѠй разѠ и свичку, завѠрне въ билу хустыну... И якѠ вѠрнетѠця, така жѠ тоби! Неговоркыша ще,

здаётця, а усмихаётця: видно. такъ тихо, бѣжо, на души! а скаже що—м'яко и отѣтъ, здаётця, заплаче! „Сыроги бѣ“, каже, „тильки мольтця!“

Та ще булѣ покійныця, якъ отъ обидѣ хто, девятини, чы сороковины,—любыть. И не те, щобъ такы справди обидать и помынать, а щобъ пѣратця: помѣже все, якъ слидѣ, и додѣму, ни за що не зостанетця! Отъ хибѣ хто замѣжний, и обидѣ йде надѣе: въ хѣти, а хто биднишый и старци—на двѣри; тоди—такъ, и на такыхъ обидахъ любыла найпаче: все колѣ тагачивѣ! И оцѣ духъ духа пошыбѣ, а вонѣ—пидтѣкавшысь, пидсмыкавшысь, хустына та зпидѣ керсѣта. А якъ прыдуть попы и поблагословлять—и почнѣ колѣ своихъ: садовыть, цѣштуе, прыпрѣшуе... Иноди—всякови, знѣете, бувають покійныкы! Иншый и вѣкъ свѣй зжывѣ, а ничѣго на той свѣтъ не заробывѣ—и згѣдывать ни-защо, найпаче отти бидѣти. И якъ обѣйде чѣрка разивѣ килькы—всячыною почнуть!.. То було покійныця, якъ пѣчне, якъ пѣчне—вмила зѣ оттымъ нарѣдомъ—то чоловікъ и зхаменѣтця: „Нехѣй“, каже, „ужѣ Богъ ѣгѣ судыть! то одынѣ судья нелукѣвий!“... Не одну душу вонѣ обереглѣ тамъ одѣ людскѣхъ проклѣнивѣ.

— — —

Зѣ часомъ у нокийныци и тогѣ не стѣло, старѣсть почалѣ одоливать. То булѣ, давнише—звисно, дѣты: „Чогѣ, мѣвъ, тѣтуску, зѣ цѣпѣчкомъ?“—„Охвитнише“, каже, „одѣ собѣкъ!“; а то: „пожыветѣ зѣ моѣ, самы побѣчыте“... А дѣли до тѣго вже дѣйшлѣ—мы пидрослы, розумить стѣлы, а наймѣньшый братуха... „На те“, каже, „моя дытныно, на трѣхъ, щобъ на чотырѣхъ не лѣзыты!“ И жартуе булѣ иноди, жартуе, та на такѣ звѣрне... „Я“, каже, „буду скѣро такѣю, якъ ты бувъ колысь: въ пѣлошкы менѣ загѣрнуть, въ колысочку полѣжыты!“

Та и не добачать дѣльше стѣла, и не дочувать: девятый десятокъ карѣтѣла, та и трудяца людына... Иноди булѣ, якъ почнѣ прыглѣжуватьця до тѣбе, абѣ прислухѣтьця, помы-то пизнѣ абѣ почуе! „Мовъ кризь густѣ сыто“, каже, „а уши нынѣче позатыкани“.

Тимъ въ цѣрковѣ дуже-дуже вже ридко, та й то хибѣ литомъ; а на обиды, въ пѣле, мижъ люде—„Одъиздыла вже своє, нехѣй ще други!“ На вгорѣдъ хибѣ булѣ выдыбуля, полѣтъ, пбмацкы; а то все въ хѣти, все на полу—прядѣ. И прядинна тамъ булѣ... Самѣ иводи: „Якъ упущу“, кѣже, „почынокъ, и немѣ никѣго— покы то намѣмраю! иводи всю хѣту вырѣчкую!“ Все то за вискъ! Своя й пасичка, та й матуся,—чы вже бѣ то пожалилы! „Трудовыте“, кѣже, „не те, що даровыте, абѣ свѣде; мѣже, хотъ симъ Бѣгови приспособлюсь!“

А пѣримъ и лижма трѣба лягты! Прытѣмна булѣ, покы и вмѣрла—и памитувѣла твѣрдо, и говорила, и розумила—та сылы немѣ! Въ рукахъ ще сякъ-такъ—викѣнце одчыныть, лѣжву; а ногѣми—хибѣ пидъ руки, то й то тилькы що дыба! „Замолоду не побереглѣ, одтупала, одтоптѣла!.. Зажилѣсь“, кѣже, „зажилѣсь, порѣ бѣ и честь знать!“

Такъ ще вонѣ годивъ килькы пронудыла свитомъ—вылежала, выкачалась на полу. Якъ прыйде вже дуже тяжко: „Прымы вже!“ мѣлыть булѣ Богѣ: „нѣ-що я тутъ здалѣсь!“; а полѣгша: „Егѣ святѣя вѣля!.. Винъ“, кѣже, „зна, що рѣбыть!“

Не разъ до сына пысѣла; „Прылынъ, моя дытыно, хотъ подывлюсь!.. хотъ въ остѣтнѣй разъ! хотъ ѣчи мени закрьй!“— „Радъ бы“, кѣже, прылынуты, та крылець не мѣю!“

— — —

Въ остѣтнѣй разъ бѣчывъ за тыждень передъ смѣртю.

Прыйжжу, а вонѣ пидъ комѣрою, на прысинкахъ—ва сѣнечко вынеслы...

— Се ты, кѣже,—дытыно моя?

„Я“, кажу, „титусю!“

— А що жѣ ваши—чы ще вони, щѣ?

„Та ще, слѣва Бѣгу!“

— Слѣва Бѣгу! кѣже... А я, кѣже, на сѣнечко, тилькы щѣсь и вонѣ—а сѣнце и дыхатъ не даѣ... Я вже, кѣже ёму: „и ты, мовъ, старосвицкѣ, и я—хотъ ты мени!“ не грѣе, ровледачило, за молоднѣчекю!...

Якъ умира́ла, мы зъ моєю не булы, у Лубни ходылы... Дали зарикъ; якъ дасть намъ Богъ сына—пшквдмъ у Кывивъ, до Печёрськихъ, а дочку—до Офанасія святого: Богъ Надѣждочку пославъ!

Смерть, кажутъ, бу́ла—пошлы, Гдсподы, и всякому такди! тыхая, праведная!... *Зтрывджылась* трѣхы—про сына згада́ла; а пѣтимъ и зно́ву: до кинця выдержала, хотъ, кажутъ, крыча́тъ, а не плакаты!...

За день почула: „Иде“, каже, „иде“

Посла́ла за всима́, и щобъ Мыхаила стардо́го, одсобдурывать: „Ёго“, каже, „ба́тько ввивъ, а винъ неха́й вывдыты!“

Зибра́лысь, одсоборывавъ покійныкъ Мыхаиль—все то покійныкы!... Роспорядкува́ла—надить, на цѣрковъ, старцямъ... чымъ домовыну—дѣсять рѣзивъ жда́ла, такы дижда́лась!

Вечорить почалд!... „Тепѣрь же“, каже, попрощаймось!...— „Щѣ вы!“—будемо, мовъ, жыть, Бѣга хвалыть!— „Ни“, каже, „попрощаймось!“—до татуся...

Нахылывсь покійныкъ, гблову въ обыдвы руки, и довго, довго прыдывлялась! „Гбренько“, каже „мени тяжкее!“, и вже пальцями, по лыцю... И такъ же то, кажутъ!... „Такъ“, каже, „такъ!... и у покійныка ба́тька—волѣсса, лобъ, нисъ... А брѣвы“, каже, „матусыны... Де то вона́“, каже, „тепѣрь, моя рідная? чы побачу и?“...

Матусю довго, дуже довго тулыла до себе!... „Ти въ мене“, каже, „золотая бу́ла!... Я, мо́же“, каже,—„одпусты мени! Та не пуска́й въ далѣки стѣроны—ниѣго не пуска́й, ни ѣдного!... Ой“, каже, „сыночку, Степаночку, дытныно моя!...“

Пѣтимъ ныбы заспокилась.

— Повернить. каже, менѣ на другый биекъ!

Повернулы, позихнула...

— Повернить зно́ву!

Зно́ву повернулы, зно́ву позихнула.

— Нына́че спать, каже, хѣчетця!... Повернить впятъ, та кваттырку одчынить.

Повернулы, одчынылы...

— О-хо-хóхь! кáже.

„Заснула!“ хтось.

А покойныкъ Михаилъ. „Заснула“, кáже „заснула!“...

— — —

Мы зъ *мою* сáме до язвнца дохóдылы, верталысь зъ Лубень...

— Така́я смутна́я-смутна́я вонá, дытына пла́че, та й у мéне щось...

— Ко́лы зрáзу, нибы лáданомъ...

— Чуешь? вáжу...

„Чую!“

И въ слéзы!

— Чогó ты?

А въ са́могo такъ и душáть...

— И са́мá, любый, не зва́ю!...

И якъ разъ, въ той самы́й день, въ ту са́му го́дыну...

Р. Б. 1860 генваря 10 днѣ. СЦБ.

РАЗСКАЗЪ

О ПОѢЗДѢ ЗАПОРОЖЦЕВЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ ¹⁾.

. . . Поѣхали однажды запорожцы въ Петербургъ, нужно было тамъ, къ сенаторамъ, или какъ ихъ тамъ зовутъ: всякія уже, знаете, завелись у запорожцевъ нужды.

Ну, вотъ и пріѣхали, и хлопчуть тамъ вездѣ у *однора-мизъ* и у всякихъ тамъ сенаторовъ, а народъ, знаете, какъ покажутся они гдѣ—„запорожцы“, кричатъ, „запорожцы! смотрите, смотрите!“ И у насъ бывало, если они гдѣ покажутся, всѣ бѣгутъ смотрѣть, а ужъ тамъ,—и говоритъ нечего (въ *Московщинѣ* вѣдь своихъ запорожцевъ никогда не было). Бывало возлѣ *будынка*, гдѣ они жили, народу—и Боже насобирается! „Авось“, молъ, „пройдутъ запорожцы, посмотримъ“. И паны бывало собираются смотрѣть, а которые, знаете, персоны такіе, какіе небудь *репріи*, ²⁾ что ли,—такъ тѣ прямо и въ хату къ запорожцамъ; за этими и другіе напозлутъ:—„въ гости“, говорятъ, „къ вамъ!“... Кто жъ, знаете, похожъ на человѣка,—по-

¹⁾ Черняговскій Листокъ 1863 г., № 11, 82—85.

²⁾ Т. е. Репнины. Послѣ генераль-губернаторства князя Репнина, слово Репнинъ, произносимое моими земляками *Репрій*, обратилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ края въ нарицательное и долго служило для обозначенія помятаго, выражаемаго на русскомъ языкѣ словами важная особа.

сидить прилично, посмотреть, спросить о чемъ-нибудь, и съ Богомъ себѣ поѣдетъ; а тѣ разные, что ужъ знаете какіе они,— *ше бачъ* и посмѣяться надъ сѣчовиками... Эге! такіе они и были, чтобы съ ними можно было какъ-нибудь!

Бывало, если кто-нибудь черезчуръ ужъ дастъ языку волю,— кто-нибудь изъ братчиковъ, будто такъ онъ себѣ, просто изъ запорожья человекъ да и только... подойдетъ, да какъ пахнетъ подъ самый носъ *насыкымъ*:... „Употребляете, говоритъ, вы, ваше *одноральское осіательство*, этакой?“... Чихаетъ-чихаетъ однораль—слезы даже иногда изъ очей побѣгутъ.

— Вотъ дуракъ! говорить.

— Эге!.. мрукнетъ тотъ, и какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ это онъ такъ себѣ.

А если кто изъ этакихъ ужъ слишкомъ часто начнетъ къ нимъ вчащать—увидятъ, что идетъ, поставятъ у дверей столъ, взберется на него какой *палывода*... и тово, знаете, какъ-будто чешется о дверь и не разглядѣвши прямо носомъ...

— Вотъ, говоритъ *пройдьсвить*, и почесаться не дадутъ доброму человекъ!

А разъ чтѣ они сдѣлали одному фертнику! Тотъ, знаете, все къ нимъ, все въ нимъ: и день и ночь тамъ, и кормится тамъ, да еще не какъ-нибудь, а все съ затѣями такими—и того купите, и за тѣмъ пошлите! Ну это бы еще пусть себѣ: добрый человекъ куска хлѣба не пожалѣетъ и для недруга, коли недругъ похожъ на человекъ; а то—я де вонъ-чтѣ, а вы—тьфу! и другими разными способами наскучалъ имъ. Ужъ они не разъ его и осаживали, и столъ приставляли къ дверямъ—не пронимаеть, да и полно: видно толстовожиій былъ!

— Стой же, говорятъ, когда ты такой, мы тебѣ выкинемъ штуку!—и какъ увидѣли однажды, что бѣжить къ нимъ, возьми да и поставь въ сѣняхъ корыто съ дѣхтемъ, а у самага порога вадушку тамъ, или бревно какое. Тотъ, знаете, въ сѣни—а въ сѣняхъ было темно—да бултыхъ черезъ бревно и прямо лицомъ въ корыто... И, Господи, какой подняли шумъ! Тотъ-весь въ дѣгтю какъ сатана, кричить, бранится, а тѣ и себѣ:—„Вотъ

бѣгаетъ, какъ бѣшеная собака! „съ трудомъ“, говорить, „могли найти въ *оцему паскудному болоти доброго деітю* на сапоги, а онъ и тотъ выворотил!“ и прогнали изъ хаты... Какъ былъ, принужденъ былъ домой... Наохотались же въ волю и тѣ, что на улицѣ были, и эти паливоды...

Такъ вотъ этакъ, слово по слову, слово по слову, и до государыни дошла вѣсть, что, молъ, запорожцы пріѣхали въ Петербургъ и такіе, видишь, забавники... Можетъ статья, какой тамъ однораль сказалъ женѣ, та другой *насокотала*,—извѣстное дѣло, бабы,—та третьей, а та можетъ и царицѣ.

Какъ послышала это царица:—Желаю, говорить, повидѣть тѣхъ запорожцовъ и какіе тамъ они забавники!

— Не велите, ваше царское величество, говорить ей одинъ однораль:—казнить меня, а велите меня миловать, и позвольте рѣчь держать!

— Держи рѣчи! говорить царица.

— Эти запорожцы, ваше царское величество, простые *мушри* и не пригоже ихъ пускать въ царскіе будынки.

— Если я хочу, говорить царица, то пригоже, а если ты въ другой разъ будешь держать мнѣ такую рѣчь, велю отправить тебя туда, гдѣ ковлѣмъ роги правятъ. Сейчасъ позвать ко мнѣ запорожцевъ, чтобъ стали передо мною, какъ листъ передъ травкою!

Бросились всѣ, земля даже застонала, и привели запорожцовъ предъ царицу.

— Что это, думаютъ они, за бѣда! И какъ стали передъ царицей—въ ноги ей: „что это, *мамо* (они всегда царицу звали *мамою*), чѣмъ мы передъ тобой провинились?“

— Ничего, говорить, ничего, встаньте! Я хотѣла только на васъ посмотрѣть; вы, говорить, такіе забавники.

— Какіе, *мамо*, мы забавники! отвѣчаютъ:—мы не забавники, а такъ себѣ запорожцы, да и все тутъ,—пріѣхали по надобности.

Царица засмѣялась и начала спрашивать, по какой надобности пріѣхали, велѣла помочь имъ въ ихъ дѣлѣ, шутгла съ

ними и велѣла ходить въ ней въ гости запросто, если выберется свободный часъ.

Съ этой поры запорожцы часто ходили въ царскіе будынки, царица часто съ ними разговаривала, шутила, и разныя тамъ были съ ними казіи. Вотъ нѣкоторыя расскажу вамъ, какъ слышала отъ стариковъ.

Приходятъ однажды запорожцы въ царицѣ въ садъ, а тамъ пановъ-пановъ всякихъ! И знаете, побрались подъ руки, по двое или по трое, *хрелыми* тамъ такія или сенаторы тамъ разныя, и ходятъ себѣ по дорожкамъ и разговариваютъ. Вотъ тѣ и себѣ тоже по двое и по трое, и расплзлись по саду, какъ *полынами* волю по полю. Ну и идутъ этакъ двое изъ нихъ, а на-встрѣчу имъ двое однораловъ, тоже подъ руку, и такіе молоденькіе, и видно такъ себѣ одноралы,—пужина, а не зерно... Загородили запорожцамъ дорогу и говорятъ:—а что, запорожцы, какъ теперь у васъ цѣна на волю?

— *Якъ до воливъ*, ваше одноральское высокомордіе! отвѣчаетъ одинъ изъ запорожцевъ.

— Какъ это: якъ до воливъ? снова тѣ.

— Да такъ: если волю, вотъ какъ этихъ пара,—и указалъ на двухъ старичковъ однораловъ, которые на тотъ-часъ проходили мимо (а то видно, *не абы-яки булы*), этакіе волю у насъ очень дѣроги, цѣны имъ не зложять; а если волю, примѣрно сказать, вотъ какъ васъ двое—и *нюха табаку* не стоятъ! и гной вывозить негодятся...

Старики одноралы захохотали:—Ого! говорятъ:—да эти брѣютъ безъ мыла!..

А тѣ двое, хвативъ *обмызня*, тихонько, тихонько,—были такіе, да и слѣдъ простылъ.

Или разъ, тоже въ саду, ходятъ запорожцы: смотрятъ, двое какихъ-то *пузатыхъ*,—*богословы*¹⁾ тамъ какіе-то или Богъ ихъ знаетъ!—стоятъ возлѣ куста какихъ-то цвѣтовъ и спорятъ:

¹⁾ Это слово обломокъ старины, когда умственными свѣтилами для Малороссіи были *богословы*, т. е. воспитанники кievской академіи и потомъ семинарій.

одинъ говорить, что эти цвѣты такъ называются, а другой, что не такъ, а вотъ какъ. Запорожцы остановились возлѣ нихъ, слушали-слушали, а потомъ и говорить одинъ изъ нихъ товарищамъ: „Вотъ“, говоритъ, „какъ говорятъ то и правда: *що городъ, то норовъ!*“ Здѣсь—одинъ такъ зоветъ цвѣты, другой—иначе, а третій можетъ быть и еще иначе, а у насъ, какъ стоитъ въ книгахъ имъ имя, такъ ужъ всѣ и зовутъ... и назвалъ ихъ какъ-то не *по-нашому*.

Богослѣбы, или кто они тамъ такіе, и глаза вытаращили! Наконецъ одинъ—должно быть хотѣлъ загнать запорожцевъ въ *дукъ*—и спрашиваетъ о чемъ-то, и тоже не *по-нашому*, а по-нѣмецки, что ли,—а тотъ ему отвѣтъ опять иначе; тотъ снова иначе, и какъ пошли *навперевалы*—богослѣбы принуждены были замолчать, и когда стали запорожцы отъ нихъ итти, они и себѣ за ними, какъ школяри за шпекторомъ, и только прислушиваются, какъ тѣ разговариваютъ межъ собой о цвѣтахъ, о камняхъ разныхъ, о небесномъ. И, что поймутъ, а чего и нѣтъ, потому что тѣ: одинъ хватить по-волошски, другой по-турецки, тотъ опять иначе... О, межъ ними всякіе водились!...

Разъ какой-то однораль убѣдилъ царицу посмѣяться надъ запорожцами: позвать ихъ обѣдать и дать имъ ложки съ предлинными ручками, оправленными съ обѣихъ сторонъ въ острия какъ бритва полосы, чтобы если взять такую ложку за конецъ—нельзя было ею достать до рта, а пониже взять нельзя, поранишь руку.

Покликали 'запорожцевъ обѣдать, сѣли они за царицынъ столъ... Что же бы вы думали? Посмотрѣлъ какой-то куренной на ложки:—Вотъ, говоритъ, мать, такъ мать! знаетъ хорошо, какимъ косарямъ какія нужны косы. Этими ложками и накормиться можно доброму человѣку, и врага черкнуть, если бы вздумалъ обидеть. А ну, *Спырыдоне* тамъ, чы *Пылыте*, открой ротъ!.. и набравши въ этакую ложку *борщу*, или чего тамъ другого, подалъ черезъ столъ другому запорожцу. Тотъ сѣлъ, что было въ ложкѣ, и набравши свою, подалъ куренному. Такъ и другіе поступили, и *братчики* встали отъ трапезы, будто у нихъ были ложки, кака и у другихъ.

Однажды запорожцы были у царицы, и о чемъ-то шла тамъ бесѣда, только какъ заиграетъ у нихъ что-то надъ головами?

— Что это у тебя, мамо, играетъ?

— Часы, отвѣчаетъ.

— Что это такое часы?

Та имъ объяснить, а они удивляются да спрашиваютъ, а они удивляются да спрашиваютъ! какъ-будто и въ самомъ-дѣлѣ, паливоды, никогда не видывали *такой дурнѣши*.

— Какъ же, спрашиваетъ наконецъ ихъ царица:—узнаете вы время?

— По солнцу, мамо, по солнцу!

— А ночью.

— Ночью, мамо, гм!.. будешь сердиться, мамо, если скажу.

— Говори, говори! сердиться не буду.

— Ну, если видишь, мамо такъ вотъ какъ...

Тутъ запорожцы привели нѣкоторые, извѣстные на запорожья, способы разпознаванія времени, неудобные для печати.

Другая, знаете, и разсердилась бы, можетъ быть, но та, знаете, была такая себѣ,—*добрая*, засмѣялась только и говорить:—ну, чтобъ было чѣмъ лучше узнать вамъ время, такъ я дарю вамъ эти часы. Возьми, Петръ тамъ, или Иванъ, прибавила она, поворотившись къ какому-то полковнику (*у царивъ, знаете, челядь все полковныкы та-що*)—возьми, говоритъ, эти часы и отнеси къ нимъ на домъ.

— Спасибо тебѣ, мамо, спасибо! Вотъ мать, такъ мать!

А старшій изъ нихъ вынулъ изъ-за сапога часики, вотъ какъ паничи на шеяхъ носятъ, всѣ въ галмазахъ, такъ что одинъ ретягѣнъ стоилъ тысячь десять червонцовъ:—Возьми, говоритъ тому Петру или Ивану:—это тебѣ за трудъ, что отнесешь намъ царицыны часы.

— Видишь какіе они!... подумала царица.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

Т О М Ъ LXVII.

1899 г.

ДЕКАБРЬ

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета св. Владимира
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.

1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО И ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ. (<i>Продолженіе</i>). П. Житецнаго	277—300
II. ПИКИНЕРІЯ. Д. Миллера	301—322
III. МАРУСЯ БОГУСЛАВКА. Бытово-исторычнѣя драма въ пяти одинахъ. (<i>Окончаніе</i>). М. Старицнаго	323—380
IV. КЪ ИСТОРИИ ТОРГОВЛИ КОЛЬЦАМИ СВ. ВАРВАРЫ ВЪ КІЕВѢ. Л. Орельскаго	381—389
V. ВЗГЛЯДЪ НА РЕМЕСЛО ПАЛАЧА ВЪ СТАРОЙ МАЛОРОССИИ. Ор. Левицнаго	390—398
VI. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ КІЕВѢ. (<i>Окончаніе</i>). Н. Бѣляшевскаго	399—412
VII. КЪ ПОРТРЕТУ И. Ѳ. ТИМКОВСКАГО. Н. Ш.	413—415

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Памяти Алексѣя Петровича Стороженка. (По поводу 25-лѣтія со дня его смерти). В. Н.; б) Письмо къ редактору Кіевской Старины о стих. „Славянамъ“ профес. Н. Стороженна; в) Гетманскій рецептъ отъ кашля; г) Варіантъ пѣсни про дурня; д) Дополненіе къ тексту интермедіи «Замысль на попа»; е) Заботы о брачныхъ союзахъ юношей духовнаго званія	121—130
Тенуція извѣстія	131—137
II. БИБЛЮГРАФІЯ: а) Записки Науковаго товариства імени Шевченка. А. М.; б) «Этнографічний збірник». В. Доманицнаго; в) Обзоръ украинско-русской литературы за 1898-й годъ. В. Д.; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ	138—167
Археологическая лѣтопись	168—182
III. ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Разказы М. Т. Симонова. (Номиса). 2) Портретъ И. Ѳ. Тимковскаго.	

Дозволено цензурою. Г. Кієвъ, 28 ноября 1899 года.

Просимъ исправить слѣдующую опечатку въ статьѣ П. И. Житецкаго.

Въ заглавіи 8-й главы напечатано: „для изученія произношенія и правописанія *малорусскаго*“, а нужно читать: „для изученія произношенія и правописанія *великорусскаго*“.

Николай Павлович Андрусов

ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО

II

ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ.

(Продолженіе ¹⁾).

=====

VIII.

Языкѣ лѣтописей малорусскихъ первой половины XVIII вѣка. „Діаріушъ“ Н. Д. Ханенка и „Дневникъ“ его же. Руководства для изученія произношенія и правописанія малорусскаго. Паденіе книжной малорусской рѣчи въ лѣвобережной Украинѣ.

Въ XVII в. книжная малорусская рѣчь употреблялась не въ однихъ сочиненіяхъ церковно-религіознаго содержанія. Не мало дошло до насъ отъ того времени лѣтописей, хронографовъ и козацкихъ хроникъ, написанныхъ этою рѣчью. Повидимому, ей суждено было сдѣлаться тѣмъ, что называется языкомъ образованнаго общества. Но крайней мѣрѣ, она составляетъ обычное явленіе въ частной перепискѣ образованныхъ людей XVIII в. Точно такъ же до половины прошлаго вѣка мы встрѣчаемъ ее въ оффиціальныхъ бумагахъ, выходившихъ изъ мѣстныхъ канцелярій, и въ литературныхъ произведеніяхъ историческаго содержанія.

¹⁾ См. Киевск. Стар., 1899 г., ноябрь.

Въ 1702 г. окончена была лѣтопись Самовидца. Но такъ какъ авторъ ея началъ службу свою въ войсковой канцеляріи еще при Богданѣ Хмельницкомъ, то можно полагать, что и лѣтопись его начата была не въ XVIII в. На это указываетъ, между прочимъ, и языкъ лѣтописи, представляющій обычный типъ книжной малорусской рѣчи въ томъ видѣ, какъ сложилась она въ XVII вѣкѣ.

Собственно говоря, въ XVIII в. эта рѣчь усвоила нѣкоторыя такія особенности, которыя чужды были ей въ XVII в.

Къ числу этихъ особенностей мы относимъ прежде всего слова, звуки и формы славяно-русской рѣчи, появившіяся въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ, написанныхъ въ первой четверти XVIII в. книжною малорусскою рѣчью. Въ ряду этихъ произведеній выдающееся мѣсто занимаетъ извѣстная лѣтопись Самуила Величка (1720 г.)¹⁾.

Величко былъ писатель трудолюбивый и добросовѣстный. Почерпалъ онъ свѣдѣнія свои изъ разныхъ источниковъ рукописныхъ и печатныхъ. Къ послѣднимъ обращался онъ потому, что, за оскуднѣемъ козацкихъ лѣтописцевъ, трудно было, какъ онъ говоритъ, „домадатися совершеннаго о всемъ видѣнія и правды“, поэтому онъ простодушно обращается къ читателю: „если покажется тебѣ въ семъ дѣлѣ моемъ що подзорное и неправедное, то може и такъ есть. Ты убо аще достанеши совершеннѣйшихъ козацкихъ или иныхъ якихъ лѣтописцевъ, воленъ... не уничтожая и моего подлаго труда, отъ Бога ти даннымъ разумомъ исправить“²⁾. На трудъ литературный онъ смотрѣлъ,

¹⁾ Лѣтопись Самуила Величка издана Временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ въ Кіевѣ—въ 1848 г. первые два тома, въ 1855 г. третій томъ, и въ 1864 г. четвертый. Можно полагать, что лѣтопись издана по рукописи, принадлежавшей самому автору: тѣмъ болѣе пожалѣть можно, что издатели раскрыли титла, поставили в и ъ, и и і по современному употребленію этихъ буквъ въ правописаніи.

²⁾ Томъ I, стр. 7.

какъ на „медикаментъ отъ всякихъ печалей и злключеній“. 1) Погерьивъ зрѣніе, онъ „не безъ жалу докучалъ людямъ о чтеніе книжное, слушаючи, що мога“ 2). Мало того: онъ приказалъ „отрокомъ, въ писаніи при немъ навивавшимъ“, переписать космографію, извиняясь при этомъ предъ читателемъ, что они „за свои въ писаніи помилки, достойной уходячи эпитеміи, закрилися отъ неи лжею и неправдивою коригитурою, его, певѣдущаго, обманувши“ 3). Привлекалъ его также литературный трудъ своимъ общественнымъ значеніемъ, какъ памятникъ „рыцарской отваги и богатырскихъ подвиговъ нашихъ сармато-козацкихъ предковъ“ 4). Народъ малорусскій называетъ онъ козако-русскимъ 5). Знаетъ онъ его достоинства и не скрываетъ недостатковъ: по его мнѣнію, это народъ „истинній, простодушній и правосердечній, мало що о прошлыхъ, настоящихъ и пришихъ рѣчахъ и поведеніяхъ разсуждати хотяцій, толко до внутрної между собою незгоди, а пайначе за древніи волности свои, яко народъ мужественній и рыцарскій, древнимъ предкомъ своимъ скифо-славянамъ подобаційся, завше до брани и кровопролитія склоній“ 6). Героемъ козако-русскаго народа онъ считаетъ, какъ и Грабянка, Богдана Хмельницкаго, котораго называетъ вторымъ Мойсеемъ за то, что онъ освободилъ Украину „отъ тяжкаго ига лядскаго“ 7). Таковъ былъ этотъ „истинній Малыя Россіи сынъ“, какъ онъ самъ обыкновенно подписывался подъ всѣми своимъ „предмовами до чительника“. Страстно любилъ онъ Малую Россію, называя ее „милою отчизною“, „маткою нашею“ 8). И вотъ во славу ея, матери своей, онъ „понутился“ разсказать исторію ея, „простимъ стилемъ и нарѣчіемъ козац-

1) Ibidem, стр. 1.

2) Предисл. къ IV т., стр. 3.

3) Ibidem, стр. 4.

4) Томъ I, стр. 1.

5) Томъ II, стр. 8.

6) Ibidem.

7) Томъ I, стр. 31.

8) Томъ II, 13, 32, 34, 36.

кимъ“¹⁾. Но восторженный авторъ былъ человекъ слишкомъ „письменный“. Самъ онъ о себѣ говоритъ, что „въ дѣлахъ писарскихъ“ былъ онъ „не послѣдній“, поэтому стиль у него не простой и нарѣчіе не совсѣмъ козацкое. Дѣйствительно, въ основѣ своей рѣчь Величка малорусская книжная, повторяющая всѣ особенности народной рѣчи, указанная нами въ обзорѣ книжной малорусской рѣчи XVII в.²⁾ Но не даромъ служилъ Величко въ малорусскихъ канцеляріяхъ: съ 1790 года былъ онъ писаремъ „въ поважномъ дому его милости пана Василя Леонтіевича Кочубія“, а съ 1705 года „вправленъ былъ до канцеляріи войсковой енеральной“, гдѣ тоже прослужилъ четыре года, пока не постигла Кочубея печальная участь: тогда и ему „недоля“, какъ говоритъ онъ, „за долговременную службу заплатила крайнимъ несчастьемъ“³⁾. Вотъ эта долговременная служба и отразилась на литературныхъ приемахъ нашего автора. Стиль у него канцелярскій съ доброю долею полонизмовъ, которыми изобилывалъ канцелярскій языкъ того времени. Величко охотно употребляетъ не только польскія слова, особенно союзы (*же, киды, лечъ, подлугъ, теди* и т. п.), но даже польскія формы, особенно глагольныя, и притомъ часто неправильно (напр: *воленъ естесми* II, 224), примѣшивая къ нимъ то галицкія (*мусилисмо* II, 34; *жалли бысмо* II, 107), то церковно-славянскія (*не потеряли есте* II, 113; *прильжаэхъ, вѣдѣхъ* I, 3.; *наричаху, провозлашаху* I, 57 и т. п.). Эти послѣднія формы служатъ часто признакомъ поднятаго тона, напр.: „паде, паде красная козацкая украина тогобочная“⁴⁾, или же входятъ въ описаніе какого-нибудь религіознаго предмета⁵⁾,—но иногда являются безъ всякой надобности

¹⁾ Томъ I, стр. 6.

²⁾ Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в., стр. 116—136.

³⁾ Томъ I, стр. 6.

⁴⁾ Т. II, 8. См. также прекрасныя строки въ предмовѣ къ тому I, гдѣ Величко изображаетъ впечатлѣніе, произведенное на него руиною правобережной Украины.

⁵⁾ См. т. II, стр. 23, гдѣ рѣчь идетъ о чудѣ отъ иконы Богоматери Ильинской черниговской.

въ рѣчи дѣловой, обыкновенной, напр.: „зоставшу Самоѣловичу зъ худобахолства на высокой власти и наченшу убогачатися; начать и добронравіе его перемѣняться“ (т. II, 329). Такъ же часто, какъ и у Грабянки, встрѣчаются у него ошибки въ употребленіи краткихъ причастій и натяжки въ образованіи славянскихъ формъ и оборотовъ рѣчи, напр.: *воевождовъ* (род. множ. I. 4.), *мертвоя плоти* (*ibid.*), *нпсть мощно* (*ibid.*). Вообще же рѣчь у Величка пестрая, хотя нельзя отказать ему въ природномъ чувствѣ рѣчи, которое было подавлено канцелярской рутинной и раздутымъ представленіемъ о „козацкомъ“ нарѣчій¹⁾:

1) Тотъ же типъ рѣчи встрѣчаемъ въ двухъ современныхъ Величку путешествіяхъ въ святую землю.

Одно изъ нихъ носитъ такое заглавіе: «Пелгримація или Путешественникъ честного іеромонаха Іпполита Витѣнскаго постриженца святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба катедры Архіепископской Черниговской во святыи градъ Іерусалимъ». (Изд. Обществомъ исторіи и древностей при московскомъ университетѣ въ 1877 г. по списку 1727 года, сдѣланному въ с. Кривцахъ новозыбковс. у. черниговс. г. Іоанномъ Аршукомъ, пресвитеромъ св. Троицы). О личности автора «Пелгримаціи» можно судить по заключительнымъ словамъ ея: «а еже писахъ, все по истинѣ писахъ, ничто же приложихъ, аже азъ въ путешествіи семъ видѣхъ: тако ми Богъ свидѣтель, ему же честь, слава и хвала во вѣки вѣковъ. Аминь».

Другое называется: «Путникъ до святого града Іеросалима іеромонаху Макарію и Сильвестру идущимъ з великаго монастыря Всемилоствяга Снаса Новгородка сѣверскаго поклонитися гробу Христову року 1704». (Рукопись въ редакціи «Кіевской Старины»). Сравнительно съ «Пелгримаціей» «Путникъ» представляетъ гораздо меньше славянизмовъ и полонизмовъ: прошедшія простыя встрѣчаются рѣдко, изъ польскихъ союзовъ встрѣчается одинъ только союзъ *же*. По избилію самыхъ характеристическихъ малорусскихъ звуковъ и формъ можно причислить рѣчь «Путника» къ образцамъ книжной малоруской рѣчи, но такъ же непослѣдовательной и невыдержанной, какъ и въ лѣтописи Величка.

Начиная съ тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка, появляется въ книжной малорусской рѣчи болѣе или менѣе замѣтная примѣсь словъ, звуковъ и формъ великорусскихъ. Въ произведеніяхъ, написанныхъ этою рѣчью, почти незамѣтно славянизмовъ, почти нѣтъ въ ней и полонизмовъ, даже союзовъ польскихъ, которые были обычны въ книжной малорусской рѣчи XVII в. Образцемъ этой рѣчи мы считаемъ лѣтопись подъ заглавіемъ: „Лѣтописецъ или описаніе краткое знатнѣйшихъ дѣйствъ и случаевъ, что въ которомъ году дѣлалось въ Украини малороссійской обѣихъ сторонъ Днѣпра, и кто именно когда гетманомъ былъ козацкимъ“¹⁾.

Написанъ этотъ „Лѣтописецъ“ въ 1742 году, какъ видно изъ замѣтки подъ 1710 годомъ: „посля шведчины... мало не всякъ часъ падежъ (на скотѣ) проявлялся даже по 742 годъ, въ которомъ я писалъ сію гисторію“²⁾. Авторъ принадлежалъ, повидимому, къ составу той старшины козацкой, которая всплыла на верхъ въ эпоху Петра Великаго. Онъ не питалъ симпатій къ Мазепѣ и его приверженцамъ: „пропалъ“, говоритъ онъ, „Мазепа въ Бендерахъ... далеко за девяносто лѣтъ пагубнаго житія своего“, а память Орлика „згасла, яко измѣнника клятво-преступнаго“³⁾. Тѣмъ не менѣе проглядываетъ въ словахъ его сочувствіе къ разоренному Батурину. Не нравились ему новые порядки, введенные въ Малороссіи Петромъ Великимъ, а именно известная Коллегія малороссійская, о которой онъ вспоминаетъ съ негодованіемъ: „Коллегія сія была ажъ до 1728 года: много людей значныхъ помордовано, вѣрства всякимъ образомъ вымышляно, кабалы, будто въ нуждѣ позичалъ кто деньги, взымано, а тое дѣлано, чтобъ помочь въ дѣлѣ чіямъ; такого фортелю употребляли члены коллегійскіе, а что готовизною доили, тое не въ числѣ—выдоили добре Малороссію“⁴⁾. Это едва ли не самое

¹⁾ Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Южной и Западной Руси, изданный комиссіей для разбора древнихъ актовъ, состоящей при кievскомъ, волынскомъ и подольскомъ генералъ-губернаторѣ. 1838 г.

²⁾ Сборникъ лѣтописей, 1888 г., стр. 50.

³⁾ Ibidem, 49—50.

⁴⁾ Ibidem 55.

рѣзкое мѣсто во всей лѣтописи. Авторъ не любитъ распространяться о предметахъ щекотливаго свойства: глухо, напримѣръ, упоминаетъ онъ о вызовѣ въ Петербургъ митрополита кievскаго Грассафа Кроковскаго, такъ же сдержанно и кратко говоритъ о судьбѣ Полуботка и его соучастниковъ. Между тѣмъ, въ 1742 г., когда составлена была лѣтопись, всѣ эти дѣла недавно минувшихъ дней, безъ сомнѣнiя, извѣстны были грамотнымъ людямъ съ поясненiями и подробностями, которыя распространяла столушая молва. Однимъ словомъ, это не Пимень Пушкина... Онъ не проронилъ ни одного лишняго слова тамъ, гдѣ это было неудобно по обстоятельствамъ времени, хотя въ другихъ мѣстахъ лѣтописи онъ склоненъ былъ сопровождать извѣстiя о тѣхъ или другихъ событiяхъ всякаго рода размышленiями и соображенiями. Такъ, по поводу грабежей, которые чинили запорожцы „за поблажкою Брюховецкаго“, онъ говоритъ: „обезчестило себе людо-славне низовее войско запорожское, христіанское, не меншь татаръ знущаяся всячески, глумили честь дѣвичую и жоночую, и бѣднiе мужи и отци не смѣли перечити ихъ безчинству бурсурментскому: а когда которiи хотя ласково упрошали о пощадѣ женъ или дѣтей, то такимъ доставалось якъ отъ ненавистныхъ ляховъ въ православiю. Но запорожци—своя родная кровь малороссійска, одной вѣры православной, благочестивой, а сколько забили они людей, застоющихъ честь семейную, страшно и вспомъянуть!“¹⁾ Выписанныя нами строки достаточно характеризуютъ малорусскаго лѣтописца, какъ писателя. Рѣчь у него большею частію простая и ясная, какъ и въ лѣтописи Самовидца, которую онъ пользовался, какъ источникомъ, для своего труда. Читая онъ, повидимому, и латинскія книги историческаго содержанiя—или же, говоря языкомъ того времени, „по латынѣ былъ изученъ“, но школьная ученость не подавила въ немъ живаго чувства рѣчи, которое выразилось, между прочимъ, въ изобилiи малорусскихъ словъ, звуковъ и формъ, которыя составляютъ громадную, преобладающую массу надъ элементами иноязычнаго происхож-

¹⁾ Ibidem, 21—22.

денія. Такъ, славянскія глагольныя формы встрѣчаются во всей лѣтописи не болѣе пяти-шести разъ, болѣею частію по поводу извѣстій о смерти какого-нибудь лица (Петръ Могила, митрополитъ кievскій, умре): видно, что эти формы являлись безсознательно, помимо воли и намѣренія писателя. Такъ же рѣдко встрѣчаются и польскія слова, и именно союзы: *же* (35), *когда*, *никогда* (33). Это уже черта новая въ языкѣ сравнительно съ лѣтописью Самовидца. Еще болѣе рѣзкое отличіе отъ этой послѣдней заключается въ употребленіи словъ великорусскихъ—какъ бы въ замѣнъ польскихъ. Такія слова, какъ *чуть-ли* (17), *вонъ* (19), *вездѣ* (22), *откуда* (55), *нѣтъ-ли* (57), *покаместъ* (62) положительно невозможны въ лѣтописи Самовидца. Нерѣдко слова одного и того же значенія являются, то въ малорусской, то въ великорусской формѣ, напр.: *шчо* и на слѣдующей строкѣ *что* (69), *хто* (12) и *кто* (24), *було* (11) и *было* (67), *прихавши* (14) и *пріхалъ* (24). Иногда рядомъ съ великорусскимъ словомъ стоитъ тождественное по значенію малорусское, и наоборотъ: *але-но* (16), *хиба-развѣ* (9), *дуже-очень* (45). Видимо, авторъ заботился о ясности своей рѣчи, поэтому и прибѣгалъ къ синонимическимъ поясненіямъ, охотно употребляя великорусскія слова въ тѣхъ случаяхъ, когда они казались ему болѣе понятными. Иногда онъ переводитъ малорусскую фонетику на великорусскую, именно—произносить *ь*, какъ *е*, не всегда, впрочемъ, удачно, напр.: *въ Чернеговѣ* (50). Вообще же нельзя сказать, чтобы онъ достаточно знакомъ былъ съ великорусскою рѣчью¹⁾.

¹⁾ Тотъ же типъ рѣчи встрѣчаемъ въ слѣдующихъ лѣтописяхъ;

1) «Краткое описаніе Малороссіи». (Издано кievскою временною комиссіей для разбора древнихъ актовъ въ 1878 г.). Оно представляетъ интересъ, какъ попытка передѣлать лѣтопись Грабянки въ прагматическую исторію Украины. Съ этою цѣлью авторъ начинаетъ свой трудъ съ княжеской эпохи и въ сжатомъ видѣ представляетъ обзоръ главнѣйшихъ событій до 1734 г. включительно. Въ языкѣ «Краткаго описанія» нѣтъ церковно-славянскихъ словъ, нѣтъ и иноязычныхъ, за то не мало есть иностранныхъ словъ, появившихся въ

Такъ писали малорусскіе лѣтописцы въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка. Не то, чтобы они дорожили народной рѣчью, но они просто не имѣли возможности и средствъ изучить надлежащимъ образомъ великорусскую рѣчь, которая въ то время и сама еще не отлилась въ опредѣленную литературную форму. Знакомство съ великорусскимъ нарѣчіемъ шло большею частію путемъ практическимъ, а это путь болѣе или менѣе случайный, особенно для тѣхъ, кто не имѣлъ надобности надолго

эпоху Петра Великаго: *вънтерквартира* (266), *баталля* (283), *амунція* (286), *дивизія* (293), *коммункація* (294). Вліаній великорусскихъ не меньше, какъ и въ «Лѣтописцѣ» 1742 г. Черты малорусской рѣчи встрѣчаются главнымъ образомъ въ фонетикѣ.

2) «Черниговская лѣтопись». (Издана Н. Бѣлозерскимъ въ Кіевѣ въ 1856 г.). Описокъ, хранящійся въ черниговской семинаріи, по которому издава эта лѣтопись, сдѣланъ въ царствованіе Елисаветы Петровны. Къ сожалѣнію, напечатанный текстъ не годенъ для филологическаго употребленія: издатель развернулъ титла и восполнилъ содержимое подъ ними, раздѣлялъ слова, которыя, по его мнѣнію, неправильно соединены были вмѣстѣ, поставилъ, какъ говоритъ онъ, «гдѣ слѣдуетъ», буквы *ы* и *и*, *ѣ* и *ѥ*. Такъ же небрежно изданы имъ вмѣстѣ съ черниговскою лѣтописью и другіе памятники, помѣщенные рядомъ съ «черниговскою лѣтописью». Мы имѣли случай просматривать конію съ списка «черниговской лѣтописи», принадлежавшаго Персидскому. Копія снята А. М. Лазаревскимъ и у него находится. Доведень этотъ списокъ только до 1725 года, тогда какъ списокъ черниговской семинаріи—до 1750 г. За то—въ списокѣ Персидскаго есть годы, пропущенные въ семинарскомъ, гдѣ тотчасъ послѣ 1703 г. слѣдуетъ 1729 г. Слѣды современника въ списокѣ Персидскаго замѣтны подъ 1714 годомъ, гдѣ рѣчь идетъ о возвращеніи мазепинцевъ, Горленка и Ивана Максимовича, въ Россію: послѣднему «велено ехать въ Москву, где и понынѣ обрѣтается и живетъ свободно». Сцена ареста Полуботка и его соучастниковъ могла быть написана или очевидцемъ, или со словъ очевидца. Съ 1711 г. и до самаго конца списокъ Персидскаго написанъ другою рукою. Съ перемѣной почерка, значительно вмѣняется и характеръ рѣчи въ самомъ текстѣ, который представляетъ больше великорусскихъ особенностей, чѣмъ до 1711 г.

оставлять свою родину. Даже тѣ малороссіане, которымъ приходилось жить въ Великороссіи по-долгу, не легко разставались съ привычкой сохранять въ письменной рѣчи довольно яркія черты малорусскаго произношенія и правописанія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно просмотрѣть „Діаріушъ“ генеральнаго хорунжаго Николая Ханенка, написанный имъ въ 1722 г., и „Дневникъ“ его, который онъ писалъ съ 1727 по 1753 г. 1). „Діаріушъ“ представляетъ цѣльный рассказъ, разбитый по числамъ мѣсяца, о пребываніи гетмана Скоропадскаго въ Москвѣ въ тотъ знаменательный моментъ, когда Петръ Великій, по заключеніи Ништадтскаго мира, рѣшился окончательно уничтожить гетманство въ Малороссіи. Автору было всего 30 лѣтъ, когда онъ писалъ свой „Діаріушъ“, въ которомъ сквозитъ официальную сдержанность явственно проглядываютъ политическія симпатіи его къ стариннымъ правамъ и вольностямъ малорусскаго народа. По смерти Скоропадскаго Ханенку пришлось раздѣлять участь всей генеральной старшины, замѣшанной въ дѣло Полуботка. Только въ 1725 г. онъ получилъ свободу и возможность жить на родинѣ. Съ 1727 г. онъ началъ писать свой „Дневникъ“. Здѣсь уже Ханенко не тотъ, что въ „Діаріушѣ“. Онъ распустился въ прозѣ жизни, отмѣчая изо дня въ день текущія мелочи ея съ пунктуальностію чловѣка, привыкшаго къ канцелярскимъ формальностямъ, записывая, напримѣръ, что такого-то числа „розышло въ розницу 10¹/₂ в.“, или же: „прележалъ весь день въ домѣ послѣ вчерашняго трактаменту“ 2). Такая же разница между двумя этими произведеніями и въ литературномъ, или лучше сказать, въ стилистическомъ отношеніи. Ни то, ни другое не предвазначалось для публики, и однако же первое по обработкѣ гораздо выше послѣдняго. Въ „Діаріушѣ“ есть цѣлыя картины, написанныя складною малорусскою рѣчью,

1) «Діаріушъ» изданъ въ Чтеніяхъ Императорскаго общества исторіи и древностей при московскомъ университетѣ за 1852 годъ, а «Дневникъ» въ Киевской Старинѣ 1884—1888 гг.

2) Киевская Старина, 1884 г., ноябрь, 1885 г., мартъ.

безъ излишней примѣси, какъ польской, такъ и великорусской. Въ „Дневникѣ“ — та же малорусская рѣчь, составлявшая какъ бы вторую природу писателя, отъ которой онъ отказаться не могъ, но въ ней замѣтны уже не совсѣмъ удачныя попытки его выражаться по великорусски. Нужно сказать, что въ теченіе долговременной службы своей не разъ проживалъ онъ въ Петербургѣ, какъ по личнымъ дѣламъ своимъ, такъ и по общественнымъ. Съ 1745 года по 1749 включительно онъ жилъ то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, „имѣя ходатайство за общенародными дѣлами“, изъ которыхъ самымъ главнымъ было испрошеніе у государыни дозволенія избрать по старинѣ гетмана. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ житейскаго опыта, среди самыхъ разнообразныхъ отношеній къ людямъ великорусскаго происхожденія, авторъ усвоилъ нѣкоторый навыкъ къ великорусской рѣчи, — вполне же овладѣть ею, при всей доброй волѣ своей, все-таки не могъ. Большею частію въ „Дневникѣ“ своимъ онъ передѣлываетъ великорусскія слова на малороссійскій ладъ. Вотъ нѣсколько забавныхъ случаевъ этой передѣлки. „Во дворцѣ, въ вечеру, была публичная ужина“, или „была ужина пребогатая“¹⁾: въ головѣ у автора мелькало малорусское слово *вечеря*, и оттого великорусское *ужинъ* превратилось въ мнимо-малорусское *ужина*. Въ такомъ же родѣ форма *ножовъ*²⁾: малорусское *і* замѣнено звукомъ *о*, и вышла форма ни малорусская, ни великорусская.

Н. Д. Ханенко былъ заботливый отецъ. Старшаго сына своего, Василя, онъ послалъ за границу слушать лекціи въ вильскомъ университетѣ, снабдивъ его на дорогу „Увѣщаніемъ“, въ которомъ съ величайшею подробностію регламентировано, какъ обученіе, такъ и поведеніе молодого Ханенка. „Съ подлыми, особливо же съ непостоянными людьми“, говорится въ „Увѣщаніи“, „никакой дружбы и сообщенія не имѣй; напротивъ же того, во всякихъ случаяхъ имѣй обхожденіе съ благовоспитанными, чест-

1) Киевская Старина, 1885 г., декабрь, 247, 254.

2) Ibidem, январь, стр. 265.

ными и знатными персонами“¹⁾. Вои́нъ естественно это стремленіе отца охранить сына отъ дурныхъ вліяній со стороны низменныхъ слоевъ общества, но въ предпочтительной рекомендаціи *знатныхъ* людей нельзя не видѣть усилій отца поддержать въ сынѣ увѣренность въ томъ, что онъ человѣкъ иной породы, „шляхтичъ, отъ шляхтича рожденный“, какъ говорили тогда²⁾, а при сословной ісключительности вопросъ о наукахъ и просвѣщеніи сводится большею частію къ вопросу о личной карьерѣ въ самомъ утилитарномъ смыслѣ этого слова. Такъ именно и понималъ этотъ вопросъ Василій Ханенко. Отвѣчая отцу на его извѣстіе о томъ, что „дражайшая отчизна наша въ неотмѣнной надеждѣ находится, за неусыпными трудами честныхъ патриотовъ, уже за давнимъ временемъ сердечне желаемою главу съ своей собственной націи собрать“,—онъ говоритъ: „сія радостная вѣдомость весьма во мнѣ вновь возбудила конечную ревность къ моимъ начатымъ наукамъ, дабы со временемъ, по окончаніи оныхъ, себе довольно достаточно показать къ услугамъ такой сладкой отчизны“³⁾. Но случилось именно такъ въ самомъ началѣ царствованія Екатерины II, что „малороссійская отчизна“ для дѣтей козацкой старшины потеряла, повидимому, свою сладость, ибо, въ замѣнъ гетмана малороссійскаго, восстановлена была въ 1764 г. малороссійская коллегія съ П. А. Румянцевымъ во главѣ, которому дана была инструкція „искуснымъ образомъ присматривать за козацкими старшинами безъ явнаго, однако, виду и огласки поведенія ихъ“⁴⁾. Являлась такимъ образомъ необходимость понимать „отчизну“ нѣсколько шире, чтобы найти въ ней примѣненіе личнымъ талантамъ и знаніямъ. И дѣйствительно, въ эпоху Екатерины II мы видимъ малорусское шляхетство на разныхъ поприщахъ государственной службы. Оно не

1) Черниговс. Губернс. Вѣдомости, 1852 г., № 34.

2) Сулимовскій архивъ, изданный А. М. Лазаревскимъ въ 1884 г. См. письмо борзненскаго сотника В. Думитрашка-Раяча къ Семену Сулимѣ поздравительное съ рожденіемъ сына отъ 1746 г.

3) Черниговс. Губернс. Вѣдомости, 1852 г., № 38.

4) Исторія Россіи Соловьева, т. XXVI, стр. 45.

отказывалось и отъ духовной карьеры, если только представлялся въ тому удобный случай. „Хоть лиха набрався, но въ щастя вплався“, пишетъ Христофоръ Сулима къ брату своему, генеральному судѣ Авиму Сулимѣ, послѣ посвященія своего въ архимандриты, состоявшагося при помощи А. А. Безбородко въ Петербургѣ. Безмѣрное самодовольство слышится въ каждомъ словѣ этого письма: „я теперъ важень и гордъ! Фе! Я по истинѣ, слава Богу, и здоровъ, и весель, и судьбою моею доволенъ!“¹⁾ Въ замѣнъ политическихъ призраковъ, уходящихъ въ невозвратную даль прошлаго, явились осазательныя блага, для получения которыхъ нужно было идти общими путями, а не стариннымъ путемъ выслуги въ мѣстной полковой канцелярїи или же въ козацкомъ войскѣ. Въ новомъ поколѣнїи малороссійскаго шляхетства самый духъ воинскій исчезъ оттого, какъ писалъ князь А. А. Безбородко одному земляку своему, что „мѣсто козатства заняло школярство, мѣста Палїя Бѣлоцерковскаго, Христы Сенчанскаго, Лавра Остапскаго и другихъ имъ подобныхъ заняты стали *фирчиками* и *штатиками*, которые, сперва позакидавъ выліоты, а потомъ въ нѣмецкое перебрались платьѣ и сдѣлались такими, что можно сказать о нихъ: въ полѣ не жолнѣръ, а дома не господарь“²⁾.

Кто это *фирчики* и *штатики*, о которыхъ говоритъ наблюдательный современникъ? Судя по тому, что они носили сперва жупаны, а потомъ переридились въ нѣмецкое платьѣ, это, очевидно, переходное поколѣнїе, которое оторвалось отъ прошлаго для того, чтобы применить къ „новой породѣ людей“, о созданїи которой такъ много заботились въ вѣкъ Екатерины II. Какъ въ Великороссїи, такъ и въ Малороссїи, эта „новая порода людей“ отдѣлена была отъ прѣстого народа крѣпостными порядками жизни, но въ Великороссїи она стояла все же ближе къ народу, — хоть бы по языку, если не литературному, то разговорному, — да и литературный русскій языкъ, какъ извѣстно, къ концу

¹⁾ Сулимовскій архивъ, стр. 136.

²⁾ Кїевская Старина 1883 г. апрѣль, стр. 834.

прежнего вѣка въ значительной степени приблизился къ народной русской рѣчи, усвоить, такъ называемое, московское произношеніе. Это явленіе для Малороссіи имѣло совсѣмъ обратное значеніе, т. е. по мѣрѣ развитія литературнаго русскаго языка въ великорусскомъ направленіи, онъ отдалялся все больше и больше отъ народной малорусской рѣчи. Такимъ образомъ для того, чтобы войти въ общее теченіе культурной жизни, малороссіяне должны были отказаться отъ своихъ собственныхъ литературныхъ преданій, а для этого должны были усвоить рѣчь такъ называемаго образованнаго общества, сложившюся по великорусскому типу. Тѣ изъ нихъ, которые имѣли возможность учиться на сѣверѣ, легко усваивали эту рѣчь,—для тѣхъ же, которые учились въ мѣстныхъ школахъ, съ семидесятихъ годовъ прошлаго вѣка начали появляться учебники съ специальною цѣлію облегчить изученіе великорусскаго произношенія и правописанія.

Мы имѣемъ подъ руками любопытную въ этомъ отношеніи книгу подъ заглавіемъ; „Правила о произношеніи россійскихъ буквъ и о исправномъ тѣхъ же въ новѣйшемъ гражданскомъ письмѣ употребленіи или о правописаніи, собранныя изъ россійскихъ грамматикъ въ 1772 году“. Составитель этихъ правилъ заботливо отмѣчаетъ погрѣшности правописанія, происходящія отъ малороссійскаго выговора, напримѣръ, отъ произношенія во всѣхъ словахъ безъ разбору *и*, какъ *ы* (стр. 11), отъ смѣшенія твердаго и мягкаго *л* (*похвалный, мольва*, стр. 13), отъ произношенія *ъ*, какъ *и*, „что весьма слуху противно“ (стр. 12). Отмѣчены также особенности великорусскаго выговора, напримѣръ: превращеніе въ концѣ словъ звучныхъ согласныхъ въ отзвучные (*бережъ, дорожъ* вмѣсто *бережь, дорожь*, стр. 11),—въ родит. падѣжѣ именъ прилагат. *во* вмѣсто *го* (*ibidem*), произношенія *о* безъ ударенія, какъ *а* (стр. 9). Къ послѣдней особенности авторъ относится снисходительно. „Иногда“, говоритъ онъ, „пишутъ въ именит. падѣжѣ именъ прилагат. вмѣсто *ы* или *і* буквы *о* или *е*. Это происходитъ отъ единаго подражанія простому выговору, почему московской *нужной выговоръ* необходимо произносить *о*, какъ *а*“.

Другой подобнаго рода учебникъ изданъ былъ въ Харьковѣ въ 1782 г. подъ заглавіемъ: „Краткія правила російскаго правописанія, изъ разныхъ грамматикъ выбранныя и по свойству украинскаго діалекта для употребленія малороссіянамъ дополненыя“¹⁾. Составитель его, Переверзевъ, въ отдѣлахъ о склоненіи и спряженіи ограничивается ссылками на соотвѣтствующіе параграфы грамматики Ломоносова (стр. 36, 38). Онъ указываетъ нѣкоторыя малорусскія формы, отступающія отъ великорусскихъ, напримѣръ: *бере, ѣдемо, писавѣ* вмѣсто *беретъ, ѣдемъ, писалъ*, будущее сложное отъ *имамъ*, „въ книгахъ неупотребительное“, но главное вниманіе свое онъ сосредоточиваетъ на звукахъ. Онъ предостерегаетъ отъ смѣшенія *и* съ *ы*: „крайнѣ (sic) осторожно малороссіянамъ надлежитъ примѣчать, какъ изъ правилъ, такъ и употребленія въ произношеніи, дабы по неосторожности не написать: *купилъ мило; онъ въ небытность вашу въ меня былъ кредѣ вѣтмы; противъ нашей мысли и воли; члмъ битъ, тлмъ а смтъ*“ (стр. 15). „Различіе“, говоритъ онъ, „должно примѣчать между слѣдующими реченіями: *никто, нѣкто; никакой, нѣкакой; нигдѣ, нѣгдѣ; никогда, нѣкогда*, понеже малороссіяне, слѣдуя выговору, сіи реченія одно вмѣсто другого безъ разбору иногда употребляютъ“ (стр. 18). Предлогъ съ малороссіяне часто употребляютъ неправильно вмѣсто *изъ*, притомъ перемѣнивъ *с* въ *з*, напр. говорятъ, а нѣкоторые и пишутъ: *здѣлано зъ дерева; пришли зъ города; выѣхали зъ лѣса; выволокли зъ ямы*; вмѣсто *здѣлано (съ) изъ дерева* и т. д. (стр. 28). Есть одна замѣтка, касающаяся сиктавсиса: „Малороссіяне неправильно употребляютъ: *купилъ рабочіе воли; гонитъ дойныя овиы* и проч. вмѣсто *воловоъ, овецъ*“ (стр. 37). Въ заключеніе сочинитель говоритъ: „ревностный чистоты словъ любитель не постыдится исправлять таковыя и симъ подобныя поползновенія въ себѣ самомъ и въ другихъ, прилагая къ правиламъ дѣйствительнаго наставника употребленіе“.

¹⁾ Второе изданіе было въ 1787 г. Есть въ библіотекѣ академіи наукъ. Мы пользовались этимъ послѣднимъ изданіемъ.

Мы не можемъ, конечно, опредѣлить долю вліянія этихъ учебниковъ на исправленіе „поползновеній“ въ малорусской книжной рѣчи въ средѣ тѣхъ людей, которымъ не чужды были литературные интересы. Безъ сомнѣнія, не въ однихъ учебникахъ заключалась сила дѣла, а въ самомъ свойствѣ новыхъ литературныхъ вѣяній, которыя шли съ сѣвера, опираясь на общій строй государственной жизни, состоявшей въ свою очередь подъ неотразимыми вліяніями европейской культуры. Такъ или иначе, только съ шестидесятихъ годовъ прошлаго вѣка мы уже не имѣемъ ни одного историческаго произведенія, написаннаго книжною малорусскою рѣчью. Она казалась неумѣстной даже въ старинныхъ лѣтописяхъ и хроникахъ. Митрополитъ кievскій Гавріилъ Кременецкій докладывалъ св. Синоду, что „въ каедральной библиотекѣ кievской оказался межъ прочими лѣтописцами въ семидесяти четырехъ листахъ хрониконъ, существомъ матеріи до російской исторіи касающійся, но къ изданію въ печать, развѣ за переводомъ на чистой російской слогъ изъ нарѣчія, которое больше походитъ на простонародное старинное здѣшнее съ польскимъ и славянскимъ смѣшанное, годнымъ быть могъ“¹⁾.

Въ 1765 г. явилось „Краткое описаніе о козацкомъ малороссійскомъ народѣ и о военныхъ его дѣлахъ“ Петра Симоновскаго²⁾. Языкъ „Краткаго описанія“—обычный въ вѣкъ Екатерины II, съ техническими выраженіями, усвоенными изъ иностранныхъ языковъ (*авантажъ, пароль, шефъ, антецессоръ*). Періоды тягучіе, латинской конструкціи. Ни въ звукахъ, ни въ формахъ почти нѣтъ никакихъ слѣдовъ малорусскаго нарѣчія, ничего такого, что встрѣчаемъ мы даже въ „Краткомъ описаніи Малороссіи“ 1734 г. Такъ, у Симоновскаго: *отспчь, присягъ, Мурашкь* (собст. имя), въ „Краткомъ описаніи Малороссіи“: *отспкти, присягъ, Мурашкь* и т. п. Изрѣдка только попадаются у Симонов-

1) «О лѣтописяхъ, изданныхъ отъ св. Синода», Д. Полѣнова, стр. 7.

2) Издано Бодянскимъ въ 1847 г. въ Москвѣ.

скаго малорусскія формы неопред. наклоненіи: *писатись* (83), *живитись* (89), *пожорятись* (96). Самъ авторъ, какъ мы уже упоминали объ этомъ, довершилъ свое образованіе за границей, гдѣ слушалъ лекціи въ кенигсбергскомъ, лейпцигскомъ и въ другихъ университетехъ. За границей онъ состоялъ въ качествѣ гофмейстера при дѣтяхъ извѣстнаго В. А. Гудовича, который вмѣстѣ съ Симоновскимъ пригласилъ также въ заграничную экскурсію двухъ товарищей его по академіи Г. В. Козицкаго и Н. Мотониса. Симпатіи его принадлежали старинной Малороссіи. При всей сдержанности своей онъ выражаетъ негодованіе по поводу *илянскаго* похода, въ которомъ, по его мнѣнію, не было надобности, и въ который были направлены малороссійскія войска, „чтобы никто безъ чувствованія гнѣва, отъ Высочайшей власти послѣдовавшаго чрезъ измѣну Мазепы, хотя бѣдной народъ въ томъ никогда виновнымъ не былъ, въ Малой Россіи не оставался“ (141). Трудъ свой довелъ Симоновскій до 1751 года, т. е. до пріѣзда К. Разумовскаго въ Глуховъ. Послѣдующему времени онъ не сочувствовалъ, поэтому и не описывалъ его. Вотъ послѣднія слова „Краткаго описанія“: „сколь ни великолѣпное и славное сего гетмана (Разумовскаго), какъ избраніе, такъ и вступленіе было, столь окончаніе онаго гетманскаго уряду Малой Россіи не полезное; но о семъ, какъ и о всемъ житіи его и правленіи, оставляю потомнымъ вѣкомъ описаніе“¹⁾.

И мы скажемъ, что гетманство Разумовскаго было „не полезное“, только не для шляхетства малорусскаго, котораго интересамъ онъ служилъ, по мѣрѣ разумѣнія своего, съ доста-

¹⁾ По составу рѣчи близко подходитъ къ труду Симоновскаго «Собраніе историческое, сочиненное абштованнымъ полковымъ обознымъ Стефаномъ Васильевымъ сыномъ Лукомскимъ в малороссійскомъ городѣ Прилуки 1770 году». (Издано кievскою временною комиссіей въ 1878 г.) Лукомскій старался писать литературною русскою рѣчью, но такъ какъ онъ не выѣзжалъ, повидному, изъ Малороссіи, то въ провзведеніи его сохранилось не мало малорусскихъ особенностей рѣчи, особянно фонетическихъ.

точныхъ усердіемъ, а для посполитаго народа, который не нашелъ въ своемъ гетманѣ никакого разумнѣя завітныхъ стремленій своихъ къ свободѣ отъ крѣпостной неволи. Известно, что Разумовскій издалъ универсалъ объ ограниченіи вольнаго перехода крестьянъ (1760 г.), дозволеннаго при Елисаветѣ Петровнѣ. Онъ установилъ, чтобы переходъ этотъ, согласно съ давними домогательствами владѣльцевъ, происходилъ не иначе, какъ подъ условіемъ согласія съ ихъ стороны, и чтобы имущество, нажитое у прежнихъ владѣльцевъ, имъ и принадлежало. Любопытно, что это распоряженіе сдѣлано было якобы на основаніи старинныхъ правъ и вольностей малороссійскаго народа¹⁾. Не въ пользу посполитыхъ было и другое распоряженіе Разумовскаго, отнимавшее у нихъ право свободного винокуренія, предоставленное только духовенству, помѣстнымъ владѣльцамъ и козакамъ (1761 г.).

„Лучше би пороги у сильныхъ истребляти,

Нежели робить горѣлку бѣднымъ воспрещати“.

замѣчаетъ по этому поводу неизвѣстный намъ сочинитель сатиры, изображающей послѣдніе годы гетманства Разумовскаго.

Нельзя не остановиться на этой сатирѣ, призывающей „живъ Божію на внутреннихъ враговъ отечества“²⁾.

Авторъ скрылъ свое имя подъ буквами К. З.

„Кто я таковъ, не пишу, така мнѣ примѣта,

Хотя не живъ чиновнимъ, не тягну до вѣйта“³⁾.

1) Кіевская Старина, 1885, іюль, стр. 477—488.

2) Кіевская Старина, 1882, мартъ. Древнѣйшая рукопись, отмѣченная 23 декабря 1774 года, находится въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской академіи. Полагать надобно, что сатира написана между 1761 годомъ, когда состоялось запрещеніе посполитымъ свободнаго винокуренія, и 1763 годомъ, когда возстановлены были въ Малороссіи суды земскіе, городскіе и подкоморскіе, уничтоженные Богданомъ Хмельницкимъ, который ввелъ систему полковаго и сотеннаго управленія.

«Ось слышно», говорится въ сатирѣ, «у насъ будутъ нови подкомори,

Когда бъ лишь съ нихъ по прежнему не били вори!»

3) Приводимъ отрывки изъ сатиры по рукописи церковно-археологическаго музея при кіевской Духовной академіи.

Итакъ, не чиновникъ, не мѣщанинъ, а „поселянинъ трудящійся в неважномъ семъ дѣлѣ“, — такой однакоже *поселянинъ*, которому известны были, хотя, можетъ быть, и по наслышкѣ, „Картезій философъ и славный *Виргилій*“. Въ самомъ концѣ сатиры рукою того времени сдѣлана любопытная приписка, отчасти объясняющая скромность автора, который самъ сомнѣвался, „достойна ли сатира его явиться миру“:

„За сей пашколь, а не сатиру,
Наругательнѣй всему миру,
Издателя высѣкти кнутомъ
Во справность прочимъ питомъ,
Послѣ чрезъ ката предать огню:
Такой заплата достойна, мню“.

Очевидно, тотъ, кто написалъ эти строки, затронулъ быль за живое рѣзкимъ тономъ сатиры, направленной противъ хищниковъ того времени, для которыхъ

„Убийство, нападенне и всякое дѣло
С денгами да с патронами отправлять смѣло“.

Въ подтвержденіе своихъ словъ авторъ ссылается на городъ Зеньковъ, ограбленный панами Разовскимъ и Бурковскимъ, и на „Сорочинець городъ“, гдѣ не мало встрѣтить можно „в слезахъ сѣдыхъ бородъ“:

„Ни одного“, говоритъ онъ, „не сищешь малаго куточка,
Чтобы гдѣ лиха не била великая бояжа“.

Главная причина зла заключалась въ безнаказанности хищниковъ, такъ какъ они же сами засѣдали въ судахъ или же имѣли тамъ своихъ патроновъ „судью, писаря, асауля, хорунжаго, обознаго“. Въ союзѣ съ ними состояло и духовенство:

„Поппи молчать, какъ гостѣ, будто и не знаютъ,
Только и дѣла, что громко акафистъ читаютъ,
Но пуцай би и тое с трелями читали,
Но хот би простой рѣччу в томъ ихъ обличали“.

Червцы—тоже равнодушны въ людскому горю: У нихъ—тоже свое горе:

„Адамъ столько не плакаль, какъ они ридали,
Какъ изгнанне изъ отчинъ свое послыхали,

Какъ де тотъ хоть билъ изгнанъ, но изгнанъ з женою,
Имъ сидѣть било въ келли з одною бородою,—
Тотъ имѣлъ в своей власти польские звѣры,
Имъ било бѣ изостались одни книги сѣри“.

Они тоже ходять по судамъ съ поввами и тяжбами за имѣнія или же прохлаждаются въ этихъ имѣніяхъ:

„В монастырѣ дряхлие толко да калѣки,
Всѣ—где села, мелницѣ, где з хлѣбомъ засѣки“.

Они „не разсуждаютъ плотско, но мислятъ по духу,

На скрѣдленіе стомаха пьютъ добре сивуху,
Гдѣ уже стоитъ соборной в начальной скважнѣ,
Редкою та горѣлкою смердитъ на три сажнѣ“.

Эта безотрадная картина жизни вызываетъ у автора не одно недовольство, но и глубокую скорбь о „любезномъ отечествѣ“:

„Увы“, восклицаетъ онъ, „отечество, отечество любезно!
В какой ти досталось часъ гдркой и слезній!
Било ль ти когда-нибудь и тое на мислѣ,
Чтобъ тебе в сие время толь бѣди притисли?
Гдѣ твой мужественій духъ, гдѣ скоро расправа?
Щезла, вмерла, пропала, моль села (сѣбла) и ржава“!

Авторъ иронически называетъ свою сатиру „колядой“, противопоставляя тонъ ея величальному, хвалебному тону колядскихъ пѣсней. Настало новое время, явились и новые литературные вкусы. Въмѣсто старинныхъ панегириковъ, явилась сатира. Не то, чтобы въ прежнее время въ условіяхъ жизни малорусскаго народа не было матеріала для сатиры. Былъ матеріалъ, была и сатира, особенно въ малорусской народной поэзіи, именно въ поэзіи исторической—въ народныхъ думахъ. Но сатирическое настроеніе, глубоко присущее малорусской натурѣ, обращено

было въ то время не столько на враговъ внутреннихъ, сколько на вѣшнихъ. Сатирическое изображеніе домашнихъ порядковъ жизни вазалось тогда дѣломъ излишнимъ или, по меньшей мѣрѣ, преждевременнымъ. Можно было ожидать, что внутреннія неурядицы жизни сами собою исчезнутъ, какъ только уничтожены будутъ враги вѣшніе... Теперь ихъ нѣтъ. Теперь наступило религиозное единомысліе. Право физическаго существованія было обезпечено сильнымъ государствомъ:

„Дѣлали предъ симъ бѣды кримскіе татары,
А теперь миновали ихъ смертніи удари“,

говоритъ авторъ занимающей насъ сатиры. Но и въ новой обстановкѣ бѣдность осталась бѣдностью, а богатство богатствомъ. Народная масса осталась не только бѣдной, но и юридически безправной, и притомъ глубоко утомленной цѣлыми вѣками борьбы за свое существованіе. Впереди не было уже заманчивыхъ надеждъ на освобожденіе отъ внутренняго бѣдствія—крѣпостнаго порабощенія. Прежде идея освобожденія отъ экономическаго польскаго гнета находила поддержку въ общественно-религиозномъ настроеніи, которое тоже проникнуто было идеей освобожденія отъ католическаго гнета. Теперь—не то. Представители церкви, повидимому, признавали нормальными существующія условія для посполитыхъ, сельскихъ людей. И вотъ изъ среды этихъ сельскихъ людей и отъ лица ихъ раздается безсильный голосъ...

Не лишено значенія и то обстоятельство, что голосъ этотъ направленъ былъ, между прочимъ, противъ духовенства, тогда какъ въ прежнее время это было почти невозможно. Ясно, что въ сознаніи мыслящихъ людей того времени вопросъ религиозный началъ отдѣляться отъ вопросовъ социальнаго и національнаго. Особенно выразительно поставленъ былъ этотъ послѣдній вопросъ въ извѣстномъ „Разговорѣ Великороссіи съ Малороссіей“¹⁾.

1) «Разговоръ» этотъ сочиненъ былъ «въ честь, славу и защищеніе всей Малороссіи» переводчикомъ генеральной войсковой канцеляріи Семеновъ Дѣвовичемъ въ 1762 г. См. Кіевская Старина

Собственно говоря, это есть ничто иное, какъ рассказанная въ стихахъ военная исторія Малороссіи — съ цѣлю разсѣять великорусскія предубѣжденія противъ Малороссіи и выставить на видъ ея всероссійское значеніе. На упрекъ Великороссіи за измѣну Мазепы Малороссія отвѣчаетъ:

„Вспомни ты сама всѣхъ измѣнниковъ своихъ
И разныхъ государственныхъ преступниковъ злыхъ,
Ты одного такого съ жаждой нашла во мнѣ,
А я легко видѣла сто подобныхъ въ тебѣ“.

Авторъ стоитъ, такъ сказать, на этнографической почвѣ, разумѣя подъ Великороссіей и Малороссіей двѣ народности великорусскую и малорусскую и отдѣляя ту и другую отъ Россіи, подъ которою онъ разумѣетъ государство русское. Идея государства воплощается въ лицѣ монарха, предъ которымъ обѣ народности равноправны.

„Знаю, что ты Россія“, обращается Малороссія къ Великороссіи, „да и я такъ зовусь,

Что ты пугаешь меня? Я и сама храбрюсь.
Не тебѣ, государю твоему поддалась,

При которыхъ ты съ предковъ своихъ и родилась,
Не думай, чтобы ты сама была мнѣ властитель,
Но государь твой и мой—общій повелитель,
А разность наша есть въ приложенныхъ именахъ:
Ты Великая, а я Малая—живемъ в смежныхъ странахъ,
Такъ мы съ тобою равны и одно составляемъ,
Одному, не двумъ государямъ присягаемъ“.

Не глубоко было этнографическое самосознаніе автора, хотя и опиралось оно на историческія воспоминанія. Предъ нимъ выступаетъ цѣлый рядъ гетмановъ, предводителей козацкаго войска, и самое войско съ его блестящими побѣдами и неумоляемой славой оружія. Гдѣ же народъ?.. О немъ нѣтъ ни слова въ „Разговорѣ Великороссіи съ Малороссіей“. Авторъ не раз-

1882 года, февраль. Доисполненіе «Разговора» тамъ же и за тотъ же годъ, іюль.

слышалъ голоса его въ шумѣ козацкаго оружія, не распозналъ мужественнаго и скорбнаго лица его въ толпѣ тѣхъ самыхъ козаковъ, которые спѣшили потомъ превратиться въ малороссійское шляхетство, не проронилъ ни одного малорусскаго слова въ стихотвореніи, которое написано было въ защиту Малороссіи.

Намъ остается замѣтить только, что въ новомъ поколѣніи малороссійскаго шляхетства самыя преданія о козацкой славѣ, воспѣтой въ народныхъ пѣсняхъ, сдѣлались предметомъ глумленія. Въ 1796 году написана была не дошедшая до насъ ода на смерть графа Румянцева-Задунайскаго. По поводу этой оды неизвѣстный намъ стихотворецъ обращается къ собрату своему съ слѣдующими словами:

„Ахъ, есть ли бѣ ты не пѣль героевъ,
 Но славу бѣ пѣль однихъ ословъ,
 И былъ правитель кобзы строевъ,
 Изобрѣтатель грубыхъ словъ:
 Ты бѣ лучше пѣль въ шинкѣ мѣщанамъ
 Козацки подвиги и трудъ,
 Любовь вознеслъ бы въ нихъ къ стаканамъ,
 То шагъ за то тебѣ дадутъ.
 А болѣе еще прибавятъ,
 Когда опишешь предковъ ихъ,
 Какъ было въ полѣ кашу варятъ
 Передъ толпой враговъ своихъ,
 Набѣговъ оныхъ не боятся
 И, кашей флинты зарядивъ,
 На нихъ привыкли устремляться,
 Галушками имъ лбы разбивъ...
 Вотъ лира что твоя пѣть можетъ
 Съ достойной славою себѣ,
 И ѣдка древность не изложеть
 Достойныхъ почестей тебѣ!“¹⁾

1) Кіевская Старина, 1884 г., май, стр. 148.

Стихи эти написаны были въ то самое время, когда уже ходили по рукамъ списки первыхъ трехъ пѣсенъ Эянды Котляревскаго. Намъ предстоитъ теперь коснуться вопроса, была ли народная малорусская рѣчь въ литературномъ употребленіи до Котляревскаго.

Много есть фактовъ, дающихъ положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Но всѣ эти факты, разбросанные на протяженіи всего прошлаго столѣтія, требуютъ историко-литературныхъ сопоставленій и объясненій.

П. Житцевій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПИКИНЕРІЯ.

„Исторія Русовъ“ давно и справедливо признается крайне мутнымъ источникомъ для исторіи Малороссіи. Многое изъ того, что рассказано въ „Исторіи“, не подтвердилось при изученіи документальнаго историческаго матеріала, однакоже и до сихъ поръ остались непровѣренными исторической критикой многія такія данныя, которыя нигдѣ, кромѣ „Исторіи“, не встрѣчаются. Настоящая замѣтка представляетъ опытъ провѣрки на основаніи сохранившихся архивныхъ матеріаловъ разсказа автора „Исторіи Русовъ“ о пикинерской *вербункѣ*, имѣвшей мѣсто въ 1764 г.

Последніе мѣсяцы гетманства графа Разумовскаго ознаменовались крупнымъ уменьшеніемъ территоріи гетманщины, значительная часть которой была оторвана отъ регимента ясновельможнаго и передана въ чужія руки.

Случилось это благодаря проекту генераль-поручика Мельгунова, предложившаго правительству образовать на южной границѣ гетманщины изъ поселеній Новой-Сербіи особую губернію, предназначенную служить передовымъ оплотомъ государства противъ Крыма.

Проектъ Мельгунова, въ виду тогдашнихъ политическихъ условій, былъ встрѣченъ въ Петербургѣ благопріятно и, согласно докладу сенаторовъ Н. И. и П. И. Паниныхъ, 20 марта 1764 г.

удостоился Высочайшаго утверждения. Новую губернію велѣно было назвать Новороссійскою; „главнымъ командиромъ“ надъ нею назначенъ Мельгуновъ; населенію ея были обѣщаны широкія льготы и вольности, а для охраны края отъ безпокойныхъ сосѣдей рѣшено организовать здѣсь поселенія двухъ гусарскихъ и трехъ пѣхотерскихъ полковъ¹⁾.

Учрежденіе новой губерніи поставило на очередь вопросъ объ украинской линіи, построенной въ Аннинское царствованіе знаменитымъ Минихомъ. Ея дальнѣйшее существованіе, въ виду распространенія поселеній въ глубь степей, становилось почти что ненужнымъ. Къ тому-же и сама линія въ стратегическомъ отношеніи не отличалась выгодами; она была слишкомъ длинна, мѣстность, ею занятая, по природѣ своей, не способна къ укрѣпленію и лишена воды и лѣса. Таково, по крайней мѣрѣ, было мнѣніе о линіи комиссіи, обсуждавшей вопросъ объ организаціи военной охраны новой губерніи. Комиссія эта состояла изъ генераль-фельдцейхмейстера Вильбоа, сенатора д. т. с. Панина, вице-президента Военной Коллегіи генераль-адъютанта графа Чернышева и генераль-поручика Мельгунова.

Комиссія пришла къ заключенію о необходимости передачи украинской линіи въ вѣдомство новой губерніи, а вмѣстѣ съ линіей рѣшено было передать и прилегающую къ ней мѣстность, до тѣхъ поръ входившую въ составъ гетманскаго регимента. „Понеже—объясняла комиссія въ своемъ докладѣ Государынь—многіе противу именныхъ указовъ черезъ вынѣшнюю линію перешли и жительство имѣютъ, слѣдовательно уже ни въ какомъ другомъ правѣ состоять не могутъ, какъ въ томъ, какими отъ Вашего Императорскаго Величества пожалованы будутъ, то сходствуя съ милосердіемъ В. И. В. разсуждается, не соизволено-ль будетъ какъ всю ту землю, по черту, при семь на подвешенной картѣ проведенную подъ литерой Б., также и ту, которая позади старой линіи означена точками подъ литерой А., какъ и прежде подъ линію была отдана, также и Водолаги,

¹⁾ И. Собр. Зак. Росс. Имп. Т. XVI, №. 12099.

въ пользу государственную назвавъ всю оную землю и съ ея жителями провинціей Екатерининскою, нынѣ въ Новороссійской губерніи подъ единое право подчинить и на той землѣ всякаго званія нынѣ живущихъ людей и впредь туда кто изъ малороссіянъ пожелаетъ, тѣхъ невозбранно въ службу и на поселеніе принимать, а кто не пожелаетъ тамъ остаться, тѣмъ вольно въ Малороссію возвратиться“.

Земля, которая на поднесенной комиссіей картѣ „позади старой линіи обозначена точками подъ литерой А“, принадлежала къ составу гетманщины и заключала въ себѣ сотни, расположенныя по Орели, Ворсклѣ и частью по Днѣпру, съ населеніемъ свыше 38 тыс. душъ.

Для охраны новой губерніи рѣшено поселить въ ней два гусарскихъ и три пикинерскихъ полка. Гусарскіе полки уже существовали: это были сербскіе полки, поселившіеся въ Новой Сербіи еще съ елисаветинскихъ временъ; что же касается пикинеровъ, то ихъ предположено на вербовать изъ охочихъ людей, а на охочихъ людей представлялась полная возможность разсчитывать, ибо въ одномъ только отхваченномъ отъ гетманщины кускѣ земли числилось болѣе 21 тыс. выборныхъ козаковъ и подпомощниковъ. Три пикинерскихъ полка должны были заключать въ своемъ составѣ 15468 чел. „въ полномъ мундирѣ, амуниціи и жалованьѣ“. Назначеніе офицеровъ въ формируемые полки предоставлено на усмотрѣніе „главнаго командира“, генераль-поручика Мельгунова, который получилъ право „опредѣлять ихъ въ должности ваурядъ, съ апробаціей Военной коллегіи, и какъ скоро который полкъ сочиненъ будетъ, то и настоящіе чины имъ (офицерамъ) оною коллегією даны будутъ“.

Всѣ эти предположенія 11 іюня того-же 1764 г. удостоились Высочайшаго одобренія ¹⁾, а 22 іюля состоялся сенатскій указъ, коимъ, согласно мнѣнію комиссіи, за живущими на территоріи Екатерининской провинціи людьми и съ тѣми, кто туда изъ малороссіянъ перейти пожелаетъ, подтвердилось право всту-

¹⁾ Полн. Собр. Зак. Росс. Имп. III. XVI. № 12180.

пять въ службу и на поселеніе, а кто не пожелаетъ,—волью въ Малороссію возвратиться ¹⁾).

Мельгунову оставалось теперь только принять въ свою команду отданный въ его управленіе край и начать вербовать. Такъ онъ и сдѣлалъ.

Разсказывая объ этой порѣ внутренней жизни гетманщины, авторъ „Исторіи Русовъ“ сообщаетъ: „Одинъ изъ генераловъ, вѣкто Мельгуновъ, проживавшій въ задніпрскихъ селеніяхъ подъ видомъ вояжира или и хуже, доносилъ ко Двору, что онъ нашелъ въ оной сторонѣ такихъ людей, которые нивакому правительству не принадлежатъ, и суть они тоже, что американцы, но къ военной службѣ признаются способными и охотными. Правительство предписало ему вербовать сихъ людей въ пикинеры и подчинить ихъ пограничнымъ начальствамъ. Вербуновъ тотъ охватилъ всѣ задніпрскія селенія Малороссіи и часть полковъ: Миргородскаго, Лубянскаго и почти весь Полтавскій, на сей сторонѣ Днѣпра состоящіе. А происходилъ онъ такимъ образомъ: разъѣзжавшій по селеніямъ Мельгуновъ останавливался обыкновенно въ корчмахъ сельскихъ и въ нихъ созывалъ тамошнихъ козаковъ. Послѣ первой попойки предлагалъ онъ записываться въ пикинеры, т. е. въ такую службу, которая есть также козацкая, но съ лучшими отъ козацкой преимуществами и выгодами, по которымъ нынѣшнихъ ихъ начальниковъ не только бояться они не должны, но и шапокъ передъ ними снимать не обязаны. Народъ, такъ близкій сосѣдствомъ къ авіатскимъ жителямъ, слѣдовательно и къ ихъ грубостямъ, тотчасъ хватался за слово „не бояться начальства и не шапковать передъ нимъ“, и началъ записываться въ пикинерію, столько, по ихъ мнѣнію, своевольную. Однако записывались въ нее самые мелкіе хозяева и великіе отъ нихъ опіяки и буйны. Такимъ образомъ набранные пикинеры изъяты заразъ изъ вѣдомства малороссійскихъ правительствъ и въ нихъ насланы о томъ письменные указы. Между пикинерствомъ же нажалованы имъ ротмистры и поручики изъ грамотныхъ писарей и церковниковъ, вербунку

¹⁾ Ibid. №. 12211.

оному споспѣшествовавшихъ. Въ слѣдъ за вербаками, очень понемногу изъ каждаго селенія набравшимися, вошли въ отвѣзъ самыя селенія со всѣми безъ изъятія жителями, ни мало не соглашавшимся на перемѣну ихъ состоянія и правъ природныхъ, и поверстаны всѣ они подъ [право Новороссійской губерніи, недавно устроенной, а селенія ихъ раздѣлены на четыре полка: Елисаветградскій, Днѣпровскій, Полтавскій и Донецкій. Сотенныя правленія скасованы, и знамена ихъ и архивы яныя заперты въ церквахъ, а другіе употреблены ротмистрами и ихъ женами на домовыя свои снадобья. Отъ правительства полковъ малороссійскихъ многія были представленія къ гетману объ отборѣ изъ ихъ вѣдомства такъ многихъ селеній въ пикинерію, да и отъ частныхъ помѣщиковъ и владѣльцевъ также внесены ему жалобы о уничтоженіи стародавнихъ ихъ правъ, многими монархами упривилегированныхъ. Гетманъ обо всемъ томъ дѣлалъ свои представленія ко Двору и въ Правительствующій Сенатъ, но все было тщетно, и отъ Сената объявленъ на то готовый указъ, еще въ сороковыхъ годахъ состоявшійся, коимъ повелѣвалось причислить къ проводимой тогда Украинской линіи пустопорожныхъ земель въ поперечку на 30 верстъ, а въ длину—на сколько та линія простирается будетъ. Новоявленная пикинерія пользовалась нарочитыми льготами около 7 лѣтъ: никакихъ податей и службы отъ нихъ не требовано, а только внушалось имъ о ихъ преимуществахъ и что они отъ малороссіянъ суть лучшіе и предпочтительнѣе. Для сего отличія нашиты имъ на обыкновенныхъ ихъ шапкахъ бѣлые банты изъ холста и тесьмы. Они снимали сіи шапки съ головы только внутри церкви, но и то уже передъ алтаремъ. Встрѣчаясь съ малороссіяниномъ, обыкновенно гровилъ ему пикинеръ: „вороты зъ дороги, гетманецъ, бо я за тебе лутчій“. А когда вопрошано его, почему лучшій? то отвѣчалъ: „Я и самъ того не знаю, але рохмыстры наши все письменни: изъ прасоливъ и шынкаривъ, а де-яки и изъ поповычивъ жалованы“. Таковою химерою усыплена была пикинерія до того, что никто въ ней больше не отзывался о древнихъ своихъ правахъ и привилегіяхъ, а хвастался каждый настоящимъ

величіемъ"¹⁾... На этомъ ми и остановимся, а теперь посмотримъ, что говорятъ архивные документы.

Когда въ августѣ 1764 г. Мельгуновъ, вѣдѣвъ съ полковникомъ Сѣвскаго полка Алымовымъ, прибылъ въ гетманщину отбирать отданныя въ его команду сотни, въ Малороссіи еще ровво ничего не знали ни о предстоящей урѣзкѣ края, ни о новозвленномъ пикинерскомъ войскѣ. Правда, еще 15 іюня отъ гетмана изъ Петербурга пришелъ ордеръ, сообщавшій объ учрежденіи Новороссійской губерніи, но въ этомъ ордерѣ, какъ и въ приложенной къ нему грамотѣ на имя гетмана, только и было сказано, что о назначеніи Мельгунова на должность „главнаго командира“ надъ новой губерніей, а въ помощники ему—генералъ-майора Исакова. О докладѣ 11 іюня и его утвержденіи глуховское правительство получило извѣстіе изъ Петербурга только 30 августа, когда Мельгуновъ успѣлъ уже отобрать въ свою команду нѣсколько сотенъ и когда надъ всей южной частью гетманщины царило сплошное недоумѣніе и смущеніе²⁾. Самъ же Мельгуновъ счелъ лишнимъ увѣдомлять хохлацкое начальство объ отдачѣ ему отрѣзанной территоріи, а предпочелъ обратиться непосредственно въ сотнянамъ.

24 августа 1764 г. въ Войсковой Генеральной канцеляріи были получены три доношенія полтавскаго полковника Горленка, въ которыхъ онъ сообщалъ глуховскому начальству странныя вѣсти, полученныя имъ отъ подкомандныхъ. Горленко доносилъ, что къ нему поступили „репорты“ отъ витайгородскаго сотника Семенова и сотенной Нехворощанской старшины, да письмо маяцкаго сотника Миргородскаго и другіе „письменные виды“ „о чинимомъ генераль-поручикомъ Мельгуновымъ учрежденіи пикинерскаго полку съ произведеніемъ въ тотъ полкъ маяцкаго сотника Миргородскаго ротмистромъ, войсковаго товарища Леонтія Синегуба—ротмистромъ же, коему какъ вербованіе, такъ и сотенное нехворощанское правленіе препоручены, съ отказомъ тамошнему атаману до сотеннаго правленія по всѣмъ указнымъ

¹⁾ Исторія Русовъ, 252 и 253.

²⁾ Архивъ Мал. Колл. № 2646.

дѣламъ не касаться, а другихъ старшинъ—въ разные чины⁹. Мельгуновъ объявилъ козакамъ тѣхъ сотенъ словесное приказаніе быть готовымъ вступить въ пикинерскую службу подъ страхомъ отобранія грунтовъ, если они на это не согласятся. Таковы были первыя вѣсти о пикинеріи, полученныя въ Глуховѣ. Вслѣдъ за ними послѣдовалъ рядъ другихъ. Факты, о которыхъ сообщали донесенія полковниковъ, были совсѣмъ необычайными, и Генеральная канцелярія совершенно не знала, что ей въ данномъ случаѣ дѣлать. Препятствовать Мельгунову она не смѣла, дать какой-нибудь отвѣтъ на запросы полковниковъ не рѣшалась, и потому ограничила свою роль аккуратнымъ представленіемъ на высокопоставленную резолюцію его ясновельможности всѣхъ поступавшихъ доношеній. 30 августа былъ наконецъ полученъ гетманскій ордеръ съ прописаніемъ нѣкоторыхъ статей доклада 11 іюня, разъяснившій Глуховскому начальству, въ чемъ дѣло; но такъ какъ и въ этомъ ордерѣ не было ни слова сказано о томъ, какова должна быть ея роль во всемъ происходящемъ, то и въ дальнѣйшемъ отношеніи канцелярія къ дѣлу перемѣнъ не послѣдовало: доношенія получались, переписывались и отсылались въ Петербургъ, а изъ Петербурга въ отвѣтъ не получалось ни слова.

А Мельгуновъ между тѣмъ дѣйствовалъ. Сотни одна за другой отбирались, а сотняне записывались въ списки будущаго пикинерскаго войска. Районы операций „главнаго командира“ Новороссійской губерніи охватили обширную территорию, въ составъ которой вошли тридцать южныхъ сотенъ Полтавскаго полка, сотни Кременчугская и Власовская въ Миргородскомъ полку, Потоцкая, Омельницкая, Голтвянская и Горошинская,—въ Лубенскомъ, а въ Переяславскомъ—Крапивенская и Ирелѣвская. Первымъ Мельгуновъ порѣшилъ сформировать Днѣпровскій пикинерскій полкъ, начальникомъ надъ которымъ назначилъ полковника Алымова. Алымову же было поручено и вербованіе съ приказомъ селить новыхъ полчанъ ротами въ крѣпостяхъ: Козловской, Θεодоровской, Рязской, Васильковской, Ливенской, въ Нехворощѣ, Маячѣѣ, въ Царичанкѣ и Китайгородѣ. Не по-

лагаясь на подчиненных, „главный командиръ“ Новороссійской губерніи и самъ принималъ въ вербованіи дѣятельное участіе. Во всѣхъ сотняхъ, въ которыя онъ являлся, генералъ прежде всего приказывалъ публиковать „выписи изъ сенатскаго указа о пивинерскомъ полку въ самонужнѣйшихъ речахъ“, въ которой перечислялись преимущества, пожалованныя отъ Ея Императорскаго Величества жителямъ Новороссійской губерніи. Преимущества эти были немаловажны и соблазнительны не для однихъ только обнищавшихъ подпомощниковъ и подсудковъ. „Земля—говорилось въ мельгуновскихъ объявленіяхъ—всякому жителю отъ перваго до послѣдняго каждому особо отмежевана и въ вѣчно-потомственное владѣніе утверждена. Вся земля раздѣляется на три званія. Первое званіе—земля военныхъ людей—никогда никакого платежа не будутъ давать. Второе званіе—государственныхъ поселянъ—также каждому особо отдѣлена и вѣчно во владѣніи утверждена; по проществу льготныхъ лѣтъ платить по числу земли малую подать. Третье званіе—помѣщичья, т. е. владѣльческая,—также каждому отдѣлена и вѣчно утверждена; платить противу поселянъ въ-полы. Вину и соливольная продажа. Никто никогда неволею въ службу взять не будетъ. Тѣ, которые въ службѣ находятся будутъ, всегда, когда только захочетъ, можетъ получить отъ службы увольненіе. Гусарскіе и пивинерскіе полки равно старшинство съ армейскими имѣютъ. Съ поселянъ, т. е. съ носполитыхъ, никакого денежнаго платежа въ казну, кромѣ что съ числа земли по 5 коп. съ десятины, а болѣе ничего ни съ хлѣба, ни съ воловъ никогда не будетъ требовано; оныя жители будутъ слыть государственными поселянами и никогда никому во владѣніе отданы не будутъ. Кто изъ пустыхъ земель населить людьми, тому та земля вѣчно утверждается. Кто порожнюю землю засѣетъ лѣсомъ и окопаеть рвомъ, такая часть земли, какъ бы велика ни была, отдается тому въ вѣчное владѣніе. Кто на вербуетъ въ службу въ гусарскій или пивинерскій полкъ, тѣ получаютъ за то чины, а именно набирать за чины: за майорскій 300 чел., за капитанскій—150, поручичій—80, прапорщичій—60, вадмистра—30,

а если на поселеніе, то поселянъ вдвое больше числомъ противу военныхъ считать. Земля, опредѣленная каждому рядовому пикинеру и поселянину—30 дес. Военнослужащіе по отставкѣ отъ службы по свою смерть, также и по смерти ихъ оставшіяся жены и дѣти пользуются тѣми же преимуществами, равно какъ и въ службѣ состояли, т. е. съ данной имъ земли никогда никакихъ податей въ казну брано не будетъ“.

Увлекая бѣдноту обѣщаніемъ заманчивыхъ льготъ и преимуществъ, Мельгуновъ вліялъ на болѣе состоятельныхъ козаковъ и старшинъ угрозами и щедрою раздачею чиновъ. О томъ, какъ онъ дѣйствовалъ въ этихъ случаяхъ, узнаемъ изъ донесенія сотеннаго нехворощанскаго атамана Ладинскаго. 11 августа, — сообщаетъ Ладинскій, — его высокопревосходительство Мельгуновъ изволилъ слѣдовать черезъ Нехворощу въ крѣпость св. Елисаветы. При надлежащей встрѣчѣ, его высокопревосходительство черезъ полковника Алымова объявилъ находящимся при встрѣчѣ козакамъ, чтобы имъ готовымъ быть и вступать въ пикинеры; сотеннаго атамана отставилъ отъ сотенной канцеляріи, которую поручилъ бывшему войсковому товарищу Леонтію Синегубу, коего произвелъ въ ротмистры; козаковъ устрашала отобраніемъ грунтовъ въ случаѣ несогласія на поступленіе въ пикинеры; приказалъ отбирать и содержать въ своемъ вѣдомствѣ деньги, которыя въ вышніе лѣтніе мѣсяцы сотенные комиссары соберутъ въ консистентскую дачу. Козаки, по донесенію Ладинскаго, хотя и объявили единогласное нежеланіе быть въ пикинерахъ, однакожъ „не безъ сомнѣнія находятся отобраніемъ грунтовъ“. А вотъ и другое донесеніе, отъ маяцкаго сотника Андрея Маргородскаго: „по прибытіи его высокопревосходительства въ Ливенскую крѣпость, гдѣ я находился съ сотенною старшиною, значковыми товарищами и козачьей командой для встрѣчи, позвано меня со всею старшиною въ избу полковника Алымова и онымъ госп. генераль-поручикомъ Мельгуновымъ персонально спрошено порознь, какихъ мы чиновъ, и когда мы объявили, то его высокопревосходительство безъ всего поздравилъ мене ротмистромъ и всѣхъ порознь, почему я, осмѣлясь, дабы въ

противность отъ меня чего не послѣдовало, говорилъ: ежели подлинно Высочайшее есть повелѣніе, что мѣстечко наше въ Малой Россіи выключено и другія орельскія сотни подошли въ губернію, то прошу де ваше высокопревосходительство меня чиномъ и подкомандныхъ моихъ не оставить, ибо де о семъ отъ его ясновельможности графа гетмана предложенія нѣтъ, и поелику мнѣ сотенный значокъ черезъ народнаго старшину по повелѣнію его ясновельможности врученъ, то не быть бы мнѣ въ какомъ отвѣтѣ; то на тое все генераль-поручикъ сказалъ самъ: все де при васъ и грунта остаются, и какъ жили люди, и жить велѣлъ“. Успокоительныя обѣщанія Мельгунова вліяли, однако, не на всѣхъ. Это видно изъ показанія маяцкаго сотеннаго писаря Семена Рекуновича, который, прибывъ въ Полтаву, заявилъ въ полковой канцеляріи, что никто изъ маяцкой старшины и козаковъ не согласился вступить въ пикинеры и дать подписку, тѣмъ не менѣе Мельгуновъ, не обращая на это вниманія, поздравилъ сотника Миргородскаго съ чиномъ ротмистра, городского атамана Гавриленка, значков. товарища Ивана Адаменка и Сем. Пріиму. произвелъ въ подпоручики, Николая Адаменка въ поручики, а Григорія и Василя Адаменковъ—въ прапорщики, его же, писаря, „хотя многократно полковникъ Алымовъ вахмистромъ поздравлялъ, токмо какъ и оный не пожелалъ такого чина принять, выгналъ его, писаря, съ квартиры“.

Только въ самомъ концѣ августа, послѣ приѣма въ свое вѣдомство ряда мѣстечекъ и хуторовъ, Мельгуновъ счелъ нужнымъ извѣстить о происшедшемъ мѣстное начальство. Въ присланномъ имъ на имя полтавскаго полковника Горленка уведомленіи значилось, что, наблюдая пользу Е. И. В., онъ, Мельгуновъ, во время проѣзда чрезъ линію въ прилежащихъ къ той землѣ бывшихъ Полтавскаго полка мѣстечкахъ объявилъ увязъ и тѣ сотенныя мѣстечки съ хуторами принялъ въ свою команду. Въствѣ съ тѣмъ, „главный командиръ“ новой губерніи доставилъ Горленку и копію съ доклада 11 іюня, да кстати же извѣщалъ его и о томъ, что его подкомандный, значковый товарищъ Моисей Петровъ, опредѣленный недавно мѣстнымъ начальствомъ въ

полковные комиссары, произведенъ имъ, Мельгуновымъ, подручникомъ въ Дѣпровскій пикинерскій полкъ, а потому и счета его съ подтавской полковой канцеляріей должны считаться законченными.

А жители отошедшихъ подъ Новороссійскую губернію мѣстечекъ между тѣмъ волновались. Изъ Маячки сотникъ Миргородскій снова доносилъ Горленку, что отъ Алымова полученъ приказъ непремѣнно къ 20 августа составить списки всѣхъ обывателей Маячки съ указаніемъ, кто изъ нихъ желаетъ поступить въ пикинеры, а кто въ поселяне. Такія же справки требовались и о состоящихъ въ задѣпровскихъ мѣстахъ козакахъ. Но маячане не хотѣли ни въ пикинеры, ни въ поселяне, о чемъ и объявили Алымову, единственно ссылаясь на „пункта“ при указѣ. Даже маяцкій сотникъ Миргородскій, несмотря на соблазнительность пожалованнаго ему Мельгуновымъ ротмистрскаго чина, отказывался дать подписку въ добровольномъ согласіи на оставленіе малороссійской службы. Раздраженный Мельгуновъ угрожалъ маячанамъ отобраніемъ грунтовъ, съ коихъ нежедающіе будутъ согнаны нарочитыми командами.

Сильно волновались и не знали, что дѣлать, и обыватели Царичанской сотни. Алымовъ объявилъ здѣсь ордеръ Мельгунова объ отобраніи сотни подъ Новороссійскую губернію и запретилъ сотнику Руновскому чинить наряды и вообще какія бы то ни было исполненія по ордерамъ полковой канцеляріи. Энергичнаго сторонника новыхъ порядковъ Алымовъ нашелъ здѣсь въ лицѣ атамана Тимковскаго, о которомъ Руновскій доносилъ Горленку: „атаманъ Царичанскій Тимковскій собралъ въ мѣстечку Царичанкѣ народъ и не выпускаетъ зъ города черезъ два дня, бьетъ въ колоколъ на гвалтъ, объявляетъ имъ себе поручникомъ и что только онъ командиръ, приказываетъ народу мене не слушать, разгонитъ канцелярскихъ служителей и прочія чинить продерзости, отъ которыхъ его продерзостей нижайше прошу вашей панской вельможности показаннаго Тимковскаго унять“.

Маячане фрондировали, царичане недоумѣвали, а нехворощане шли въ ново пожалованному ротмистру Синегубу и запи-

сывались въ пикинеры или въ поселяне, кому какъ было удобнѣе. Нехворощанскій сотникъ Прокопцевъ доносилъ Горленку: „за опублнкованіемъ Е. И. В. указа, какъ изъ слободы мѣей Андреевки и другихъ владѣльцевъ подданные, такъ и козаки подпомощники подъ учрежденный Днѣпровскій пикинерскій полкъ въ пикинеры и въ поселяне записываются и оставляютъ свои жилые дворы и хаты впустѣ, вмѣстѣ съ имуществомъ своимъ: версты за три отъ мѣстечка Нехворощи въ батальоны на жительство переходятъ, да и прочіе всѣ выборные козаки и полпомощники намѣрены переходить, и только однѣ пустыя хаты и церкви остаться имѣютъ. А чтобъ въ переходѣ никому отъ сотенной старшины препятствія чинено не было, для защищенія прислана отъ полковника Алымова 3 сентября регулярная команда“. Ротмистръ Синегубъ показывалъ нехворощанамъ ордеръ, полученный имъ отъ своего новаго начальства, въ которомъ сказано, что Алымову поручено всѣ состоящіе за линією противъ Днѣпровскаго полка въ 20-ти верстахъ слободы и хутора приписать къ ротамъ пикинерскаго полка, къ которой какое мѣсто удобнѣе будетъ, а владѣльцамъ тѣхъ слободъ и хуторовъ объявить, что если кто изъ нихъ желаетъ быть подъ вѣдомомъ пикинерскаго полка, то подавали бы прошенія Алымову, а кто не пожелаетъ, у такихъ находящихся на ихъ земляхъ подданныхъ приписывать къ ротамъ на правахъ государственныхъ поселянъ. Подданнымъ велѣно было объявить, чтобы они жили на прежнемъ мѣстѣ и всѣмъ тѣмъ пользовались, чѣмъ понынѣ владѣли, а прежнимъ своимъ помѣщикамъ, которые со всѣми своими поселеніями не подпишутся подъ вѣдомство пикинерскаго полка, ничего не платили и не работали; прежній помѣщичій окладъ велѣно было собирать въ казну впредь до разсмотрѣнія. Для доставленія Синегубу возможности осуществить ордеръ, къ нему прислана была команда изъ 8 солдатъ при одномъ капралѣ.

Въ Орлянской сотнѣ Мельгуновскія распоряженія осуществлялъ мѣстный сотникъ Осовѣцкій, не стѣсняясь мѣрами насилія и жестокости. Сотенный Орлянский атаманъ Байракъ купно съ товарищами-козаками, писалъ Горленку: 13 августа

сотникъ Осовѣцкій произведенъ въ ротмистры въ первую пикинерскую роту (въ мѣст. Бишенки), сотенный писарь Николаевъ—въ подпоручики, сотенный канцеляристъ Пѣкуша—въ прапорщики. 15 августа новый ротмистръ билъ въ колоколь на гвалтъ, собралъ народъ и принуждалъ, да и теперь принуждаетъ, насильно подписаться въ пикинеры, посылая по дворамъ и хатамъ нарочныхъ и призывая днемъ и ночью въ домъ свой, устрашая лишеніемъ имѣній и изгнаніемъ изъ мѣстечка прочь, а другихъ жестокими побоями. Онъ же, Осовѣцкій, находилъ ночью гвалтомъ на домъ одного козака, дабы изувѣчить его за отказъ отъ пикинерской службы, такъ что тотъ едва убѣжалъ; называетъ тѣхъ, кто не согласенъ идти въ пикинеры, раскольниками и бунтовщиками; заперъ ворота линейныя и не пропускаетъ никого безъ вида за его подписью, а за линію—пишутъ челобитчики—всѣ наши хлѣба и сѣно и скоть и прочее находятся.

15 сентября къ полтавскому полковнику снова поступила челобитная изъ Орлянской сотни, подписанная тѣмъ же Байракомъ, а съ нимъ 104 козаками да 20 посполитыми. Челобитчики писали, что бывший ихъ сотникъ, нынѣ ротмистръ, Осовѣцкій „при колокольномъ звонѣ на гвалтъ публикуе чтось и называе указомъ“, принуждаетъ орлянъ записываться въ пикинерію, угрожаетъ отнятіемъ имѣній и изгнаніемъ изъ мѣстечка прочь, не пропускаетъ за линію въ поля, гдѣ хлѣбъ. Ротмистръ испросилъ себѣ 30 солдатъ регулярной команды при одномъ унтеръ-офицерѣ и разставилъ ихъ по домамъ, гдѣ они чинятъ вымогательство, вытаскиваютъ изъ-подъ хозяевъ постели и, что хотятъ, берутъ съ бранными словами. Осовѣцкій—писали сотняне—посылаетъ нарочныхъ козаковъ, которые по-неволѣ принуждены его слушаться, грабятъ наши имѣнія: у Байрака заграбилъ 3 лошади, у Головка, набѣжавъ на хуторъ гвалтомъ и разогнавъ жену и дѣтей, заграбилъ 3 сѣрныя съ 12 руб. и всѣмъ бывшимъ въ нихъ добромъ, 3 ружья, 2 списа, одного воя, 12 воловъ, двѣ коровы, 4 казана, барило горѣлки и пр.; у того же Головка взялъ со двора женщину, билъ немилосердно батожемъ четыре раза и нынѣ держитъ въ своемъ дворѣ; у

Щербатаго взялъ выборническую лошадь и заморилъ; похваляется всѣхъ разорить и съ живыхъ драть кожи, Байрака же, Головка, Щербатаго и Киселя—предать гробу; запродавъ заднѣпрскимъ обывателямъ острова съ лѣсами, принадлежавшими издревле всѣмъ вообще орлянамъ, и они изрублены теперь въ пень. Когда орляне собрались читать грамоту о Новороссійской губерніи, Осовѣцкій, обнажа „шаблю“, кричалъ регулярной командѣ заряжать ружья и отъ кровопролитія былъ воздержанъ только унтеръ-офицеромъ. Въ послѣдніе дни Осовѣцкій, испросивъ другую регулярную команду, заграбилъ до остатка все имѣніе Байрака, разорилъ домъ, двери повывламывалъ, окошки повырubilъ, козаковъ Бутенка, Киселя и Стася побилъ до полусмерти, а Бугрилеенка билъ немилостиво и мучилъ „въ вязенію“ на колокольнѣ. Осовѣцкій объявилъ жителямъ, что если черезъ три дня они изъ мѣстечка не выберутся, то всѣ выгнаны будутъ насильно.

Осовѣцкій не останавливался передъ мѣрами насилій, конечно, потому, что передъ ними не останавливался и самъ „главный командиръ“ Новороссійской губерніи. Дабы побудить упрямыхъ хохловъ въ „добровольному согласію“ на поступленіе въ пикинеры, Мельгуновъ приказалъ расположить Молдавскій гусарскій полкъ въ Китайгородѣ, Маячкѣ, Нехворощѣ и Царичанкѣ постоемъ у тѣхъ жителей, которые не пожелали быть въ пикинерахъ, а всѣ состоящіе за ливією въ 20 верстномъ разстояніи хутора и слободы приписать къ пикинерскому полку. Китайгородскіе козаки, въ числѣ 69 человекъ, попробовали было протестовать противъ этого распоряженія. Они указывали, что земля, которую у нихъ теперь отнимають,—ихъ единственное имущество; что живутъ они здѣсь вовсе не „въ противность именныхъ указовъ“, какъ докладывала комиссія Государынѣ, а согласно сенатскому указу отъ 16 ноября 1743 г., по которому имъ вновь было позволено селиться за линіей. Ссылались китайгородскіе сотняне и на многочисленныя жертвы, принесенныя ихъ предками и ими въ 1696 г. при нападеніи татаръ, потомъ въ Шведскую и Турецкую войны, при постройкѣ

крѣпостей св. Елисаветы и св. Димитрія и въ послѣднюю Прусскую войну, и въ заключеніе заявляли, что они вовсе не желаютъ быть подъ Новороссійскою губерніею, а хотятъ быть подъ Малороссійскимъ правомъ и служить козаками, какъ и предки ихъ служили. На протесты, однако, не обратили вниманія. Китайгородскій сотникъ Семеновъ доносилъ Горленку, что при томъ способѣ дѣйствій, какой принять Мельгуновымъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что онъ заставитъ всѣхъ обывателей сотни приклониться къ пикинерскому полку, а изъ Маячки сообщалось, что отсюда такъ много обывателей вышло уже въ Слободу при Ливенской крѣпости, что собирать слѣдующее порціонные сборы не съ кого, а оставшіеся не въ состояніи платить, ибо за отказъ отъ пикинерской службы ихъ не выпускаютъ ни въ лѣсъ, ни въ поле, гдѣ ихъ добро.

Чувствительно отозвались распоряженія Мельгунова и на мѣстныхъ „владѣльцахъ“. Оставляли свои хаты впускать не одни подданные сотника Прокопьева. Самъ генеральный обозный Кочубей принужденъ былъ потерпѣть немалый уронъ отъ мельгуновскихъ ордеровъ. Въ его полтавскихъ маетностяхъ, въ селѣ Писаревкѣ (первой полковой сотни) и въ слободѣ Личевой (Нехворощанской сотни) всѣ подданные, которыхъ было болѣе 200 хатъ, записались въ Новороссійскую губернію,—иные въ пикинеры, а другіе въ поселяне. Алымовъ выдалъ имъ билеты, чтобы до нихъ никго дѣла не имѣлъ и работы не требовалъ, и „хотя—жаловался Кочубей—оные подданные въ тѣхъ же маетностяхъ находятся, однако, не хотятъ отбывать повинность господину и платить консистентскихъ дачъ“. А между тѣмъ подданные эти жили въ Кочубеевскихъ маетностяхъ болѣе 20 лѣтъ и „нажили себѣ не малую субстанцію“.

Въ Миргородскомъ полку отошли подъ Новороссійскую губернію и тѣ мѣстности, которымъ отходить къ ней совсѣмъ не слѣдовало. Козаки Кременчугской сотни Максимъ Некраса, Сила Ивановъ и Ив. Пышный жаловались полковнику своему Остроградскому: „сего августа 16 сотникъ Кременчугскій Яковъ Гавриловъ призвалъ насъ и многое число товарищей нашихъ

козаковъ въ собственный свой домъ, въ которомъ былъ съ нимъ только застающій отъ его высокопревосходительства генералъ поручика Мельгунова капитанъ Данило Ивановъ, уговаривалъ насъ, чтобъ мы всѣ обще изъ-подъ малороссійской команды удалились, и подписались бы подъ нѣкоторымъ письменнымъ обязательствомъ со всею сотнею Кременчугскою и грунтами и угодьями подъ вѣдѣніе Новороссійской губерніи, обнадеживая, яко всякому, въ прибавокъ къ имѣющимся въ нашемъ теперешнемъ владѣніи грунтамъ, по многomu числу за р. Днѣпромъ находящейся земли отведено будетъ къ вѣчному владѣнію, почему мы и купно съ нами до 60 сотнянъ говорили ему: ежели имѣется о заверстаніи насъ подъ Новороссійскую губернію Высочайшій Е. И. В. указъ, то просимъ намъ съ товарищи всей сотни козакамъ и прочимъ жителямъ оный объявить. Напротивъ чего сотникъ сказалъ: „только де подпишѣтся, желаете ли быть подъ Новороссійской губерніей, то и указъ вашъ объявленъ будетъ“. Послѣ чего какъ отъ насъ съ товарищи съ многократнымъ подтвержденіемъ объявлено было ему, сотнику, сіе, что мы, будучи природные малороссіане, ни въ каково другое называніе отъ своей воли приступить не желаемъ, то помянутый капитанъ Ивановъ сказалъ ему, сотнику: „повтому де ты, Яковъ Федоровъ, остался“, напротивъ которой капитана рѣчи и ояъ, сотникъ, сказалъ: „я де и самъ теперича, какъ вижу, проигралъ“, и затѣмъ сотникъ велѣлъ намъ всѣмъ съ товарищи изъ дому своего отходить. Будучи жъ ояъ, сотникъ Гавриловъ, предъ тѣмъ отъ 15 августа подписанъ съ обязательствомъ быть подъ вѣдѣніемъ Новороссійской губерніи и опредѣленъ уже въ пикинерскій полкъ ротмистромъ, всеприлежнѣйшимъ старательствомъ своимъ пріохотилъ подписаться и кременчугскихъ старшинъ: атамана сотеннаго Оболонскаго, асаула Собецакаго, хорунжаго Гореславца, писаря Семенова, атамана походнаго Вѣлшанаго да канцеляриста Очередка и бывшихъ атамана походнаго Яковлева, хорунжаго Терентіева съ сыномъ его Петромъ да козаковъ 9 чел., а прочіе кременчугскіе сотняне, въ томъ числѣ и мы, что на подговоръ его, сотника, не склоня-

лись, то онъ, сотникъ, злясь и всеудобовозможными мѣрами старался, какъ бы сдѣланное имъ о бытіи сотнянамъ кременчугскимъ подъ объявленною губерніею обязательство привести въ безпорочное исполненіе; умыслилъ козакамъ кременчугскимъ, равно и намъ, запретить въ базарныхъ коморахъ и въ домахъ низайшимъ промысломъ не торговать и прочимъ утѣснять, склоняя къ подпису, а сверхъ того въ таково, почитать всѣхъ, кременчугскихъ сотнянь замѣшательство привелъ, что въ нынѣшнее самонужнѣйшее ко упрятанію хлѣба время принуждены лишиться и по разнымъ отъ домовъ своихъ мѣстамъ скрываться, и когда мы, низайшіе, также и еще 5 сотнянь, не хотячи по голословному сотника обнадеживанію приступать и подписываться не пожелали, желая по жизнь нашу быть въ малороссійской командѣ въ отправленіи по званіямъ нашимъ козачей службы, какъ и предки наши находивались, то онъ, сотникъ, уемотря крайнее наше нежеланіе и не допуская по командѣ нашей за то въ жалобѣ, помянутыхъ козаковъ данными на просьбу его, сотника, Ямбургскаго полка корабинерами въ страхъ другимъ арестовавъ, посадивъ подъ великороссійскій Ямбургскаго полку караулъ; мы же, низайшіе, всилу ночью тайнымъ образомъ въ мѣстечка убѣгли“.

У кременчугскаго сотника нашлись подражатели. Во Власовѣ два значковыхъ товарища, Семень и Алекс. Устимовичи, стали собирать у козаковъ подписи подъ прошеніемъ о желаніи быть подъ Новороссійскою губерніею, а въ с. Рублевкѣ выскался такой же добротъ въ лицѣ нѣкоего Задорожнаго. Нашлись охотники до пикинерской службы и въ Келебердѣ (Полтавскаго полка) и тоже подали просьбу о присоединеніи къ новой губерніи. Для Мельгунова этого было достаточно, чтобы объявить Кременчугскую и Власовскую сотни отписанными отъ Малой Россіи и принятыми подъ его команду.

Объявленіе это вызвало среди кременчугцевъ сильныя протесты. Стойчикъ сотенной кременчугской канцеляріи Лашко явился къ Остроградскому съ жалобой на Гаврилова за неправильную его записку въ пикинеры и заявилъ: „призвалъ мене

сотникъ и спросилъ: куда де хочешь записаться, не объявляя, въ какую службу; то я по простотѣ, не вѣдая его намѣренія, сказалъ: „куда козачи, туда и я“, а потомъ Гавриловъ, какъ слышно стороною, вписалъ мене въ пикинеры“. Лашко ходилъ къ сотнику и просилъ не вписывать его въ пикинерскій списокъ, но сотникъ на ту его просьбу ничего ему не объявилъ; „а понеже какъ предки мои козачо служили, такъ и я, низжайщій, съ потомствомъ своимъ козачо служить желаю, въ помянутую жъ пикинерскую службу вовсе какъ напередъ не желалъ, такъ и нынѣ не желаю“. Вслѣдъ за Лашко въ полковую канцелярію явилось еще 60 козаковъ изъ Кременчуга съ жалобой на Гаврилова за то, что онъ неправильно показалъ ихъ желающими быть подъ Новороссійскою губерніей, о чемъ они, просители, ни словесно, ни письменно нигдѣ не объявляли, а напротивъ, желаютъ по примѣру предковъ оставаться въ малороссійской службѣ. Гавриловъ, желая ихъ къ своему хотѣнію привести, ласкаетъ козаковъ, находящихся въ командиращіяхъ, смѣною и другими подобными ласкательствами, а прочіихъ, не склоняющихся на ласкательство, устрашаетъ разными способами: такъ однажды, будучи въ сотенной канцеляріи, онъ убѣждалъ нѣкоторыхъ и для наивящшаго ихъ устрашенія держалъ подъ карауломъ находящагося въ Кременчугѣ Ямбургскаго карабинернаго полка, причемъ, созвавши плотниковъ съ топорами, приказалъ дѣлать на несогласныхъ колодки. Нѣкоторыхъ изъ челобитчиковъ Гавриловъ тѣснитъ необыкновенными постоями, какихъ прежде даже при большихъ наѣздахъ не бывало; беретъ подводы „съ немалымъ противъ прежняго отягощеніемъ“ и по просьбамъ объ отлучкѣ изъ Кременчуга по крайнимъ нуждамъ не выдаетъ паспортовъ, объявляя, что если просящій въ его угоду подпишется на пикинерскомъ списокѣ, то и паспортъ ему данъ будетъ, а нежелающихъ устрашаетъ высылкой съ нынѣшнихъ предковскихъ грунтовъ и жилей во внутрь Малыя Россіи и чинитъ утѣсненіе въ забранѣ съ поля хлѣба. „И по такимъ устрашеніямъ—писали челобитчики—и въ дома намъ безъ командира явиться опасно, ибо если командира намъ опредѣлено

не будетъ, онъ крайне насъ раззорить можетъ". Сотняне заканчивали свою челобитную просьбой объ оставленіи ихъ по прежнему въ малороссійской службѣ и опредѣленіи къ защищенію ихъ новаго командира. Вслѣдъ за этимъ поступило прошеніе еще отъ 39 кременчугскихъ сотнянъ уже на имя гетмана въ Генеральную Канцелярію. Въ немъ козаки жаловались, что Гавриловъ принуждаетъ ихъ насильно къ пикинерской службѣ и тѣснить многихъ изъ нихъ подъ карауломъ, такъ что они принуждены оставить свои дома, женъ и дѣтей и по разнымъ мѣстамъ крыться; если и впредь имъ не будетъ отъ гетмана защиты, то они, челобитчики, принуждены будутъ спасаться отъ Гаврилова развѣ побѣгомъ. Такъ какъ за опредѣленіемъ Гаврилова въ ротмистры имъ невозможно оставаться безъ командира, то просятъ опредѣлить къ нимъ сотникомъ войсковаго канцеляриста Григорія Бужинскаго ¹⁾).

Не смотря на протесты кременчугскихъ сотнянъ, восторжествовали не они, а Гавриловъ. 6 сентября Ея Величеству доложено было слѣдующее прошеніе отъ старшинъ Кременчугской и Власовской сотенъ:

„Мы, нижеподписавшіеся малороссійскихъ сотенныхъ мѣстечекъ старшины, выборные козаки и владѣльцы въ тѣхъ мѣстечкахъ съ нашими подданными и съ желающими жителями, твердо будучи увѣрены, что В. И. В. изъ матерняго милосердія всѣхъ своихъ вѣрноподданныхъ всякаго званія людей въ лучшее состояніе и благополучную жизнь приводитъ за весьма себѣ утомительное монаршеское удовольствіе поставляя и въ томъ неутомимый трудъ всемилостивѣйше соизволите брать; взирая на то, мы, вѣрноподданные рабы В. И. В., дерзаемъ испросить такого же матерняго призрѣнія, чтобъ насъ цѣлыми нижеозначенными мѣстечками къ Новороссійской губерніи, оставя насъ при прежнихъ нашихъ земляхъ и угодьяхъ, подъ единое право и команду соединить, чрезъ что совершенно мы уповаемъ въ лучшее состояніе нашу жизнь привести, и полезнѣе нынѣшняго В. И. В. и

¹⁾ Архивъ Малор. Полк. № 1884.

отечеству сдѣлаться. Всемилостивѣйшая Государыня, мы, вѣрно-поданные В. И. В. рабы, всеподданнѣйше просимъ о семъ нашемъ прошеніи Высоч. милосердіе и указъ учинить* 1).

Высочайшее милосердіе, о которомъ просили кременецкіе и власовскіе старшины, было учинено; былъ учиненъ и указъ, полученный въ Глуховѣ 4 октября, коимъ повелѣвалось отдать Кременчугъ и Власовку съ жителями, землями и угодьями, по ихъ желанію, подъ вѣдомство и права Новороссійской губерніи 2).

А что же дѣлалъ гетманъ, на защиту котораго надѣялись всѣ недовольные мельгуновскими распорядками? Гетманъ написалъ въ Сенатъ представленіе, въ которомъ излагалъ содержаніе всѣхъ полученныхъ имъ донесеній, и не надѣясь отстоять за собою отрѣзанныя сотни, напиралъ главнымъ образомъ на экономическія затрудненія, вытекающія изъ новыхъ порядковъ. За отдѣленіемъ значительной части Малой Россіи въ Новороссійской губерніи, по мнѣнію гетмана, должно послѣдовать сильное отягощеніе малороссійскимъ козакамъ и посполитымъ какъ въ нарядахъ козаковъ на службу Е. И. В., такъ и во всякихъ указныхъ повинностяхъ, въ томъ числѣ и въ продовольствіи по положенію квартирующихъ въ Малороссіи шести карабинерныхъ полковъ, командиръ которыхъ, генераль-адъютантъ Оладъ, по прежнему требуетъ выстаченія натурального довольства безъ уменьшенія. Ссылаясь гетманъ и на то, что отошедшія въ Новороссію мѣстечки издавна принадлежали къ Малой Россіи, а относительно владѣльцевъ, подданные которыхъ уходятъ на поселеніе въ роты, писалъ, что для нихъ отъ такихъ уходовъ чувствительная произойдетъ обида, тѣмъ паче, что приемъ ихъ въ вѣдомство Новороссійской губерніи совершается въ отмѣну указа 10 декабря 1763 г., коимъ за подданными признавалось право вольнаго перехода, но запрещалось принимать ихъ на новыя мѣста безъ письменнаго отпуска отъ прежняго владѣльца. Гетманъ просилъ по крайней мѣрѣ Высочайшаго благоразсмотрѣнія, не повелѣно-ль будетъ живущимъ въ отошедшихъ подъ Ново-

1) Пол. Собр. Заб. Рос. Импер. Т. XVI, №. 12236.

2) Архивъ Мос. Колл. № 2646.

россійскую губернію сотнямъ обывателямъ отдавать и уплачивать повинности бездомочно обще съ прочими малороссійскими жителями.

Ясновельможный доживалъ въ это время послѣдніе дни своего гетманства, и не удивительно, что на его представленія не обратили должнаго вниманія. Разумовскій еще разъ обратился въ Глуховъ за справкой, сколько жителей числилось въ отошедшихъ подъ Новороссійскую губернію сотняхъ, а затѣмъ замолкъ окончательно.

Молчаніе не могло, однако, успокоить взволнованные умы. Изъ м. Орлика явился къ ясновельможному въ Петербургъ атаманъ Байракъ, тотъ самый, который уже и прежде ходатайствовалъ за своихъ односотнянъ передъ мѣстнымъ начальствомъ, и подалъ ему челобитную на Высочайшее имя объ оставленіи г. Орлика по прежнему въ Малороссійской службѣ и о чинимыхъ отъ ротмистра Осовѣцкаго, принужденіяхъ, грабительствахъ и обидахъ ¹⁾. Вслѣдъ за прошеніемъ Байрака поступили челобитныя отъ козаковъ и владѣльцевъ изъ Потока, Омельника, Манджелѣвки, Голтвы, Горошина, Бѣлоцерковки, Иркѣева, отъ генерала Штофеля, отъ полковника Битяговскаго. Въ самой Малороссіи продолжалась прежняя смута. Находились люди, которые, по выраженію Государыни, разными кривотолками пугали и развращали жителей простолюдиновъ и во всякому неосновательному слуху легковѣрныхъ. Въ число такихъ злоумышленниковъ попалъ, напр., Кобелякскій сотникъ Могилевскій. Успокаивать умы пришлось уже новому „шефу“ Малороссіи, графу Румянцеву, на распорядительность котораго Екатерина въ данномъ случаѣ возлагала всѣ упованія. Именнымъ указомъ отъ 26 февраля 1765 г. малороссійскому генераль-губернатору было приказано „поручить генераль-поручику Бранту, яко члену Малороссійской коллегіи, придавъ къ нему Сѣвскаго полка полковника Милорадовича и одного изъ старшинъ надежнаго человѣка, чтобъ они въ тѣхъ мѣстечкахъ объявили всѣмъ жителямъ всемилостивѣйшее къ нимъ

¹⁾ Архивъ Моск. Колл. № 2646.

милосердіе, что они всё по своимъ прежнимъ обычаямъ при владѣніи землями, угодьями и вольностями навсегда остаются; если же тѣми комиссіонерами кто примѣченъ будетъ въ разглашеніи вредныхъ слуховъ, таковыхъ имъ приказать, смотря по винѣ, сокращать, дабы черезъ то простыхъ людей отъ невольнаго преступленія сберечь“.

Тѣмъ же указомъ былъ наконецъ разрѣшенъ и недоумѣнный вопросъ о томъ, какія изъ присвоенныхъ Мельгуновымъ сотенъ должны отойти къ Новороссіи, а какія возвратиться въ малороссійское вѣдомство. „Въ малороссійскую команду“ были возвращены: Потокъ, Омельникъ, Манджелѣвка и Голтва—къ Миргородскому полку, къ которому они принадлежали и раньше, Дорошинъ и Бѣлоцерковка—къ Лубенскому, Крапивна и Ирклѣвъ—къ Переяславскому. Изъ владѣльческихъ селеній, попавшихъ было подъ пикинерію, къ Малороссіи были возвращены деревни генералъ-маіора Штофеля и полковника Битаговскаго въ Миргородскомъ полку, а Власовка и Кременчугъ остались за Новороссійской губерніей. Пострадалъ, такимъ образомъ, преимущественно Полтавскій полкъ, отъ котораго было отобрано все, что лежало на 40 верстъ отъ линіи.

Подъ пикинерію отошли: Нахвороща, Маячка, Царичанка, Китайгородокъ, Орель, Череволочна, Кишенка, Соколка, Кобеляки, Бѣлики, Старые-Санжары и Новые Санжары. Попала подъ пикинерію и Келеберда, несмотря на то, что лежала дальше 40 верстъ отъ линіи, попала, какъ сказано выше, потому, что объ этомъ просили сами келебердяны.

Какова была дальнѣйшая судьба пикинеровъ,—по бывшимъ въ нашемъ распоряженіи документамъ не видно.

Д. Миллеръ.

МАРУСЯ БОГУСЛАВКА.

Побытово-исторычня драма въ пяти одминахъ.

(Окончаніе ¹).

ДІЯ II.

Роскошный кіоскъ зъ мраморовыми сходами. Кругомъ пышный садокъ зъ квітныкомъ, водометамы и ризными оздобамы. З-за вершынь деревъ биліють навдали шпыли манаретивъ. Въ прогалыну сыніе море. День.

Выхидъ 1.

Маруся, евнухъ и одалискы.

(Маруся сыдыть въ кіоску; по сходахъ, до самого долу, малёвнычо розмыстылись одалискы съ зурнамы; поодаль стоять и назыра евнухъ).

Хоръ одалисковъ. Дысть трипоче, квітка мліе;

Изъ-за темныхъ витивъ въ гай

Билолицый вызырае,

Все серпанкомъ срибнымъ крпе...

Водометы мовъ послулы,

Стыха крапають слёзамы;

Лыне писыня дывна, чула

З-за мурованой брамы.

*) См. Бѣвск. Огар., 1899, № 11.

Пидь розложыстымъ чынаромъ
 Прохолода и темрѣва.
 Перелазъ же незабаромъ,
 Мое щастя и неслава!
 Уже сплять дозорци люти,
 Нема дома мого кѣта...
 Эхъ, у тажкій мой скрути
 Це единая видплата!..
 Прыгорнусь до тебе щасно,
 Поцилувкамъ зогрію
 И у любощахъ заласныхъ
 Занимію и зомлію.

Маруся

*(слушае письмо яко не уважно и журно, а дами
 махнула рукою на одалиска).*

Яка у васъ сумна жиноча доля!
 Сыды й нудысь въ нимій самотыні,
 Якъ злодій крадь хвыльну того щастя
 И за ёго жыттямъ своимъ платысь:
 Таки й песни у васъ важки, нудлыви,
 Навіксть вразъ на душу тилькы сумъ...
 Доволи ихъ! Идуть собі, здорови,
 Лышитъ мене зъ нудьгою...

Одалиска 1-ша.

Выбачай,—

Тоби ни въ чымъ не-можна догодыты.

2-га одалиска. Гордуешъ ты, владычня...

Маруся.

Я васъ,

Подруженькы, образыть не хотила.

Бувайте-но щаслыви! *(Простяга руку, мовъ на
 прощання).*

Одалискы

(кланяются).

Крый Пророкъ

Тебе по вику свою бородою! *(Выходятъ).*

Выхидъ 2-й.

Маруся сама.

Маруся.

Якъ обрыдѣ ця волста тюрма!
 Ни щыросты, ни чеснои людныи,

Ни вильныхъ думъ, ничего... Забавки
 Обрыдливи, одноманитни, мляви,
 И днѣ видъ днѣ не видризнышть ничымъ...
 Коли бѣ свого Гирея не вохала,
 Коли бѣ мене не маѣ за жинку винъ,
 Улюблену, едну, повновладу,
 Коли бѣ ище не диточки мои,
 Найкращая въ жытти моимъ утиха,—
 Годыны бѣ я въ неволи не жыла
 И власною бѣ рукою ии збулася! (*Осыла голову на
руку, а дальше проводить рукою по коли*).
 Шість литъ, якъ день, минуло, уплыло
 Въ якомусь снѣ химернимъ, въ пьянимъ чади,
 У пестоцахъ, у любощахъ пальыхъ,
 Яки мене зненацька огорнули,
 Й зацпылы крыкъ бдливый души.
 Вже сталося минуле мое млою:
 Мовъ марево далеке вырына,
 Хвылюется, прозоре та хороше...
 Прыдывышся, згадаешъ—и чудьга
 Зновъ обивье вужемъ живучымъ сердце,—
 Нема снагы забыть незабутнѣ!..
 Ой, Боже мій! Та дай же мени трунку,
 Щобъ вытруивъ вси спбгады въ чоли!
 Не треба ихъ, я прагну супокою...
 Вони жъ печуть... дратують... Дали все!
 Одирвана, потурчена навикы!

Выхидъ 3-й.

Маруся и Леся.

Маруся (*зудрившы Лесю, що підходить, встает до неї
радісно*).

Лесунечко, видрадосте моя!

Тебе Господь мени пославъ на втиху!

- Л е с я. Господарько, владычице моя,
Якъ дякувать за ласку—я й не знаю!
- Маруся. Господарько? Владычице? Ты зновъ
Образыты, напевно, мене хочешъ?
Я скільки разъ просыла... Ты мени—
Та жъ подруга, а я тобі—Маруся.
- Л е с я. Тоди були мы ривни, а теперь
Ты досягла могутности и влады,
Пышаешся въ роскошахъ чаривныхъ,
А я—твоя рабыня...
- Маруся. Ты? Хочъ заразы
Леты соби де хочешъ...
- Л е с я *(сплеснула руками)*. Боже мій!
Такъ могу я полынуты на волю?
- Маруся. Мене саму покинуть рада ты?
- Л е с я *(змишалась)*. Пробачъ, просты!.. Така нудьга въ не-
воли,
На чужыни... такъ порыва мій край,
Украина тыхесенька...
- Маруся *(мовъ нарошне хоче перебыть идстрий)*.
Этъ, годи!
Хиба тебе нищо тутъ не вража?
Ни цей паланъ хымерный, ни шпыли
Спычастыи высокихъ минаретивъ,
Ни пей садовъ роскишно—чаривный,
Ни пахощи, що дурманять повитря,
Ни холодокъ видъ водометныхъ слизь,
Ни море те безкрайне, сынье—сынье!
- Л е с я. Пробачъ мени, а мраморъ и кришталь
Лышень слиплять та холодомъ одгонятъ;
Цей кыпарысь, ажъ чорный, отдали
Нагадуе ченця чи трунну свичку,
А сынее те море гоминке
Безмежнистью прывыжуе, жахае
И пѣтай все щось гризне буркотыть...

Ясни у насъ въ зеленыхъ рямахъ плеса,
Струнки, гнучки тополи по гаяхъ
И любязнод мыгтыть на неби зори...
Маруся. Ахъ, зновъ!.. Трывай! Хиба чуже все зле?
Хиба свого неможна вже й забуты,
А край чужый неможна полюбыть?
Та вся любовь—една звывка, й годи...
То тильки кить звывка до мисця: такъ,—
Брыдня усе!

Л е с я. Ой не брыдня, ниволы!
Якъ ни було-бъ гараздъ на чужыни,
А ридный край все буде нашимъ раемъ:
Хто неньку намъ здолае заминить,
Хто чуло такъ прыгорне, прыголубить?
Хто втре слёзу? Розважить сердце хто?
Помолытся хто Богу?

Маруся. Годи, годи!

Л е с я. Ой, що мени ты прыгадала!.. Я?

То зъ-нехотя... пробачъ, голушко! (*Цилуе*).

Маруся. Знаю...

То я така вродылася дурна...
Зъ родыною померлою пошуся...
Яка й краса! Степы, лугы й степы...

Л е с я. А зновъ боры, гаи, дибровы, луки,

Мережаны квитками й ковылемъ...

А риченькы яскрави та прозори,

Билесеньки хатыны и садкы...

Маруся (*захоплючысь*). Свій кривный людъ, свій людъ хре-
щениый, мылый,

Укохана ричъ наша, голосна

И чаривна, журлыво - чула писня—

Ой ридный край!.. Охъ, якъ болыть отутъ,

И сыль нема... (*перебыва себе*). Щось я хотила

знаты

Й забулася... Все маю роспытать...

Та й не зберусь... Ты такъ недавно зъ нами...
 А! Розкажи, якъ сталося, що ты тутъ?
 Яка тебе спиткала люта доля
 Зъ того часу, якъ насъ забрали двоохъ
 И вывели навикъ?

Л е с я.

Смутніі згады,

Бодай-бы ихъ забуты! Хтила я
 Не разъ сама на себе зняты руки,
 Такъ не дали й того мои ваты—
 Мій кожний крокъ пидъ пыльнымъ бувъ доворомъ.
 Ой матинко, ой мыйй Боже мій!...
 Яка нудьга, яка страшна грызота
 Тоди мени всю душу поваяла!
 Але проте мене ще шанували,
 Вважаючи, щобъ не лыла я слизъ,
 Щобъ на выду видъ горя не марнила.

Маруся.

Такъ, такъ, щобъ взять дорожче на торгу.

Л е с я.

Татарынъ мій купцивъ водывъ чы-мало...
 Але мене не зважывсь, якъ другихъ,
 Показувать... боявсь мого одчаю
 И дорожывсь циною... Рокывъ тры
 Нихто не мавъ снагы мене й купыты,
 Але знайшовсь нарешти багатырь,
 Що заплатывъ и взявъ мене въ рабыни...
 На щаста, винъ у мене захохавсь
 И не хотивъ мене добуты гвалтомъ...
 Та мала я й кивджала про случай...

Маруся.

Така й мене отуть спиткала доля:
 И мій папа, захоханный на смерть,
 У нигъ лежавъ, благаючи кохання—
 И ростопывъ нарешти сердца лядъ.

Л е с я.

Бо перше ты никого не вохала,
 Не знала ты жагы...

Маруся

(тривожно). А молодой,
 Зъ якимъ взяла святе я заручення?

Л е с я. Сохронъ, женихъ? То ыиче почуття!..
 Омана, вирь: ёго ты панувала,
 Якъ лыцаря, якъ друга, и—не бильшь!
 Вогнемъ палкымъ до ёго не горила...

М а р у с я. Але то грихъ...

Л е с я. Не вильни въ серци мы,—
 Воно одно надъ нами есть владыка
 И прымхою иде наперекирь...
 Ты подолать ёго не мала сылы...

М а р у с я. Такъ, такъ було... боролась я дарма.
 Молылася, рыдала дни и ночи,
 Але зъ паши не зводила очей..
 Себе кляла.. Сохрона въ серци крыла,
 А винъ все блидъ и брався туманомъ,
 И обняла мене пекуча мрія:
 Вона мене до любощивъ тягла,
 До цилуванъ зъ коханымъ бусурменомъ...
 Ажъ соромомъ нашыло у лице...
 А я думокъ прогнать не мала сылы,—
 Воны росли у душну ясну ничъ,
 Мовъ надыхавъ жадання мисяченько...
 Ну, й сталося... Въ коханни винъ спалимъ
 Мене зовсимъ... Зомлила я.

Л е с я. Отъ бачъ,
 А якъ колысь на мене прогницмлася!..

М а р у с я. Тебе не разъ згадала я...

Л е с я. Але

Я не могла минулого забуты
 Й перемогты це серце нависне...
 Хотила вже на себе зняты руки,
 Та доля ще зоглянулася:— мій панъ,
 Мій володарь, умеръ чогось раптово;
 Тоди ёго разпродали гаремъ,
 И твій паша купывъ мене...

М а р у с я. Мій Боже!

И ты въ садку робыла може зъ ривъ,
Поки тебе випадкомъ не спитвала...
Голубочко! (*Обнима*).

Л е с я. Мени той свитлый донь
Щаслывишымъ ставъ днемъ.

Маруся. Моя зирнице! (*Цилуе*)

Якъ въ очи ци блавити я дывлюсь,
То мовъ друге, далеке бачу небо...

Л е с я. Колы воны вражають такъ тебе,
То вырву ихъ...

Маруся (*зъ лякомъ*). Для мене? Ай! Не треба!
Радниша ты прыняты всякихъ мукъ...
А я тебе пустыть не маю сылы...

Л е с я. Куды мени? Винъ, певно, вже забудь...
И одружывсь, або погынувъ въ сичи...
Вже стилькы литъ—ни висточки!

Маруся. Просты,
Вразыла я твою болячу рану...

Ну, годи жъ, ну!.. Отъ краще заспывай...
Я такъ люблю твій голосочокъ слухаты!

Л е с я. Мои письни нерадисни!..

Маруся. Спывай,

Нехай той сумъ хочъ душу одволожыты!

Л е с я (*спива*). Зелена лищынонько,
Чомъ не горышь, та все кuryшся: и т. д.

(*Маруся спочатку слуха журмыво, а дали й сама вступае дуетомъ*).

Ахметъ (*наблжжается и заслухается письни*).

Маруся (*зъ рыданьямъ кинча*).

Л е с я. Ой лелечко!.. Чы жъ не казала я! (*Упада*)

Маруся. Якъ боляче!.. Мовъ нижъ пройнявъ це сердце...
Ты не турбуйсь: така вже моя стать...
Отъ, приведы ты краще янголятокъ,
Моихъ обохъ. Укохани диткы,
Хочъ якъ-не-якъ, розважуть сердце неньци...

Выхидъ 4.

Маруся и Ахметъ.

- Маруся. И ты Ахметъ, заслухався писень?
Чи до смаку?
- Ахметъ. Охъ! (*Втера слёзу*) Серце рвуть:
то-жъ ридни.
- Маруся. Якъ?! Що свазавъ?!
Ахметъ. Зъ Украйны, пани, я...
Маруся. Украинецъ и евнухомъ?
Ахметъ. Не диво;
Що не здола надъ безоружнымъ гвалтъ!
Знесмылы, скаличылы... а потимъ
Звелычылы у цей поважный чынь...
Украинцямъ найбільшь дїймають виры:
Воны цупки у слови...
- Маруся. Зроду бъ я
У евнуса...
- Ахметъ. Владычня ханынье!
И ты жъ сама зъ святой стороны...
Маруся. Ты постеригъ?
Ахметъ. Въ Ахмета гостре око,
А ще гостришь у серци почуття:
Не дарма жъ такъ воно мовъ прывыпило
До тебе вмыть...
- Маруся. Земляче! Ридна кровъ
Лыбовъ безъ насъ до ридного насъ горне.
- Ахметъ (*кланяется*). Твій вирный рабъ!
- Маруся. Не рабъ, а щырый
другъ;
На друга жъ всякъ погластысь може?
- Ахметъ. Смило,
Якъ на скалу!
- Маруся. Оддачыть тобі Богъ!

Выходъ 5-й.

Маруся, Леся, дивчинка и хлопчыкъ.

Маруся (*кидается назустрічь своимъ дитямъ*).

Ахъ, ось вони! Мои роскишни квіты!
Мій любый сварбъ, моя утиха, рай,
Мое жыття и радости, и боли...
Якъ серденько солодко ные... ой,
Сюды, сюды! До мамы!

Хлопчыкъ (*побигъ*).

Я сколишъ!

Дивчинка (*тежъ*). Постій и я!

Леся. (*За руку держыть*). Ну, копвы, копвы! Прудко!

Маруся (*обоихъ приорта и шилуе то одно, то друге*).

Любесеньки, гарнесеньки! Якъ макъ,
Красуетесь, явъ огирочки мыти...

Чи-жъ е у кого кращи диточки? (*Обертается до
Ахмета*).

Ахметъ.

Доправды ни... надъ вси!...

Леся.

Краса-врасою!

Маруся.

То може такъ, щобъ догодыть мени?

Очыци ци, явъ терень! (*Цилуе*). А въ того,
Якъ та блакить! (*Цилуе*) А кучери, а лычки,
Пампушечкы (*Цилуе*).

Дивчинка.

Ой, мамо!

Маруся.

Задушѹ!

И отъ цѣго хлопчыська...

Хлопчыкъ.

Мамо, Феска!

Ахметъ.

Чи ба, уже хывується!

Маруся.

Зюли!

(*Поправля*). Риднесенька! О, кучери повкови!!

(*До Леси*). Чи краща жъ е утиха на земли?

Любовъ до ныхъ—безбурне, ясне щастя,

Воно мени гамуе и журьбу,

Й нерозважнѹ грызоту мого сердца:

Якъ обниму, якъ прыголюблю ихъ,
То цилый миръ сливъ, стогону и мукы
Зныва зъ очей передъ одымъ миркомъ...

Леся (*зита*). Не знать мени такого щастя.

Ахметъ.

Боже,

Судылося мени ёго на хвylie взнать,

Щобъ тяжчою здавалася неволя!

Хлопчыкъ. А въ мене йе опўка! (*Котыть*).

Зюли.

Въ мене обидъ,

А кыдай, ну!! (*Той кыда, Маруся бизытъ за
нымъ*).

Леся (*бере Зюли за руку*). Ну, хутко! Доганяй!! (*Забшають*).

Выхидъ 6.

Гирей—Паша и Ахметъ.

Гирей (*входитъ и озирается*).

Нема зори. и цей Эдемъ—пустыня,

Мовъ саваномъ укрывся жалибнымъ,

Мовъ хмарою повывся середъ ночи...

И смутно страхъ, и цвынтаремъ свривъ тхне;

А хай блысве зъ за хмаръ пцвденный проминь—

И зразу все засае, оживе:

Веселкою заграють водометы,

Зашепотать чываръ и кыпарысь...

О, якъ ии кохаю я!... Що-день

Моя жага и любоци зростають.

И краю имъ, вбачается, нема!

Шить литъ жыву въ эдеме я пророчимъ,

Явого врьдъ чи й знае Магометъ,

Бо гурii нема такой въ неби...

Не поривнять зъ ии очыма зоръ,

Зъ ии чоломъ—снигивъ горы Лывана,

Изь лыченькомъ—троянды пелюстевъ;

А що душа—то Божая зирныця,

Вона сія и надила тешломъ
 Все те, куды долине іи промись... (*Озыраеця*).
 Та де-жъ вона? Зъ палацу выйшла въ садъ,
 А тутъ нема... Вона чогось сумуе
 Й ховаеця въ самотыні... Це все
 Турбуе страхъ мене... Аговъ, Ахмете!

Ахметъ (*схылывшы голову и прыложывшы до грудей руки*).

Владыко мій! Я тутъ, якъ вирный песъ,
 Чекаю-но вчыныты твою волю.

Гирей. Де сонця свить, моя ясна *ханымъ*,
 Владычыця, жыття мого утиха?

Ахметъ. Господарьба, краса усихъ красотъ,
 Пишла туды гулятыся зъ диткамы...

Гирей. Зъ диткамы... а! А якъ, смутна, чи-ни?

Ахметъ. Въ останній часъ пры Леси охвятиша:
 Втишалася, сміялася...

Гирей. Аллахъ

Ховай іи видъ всякой грызоты,
 Хай хмаронька не крые ій чола!
 Я дуже радъ, що ій знайшлась землячка:
 Хочъ будыть це за риднымъ краемъ нудъ,
 Але ёго ничымъ не погамуешъ...
 (*Зуздрившы*). Ахъ, онъ вона... души моеи скарбъ!
 (*Ахметъ видходыть*).

Выхидъ 7.

Гирей и Маруся.

Маруся (*пидбига зъ глыбыни кону*).

Ловы, ловы!... Клубочкомъ покотыся!
 А хто кого? Ципъ, ципъ!

Дивчынка. Ой, мамо, ой!

Якъ весело!

Хлопчыкъ. Мене ты не піймаецъ?

Маруся. Не дожену? А ось! (*Ловыть и цилуе обохъ*).

Диты (*сміються*). Ха, ха, ха, ха!!
 Гирей. Ось певный рай,—нема другого раю!
 Маруся. Мій сокиль тутъ? (*До Леси*). На, одведи дитей!
 Гирей. Тривай! Дай, я ихъ обниму...
 Диты (*кыдаються на шыю*). Ой, тато!

(*Маруся дывытця чуло, зрушено; Леся выводить дитей*).

Маруся. Такъ любышь ты своихъ орлятокъ?
 Гирей. О,
 Якъ свій коранъ, якъ пахоци лилея;
 Воны твои, то досыть и того...
 Маруся. Моя й твои, мій любый, мій коханий,
 Мій пышный панъ, мій лыцарь дорогой!
 Гирей (*обнима*). О, квите мій, красо садкивъ Эдемсьвыхъ!
 Усе жыття въ тоби й для тебе... Ахъ,
 Якъ серце гра, яке тутъ запынення!
 Боюся я, позаздрыть намъ Пророкъ
 И затмявѣть ясне, безкрае щастя...
 Маруся. Чи-жъ винъ лыхый?
 Гирей. Але-жъ и самъ Алахъ
 Поквапытця на наше раювання...
 Маруся. Щаслывыи ты, мій орле?
 Гирей. Якъ ковыль,
 Колы его витрець гойдае тыхо,
 Якъ рыбонька на воли у води,
 Якъ лотось той пидъ проминемъ пекучымъ...
 Ни, ни, не те! Щаслывыишый за все,—
 За цилый свить!... Все щастя зкупи зважъ,
 И ихъ мое, напевно, переважыть...
 Маруся. (*обнима*) О, втихонько!
 Гирей (*сида зъ нею на мрамори*). А ты, моя зоря,
 Щаслыва?
 Маруся. Я? Колы тебе я бачу
 И голубьятъ пестую,—все тоди...
 Втышається—и спѣгады и боли...

- Гирей. Тильни тоди? (*Зитха*) Я радый и за це;
Але свазы, моя райсьнй утихо,
Чого до вась душею не лежышъ
И серденькомъ цураешся? И доси
Мынулого не хочешъ ты забуть?...
- Маруся. Охъ, не пытай...
- Гирей. Ты щось въ души ховаешъ...
Выходьты те, що ты не вся моя?
- Маруся. Не ображайсь, тебе я...
- Гирей (*цилуе*). Дяка, дяка...
Але, красо, ты журышся, бува,
Завважывъ я—и слизонькы часамы
Брынили тутъ, (*цилуе*) мовъ перлы на очахъ:
Тебе нудьга грызе...
- Маруся. Що-жъ? То не дыво:
Кому жъ отца и матинкы не жаль?
Звиря—и те батькывъ своихъ кохае
И памьята ихъ ласку скильки литъ...
А я жъ не звирь... людына...
- Гирей. Правда, правда:
Те почуття мицнище нахъ усы;
Але цѣму якъ пособыть—не знаю...
Сюды бъ усихъ ласкаво запросывъ,
Якъ родычывъ, якъ ривныхъ зъ нами въ стани,
Прыдобу бъ давъ, вси прысмакы въ жытти,
Права... абы тоби тымъ догодыты...
- Маруся. Мій батько вмеръ... и ненька, певно, тежъ:
Безъ донечкы не жыты їй, я знаю,—
Невольныцтва мого їй не знесты...
- Гирей. Невольныцтва?!
- Маруся. Для неи все-жъ я бранка.
Едныи братъ... та, певне, й той...
- Гирей. А я?
Невже мое кохання негасыме
Не замистыть и на крапльнуу ридъ?

- Маруся. То, пакъ, одне, а то щось инче, друге...
Щаслива я зъ тобою и дитымы...
- Гирей. Яла жъ тоби неволя?
- Маруся. Що-жъ, мій орле,
У примхахъ тутъ я вильна; въ мурахъ цихъ,
Якъ пташка, я у влитци на прыпони...
Трывай! Тебе не маю я корыть,
Бо й самъ ты рабъ своихъ тяжкихъ звичаивъ;
У васъ жинкы рабыни, а у насъ
Воны въ правахъ зъ ковацтвомъ майже ривни;
У насъ жона,—чи матиръ, чи сестра,—
По всіхъ свитѣхъ гуляе, ходыть вильно,
На бѣсидахъ зъ юнацтвомъ, на ральцахъ,
На весилляхъ, на радахъ навить часомъ...
А у симби—то маты голова...
- Гирей. У насъ того коранъ не дозволяє...
- Маруся. Бо й вы сами насъ маєте за цяць,
Захованыхъ для хити потайнои,—
Не за людей...
- Гирей (*нерезыва*). Та ты ханья тутъ...
- Маруся (*усьмигнулась*). Въ гареми? Такъ! Старша рабыня...
- Гирей. Зоре,
Не можу жъ я гарема розигнать;
Раднишый бы, та здіймутъ гвалтъ...
- Маруся. Звычайно...
Я виры йму, що я одна ханымъ
И що тоби надъ сыду...
- Гирей. Все, що можу...
Я пры тоби зминывсь цилкомъ...
- Маруся. За те
Й кохаю я тебе, мій мисяць ясний,
Що ты не ставъ невольныкывъ держать,
Що ты зминывъ жорстокости на ласку,
Що твій гаремъ теперъ взявъ людську стать...
За те, що давъ есы мени двоухъ дитокъ

Любесенькыхъ, гарнесенькихъ... та ще
За те, що ты поклявсь мени Пророкомъ,
Що до жыття вважатынешь мій край,
И що ёго не будешь руйноваты.

Гирей. Такъ, крине мій; але про те Диванъ
И падишахъ...

Маруся. Охъ, бидна Украино!

Нихто тебе не захыстыть, ниhto,
А всякъ чыга, щобъ лыхомъ доволыты...

Гирей. Все журышся.. Ну, чымъ бы ту нудыгу
Розважыты? Здаеця бь давъ пивъ-свита!
Заклывавъ я сюды въ гаремъ метцывъ,
Щобъ танцями побавыды хочъ трохы
Мою вору небесну... Зволышь ты
Ихъ допустыть на свои ясни очи?

Маруся. Що-жь? Хай идуть!... Мене вража до слизъ
Твоя тонка упадлывысть...

Гирей. О, щастя!! (*Бье въ до-
лони*).

(*Зьявляються одалискы и вedyть пидь музыку схиidный, плавный
и тыхый танець*).

Маруся (*по танци*). Спасыби! Я цымъ танцямъ не дыбую:
Красыви,—такъ; але нема вогню...
Мовъ плавають лебеды тыхо, чынно,
И рухамы сонлывымы...

Гирей. Тривай,
Мы й ыше ще покажемо пашыни,
Цивавнише! (*Бье въ долони*) Поклыкать арабчаты!
(*Вбизають маленьки чорни хлопьята и вedyть оригинальный
танець*).

Маруся (*усмихаеця*). Яки смишны! Та жыви, мовъ ти дзыгы..
Такъ врутятся, що й окомъ не змыгнешь!
Але у насъ танцюють въ парахъ...

Гирей. Заразъ
Я покажу тобі черкесивъ... ГеЙ! (*Бье въ долони*)

МАРУСЯ ВОТКОБАНКА.

(До музыки) Левгинку ты! (Маруси) ~~Навннн~~
мерщій чадру!

(Выбиваютъ одна чы дви пары черкесовъ и танцюють зъ кинд-
жаламы запальну лезгинку).

Маруся. Це гарно! Отъ, спасьби за утиху...
Нагадуе лезгинка й нашъ танецъ...
Тилькы ковакъ буйнищый... Дуже рада!

Гирей. А я й потімъ!! (До всихъ) За втѣху ясній вдали
Ихъ надилить зъ скарбныци! Ласка всимъ! (Ро-
бить жестъ рукою).

(Вси виходють).

Выхидъ 8-й.

Маруся и Гирей.

Маруся (бере за руку пашу).

Просты мою слѣзу нудну—я справи
Зъурочена, чы що... Ну, къ дидьку нудъ! (Обнима
ѣю)

Ты, любый мій, та диточки й воханья...
Та тыхая порада... мій ковакъ...
Втишатымутъ мене... и навить зъ часомъ
Вси болеци вгамуются...

Дирей.

Мій рай,,

Найкращый мій зъ веселкы ясный промишь!
Царыцею ты мусышь буты тутъ,
Хай надъ усымъ твоя пануе воля!
Я самъ—твій рабъ! (Обнима) Ахмете! Гей сюды!
(Зъ-за дерева виходить).

Ахметъ.

Вельчній мій владыко!.. До послугы!

Гирей.

Оповисты всихъ одалисокъ ты,
Що надъ усымъ владычця тутъ пани,
Моя ханымъ, мое жыття, мій духъ:
Уси, й я самъ, корытсы ій мусымъ,
И наказъ для всихъ васъ „ираде“!

(Цілае).

Ну, прощай! Мене чекаюць справы...
(Ахметъ кланяецца і одходзіць)
 Якъ оджнешъ смутный одъ себе нудъ,
 И серденькомъ зриднышся зъ нашымъ краемъ,—
 Видъ радосты, видъ щасця я умру...
 Я самъ пиду оружною рукою,
 Куды твое жадавання поведе.

Маруся.

О, свите мій! Яка-жъ то я щаслыва! *(Обнімае).*

Гірей.

Ховай тебе зъ диткамы нашъ Аллахъ!! *(Выходзіць).*

Выхідъ 9-й.

Маруся і потымъ Ахметъ.

Маруся.

(Після паузы). Такъ, справды... нудъ, журьбу,
 забыты треба:

Я коринемъ въ Турецкій вже землі,
 Коханя тутъ, і найлюбіша втixa,
 И ласоці роскoшці і пыха...
 А тамъ у млі за темно-сынімъ моремъ,
 За кылымомъ степівъ... тамъ вже нема
 Ни батенька, ни нецька, а ні брата,—
 Тамъ тількі людъ коханы та церквы,
 Та дорога, співоча, рідна мова,
 Та... охъ, нехай то буде сномъ
 Въ мой душы, роскішнымъ сномъ, яскравымъ
 И мрією мойхъ дівочыхъ літъ!
 Такъ, такъ! Розвійся ты маревомъ минуле,—
 Не вернешся, зъ теперешнімъ тра жыць...
 Часъ і цора туркенею ставаты...
 Прощай, прощай! *(Зымыслюецца).*

(Въ цю хвілыну оддалі стае чуць хорову пісню, яка зблымаецца і росте).

Хоръ *(за кономъ)*. Ой у полі два яворы,
 Третій зелененькый,

Та занедужавъ при дорози
Козавъ молоденькый... и т. д.

(Маруся, зачувши пѣсню, здригнула и мовъ остовпила, а дали ажъ потялась невидымою сылою за дорожныи звуки, рыдаючи и ламаючи руки).

Маруся (Задыхаючысь урывочно промижъ куплетивъ).
Козачый спивъ?... Зъ моихъ криваръ святихъ?!
Ой, сердце рве! Прокынулось все знову!

(За 2-мъ купл.) Горыть... пече... Украина моя
Озвалася слѣзами... застогнала! (Лама руки, по-
тымъ жыдається, якъ ужалена).

(За 3-мъ купл.) Ай! хто тамъ, хто?... Мій мозокъ запалавъ...
Почувсь мени коханий, кривный голосъ...
Ой! Боже-жь мій! (Натыкається на Ахмета)
Якый спива то гуртъ?

Ахметъ. Невольныкы...

Маруся (сплеснула руками). Невольныкы?! У пана?!
Въ моихъ садку?! Въ кайданахъ кривный людъ?
И може тамъ... Лукаве опуканна!!
Все вбѣла йде... Вѣды мене до нихъ!

(Ахметъ поклонившись руша, Маруся за нымъ)

Зависа хутко спада.

ДІЯ Ш.

Берегъ моря. Кинъ перегорожено барканомъ. Злива за нимъ выдко садокъ наши. Просто за деревьями выдко навадали мисто. Коло моря навдыдадо дуже каминня; невольныкы ёго зносятъ сюды для якогось забудованья, що распочате.

Выхидъ 1.

Сохронъ, Малѣвавый, Степанъ, Охримъ Колий, Андрій Лобанъ, Иванъ Карпенко, Запорожци. Невольныкы въ кайданахъ сыдять на каминняхъ, на пѣску, на распочатій будивли. Навадали Турецькыхъ

два вартовихъ. Де яки перевьязують раны; друга выдирають шпички зъ тела, де-хто щось замыва, нячий палить люльку и передае однихъ одному затыгтись; де-хто щось йисть и дилтсь. Стенанъ лежить и стогне).

А н д р е й *(по паузи зачына письню)*

Та не знавъ козакъ, не знавъ Сохронъ,
Якъ славоньки зашты.

Г у р т ь. Гей, зибравъ вѣйско, вѣйско запорожське,
Тай пишовъ Туркивъ быты. и т. д.

(Остатній куплетъ може затыгты и самъ Сохронъ який осторонь сыдыть, зажуреный).

Сохронъ. Спасибѣ вамъ братци, що про мене письню зложили; тильки вона довярь мени, та ще й великий. По своѣй справи, по дорогій... пидбывъ васъ до походу, тай завивъ у неволю!

А н д р і й. Ну, то вже Боже попушення, а бввся ты, якъ и чортяки не бьются у досвита.

И в а н ь. Ха, ха! Справди головы бусурменьски злитали, якъ качаны! Просто ажъ смихъ мене взявъ: що обступыла ёго сыла ворожа, чысто якъ хмарою верыла, а винъ маха, тай маха шаблею, мовъ блискавкою навкруги грае... а голомози, якъ снопы... то тамъ гець, то тамъ гець!... Крычатъ „алла“! крутятся, та ничего не вдіють.. Я задывввся, залюбовавъ, а мене якась тварюка и шелеснула по голове!..

А н д р і й. И не доставъ бы нашего отамана ятаганомъ жоденъ псявира, колы-бъ не нахынувъ якийсь прбклятый собака арканомъ.

1 Запорож. Та й то поборсалась...

2 Запорож. *(сміється)*. Багато шкареберть стало...

Сохронъ. А все-жь такы затыглы горлянку й звязали. Эхъ! уже я й пальци двомъ одкусывъ бувъ,—думка, що стусоне кинджаломъ... такъ ни!—Жывцемъ захотили ыроды взаты!

1-й Запор. Звычайно, корысть... чують, кляти, що дорога голова.

Иванъ. Гай добре зробылы, бо то такы жывыи, а то-бъ бувъ мертвыи.

Андрій. Жывому й надія жыва.

Охримъ. А мертвому лежня та чудесный спокій: спы соби, скількы влизе... безпешно!

Иванъ. Добре спы, якъ чорты зъ душею мотузятся. Який же видъ сатаны може быть спокій?

Охримъ. До козачои души винъ не пидступытся

Андрій. Ова!

Охримъ. Не дуже й ова! Мы за святыи хрестъ стоимо и головы ложымо, такъ хрестъ карбижемъ на души й стовть... отъ помкнется вуцый ии вхопыты, та ба! Гляне на хрестъ, и хвистъ пидъ себе...

1 Запор. Отъ розказавъ, мовъ самъ тамъ бувъ.

2 Запор. Звисно—характерныкъ... чорты ёму—сволякы, прызнавався! *(Смихъ стильный)*.

Охримъ. Сволякы, не своякы, а у послушенстви; ты чорта не гудь.

2 Запор. Звисно; чы тютюномъ, чы горилкою часомъ надилыть..:

Иванъ. То-то, я думаю, видыля у ёго добрый тютюнь? Ажъ то—родычи! *(Смиются)*.

Сохронъ. Эхъ и людъ же зъ васъ, друзи мои, таеъ та-вого катма на цилому свити: шыбай-головы, лыцари, ридни браты!

Андрій. Не дуже, поволи! На одынъ бикъ перехвалышь.

Сохронъ. Не перехвалю, брате, нема стилькы сылы у мови, щобъ перехвалыты! Та дежъ, сыдять у кайданахъ, пра-цюють якъ туры, безъ передыху, безъ одпочывку, гныють у тюрьми, йдять гирше за псивъ, поневираются, терпляютъ муки нелюдськи—и не скаржуются, а жартуютъ, и не клянуть пры-зводныка, а ласкаво ёму все выбачають... Охъ, яки-жъ вы, браты мои, шыросерди и який я выноватець!

Андрій. Гай, гай, пане отамане, друже нашъ, брате! Та задурай оту письню. Ни въ чому ты не повиненъ... На-

гналы мы холоду бузувирамъ, поплюндрували ихъ кубла, въ Кафы невольныкы въ слобонылы чы-мало... ну наскочылы на такую силу, що, мовлявъ, була въ двадцятѣро бильша за насъ: не дыво, що вскочылы и въ лабеты.

Иванъ. За те нагулялысь у волю!

Охримъ. Тай неволя ще розчудесна: и полежаты у ночи можна, и пидъ головы каминня дають, и на шпациръ водять, не дають застоюватись сылы козачій... ей-Богу, чудесно!... Отъ тилькы не хвалю за звычай, шо що-дня чешуть шкуру... Ще за таволгу бъ я ничого, бо та тилькы варбуе й рубцюе... вернешся до дому, то ще краще дивчата упадатымутъ, бо якъ померезаный; а отъ мени не до смаку шепшына та тернына, шо повагани тоби скрызъ у тило спычокъ, а вони мулять... ну й зновъ робота: сыды й выколупуй...

2-й Запор. Ну, тай недогадлыва жъ голова! Та то жъ для забавкы, щобъ не нудывсь, не скучавъ... Аджѣ-жъ проказують, що

Козакъ душа правдывая
И журьбы не мае—
Горилку-пье, чи нужу бье,
А все не гуляе!

Бильшына. Правда, правда!

Степанъ. Охъ, братци ридни, подайте воды хочъ краплыну: пече... вогнемъ жерущымъ пече...

(Хтось уставъ по воду).

Сохронъ. Онъ, яка добра неволя! Скилькы вже лыцаривъ перегнала вона на той свить... Натышутся назнуцаются азяты, та якъ завважжуть, що починаемъ вмерать, заразы перепродають, и у кожного гаспыда лышаемо мы дороги товарыськи трупы...

Охримъ. Ну що-жъ, якъ бы не прыберавъ до себе Богъ козакывъ, то ихъ расплодылося бъ на весь свить, и стали бъ вони буденною рачюю, а то Богъ ихъ держыть для земли обмалъ, щобъ козакомъ всякъ дорожывъ.

Андрій. И покрашае нмы свій рай...

Дé-х то. Такъ, такъ!

Други. Э, Андрій все зна, якъ гаплькомъ прыстібне!

Иванъ. Що й казатъ,—звалець! *(Смихъ)*

Степанъ *(напыся)*. Я, братци, выненъ! Черезъ мене, клятого, вси мукы... черезъ мене, Іуду... Чуе душа моя... збярэцца въ далеку дорогу... Та колы бь швядче рушаты...

Сохронъ. *(підходить, и друи)*. Та заснохойся, голубе: то ты охлявъ... Ще може одпустыть.

Степанъ. Ни!... Та то бь и гараздъ... тажый у мене на души грихъ... Здіймыть, мои друзи, може легше ій буде зъ тиломъ опростытысь.

Сохронъ. Та хто безъ гриха? Богъ мылосердый! А ты не надрывай себе!

Степанъ. Передь тобою, товарише, брате мій, найбильше я гришенъ... Я—Каинъ, гирше Каина!...

Сохронъ. Колы передо мною, то байдужэ... Спочывай безпешно... отъ тоби слово козацьке, що все напередъ дарую; таеъ и Богови скажы!... *(Степанъ обнима ёго и задыхается)*.

Охрймъ. Отъ и гараздъ, а то мы не поны, покуты не накладаемо... Насъ въ решети возыты не прыйдется. Отъ, якъ бы пани-матка була, ту бь повозывъ.

Степанъ. Маты моя риднесенька... черезъ мене, проклятого, ниженъкы свои стари бье, очи выйдае слизьмы... немошне тило рве тернамы, сыве волося мочыть доцамы... Ой, чы й жыва вона, моя невька бесталанна?

Сохронъ. Не рвы себе: Божа ласка надъ нами!.. Пани-матуся наша жыва; чуе мое сердце... що вона прынесе намъ рятунокъ.

Степанъ. Матывко моя! Пробачъ!.. Просты!!

Сохронъ. Отъ и я тымъ передь моимъ товариствомъ выненъ, що похопывсь сюды безъ підмогы... Загорилось сердце, занялась душа... Эхъ, простить мене!!

В с и. Та годи тоби, пане отамане! Все мы запалымысь, вси хъ взяла ветерплячка.

ВЫХИДЪ 2-Й.

Тижъ и назоґря турокъ.

На в о р д я. Гей, вы, джавры, до работы! Вмыты! (*Козакы встають и починають каминня носыты*). Заразъ мени, псы! Проворнишь! Повыверталысь, якъ свыни, ще й выють... Отъ я васъ повую! Зъ шкуръ ремнивъ надеру! Повертайся, собако, повертайся! (*Бъе то одного, то другого*).

1 в а п о р. Та не бый же, дурню, по рукахъ и ногахъ, бо робыты не будутъ!

(*Дозорця зъ невольныками виддаляется за кинъ по каминня*).

С о х р о н ь. (*по паузи*). Свити сходывъ... здоровья, сылу стратывъ,

Натерпивсь мукъ, и все те надармъ:

Я не здолавъ довидатыся навить,

Куды мою голубку занесли,

Де гаспыды звучаютъ надъ нею?

Тутъ, кажуть, десь, а саме де—не знать!

Не видаю, а чы й жыва сердешна?

Напевне, ни!.. Козачая дочка,

Попивського, велебного ще роду,

Скоришь порве сама соби жыття,

А нижъ пиде невири на поталу...

Охъ, якъ болыть це сердце по тоби,

Мовъ каминь той лежыть воно у грудяхъ,

Мовъ сиркою горючою пече!

А! Хочь-бы знать! Хочь-бы зырнуть на зирку!

Колы жъ нема іи на свити симъ,

То глянуты хочь бы катузи въ вичи

Й напытыся тіеи помсты въ смазь,

Тоди и смерть прынявъ бы за утиху...

А раньше, ни!, О, де жъ ты, зоре, де?

Хочь стогономъ до мене озовься,

Хочь буйнымъ цимъ ты звистку перекинь,

Защечечы хочь ластивкою зтыха...

Нужуся-жъ я... ношу зъ собою скрызъ

Тутъ пекло зле (*показуе на груды*), терплю не-
людськи муки...

Колы-жъ вивецъ? О, Боже мылый, згляньсь!

Выхидъ 3-й.

Назорця, Тетеря, Панасъ, а дали й невольныкы.

Назорця. А ты чого, собако, загулявся? Колы за тебе выкупу не шлють, то робы, хочь здыхай! Я зъ тебе, отамана, олию варыть буду, джавра клятый!

Сохранъ. Колы зъ другихъ варышь, такъ зъ мене й овшемъ. А стою я тутъ, бо дожыдаю каминня... вонны носять и воятъ, а я кладу: такъ мене будовнычый поставывъ...

Назорця. Будовнычый! Я тебе поставлю! А це смердъ, чого валяется?

Сохранъ. Не рущъ ёго, каваджа,—винъ слабый... може умира...

Назорця. Заплатылы гроши за падло! Гей, рушай, хочь натишусь до твого здоху...

Сохранъ. Не рущъ ёго: я видроблю и за свій пай, и за ёго!

(Надходятъ невольныкы; той везе на тачци, той несе на плечихъ каминня; де-яки вартови пидганяють ихъ прутамы).

Назорця (*штовха ногою Степана*). Вставай, собако
Степанъ (*натужуется встаты и зновъ пада*). Не можу.
Добый!

Сохранъ (*пидходить*). Не рущъ, невірне вухо... я за ёго видбуду!

Назорця. Ахъ ты, шайтансьвий послидъ! Такъ ты за ёго видробышь? А спыною за ёго хто видбудется? На всихъ вась, собакъ, ровложыть ёго пай, чы що?

Д е х т о. Хочь и на всихъ... а вымуццога быты неможна...

Назорця. Васъ, гадынь, пытатысь ще? Гей, вспать
вожному по пять джувивъ добрыхъ!

Сохронъ. Чого всмиъ? Мени вспь, колы ласка... Я за
Степана беру роботу и муву ёго визьму... а воны тутъ ни пры-
чому!..

Назорця. Гараздъ! Въязить ёго до стовпа!

Сохронъ. Чого въязать? Я й самъ стану!

В с и (*мучо, а дали кризнище*). За що отамана? Не по-
пустымо на знущания.. жаловатысь треба наши.. Що се за
гвалтъ?!

Назорця. (*Бъе въ долони*). Гей, спагы! (*Наблжжается
турецька пихота и стае зъ рушныцями бижъ невольныкы*).

А ндрій. Ты не лякай насъ спагами! Хочъ и заковани
въ зализо, а своего отамана не дамо!

И ванъ. Перебый усихъ,—тоди й знущайся!

Назорця. Быйте ёго, пурбею-батогомъ! (*Вартови замья-
мысь*).

Степанъ (*трохы подводятся*). Мене катуй, прыму за
мылость... Скороты мои мукы... а ёго не чипай!.. Не чипай!
(*Плаше*).

Назорця. Що жъ вы мнетесь? Лупиты!

Невольныкы (*кризно*). Не рушь!

Сохронъ. На Бога, братци! Вы наклчете соби лыхо..
Хай на мени зирве злисть!

Степанъ (*трясе руками въ кайданахъ*). Не займай ота-
мана, мого брата, якый черезъ мене... черезъ Каина терпыть
мукы!.. Ой!!

Назорця. Оточить ихъ, спагы! (*Військо обступа, але не-
вольныкы просуваються*). Ни въ мисци! Переколю всихъ!

В с и. Колы, а отамана не дамо!

Назорця. Побачымо жъ! Я самъ ёго покарбжу! (*Уда-
рывъ зъ ненацька пальцею по спыни Сохрона, ажъ кровъ высту-
пыла*).

Степанъ. Ай! Шайтанъ клятый!! (*Бъе его наручнями по
голови, такъ що й чалма спала; але якъ слабый, той самъ
упавъ*).

Назорця (б'є ёго кинджаломъ). Собава! Песъ! Здыхай!!

Степанъ. Спасыби! (Хапается рукою за груды).

В си. Убывъ? Такъ смерть ёму! (Кыдаются).

Сохранъ. Не рушь! (Пиднима руку), Отамана наказъ,
до послушенства!!

В си (одступають). Наши головы!

Назорця (мовъ не пры соби, хытається и хапается за голову, ёго одводять назадъ, прымочують голову водою и надицають чалму; пораються коло ёго, погы иде сцена матери зъ сымомъ).

Сохранъ (пиддержуе Степана, який ще живый). (Спасы стоять непевно, неришуче).

Выхидъ 4.

Ти-жъ и Ганна.

Ганна (ввиходить зъ цыганьскій одежи). Гей, паны вир-ни, владыкы, и воякы велыки, и вы, невольныкы каливи! Всимъ до послугы: чы погадаты, чы що выльваты, чы кому у слидъ нашептаты... маю и прыворотъ, и одворотъ, и заворотъ.. и на коханья, и на невавьсть... и на щастя, и на погыбель... и кровь напускаты, и кровь замовляты.

Степанъ (корчучысь). Ой... голось... голось! поклычте.. остатны скванья... Боже! Просты!.. Прымы!

Сохранъ. Поклычте... хочъ кровь бы спыныты.

Де-хто. Цыганко, сюды!.. Замовъ кровь!.. (Цыганка пид-ходыть).

Иванъ. Тутъ сатана отой корпыснувъ запоясныкомъ на-шого козака бранця.

Цыганка (тривожно озыраючысь). Де? кого?!

Иванъ. А онъ!

Цыганка (хутко оглянувши, похытнулась, та май-же упала и прыпала до Степана). Сыну мій!! Порадо моя!!

Степанъ. Ой, мамо!! (Занимылы),

Сохранъ. Пани-матка?! (Ловыть и цилуе ии руку).

Андрій и Иванъ. Тыхше! Щобъ не догадамысь!

О х р и м ъ. Обступить! (*Де-яки обступаютъ*).

Г а н н а (*рыдаючи здержано*). Згоривъ... Убыли.. О, помсты жъ, помсты! Дытны моя, сыне еднѣный!

С т е п а н ъ. Ихъ рятуйте... а мени смерть—вызволенна видъ мукъ... Простить мене... мамо! Просты, брате, и вы, мои товариши!.. Я грихъ тяжкый вошу... покутувавъ ёго... Я... я продавъ сестру мою Маруску.

Г а н н а (*сплеснувши руками*). Ты?!.. Ты?!.. (*Одхвѣтулась*).

С о х р о н ъ. Мою заручену?.. Побратымъ? Другъ!

В с и б л я ж ч и. Ой, грихъ! Але велике й каяття!

С т е п а н ъ. Простить! Я Каинъ... душогубецъ... зрадныйъ и виоломъ! Але я знесылывсь одъ муки... Поневирявсь, смерти скрызъ шукавъ.. Не проклинайте мене, мамо, брате, друзи! Ой, тяжко зъ провлѣнамы души йти до Бога! Уже руша... Простить, простить!! (*Лама руки съ конвульсіяхъ*).

Г а н н а (*хмуро*). Богъ милосерднѣный... милосерднѣный за насъ...

С о х р о н ъ. Такъ! Вороття нема... Просты ёму Боже!

Б л я ж ч и. Пробачъ ёму, Господы, якъ пробачылы мы...

С т е п а н ъ (*безъ памяти*). Браття, друзи... не помынайте лыхомъ... Всихъ... Боже!.. Мамо! благословить: передъ судъ иду...

Г а н н а (*зрушено*). Сыну мій! (*Кладе руки*). Иды спокійно: молытymesя маты за твою гришну душу.

С о х р о н ъ. Брате мій! Нещасный брате!!

С т е п а н ъ (*простяга руки*). Де вы? де? Не бачу!! (*Умира*).

В ы х и д ъ 5 й.

Ти-жъ и Леся.

Л е с я (*прыбѣла и пизнавши Степана, кыдається зъ рыданьямъ*). Степане!.. Ой!! (*Зомлила*). (*Близши коло трупа стали навколишкы*).

Н а в о р ц я (*оправывшысь*). Що тамъ за бунтъ? Въ тюрьму всихъ! До росправы!! (*Спагы обступаютъ, женуть невольныкивъ*,

яки пидбирають Степана). (Цыганка зь зомливою Лесею иде за ними).

(Кинь минуту, чы две порожній).

Чуты за кономъ: Куды? Назадъ!!

Цыганкы голось. Пустить, молю Аллахомъ! То сынъ мій!

Голосы. Жены иі! Геть, джавро!! До шайтана!

Цыганкы голось. На Бога! На Пророка!

Голосы. Бый иі джутомъ!!

Выхидъ 6-й

Ганна сама.

Г а н н а (выбила). Мене... мене... до сына не пустылы?..

Знущаючысь видъ трупа одтягли...

О, будьте жъ вы перекляти до смерти,

Щобъ цилый викъ ни вы, ни весь вашъ ридъ,

Не знали й дня щаслывого, годны...

Щобъ муки вси, яки у пекли суть,

Невидступно, вамъ душу мордували...

Щобъ сердце вамъ все струпомъ понялось,

Щобъ въ печинкахъ засилы чорни жабы,

Щобъ робакы точылы скрызъ нутро,

Щобъ въ мозоку звелы гнездо гадюкы,

Щобъ очи вамъ повыйдала тля!..

О, гаспыды, ненатли бузовиры! (Пауза).

Однымъ одна на свити сырота!

Все дороге, все ридне лидъ землею—

И мужъ, и сынъ... дочка жъ? Лыбонь десь тутъ;

Але хто зна?.. Замучена, въ неволи...

Видирвана на выкы... все одно,

Що й у земли... и зновъ одна на свити!

Безъ сподивань и безъ меты... Ни, годи!

Гартоване це сердце не въ слѣзахъ,

Зоставается ёму утиха—помста...

И помстою я душу вдовольню!
 Але идуть... Ховайся въ серци горе,
 Не проступай, для глуму, на выду!! (*Одступа за каминь*),

Выхидь 7-й.

Ти жъ и Маруся зъ Ахметомъ.

Маруся. Де жъ, де жъ вони?.. И беригъ ось... Немае
 Никого тутъ...

Ахметъ. Але на мисци симъ
 Що-дня вони працюють, господине;
 Онъ и вюсць новий розпочалы...

Маруся. Нема жъ, нема.

Ахметъ. Може, погналы дали?..

Ганна (*ажъ кинулась*). Ой, хто жъ то, хто? Пройнявъ
 мене ножемъ...

Той голосокъ... Не добачають очи...

Маруся. Я чула гвалтъ и лементъ...

Ахметъ. Звѣла ричъ,
 Може кого каралы...

Маруся (*сплескуе руками*). О, влочыньство!
 Яка страшна омана!.. Значыть, тутъ
 Така жъ, якъ скривъ, драгивля мого люду?!
 Невольництво? О, зрада!.. Спала я
 На подушкахъ шовковыхъ—и не знала,
 Що вся пыха и роскишь ся райскѣ
 Купована за кровь и слѣзы брандивъ...
 А може ще мижъ нымъ... Боже мій!..
 Учувсь мени знаёмый, ридный голосъ...
 Веды, веды!..

Ахметъ (*мнется*). Але...

Маруся. Ты чувъ наказъ?

Законъ для васъ—моя владычня воля!..

Ганна (*на бѣгъ*). Вона, вона! Моя яснѣ зоря!
 Мое дыта! Хытаюся зъ несылы! (*Занимила*).

А х м е т ь. Я їй корюся, пашынье... Але й самъ
Не видаю, куды и якъ...
М а р у с я. Хоть въ певло!
А х м е т ь. Невильно тутъ... Забороня воранъ...
По мѣсту скривъ...
М а р у с я (*упарто*). Веды, я потрибую!
А х м е т ь. Тривайте! Вмыты! (*Забачышы Ганну*).
Онъ хтось стѣить въ бутку.
Цыганка? Такъ, їи тра распытаты,
Буды зайшы...

М а р у с я. Поклычъ їи сюды.
А х м е т ь. Аговъ! Сюды!.. Гей, цыганыхо, чуешъ?
Тебе зове владычыця!..
Г а н н а (*оправышысь*). Ту-жъ мыть.
М а р у с я (*до себе*). Зъ Украины цыганка (*Ахмету*) Вид-
ступыся!
Ии сама я хочу распытаты. (*Ахметъ кланяется
и видходыть*).

Выхидъ 8-й.

Маруся и Ганна.

М а р у с я. Ты чула? Такъ? Стоявъ тутъ гвалтъ и лементъ...
Зъ якихъ прычынь?
Г а н н а (*стае въ тини и зминя голосъ*). Невольныкывъ
навчавъ
Доворця...
М а р у с я. Якъ? Завицо? Що вчынылы?
Г а н н а. Прийшла ёму охота, ну и квитъ!
Тай следъ, щобъ имъ не выгоидысь спыны...
М а р у с я. Напастаныкы, ваты!!
Г а н н а. Чы жъ жаль тоби,
Яснійшая пашынье, того быдла?
М а р у с я. Не лай мени нещасный людъ!
Г а н н а. Пробачъ,
То жъ псы лыхи...

Маруся.

Цыганко, дякуй Бога,
Що ты льбонь зъ Украины...—не то бь,
Звелла я тебе провчыты добре,
За речи си..

Ганна.

Вельчвйша ханымъ
Яснйшого владыкы на схидь-сонци,
А що тоби гяурськый дыкый край,—
Хиба ёго ты знаешъ?

Маруся

(нервово). Знаю, знаю!!

Ганна.

Мечетій тамъ нема, а все церквы
Зъ хрещатымы дзвиницямы... и вира
Не права тамъ, а хрыстиньска...

Маруся

(збентежено, на бикъ). Ой,

Що діється зи мною? Голось... голось...

(до Цыганкы).

Хто ты есы?

Ганна.

Цыганка изъ степивъ,
Знадъ Роси...

Маруся.

Якъ? Знадъ Роси?.. Боже мылий!

Ганна.

Хиба и Рось ты знаешъ?

Маруся.

Знаю все.

И Богуславъ...

Ганна

(зблжжаетса). Такъ, знаты, пави звидтилъ?..

И не забула й дося тыхъ краивъ,
За роскишню, за бучною пыхою,
За втихамы, за чадомъ...

Маруся.

Зроду ни!

Хиба здолá хто вытруиты зъ сердца
Пытымий ридъ, красу родынныхъ мистъ.
Але хто ты... на Бога? Голось... голось!
Изъ малку винъ у серденьку бренивъ,
Пидъ згукы ти воно жыло и былось...

Цыганка

(зрушено). Цыганка...

Маруся.

(хутко пидходитьть). Ни! Не крыйся, я молю,
Не одвертай прыхыльного облыччя,
Не мучъ мене!.. Я вся тремчу... Поглянь,

- Моя душа щось прочува...
- Г а н н а (не выдержала, кидается и обнима). Марусе!
- М а р у с я. Ой! Мамо! (Прыпада зь рыданнемъ) (Занимилы).
- Г а н н а (по паузы). Такъ!.. Дытны!.. Моя крові!.. (Обнима).
- Риднесенька, една!..
- М а р у с я. Я стеряюсь... (Истерично цилуе и руки и выдъ, рыдаючи).
- Матусенько... Лебидочко моя!
- Ой, яєъ пече... яєъ солодко... яєъ любо!..
- Це, певне, сонъ...
- Г а н н а. Ни, це не сонъ,—жыва я!
- Пивъ-свита я сходыла, щобъ дивнать,
Де донечка, моя остання втиха,—
Щобъ вышувать и вызволыть зь рабынь...
Видъ тугы я звелась на тинь, Марусе,
Видъ катувань постарила вкинець...
- М а р у с я. Ой, ненечко!.. Моя порадо тыха!!
- Яєъ по тоби нудылась страшно я...
Яєъ радисно.. яєе тепера щастя!
Не знаю пакъ, що й діється мени...
И плачу я й сміюся... Маты Божа!
Ты зглянулась...
- Г а н н а (пыльно). Чы Панни пресвятій
Ты молишся, чы може вже Пророку?
- М а р у с я (змишалась). Невильно тутъ... Що жъ проты
сылы?
- Г а н н а (строю). Ни!
- Зламать законъ, занехтуваты виру
Мене бъ никто прымусятъ не здолавъ!
- М а р у с я. Душею я все та-жъ...
- Г а н н а. Такъ утечимо
Въ Украину!
- М а р у с я. Мамусю... а диты?
- Жоною я коханого...

Ганна.

Ой, доню,

Хочь пошануй.. Мени бѣ раднише чуть,
 Що згнула видь гвалту, а выходыть—
 Ты серденько по воли продала,
 И зрадыла и Бога, и дружыну...

Маруся (*кидается съ ноги*). Матусенько, простить

мени, простить!

Погляньтеся ласкавымъ окомъ.. дони

Не прокленить! (*Цилуе ноги*) Я вынна...

Серце вразь...

Ганна.

И ворога Украины повохала?

Маруся.

Не ворогъ винь!.. Винь присягавсь мени,
 До вику край мій ридный борониты,
 Не брать въ ясырь... въ гаремъ...

Ганна.

Ха, ха, ха, ха!!

Гараздъ поклявсь... и поняла ты виры?

Маруся.

Не кривдывъ винь у слови...

Ганна.

Якъ?! Та ты

Чы зъ чаду, чы слипуешь нарочыто?

Не кривдывъ? Ха!! Та винь дурывъ тебе,

Якъ те дивча...

Маруся (*сплеснула руками*). Ой, мамо, мамо! Що вы?!

Ганна.

Такъ, все дурывъ!.. И розумъ твій спьянывъ

Роскошамы: невольникивъ тутъ сыла—

Край пѣлацу сыдятъ воны въ тюрми.

Маруся (*лама руки*). Не знала я... не видала... клянуся...

Ой, лелечко!.. Ой, ненечко... повить!

Яке страшне пробудження видь сону...

Яка сама соби стаю гыдка!

Спьянила я, чы... одибравъ Богъ розумъ...

Чы кара то за втиху гришну... Ой,

Омана зла, нечуте опуканья!

Яка жъ теиерь безпѣсна я!! Ой, чомъ

Мене малу ты до схиць-сонця, мамо,

Не кинула въ колодызь? Чомъ мене

Ты въ пелюшкахъ не задавила сразу?
 На-вищо ты пустыла на сей свить
 Свое дытя,—на горе, на грызоту,
 На поввилъ злѣй... на слёзы нависни?!
 Ой, лелечко!... Не можу-жь я признаты,
 Щобъ мій Гирей... щобъ мисяць мій яснѣй....
 Мене дурывъ...

Ганна. Пиды въ тюрьму,—тамъ гыне
 Видъ мукъ тяжкѣхъ хрещеный руськый людъ,
 Краса бойцивъ, лыцарство наше славне,
 Що виру й край боронить видъ сипакъ,
 Що и сюды забылося зъ завязаття,
 Щобъ вызволить тебе видъ бусурманъ,
 Вернуть у ридъ Марусю Богуславку...

Маруся (*не пры соби*). Ой лелечко, (*хытається*) зза мене
 стільки мукъ?

Я буду тамъ... я попрошу Гирей—
 Винъ выпустыть... То все надужыва
 Безъ видома... ёго дозиръ...

Ганна. Ты певна? Ты певна?

Боронѣшь все ты ырода пашу?!
 Такъ похопысь... бо хоче винъ сёгодня,
 Якъ бунтаря, Сохрона покаратъ,
 На люту смерть оддать твою дружыну...
Маруся. Сохронъ мій тутъ?! Дай руку, бо впаду...
 Туманъ въ очахъ... зомлило серце въ грудихъ...
 Не виддыхну... я вся мовъ на ножахъ...
 Сохронъ мій тутъ?..

Ганна (*пиддержуе*). За всехъ прыймае мукы.
 А мій Степанъ, твій ридный братъ, умеръ...
 На мисци симъ... сёгодня... пидъ кынджаломъ
 Довирного твого паши..

Маруся (*несамовыто*). Рятуй!
 Рятуй мене одъ певла, мыйый Боже!
 Я прѣклята.... я гришныця тяжкѣ...
 Я прѣклята.... я гришныця тяжкѣ...

Нема мени мижъ людомъ риднымъ мисця...
 Вивы мынуть—мене влястиме людъ,
 Кистрамъ моимъ не буде супокою!
 Зъ-за ласоцивъ я виру продала,
 Зъ-за любоцивъ забула край свій любий,
 Зъ-за тыхъ роскшнъ потурчылась на вить,
 Учадила... и пьяна не змогла я
 Оборонить ни брата, ни орливъ...
 И братъ умеръ... а той, въ кымъ обручылась,
 Уже у кативъ. О мамо, мамо, вбый (*дае кинджаль*)
 Свою дочку зрадыву!.. Ты у сердце,
 Щобъ на ножи все кривью зашевелось!...
 Геть, причъ усе!! (*Зрыва и кыда оздобы*).

Запроданкы оздобы,

Добути вы за ридну руську вровъ...
 О, якъ теперъ ненавыжу себя я,
 Гыдую якъ пашею и всима
 Невирамы...

Ганна.
 Маруся.

О моя доню любя!
 Клянусь тобі цымъ небомъ пресвятымъ,
 Блянусь судомъ, влянусь своимъ поволоомъ,
 Украины покоемъ я влянусь,
 И славою сынивъ и завзятыхъ,
 Блянусь отцемъ,—що выволю усихъ.
 Не допущу вже бильше до знущання:
 Я выволю слёзамы у паши...
 А колы ни,—ключи у ёго вкраду,
 Спьяню, прысплю... заряджу, задушю...
 А воленьку братамъ моимъ добуду
 И помстою за муки заплачу!

Ганна.

Дытя мое! Морозомъ бытый квите!
 Прокынулась въ тоби отецька вровъ...
 Ты зновъ моя... зновъ наша...

Маруся.

Украина

Не прийме вже... такой...

Ганна. Прійме, вары!
И все простыть, якъ я тобі прощаю...
До помсты-жъ!!

Маруся. Такъ! До помсты!!

Ганна. И въ нашъ край!!

З а в и с а.

ДІЯ ІV.

Направо видъ зрѣтеливъ ганокъ роскошнаго будынку, въ слупацы, шырокимъ рундукомъ, мраморовыи складами, за нымъ здіймаются шылемъ минареть зъ кружанкомъ. Ливоручъ на другимъ пляни—тюрма, муры, брама... Просто—море, затока; навдали, на другимъ боци затоки, выдко—городъ, минареты, мечети... Вечиръ, а дали ничъ.

Выхидъ 1-й.

Ганни и вартового.

Ганна. Нема ім *(озырается)*. Чы вдача, чы невдача?
Душа въ мене холоне... Чась иде,
И жъ нема...! *(Потимъ, глянувши надокола и до*
вартowego) Гей, правовирный брате,
Куды це вси збираются?

Вартовый. Въ мечеть.

Ганна. Въ яку-жъ?

Вартов. Въ генъ ту, що мріється по той бикъ.

Ганна. И на довго?

Варт. На цилу ничъ...

Ганна. А мы

Зозстанемоъ самисеньки?

Варт. На вежахъ

По одному зъ вартowychъ...

Ганна. Двое всихъ?

Ой, лышенько!... Ясный паша зволяе,

Щобъ пробула я ничъ зъ ёго ханымъ,—
То я боюсь...

В а р т. Чого? Безпешно, пани...
Черезъ ланцюгъ ниhto не проплыве,
А тутъ свои...

Г а н н а. Та чы ёго-жъ замкнуто?

В а р т. Напевно.

Г а н н а. Я бъ хотила позырнуть...
Ты проведешъ?

В а р т. Неможна...

Г а н н а. Маешъ лиру...

В а р т. Хай пани жде, якъ вырушати уси...

Г а н н а. Гараздъ, гараздъ! (*На бикъ*). Не вернешся ты звид-
тиль! (*Выходять*).

Хвылыны йдуть, я жду, мовъ на ножахъ...
И слухный часъ вже близько, тилькы й можно
Въ цю мить звольныть невольныкывъ; ии-жъ
Нема й нема!... Може, призналась кату
И справу тымъ зламала? Або й те,—
Що постеригъ и винъ ии замиры,
Тай забура зъ собою... Охъ, беда!

(*Зновь вызыра, залайда на рундукъ и въ двери; завважъ:вши, що
вартовый пишовъ обходомъ кругъ вежи, надходить крадькома до
замизныхъ дверей и тыхо стука*).

Г о л о с ь С о х р о н а. Хто тамъ?

Г а н н а. Це я, я—матирь зъ Богуслава.

С о х р о н ь. Матусенько!!

Г а н н а. Що, кары не було?

С о х р о н ь. Видложено черезъ вельке свято...

Г а н н а. Молитеса! Чы знаете пакъ вы,
Якый у насъ сёгодня день велькый?

С о х р о н ь. Де жъ знати намъ! Мы погубылы й дни...

Г а н н а.. Сёгодня тамъ въ Украины велькдень:
Хрыстось воскресъ!

Сохранъ. Воистыну воскресъ!

Голосы.

Во-истыну!

Сохранъ.

Ой, мамо дорога!

Що ты мени и всимъ намъ прыгадыла!

Слѣзамы насъ умыла... Тяжкый скрутъ!

За моремъ тамъ, въ коханій Украины,

И дзвинъ гуде, и церква сѣе вся,

А тутъ... муры, зализо... темна ричъ.

Ганна.

Надія е у Бога... незабаромъ,

Може и васъ Всевышній воскресить,

Якъ воскресывъ свого святого Сына...

Молитесь й чуйте! Але йдуть... (*Видходять*).

Выхидъ 2-й.

Ти-жъ и Маруся.

Маруся.

Добула ось паши мого ключи—

И видъ скарбницы, и видъ тюрмы, й видъ
брамы,

Що море це й прычало замыка...

Въ оцій руди—добро ёго, и влада,

И супокій, и самое жыття...

Я ласкою, цилункомъ, прыгортаннямъ

Добула ихъ... и мовъ Іуда той

Передаю на згубу мого квіта...

Якъ боляче! Що винъ мени вчынывъ?

Кохавъ, жаливъ, всимъ потуравъ бажаннямъ,

Зъ мене очей не зводывъ, витрецю

Не дозволявъ въ мое облычча віать,—

И я за те ёго ще предаю...

Що-жъ скоивъ винъ? Забула (*Пауза*) А! зга-
дала,—

Невольныкывъ почавъ держаты зновъ,

Наперекиръ моимъ бажаннямъ... правда.

А може то безъ видома ёго?

Льбонь що ни!.. Ой, тяжко впазираться
 Тому, кому це сердце виры йме;
 Але про те... кровь, ридна кровь волае
 Повкитовать неправду викову...
 Такъ мусыть быть, нема другого шляху...
 Невольныны замучени на смерть,
 Воны неслы зъ-за мене катування—
 Повынна я забыть себе для нихъ...
 Повынна я зъ грудей це сердце вырвать,
 Все вытруить... А дали, дали що?
 Заставыты умерле знову бытысь?
 На камени садыть нови вшиты?
 Ой, зроду ни! Се не можлыве чудо!..

Г а н н а (*пидходить*). Марусенько... чы вдача?

М а р у с я. Ось ключи...

Г а н н а (*бере*). Хвала тобі, нашъ милосердный Боже!..
 А я уже боялась и спытать,
 Якъ вгледила, що ты смутна, журлыва...

М а р у с я. То такъ собі...

Г а н н а. Звычайно, скрытый страхъ...
 Тривога тежъ... за близьке, свитле щастя...
 Бикъ радости часамы плыне сумъ...
 (*Маруся мовчить*). Ты не вважай,.. А що жъ
 готова?

М а р у с я (*не зовсимъ розуміючы*). Я бъ то?

Г а н н а. Эге-жъ, чы все взяла? Або й то,—кынь
 Здобутее тутъ гвалтомъ соромицькымъ...
 А байдани й галеры де?

М а р у с я. Генъ-генъ
 За ланцюгомъ, въ затоци... Вся ключи тамъ...

Г а н н а. Такъ до тюрмы!

М а р у с я (*збентежено*). Тривайте, ще жъ Паша
 Не выйхавъ зъ своимъ надворнымъ військомъ...
 Якъ вырушати...

Г а н н я. Колю жъ то, ой, колю?

Тамъ нудятся...

Муэзъинъ *(на минарети)*. „Алейкумъ эль, Рамзане!“

Маруся. Вже муэзъинъ завивь...

2-й муэзъинъ. „Ля илляга

Или Аллахъ у Магометъ Расудъ!“

Г а н н я. О,

И тутъ, и тамъ... !

Маруся. За мыть одну уси

Вже вырешать на той бивь.

Г а н н я. Треба заравъ

Поглянуты,, де замкнута ланцюгъ? *(Заходять)*

Маруся. Я вся тремчу. думокъ зибрать не могу...

Щось давить тутъ и стукотыть въ виски:

Прощатися... Стричатися... Ой, скрута!

Муэзъинъ. „Ля иль Аллахъ у Магомедъ Расулъ!“

В ы х и д ь. 3-й.

Маруся и Гирей.

(Минареты осяютя одынъ, другий, третій; муэзъины перекликаются. Спаги въ глубини сцены шыкуются. Выводять пышно коня Гирею. Самъ винъ выходить зъ палацу).

Гирей *(до вйськи)*. До лавъ!

Офицеръ. До лавъ! *(Вйсько шыкуется)*

Гирей. Батавою!

Офицеръ. Батава!

Гирей. Въ Али въ мечеть ходою! Гей, рушай!

(Вйсько выруша, Гирей пидходить до Маруси).

Не хоѣшь ты въ мечеть? Сёгодня-жъ свято...

Маруся. Не могу я покынуть... щось диткы

Мовъ-бы слаби... чы прыстритъ то, чы зубы...

Гирей. Такъ зоставайсь, ховай васъ всякхъ Аллахъ!

Безъ тебе такъ мени нудливо йхать,

Що й свято це не въ свято... Цилу ничь
Далеко буть... безъ квиткы, безъ перлыны,
Безъ радости, безъ втихы всихъ утихъ.

Маруся.

Що жь станется?

Гирей.

За спокій я безпечень,—

И ящирка не прошмыгне сюды...

А все-жь добу ты будешъ въ самотїни.

Маруся.

Доба не вивь...

Гирей.

Для мене—довгый вить...

Маруся.

То не гараздъ... Людына—на хвыльну:

Жыття у насъ, якъ павутина,—вмыть

Їго порвать здолае подыхъ витру...

Гарей

(збентежено бере їи за руку). Яку сумну роз-
мову завела...

У мене й такъ журьба чогось на серци,—

Чы пречуття, чы за тобою нудъ?

А ты ище про смерть. Хвыльны навить

Не проживу безъ тебе... Не здригне

Оця рука порвать жыття никчемне,

Колы бь мене хотивъ сварать Алахъ...

Маруся

(врушено). О, любый мій, часъ гоить наши раны.

Гирей.

Марусе?! Ты такъ думаешъ?...

Маруся.

Усп

Говорять такъ...

Гирей.

Та не уси такъ чують...

Зь тобою я душею зльвсь на вить:

Порвешъ одну—порвется й друга разомъ.

Маруся.

А тамъ... на тимъ (показуе на небо) чы будуть
врупи зновъ?

Гирей.

Алахъ злуча коханцивъ на тимъ свити...

Маруся.

Такъ насъ нихто не може розлучыть...

Гирей (цилуе). Нихто й нищо!

Маруся

(ширко). Отъ тилькы прыкро й смутно,
Колы въ жытти ламаются слова

И запада йидке зневирра въ душу,—
Такъ боляче!...

Гирей (збентежено на бикъ). Невже вона все зна?
(До неи чуло). Не вильни мы, моя голубко тыха,
Въ окружимъ зли; не переробышь всихъ...
Не зминьшь вразъ звычайвъ, обычайвъ...
Безъ видома дозорець гне свое...

Маруся. Я певна... Такъ! Тоби я хочу вирьтѣ
Ты щырый...

Гирей. Вирь! Языкъ мій лжи не зна,
И сердце се тилькы тобою бьется.

Маруся. О любый мій, коханий, золотый!
Якъ я тебе люблю!

Гирей. Моя богыне!..

Маруся. Визьмы, молю, видь мене влятбу злу,
Пекельную, страшенну, неблагану,—
Що ни за що, ни для явыхъ потребъ,
Ни для явыхъ волань чы обовязкивъ...
Що ни для слизь, ни для проклёнивъ... Ни...
Ни для всёго святого... а тебе я
Не выну тутъ, не зражу...

Гирей. Що ты, що?!
Не тямься... зтурбована... въ тривози...
Ты щось тайшь?..

Маруся. Ничого не таю
Й не видаю ничего, присяй-Богу...
Щобъ не простывъ мени грихивъ благый,
Щобъ проклята була я на тимъ свити,
Щобъ Пресвята, Пречыста...

Гирей. Схаменысь!

Маруся. Щобъ диточокъ я любыхъ...

Гирей. Годи, годи!
Тебе льбонь збентеживъ сонъ страшный,
Чы око зле; я помолюсь Пророку,
А ты вблагай своихъ святыхъ: Господь

Для всехъ одинъ. Ну, оставайсь щаслива!
(Обнима).

Маруся. Прощай, прощай! (Кыдается нервово).
Стій, ще на мить одну!
Дай глянуты въ твои хороши очі...
Ясни, ясни... я вірю имъ!... Нема
Лукавства въ нихъ...

Гирей. Найпаче проты тебе.

Маруся. Мій соколе! (Обнима).

Гирей. Ну, поцилуй дитокъ
И оставайсь щаслива! (До конюхмвз) Гей, Арапа!

(Пидводють ему коня. Винъ сида и робыть рукою прощальный
знакъ).

Маруся (зновъ кыдается, хапа за стремена).
Стій, потривай! Погляду ще хоть разъ,
Щобъ на весь часъ въ души видбылись рысы
Прекрасного та любого лица...

Гирей. Марусенько! Та що зъ тобою, проби?
Лакаешъ ты... Чы часомъ не слаба?
Чы чуется тобі навмысле льхо?

Маруся. Ни, ни! Не те...

Гирей. Такъ засповойсь!

Маруся. Ще разъ
Дай обвину! (Паша цилуе). Ну, а теперь доводи!
Хай крме Богъ тебе видъ всякыхъ бидъ! (Паша
пойихавъ).

Прощай навикъ, мій соколе, мій раю!
Маруси вже тобі не прыгортать,
И не почуть навикъ іи воркоты...
Охъ, займій-же серце! Чую я,
Що вже тобі не довго трипотатись,—
Натишмылось,—ну радости й кинець:
Вона й злита до насъ тильки на хвюлю...
Охъ, а про те... якъ тутъ пече! Вогнемъ

Проймає скривь... непереможна мука.—
 А! мати онъ... Вже близься кнєць!!

Выхидъ 4.

Маруся и Ганна.

Ганна. Приспала я вартового и зъ гака
 Зняла ланцюгъ, и вивъ шубовснувъ въ море...
 Теперь скоришъ, не тратьмо мѣ часу...
 Де видъ тырми тугъ ключъ?

Маруся. (попазуе) Ось, ось-де видъ...
 Вы одимвѣить... а я мерщій зъ збройници
 Мушкеты имъ и зброю прынесу...

Ганна. Гараздъ! Хапайсь, моя едина доне,
 Украинко найщырша... О, за це
 Твое имѣя не вмере у риднимъ краіи,
 А буде вѣкъ честытись у цисьвѣихъ! (Пущила до
 тюрмы).

Выхидъ. 5-й.

Маруся сама.

Маруся (по паузи). Для ней такъ, для Украины ненькы,
 Охвировать повинна сердце я:
 До матери любовь ѡе найсвятиша,
 Все почуття схылятысь мусять їй..
 Повинни .. ахъ! А часомъ сей повинъ
 Такой тяжкый... видъ смерти навить тяжчый.
 Симья и ридъ... отчызна, любый край,
 Крещенный людъ—все крєвне... але диты?
 До ныхъ любовь одъ Бога—те-жъ свята:
 Якъ матери зрєктыся грихъ пєкельный,
 Такъ и дитей... О, Боже всеблагый!
 Наставъ мене и выведы изъ негривъ
 На шляхъ правій... я въ немоци слаба...
 Видъ мукъ тяжкыхъ зомлила серцемъ кволымъ...

Ахъ, щдъ чыныть? Отчызна, ридный край—
Для тебе все... Нема чого вагатысь! (*Хутко
выходыть*).

Выхидъ 6-й.

*Ганна, Сохронъ, Иванъ, Охримъ и друг. невольники. Ганна (од-
мыка двери въ тюрьму.)*

- Ганна. . . . Хрыстось воскресь! Вы вильни, мои диты,
Хапайтеся: Украина васъ жде!
Сохронъ (выход.). О, Господы, ява нежданна радисть!
Тебе, тебе приславъ воскреслый Богъ!
Вси (цилуютъ Ганни руку). Заступнице, рятownicy
ты наша!
Хай радости воскреснуть вновь тоби!
Андрій. Якъ насъ теперь изъ мертвыхъ воскресыла.
Иванъ. Не стямлюсь я!
Сохронъ. Се чудо изъ чудесь!
Ганна. Вчыныла все Маруся Богуславка,
Дочка моя, а замъ усимъ сестра:
Ключи вона украла у Гирея
Видъ кайданивъ и видъ тюрьмы... Вона,
Якъ и була йе щыра Украинка! (*Передаетъ ключи*).
Сохронъ. Зоря моя! Мій сонця-правды свить!
И воля вновь, и неомирне щастя!
Нежданный рай!! Стеряюсь я!!
Андрій. Трывай!
Видъ втихы? Ни!
Охримъ. Маруси Богуславци
Хвала!
Иванъ. Хвала!
Вси. Хвала и слава ввигъ!

(*Невольники хапыво почынають одмыкати кайданы; де-яки тер-
пуюмъ перепылюють, а де-хто каминемъ розбива*).

Андрій (дычыцца на ногы). Чы ба яви, ажъ сыни видъ
зализа!..

Иванъ. Не встою, ни! (Пробуе ходыць)

Охримъ. Не зручно, бра, ходыць!

1-й запор. Мовъ не свои...

Андрій. А й справди...

2-й запор. Дыбкы, дыбкы!

Сохронъ. То звыклы таеъ до кайданивъ...

Охримъ. Не дыво,

Звыкають же панны вси до наручень...

2-й запор. Чы до перствивъ... воно такы й краса!

Иванъ. Та що й казатъ—вельке дило звычка!

Андрій. До голоду, напрыкладъ...

Охримъ. Чы й до лозъ!

1 запор. Тоби того ще закортыць и дома!

Охримъ. Ащо-жъ, воны за вовомъ бигты звыкъ,

То побижышъ и за санкамы...

Вси (сміются, тупають ногами). Правда!

Сохронъ. Помолымся Творцеви щыро мы,

Що зглянувся на наше бидування

И вызволивъ насъ зъ кайданивъ тяжкыхъ...

Вси (стають навколышкы, спивають, чы промовляють).

Тоби Хрысте, що вставъ жывымъ изъ гроба,

И смертію що смерть поправъ—хвала!

Учуй, благый, молитву нашу щыру

И ласкою до дому насъ керуй!! (Встають).

Выхидъ 7-й.

Ти-жъ и Маруся зъ Лесею.

(Вносятъ всяку зброю).

Ма руся. Осъ зброя вамъ, браты мои и друзи!

Берить ии, кому що по руди—

Одъ ворога й на ворога, ветъ за ветъ!

В е с т и м о Хвала тобі-и слава, вестро люба! (*Кидуються и розбирають зброю*).

Л е с я Уснхъ покшнить... гадюкы и гадівдять!
Все мисто вамъ до плюндрованя!!

Г а н н а Лесю!
Красо моя безщасна! (*Обнима*).

Л е с я Мамо, я...
Для помсты-но осталась жыть на свити!
(*Ганна обнима Лесю и потиша*).

(*Невольники розбирають зброю, пробують, вы зрушна*).

М а р у с я (*стоитъ осторонь и не підійма очей, мовъ прѣсуджена смерти*).

С о х р о н ь (*підходить до неї неришуче*).
Марусеньно! мое подружжя любе,
Мій тихий рай... невже не щезаешь?

М а р у с я (*злякливо*). Сохронъ мій?! Ай!!
С о х р о н ь Бачъ, якъ зминило
горе...

Каликою ставъ, старцемъ.
М а р у с я (*сидеснула руками*). Боже мій!

(*Ганна щось тихо говорить Лесю; та бижить до митаретивъ, вытлюа зъ схову килъка фikelивъ, передае Ганнѣ и де-кому; запалюе свѣй, збѣга на жмаретъ и миха тымъ, радисно показуе, що запорожци вже тутъ. Дяки збѣга и зъ тюрбою кыдається въ палацъ, а Ганна въ тюрму*).

С о х р о н ь Пизнать мене неможна, але серце
У мене те жъ, якъ и було колысь,
Та жъ и душа незминна, незрадлыва...
Тебе, зорю, кохаю, тилькы бильшь,—
Розлукою коханя наболело...

М а р у с я (*до себе*). Не стямлюсь я... холоне въ жылахъ
кровь

И на вустахъ ниміе словол.

Сохранъ (подходить). Рыбко!
Ты вся тремтышь, немовъ моровыть страхъ...
Зи мною ты не привиталась навить?..

Маруся. Негаданне... спитвання... подывъ... жаль...
Все зрушыло...

Сохранъ. И тильем подывъ?!

Маруся. Друже,
Я рада страхъ, що ты жывыи оставсь,
На славоньку... Украйни бидній щастя...

(Черезъ кинъ прокрадається килька козаківъ то сюды, то туды, зъ факеламы, ножама, а дали стае тыхо, и Маруся зъ Сохраномъ сами).

Сохранъ. Украйни!

Маруся. Украйни и мени...

Бо я тебе, якъ лыцаря, якъ брата...

Я рада (протяга руки)

Сохранъ (бере ихъ). Охъ, не радуются такъ...

Намъ Богъ веливъ и кинакъ привитаться:

Стоялы мы на рушныку святимъ,

Предъ Господомъ въ коханни присягались...

И злучени свлтымъ кильцемъ навикъ...

Ось перстинь той, завязаный въ сорочку,—

Якъ святощи ёго ховаю я,

Зъ влейнодомъ цымъ до смерти не розстанусь...

А де жъ то твій?

Маруся. Пограбылы мое...

Це все чуже... якъ у рабыни...

Сохранъ (рванувъ себе за чупрыну). Доле,

Яка жъ ты зла! У пекли бувъ мій рай...

Але душа твоя осталась вильна,—

Скаличыты никто ии не змигъ?..

И серденько все жъ наше, ридне...

Маруся. Друже!

Душа все та жъ, а сердце—мертвый струпъ:

Видъ мукъ страшныхъ зотлила я...

Сохронъ.

Голубко!

Мине беда—и оживешъ...

Маруся.

Ой, ни!

Не оживать вже мертвому до суду...

Сохране мій, не та вже я, не та!

Убыта вже Маруся Богуславка,

А це стоить потвора...

Сохронъ.

Не вражай!

Для мене ты та жъ сама, якъ и перше,

Ще бильшь лубонь тебе кохаю я,

Моя красо, мій квите!

Маруся

(лама руки).

Боже мылий!

Поглянь, пожальсь!! Для чого, брате мій,

Не выкинувъ ты зъ серця тїи бранцы,

Що згинула въ Турещыни? На щб

Ты въ памьяти державъ мене ажъ доси?

Чась гоить же вси вразы и стыра

Вси спогады, вси почуванья наши...

Сохронъ.

Марусенько!!

Маруся.

Охъ влята, клята я!

Не можу вже я серцемъ видизватись—

Нема ёго!.. Забудь мене, забудь!

Не можу я твоею, друже, буты...

Не можу, вирь... не стою я тебе...

Ганеба брать таку соби въ подружжя:

Я у паши рабынею була,

Коханкою...

Сохронъ.

О, ыродь! Звирь несытый!

Нетреба, цыть!.. То бувъ нелюдський гвалть...

Про ёго я не хочу й знаты: кривью

Ворожою я змыю ту ганьбу...

Але тебе... ты неповынина въ тбму...

Такая жъ ты, якъ и була...

Маруся.

Ой ни!

Я видъ паши двоухъ детокъ маю...

Сохранъ.

Пекло!

Ай, якъ пече! Пяць литъ скорботъ страшнѣхъ
И катувань немилосердныхъ, лютыхъ—
И все те знисъ... Для чѣго, Боже мій?—
Щобъ споштувать ище такои муки,
Якои, вирь, и въ пекли не була!

Маруся.

Покынь мене, забудь и залышы...

Сохранъ.

Що Богъ зчеднавъ, того не розвѣднаты...

Маруся.

Ой, горенько! На-щѣ тобі така?

Визьмы другу, хорошу, чесну дивку,—

Въ Украини багато е квитокъ,

И кожна зъ нихъ вважатыме за щастя...

Сохранъ.

Не треба ихъ! Це серце нависнѣ

Не минится; кого вже повохало,

То й до труны кохатыме... Хочъ бый,

Хочъ рвы ёго на шмаття, хочъ заливошь

Проймы наскрѣзь, хочъ вугилямъ печи,—

До другои воно не затрипоче...

Не зминится, якъ гадьна..

Маруся

(сирко)

Якъ я?!

За те, що я дитей своихъ кохаю,

Що въ пелюшкахъ не задавила ихъ?!

Сохранъ.

Пробачъ мени, прости ва прыкре слово:

У печинкахъ то запеклася кровъ

И мукою страшенною озвалася...

Пробачъ, поглянься... покынь отыхъ щенятъ,—

То гвалту слидъ... Що жъ проты сылы вдѣишь?

Ты горлыця, яка була й колысь,

Ты якъ крышталь и чыста, и прозора,

За першый снигъ билиша сердцемъ ты...

Клянусь тобі, я розмечу сей мозокъ,

Колы винъ що, хочъ пдтай, спогада.

Шість здѣйшлыхъ литъ минулы геть безъ слиду,—

Ихъ не було... ихъ зъ памьтаты витру...

Учора мы зъ тобою обручылись...

- Учора, вирь... Малжонка ты моя!..
 Повынь... турчать, и все мынуле згыне!..
 Маруся. Дитей своикъ? Свою бѣ то душу й кровь?
 Та швидче я зъ грудей це серце вырву!
 Ты правышь те, на що не пиде й звирь.
 Не видаешъ, що матирь чуетъ въ дитяхъ?
 Въ ныхъ все жыття, вси думы, вси гадкы,
 Вси матерни найкраци порывання,
 Утихы вси, и радости земни,
 И пам'ятка перѣбутого щастя...
 Сохронъ *(хана їи за руку)*.
 Такъ щастя? А?! Зазнала, значыть, втихъ?
 Учадила видъ пестошавъ... зъ коханцемъ?
 Мене жъ... ха, ха!.. забула? Продала
 И честь свою, и гоноръ мій, и Бога,
 И вси клятвѣ невири зъ-за роскошь?
 Змія! Убыть! *(Добува запоясныка)*.
 Маруся *(розпахує одижъ)*. Проймы це серце наскрызъ,
 Нехай воно залякне у крови!
 О, буде то мени рятунокъ въ скрути!
 Сохронъ *(къда нижъ)*. Кинець всѣму! Тутъ пустка! *(На перса)*.
 Маруся *(по паузи)*. О, прости!
 Богъ попустывъ, чы сатана пиднадывъ...
 Я не змогла перебороть жагы,
 Яка мене зненацька охопыла:
 Чы чарамы це серце понялось,
 Чы хто надавъ мени отруты-зилля,
 Чы нашептавъ...—не видаю,... а вмыть
 Вогнемъ занявсь мій мозокъ... кровь збуяла!
 Любыла першъ, якъ друга, я тебе,
 Якъ лыцаря, якъ брата... а коханя
 Ище тоди не видала цилкомъ;
 Але воно озвалось самовладно
 И всю мене спалыло на нивѣць!

Сохранъ. И ты забыть неvirы не здолаешъ?

(важно дыше). Дитей... турчатъ повынуть...

Маруся (сплеснула руками). Боже, ни!
Надъ силу то, надъ силу!

Сохранъ. А! такъ годи жъ!

(Добувае шаблю). Поввитоватъ зъ нымъ горе!

Маруся (кынувшысь уздрила, що палацъ горыть; хапа Сохранъ за руку).

Ай! Рятуй!!

Горыть палацъ... изъ виеонъ дымъ и пломины!

Ой, диты тамъ! (Бжыть]. На Бога! Проби!

(Кыдаеця въ двери; але вони затасовани и горять; пробуе марно влизты въ виекно).

Сохранъ (спочатку остовпивъ, але заразъ до Маруси).
Стій!

Погынешъ вразъ!.. Я вырятую диты...

Ище тоби въ останнє послужу

Своимъ жыттямъ огыдлымъ!

В х и д ь 8-й.

Ти-жъ и Ганна.

Ганна (перебига кинъ). Помсты! помсты!

Сохранъ. Гей матинко! Марусю стережить,
(держучы Марусю). Не выпустить, бо кынется у пломины...

А я мерщій... (Вскакуе въ двери, що горять).

Маруся (пручаеця). Пустить!.. Ой, нене.. тамъ

Въ вогни... въ дыму... мой кохани диты...

Мое жыття!.. Крычатъ... мене зовуть...

Ганна (держыть). И ты для нихъ... для тыхъ байстрятъ
на згубу

Дружыну ще послала? О звиря!

Зламала все, збрудныла честь жиночу...

И зрадыла дружыну, виру, край...

Маруся. (Ой, леле, ни! Украинну люблю я...
Але-жъ и ихъ, моихъ дитовъ, люблю...
Не могу ихъ повынуть! Мамо, мамо!
Ты жъ видаешъ любовь оту й сама!

Ганна. Покинь ихъ тутъ...

Маруся. (рвется). Пустить! Пустить на Бога!

Ганна. Не вырвешя!.. (Удержуе).

Выхидъ 9-й.

Ти жъ и Леся зъ невольныками.

Леся. (выбиа зъ факеломъ).

До помсты, гей! Плюндруйте! Мисто ваше!

Ганна. (до нихъ). За соромъ, глумъ, замученый нашъ
край!

Щобъ тямлысь!!

Леся. За мною, браття мыли!

(Вси зъ выкомъ забицають. Чуты за кономъ гвалтъ, лементъ;
тюрьма, мечети горять. Жарке зарево обійма весь кинъ).

Выхидъ 10-й.

Ганна, Маруся, а потимъ Сохронъ.

(Въ палаци щось рухнуло. Полумья языками выбуха зъ винокъ.
Почувся крикъ).

Маруся. (божевиально). Пустить!.. Горять... и я до нихъ.

Ганна. (не пуста). Ни, ни!

Маруся. (бьется). Пожальтесь!.. Вже вучери повбеови
Понявъ огонь... До мене рученькы
Тамъ въ лементи нещасни простягають.

(Рвется). Ой, проби, ой!! (Гризно). Не маты вы!!! (Вы-
рывается).

Ганна. (зрушена, кыдається). Ни, стій,

Мое дытя! Я, я пиду... я—маты!!

- Сохронъ *(показуется зъ дитымы на рукахъ у дверейъ).*
 Жьвы диткы!... Визьмы ихъ! *(Ставить).*
- Маруся *(кыдається нажолишкы, обнима ноги Сохрону. Диты тремтять).* Боже мій! *(Прыпада до дитей. Лементъ и гвалтъ мовъ виддаляються).*
 Ты... ты? Мени? Що зрадыла?... Не можу...
 Розирвется вже серце... О, мои
 Любесеньки, мылесеньки... хороши!
(Обнима, прыорта).
- Ганна. Невже й теперь за вчынокъ сей святыи
 Не кынешъ ихъ?
- Маруся. Ой, леле! Мамо! Друже!
 Вони зрослысь зъ цымъ серцемъ нависнѣмъ...
 Для матери вси диты равни, люби...
 Я грихъ тяжкый терпила за-для нихъ,
 Пидъ серцемъ ихъ носыла... Муку, соромъ...
 Все вынесла—за усмихъ дорогий:
 Въ ихъ очихъ—рай, въ ихъ голосахъ—музыка,
 Въ орлатахъ цыхъ—вси радости мои!
 О зирочки, о мои ясни квиты,
 Якъ васъ люблю!
- Ганна. Такъ ты лыпышся тутъ?
 И лыцаря—дружыну задураешъ,
 Та ще яку дружыну?!
- Маруся. Боже, ни!
 Мое жыття... и серце недобыте...
 И вся душа ёго—за нихъ, за нихъ!
- Сохронъ. Марусенько! Чы-жь переможешъ музы?
 Безвынна ты... То доля нависна
 Оповыла въ таке насъ горе...
- Маруся *(протыаа руку).* Друже!
- Сохронъ *(палко).* Не можу я и вирыть у той рай...
 Охъ, а колы-бъ...—усе, усе забуду...
 Ихъ полюблю... себе переборю...
(Рышуче). Беры дитей!

- Маруся (кыдається). Мій любий!
- Ганна (зупиняя строго). Зглянься, доню!
 (Навіщо намъ сей поквиль, глумъ и грихъ?
 Невже ёму (на Сохронѣ) виддачышь такъ жор-
 стово?
 Кохае-жь винъ... Образа въ нихъ...)
- Маруся (стерянно). Охъ, такъ!
 А я... Ой, що-жь?... Я все зроблю... я мушу...
- Ганна. Та й имъ, диткамъ, тутъ краще у паши.
- Сохронъ. Хай визьме ихъ... Хай украинци будуть
 И ворогы напастныкамъ!
- Маруся (бореться зъ собою). Ой, ни!...
 Не слидь... вони... Охъ, маты правду кажуть...
 Такъ я сама... Ой, диточки мои! (Обнима)
 Прощайте! Я... (прыпада) васъ бильше не побачу!
 (Прыорта).
 (Встає, хытається) Теперь—твоя! (Мліючы трохи
 не впала).
- Сохронъ (пидхоплює, держыть). Моя! Моя! Моя!

Выхидъ II.

Невольники.

Андрій. Все скривъ пала, добро вже на „байдарахъ“.

Сохронъ. На байдакы! Додому!!

Леся. Слава всемъ!

(Вси вырушають до моря).

Ганна (Маруси). Ну, поспишай!

Сохронъ. Вона слаба, зомлила...

Я на рукахъ... (Хоче взять)

Маруся (прочумалась, жажнулась). Ой, проби! Дайте разъ...

Хочъ разъ одынъ... останній... прыголубыть

Моихъ дитокъ! (Кыдається до нихъ)

Мои, мои! (Прыорта)

Д и т ы (*всё время тремтут перелыкивая*). Ой, мамо!

Не выдай насъ!

Ма р у с я (*не пры собі*). Хай васъ Господь...

Га н н а (*одрыва іи видъ дитей*). Хапайсь!

Го л о с ь О х р и м а. Отамане, хутчій, бо чуты голосъ:

Гирей наша лыбовь то поспыша!

Ма р у с я. Ой, диты... винъ! (*Іи майже тянуть*)

Со х р о н ь (*однукуе*). Рушайте вси! Я заразы!

Я понесу іи мерщій!

Ма р у с я (*вырывается*). Ни, ни!

Нема снагы... немае въ мене сылы!

Розшарпани—и сердце и жыття!

Не могу дать тобі я щастя, втихы:

Туть диточки... туть батько любый ихъ...

Тамъ маты, людъ, дружина, край коханный...

Яка-жь мени порада, друже мій?

Одна нудьга, одынъ проклёвъ и горе!

(*Тне себе кынджаломъ*).

Со х р о н ь. Маруюю! (*До неи, піддержуе*).

Га н н а. Ай!

Ма р у с я (*умыраючы*). Не проклянуть мене!...

И ихъ... и ихъ!... (*Вытягуется*).

Со х р о н ь (*кладе іи; самъ стоить каминемъ*).

Умерла! Боже!

Га н н а (*прыпада зъ рыданьямъ*). Доню!

Дытя мое! Моя нещасна кровь!

(*Пауза. Чуты, якъ одчалоютъ чайкы. Тыхый покрыкъ: „На весла! Разомъ! Наляжь!“*)

(*Полумья розжесврюе. Минареты займаются*).

Со х р о н ь (*падае передъ трупомъ на колна*).

Просты мене!.. Я тежь твоимъ бувъ ватомъ...

Не перемигсь... и квитоньку скосывъ...

Не прокынай! (*Зъ слёзамы*). Яка блида, хороша...

Мольба іи застыгла на выду,

А рученьки безвладни... (*Рышуче*) Мамо, мамо!

{ Берить дитей: душа их у нихъ...
 А я—цей скарбъ... (*Пиднима трутъ*) (*Ганна пры-
 юрта дитей*). О мій пидбытый квите!
 Клянусь ховать твій заповіть по вѣкъ,
 Твоихъ дитей любить, якъ найриднишыхъ,
 { Украйни й йимъ—виддаты все жыття!!

(*Палацъ и тюрьма валются въ оми. Навдали розлягается цуъ гарматъ*).

Зависа хутко спада.

М. Старицкій.

Къ исторіи торговли кольцами Св. Варвары въ Кіевѣ.

Рѣдкій изъ богомольцевъ, тысячами приходящихъ въ Кіевъ на поклоненіе мѣстнымъ святителямъ, не унесетъ на память колечка отъ мощей св. великомученицы Варвары. Такъ дѣлается теперь, такъ бывало и въ старину. Съ какихъ именно поръ возникъ этотъ обычай—нѣтъ точныхъ указаній. Одно лишь извѣстно, что съ давнихъ поръ кіевскіе мѣщане, ремесленники золотарскаго цеха, изготовляли такія колечки, съ именемъ великомученицы, и продавали ихъ мѣстнымъ торговцамъ для перепродажи богомольцамъ. Вѣроятно, этотъ мѣстный промыселъ породилъ и самый обычай, сразу понравившійся благочестивымъ паломникамъ. Такіе перстни, какъ и теперь, продавались повсюду, въ лавкахъ и на площадяхъ, и затѣмъ непременно приносились въ Михайловскій монастырь для освященія при гробѣ великомученицы. Но въ концѣ 1830-хъ годовъ монастырское начальство хотѣло монополизировать эту торговлю и возбудило вопросъ о незаконности изготовленія такихъ перстней частными мастерами. Это породило небезъинтересную переписку, сущность которой мы и передаемъ въ настоящей статьѣ.

Въ сентябрѣ 1837 года въ Кіевѣ проживалъ нѣкоторое время командированный сюда по дѣламъ службы штабсъ-капитанъ черноморскаго флота Скандраковъ. Передъ отъѣздомъ онъ

поѣхалъ Лавру, пещеры и другія св. мѣста, купилъ на память, для подарковъ роднымъ и знакомымъ, 37 штукъ серебряныхъ перстней съ надписью „св. великомученицы Варвары“ и отослалъ ихъ съ унтеръ-офицеромъ въ Михайловскій монастырь для освященія, согласно обычаю, при гробѣ великомученицы. По совершевіи обряда, подошелъ о. намѣстникъ и, узнавъ, что перстни куплены въ частной, а не въ монастырской лавкѣ, арестовалъ ихъ, „какъ запрещенный для вольной продажи товаръ“, и потребовалъ указать ту лавку, гдѣ они были пріобрѣтены. Узнавъ о случившемся, офицеръ Скандраковъ заѣхалъ въ лавку купца Ивана Козловскаго, на Печерскѣ, получилъ отъ него расписку въ продажѣ перстней и отправился въ Михайловскій монастырь. Здѣсь ему пришлось объясняться съ самимъ настоятелемъ, преосвященнымъ Иннокентіемъ (Борисовымъ), епископомъ чигиринскимъ, викаріемъ кievской митрополи; у него же онъ засталъ и частнаго пристава. На вопросъ Скандракова—на какомъ основаніи арестованы присланные имъ въ монастырь для освященія перстни?—преосвященный отвѣтилъ: „на томъ основаніи, что оныя безъ пробы и что никто изъ вольнопромышленниковъ по закону не имѣетъ права продавать таковыя, кромѣ монастыря“. Напрасно Скандраковъ приводилъ соображеніе, что, какъ ему извѣстно, по закону „проба на вещахъ, имѣющихъ вѣсу менѣе золотника, не выставляется“; преосвященный объявилъ рѣшительно, что не можетъ ему возвратитъ колецъ, а представитъ ихъ къ гражданскому губернатору и будетъ просить его взыскать съ продавца по законамъ“.

Въ то время должность кievскаго гражданскаго губернатора не была замѣщена и его обязанности исполнялъ вице-губернаторъ Я. И. Пенкинъ. Къ нему обратился Скандраковъ съ просьбою вывести его изъ затруднительнаго положенія, что ему де необходимо отправляться на мѣсто службы, въ Николаевъ, а онъ не можетъ получить обратно своихъ перстней, за которые заплатилъ 47 рублей ассигнаціями. Пенкинъ успокоилъ его обѣщаніемъ, что, по рассмотрѣніи дѣла, ему будутъ высланы или самыя перстни, или же взысканныя съ виновнаго въ незаконной

ихъ продажѣ деньги. Такъ и уѣхалъ Скандраковъ изъ Кіева безъ заготовленныхъ гостинцевъ.

Все это происходило въ среднихъ числахъ сентября, и лишь 27 октября преосвященный Иннокентій прислалъ вице-губернатору слѣдующее письмо:

„Ваше превосходительство, милостивый государь Яковъ Ивановичъ! Правленіе Михайловскаго монастыря донесло мнѣ, что съ нѣкотораго времени начали быть приносимы богомольцами въ гробу великомученицы Варвары кольца съ надписью отъ ея имени, продаваемые въ нѣкоторыхъ лавкахъ кіевскихъ, вслѣдствіе чего и вѣрно было мною намѣстнику Михайловскаго монастыря сдѣлать надлежащія разысканія. Между тѣмъ недавно представлено гробовому при мощахъ великомученицы іеромонаху пріѣзжимъ богомольцемъ штабсъ-капитаномъ Скандраковымъ вдругъ 37 колець, купленныхъ имъ въ лавкѣ купца Козловскаго, на что имѣется и расписка отъ приказчика сего купца. Въ то же время посланный отъ монастырскаго правленія іеромонахъ купилъ въ этой лавкѣ еще 5 колець. Довода о семъ до свѣдѣнія вашего пр—ства и препровождая для соображенія сего дѣла удержанныя въ монастырѣ безпробныя кольца и расписку приказчика, ихъ продавашаго, я покорнѣйше прошу ваше пр—ство приказать, кому слѣдуетъ, обратить вниманіе на столь явное злоупотребленіе священными вещами, воспретивъ чрезъ полицію купцамъ оное, и виновныхъ въ нарушеніи церковной собственности предать надлежащему суду и о послѣдующемъ почтить меня увѣдомленіемъ“.

Пенкинъ немедленно передалъ это письмо и перстни въ Кіевское губернское правленіе съ порученіемъ: „по соображеніи съ правилами о торговой промышленности и другими узаконеніями, настоящему случаю приличными, учинить немедленно постановленіе“. Но не легко было исполнить это порученіе. Губернское правленіе перерыло весь Сводъ Законовъ и отыскало лишь слѣдующія, „приличныя настоящему случаю“, постановленія: а) т. 2-го, ст. 882, 892 и 893, по которымъ наблюденіе за точнымъ исполненіемъ въ городѣ всѣхъ правилъ, по торговлѣ установлен-

ныхъ, принадлежить городской думѣ; б) того же тома ст. 461, гласящую, что никто не можетъ дѣлать золотыхъ и серебряныхъ вещей, не бывъ цеховымъ мастеромъ и не представивъ по себѣ поручной записи въ исполненіи правилъ своего мастерства, и в) ст. 462, по которой серебро во всѣхъ издѣліяхъ должно быть 84, и золото 72 пробы, и ст. 463, обязывающую мастеровъ представлять золотыя и серебряныя издѣлія въ учрежденныя правительствомъ пробирныя палатки для наложенія пробы и проч. На основаніи всѣхъ этихъ статей губ. правленіе учинило слѣдующее постановленіе: а) Полученныя отъ преосвященнаго Иннокентія кольца препроводить въ кievскую градскую полицію и предписать ей, при бытности члена магистрата, открыть какъ мастера оныхъ колець, такъ и то: имѣеть ли онъ право производить серебряныя издѣлія и почему не исполняетъ существующихъ правилъ относительно пробированія и клейменія издѣлій, и по какому поводу купецъ Козловскій имѣеть въ лавкѣ безпробныя кольца и производить ими торговлю; б) велѣть полиціи при членѣ отъ городской думы, обвѣдѣтельствовать означенныя кольца чрезъ пробирмейстера и, буде не встрѣтятся какихъ-либо препятствій, означить на нихъ пробу, а между тѣмъ думѣ и полиціи принять строгое наблюденіе за точнымъ исполненіемъ всѣхъ правилъ, на счетъ торговли установленныхъ; и в) „отъ лица г. исправляющаго должность гражданскаго губернатора, отнестись къ преосвященному Иннокентію съ тѣмъ, что, какъ препровожденныя имъ кольца, ни до освященія ихъ, ни по освященіи, не бывъ жертвуемы въ пользу монастырской церкви, не могутъ почитаться собственностью оной, а составляютъ собственность частнаго лица, предъявившаго оныя кольца только для освященія, то и просить отъ его преосвященства увѣдомленія: на какомъ основаніи продажа тѣхъ колець почитается имъ нарушеніемъ церковной собственности? ибо губернское правленіе не имѣеть въ виду на сей предметъ закона“.

Получивъ этотъ запросъ, епископъ Иннокентій далъ и. д. губернатора Пенкину такой отвѣтъ: „Правленіе Михайловскаго монастыря, представивъ мнѣ отобранныя имъ кольца съ надписью

великомученицы Варвары, отнюдь не имѣло въ виду обратитъ ихъ въ свою собственность, а представило ихъ единственно по двумъ причинамъ: 1) что на нихъ нѣтъ никакой пробы, что строго запрещено законами, и 2) что на нихъ изображено имя великомученицы Варвары, что не дозволено дѣлать никакому мастеру никакимъ закономъ. Таковыя кольца только подносятся Высочайшимъ особамъ и даются другимъ желающимъ бомогольцамъ отъ гроба великомученицы на благословеніе. Посему монастырь Михайловскій нисколько не хочетъ стѣснять торговли кольцами, а только покорнѣйше проситъ васъ запретить означать на кольцахъ имя великомученицы Варвары, что съ торговлею вовсе не соединено и противно самому понятію о предметахъ священныхъ“.

Губернское правленіе, не дѣлая уже справокъ съ законами, а только, по канцелярскому обычаю того времени, безъ всякой нужды изложивъ со всѣми подробностями все дѣло, съ самаго начала, учинило дополнительное постановленіе: „Какъ, за изъясненнымъ отзывомъ епископа Иннокентія, въ отдачѣ препровожденныхъ имъ 37-ми колець купившему оныя штабсъ-капитану Скандракову не встрѣчается препятствія, то предписать полиціи, дабы она, по учиненіи предписаннаго освидѣтельствванія колець и означенія на нихъ пробы, буде затѣмъ не встрѣтятся какихъ-либо особыхъ препятствій, возвратила оныя немедленно въ правленіе и о томъ, равно и объ исполненіи въ прочихъ статьяхъ даннаго ей предписанія, донесла рапортомъ; а между тѣмъ поставить въ обязанность полиціи воспретить мастерамъ и торговцамъ означать на кольцахъ имя великомученицы Варвары и имѣть за симъ неупустительное наблюденіе, о чемъ и городской думѣ подтвердить указомъ“.

Минулъ мѣсяць, а полиція и не думала рапортовать объ исполненіи прежняго указа губ. правленія относительно злополучныхъ колець. Понадобилса нарочитый губернаторскій нагоняй, и лишь тогда послѣдовалъ рапортъ, что указъ не исполненъ по винѣ городской думы, которая никакъ не надумается назначить депутата для производства предписаннаго слѣдствія.

Послали и ей нагоняй,—и только въ концѣ декабря въ городской полиціи, въ присутствіи гласнаго думы Николая Балабухи (который, по старой памяти, титулуется еще „ратманомъ городского магистрата“) состоялась экспертиза арестованныхъ перстней, при чемъ правящій должность пробирера кievской пробирной палатки унтершхтмейстеръ Хотецкій далъ заключеніе, что они сдѣланы изъ серебра 84 пробы и что пробировать ихъ нѣтъ законнаго основанія, такъ какъ Высочайшимъ указомъ 30 августа 1829 г. мелкія золотыя и серебряныя издѣлія, вѣсящія менѣе двухъ золотниковъ, освобождены отъ пробирнаго клейменія; точно также, въ виду прописаннаго указа, нѣтъ основанія воспрещать выдѣлку и продажу перстней только потому, что на нихъ означено имя великомученицы Варвары, „ибо и самый Михайловскій монастырь покупаетъ кольца съ этою же надписью у мѣстныхъ мастеровъ, которые продаютъ ихъ и другимъ людямъ“.

Послѣ этого авторитетнаго разъясненія, со ссылкой на законъ, наиболѣе „приличный“ къ данному случаю, но почему-то выпущенный изъ виду губ. правленіемъ, казалось, не было уже никакой надобности привлекать къ слѣдствію купца Козловскаго и при его содѣйствіи „открывать мастера“, изготовившаго злополучныя кольца; но такъ какъ губ. правленіе не отмѣнило своего прежняго постановленія, то полиція—правда, не скоро, лишь въ маѣ 1838 года—подвергла купческаго сына Ив. Козловскаго допросу, и онъ показалъ, что, торгуя разными галантерейнымп, золотыми и серебряными товарами, имѣетъ въ своей лавкѣ и кольца св. Варвары и продаетъ ихъ „по обыкновенному купческому праву“ желающимъ. Такимъ образомъ въ сентябрѣ 1837 г. онъ продалъ неизвѣстному офицеру такихъ колець до сорока штукъ: тогда же и іеромонахъ Михайловскаго монастыря Серафимъ взялъ у него 5 штукъ этихъ же колець подъ видомъ покупки, но слѣдуемые деньги и до сихъ поръ ему не уплачены; самыя же кольца онъ покупаетъ у мастера, кievскаго мѣщанина Сергѣя Анастасіенка. О томъ же, что колець съ именемъ св. Варвары продавать не дозволяется, онъ,

Козловскій, доселѣ не зналъ и таковой продажи ему никто не запрещалъ, а „публика и теперь ежечасно такія кольца у него въ лавкѣ спрашиваетъ“.

Допрошенъ былъ и мѣщанинъ Анастасіенко, живущій на Подолѣ, и показалъ, что, занимаясь съ надлежащаго разрѣшенія выдѣлкою разныхъ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, онъ дѣлаетъ и кольца съ именемъ св. Варвары и продаетъ желающимъ, получая металлъ, по установленному порядку, изъ пробирной палаты, гдѣ ему объяснили, что, въ виду маловначительнаго вѣса этихъ колець, пробу выставлять на нихъ не слѣдуетъ. О томъ же, что колець съ именемъ св. Варвары выдѣлывать не можно, ни отъ кого предупреждаемъ онъ не былъ, да и отъ пробирмейстера о томъ не было ему сказываемо.

Этимъ и было закончено слѣдствіе. Получивъ о немъ донесеніе, губ. правленіе постановило: дѣло счесть оконченнымъ и сдать въ архивъ, а кольца выслать начальнику штаба черноморскаго флота для врученія собственнику, штабсъ-капитану Скандракову, возложилъ на него издержки по пересылкѣ въ суммѣ 4 р. 70 коп. Когда въ январѣ слѣдующаго 1839 года кольца эти прибыли наконецъ въ Николаевъ и вручены штабсъ-капитану Скандракову, то послѣдній рѣшительно отказался платить израсходованные на ихъ пересылку 4 р. 80 коп., а въ объясненіе своего отказа подалъ своему командиру слѣдующій рапортъ: „Какъ таковыя кольца удержаны были у меня настоятелемъ Кіево-Михайловскаго монастыря несправедливо, о чемъ я ему тогда же объявлялъ, что пробы на вещахъ, менѣе золотника вѣсу имѣющихъ, не выставляются, и представивъ расписку, ввѣтую мною отъ купца, у котораго они были куплены, просилъ лично епископа Иннокентія о возвращеніи мнѣ оныхъ колець потому болѣе, что они уже были освящены въ Михайловскомъ монастырѣ; но онъ мнѣ объявилъ при частномъ приставѣ, что не можетъ возвратить, по причинѣ, что оныя безъ пробы и никто не имѣетъ права продавать таковыя, кромѣ собора, а представить ихъ къ гражданскому губернатору для взысканія съ продавшаго мнѣ оныя кольца по законамъ; нынѣ же по слѣдствію, произ-

веденному въ кievскомъ губ. правленіи, оказалось, что продажа таковыхъ колець не воспрещается и пробы на оныхъ выставлять не должно: то и пересылочныя деньги должны быть взысканы съ того, кто оказался по сему дѣлу виновнымъ. Поэтому уплаты въ пользу почты за пересылку денегъ 4 р. 80 коп. я на себя не принимаю, тѣмъ болѣе, что чрезъ задержаніе оныхъ колець я понесъ уже убытку болѣе 50 рублей. О чемъ приѣмлю честь просить сдѣлать съ кѣмъ слѣдуетъ сношеніе“.

Флотское начальство, видимо раздѣлявшее соображенія своего офицера, препроводило его подлинный рапортъ въ кievское губ. правленіе, а это послѣднее, снова выписавъ въ докладѣ всѣ подробности даннаго дѣла, съ самаго начала, постановило: „по елику штабсъ-капитанъ Свандраковъ отъ платежа пересылочныхъ денегъ отказался, почитая себя къ тому необязаннымъ и отзываясь, что взысканіе оныхъ денегъ должно относиться къ тому, кто причиненъ въ отобраніи и удержаніи его собственности; отобранны же отъ него кольца въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ: посему губ. правленіе, признавая съ своей стороны таковой отзывъ Свандракова справедливымъ и приѣмля во вниманіе, что не имѣется въ виду закона, воспрещающаго частнымъ лицамъ дѣлать кольца съ надписью имени св. великомученицы Варвары или другихъ святыхъ, полагаетъ: отъ имени начальника губерніи отвѣстись къ преосвященному Иннокентію и просить его распоряженія о взысканіи помянутыхъ 4 р. 80 коп. съ виновнаго въ неправильномъ арестованіи тѣхъ колець у штабсъ-капитана Свандракова, присовокупивъ къ тому свѣдѣніе, что таковыя кольца, по силѣ указа 1829 года, могутъ быть дѣлаемы и продаваемы безъ пробы, какъ имѣющія въ себѣ вѣсу менѣе зомотника“.

Преосвященный Иннокентій ничего не отвѣтилъ на это отношеніе, можетъ быть потому, что въ 1841 году состоялся его переводъ на епископскую кафедру въ Харьковъ. Въ мартѣ слѣдующаго 1842 года кievскій губернаторъ И. И. Фундуклей писалъ о томъ же преемнику Иннокентія, преосвященному Іереміи, епископу чигиринскому, отъ котораго былъ полученъ отвѣтъ:

„Такъ какъ въ дѣлахъ управляемаго мною Кіево-Михайловскаго монастыря нивакого свѣдѣнія не оказалось объ арестованіи колець у штабсъ-капитана Скандракова, а въ монастырѣ, за перемѣною людей, никого нѣтъ теперь, кто бы хотя извѣстенъ былъ о семъ обстоятельствѣ, то требуемые вашимъ превосходительствомъ 4 р. 80 коп. ассигнаціями, составляющіе на серебро 1 р. 37 коп., по распоряженію моему взяты изъ экономическихъ монастырскихъ суммъ и вмѣстѣ съ симъ отосланы въ кіевское губ. правленіе“.

Тѣмъ и закончилась пятилѣтняя переписка о кольцахъ.

Л. Орельскій.

Взглядъ на ремесло палача въ старой Малороссіи.

Старинное южнорусское законодательство (Лит. Статутъ, Магдеб. право въ разныхъ его кодексахъ) по многимъ преступленіямъ опредѣляло смертную казнь, но такіе приговоры рѣдко приводились въ исполненіе по двумъ причинамъ: во первыхъ, осужденный почти всегда могъ заключить мировую съ потерпѣвшими отъ его преступленія, вознаградивъ ихъ матеріально (напримѣръ, за убійство заплативъ „головщину“ родственникамъ убитаго), и такая сдѣлка, заявленная суду, обращала въ ничто судебный приговоръ; во вторыхъ, не всегда можно было найти лицо, которое взялось бы привести смертный приговоръ въ исполненіе. Въ настоящей замѣткѣ остановимся лишь на послѣдней причинѣ, столь характерной для минувшей эпохи. Въ самомъ дѣлѣ, южнорусское общество XVI—XVIII в. далеко не отличалось утонченностью нравовъ; человѣческая жизнь—и своя и чужая—цѣнилась не дорого; человѣческая кровь на войнѣ, въ поединкѣ, въ буйномъ наѣздѣ и даже въ пріятельской пирушкѣ—изобильно проливались на каждомъ шагу; а между тѣмъ всеобщее отвращеніе къ роли палача было такъ велико, что нерѣдко смертные приговоры оставались безъ исполненія за невозможностью найти исполнителя. Хотя Лит. Статутъ (арт. 5, розд. 11) предписывалъ гродскимъ урядамъ держать „мистра, т. е. ката для каранья злочинцевъ“, но въ южнорусскихъ областяхъ ни при одномъ гродскомъ (а тѣмъ болѣе земскомъ) судѣ такой долж-

ности никогда не существовало, и когда этимъ судамъ приходилось произносить смертные приговоры, то они отсылали ихъ, вмѣстѣ съ осужденными, для исполненія въ мѣстный магистратъ; если же такового въ данномъ городѣ не существовало, то лицамъ, заинтересованнымъ въ приведеніи приговора въ исполненіе, предоставлялось самимъ искать и приглашать палача, равно и вознаградить его за работу. Но и при магистратскихъ урядахъ должность „ката“ сплошь и рядомъ оказывалась вакантной, за неимѣніемъ охотниковъ занять ее, и въ случаѣ нужды въ палачѣ члены даннаго магистрата должны были ѣздить по другимъ городамъ и униженно просить о временномъ его одолженіи. Вотъ нѣсколько характерныхъ фактовъ такого рода. Въ г. Чортковѣ (въ нынѣшней Галиціи) въ 1703 г. былъ обокраденъ костель. Преступникъ былъ отысканъ и присужденъ въ отсѣченію рукъ и головы. Но въ городѣ не было палача. Стали искать его—и оказалось, что только въ Каменцѣ есть такой мастеръ. Но магистратъ Каменецкій опасался отпустить столь драгоценнаго служителя, боясь, какъ-бы чортковцы не сманили его совсѣмъ. И вотъ, послѣ долгихъ переговоровъ, пришли къ такому соглашенію: Каменецкій магистратъ согласился „занять“ на время Чортковскому магистрату своего „мистра“ и дать ему городской мечъ, недавно сдѣланный и уже испытанный, но съ тѣмъ условіемъ, что прибывшіе изъ Чорткова члены тамошняго магистрата—бурмистръ Александръ Злотницкій и лавникъ Антоній, впредь до возвращенія „занятаго“ ими палача, останутся въ Каменцѣ въ качествѣ заложниковъ. Чортковцы по неволѣ должны были согласиться на эту сдѣлку и выдали каменчанамъ формальную въ томъ расписку¹⁾. Въ 1707 г. мѣщане м. Баворова (нынѣ въ Галиціи) также выдали Каменецкому магистрату расписку въ томъ, что они останутся въ Каменцѣ до возвращенія изъ Баворова палача, занятаго на время для исполненія казни у Каменецкаго магистрата²⁾.

¹⁾ Архивъ Югозап. Россіи, часть V, т. 1, № LXX.

²⁾ Тамъ же № LXXXIV.

Еще въ болѣе трудномъ положеніи очутился въ 1710 г. магистратъ г. Кременца, осудившій крестьянку Химу къ смертной казни за участіе въ убійствѣ ея мужа. По закону, такое тяжкое преступленіе ни въ какомъ случаѣ не могло остаться безнаказаннымъ, а между тѣмъ въ городѣ не было палача. Боясь законной отвѣтственности за промедленіе, члены магистрата ѣздили въ Броды, въ Дубно, въ Олыку и въ другіе города съ цѣлью „занять“ на время палача, но оказалось, что во всемъ Волынскомъ воеводствѣ и въ пограничныхъ городахъ такого мастера нигдѣ не было. Между тѣмъ въ апрѣлѣ въ Бродахъ была ярмарка; черезъ Кременецъ проѣзжало много торговыхъ людей. Кременецкіе цехи, которымъ осужденная Хима отдана была подъ стражу впредь до исполненія приговора, плохо стерегли ее, хотя держали „въ кайданахъ“, и она убѣжала съ кѣмъ-то изъ проѣзжихъ. Опасаясь отвѣтственности, магистратъ внесъ въ книги мѣстнаго гродскаго суда „манифестацію“, въ которой свидѣтельствуется Богомъ, что онъ не повиненъ въ случившемся, такъ какъ съ своей стороны употребилъ всѣ усилія къ присканію палача, и не его вина, что такового нигдѣ не оказалось¹⁾.

А между тѣмъ ремесло палача было довольно выгоднымъ. Кромѣ опредѣленнаго жалованья, уплачиваемаго магистратомъ, „вать“ и его помощникъ „гицель“ получали отъ истцовъ особое вознагражденіе не только за смертную экзекуцію, но и за производство пытокъ, которыя обыкновенно ей предшествовали. Законъ не таксировалъ этихъ доходовъ, глухо опредѣляя ихъ размѣръ „давнимъ обычаемъ“, что представляло широкій просторъ требовательности палачей. Вотъ почему „вздать своего шюдника на муки“ и добиться „выконанья“ надъ нимъ смертной казни могли только состоятельные люди, ибо эта процедура требовала значительныхъ издержекъ. И тѣмъ не менѣе общественное презрѣніе къ профессіи палача было такъ велико, что это выгодное ремесло рѣдко прельщало кого, и „каторскія“

¹⁾ Тамъ же № ХС.

должности при магистратахъ сплошь и рядомъ оставались вакантными. Въ основѣ этого чувства отвращенія къ кровавому ремеслу, безъ сомнѣнія, коренились исконныя черты славянской мягкости и добродушія, но можно полагать, что это расовое чувство окрѣпло и приняло опредѣленныя формы выраженія не безъ вліянія этическихъ воззрѣній болѣе культурныхъ народовъ Запада. Извѣстно, что XV и XVI вѣка были эпохой насажденія въ Южной Руси Магдебургскаго права, и цеховой системы, цѣликомъ заимствованной у нѣмцевъ. А въ Германіи въ это время въ цеховой практикѣ безусловно господствовалъ вполне установленный и для всѣхъ обязательный кодексъ понятій о честной и безчестной работѣ, по которому всѣ тѣ промыслы и занятія, гдѣ приходилось, хотя бы и противъ воли, по принужденію властей, имѣть сопрیکосновеніе съ преступниками, съ висѣльями или орудіями пытки, всякое участіе при постройкѣ тюремъ, обращеніе съ падалюю, убійство собаки и т. под.—все это считалось источникомъ безчестія и служило препятствіемъ для вступленія въ цехи. Цеховые рѣшительно отказывались принимать участіе въ погребеніи палачей, живодеровъ или ихъ родственниковъ; и принятіе сына палача или живодера въ извѣстный цехъ подвергало всѣхъ членовъ его опалѣ и презрѣнію со стороны остальныхъ цеховъ. Эти понятія отличались такою живучестью и устойчивостью даже въ концѣ XVIII ст., что, на примѣръ, прусское правительство, ведшее въ теченіе почти цѣлаго вѣка упорную борьбу съ народными воззрѣніями относительно честнаго и позорящаго труда и въ своемъ ремесленномъ законодательствѣ проводившее принципъ, что всякое полезное занятіе и трудъ должны признаваться равно почтенными, все-таки было вынуждено сдѣлать исключеніе относительно промысловъ живодеровъ и палачей¹⁾. Совершенно тѣ же воззрѣнія господствовали и среди малорусскихъ мѣщанъ, а чрезъ нихъ распространились и въ другихъ классахъ. Въ 1705 году ковель-

¹⁾ Цеховая система въ Пруссіи XVIII вѣка. Н. Молчановскаго, стр. 139—143.

скій мѣщанинъ Иванъ Горбачыкъ былъ исключенъ изъ цеха, съ воспрещеніемъ заниматься своимъ ремесломъ, лишь за то, что о немъ прошелъ въ городѣ слухъ, будто онъ убилъ собаку²⁾. Исключенный энергично отрицалъ справедливость этого позорнаго слуха, да и изъ судебного слѣдствія видно, что его обвиняли въ случайномъ убійствѣ собаки, а никакъ не въ профессиональномъ живодерствѣ; тѣмъ не менѣе ему съ большимъ трудомъ удалось добиться возстановленія своей чести. Что же было бы съ тѣмъ мѣщаниномъ, который прельстился бы выгоднымъ ремесломъ палача? Вѣчный позоръ и отверженіе постигли бы не его одного, но и весь его родъ. Да такихъ случаевъ нивогда и не бывало. Въ судебныхъ актахъ того времени палачи обыкновенно упоминаются глухо, подъ однимъ лишь нарицательнымъ именемъ: „катъ“, „мистръ“, „оправца“; въ рѣдкихъ случаяхъ ихъ называютъ одними личными именами, но безъ фамилій и безъ обычнаго обозначенія сословія, изъ чего можно заключить, что они набирались изъ самыхъ низкихъ слоевъ общества, такъ называемыхъ его „подонковъ“. На ту же мысль наводитъ и то обстоятельство, что, среди многихъ тысячъ просмотрѣнныхъ актовъ, намъ не приходилось еще встрѣчать такого случая, чтобы палачъ выступалъ истцомъ или отвѣтчикомъ въ гражданскомъ искѣ, дарилъ, продавалъ, завѣщалъ или самъ получалъ по завѣщанію какое-либо имущество и, вообще, чтобы онъ съ помощью закона осуществлялъ какія-либо свои гражданскія права. Такъ какъ Литовскій Статутъ формально не лишалъ палачей гражданской правоспособности, то остается предположить, что они не пользовались ею по своему происхожденію, рекрутируясь, вѣроятно, изъ среды тѣхъ бездомныхъ и безправныхъ паріевъ, которые въ Статутѣ именуется „лезными людьми“ и „гультиями“ и почти не пользовались покровительствомъ закона.

Отверженные по суду общественному, палачи съ позоромъ изгонялись и оттуда, куда открытъ новоизбранный входъ всѣмъ желающимъ и гдѣ съ любовью и всепрощеніемъ пріемлются

²⁾ Архивъ Юговал. Россія, часть V, т. 1, № LXXVIII.

отъявленные грѣшники: разумѣемъ церковь и религиозное общеніе ея членовъ. Здѣсь происходило то же самое, что мы видѣли уже въ области гражданскихъ правоотношеній. Напрасно стали бы мы искать въ церковныхъ законоположеніяхъ какихъ-либо ограничительныхъ постановленій, касающихся палачей: ихъ не было и тогда, какъ нѣтъ и въ настоящее время; но сила общественнаго мнѣнія и народныхъ понятій о честномъ и безчестномъ ремеслѣ была такъ велика, что властно проникала и въ эту область и, вопреки писанному закону, низводила и здѣсь палачей въ разрядъ отверженныхъ. Оказывается, что не только сельское, но и городское духовенство лишало палачей молитвъ, таинствъ и даже воспрещало имъ входъ въ церковь. Вотъ характерное о томъ свидѣтельство, отысканное нами въ документѣ, доселѣ не опубликованномъ.

Въ началѣ XVIII ст. въ Полтавѣ, при смѣшанномъ судѣ, состоявшемъ изъ полковыхъ и магистратскихъ урядниковъ, должность палача занималъ нѣкій Θεодоръ—опять человекъ безъ фамиліи. Жестокое ремесло не мѣшало ему быть набожнымъ, и его не столько огорчало общественное презрѣніе, сколько тяготило отлученіе отъ участія въ церковныхъ молитвахъ и таинствахъ. И много разъ молилъ онъ мѣстнаго протопопа, о. Луку Семеновича, снять эту тяготу съ его совѣсти и дозволить хотя бы входъ въ церковь, но тотъ хотя и сожалѣлъ о немъ по христіанскому милосердію, не считалъ однако себя въ правѣ отступить, какъ ему казалось, отъ церковнаго закона и могъ лишь дать совѣтъ—отправиться въ Кіевъ и просить разрѣшенія у высшей духовной власти, и самъ вызвался написать о немъ ходатайственное письмо въ консисторію. Θεодоръ такъ и сдѣлалъ: побывалъ въ Кіевѣ, поклонился отцамъ консистористамъ, былъ и у самого митрополита Варлаама Ясинскаго—и привезъ полтавскому протопопу нижеслѣдующій письменный консисторскій репримандъ:

„Пречестный отче протопопо полтавскій, мой зичливый отче и брате!

„Полтавский житель Теодоръ, отъ васъ присланий, что имѣлъ, духовному (суду?) исповѣдалъ и разрѣшенъ есть іерейскою и архиерейскою властію, и причастился святыхъ таинъ. А что вы з невѣжества и престолюднаго розсужденія своего возбраняли ему до сихъ времьнь с прочими христіяни, яко правдивому христіянину кающомуся, входа церковного, святой исповѣди и причастія святого, питаюся я: по якимъ то правамъ albo правиламъ святыхъ отецъ чинилисте? Якое правило к якого собора того учить? В правду о васъ бы рещи слова Христовы потреба: прѣлщаетеся, не вѣдуще сили, ни писанія. Катовство, правда, нечестное дѣло, еднакъ и не грѣшное. Катъ никого не судить, ни забиваетъ невинного, но осужденного и обвиненного от майстрату, и тое самое не ему, но повелѣвающому причитається; бо кто через иного что творить, самъ собою видит ся творити. Ежели церулика¹⁾, что лѣчачи челоувѣка, подчасъ и значние члонки урѣзуетъ, або кровь пускаетъ, або, не знаючися добре на лѣкарствѣ, о смерть челоувѣка приправляетъ²⁾, — свѣцкое право не караетъ и духовная власть от церкви не отлучаетъ, далеко барзѣй катъ, который не з своеи волѣ, но з волѣ старшого творить, не маеть быти от церкви отлученнимъ, но яко правдивий христіянинъ и правди исполнитель, по латинску ехеситор justicie (такъ посполите ката зовуть) с иними правовѣрными да сообщается. А что простиі люде з глупства своего таковыми гнушаются, вамъ, іереемъ, разумъ имущимъ, непотреба ихъ невѣжеству послѣдовати, но противно и самимъ разумѣти, и прочихъ учити. Тое пишу по указу архиерейскому и по совѣту суду консисторского. З катедре митроп. Киевского, року 1707, мая 4.

Твой братъ и слуга іеромонахъ Іоаникій, намѣстникъ свято-софѣйский киев. митроп.“

Можно полагать, что эта острая отповѣдь болѣе изумила, чѣмъ вразумила полтавскаго протопопа,—до такой степени она

¹⁾ Т. е. фельдшера. Буквально *церуликъ*—парикмахеръ, но въ XVI—XVIII ст. это ремесло соединялось съ врачебнымъ.

²⁾ Т. е. доводить до смерти.

шла въ разрѣзъ съ привычными для него и для другихъ его собратій понятіями по данному вопросу. Письмо ходило по рукамъ грамотныхъ полтавцевъ, какъ любопытная новинка, а полтавскій городской писарь Романъ Лозинскій, на память потомству, внесъ его даже въ „мѣсвіа“ актовыя книги, откуда и мы его заимствуемъ¹⁾

Когда, въ царствованіе Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны, въ Малороссіи составлялся полный сводъ „Правъ, по которымъ судится малороссійскій народъ“, то его составители, узаконяя положеніе палача и въ тоже время зная, какимъ поноснымъ бесславіемъ и всеобщимъ отвращеніемъ пользуется въ странѣ это ремесло, сочли нужнымъ выступить на его защиту и въ 13 артикулѣ 25 главы Свода сочинили слѣдующую аполлогію, приводя въ ней возрѣнія, тождественныя съ тѣми, какія высказаны въ консисторскомъ судѣ:

„Катъ, или палачъ, хотя званіе на себѣ поносное и ненавистное имѣеть, которое обще въ народѣ обносится мерзостно для единого того, что чрезъ него дѣйствуется мученіе и кровопролитіе человѣческое, однако онъ въ томъ дѣйствіи тако всему обществу человѣческому потребенъ есть, что безъ него надлежащее правосудіе, самому всѣхъ судий Богу пріятное, яко отъ него узаконенное, а всѣмъ людямъ самонужнѣйшее, исполниться не можетъ: вотще же бы для такого правосудія и права на злодѣевъ установлены были, еслибы не было того, кто бы оныя самимъ исполнилъ дѣломъ. А понеже и тое самое пролитіе крове и мученіе человѣческаго тѣла не отъ его палачевой злобы и безчеловѣчія, но отъ показаннаго правосудія и справедливости происходитъ, того ради яко за то свое званіе онъ предъ Богомъ немерзокъ и яко грѣшникомъ признаванъ быть не долженъ, наипаче слугою справедливости ненеприлично называтись можетъ, такъ за то жъ всякому человѣку во омерзеніи его имѣть не надлежитъ, и священный чинъ сообщенія съ вѣрными, входа

¹⁾ Подлинная актовая книга „мѣскаго“ Полтавскаго суда 1673—1740 гг., изъ библиотеки А. М. Лаваревскаго. Данный документъ вписанъ на 368 листѣ.

церковного и причастія божественныхъ таинъ возбранять ему не долженъ“¹⁾).

Это академическое разсужденіе не могло повліять на измѣненіе обычныхъ въ Малороссіи понятій о ремеслѣ палача—уже по одному тому, что сводъ малороссійскихъ „Правъ“ никогда не былъ введенъ въ дѣйствіе; но оно заслуживаетъ вниманія, какъ первое (по времени) открытое признаніе за палачемъ правъ гражданина и христіанина. Дальнѣйшее государственное и культурное сближеніе Малороссіи въ Великороссіей привело, наконецъ, къ тому, что съ теченіемъ времени среди образованныхъ малороссійскихъ классовъ старинный взглядъ на ремесло палача если не совершенно видоизмѣнился, то во всякомъ случаѣ потерялъ прежнюю остроту и рѣзкость. Но среди простого украинскаго народа это кровавое ремесло и нынѣ пользуется тѣмъ же поворомъ и омерзевіемъ, что и въ старину. Самое имя „каты“ въ малорусскомъ языкѣ не только поносное слово, но во многихъ выраженіяхъ является синонимомъ понятія „чортъ“, „нечистый“. Существуетъ множество бранныхъ поговорокъ и реченій, въ которыхъ употребляется имя „чорта“. Болѣе деликатные изъ простолюдиновъ, избѣгая упоминанія имени нечистаго, замѣняютъ его словомъ „каты“: вмѣсто „чортъ ёго беры“ говорятъ: „каты ёго беры“; „чортъ-зна-що“=„ка(ты)-зна-що“; „до каты“=„до чорта“ (т. е. очень много) и т. под. Такимъ позоромъ, какъ отождествленіе съ нечистымъ, заклѣмлено въ народномъ украинскомъ языкѣ, кромѣ „каты“, еще одно историческое имя—царя Ирода, губителя невинныхъ младенцевъ.

Ор. Левицкій.

¹⁾ „Права, по котрымъ судится Малороссійскій народъ“, изд. профессора А. Ф. Кистяковскаго, 1879 г., стр. 753.

Археологическій съездъ въ Кіевѣ.

(Окончаніе¹).

Ничего выдающагося, ни въ смыслѣ обобщеній, ни по новизнѣ темъ и приемовъ работы, не далъ отдѣлъ языка и письма. Въ большинствѣ случаевъ рефераты носили узко-спеціальный характеръ, и потому много говорить о нихъ намъ не придется.

Проф. П. В. Владиміровъ, въ рефератѣ „*О взаимной связи апокрифической иконографіи, древней русской литературы и народной словесности*“, остановился лишь на одномъ фактѣ, именно на изображеніяхъ Рождества Христова, которыя поставилъ въ связь съ преданіями и нѣкоторыми народными обрядами; вслѣдствіе небольшого количества разработаннаго авторомъ матеріала, и тема реферата, очень интересная сама по себѣ, не получила должнаго освѣщенія. Нѣкоторыхъ древнѣйшихъ памятниковъ нашей письменности касались рефераты проф. Сперанскаго и А. С. Раевского. *Проф. Сперанскій* остановился на вопросахъ о *славяно-русскихъ переводахъ Пчелы*, обратившись для выясненія вопроса къ греческимъ и славянскимъ рукописямъ. Изъ трехъ группъ, на которыя распадается по времени греческіе тексты, русскій переводъ, сдѣланный въ XIII—XIV в., относится къ позднѣйшей; къ одной изъ болѣе раннихъ группъ примыкаетъ переводъ болгарскій; третій и послѣдній переводъ, западно-рус-

¹) См. Кіевская Старина, ноябрь.

скій, сдѣланъ въ 1599 г. на Волыни, въ Дерманскомъ монастырѣ, съ печатнаго изданія Гесснера (1516 г.) и стоитъ въ связи съ Острожскимъ изданіемъ библии. *А. С. Раевскій* подвергъ критическому разбору *часословъ библиотеки Ярославскаго архіерейскаго дома XVIII в., съ молитвами Θεодосія Печерскаго, Кирилла Туровскаго и славяно-католическими*, изданный раньше И. И. Срезневскимъ и уже бывшій темой для реферата Е. В. Барсова на VII археологическомъ съѣздѣ. Сдѣлавъ поправки къ мнѣніямъ о рукописи вышеуказанныхъ ученыхъ, референтъ считаетъ ее сводомъ, составленнымъ изъ часослова по студійскому уставу, въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ котораго были размѣщены молитвы, сочиненныя печерскими иноками, Кирилломъ Туровскимъ, и взятыя изъ славяно-католическаго брѣвіарія, быть можетъ, Сазавскаго монастыря. По палеографическимъ особенностямъ—рукопись южнаго происхожденія, и, по предположенію референта, она могла быть прислана въ Ярославль (или Ростовъ) изъ Кіева въ руководство тамошнимъ монастыремъ. Какъ на очень цѣнный матеріалъ для изученія древняго языка, *проф. Н. В. Волковъ* было обращено вниманіе съѣзда на *древнѣйшія церковно-славянскія нотныя книги*; хотя эти послѣднія идутъ лишь съ конца XI и первой половины XII в., но онѣ, благодаря особому характеру письма, удерживаютъ очень древнія формы языка. Нотныя книги, по системѣ нотнаго обозначенія, раздѣляются на знаменныя и кондакарныя; сохранились онѣ только въ русскихъ спискахъ, (извѣстно около 50-ти списковъ XI—XIV в.), но по языку онѣ древне-болгарскаго происхожденія, и значеніе ихъ, по мнѣнію референта, заключается въ томъ, что онѣ даютъ возможность отыскать первую редакцію перевода церковныхъ пѣснощѣній съ греческаго языка на славянскій, совершеннаго въ Кирилло-меодіевскую эпоху.

Критико-біографическій характеръ носили два реферата—Первый *Д. И. Абрамовича*— „*Къ вопросу объ объемѣ и характерѣ литературной дѣятельности Нестора Лѣтописца*“, гдѣ референтъ, ограничиваясь лишь однимъ источникомъ—Кіево-печерскимъ Патерикомъ и положивъ въ основу своего изслѣдованія

сравненіе различныхъ редакцій Патерика, даетъ очеркъ литературной исторіи произведеній Нестора, вошедшихъ въ Патерикъ, именно—житія прп. Феодосія Печерскаго и ряда лѣтописныхъ статей, касающихся исторіи Печерской обители во вторую половину XI столѣтія. Второй рефератъ, *проф. Н. П. Дашкевича*— „Нѣсколько соображеній о былевомъ Ильѣ Муромцѣ на основаніи нѣкоторыхъ кievскихъ данныхъ (XVI—XVII вв.“), имѣлъ цѣлью послѣдовательный пересмотръ старыхъ кievскихъ преданій объ Ильѣ и связанный съ этимъ вопросъ объ исторической основѣ преданій. Подвергнувъ разбору какъ нѣкоторыя лѣтописныя данныя, такъ и прозвище Ильи, референтъ дѣлаетъ предположеніе, что былевой Илья былъ родомъ изъ города Моровійска и могъ служить сѣверскимъ князьямъ и окончить свои дни въ Киевѣ; поэтому нѣтъ основаній раздѣлять былевого Илью и святого, почивающаго въ кievскихъ пещерахъ; по мнѣнію референта, это одно и то-же лицо. Изъ многихъ замѣчаній, вызванныхъ этимъ рефератомъ, отмѣтимъ замѣчаніе Н. Н. Троицкаго, указавшаго на то, что если для эпического Ильи можно найти историческое объясненіе, то и сказанія о подвигахъ его должны были возникнуть на фактической почвѣ.

Мало еще затронутого вопроса въ нашей исторической литературѣ—о томъ значеніи, какое представляютъ для исторіи юго-зап. Россіи документы католическихъ костеловъ и монастырей, коснулся *свящ. Г. Е. Шиповичъ*, передавъ содержаніе *мтотписи Винницкаго капуцинскаго монастыря за 1744—1862 года*. Въ заключеніе упомянемъ о единственномъ, если не ошибаемся, рефератѣ по палеографіи, доложенномъ на съѣздѣ. Мы имѣемъ въ виду рефератъ *Н. М. Каманина*— „*Главные моменты въ исторіи развитія южно-русскаго письма въ XV—XVIII вв.*“. Изъ трехъ очерковъ, употреблявшихся въ это время—латинскаго, польскаго и русскаго, референтъ остановился на послѣднемъ и намѣтилъ четыре періода въ его видоизмѣненіяхъ: 1-ый періодъ самостоятельнаго развитія письма до половины XVI в., когда буквы являются упрощеніемъ уславной скорописи; 2-ой—съ половины XVI в. до начала XVII., когда письмо принимаетъ

готическій характеръ благодаря польско-нѣмецкому вліянію; 3-ій— письмо теряетъ характеръ готическаго подѣ вліяніемъ латыни, господствовавшей въ школахъ, устроенныхъ при братствахъ; этотъ періодъ заканчивается на правомъ берегу Днѣпра во 2-ой половинѣ XVII в. замѣной польскимъ письмомъ, а на лѣвомъ— сѣверно-русскимъ; 4-ый— господство сѣверно-русскаго почерка, который входитъ въ употребленіе на правомъ берегу въ концѣ XVIII в.

Благодаря давно назрѣвшей необходимости въ реорганизаціи у насъ невозможныхъ условий, въ какихъ находится архивное дѣло, уже на предыдущихъ сѣздахъ *археографическая секція* выказала много энергіи и жизненности. То-же самое можно сказать и о кievскомъ сѣздѣ: археографическая секція, по числу записавшихся въ нее членовъ и по дѣйствительному участию ихъ въ разработкѣ какъ общихъ, такъ и частныхъ вопросовъ архивовѣдѣнія, была одной изъ самыхъ удачныхъ, если даже не самая удачная. Въ работахъ секціи замѣтно было единеніе, чувствовалось серьезное отношеніе къ дѣлу, хотя общее настроеніе членовъ секціи было не изъ радужныхъ, такъ какъ очевидна была та пропасть, которая лежитъ между начинаніями, идущими на помощь дѣлу, и практическимъ ихъ осуществленіемъ; обезкураживало къ тому-же и то равнодушіе, какое встрѣчали даже неотложные вопросы, какъ напр.— вопросъ о субсидіи архивнымъ комиссіямъ.

Начнемъ съ очень грандіознаго проекта *проф. Д. Я. Самоквасова*, вызвавшаго много дебатовъ. Хотя этотъ проектъ получилъ одобреніе секціи, но ему вѣроятно такъ и суждено остаться только проектомъ. Проф. Д. Я. Самоквасовъ, въ рефератѣ „*Централизація государственныхъ архивовъ въ Западной Европѣ, въ связи съ архивной реформой въ Россіи*“, привелъ сначала историческую и практическую справку объ организаціи архивнаго дѣла въ Франціи, Англіи, Пруссіи и другихъ западно-европ. государствахъ, гдѣ, какъ напр. въ Англіи и Пруссіи, централизація архивнаго матеріала проведена на практикѣ. Перейдя затѣмъ къ Россіи, докладчикъ указалъ на дѣятельность комис-

сіи Н. В. Калачева 1873 г. и комиссіи 1892 г., оставшихся почти безъ всякаго результата, и въ заключеніе изложилъ свой проектъ архивной реформы. Проектъ этотъ обсуждался въ спеціальной комиссіи археографической секціи и сводится къ слѣдующимъ положеніямъ. Для общаго завѣдыванія всѣми архивами, для организаціи ихъ дѣятельности, снабженія штатами служащихъ, помѣщеніями и т. п. учреждается центральный органъ архивнаго управленія, подобный существующимъ въ зап.-европ. государствахъ. Дѣлопроизводства по 1825-ый годъ выспихъ и центральныхъ государственныхъ учреждений, за исключеніемъ уже обладающихъ благоустроенными архивами, сосредоточиваются въ одномъ центральномъ публичномъ государственномъ архивѣ; дѣлопроизводства мѣстныхъ правительственныхъ учреждений по 1775 г. сосредоточиваются въ 12-ти центральныхъ областныхъ архивахъ; дѣлопроизводства же губернскихъ и уѣздныхъ учреждений 25-ти лѣтней давности—въ губернскихъ центральныхъ архивахъ. Далѣе, въ проектѣ опредѣляется отношеніе къ этимъ архивамъ существующихъ губернскихъ архивныхъ комиссій и предлагается немедленно издать циркулярное распоряженіе по всѣмъ вѣдомствамъ о прекращеніи уничтоженія какихъ бы то ни было бумагъ до учрежденія центрального архивнаго управленія

Выше упомянутой Калачевской комиссіи былъ посвященъ отдѣльный рефератъ *А. С. Раевскаго*— „*Что стало съ Калачевской комиссіей 1873 года объ устройствѣ архивовъ?*“, рефератъ, еще разъ напомнившій, какъ много работалъ Калачовъ на излюбленномъ имъ поприщѣ и какъ со смертью его заглохла и сама комиссія, продолжающая de jure существовать и по сей день. Интересно отмѣтить, что вышеприведенный проектъ проф. Самокнасова является не новостью. Еще въ 1876 г. въ комиссіи обсуждался проектъ правилъ о рѣшенныхъ дѣлахъ по министерству путей сообщенія; два года спустя проектъ этотъ обсуждался Комитетомъ министровъ, который рѣшилъ, что вмѣсто правилъ для отдѣльныхъ министерствъ необходимо поручить комиссіи выработать главныя начала устройства и управленія всѣми

вообще архивами. Изъ протоколовъ комиссіи видно, что такія основанія были уже выработаны раньше, въ 1875 году, но за наступившимъ затишьемъ въ дѣятельности комиссіи основанія эти такъ и не были проведены въ жизнь. Все ту же цѣль — преобразование архивнаго дѣла имѣлъ въ виду и рефератъ *Д. Н. Львова* — „Русское законодательство объ архивахъ“. Картина, нарисованная референтомъ, наводитъ на грустные размышленія. Полнаго спеціального архивнаго кодекса у насъ нѣтъ; всѣ законоположенія являлись разновременно, по разнымъ частнымъ обстоятельствамъ и для различныхъ учреждений; единство системы въ законоположеніяхъ отсутствуетъ; при изданіи архивныхъ правилъ цѣли науки совсѣмъ не принимались въ расчетъ, на архивный матеріалъ смотрѣли только лишь съ канцелярской точки зрѣнія; накопившіяся дѣла представляли для канцелярій въ большинствѣ случаевъ ненужный хламъ, разборка его для выдѣленія дѣлъ, подлежащихъ уничтоженію согласно законоположенію „объ уничтоженіи ненужныхъ дѣлъ“, поручалась лицамъ мало компетентнымъ, и въ результатъ мы имѣемъ много фактовъ огульнаго истребленія очень цѣнныхъ въ научномъ отношеніи архивовъ различныхъ учреждений. Все это приводитъ референта къ мысли о необходимости выработки основныхъ принциповъ архивнаго законодательства соотвѣтственно современнымъ потребностямъ архивнаго дѣла.

Мы коснулись рефератовъ, трактующихъ объ общихъ вопросахъ архивовѣдѣнія. Не мало было интересныхъ докладовъ и по болѣе частнымъ вопросамъ. *Проф. Д. И. Багалъ* поставилъ на очередь вопросъ о необходимости устройства *центрального архива въ Харьковѣ*, по которому, какъ уже извѣстно, съѣздъ рѣшилъ ходатайствовать предъ правительствомъ. При Харьковскомъ университетѣ постепенно образовался очень богатый архивъ, который уже и теперь носитъ всѣ признаки центрального, но не имѣетъ ни опредѣленнаго положенія, ни связаннаго съ этимъ штата служащихъ. Референтъ охарактеризовалъ вкратцѣ содержаніе архива, состоящаго изъ отдѣленій Черниговскаго, Полтавскаго и Харьковскаго, и привелъ нѣсколько справокъ

о томъ, какъ составлялся архивъ изъ остатковъ прежде обширныхъ архивовъ лѣвобережной Малороссіи, уничтоженныхъ благодаря невѣжеству и равнодушію мѣстнаго общества. Л. М. Савеловъ, въ рефератѣ „Объ архивахъ дворянскихъ депутатскихъ собраній“, указалъ на неудовлетворительное состояніе и этихъ архивовъ, между тѣмъ какъ хранящіеся въ нихъ матеріалы зачастую оказываются очень цѣнными, такъ что очень важно было бы имѣть описи документовъ болѣе древняго періода. Приведеніе архивовъ въ порядокъ тѣсно связано съ техникой описанія ихъ содержанія. Почти въ каждомъ изъ нашихъ архивовъ существуетъ своя система описанія документовъ; археографическая комиссія Импер. Московскаго Археологич. общества, путемъ запросовъ, собрала свѣдѣнія о принятыхъ системахъ описанія въ разныхъ архивахъ, каковыя и дала матеріалъ для реферата Г. Н. Шенелева — „Теорія и практика архивныхъ описей“, реферата, заставившаго откликнуться многихъ присутствовавшихъ на съѣздѣ архивистовъ. Докладчикъ не остановился ни на одной изъ принятыхъ системъ, считая ихъ не вполне удовлетворительными и пригодными для научныхъ цѣлей и выставилъ два необходимыхъ условія при составленіи описей — систематичность и возможную краткость. И. М. Каманинъ въ рефератѣ „Объ экспертизѣ древнихъ подложныхъ документовъ“ коснулся нерѣдкаго, по крайней мѣрѣ въ не такъ давнее время, факта поддѣлки документовъ, особенно широко практиковавшагося у насъ на югѣ. Перечисливъ тѣ мѣры, какія принимались для искорененія этого зла, причемъ сначала экспертизы были поручаемы лицамъ мало свѣдущимъ, и только Комиссія 1892 г. признала архивистовъ исключительно компетентными при оцѣнкѣ подлинности или подложности документовъ и установила принципъ апелляціи, для которой спорные документы должны посылаться въ Петербургъ, — И. М. Каманинъ высказался противъ таковой отсылки и предложилъ устраивать періодическіе съѣзды архивистовъ. Къ мнѣнію референта присоединились и нѣкоторые другіе изъ присутствовавшихъ ученыхъ, однимъ изъ которыхъ былъ также

поднять вопросъ о желательности введенія въ Археологическомъ Институтѣ курса по западной и южно-русской палеографіи. По поводу предложенія И. М. Каманина о періодическихъ сѣздахъ, намъ кажется, что таковые уже могутъ быть организованы: архивныхъ дѣтелей есть достаточно въ Россіи, и, какъ видно изъ предыдущаго, назрѣвшихъ вопросовъ накопилось не мало, но въ такомъ случаѣ программа сѣздовъ должна быть выработана гораздо шире, а не исчерпываться лишь экспертизой или переэкспертизой сомнительныхъ документовъ.

И. М. Каманинъ совершалъ лѣтомъ 1898 г. поѣздку по Волынской и Подольской губ. для осмотра архивовъ; результаты этого осмотра и были сообщены имъ сѣзду въ рефератѣ „*О волынскихъ и подольскихъ архивахъ*“. Вотъ общее впечатлѣніе, вынесенное изъ осмотра: архивы помѣщаются въ нижнихъ или подвальныхъ этажахъ, и только два или три—въ особыхъ зданіяхъ; въ самыхъ помѣщеніяхъ бумаги ничѣмъ не ограждены отъ сырости и пыли; нѣтъ ни коробокъ, ни закрытыхъ шкафовъ; большая часть дѣлъ почти во всѣхъ архивахъ, признанная ненужной для справокъ, уничтожена безъ просмотра описей специалистами... Цѣльное впечатлѣніе оставилъ послѣ себя рефератъ О. И. Левичаго—„*О судьбѣ актовыхъ книгъ, относящихся къ исторіи юго-западнаго края и Малороссіи*“. Референтъ прежде всего указалъ на характеръ и содержаніе актовыхъ книгъ, бывшихъ въ употребленіи въ правительственныхъ судахъ, старостинскихъ и частно-владѣльческихъ замкахъ, при кафедрахъ православныхъ и католическихъ епископовъ, при церковныхъ братствахъ и пр. Почти всѣ такія книги погибли; сохранились лишь акты городскіе, земскіе и кое гдѣ магистратскіе. Въ дальнѣйшемъ изложеніи были указаны мѣры, принимавшіяся въ охранѣ книгъ польскимъ правительствомъ въ XVI и до конца XVIII ст. и русскихъ—въ теченіе настоящаго столѣтія. Въ этомъ направленіи дѣйствительныя мѣры въ сохраненію и научной разработкѣ матеріаловъ были приняты лишь въ половинѣ текущаго столѣтія съ учрежденіемъ въ Кіевѣ Комиссіи для разбора древнихъ актовъ и съ устройствомъ въ Кіевѣ, Вильнѣ и Витебскѣ центральныхъ архивовъ.

Въ заключеніе, уважемъ на рефератъ проф. *Д. И. Багалъя*— „*Объ историческихъ матеріалахъ, какъ источникахъ археологій*“, —тема, которой проф. Багалъй уже касался на прежнихъ съѣздахъ, но въ сожалѣнію призывъ его не вызвалъ пока соответственныхъ работъ. Настоящій рефератъ распадался на двѣ части: въ первой было указано на значеніе историческихъ памятниковъ для археологій, во второй—это положеніе иллюстрировалось примѣрами на нѣкоторыхъ документахъ, заключающихъ въ себѣ чисто археологическія данныя. Имѣя въ виду несомнѣнное значеніе такихъ выборокъ изъ древнихъ рукописей, референтъ обратился съ предложеніемъ къ Московскому Археологич. Обществу—не возьметъ ли оно на себя инициативу въ этомъ дѣлѣ. Рефератъ проф. Багалъя былъ дополненъ замѣчаніемъ чешскаго ученаго д-ра Папачека, что, кромѣ письменныхъ памятниковъ, богатая данная въ области археологій могутъ быть извлечены также и изъ народныхъ сказаній и преданій, которыя имѣютъ тѣсную связь съ прошлой жизнью народа.

Рефератовъ, касающихся чисто историческихъ темъ, имѣющихъ отношеніе къ югу Россіи, доложено съѣзду очень немного. Большинство ихъ затрогивало тѣ или другіе вопросы прошлаго въ южно-русскомъ козачествѣ.

Проф. *Н. П. Дашкевичъ* изложилъ съѣзду нѣсколько догадокъ о началѣ южно-русскаго козачества (до конца XV в.). Держась ретроспективнаго метода и соединяя историческія данныя съ филологическими, референтъ пришелъ къ выводу, что первичною формою южно-русскаго козачества можно считать небольшіе военно-промышленные отряды, съ атаманами во главѣ, возникшіе среди осѣдлаго населенія на окраинахъ Литовскаго Подолья и Кіевской земли. Начало ихъ можно отнести ко времени литовскаго завоеванія Подолья, хотя они могли развиться и раньше, благодаря совмѣстной жизни Подольянъ, и можетъ быть Порослянъ, съ татарами. Явленіе это, бывшее только лишь въ зачаточной стадіи развитія, не обращало на себя вниманія,

а потому и названіе „козаць“ не имѣло широкаго распространенія и не попало въ письменные памятники того времени.

Какъ извѣстно, однимъ изъ чаще всего употреблявшихся козаками способовъ защиты, былъ „таборъ“—укрѣпленіе, составленное изъ воевъ. Проф. П. В. Голубовскій попытался указать, съ какого времени можно прослѣдить на югъ Россіи этотъ способъ защиты. Такъ какъ такого рода укрѣпленія возможно устраивать лишь въ мѣстностяхъ степныхъ, то онѣ и могли появиться у кочевниковъ. Приведа рядъ свидѣтельствъ объ употребленіи этого способа гуннами, венграми, печенѣгами, половцами, отъ которыхъ его могла заимствовать и древняя Русь, референтъ относитъ начало его къ дотатарскому періоду. Это заключеніе представляется намъ болѣе всего правдоподобнымъ и логически вытекающимъ изъ знакомства со славомъ жизни нашего юга, такъ что его нужно предпочесть нѣкоторымъ другимъ предположеніямъ, какъ напр.—о заимствованіи „табора“ у чеховъ, которыя были высказаны во время дебатовъ по поводу настоящаго реферата. Въ рефератѣ „Къ вопросу о числѣ, порядкѣ и топографіи Запорожскихъ Сѣчей по новымъ архивнымъ даннымъ“ Д. И. Эварницкій старался разрѣшить нѣкоторые спорные пункты по отношенію къ нѣкоторымъ изъ сѣчей и заключилъ свой докладъ заявленіемъ, что имъ начато уже изданіе „Источниковъ для исторіи запорожскаго козачества съ половины XVII и до конца XVIII в.“, которое будетъ, по словамъ Д. И. Эварницкаго, *лучшимъ памятникомъ славному прошлому Запорожья (sic)*. Довольно серьезныя замѣчанія со стороны проф. Антоновича вызвалъ рефератъ В. И. Щербины—„Послѣдніе стѣды козачества въ правобережной Украинѣ“. De jure козачество здѣсь считается прекратившимъ свое существованіе въ 1711 г., вмѣстѣ съ Прутскимъ договоромъ, но референтъ совершенно справедливо полагаетъ, что такое важное соціальное явленіе въ жизни юга, какъ козачество, не могло прекратиться сразу. Свое положеніе В. И. Щербина подкрѣпляетъ ссылками на люстраціи Кіевскаго воеводства 1765 и 1789 гг., въ которыхъ упоминаются городовые козаки, которые несутъ одну повинность—воен-

ную, и только въ концу столѣтія, значительно уменьшившись въ числѣ, сравниваются съ остальнымъ крестьянствомъ. Возраженія проф. Антоновича заключались, главнымъ образомъ, въ указа- ніяхъ на то, что эти козаки лишены права самоуправленія и самосуда, не являются землевладѣльцами, у нихъ, какъ кажется, нѣтъ сословной наслѣдственности, и потому считать ихъ коза- ками въ собственномъ смыслѣ нельзя. Послѣдній рефератъ изъ этой группы—*А. В. Половцева—„О малороссійскихъ козакахъ на французской службѣ въ 1646 г.“*, рассматриваетъ частный случай изъ исторіи козачества, когда король Владиславъ IV, по просьбѣ принца Конде и кардинала Мазарини, послалъ во Фран- цію, въ помощь противъ испанцевъ, добровольцевъ-козаковъ, при- нимавшихъ дѣятельное участіе въ осадѣ Дюнкерка.

Особое мѣсто въ ряду другихъ рефератовъ занялъ на съѣздѣ докладъ *Ө. Д. Николайчика—„Начало и ростъ Полтавской Вишневецины, по даннымъ Литовской Метрики“*, представляю- щимъ много новаго и важнаго для уясненія вопроса. Проф. Ба- галѣй, по прочтеніи доклада, указалъ, что сообщенные матеріалы интересны не только для исторіи колонизаціи лѣвобережной Ма- лороссіи, но и слободской Украины; они, кромѣ того, даютъ но- выя свѣдѣнія о введеніи и характерѣ Магдебургскаго права въ малороссійскихъ городахъ. Періодъ, охваченный рефератомъ,— послѣднее десятилѣтіе XVI в., когда Вишневецкіе впервые утверж- даются на лѣвомъ берегу Днѣпра, и первая половина XVII в. Система, которой придерживались Вишневецкіе для увеличенія своихъ владѣній—система захватовъ и насилій; въ этомъ отно- шеніи грандіозностью своихъ подвиговъ особенно отличался кн. Іеремія Вишневецкій.—Мало использованные еще пока матеріалы, послужили основаніемъ и для реферата *В. И. Шербинны—„Укра- и́нскія староства по люстраціямъ XVIII в.“*. Староства эти были сгруппированы въ Кіевскомъ повѣтѣ и населены потом- ками исконнаго населенія края съ очень незначительнымъ про- центомъ польскихъ колонистовъ. Сравнивая люстраціи 1765 и 1789 гг., можно замѣтить какъ увеличеніе населенія, такъ и увеличеніе зависимости его отъ старостъ. Это послѣднее обстоя-

тельство, въ дальнѣйшемъ развитіи, привело къ почти полному уравненію положенія „подданныхъ“ королевскихъ имѣній съ частновладѣльческими; да къ тому-же, и сами староства, въ концѣ столѣтія, частью были обращены въ дѣдичныя имѣнія, а на четырехлѣтнемъ сеймѣ былъ составленъ проектъ и совершеннаго упраздненія староствъ.

Выясненію экономическаго положенія населенія лѣвобережной Малороссіи, именно 6-ти полковъ ея, былъ посвященъ докладъ *Е. П. Родаковой*—*„Данныя ревизій и компутовъ объ экономическомъ бытѣ малороссійскаго общества въ XVIII в.“*. На основаніи статистическихъ данныхъ, извлеченныхъ изъ архивныхъ матеріаловъ, оказывается, что довольно большой процентъ населенія (30%) можно признать безземельнымъ, что объясняется какъ тяжестью повинностей, такъ и отсутствіемъ мѣръ, препятствовавшихъ переходу земель изъ рукъ въ руки и сосредоточиванію ихъ въ рукахъ крупныхъ собственниковъ. Обладавшее земельной собственностью населеніе можно раздѣлить на двѣ группы: козаковъ грунтовыхъ и козаковъ малогрунтовыхъ, причѣмъ въ среднемъ на одну долю приходилось $4\frac{1}{2}$ четверти.

Д. П. Миллеръ, въ рефератѣ *„Пикинерскія вербушки“*, изложилъ одинъ эпизодъ изъ послѣднихъ годовъ Гетманщины, именно: прослѣдилъ исторію образованія, по проекту генераль-поручика Мельгунова, въ 1764 г., особой губерніи на южной границѣ Гетманщины для оплота противъ Крыма. Сюда требовались какъ поселяне, такъ и „пикинеры“, и вербовка этихъ новыхъ поселенцевъ, въ кадры которыхъ записывались, между прочимъ, и „подданные“, повела къ немалымъ раздорамъ и несогласіямъ среди козацкой старшины. ¹⁾

Юридическихъ древностей касаются два реферата. *Г. В. Демченко* избралъ темой своего реферата *„притомныхъ людей“*, упоминаемыхъ въ актахъ о копныхъ судахъ. „Притомными“ референтъ называетъ стороннихъ людей, не принадлежавшихъ къ числу копниковъ, но появлявшихся на судѣ по желанію истца, отвѣтчика, суда и вообще лицъ, заинтересованныхъ въ данномъ процессѣ. Не смотря на такую, повидимому случайную,

¹⁾ Рефератъ этотъ напечатанъ полностью въ настоящей книжкѣ журнала.

роль, притомные люди принимаютъ активное участіе во всѣхъ актахъ копнаго процесса. Съ этими выводами референта не согласился М. Н. Ясинскій какъ по отношенію къ терминологіи, считая болѣе умѣстнымъ сохранить древній терминъ „добрые люди“, такъ и по поводу значенія стороннихъ людей въ процессѣ. О. И. Левицкій въ рефератѣ *Обычныя формы заключенія браковъ въ юго-западной Руси въ XVI—XVII ст.*, на основаніи документальныхъ данныхъ, считаетъ возможнымъ утверждать, что въ юго-зап. Руси вышеуказаннаго періода не только среди престопаго, но и въ высшихъ классахъ существовало древнерусское возрѣніе на бракъ, какъ на гражданскій договоръ и церковное вѣнчаніе имѣло значеніе лишь религіознаго, а на юридическаго акта. Излагая формы заключенія браковъ, референтъ указалъ на положеніе женщины того времени, которая пользовалась полною свободою и весьма значительной гражданской правоспособностью. Браку предшествовали „змовны“ (сговоръ) и въ это время составлялась „плюбная интерцызга“ (предбрачный контрактъ), гдѣ опредѣлялись „посагъ“ (приданое), „вѣно“ и „привѣновъ“—обеспеченія приданаго со стороны жениха, день „акта весѣльнаго“ (свадьбы) и наконецъ „закладъ“—неустойка, въ случаѣ нарушенія одной изъ сторонъ контракта. Послѣ „змовны“ слѣдуютъ „заручины“, вмѣстѣ съ которыми нерѣдко совершалось и вѣнчаніе. Но это послѣднее не измѣняло положенія жениха и невѣсты: они продолжали жить врозь, не признавались супругами и, уплативъ неустойку, могли разорвать брачный контрактъ и вступить въ новый съ другими лицами. Только съ совершеніемъ „акта весѣльнаго“ вступалъ въ силу дѣйствительный бракъ.

Три года тому назадъ, представляя читателямъ „Кіевской Старины“ отчетъ о Рижскомъ съѣздѣ и указывая на ту видную роль, какую играла тамъ этнографія, мы сдѣлали пожеланіе въ этомъ смыслѣ и по отношенію къ будущему Кіевскому съѣзду. Наши пожеланія такъ и остались пожеланіями: на прошедшемъ съѣздѣ этнографія почти совершенно отсутствовала. Мы имѣемъ всего два реферата изъ этой обширной области знанія. О. А. Фотинскій доложилъ о *побратимствѣ и чинѣ братотворенія*;

по его изслѣдованію, обычай побратимства, возникшій еще въ глубокой древности, въ VI—VII вв. освящается особымъ чинопослѣдованіемъ, постепенно развивающимся до XVII вѣка. Въ Россіи онъ былъ широко распространенъ, не смотря даже на послѣдующія церковныя запрещенія; въ настоящее время онъ сохранился еще кое-гдѣ въ юго-славянскихъ земляхъ. Побратимство считалось духовнымъ родствомъ и, кажется, сопровождалось извѣстными имущественными отношеніями. Южно-русскія церковныя братства возникли изъ иныхъ побужденій, и потому требовали иного чина. Впрочемъ, въ началѣ XIX вѣка, вступленіе въ братство сопровождается чинопослѣдованіемъ, отчасти заимствованнымъ изъ чина братотворенія. Въ другомъ рефератѣ—*Х. II. Яшуржинскаго*— „Обрядности и пѣсни, касающіяся жатвы хлеба“, авторомъ послѣдовательно разбираются различные моменты жатвы: „зажинки“, сама жатва и „дожинки“.

Бросая общій взглядъ на вышеперечисленные рефераты, мы замѣчаемъ большое ихъ разнообразіе; пестрота эта станетъ еще болѣе очевидной, если примемъ во вниманіе всѣ доложенные рефераты—мы вѣдь выдѣлили лишь тѣ, которые имѣютъ соприкосновеніе со прошлымъ южной Россіи. Разнообразіе это объясняется большимъ количествомъ научныхъ дисциплинъ, входящихъ въ программу занятій съѣзда; при такомъ положеніи, успѣхъ съѣзда и его значеніе зависятъ отъ содержательности если не цѣлыхъ секцій, то по крайней мѣрѣ отдѣльныхъ рефератовъ, вносящихъ „новое слово“ въ область старыхъ дѣлъ. Къ сожалѣнію, киевскому съѣзду не посчастливилось въ этомъ отношеніи. Быть можетъ, слѣдующій съѣздъ, который соберется черезъ три года въ Харьковѣ, будетъ счастливѣе...

Н. Бѣляшевскій.

Къ портрету И. Θ. Тимковскаго.

При помѣщеніи въ Кіевской Старинѣ 1891 года, въ №№ 8, 9 и 10, статьи моей „Илья Ѳедоровичъ Тимковскій, педагогъ прошлаго времени“,—произошла ошибка, о которой было подробно разсказано въ замѣткѣ „Невольная ошибка“, напечатанной въ декабрьской книжкѣ Кіевской Старины за тотъ же годъ, о чемъ теперь, въ виду прилагаемаго къ настоящей книгѣ портрета, надо напомнить читателямъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Желая приложить въ своей статьѣ портретъ И. Θ. Тимковскаго и зная, что въ Новгородсѣверской гимназій сохраняются портреты двухъ первыхъ директоровъ ея—И. И. Халанскаго и И. Θ. Тимковскаго, я отнесся туда съ письменной просьбой снять и выслать мнѣ фотографическую копію имѣющагося въ гимназій портрета И. Θ. Тимковскаго и въ отвѣтъ на эту просьбу получилъ портретъ, снимокъ съ котораго былъ приложенъ къ сентябрьской книгѣ Кіевской Старины, причемъ, по ошибкѣ типографіи, на немъ не было сдѣлано подписи.

Когда же статья моя появилась въ печати, находившаяся тогда въ живыхъ дочь И. Θ. Тимковскаго, Елисавета Ильинишна Андреева, передала мнѣ черезъ свою дочь О. А. Постельникогу, что приложенный къ Кіевской Старинѣ портретъ изображаетъ не отца ея И. Θ. Тимковскаго, а ея дѣда И. И. Халанскаго (тесть И. Θ. Тимковскаго).

Изъ этого я увидѣлъ, что при исполненіи моей просьбы въ Новгородсѣверскѣ одинъ портретъ смѣшали съ другимъ—повидимому вслѣдствіе того, что въ гимназіи, сохранившей портреты двухъ первыхъ директоровъ своихъ, не сохранилось достовѣрной памяти о томъ, какой именно изъ этихъ двухъ портретовъ изображаетъ И. Ѳ. Тимковскаго и какой — И. И. Халанскаго.

Подобнымъ же образомъ, послѣ меня, и другія лица, желавшія имѣть портретъ И. Ѳ. Тимковскаго (какъ М. К. Чалый и Д. И. Багалъй), получили изъ Новгородсѣверска снимки съ того самаго портрета, съ котораго и мнѣ былъ сообщенъ снимокъ, приложенный къ Киевской Старинѣ.

Лицо, доставившее мнѣ снимокъ, когда ошибка обнаружилась, въ оправданіе своихъ дѣйствій, объяснило мнѣ, что снимокъ былъ сдѣланъ съ этого, а не съ другого портрета—потому, что на задней сторонѣ этого портрета имѣется надпись: „2-й директоръ И. Ѳ. Тимковскій“, что подтверждали мнѣ и другіе.

Когда и какъ случилось, что портретъ этотъ получилъ такую надпись—теперь нельзя опредѣлить. Если-бы во времени появленія въ печати моей статьи не оставалось въ живыхъ близкихъ родныхъ И. Ѳ. Тимковскаго, ошибочность этой надписи вѣроятно никогда не обнаружилась бы и за портретомъ навсегда осталась бы репутація портрета И. Ѳ. Тимковскаго, за каковой въ Новгородсѣверскѣ и теперь продолжаютъ его выдавать. Въ виду же категорическаго утвержденія дочери И. Ѳ. Тимковскаго и внучки И. И. Халанскаго, что портретъ этотъ изображаетъ не Тимковскаго, а Халанскаго, я считалъ своею обязанностью, въ исправленіе сдѣланной ошибки, отыскать и доставить редакціи Киевской Старины несомнѣнный портретъ И. Ѳ. Тимковскаго, который теперь и прилагается къ настоящей книгѣ.

Подлинникъ этого портрета, писанный масляными красками, принадлежалъ сыну И. Ѳ. Тимковскаго Василю Ильичу, а отъ него перешелъ къ его племянницѣ (внучкѣ И. Ѳ-ча)

О. А. Постельниковой, у которой и сохраняется въ настоящее время въ дер. Турановѣ, Глуховскаго уѣзда.

Исполняя, такимъ образомъ давно данное читателямъ Кіевской Старины обѣщаніе, отсылаемъ желающихъ ознакомиться съ дѣятельностью И. О. Тимовскаго, къ вышеупомянутой статьѣ, помѣщенной въ Кіевской Старинѣ 1891 года.

Н. Ш.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Памяти Алексѣя Петровича Стороженка. *(По поводу 25-лѣтія со дня его смерти)*. 6 ноября текущаго года исполнилось 25 лѣтъ со дня смерти А. П. Стороженка, одного изъ писателей малорусскихъ, произведенія котораго читались всегда съ большимъ удовольствіемъ и, вѣроятно, долго еще будутъ читаться съ неменьшимъ наслажденіемъ новыми поколѣніями въ нашей Украинѣ. Считаемо уместнымъ по этому поводу посвятить имени А. П. Стороженка нѣсколько строкъ въ нашемъ журналѣ, чтобы вспомнить съ читателями все наиболѣе характерное въ жизни и литературной дѣятельности этого человѣка.

Въ жизни А. П. Стороженка (1805—1874 г. г.) нельзя отмѣтить ничего особенно выдающагося. Принадлежа по происхожденію къ полтавскому дворянству, ведшему свой родъ отъ старой козацкой фамиліи, А. П. Ст—ко обреченъ былъ родителями съ дѣтскихъ лѣтъ на прохожденіе въ будущемъ военной карьеры, почему и воспитывался въ одномъ изъ военно-учебныхъ заведеній въ Петербургѣ. 18-лѣтнимъ юношей онъ уже поступаетъ на службу и послѣдовательно проходитъ всѣ первые военные чины, отличаясь на полѣ сраженія въ 1829 году, во время войны съ Турціей, и даже получая послѣ сраженія подъ Журжею почетную награду—орденъ св. Георгія, а затѣмъ участвуя въ усмиреніи польскаго возстанія въ 1831 г. Вскорѣ послѣ этого онъ покидаетъ военную службу и переходитъ въ гражданскую, занимая должность чиновника особыхъ порученій при ген.-губернаторѣ Бибииковѣ въ Кіевѣ, затѣмъ—въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и наконецъ—при ген.-губернаторѣ Муравьевѣ въ Вильнѣ, какъ разъ въ періодъ польскаго возстанія 1863 года, и слѣдовательно—теперь уже не въ роли защитника—воина, какъ было въ 1831 году, а въ качествѣ исполнителя

административныхъ предусмотрѣній съ перомъ въ рукахъ. Такъ-какъ вся эта дѣятельность ничѣмъ не связана съ послѣдующимъ его малорусскимъ писательствомъ, то говорить о ней подробнѣе не приходится. По выходѣ въ отставку, А. П. С—ко поселился въ своемъ имѣніи, въ Гродненской губерніи, и занималъ должности предводителя дворянства и предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей.

Указанные только-что факты изъ его жизни совершенно не объясняютъ намъ, какъ и почему онъ съ 50-хъ годовъ, будучи уже въ пожиломъ возрастѣ, обратился къ литературной работѣ на малорусскомъ языкѣ; скорѣе они могутъ объяснить нѣкоторыя изъ его статей на русскомъ языкѣ, какъ напр: «Встрѣча вновь назначеннаго доудцы», «Видѣніе въ Несвижскомъ замкѣ» „Эпизодъ изъ побѣдокъ по Западному краю“, „Ксендзь Мацкевичъ, предводитель шайки мятежниковъ“, равно какъ и сотрудничество его въ такомъ органѣ, какъ „Вѣстникъ Западной Россіи“, гдѣ и печатались только-что названныя произведенія въ 1864—65 годахъ. Думать надо, что писательство его на малорусскомъ языкѣ было результатомъ болѣе стихійнаго націонализма въ немъ, чѣмъ проявленіемъ идейности. Въ самомъ дѣлѣ, прекрасный знатокъ малорусской народной рѣчи, образцово владѣвшій ею въ своихъ разсказахъ, онъ не только не выходитъ въ своихъ повѣстяхъ за прецѣды старинныхъ приемовъ творчества въ духѣ анекдотическаго изображенія разныхъ сторонъ народной жизни, но даже и этнографическія черты Малороссіи воспроизводитъ въ какомъ-то романтически-сказочномъ освѣщеніи, не смотря на то, что къ началу 60-хъ годовъ въ малорусской литературѣ уже ясно обозначилось другое теченіе, болѣе приближенное и къ темамъ социальнo-бытовымъ въ народной жизни, и къ воспроизведенію этой жизни въ образахъ вполне реальныхъ. Говоря проще, А. П. Стороженко былъ человекъ съ громаднымъ талантомъ, но, какъ это нерѣдко бываетъ съ талантами, не установилъ для себя прочно обоснованныхъ принциповъ въ идеѣ народности. Поэтому, хотя онъ выступалъ съ большинствомъ своихъ разсказовъ въ „Основѣ“ (1861—62 гг), но долженъ быть причисленъ къ той школѣ малорусскихъ писателей, которая даетъ, такъ-сказать, *этнографическую баллетристику* безъ соблюденія типичной вѣрности народныхъ чертъ, а главное—безъ привнесенія къ содержанію общественной подкладки. Нельзя не согласиться съ правдивостью характеристики разсказовъ Стороженка слѣдующими словами: «Онъ рисуетъ Малороссію какою-то сказочною

страною, гдѣ люди живутъ по всей своей властной волѣ, не зная ни горя, ни труда, живутъ себѣ, кушаютъ арбузы, пьютъ наливки, собираютъ карбованды, поютъ пѣсенки да кохаются съ чернобривыми красотками. Счастливые обыватели Малороссіи не испытываютъ ни глада, ни труса, ни потопа, ни нашествія иноплеменниковъ¹⁾. И не смотря на все это, повѣсти Стороженка, слажемъ опять, читались съ большимъ наслажденіемъ въ прошломъ, читаются съ удовольствіемъ теперь и будутъ еще читаться долго и впредь—такова ужъ сила таланта, завлекающаго васъ, даже при условіи признанія съ вашей стороны того, что жизнь ставитъ на очередь иные вопросы и требуетъ на нихъ другихъ отвѣтовъ.

Въ чемъ-же именно сказывается сила таланта Стороженка, представляющая намъ съ удовольствіемъ еще и еще разъ перечитывать его «Вусы», «Жоватый чортъ», «Се така баба, що їй чортъ на маховикъ вылакъ чоботы подававъ» и проч.? Конечно, прежде всего въ томъ, что стиль и языкъ этихъ разсказовъ безупречно хороши и дышатъ всей прелестью сильной юмористической и вмѣстѣ съ тѣмъ художественной рѣчи малоросса-простолюдина, а также и въ томъ, что вы чувствуете въ нихъ вездѣ звучащую ноту чего-то своего, близкаго, ту ноту, которая въ васъ самихъ подогрѣваетъ любовь къ родному, любовь, естественную по своей природѣ, но иногда, подъ вліяніемъ слишкомъ сложныхъ жизненныхъ условій, уступающую мѣсто инымъ настроеніямъ.

В. Н.

Письмо къ редактору Кіевской Старины о стих. „Славянамъ“.
 М. Г., Владиміръ Павловичъ! Въ замѣткѣ вашей по поводу стихотворенія «Славянамъ», приписаннаго мною Шевченку (Кіевская Старина 1899 г. Іюль), Вы между прочимъ говорите, что вопросъ объ авторѣ этого стихотворенія останется открытымъ до тѣхъ поръ, пока я—не представлю мотивовъ, которые заставили меня приписать его Шевченку. Мотивы эти слѣдующіе: изучая хранящееся въ архивѣ Департамента Полціи *Дѣло о Кирилло-меодіевскомъ обществѣ*, я обратилъ вниманіе на заявленіе донесшаго на это общество студента Петрова, который на допросѣ показалъ, что стихотвореній Шевченка

¹⁾ См. Н. И. Петровъ «Очерки истор. украин. литер. XIX в.», стр. 214.

онъ не имѣеть, но что онъ могъ запомнить содержаніе только двухъ его стихотвореній: *Сонъ* и *Посланіе къ Родичамъ*. Когда, ознакомившись съ общимъ ходомъ дѣла, я приступилъ къ разбору бумагъ, захваченныхъ у каждаго изъ членовъ общества, то въ бумагахъ Н. И. я нашелъ недоконченное стихотвореніе, безъ заглавія, начинающееся словами: *Диты славы! Диты славы!*, которому я вслѣдствіе этого и далъ названіе *Славянамъ*. Хотя это стихотвореніе писано рукой, сильно похожей на руку Костомарова, но въ протоколѣ обыска, подписанномъ Костомаровымъ, оно приписано Шевченку. Предполагая, что это то же самое стихотвореніе, которое было извѣстно Петрову, подъ заглавіемъ: *Посланіе къ Родичамъ*, я счелъ себя въ правѣ приписать его Шевченку. Еще лѣтомъ прошлаго года я получилъ письмо отъ вдовы Н. И. Костомарова, въ которомъ она доказывала, что стихотвореніе *Славянамъ* принадлежитъ не Шевченку, но ея покойному мужу и было имъ самимъ напечатано въ *Основѣ* подъ заглавіемъ: *На добра ничъ*, а потомъ вошло въ собраніе его стихотвореній: *Збирникъ творівъ Іеремі Галки*. (Одесса 1875 г.). Дѣйствительно, двукратное изданіе этого стихотворенія, и притомъ при жизни Н. И. Костомарова, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ общемъ оно принадлежитъ ему, но все таки остается вопросъ, кому же принадлежать 36 стиховъ въ стихотвореніи *Славянамъ*, которые Костомаровъ не счелъ возможнымъ включить въ стихотвореніе: *На добра ничъ*? Слѣживъ стихотвореніе *Славянамъ* съ стихотвореніемъ *На добра ничъ*, я пришелъ къ заключенію, что послѣднее несомнѣнно навѣяно первымъ и что хотя въ ихъ обихъ много тождественныхъ стиховъ, но въ стихотвореніи *Славянамъ* есть много стиховъ, которые не вошли, да и не могли войти, въ стихотвореніе *На добра-ничъ*, не говоря уже о томъ, что по духу они совершенно различны.—Вы справедливо замѣтили, что стихотвореніе *Славянамъ* носитъ на себѣ отпечатокъ славянофильскихъ идей, что оно проникнуто вѣрой въ возрожденіе славянства, тогда какъ въ стихотвореніи *На добра-ничъ* высказывается надежда на предстоящее обновленіе всего человѣчества въ духѣ правды и любви. Почему же не предположить, что написанные Шевченкомъ начальныя куплеты стихотворенія *Славянамъ* вдохновили Костомарова, который, сидя въ крѣпости за славянскую идею, докончилъ стихотвореніе своего друга, но придавъ ему уже не славянской, а общечеловѣческой характеръ, и для этой цѣли совершенно измѣнилъ его начало. Примѣры такого двойного авторства изрѣдка бывають въ ли-

тературѣ. Любителямъ поэзіи, вѣроятно, извѣстно прекрасное стихотвореніе Майкова *Старый Дождь*, но можетъ быть не всѣ знаютъ, что первые четыре стиха его:

Ночь свѣтла, въ небесномъ полѣ
Ходить Вesperъ золотой,
Старый дождь плыветъ въ гондолѣ
Съ догарессой молодой

принадлежалъ Пушкину и что, вдохновившись этимъ стихомъ, Майковъ только докончилъ начатое великимъ поэтомъ. Если предположить и въ данномъ случаѣ это двойное авторство, то ставетъ вполне понятнымъ и заявленіе Петрова, и то обстоятельство, что Костомаровъ безъ всякой оговорки подписалъ протоколъ обыска, приписавшій стихотвореніе *Славянамъ*—Шевченку. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ тутъ дѣло съ интересной литературной загадкой, которая, можетъ быть, разрѣшится только тогда, когда будетъ найдено окончаніе стихотворенія «Славянамъ».

Примите увѣреніе въ искреннемъ уваженіи Н. Стороженко.

Гетманскій рецептъ отъ нашля. Д. И. Эварницкому удалось, какъ онъ сообщаетъ въ № 44 „Днѣпровской Молвы“, при разборѣ частнаго архива землевладѣльца херсонск. у., Н. Н. Кометодіуса, найти одно письмо о томъ, какъ лѣчили простуду и кашель наши предки въ XVIII ст. Письмо это, написанное собственноручно гетманомъ Даниломъ Павловичемъ Апостоломъ къ своей женѣ въ 1726 г. 28 ноября, слѣдующаго содержанія:

«Серденко. Еслибъ лѣкарства разніе, отъ кашля вамъ даваеміе, в дефектѣ семъ не здѣлали никакой ползы, то бы не худо было спробовать тихъ лѣкарствъ, которые я вамъ часто читалъ, а іменно: первое, на всякій кашель, и саміе удавнѣвшіеся, — положите въ яйце, въ смятку свареное, 4 золотника сѣрки, добре столченой; къ тому прибавте в величпну гороха бенциону, и выпить яйце тое натошакъ; тоже здѣлать и у вечеру, спать ложась, и продолжать чрезъ нѣсколько дней. Бенционумъ есть гумма, которую выбирать, чтобъ была чистая, полискующаяся, пахущая, а вовсе оставить такую, которая была б очень черная и нѣчимъ не пахла. Другое: возми 1 золотникъ

спирду теребентинного, 2 золотника цвѣтковь сѣрчанихъ, называемые *flos sulfuris*, или спирду резины в порошок, вложи в алембикъ, накретій слѣною шапкою, перегонь, покуда повидишь капли в шапцѣ, и тогда готово. Доза или мѣра приему отъ 8 капель в чистой водѣ до 10 капель. Вялѣчаетъ пулмонію, только б мало осталось еще что легкого, простуду и кашель. Все сіе можно спробовать, спросивши искусного лѣкаря и употребить, а безъ того я бы не совѣтовалъ для того, что лучше можетъ звать доброту ингридиенцій и мѣру, какъ можно ихъ полезно употребить, а особливо составъ алембика съ накритой слѣной шапкою, котораго у насъ нѣтъ, и какъ в оное перегонять, огнем ли или пѣскомъ, а лучше б всего, когда б сего вамъ ненадобно было. Если б можно здѣлать такой алембикъ и достать всѣхъ вышесюманутихъ ингридиенцій, то бы лучше привезти сюда и тутъ здѣлать. Цѣлую васъ сердечно и Машенку. Остаюсь вашъ вѣрній мужъ Д. Апостоль. 28 ноября».

Вариантъ пѣсни про дурня. Разказъ о добродушномъ дурнѣ, который всюду суется съ добрыми пожеланіями и отовсюду получаетъ вмѣсто благодарности ругательства и побои, общеизвѣстенъ у многихъ народовъ, и не разъ былъ уже записанъ и въ Малороссіи (сравн.: Чубинскій, II, 489—492, Аванасьевъ, Сказки, III, 378—381; Grimm, Märchen, I, № 32; Zeitschrift für deutsche Mythologie, II, 386; Nahn., № 3; Врчевичъ, № 173). У великороссовъ вариантъ на эту же тему извѣстенъ въ стихотворн. формѣ, и впервые записанъ еще въ XVIII ст. Киршею Данпловымъ и изданъ Калайдовичемъ (см. Древнія російскія стихотворенія, стр. 390—402). У насъ понынѣ известны лишь два стихотворныхъ варианта: одинъ, напечатанный въ V томѣ «Этнографічного Збірника», стр. 223—225 по записи Михаила Зубрицкаго, сдѣланной имъ еще въ 1880 г. въ Кропивныкѣ-Новицѣ, Дрогобицкаго пов., и, затѣмъ, вариантъ, записанный въ Мязковѣ (отъ лирич. Александра) г. Боржковскимъ и помѣщенный въ «Кіев. Старинѣ», за 1883 г. кн. XII, стр. 640—642). Помѣщаемый нами ниже вариантъ взятъ изъ цѣснаго матеріала, собраннаго Максимовичемъ въ 1830—40-хъ годахъ. Гдѣ и отъ кого записана эта пѣсня —

не обозначено, хотя, судя по формѣ записи (карандашемъ, спѣшно), Максимовичъ записалъ ее со словъ пѣвца, въ моментъ исполненія ¹⁾.

Д у р е н ь .

Ой якъ пишовъ Кузьма,	Голый по дорози,
Ой якъ пишовъ дурень,	Босый по морози,
Голый по дорози,	Ажъ тамъ чоловікъ
Босый по морози.	Дыгнуну коває,
Ажъ тамъ чоловікъ	А винъ ёму й каже:
Горохъ молотыть,	«Дай тобі, Боже,
А винъ ёму каже:	Ни переносыты,
«Дай тобі, Боже,	Ни перевозыты!»
Симъ кинъ змолотыты,	Ой тамъ Кузьму были,
Решето набраты!»	Дурня волочылы,
Ой тамъ Кузьму были,	Чорны кудри
Дурня волочылы,	Покривавылы!
Чорны кудри	Иде нашъ Кузьма,
Покривавылы!	Плаче, рыдае:
Иде нашъ Кузьма,	«Ой маты моя,
Плаче, рыдае:	Маты Васылыхо!
«Ой маты моя,	На що мене ты навчыла
Маты Васылыхо!	На такее лыхо?»
На що мене ты навчыла	— «Ой ты сынку, дурню,
На такее лыхо?»	Ой ты нерозумный!
— «Ой ты, сынку, дурню,	Якъ трапнётся вдруге
Ой ты нерозумный!	Таке дыво бачыть,
Якъ трапнётся вдруге	То ты кажи сынку:
Таке дыво бачыть,	«Вичная пам'ятъ,
То ты кажи, сынку:	А намъ на здоровья!»
«Дай тобі, Боже,	—
Ни перевозыты,	Ой якъ пишовъ Кузьма,
Ни переносыты!»	Ой якъ пишовъ дурень
—	Голый по дорози,
Ой якъ пишовъ Кузьма,	Босый по морози,
Ой якъ пишовъ дурень,	Ажъ тамъ чоловікъ

¹⁾ Вариантъ, помѣщенный въ „Ж. Стар.“ взятъ въ основу для вошьшой перелѣдки на ту же тему г. Гринченкомъ, подъ назв. „Кузьмина“, въ брошурѣ „Чья работа важча. Кузьмина. Три бажанна“. Кіевъ, 1891 г.

Кабана смалыть.
 А винъ ёму каже:
 «Вичная пам'ять
 А намъ на здоров'я!»
 Ой тамъ Кузьму были,
 Дурня волочылы,
 Чорныи кудри
 Покривавылы!
 Иде нашъ Кузьма,
 Плаче, рыдае:
 «Ой маты моя,
 Маты Васылыхо!
 На що мене ты навчыла
 На такее лыхо?»
 — «Ой ты сынку, дурню,
 Ой ты нерозумный!
 Якъ трапытса вдруге
 Таке дыво бачыть,
 То ты кажы, сынку:
 «Дай тоби, Боже,
 Самому пожыты
 И людямъ роздаты!»

—
 Ой якъ пишовъ Кузьма,
 Ой якъ пишовъ дурень,
 Голый по дорози,
 Босый по морози,
 Ажъ тамъ чоловикъ
 Пидъ тыномъ с...
 Кузьма ёму й каже:
 «Дай тоби, Боже,
 Самому пожыты

И людямъ роздаты!»
 Ой тамъ Кузьму были,
 Дурня волочылы,
 Чорныи кудри
 Покривавылы!
 Иде нашъ Кузьма,
 Плаче, рыдае
 Та на свою матврь
 Тяжко нарикае:
 «Ой маты моя,
 Маты Васылыхо!
 На що мене ты навчыла
 На такее лыхо?»
 — « Ой ты, сынку, дурню,
 Ой ты нерозумный!
 Якъ трапытса вдруге
 Таке дыво бачыть,
 То ты изъ-за тыну
 Каминемъ у спыну.

Ой якъ пишовъ Кузьма,
 Ой якъ пишовъ дурень.
 Голый по дорози,
 Босый по морози,
 Ажъ тамъ жывкы
 Хусты полощуть,
 А винъ изъ-за тыну
 Каменемъ у спыну...
 Ой тамъ Кузьму были,
 Дурня волочылы,
 Чорныи кудри
 Покривавылы!

Дополненіе къ тексту интермедіи „Замысль на попа“.
 Въ дополненіе къ вариантамъ интермедіи «Замысль на попа», помѣ-
 щеннымъ въ «Кіевской Старинѣ» въ № 3-мъ 1885 г. и въ № 10-мъ

текущаго года, намъ присланъ М. Дикаревымъ новый вариантъ, записанный въ старинной тетради Острогожскаго купца Маркова подъ загл. «Прозба на попа слободы Нерушъ-мене отъ парафіанъ», мало чѣмъ разнящійся отъ приведеннаго въ 10 кн. текущаго года, настолько мало, что даже имена собственные, обыкновенно видовзмѣняемыя въ зависимости отъ новой редакціи, почти повсюду тождественны. Существенныя отличія встрѣчаются лишь въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Вариантъ 10 ѱ кн.

Новый вариантъ.

Хто оченаша не вмѣ, той не причащае

А хто «оченашу» не знае, того и не исповѣдае,

А якъ «тронцѣ» не знае, то и не причащае.

Стѣвжебо (?)

Отжебо

. . . на вѣрну Стецѣвну

на Вирку Стецивну

Ось якъ дѣвуе и вѣчна небога

. . . Ивецка небога

Що ѱ на свѣтъ до неи никто не загляне

. . . на смѣтъ . . .

Въ письмѣ дьяка:

бѣдныкъ защитителю всякой доброй надежды

. . . защитителю, сердцу добром. . .

Новоглядинской епархіи

Навзглядской. . .

Затѣмъ слѣдуетъ вставка въ письмѣ дьяка, которой нѣтъ въ обоихъ раньше приведенныхъ вариантахъ. Беремъ за основаніе продолженіе варианта 1885 года, какъ болѣе полнаго сравнительно съ вариантомъ 1899 года:

«Пресвитеръ Онуаріи Славолюбскій много намъ содѣлавъ пакости, удручаше бо великими наказаніями телеса наша и многое уже содѣлавше на хребтѣ нашемъ беззаконіа, яже не бѣ лишо пресвитеру такова дела творити, яже тунеядецъ сеи пребеззаконныи извурдетъ плоть нашу постомъ и молитвою, наигорше дѣяше, повелѣ бо небыти иѣснославленію, яже есть колада, в пресвятый день Рождества Христова, также и прославленію честнаго пророка и мученика Предтечу Крестителя Иоанна, скакати юношамъ и дѣтямъ чрезъ огонь, обливаніе в пресвѣтлыи день Воскресенія Христова. Истребивъ сплетенія вѣнцевъ, аки мученическихъ, во время цати

десятиці, но неудобъ яже звѣрообразному оному пресвитеру Славлюбскому новая та веселія, яже бысть. . . Далѣ нѣсколько строкъ есть въ вариантѣ 1885 г.

Въ заключительныхъ строкахъ:

Вариантъ 10 й книги.

Новый вариантъ.

Благодарю покорно за вашу ласку,	Благодарю покорно за ваши при-
за ваши привѣты,	вѣты,
Иде пономарь до церкви звонити	Ходѣмо лишъ скорѣе, хочитя пити
	Ато пора итичь до церкви звонити.

Забѣты о брачныхъ союзахъ юношей духовнаго званія.
 Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Кіевскій протопопъ и благочинный Дражевскій обратился съ „доношеніемъ“ въ Синодъ, довольно оригинальнаго содержанія. Въ своемъ „доношеніи“ протоіерей горько жаловался на то, что юноши духовнаго званія, окончившіе курсъ въ Кіевской дух. Академіи, а также по неспособности уволенные изъ нея, игнорируютъ дѣвѣиць духовнаго званія и вступають въ бракъ съ дочерьми Кіевскихъ мельниковъ, сапожниковъ, кожевниковъ и даже вѣрнопостныхъ помѣщичьихъ крестьянъ, имѣя въ виду приданное, которое дается за ѣтими невѣстами; слѣдствіемъ такого положенія вещей является то, что дочери священниковъ и причетниковъ оказываются вынужденными выходить замужъ также за лицъ крестьянскаго званія и черезъ то теряють свои льготы, присвоенныя имъ по правамъ состоянія. Указывая на это обстоятельство, какъ на дѣло весьма обидное, протопопъ и доложилъ Синоду. Послѣдній, хотя и отослалъ „доношеніе“ къ Серапіону Кіевскому съ приказаніемъ имѣть доносителя въ дикастеріи на примѣчаніи за подачу просьбы помимо епархіальнаго архіерея, однако, ссылаясь на св. Писаніе, [правила св. отцовъ и законы, приказалъ, чтобы, если показаніе протоіерея справедливо, „о прекращеніи вышеозначенныхъ священно-церковно-служительскихъ дѣтей постуковъ приняты были надлежащія мѣры“. (Русскій Архивъ, кн. 11).

Токуція извѣстія.

М. А. Дикаревъ. (*Некроль*). 14 ноября, послѣ тяжелой болѣзни, скончался въ екатеринодарской больницѣ *М. А. Дикаревъ*, одинъ изъ прекраснѣйшихъ работниковъ въ области этнографическаго изученія малорусскаго народа, много потрудившійся для науки, какъ у насъ въ Россіи, такъ еще больше въ Галиціи, въ тамошнихъ научныхъ изданіяхъ. М. А. Дикаревъ между прочимъ былъ сотрудникомъ и нашего журнала, и еще такъ недавно (см. № 10-й текущаго года) на страницахъ его помѣстилъ свою статью, озаглавленную „Малорусское слово *палляниця* и греческое *πέλαγο*“ и имѣющую цѣлью представить опытъ сближенія нѣкоторыхъ современныхъ украинскихъ обычаевъ и обрядовъ съ древне-греческими. Сообщая теперь кратко объ этой новой утратѣ для нашей науки, мы надѣмся въ ближайшихъ книжкахъ журнала дать болѣе подробныя свѣдѣнія о его біографіи и научныхъ работахъ. Погребеніе тѣла покойнаго было совершено 16 ноября, при чемъ на гробъ было возложено пять вѣнковъ и изъ нихъ одинъ съ надписью «Видъ землякивъ щырому украинцеви».

Труды Ф. Ржегоржа о русинахъ. Скончавшемуся недавно чешскому ученому Франтишку Ржегоржу (см. К. Ст. кн. XI, стр. 79) принадлежать между прочимъ, слѣдующіе труды о русинахъ, помѣщенные въ чешскихъ журналахъ—*Průmyslové listy, Svetozor, Slovanský Sbornik, Zlatá Praha, Ruch, Kočty, Osvěta, Lumir, Vesna, Leda, Časopis Českého Musea, Zabavne listy, Narodni listy* и др.: Гуцулы, Русины въ домашнемъ хозяйствѣ, Орданъ у галицкахъ русиновъ, квѣтная недѣля, Ходячкова шляхта, Рождество Христово на Галицкой Руси, Рахманскій величедень, Паскальниа игры, похоронъ Русиновъ, издѣлія и украшенія у гуцуловъ, день св. Юрія и ночь чаровницъ, свадьба, Меланци, народная медицина у Русиновъ, Гуцульская свадьба, церковниа братства въ Галицкой Руси, народный календарь Войковъ, народный календарь Лемковъ и масса др.

Для собиранія матеріаловъ для упомянутыхъ работъ, Ржегоржъ совершалъ очень часто поѣздки по Галиціи; во время путешествій онъ

обращалъ вниманіе на внѣшній бытъ населенія, на кустарную промышленность, ручныя издѣлія крестьянъ и мѣщанъ, собиралъ обзоры и передавалъ въ музей Напрстковъ въ Прагѣ. Изъ всего этого составилса довольно хорошій Русинскій отдѣлъ въ музеѣ. Кромѣ того онъ собралъ много украинскіхъ книжекъ и періодическихъ изданій и отдалъ ихъ въ городскую публичную бібліотеку въ Прагѣ, гдѣ онѣ также составляютъ особый отдѣлъ. Его смерть является крупной потерей какъ для чешской науки, такъ и для украинской. (Літерат.-Науков. Вістник, вн. XI).

↓ Шевченко въ представленіи нѣкоторыхъ русскіхъ писателей. Какъ хорошо нѣкоторые русскіе писатели знаютъ Шевченка, можетъ послужить образчикомъ слѣдующій, мелкій пожалуй, фактъ. Поэтъ Умановъ-Каплуновскій взялъ для сборника своихъ стихотворныхъ произведеній motto изъ Шевченка, изобразивъ его слѣдующимъ образомъ:

„За думою дума *риємъ* вилитас:
Одна давить сердце, друга раздирае,
А третья тихо, тихесенько плаче
У самому сердци—и никто не бачить“

Извѣстный критикъ въ «Новомъ Времени» г. Буренинъ поднялъ на смѣхъ Уманова-Каплуновскаго: ибо если каждая *риема* давить и раздираетъ сердце поэта,—говоритъ онъ,—то г. Умановъ-Каплуновскій по этой причинѣ долженъ находиться въ очень печальномъ положеніи («Нов. Вр.» № 8468).

Тѣмъ не менѣе, ни поэтъ, ни г. критикъ по наивности и не подозреваютъ, что у Шевченка вмѣсто «*риємъ*» написано «*роємъ*».

↓ Шевченко, какъ аргументъ въ пользу церковно-приходской школы. Въ № 17 «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» священникъ Липковскій, въ статьѣ «Псаломщики и церковныя школы», предлагаетъ проектъ—привлечь къ учительству въ этихъ школахъ сельскихъ псаломщиковъ (дьячковъ), и, между прочимъ, въ качествѣ аргумента въ пользу того, что дьячки могутъ быть годными народными учителями, приводитъ тотъ извѣстный фактъ, что «у дьяка началъ свое образованіе и украинскій поэтъ Тарасъ Шевченко». Жаль, что уважаемый

авторъ не подумалъ, сослался на Шевченка, что за наука была у дьяка—пьяницы, и чѣмъ она завершилась... Аргументъ во всякомъ случаѣ, намъ кажется, не изъ удачныхъ.

✓ Къ біографіи Н. Костомарова. Въ біографіяхъ Костомарова обыкновенно говорится, что, послѣ пребыванія въ Саратовѣ, историка пригласили на, каедрѣ русской исторіи въ Петербургскій университетъ. Теперь въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (сентябрь) напечатаны письма Костомарова къ управителю Казанскаго округа, откуда видно, что прежде, нежели пригласили Костомарова въ Петербургъ, онъ былъ приглашенъ въ Казанскій университетъ. Однако въ Казань ему не пришлось поѣхать, и упомянутое письмо отчасти объясняетъ в причины послѣдняго. Причиной, кажется, послужили «странныя писанія г. Саратовскаго губернатора», который «поставляетъ на видъ старыя событія изъ моей біографіи».

✓ Лекціи г-жи А. Я. Ефименко объ И. П. Котляревскомъ. Въ актовомъ залѣ харьковскаго университета состоится публичная лекція г-жи А. Я. Ефименко, посвященная памяти автора «Перелицованной Энеиды» и «Натали-Полтавки». Лекціи о Котляревскомъ г-жа Ефименко предполагаетъ прочесть также въ Екатеринославѣ и на родинѣ писателя—въ Полтавѣ. (Южн. Кр.).

✓ Мѣсто для памятника И. П. Котляревскому. Мѣстомъ для постановки памятника Котляревскому въ засѣданіи думы 28-го октября, послѣ продолжительныхъ и горячихъ преній, избранъ бульваръ на Протопоповской ул., при чемъ опредѣленіе мѣста для памятника на бульварѣ предоставлено комиссіи. (Полт. Вѣд.)

✓ Служанка И. П. Котляревскаго. Въ Полтавѣ понынѣ живетъ крестьянка Варвара Делека, служившая у автора «Энеиды»; теперь ей уже болѣе 100 лѣтъ. Полтавская городская дума постановила, въ память Котляревскаго, выдавать ей на содержаніе ежемѣсячно по 8 руб. (Полт. Губ. Вѣд.).

↓ Украинско-русский народный Университетъ имени Шевченка. Въ концѣ октября во Львовѣ состоялось собраніе лицъ, дорожащихъ интересами народнаго просвѣщенія, въ томъ числѣ не мало молодежи, — по поводу основанія во Львовѣ народнаго университета имени Шевченка. Мысль объ этомъ возникла гораздо раньше, еще весной, передъ извѣстнымъ академическимъ вѣчемъ, поставившимъ требованіе объ основаніи полнаго украинскаго университета.

На собраніи, г. Е. Коссевицъ произнесъ рѣчь, въ которой обстоятельно изложилъ исторію развитія народныхъ университетовъ въ Европѣ, а затѣмъ г. Старосельскій прочелъ статутъ основываемой новой просвѣтительной инстатуція, дѣятельность которой будетъ всецѣло обращена на села.

Собраніе избрало комиссію, которая должна будетъ рассмотреть предложенный статутъ и послать его затѣмъ въ Министерство. (Руслан, ч. 242).

Премія имени Гильфердинга. Годъ тому назадъ Петербургское Славянское Благотворит. Общество объявило конкурсъ на премію имени Гильфердинга за „лучшій очеркъ исторіи современнаго положенія зарубежной Руса“ (Галиція, Буковины и Угорщины). По всей вѣроятности, на этотъ конкурсъ не поступило никакихъ трудовъ, такъ какъ „Сынъ Отечества“ (№ 272) извѣщаетъ, что срокъ подачи сочиненія отложенъ еще на годъ. (Премія равняется 3000 руб).

Премія за сочиненіе, касающееся Украины. Имп. Одесск. Общ. истор. и древностей назначаетъ премію за наилучшій историческо-археологическій трудъ, касающійся Украины, изъ появившихся въ печати въ теченіе послѣдняго пятилѣтія. Премія будетъ выдана изъ процентовъ съ капитала имени Дмитрія Княжевича. Срокъ пятилѣтія истекаетъ 14 ноября 1899 г. (Kwartalnik Historyczny).

↓ Капиталь, образуемый отъ продажи очиненій Г. Ф. Квитки-Основаненно и находящійся въ распоряженіи харьковской уѣздной земской управы, опредѣляется теперь до 2,500 рублей. (Южн. Кр.)

✓ Письма Гоголя. Послѣ скончавшейся въ маѣ текущаго года въ Москвѣ Н. Н. Соренъ, дочери извѣстной А. О. Смирновой, осталась очень большая и цѣнная переписка ея съ Гоголемъ, Жуковскимъ, и гр. Толстымъ. Особенно много писемъ Гоголя, изъ которыхъ одни подписаны его инициалами, а другіи—полной фамиліей. (Изв. кн. маг. М. О. Вольфъ, Ч. III, кн. 1).

Земледѣльческіе кружки въ Галиціи. Въ № 1 (годъ II) журнала «Slovansky přehled» помѣщена подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ статья С. Дашинской.

Земледѣльческіе кружки въ Галиціи существуютъ уже съ 1882 г. Цѣль ихъ—работа надъ поднятіемъ пароднаго благосостояніи, просвѣщенія и нравственности. Къ концу 1898 г. число ихъ доходило до 1350, а число членовъ до—58.000. „Кружки“ устраиваютъ по селамъ читальни, бібліотеки, книги для каковой цѣли получаютъ отъ главнаго управленія. Затѣмъ, „кружки“ въ цѣляхъ распространенія просвѣщенія устраиваютъ бесѣды и чтенія.

Огромной заслугой „кружковъ“ является торговая дѣятельность,—основаніе торговыхъ заведеній (болѣе 1000) съ собственнымъ капиталомъ (болѣе 1.000.000). Лавки «кружковъ» снабжены не только предметами повседневнаго употребленія, но и желѣзными издѣліями, хлѣбомъ и т. п. Евреи совершенно исключены изъ этой торговли (въ число членовъ принимаются только христіане).

✓ Малорусская труппа І. В. Скорбинскаго. Въ числѣ труппъ малорусскихъ, пользующихся болѣе или менѣе широкой извѣстностью, какъ труппы г. Кропивницкаго, г. Саксаганскаго, г. Суслова, въ районѣ Малороссіи, а часто и за ея предѣлами, дѣйствуютъ еще и малыя труппы въ достаточномъ числѣ. Одна изъ такихъ труппъ—труппа І. В. Скорбинскаго удачно ведетъ свои представленія въ Шаргородѣ, Под. губ., какъ объ этомъ извѣщаетъ корреспондентъ «Южнаго Края». Онъ пишетъ: «І. В. Скорбинскій гастролировалъ у насъ года четыре назадъ и оставилъ по себѣ хорошую память. Несмотря на то, что вслѣдствіе отсутствія удобнаго помѣщенія труппа вынуждена была играть въ заѣздѣ, сборы достигали 70—80 руб. въ вечеръ—суммы весьма солидной для такого захолустнаго мѣстечка, какъ Шаргородъ. Публика обрадовалась возможности поразвлечься; а театръ былъ

ежевечерно переполненъ какъ простымъ людомъ, такъ и интеллигентными лицами. Хотя играть въ заѣздѣ представляло массу неудобствъ, тѣмъ не менѣе спектакли проходили весьма удачно и въ сценическомъ отношеніи, благодаря тому, что въ труппѣ имѣлись хорошія силы. Особенно выдѣлялся игрой самъ распорядитель и глава товарищества г. Скорбинскій, усиѣвшій стать популярнымъ далеко за предѣлами Шаргорода. На этотъ разъ не понадобилось играть въ заѣздѣ, такъ какъ въ помѣщеніи чайной попечительства о народной трезвости имѣется свободная зала съ готовой сценой и декорациями, приспособленная для игры кружкомъ любителей драматическаго искусства и отданная въ распоряженіе товарищества. На первый разъ поставлена была малорусс. оперет. въ 3-хъ дѣйств. «Сватанья на Гончаривци», соч. Квитки-Основьяненко и водевиль „Если женщина рѣшила, то поставитъ на своемъ“. Сборъ былъ порядочный, хотя не полный. На второй день поставлена была пьеса > Мартынь-Боруля». И на этотъ разъ публика была въ восторгѣ отъ игры артистовъ вообще и г. Скорбинскаго въ особенности. Сборъ былъ порядочный. Затѣмъ поставлены были день за днемъ драмы: «Несчастное коханнѣ» и «Жыдывка Выхрестка». До сихъ поръ спектакли прошли удачно, какъ въ сценическомъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи.

✓ Крестыянскій театръ. Въ с. Полтавкѣ, херсонской губерніи, начальникъ почтоваго отдѣленія К. И. Балафатовъ, состоя членомъ общества трезвости и желая дать разумное развлеченіе населенію, пригласилъ нѣсколько человекъ изъ мѣстныхъ крестьянъ и предложилъ имъ устроить спектакль, на что они охотно согласились. Для перваго раза были разучены и поставлены двѣ пьесы: водевиль Дмитренко— „Кумъ Мирошникъ“ и Мирославскаго— „Кыйивськый армарокъ“. Первый спектакль прошелъ съ такимъ усиѣхомъ, что г. Балафатовъ рѣшилъ продолжать начатое дѣло, — и вотъ уже въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ каждый праздничный день въ Полтавкѣ устраиваютъ спектакли. Пьесы играютъ такіе, какія можно было купить на мѣстѣ, на базарѣ у книгоношѣ, т. е. большею частью не особенно высокаго достоинства:— „Козаче сердце“, „Богъ не безъ милости, козакъ не безъ щастя“, „Бувальщина“, „Замордованый Марко“, но вмѣстѣ съ тѣмъ были уже попытки поставить и болѣе серьезныя и вполнѣ литературныя пьесы, какъ напр., «Розумный и дурень» Карпенка-Карого и «По

ревныи» Кропивницкаго. Театръ посѣщается очень охотно не только мѣстными крестьянами, но и населеніемъ сосѣднихъ селъ. Сборъ попусту не тратится,—уже образовался капиталъ въ 150 руб., на который труппа намѣрена завести собственный оркестръ изъ 12 человекъ, тоже крестьянъ. Кромѣ лицъ, составляющихъ постоянную труппу, когда бываетъ надобность, приглашаются еще и другіа лица, а также и хоръ; вообще, желающихъ принимать участіе въ спектаклѣхъ всегда находится очень много. Декораторомъ состоитъ г. Гладкій (почтальонъ), который устроилъ несложныя декораціи: видъ моря, видъ на село, лѣсъ и крестьянскую хату—богатую и бѣдную. Суфлируетъ г-жа Балафатова, режиссеръ—самъ г. Балафатовъ. Кромѣ послѣдняго, большое содѣйствіе этому благому начинанію оказываетъ мѣстный приставъ А. П. Александровъ.

Рядъ спектаклей въ деревнѣ—несомнѣнно хорошее и полезное дѣло, и можно только пожелать успѣха всѣмъ лицамъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ нему. Но при этомъ нельзя не выразить пожеланія, чтобы на будущее время и пьесы для спектаклей выбирались болѣе подходящія. Въ современномъ малорусскомъ репертуарѣ найдется очень много хорошихъ идейныхъ пьесъ,—ихъ то и желательно было-бы видѣть въ исполненіи актеровъ-крестьянъ и предъ сельской публикой, которая, конечно, сумѣетъ оцѣнить ихъ по достоинству. Несомнѣнно, что такіе спектакли окажутъ большую пользу мѣстному населенію, служа однимъ изъ средствъ умственнаго и нравственнаго развитія и облагораживая вкусы и привычки крестьянъ. (Кіев. Слово № 4254).

БИБЛЮГРАФІЯ.

Записки Научного товариства імени Шевченка. *Виходять у Львові щодва місяці під редакцією Михайла Грушевського. Тт. XXV—XXX*

Даже поверхностного пересмотра этого издания Галиции совершенно достаточно для всякого непредубьжденного человека для того, чтобы увидѣть, какъ серьезна, какъ тщательна научная работа малороссовъ за предѣлами Россіи. Есть отдѣлы въ южно-русской исторіи, по которымъ немислимо ученымъ въ Россіи не вѣдать того обширнаго научнаго матеріала, какой разработанъ въ Галиціи въ «Запискахъ Научного Товариства імени Шевченка». Не мало интереса въ этомъ смыслѣ приносятъ также особня изданія того же Научного Товариства по исторіи Украины-Руси, какъ напр. обширныя «Жерела до історіи України-Руси» и, наконецъ большой томъ «Історіи України-Руси» М. Грушевскаго.

Не мало интересныхъ статей и въ пяти томахъ, предстоящихъ нашему обзору.

Въ статьѣ «*Причинки до зносин Петра Дорошенка в Польщю в 1670—1672 року*», принадлежащей перу Олега Целевича, читавшаго настоящей рефератъ въ исторической семинаріи, руководимой профессоромъ М. С. Грушевскимъ, находимъ документальныя указанія на дипломатическія сношенія Петра Дорошенка съ Польшею въ то время, какъ Московское правительство отвергло право Дорошенка на гетманство на лѣвой сторонѣ Днѣпра и, въ силу Андрусовскаго договора, отказалось отъ мысли соединить правый и лѣвый берегъ Днѣпра подъ своею державою. Извѣстно, что и Польша отказалась признать

правобережнымъ гетманомъ Дорошенка, слишкомъ автономнаго дѣятеля изъ среды козацчины. Острожская комиссія окончилась избраніемъ въ гетманы праваго берега уманскаго полковника Михаила Ханенка, готоваго, какъ и большинство козацкихъ старшинъ, дѣйствовать въ угоду высшей власти, какою являлась въ то время Польша. Но Дорошенко и послѣ избранія Ханенка былъ рѣдностно поддерживаемъ украинскимъ народомъ, и польское правительство волей-неволей должно было вести съ нимъ дипломатическіе переговоры.

Г. Целевичъ указываетъ, что не легко было украинскому народу, издавна ненавидѣвшему татаръ и турокъ и издавна привыкшему бить ихъ, теперь признать въ нихъ своихъ союзниковъ и даже подчиниться турецкой власти. Между тѣмъ, Дорошенку только и оставалось, что признать надъ Украиной вассальную власть Турціи, хотя бы на время. Ему нужно было, чтобы его краемъ завладѣли Турки и отняли бы его отъ Поляковъ; этимъ Турки развязали бы узелъ, завязанный Андрусовскимъ договоромъ, отнимавшимъ у Московскаго правительства право распоряжаться Украиной праваго берега Днѣпра. При такомъ условіи, онъ думалъ, Московское правительство охотно признаетъ его, Дорошенка, гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Но прежде чѣмъ прямо идти къ этой цѣли, онъ всячески старался склонить Польское правительство къ болѣе благосклонному отношенію къ Украинѣ и къ нему, Дорошенку. Ему слишкомъ рѣзкимъ казался переходъ къ союзничеству съ Турками, чувалось, что добра изъ этого въ концѣ концовъ не выйдетъ. Отсюда рядъ его дипломатическихъ сношеній, рядъ писемъ его къ представителю тогдашней Рѣчи Посполитой, великому коронному маршалку Яну Собѣскому.

Въ 1881 году появились эти матеріалы въ краковскомъ изданіи «Acta historica res gestas Poloniae illustrantia 1507—1795, vol II, t. 1, pars I—II» подъ особымъ заглавіемъ «Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego». Материалами этими до сихъ поръ для уясненія поляки Дорошенка еще никто не воспользовался. Авторъ по нимъ слѣдитъ сношенія Дорошенка съ Польшою до 1670 года, потомъ сношенія его со времени острожскихъ переговоровъ и, наконецъ, обстоятельства, вызвавшія турецко-козацкое движеніе за время 1672 г. Предъ читателемъ проходитъ здѣсь рядъ событій, показывающихъ, какъ Дорошенко, сперва весьма склонный на миръ съ Поляками, постепенно утрачиваетъ въ нихъ всякую вѣру и въ концѣ концовъ убѣждается въ необходимости вести свое дѣло въ союзъ съ Турками. При этомъ

мы узнаемъ, какъ смотрѣлъ, на все дѣло Украины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на возможность Рѣчь Посполитой выйти съ нѣкоторой честью на свѣтъ божій, такой замѣчательный дѣятель, какъ будущій польскій король Янъ Собѣсскій.

По мнѣнію Собѣскаго, существуетъ три способа вывести Польшу изъ труднаго положенія послѣдней четверти 17 вѣка. Первый, наиболѣе вредный и нечестный, это исполнить все, чего желаетъ Турецкій султанъ, отречься Польшѣ отъ Украины, совсѣмъ отъ нея отступиться. Способъ этотъ вреденъ и Польшѣ, и всему христіанскому міру, потому что при немъ увеличались бы силы Турокъ не малымъ числомъ храбрыхъ людей, да и Запорожье, вѣчно Туркамъ колющее въ очи, на вѣки бы загинуло. Другой способъ—допустить все, чего хочетъ Дорошенко, и какъ-нибудь позолотить эту пилюлю Ханенку для того, чтобы онъ оставался вѣренъ Польшѣ. Допустить все требуемое Дорошенкомъ надо: Украина вѣрнѣе держится за Дорошенка, потому что за дѣло Дорошенка стоитъ не только Турція, но и Москва, и наконецъ потому, что и Ханенко не мало требуетъ отъ Польши—и уничтоженія уни, и увеличенія числа запорожцевъ до 50. 000, и запрещенія расквартированія польскаго войска въ украинскіе городахъ, и зачисленія въ козацкіе полки полка Подольскаго, такъ, чтобы Могилевъ сталъ пограничнымъ городомъ. Тогда Турки, потерявъ довѣріе къ козакамъ, соединятся съ Поляками и выгубятъ невѣрный украинскій народъ. А на случай если-бъ у Турокъ не пропала охота воевать съ Поляками, то имъ пришлось бы сперва нападать на Украину, и козаки, въ соединенія съ Поляками, дали бы тогда Туркамъ себя знать, какъ это показываетъ Хотинская битва. Но при этомъ способѣ надо дѣйствовать посильно, ибо если придутъ въ Украину турецкія войска, тогда Украина не будетъ больше «*visi juris*». Третій способъ—это храбрая борьба за отечество и христіанство. Но возможенъ ли этотъ способъ? Собѣсскій указываетъ на недостатокъ войска. Надо на войну и денегъ, а какъ положиться на тѣ подати, которыя утверждаетъ сеймъ?

Янъ Собѣсскій предстасть предъ нами давнимъ фанатикомъ христіанской идеи искорененія Турокъ изъ Европы; для этого онъ очень не прочь воспользоваться силами козаковъ-украинцевъ, но, при измѣнившихся обстоятельствахъ, онъ тоже очень желаетъ «выгубить невѣрный Украинскій народъ» хотя бы силами тѣхъ же противниковъ христіанъ—Турокъ.

Очеркъ Целевича полезетъ въ научномъ отношеніи. Въ общій дѣній только, авторъ, при большой спеціализаціи, не вводитъ читателя въ кругъ идей, которыя въ XVII в. преслѣдовалъ гетманъ Дорошенко.

Въ другой статьѣ г. Олега Целевича «Участь козаковъ въ Смоленской войнѣ 1633—1634 годовъ» уваживается, какъ естественное движеніе козаковъ къ реакціи польскому правительству было прервано въ 1633—34 годахъ участіемъ козаковъ въ походѣ короля Владислава на защиту Смоленска. Авторъ слѣдитъ за дѣятельностью козаковъ въ этой войнѣ на основаніи польскихъ дневниковъ, веденныхъ въ то время, и на основаніи другихъ источниковъ. Такъ, онъ беретъ свои свѣдѣнія изъ: 1) *Dziaryusza wojny moskiewskiej 1633 roku* Яна Москожовского, изданнаго А. Рембовскимъ въ XIII т. бібліотеки Краснянскихъ, и считаетъ этотъ дневникъ наиболѣе обстоятельнымъ, 2) *Przyczynki do historyi wojny moskiewskiej z lat 1633—1634 wraz z planem oblężenia Smolenska*, изданіи Лиске въ XI т. бібліотеки Оссолинскихъ, 3) *Pamiętniki Albrachta St. X. Radziwiłła* т. I., изданныхъ въ Познани въ 1839 г. Эдуардомъ Рачинскимъ, 4) *Przeglądki: Pamiętniki o Kopiecpolskich*, 5) изъ перваго тома Русской Исторической бібліотеки, заключающаго въ себѣ памятники, относящіеся къ смутному времени и въ частности «Отрывки дневника о войнѣ царя Михаила Федоровича съ польскимъ королемъ Владиславомъ 1632—1634 г.», 6) изъ актовъ, собранныхъ въ бібліотекахъ и архивахъ Россійской Имперіи археографическою экспедиціею т. III, 7) изъ актовъ историческихъ, собранныхъ и изданныхъ археографическою комиссіею т. III, и 8) изъ актовъ Московскаго государства, изданныхъ въ 1890 г. академіею наукъ въ Петербургѣ. Кромѣ того, авторъ пользовался еще многочисленными источниками, хранящимися въ бібліотекахъ Оссолинскихъ во Львовѣ, часть которыхъ онъ и приводитъ въ приложеніи къ своей статьѣ. Наконецъ, источниками статьи служили соотвѣтствующіе отдѣлы въ «Исторіи Россіи» Соловьева, также Вассенберга, въ „*Gestorum glorissimi ac invictissimi Vladislawi IV, partis secundae liber primus*“ и Котлубая „*Odsiecz Smolenska i roku Polanowski*“. Авторъ тщательно слѣдитъ за всѣми перипетіями войны, начиная отъ разрыва Деулинскаго перемирія въ 1633 году до Поляновскаго мира 1634 г. Война эта интересна между прочимъ по участію въ ней будущаго гетмана запорожскаго Богдана Хмельницкаго въ качествѣ сотника, но объ этомъ эпизодѣ г. Целевичъ не

упоминать. Къ сожалѣнію, статья отличается спеціальнымъ характеромъ и читается съ нѣкоторымъ трудомъ.

Въ статьѣ „*Писаня І. П. Котляревскою въ Галичинѣ*“ д-ра И. Франка мы находимъ очень обстоятельный пересказъ о судьбѣ произведеній Котляревскаго въ Галичинѣ. Первые слѣды знакомства Галичанъ съ Энеидою не восходятъ раньше 20-хъ годовъ нашего столѣтія. Изданіе Энеиды 1809 года было въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ, учрежденной въ 1817 году, и тутъ, вѣроятно, познакомились съ произведеніемъ Котляревскаго нѣкоторые студенты-русины; университетская же библіотека имѣетъ только изданіе 1842 года, и то исправленное, вѣроятно, уже въ 1848 году. Съ Энеидою познакомился Шашкевичъ, вѣроятно, уже въ 1830—32 годахъ по экземпляру библіотеки Оссолинскихъ. По тому же экземпляру познакомился съ нею и Головацкій. Другое изданіе, изданіе 1808 года, было только въ рукахъ Осипа Левицаго, автора извѣстной грамматики 1838 г. Изъ съѣзда русскихъ ученыхъ 1848 г. мы имѣемъ отзывы о произведеніяхъ Котляревскаго, доказывающіе, что творенія его занимали замѣтное мѣсто въ галицко-русскомъ возрожденіи. Такъ, Николай Устіановичъ поминаетъ Котляревскаго, когда заявляетъ, что при желаніи Галичанъ веселой литературы, они должны браться за Котляревскаго. Затѣмъ, Головацкій въ своей «росправѣ о языцѣ южно-русскомъ и его нарѣчіяхъ», читанной на означенномъ съѣздѣ, говоритъ о Котляревскомъ, какъ о томъ, кто «первый показавъ дорогу до заведенія укр.-русской мови в княжну літературу, перелицевавши Енеиду и написавши кильга оперъ». Тогда же Вагилевичъ отдавъ дань таланту Котляревскаго, признавъ, что его произведенія всегда будутъ украшать украинскую литературу своимъ юморомъ и необыкновенно гладкой концепціей произведеній. Въ лекціяхъ своихъ Головацкій также высоко цѣнилъ Котляревскаго уже въ 1849 году. Онъ писалъ между прочимъ тогда, что Котляревскій «завсигды старався народність малоруску піднести, языкъ малорускый підвысити, ставляючи его або въ протывоположності до книжного, або до російского (великорусскаго)». Но Головацкій хотя и чуялъ чисто національное значеніе Энеиды, не умѣлъ однако оцѣнить его. Люди той поры отлично чувствовали свое русское происхожденіе и любили свою «русьскість», но они видѣли передъ собою какую то абстрактную Русь, и потому то и возможенъ такой быстрый переходъ Головацаго отъ формальнаго націонализма малороссійскаго къ абстрактному націонализму

«обща-русскому». Зналъ Головацкій и «Оду до Куракина», неизвестно отъ кого имъ полученную. Въ приводимыхъ имъ 20-ти первыхъ стихахъ этой оды замѣтны измѣненія въ текстѣ противъ изданія ея Кулишемъ. Все это свидѣтельствуетъ о живомъ интересѣ широкаго круга образованныхъ людей въ Галичинѣ произведеніямъ Котляревскаго. Но въ 1849 году эта живая струя рвется. Наступила пора удаленія съ живого пути русской интеллигенціи. Это удаленіе, объясняемое недостаточностью культуры, недостаткомъ знаній среди народныхъ массъ и отсутствіемъ пониманія социальныхъ и экономическихъ нуждъ народа, было большимъ десятилѣтнимъ антрактомъ въ исторіи Галицкаго духовнаго развитія. То, что тогда утратили Галичане, и до сихъ поръ чувствуется галицкою интеллигенціею. Въ результатѣ тогдашнихъ утратъ галицкаго населенія былъ, между прочимъ, разрывъ съ духовнымъ проявленіемъ жизни на Украинѣ, съ развитіемъ ея литературы и идеаловъ. Мысли Кирилло-Меѳодіевскаго братства не проникли въ Галицію, да если бы и проникли, то едва ли были бы поняты тогдашнимъ іерархическимъ и чиновничьимъ обществомъ, которое въ то время «вело передъ» въ Галичинѣ. Только въ 60-хъ годахъ волна украинскаго вліянія снова набѣжала на Галицію. Въ это время несъ украинскія теченія въ Галицію Кулишъ. Но Кулишъ недостаточно проникся значеніемъ Котляревскаго. Онъ нерѣдко передѣлывалъ отдѣльныя мѣста въ его произведеніяхъ и въ такомъ видѣ издавалъ ихъ въ Галичинѣ. Затѣмъ покойный профессоръ Онишкевичъ положилъ первое основаніе для надлежащаго пониманія Котляревскаго. Но онъ не долго работалъ на этой нивѣ и показалъ, что невозможно приступать къ изданію Котляревскаго съ такимъ ничтожнымъ матеріаломъ, какой былъ въ его распоряженіи. Впослѣдствіи ученикъ его В. Коцовскій издалъ 3 т. «Руской бібліотеки», который можно назвать началомъ изученія національнаго возрожденія въ Галичинѣ; здѣсь указано и значеніе произведеній Котляревскаго на проявленіе этого возрожденія. Дальнѣйшіе шаги въ этомъ направленіи принадлежатъ профессору Драгоманову.

Несомнѣнно, данный очеркъ д-ра Франка весьма важенъ для характеристики литературнаго положенія дѣлъ въ Галиціи въ первой половинѣ настоящаго вѣка. Даже высоко-талантливымъ произведеніямъ Котляревскаго, доступнымъ обширному кругу читателей, съ немалымъ трудомъ доводилось пробивать себѣ дорогу въ Галицію.

Др. И. Франку принадлежит еще статья «Галицкий москаль Чарівник». Авторъ приводит тутъ пьесу о Степана Петрушевича, написанную на ту же тему о невѣрной женѣ, что и пьеса Котларевскаго, и написанную въ 30-хъ годахъ, во всякомъ случаѣ передъ опубликованіемъ «Москаля Чарівника», который былъ изданъ только въ 1842 г. О. Стенанъ Петрушевичъ родился въ 1770 г. и умеръ 1860 г.; онъ былъ современникомъ Ивана Петровича Котларевскаго. Онъ много писалъ на своемъ вѣку, но до насъ дошелъ небольшой и недурной сборникъ народныхъ проповѣдей, напечатанный въ 1854 году въ «Przyjaceli domowym» въ Львовѣ съ нѣкоторыми цензурными выпусками. Д-ръ Франко при этомъ сомнѣвается въ справедливости догадки проф. Н. П. Дашкевича, будто Котларевскій имѣлъ надобность заимствовать свою тему изъ французской комической оперы «Le soldat magicien», текстъ которой профессоръ долженъ былъ отыскать въ British Museum. При этомъ др. Франко приводитъ еще нѣсколько вариантовъ рассказа о «Гостѣ Терентіи», столь многочисленныхъ и у насъ, и въ Галиціи.

Занимающійся славянской діалектологіей найдетъ для себя цѣнныя фактическія замѣтки въ обширной статьѣ г. Ивана Верхратскаго «Знадоби для пізнаня угорско-рускихъ моворіа». По мнѣнію автора, говоръ угорскихъ русскихъ, числящихся всего въ полъ-миліона, представляетъ много подробностей, заслуживающихъ вниманія. Кромѣ того, авторомъ приведена масса мѣстныхъ малорусскихъ преданій, загадокъ, пословицъ и народныхъ пѣсенъ, какъ образцовъ угорско-русскаго говора, замѣчательныхъ тѣмъ, что всѣ они записаны съ соблюденіемъ фонетическихъ особенностей въ правописаніи. Заключиваетъ авторъ статью свою небольшимъ лексикономъ особенныхъ словъ угорско-русскаго языка, переведенныхъ на малорусскій (галицкій) и на нѣмецкій языки.

Въ статьѣ г. М. Грушевскаго «Описи Ратенского Староства з 1500—1512 р.» дается продолженіе наиболѣе давнихъ инвентарей, которые началъ опубликовывать авторъ въ «Запискахъ наукового Товариства імени Шевченка». Ратенское староство, состоявшее изъ двухъ волостей, Ратенской и Ветельской, тянулось долгимъ (200 верстъ) поясомъ надъ верхнею Припятью, врѣзываясь клиномъ въ территорию в. кн. Литовскаго, между ковельскимъ староствомъ и Берестейской землею, и причислялось къ Холмской землѣ польской короны. Это было глухое полѣсье, и тутъ архаичныя формы общественныхъ отношеній держались дольше и прочиѣ, чѣмъ гдѣ-либо, вслѣдствіе

чего ратенскіе инвентари особенно интересны. Отъ общественныхъ и административныхъ отношеній Ратенскаго староства въ началѣ XVI вѣка вѣтъ глубокою давностью: перѣдко во многихъ отношеніяхъ мы переносимся во временахъ формировапія русской державной власти; такъ, тутъ, какъ и въ X вѣкѣ, медь, куницы и бѣлки служили средствомъ для оплаты податей. Отъ дворища еще въ XVI вѣкѣ давали по бѣлѣ, совсѣмъ какъ въ X вѣкѣ «по бѣлой веверицѣ отъ дома»; куницы фигурировали въ видѣ различныхъ оплатъ; лисцы тоже служили «данью». Медь еще игралъ важную роль, какъ и въ X вѣкѣ, и давался подъ разными именовапіями: давали медь липовой, потому медь осенній или медь данный. Полюдь, про которое рассказываетъ намъ въ срединѣ X вѣка Константинъ Порфирородный, сохранило и свое имя, и свое значеніе до XVI вѣка. Оно извѣстно подъ терминами: поклонъ, почта, стація и по подсенію люстраціи 1564 г.: «полюдь въ давнихъ часивъ даютъ на подстарости въ певныхъ часахъ, якъ винъ ириздытъ до нихъ на грунтъ». Полюдь давали съ отдѣльныхъ хозяйствъ то медомъ, то деньгами. Обращаютъ еще на себя вниманіе между всякими податками такіе, какъ *roszegewszizna*, или—по разъясненію рестра 1510 года—*roszegewszizna*, *robzuchowszizna*, *jus prima noctis* (право первой ночи); по люстраціи 1569 года—*roszegewszizny gdy się kto zeni, gdy ktori czlowiek tak wiare z wdową albo z driewką chciał myeskacz*—безъ вѣнчанія; однимъ словомъ *roszegewszizna* есть та же подать, которая извѣстна въ другихъ русскихъ королевскихъ имѣніяхъ—*roietaszczizna*. Хозяйственною и податною единицею было дворище, подъ которыми разумѣлись частію близкіе свояки, частію болѣе далекіе свояки или и совсѣмъ чужіе люди общевладѣльцы. Встрѣчаемъ и такое, что хозяинъ платитъ какъ общественикъ извѣстнаго дворища, но въ то же время поддерживаетъ и другое дворище и за то дворище платитъ особо. Всѣ села пользовались русскимъ правомъ, измѣренія грунтовъ вовсе не было слышно, подати не нормировались какими-либо одинаковыми нормами и были различны для отдѣльныхъ хозяйствъ. Подати, вообще, очень разнообразныя и многочисленныя, мѣнялись для разныхъ селъ. Панщины регулярной, очевидно еще не было. Впрочемъ, инвентарь 1512 года говоритъ про ратенскую волость, что здѣшніе люди «мають зорати и зробити (засѣять) поле и зибрати урожай до фальворку», и про ветельскую: «мають въ усихъ замковыхъ синожатея зибрати сіно до замку, ходити въ подводами куди треба буде, будовати и поправляти замокъ

та звозити дерево своимъ коштомъ. Но эти фольварочныя работы не должны были занимать много времени, судя по описаннѣмъ фольварочнымъ доходамъ; хозяйство въ нихъ велось небольшое, поэтому вся повинность крестьянъ для фольварковъ опредѣлялась въ нѣсколько дней въ году. Потомъ уже, въ 1556 году, напримѣръ, явился большой фольваркъ, требовавшій большихъ повинностей отъ крестьянъ. Ратенская волость въ 1500 году подверглась нападенію татаръ, и нѣсколько селъ въ ней сгорѣло. Въ заключеніе приведена и самая люстрація 1500 г. Цѣнность статьи г. Грушевскаго несомнѣнная.

Встрѣчаемъ даже въ «Запискахъ Наук. Товариства имени Шевченка» археологическую замѣтку г. М. Грушевскаго «*Молотовське срібло*». Здѣсь разсмотрѣна имъ находка на глубинѣ метра, на новомъ кладбищѣ въ Денидовѣ, составляющемъ филию с. Молотова, вблизи Николаева надъ Днѣпромъ. Находка эта состоитъ изъ браслета, пары наручниковъ большихъ, пары наручниковъ маленькихъ, пары сходныхъ, но не тождественныхъ колечекъ, пары одинаковыхъ колечекъ для привѣшиванія къ серьгамъ, изъ перстней и 65 чешскихъ монетъ Вячеслава II (1278—1305) и короля Ивана I Люксембургскаго (1311—1345). Г. Грушевскій находитъ очень интересными и самые предметы находки, и мѣсто ея, ибо вообще галицкія находки до сихъ поръ почти не входили въ кругъ исследованийъ по русскому искусству, и, наконецъ то, что находка эта имѣетъ точную дату. Молотовская находка показываетъ, по свидѣтельству г. Грушевскаго, что искусство книжеской поры, носившее слѣды византійскаго вліянія и сосѣднихъ съ Русью народовъ, имѣетъ свои остатки и въ западной окраинѣ украинско-русской земли, и что это искусство процвѣтало въ Украинѣ еще въ XIV вѣкѣ и вѣроятно исчезло подъ новыми западными вліяніями, которыя привнесли съ собою XIII и XIV вѣка. Замѣтка г. Грушевскаго очень обстоятельна и заслуживаетъ вниманія специалистовъ.

Г. Юліанъ Левицкій въ статьѣ подъ заглавіемъ «*1 и 2 листо 1848 р. у Львові*» приводитъ цѣлый рядъ брошюръ, откликовъ и прокламацій, относящихся къ 1848 году и дальнѣйшимъ. Всѣ приведенные имъ матеріалы показались бы не въ печатномъ видѣ, и представляютъ собою точный отчетъ по революціонной агитаціи Галиціи 1848 года и особенно по львовскимъ разрушеніямъ, имѣвшимъ мѣсто 1 и 2 ноября этого года. Отчетъ этотъ тѣмъ интереснѣе, что онъ составленъ тогдашнимъ министромъ юстиціи, барономъ Польбергомъ. Результаты слѣдствія были достаточно мирными; оно про-

зводилось значительно позже событий и носить на себѣ дату 24 мая 1851 года. Въ приводимой рукописи нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія про русиновъ, про ихъ положеніе и участіе въ флотахъ 1848 года. Авторъ, торопясь познакомить читателей съ своими источниками, ограничивается только ихъ приведеніемъ въ точномъ печатномъ воспроизведеніи и отказывается отъ какихъ-либо своихъ высказываній.

Наконецъ, находимъ въ «Запискахъ еще статью г. Л. Ч.—*«Україна після 1654 року»*. Статья эта является обзоромъ въ краткихъ, но ясныхъ чертахъ положенія Украинны послѣ присоединенія ея къ Московскому Государству. Начиная съ 1654 г. и вплоть до расцвѣта политической системы Екатерининской эпохи, авторъ шагъ за шагомъ отмѣчаетъ возрастающее несоотвѣтствіе между правительственными мѣрами и стремленіями украинскаго народа.

Когда украинскій народъ присоединился къ Московскому государству, у него было четыре завѣтныхъ желаній: 1) полное обособленіе отъ Польши своей территоріи, 2) сохраненіе подъ протекціей Москвы автономія своего края,—хотя бы во внутреннихъ дѣлахъ, 3) уничтоженіе вѣрбовничества и 4) сохраненіе церковнаго устройства въ томъ видѣ, въ какомъ оно было до тѣхъ поръ у нихъ.

Что касается перваго пункта, то время и послѣдующія событія показавали, что горячія желанія Украинцевъ избавиться отъ польской власти подъ покровомъ единовѣрной державы не нашли сочувствія у послѣдней. Если сравнить границы Украинны 1654 г., обнимавшей пространство по обѣ стороны Днѣпра отъ Горыни, Случи, Днѣстра и Ингула—съ одной стороны, отъ Припети, Десны, Сейма до Запорожской Сѣчи—съ другой, съ границами, напримѣръ, Андрусовскаго договора (1667) и трактатовъ—1681 и 1686 годовъ, по которымъ все правобережье отошло къ полякамъ, а огромное пространство отъ Кіева до Запорожья, фактически обращалось въ пустыню,—выводъ будетъ очевиденъ.

Если обратиться ко второму пункту, то и здѣсь прійдется констатировать постепенное ограниченіе автономіи малорусскаго народа. Исконное право набирать по собственному желанію гетмана сначала постепенно ограничивается вмѣшательствомъ Московскаго правительства, а затѣмъ и совершенно уничтожается; гетманская власть на время замѣнялась «Малороссійской» коллегіей (1722), «Малороссійскимъ правленіемъ» (1734), вторичной «Малороссійской коллегіей» (1764), которая уже служить предѣльнымъ срокомъ существованія

гетманской власти; да и самая власть гетмана подверглась огромнымъ стѣсненіямъ: она лишилась многихъ правъ и привилегій, издавна пріобрѣтенныхъ. Кроме того, реформы были произведены въ судебномъ устройствѣ. Запорожье же прекратило свое существованіе.

И третье желаніе, — избавитися отъ крѣпостничества — имѣло столь же печальную судьбу, какъ оба вышеуказанныя. Временная зависимость крестьянъ отъ державцевъ обратилась постепенно въ «послушенство» съ правомъ перехода отъ одного владѣльца къ другому, а затѣмъ и послѣднее право было у нихъ отнято, и указомъ 1783 г. была утверждена полная крѣпостная зависимость.

Перехода, наконецъ, къ послѣднему желанію украинскаго народа — сохраненію церковнаго устройства, мы видимъ, что и здѣсь произошли постепенно измѣненія и ограниченія въ церковной автономіи. Мало-по-малу были уничтожены обычай избранія паствой какъ митрополитовъ, такъ и пастырей.

Въ общемъ, трудъ г. Д. Ч. хотя и написанъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ теченіе которыхъ кое-какія детали въ рассматриваемую эпоху подверглись болѣе полному обследованію, тѣмъ не менѣе, какъ общая характеристика судебъ Украины, онъ является полезнымъ вкладомъ если не въ историческую науку, то въ литературу, имѣющую въ виду распространеніе основательныхъ знаній по исторіи.

Въ заключеніе, вельзя не отмѣтить весьма богатаго отдѣла бібліографій, составляемыхъ съ величайшей тщательностью по всѣмъ отраслямъ наукъ, по скольку онѣ касаются культурной жизни украинскаго народа.

Приведенный нами разборъ пяти книгъ «Записокъ науковаго Товариства імени Шевченка», надѣмся, даетъ право намъ считать означенныя „Записки“ серіознымъ литературнымъ явленіемъ на малорусскомъ языкѣ.

А. М.

„Этнографічний збірник“. Видав наукове товариство імени Шевченка. Т. т. I—III У Львові, 1895—97; т. т. IV—V—видав етнографічна комісія наук. Товар. імени Шевченка у Львові, 1898 г.

Съ момента временноаго прекращенія дѣйствій Юго-Западнаго Отдѣла И. Р. Географ. Общества, послѣдовавшаго еще въ 1876 году,

украинско-русская этнографическая наука не имѣла до послѣдняго времени ни специальныхъ учреждений или обществъ, ни таковыхъ же изданій. Существующія спорадическія изданія собраній матеріаловъ обыкновенно обдааны своимъ появленіемъ энергіи отдѣльныхъ лицъ, между тѣмъ какъ богатый этнографическій матеріалъ нерѣдко въ огромномъ количествѣ не находилъ себѣ пристанища и то совершенно погибалъ, то появлялся цѣликомъ, или въ отрывкахъ, въ чужихъ изданіяхъ.

Имѣя въ виду всѣ эти неблагопріятныя условія, львовское «Наукове товариство імени Шевченка» рѣшило въ 1895 г. открыть серію изданій подъ названіемъ «Этнографічний збірникъ». Въ 1895 г. былъ изданъ I-ый томъ, а въ 1896—II-ой, подъ ред. профес. М. Грушевскаго. Въ слѣдующихъ годахъ, 1897 и 1898,—появились томы III, IV и V,—послѣдній подъ редакціей доктора Ів. Франка. Начиная съ IV тома, изданіе «Збірника» приняла на себя особая, учрежденная при «Науков. Товаристві», этнографическая коммиссія.

Что касается общаго характера матеріаловъ, помѣщаемыхъ въ выпускахъ «Збірника»,—то этотъ матеріалъ весьма разнообразенъ, въ виду того, что онъ собирался и записывался въ разнообразныхъ уголкахъ обширной территоріи, заселенной украинскимъ народомъ.

Обратимся къ обзорнѣю вышедшихъ уже томовъ «Этнографічного Збірника».

Т. I. Въ небольшой статьѣ *М. Крамаренна* «Різдвяні святки в Станиці Павливській Ейського одділу, на Чорноморіі» (стр. 1—24) даются свѣдѣнія о приготовленіяхъ въ упомянутой мѣстности къ рождественскимъ праздникамъ, въ богатой кутѣ; о времяпрепровожденіи въ первый день Рождества (напр. коза, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ—кобыла); здѣсь же приведено нѣсколько колядокъ и щедривокъ; гаданья подъ новый годъ, голодная кута и вращеніе.

Гораздо больше мѣста удѣлено «Галицькимъ народнімъ назвамъ». (25 NN-овъ, стр. 1—120), записаннымъ въ Бродскомъ нов. г. Роздольскимъ и приведеннымъ въ систему, а также снабженнымъ параллелями докторомъ Ів. Франкомъ; послѣднія исполнены съ образцовой добросовѣтностью по многочисленнымъ сборникамъ сказокъ,—малорусскихъ, русскихъ, польскихъ, сербскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ. Сказки снабжены указателемъ сказочныхъ и иныхъ мотивовъ, встречающихся въ приведенныхъ номерахъ сказокъ. Не безъ интереса будетъ стѣнать раздѣленіе докторомъ Ів. Франкомъ устной народной

(прозаической) словесности на основаніи литературныхъ ея формъ, а не на основаніи содержанія,—въ предисловіи къ систематизированнымъ свѣдѣнїямъ. По его мысли, главными формами произведеній народной словесности (прозаической) слѣдуетъ считать: сказку, легенду, новеллу, фацецію (анекдотъ), мѣстныя рассказы, рассказы о людяхъ, событіяхъ и историческихъ мѣстностяхъ, сказки о животныхъ, притчи и «аналогии».

Третьей статьей является «Українські людські вигадки» (стр. 1—28)—анекдоты, собранные О. Шимченкомъ въ Украинѣ (по всему вѣроятію, въ Полтавщинѣ). Всѣхъ анекдотовъ собрано 29: «про руськихъ» (великороссовъ), про жидів, про циганів, про панів, про москалів (солдатъ), про птахів і звірів.

Въ концѣ тома приложена «программа до збирання відомостей про українсько-руський край і народ», составленная членами «Научного Товариства», нѣсколько напоминающая программу, изданную кїевскимъ предварительнымъ комитетомъ по устройству XI археологическаго съѣзда, только гораздо полнѣе, т. е., кромѣ свѣдѣній историческихъ, сюда вошли, въ большемъ объемѣ, вопросы по этнографіи (общія свѣдѣнія, антропологическія данныя, хата и дворъ, одежда, пища и питье, занятія, промыслы, семейные обычаи, повѣрья, народная литература), вопросы социальнаго-экономическіе и юридическіе (семейное и семейно-имущественное право, обязательства и наследственное право, уголовное право).

Т. II. Значительную часть этого тома заполняютъ цѣнные этнографическіе матеріалы, собранные В. Гнатькомъ въ Бучацкомъ повѣтѣ: «Лірники. Лірницькі пісні, молитви, слова, звѣстки і т. і про Лірників повіту Бучацького (стр. 1—76). Собиранель имѣлъ въ виду представить репертуаръ галицкихъ лирниковъ, для чего и приводитъ не мало извѣстныхъ уже варіантовъ по другимъ этнографическимъ трудамъ и сборникамъ,—Вересая, Головацкаго, Чубянскаго, въ Богогласникѣ, въ Зап. Ю.-З. Отд. И. Р. Географ. Общ. и друг.) и нѣсколько польскихъ виршей, которыя поются галицкими лирниками. Статей предпосланы интересныя данныя о жизни и привычкахъ лирниковъ, добытыя отъ послѣднихъ же, а въ заключеніи—словарь лирничяго условнаго языка.

Далѣе слѣдуетъ статья—«Замітки етнографічні з Угорської Русі» (1—38)—матеріалъ, собранный угорскимъ священникомъ о. Юріємъ Жатковичемъ. Статья заключаетъ въ себѣ интересныя данныя о раз-

дѣленіи русиновъ (въ этнографич. смыслѣ), о народномъ календарѣ, свадьбѣ, рожденіи, болѣзняхъ, похоронахъ, одеждѣ, нищѣ, сельскомъ хозяйствѣ, иноплемѣнномъ элементѣ въ чертахъ Угорскихъ русиновъ.

Заключается томъ довольно большой статьёй М. Дикарева «Черноморскіи народні кавки й анекдоти» (стр. 1—53),—въ количествѣ 39 номеровъ. Къ статьѣ приложенъ указатель предметовъ и мотивовъ, встрѣчающихся въ приводимомъ матеріалѣ, а также очень солидныя замѣчаніи и параллели.

Т. т. III и IV исключительно посвящены этнографическимъ матеріаламъ изъ Угорской Руси, собраннымъ Владиміромъ Гнатюкомъ во время его путешествій по Угорской Руси въ 1895—96 г.г. Въ III-й томъ вошли «легенди і новелі» (тѣхъ и другихъ 83 номера),—всѣ снабженныя многочисленными параллелями изъ болѣе чѣмъ полусотни печатныхъ источниковъ; въ IV—сказки, басни, рассказы объ историческихъ лицахъ и анекдоты (56 номеровъ) съ указателемъ мотивовъ содержаемаго въ обоихъ томахъ, а также «словарцемъ угорско-руськихъ мѣстныхъ выразівъ», безъ котораго пониманіе многихъ мѣстъ матеріаловъ III и IV томовъ является затруднительнымъ. Трудъ В. Гнатюка является тѣмъ болѣе цѣннымъ, что донинѣ, за исключеніемъ мелочей, не было ни одного сборника этнографическихъ матеріаловъ именно того характера, какой носятъ матеріалы В. Гнатюка.

V томъ заключаетъ въ себѣ весьма разносторонній матеріалъ. Любопытный матеріалъ помѣстилъ здѣсь М. Дикаревъ:—«Народня гутірка з поводу коронаціи 1896 року» (стр. 1—24)—12 документовъ, въ основу которыхъ положены два мотива: представленіе особы «цара и цариці», и затѣмъ—надѣлъ крестьянъ панской землей. Документы представляютъ огромный интересъ.

Не менѣе интересны «Гуцульскі примівки» (стр. 41—72), 21 заговоръ отъ всевозможныхъ болѣзней и на разные случаи.

Ф. Колесса знакомитъ насъ съ «Людвини віруваннями на Пидгірью» (въ с. Ходовичахъ, Стрыйск. пов.) (стр. 76—95). Это есть проба систематическаго свода народныхъ вѣрованій въ одной мѣстности; снабжено докторомъ Ів. Франкомъ аналогіями и параллелями, взатыми изъ вѣрованій другихъ народовъ. Сюда вошли: народная метеорологія, вѣрованія о животныхъ, народная антропологія, явленія и предметы домашней и общественной жизни, народные праздники, мифологія, чары. Собраніе Ф. Колессы, по словамъ д-ра Ів. Франка,—

не исчерпывает темы даже для одной данной мѣстности, тѣмъ не менѣе все же даетъ ясное понятіе о томъ комплексѣ вѣрованій, который живетъ въ душѣ нашего народа.

Въ такомъ же родѣ и матеріалы, собранные Ів. Франкомъ въ Дрогобыцкомъ, Коломыйск. и Стрыйскомъ повѣтахъ въ 1880—1882 г.г.: «Людові вірування на Підгір'ю» (стр. 160—228). Систематизація въ этомъ собраніи нѣсколько шире, чѣмъ въ собраніи Ф. Колессы, но послѣднее произошло благодаря только тому обстоятельству, что данный матеріалъ затрагиваетъ болѣе широкій кругъ народныхъ вѣрованій. Въ общемъ же планъ размѣщенія матеріала въ обихъ статьяхъ одинаковъ.

Затѣмъ слѣдуютъ болѣе мелкіе матеріалы: М. Евдика — 10 отголосковъ эпохи крѣпостничества въ Галиціи, подъ общимъ заглавіемъ «Із народної пам'яті про панщину» (стр. 24—32); нѣсколько записей объ одномъ изъ послѣднихъ опришковъ,—гуцулѣ Миронѣ Штолѣ (стр. 32—40); «Пісня про Бразилію» (стр. 75—77), записанная М. Павлюкомъ; «Фольклорні матеріали» —изъ собранія этнографическихъ матеріаловъ проф. д-ра Р. Кайндля, автора «Die Ruthenen in der Bukowina» и «Die Huzulen» (стр. 141—159); «Примівка від усякої слабости» (стр. 99—105), записанная въ Залучу надъ Збручемъ Л. Порубальскимъ; «Жебрацькі молитви» (стр. 106—110) въ с. Любши, Жыдачівск. пов., записанныя Ів. Франкомъ; «Пять легенд» (стр. 111—116): объ Адамѣ, Соломонѣ, о происхожденіи шляхты и медвѣдя, о ненаоитности челоуѣка; «Три пісні з зб'їрки О. Бодянского» (стр. 117—120), —присланныя еще покойнымъ М. Драгомановымъ въ редакцію «Жите и Слово», но понынѣ не появившіяся въ печати¹⁾;

¹⁾ Въ числѣ этихъ трехъ пѣсенъ находится и извѣстная пѣсня „На бережку у стамба“, исправленный текстъ которой помѣщенъ былъ въ „Кіевской Старинѣ“ кн. VII, стр. 4 (отд. II) за тѣхъ годъ. По сличеніи съ записью Бодянского оказалось, что текстъ, приведенный въ „Кіевской Старинѣ“ поразительно близокъ къ первому; разница только оказалась въ слѣд. строкахъ (нумерація строчекъ по „Кіевской Старинѣ“):

Кіевская Старина.

4. Плескалась якъ рибчина
42. Къ бережечку не збрѣдеша
44. Якъ я тебе внтагавъ
62. Помаргуй собі якъ хочешъ

У Бодянского.

- Полоскалась рибчина
Къ бережечку не прибрѣсха
Що якъ тебе внтагавъ
Помаргуй зо мной якъ хочешъ.

«Селянські діти», (стр. 121—140) етнографічний очерк М. Дерманця, — розповідається *объ* угодъ за новорожденими, приводяться колибальні пѣсни, дѣтскія забави и игри; «Людві загадки з Камінецького повіту» (в с. Половинѣ), записанні Я. Миколаевичемъ; 110 номеровъ загадокъ, съ указаніемъ варіантовъ у Номиса и Чубивекаго (стр. 219—223); «Віршована фацеція про дурного Кузьмивну (224—226), — (Записъ въ Дрогобицк. пов.), варіантъ о котромуъ приведень въ этой же книжкѣ журнала.

Въ концѣ тома (стр. 244—261) приложенъ весьма цѣнный систематическій указатель темъ, упомянутыхъ въ обохъ собраніяхъ вѣрваній (въ статьяхъ Ф. Колессы и Ів. Франка), съ нѣкоторими дополненіями.

Таково содержаніе I—V томовъ «Етнографічн. Збірника», ввобялующаго, нагъ мы видѣли, весьма цѣнными, вновь добытими по преимуществу, етнографическими матеріалами на пространствѣ всей Руси-Украины.

Отъ души желаемъ, чтобы это богатое, многообъщающее изданіе прибрѣло какъ можно больше симпатій со стороны лицъ, интересующихся етнографіей, и получало бы для дальнѣйшаго успѣшнаго развитія ту духовную и матеріальную поддержку, безъ которой бессмысленно всякое общественное явленіе. Матеріалы, не стѣсняясь ни качествомъ, ни количествомъ, просить присылать по адресу «Наукового товариства» во Львовѣ, ул. Чарнецкого, 26.

В. Доманицкій.

Обзоръ украинско-русской литературы за 1898 годъ..

1898-й годъ далеко не принадлежитъ къ выдающимся въ отношеніи продуктивности украинско-русской литературы: не принесъ онъ ни новыхъ талантливыхъ писателей, ни особенно выдающихся литературныхъ произведеній. Изъ украинскихъ писателей, умершихъ въ этомъ году, также никто не создалъ эпохи:—*Щоголезъ* въ (Харьновѣ)

Пѣсня взята изъ небольшой рукописной тетрадки, переданной вдовой Максимовича М. Драгоманову, съ надписью: „Малороссійскія пѣсни“ съ и припиской, рукою Максимовича: „Г. Бодянского“. Тетрадь эта списана въ 80-хъ годахъ мин. столѣтія. (Етногр. Збірн., V, стр. 117).

давно уже отжилъ, а *Коселескій* (въ Галиціи), едва начавшій жить, оставляетъ послѣ себя лишь небольшой сборникъ лирическихъ произведеній.—Тѣмъ не менѣе, 1898 годъ можетъ намъ дать характерный образецъ литературнаго движенія украинско-русскаго народа. Чтобы яснѣе себѣ представить послѣднее, слѣдуетъ, въ краткихъ чертахъ, упомянуть о развитіи украинской прессы въ Галиціи за послѣдніи десять лѣтъ (1887—1896). Количество газетъ за это время возросло съ 15 до 24; число подписчиковъ, за одну четверть года, до 1890 года,—достигало лишь 5.422 чел., въ 1893 г. возросло до 10.946, въ 1894—11.215, а въ 1895—11.696.; всего оттисковъ изданій до 1890 г. было 628.092, въ 1893—2.092.100, потомъ въ 1894 г.—упало до 2.020.410, а въ 1895—до 1.982.880.; (Надо добавить, что сюда не причислены такія литературныя и литературно-научныя періодическія изданія, какъ «Зоря», «Житє и Слово», а также изданія въ Вуковинѣ).

1898 годъ принесъ значительныя перемѣны. Первая, наиболѣе крупная,—основаніе новаго ежемѣсячнаго журнала (не менѣе 12 листовъ печати) «Літературно-Наукового Вістника», вмѣсто прекратившихъ существованіе «Зори» и «Житє и Слово».—Съ его появленіемъ украинско-русская литература приобрѣла литерат.-научный органъ, хотя не слишкомъ объемистый, но со столь широкой программой, что можетъ удѣлять мѣсто и побуждать къ болѣе интенсивной литературной и научной работѣ въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ.

Вторая перемѣна, принесенная 1898 годомъ,—основаніе во Львовѣ «Видавничої спілки», которая имѣетъ цѣлью увеличить продукцію издательской дѣятельности. Это общество начало функціонировать лишь съ сего 1899 года, почему о немъ и не будемъ теперь распространяться.

Среди литературныхъ произведеній, принесенныхъ 1898-мъ годомъ, найдется не мало такого, что заслуживаетъ глубокаго вниманія. На средства «Академичної громади» во Львовѣ изданъ сборникъ стихотворныхъ произведеній *Ів. Франка* «Мій Измаргд»; въ Вѣнѣ вышелъ альманахъ въ память 25-лѣтія Вѣнскаго общества «Січ»; затѣмъ еще во Львовѣ: альманахъ «Привіт д-ру Франку, по случаю 25-лѣтняго юбилея и послѣдняго, «Дві доли» *Д. Мордовцева* (романъ) и повѣсть *Школыченка* «На селі», Кобзарь, Шевченка ч. 4. (Содержаніе: Наймычка, Безщасный, Капитанша, Музыка, Княгиня, Варнакъ). Въ Черновцахъ роскошно из-

дає описаніє кругосвітнаго путешествія д-ра *Я. Одумського* подъ загл. «Листи з чужини» в сборникъ разказовъ Богдана Ленкого «З села» 1). Крімъ только что упомянутыхъ, русская литература обогатилась такими крупными научными изданиями, какъ тт. ХХІ—ХХV «*Записокъ Наукового Товариства*»; тт. IV и V «*Етнографіи. збірника*»; т. IV «*Жерела до історіи України-Руси*»; т. I «*Збірника філософичної-секції Науков. тов. ім. Шевч.*», включаючий въ себѣ большой трудъ—біографію Т. Р. Шевченка—А. Я. Бониссаго; т. I «*Збірника історично-філософичної секції*», содержащій 1-ую часть крупнаго труда проф. М. Грушевскаго—«История Украины-Руси до XI вѣку»; т. ХХ-ый «Руской історичной бібліотеки», гдѣ помѣщенъ переводъ труда Я. Н. Шульгина—«Очеркъ Коліивщини»; тт. 3-ый и 4-ый «*Збірника математично-природописно-лікарської секції*»; выпуски ХХІ—ХХІХ «*Бібліотеки для руской молодіжі*»; учебники: ботаника—*Ростафинскаго*, минералогія—*І. Верхратскаго*, арифметика—*Олюновскаго*; «Кобзар»—выборка произведеній для юношества; переводы—*Дрепера* «История борьбы між релігією и наукою», *Эдгара Поэ*—«Новелі»; *Гауптмана*—«Ткачі», *Марка-Твена*—«Американський претендент», *Сеньюбоса*—«Сучасна Англія».

50-тилітній юбилей уничтоженія крѣпостничества въ Галиціи вызвалъ цѣлую литературу: *Л. Оалыскаго*—«У 50-ту річницю знесення панщини і відродження Галицької Руси»; *І. Франка*—«Про панщину і її знесення 1848 року»; неизв. автора—«Про знесення панщини і відродженне Русинів»; *Будзиновскаго*—«Панщина, її початокъ і скасування». Празднованіє столѣтняго юбилея малорусской литературы также оставило замѣтные слѣды въ украинской литературѣ,—изданы: «*Наташка-Полтавка*»,—юбилейное изданіє; *Пачовскаго*—«Соті роковини народнього письменства Руси-України»; перепечатка «Першого видання Енеїди Котляревського»; «*Великі роковини*» в «*Соті роковини*»—*Щурата*; «*Столітнє обновленне укр.-русс. літератури*»; «*Наше відродженне, драматична дума*»—*Щурата*; «*Значіне Котляревського в рускій літературі*» (Черемшль), «*На великі роковини в паміть Ів. Котляревського*» (тамъ-же), «*Русько-українська література, — Ів. Франка*» (въ Черновцяхъ). Изъ драматическихъ произведеній появились слѣдующія: *Б. Гринченка*—«За батька», драма; *Целинскаго*—

1) Это наиболѣе крупная литературная изданія, вышедшія въ 1898 году въ Галиціи.

«Аргонавти», драма; *Молчановскою*—«До Бразиліи», драма; «Каврал Тимко»—мелодрама (въ Коломѣ); І. Тобилевича—«Чумаки», драма. Изъ болѣ мелкихъ беллетристическихъ и научно-популярныхъ произведеній отмѣтимъ слѣдующія: *В. Щурата*—«Мои листи», *Т. Мороза*—«Образъ тьми і сьвітла», *Гецовъ*—«З побуту въ Карльсбаді», *Замирьної*—«Добра порада» (перепечатка черниговскаго изданія, подъ тѣмъ же заглавіемъ), «Гадки про потреби українців» (Черновци), *Пачоскою*—«Замітки до науки рускої мови в середній школі», «Тарас Шевченко»—рѣчь проф. Колессы въ 37-ю годовщину смерти Шевченка, «Богдан Хмельницкій», т. II (Событія 1648 года),—составлено преимущественно по Костомарову, *Лебедевой*—«Гостинець для русскихъ дѣтей», «Про обіряк і інші навози»—*Данилевича*, «Иллюстриров. календарь «Просвіти» на 1899 г., указатель произведеній Ів. Франка за 25-тилітіе его литературной дѣятельности.

Въ Украинѣ книжная продукція за минувшій годъ стоитъ несравненно ниже. Въ теченіе 1898 года вышли слѣдующія книги и брошюры: въ Киевѣ: «Богданъ Хмельницкій»—драма Старицкаго (оттискъ изъ „Кіев. Стар.“), и «Шевченко»: Причинна, Утоплена, Русалка, Черныця Марьяна—изданіе Кіев. Общ. Грамотности (реценз. на послѣдн. см. К. Стар. 1898, кн. V). Въ Черниговѣ: *Гринченко*—*Оповідання* (Сестрыця Гали, Дядько Тymoха, Ксеия, Нелюбъ, Баторшва, Батько та дочка, Панько, Пидпаль); *Добрий звірь*, *Сирко*, *Вирный кичъ*; *Чередникъ та дисечма* (реценз. см. К. Стар. 1898, кн. V); *Веселый оповидачъ* (Двисти народникъ оповиданнивъ); *Колоски*. Казки та оповидання; медицинская брошюра *Мажновскою*—*Шроцисту*; «*Батькове вищованне та инше*»; *Грабъ П.*—*Кобза, спивы и переспивы*; *Р. Б. Хома Балай*. Поэма; переиздана: *Шевченка*—*Батерина*.—Въ Червассахъ: *І. Карпенка-Карою*: 1) *Розумный та дурень* и 2) *Сто тысячъ* (реценз. см. К. Стар. 1898, кн. 9); *Гагаринъ*. *Пылыпъ Бандура*. *Рогатый свать и Голва* (О. Сторожейка). Въ Харьковѣ—крупное изданіе—«Слобожанщина» *Щоюлева*; *Краснокутскій*. *Обжыныи*. *Видьма та уиыръ*. *Гачына паска*; *Сластимъ*. *Любышь смородыну*, *любы и оскомыну*—*водевиль*,—оба послѣдніи ничего нестоющія произведенія. Въ С.-Петербургѣ: перепечатано изъ Саратовскаго Сборника за 1859 годъ—«*Козаки и море*» *Д. Мордовцева*. Въ Одессѣ: «*Двисти найкращыхъ писень*». Въ Полтавѣ: Полное собр. сочиненій *Котларевскаго*. Въ Юрьевѣ—довольно объемистая книжка «*Наши люди на селя*» *Грыцька Грыгоренка* (рец. см. К. Ст. 1898, кн. 9).

Въ Херсонѣ—«Полещукъ. Сто варбованцавъ грошей, драма въ 3-хъ діяхъ». Въ Бердичевѣ—«Ній та діло резумій» *Острожинскаю*. Въ Кременчугѣ—«Ларпи творы 1890—1897» *Д. Кулиды* (рец. см. К. Стар. 1898, кн. 8). Въ Бахмутѣ—«Донецьки совети» *М. Черняскаю*. Вотъ и все, что намъ извѣстно изъ изданій въ 1898 году по украинской литературѣ.

Что касается укр.-русскихъ писателей, то *Панасъ Мырний*, авторъ весьма талантливыхъ произведеній, умолкъ; *А. Я. Коцисскій* очень мало работалъ въ беллетристикѣ, но за то издалъ на малорусскомъ и великорусскомъ языкахъ обширное жизнеописаніе Шевченка; талантливый писатель *Иванъ Левицкій (Печуй)* ничего не издалъ въ 1898 г.; *М. Старицкій*, кромѣ упомянутой выше драмы, написалъ еще историческую драму «Оборона Буши» и обширную историческую повѣсть на великорусскомъ языкѣ «Передъ бурей».

Наконецъ, остается еще упомянуть о малорусской прессѣ въ Америкѣ, гдѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Канадѣ, книгъ находится до 300,000 русиновъ. Эмиграція туда изъ Галиціи началась болѣе 20 лѣтъ тому назадъ. Лѣтъ десять, положеніемъ переселенцевъ занялось духовенство, были основаны при церквяхъ русинскія школы, основана типографія, стала издаваться газета подъ редакціей Воляйскаго „Америка“, а теперь, вотъ уже 7-й годъ, выходитъ подъ редакціей Стефана Макара, еженедѣльная газета „Свобода“. Кромѣ текущихъ извѣстій, газета эта помѣщаетъ беллетристическія произведенія, отмѣчаетъ наиболѣе крупныя явленія въ галицкой и украинской литературѣ. Изъ мѣстныхъ, американскихъ, русиновъ, понинѣ, кромѣ Нестора Дмитрова, недурного наблюдателя народной жизни, на литературномъ поприщѣ никого замѣтнаго не явилось. Въ теченіе 1898 года редакціей „Свобода“ были изданы: „Канадійська Русь. Подорожні спомыны“ *Н. Дмитрова* (въ Кармелѣ, въ Пенсильваніи), „Конституція Сполученныхъ Державъ Півночної Америки“. *С. Макара* и „Де-що про права і суды въ Спол. Державахъ“ — *Чупка*.

В. Д.

Обозрѣніе епархіальныхъ Вѣдомостей южныхъ епархій 1898 г.

Волинскія Епархіальныя Вѣдомости.

Прот. Н. Трипольскій. Документы, относящіеся къ древней исторіи православнаго Почаевскаго монастыря на Волыни ¹⁾, № №. 1—2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11—12, 13.

Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волинской епархіи. Села Староконстантиновскаго и Ковельскаго уу. (№ №. 1—35).

А. Малевичъ. Тригорскій Преображенскій монастырь (Жит. у. Волин. г.) (№ №. 4—14) Историческій очеркъ: основаніе и просвѣтительная дѣятельность обители.—Школы.—Хозяйственная сторона—Тѣсная связь Тригорья съ другими монастырями. Приложенія (документы, касающіеся исторіи монастыря).

А. Левицкій. Церковно-приходская лѣтопись с. Глубочка (Жит. у.) (№ №. 18—35).

Приходъ.—Приходской храмъ. Церковная утварь шитая.—Церковная библиотека.—Причтъ.—Прихожане (масса интересныхъ бытовыхъ чертъ народной жизни; богатый этнографическій матеріалъ).

Николай Теодоровичъ (№ 22). Заставная запись каштел. Волинскаго кн. Никол. Чарторыйскаго, данная дворянамъ Адаму и женѣ его Констанціи Клунскимъ на имѣнія сс. Рыдомль и Хотовицу въ обезпеченіе долга 60 тысячъ злотыхъ польскихъ, отъ 13 янв. 1645 года.

Она же. (№ 23). Заставная запись кн. Михаила—Юрія Чарторыйскаго, данная дворянамъ Федору и Евѣ Домашевскимъ на с. Островецъ въ обезпеченіе долга въ 7000 зл. отъ 21 апр. 1648 г. и пскъ въ нему Домашевскихъ отъ 14 ноября 1651 г.

Она же. (№ 27) Заставная запись двор. Фед. и Евы Домашевскихъ, данныи дворянину Ивану Решяевецкому на часть с. Рыдомля въ обезпеченіе долга 800 злотыхъ отъ 18 февр. 1647 г. и актъ передачи этого села почаевскому монастырю отъ 23 окт. 1651 г.

Она же (№ 29). Завѣщаніе гражданина Федора Домашевскаго Почаевскому монастырю отъ 1654 г.

¹⁾ См. ст. г. Волинца „Почаевская лѣтопись“, К. Ст. 1898, № 4, стр. 87—106.

Екатеринославскія Епархіальныя Вѣдомости.

Обычай обхожденія крестнымъ ходомъ вѣстияныхъ полей. (№ 25).
Перепечатка изъ «Литовск. Епарх. Вѣд.». Сожалѣніе по поводу того, что этотъ обычай, не лишенный поэзіи и имѣющій въ то же время религіозно-нравственное значеніе, въ нѣкоторыхъ приходахъ выводится.

А. Дородницынъ. (№ 35, 36). Къ вопросу о возстановленіи церковно-обиходнаго пѣнія.

Кишиневскія Епарх. Вѣдомости.

В. Курдиновскій. Пасхальные обычаи въ Бессарабіи. (№ 8). Интересный этнографическій матеріалъ: обычай зажигать костры въ ночь передъ Пасхой («остатокъ языческаго культа»).—Обычаи, соединяемые съ 1-ымъ днемъ Пасхи; пасхальные игры; обычай поздравленія священника «огнемъ» и т. п.

Д. Щеловъ. *Объ упраздненныхъ монастыряхъ Бессарабіи* (№№ 16, 17). Причины упраздненія (внѣшнія и внутреннія). Скитъ Галица и скитъ Мана, Гиртанскій скитъ, скиты: Печешти, Понуюцы, Пояна. Мужскій Городищенскій монастырь.

Павсій Величковскій, его значеніе въ исторіи православнаго монашества (№№ 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24).

Первые годы жизни Павсія.—Постриженіе въ монашество; пребываніе въ Валахіи, на Афонѣ, въ Молдавіи. Литературные труды Павсія.— Кончина его.

Д. Щеловъ. *Измаильскіе монастыри* (№ 25).

Монастыри Успенскій и Никольскій. Краткая исторія ихъ до времени присоединенія Измаила къ Румыніи.

Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости.

В. К. Село Семчанскіе Юсковцы и святыня его храма (№ 2, 3).

Историко-статистическое описаніе Трехсвятительской церкви в. Зянькови. (№ 4).

Молитвенное воспоминаніе событія—8 января 1654 года съ Переяславскомъ Успенскомъ соборѣ, храмъ—памятникъ, 8 янв. 1898 г. (№ 5).

В. Курдиновскій. Замѣчательныя памятники церковной старины въ с. Рымаровкѣ, Гадлячскаго уѣзда, Полтавской епархіи (№ 10, 13). Требникъ, писанный полууставомъ, и евангеліе, писанное уставомъ. Опредѣленіе времени и мѣста написанія требника (во 2-ой половинѣ XVI в. въ Брацлавѣ. Описание евангелія. Опредѣленіе времени написанія (1416 г). Особенности евангелія.

Святый преподобномученикъ Макарій, архимандритъ Овручскій, именуемъ Каневскій, Переяславскій Чудотворецъ (№ 14, 15, 16, 17).

Происхожденіе Макарія.—Дѣятельность его въ Купятицкомъ монастырѣ (Пинск. у.), Каменецкомъ (Брестскаго у.), въ Овручѣ, и наконецъ въ Каневѣ. Отношенія его къ Дорошенку.—Осада Канева.—Кончина преподобнаго.—Примѣчанія къ статьѣ.

А. Плесцкій. Полтавщина въ первой четверти XVII вѣка (№№ 26, 28). (Очеркъ колонизація края). Общія замѣчанія о мѣстахъ осѣлости. Типы усадебъ и поселковъ. Численность поселковъ; географическое ихъ положеніе: обводъ Киевскій, Переяславскій, Миргородскій. Важнѣйшіе княжескіе и земскіе роды, которымъ принадлежали маестности въ Полтавщинѣ:—князья Половцы-Рожиновскіе Глинскіе, Домонты, Вишневецкіе; земляне: Дашкевичи, Олгаары-Волковичи, Байбузы.—Цѣны имѣній.—Приложенія (алфавитный указатель городовъ, существовавшихъ въ первой четверти XVII).

Борьба съ суевѣріемъ (№ 30). О необходимости борьбы съ «шестаньемъ»; нѣсколько текстовъ послѣднихъ.

Кіевскія епархіальныя Вѣдомости.

Н. Шпачинскій. Историческая замѣтка о викариатствѣ Кіевской Митрополіи въ XVIII столѣтіи. (№ 11). Арсеній Могиланскій и его докладъ о назначеніи «коадьютора». Номинальный Кіевскій викарій Гедеонъ Слонимскій. Преемники Арсенія: Гавріилъ Бременецкій, Самуилъ Миславскій; коадьюторъ кіевской митрополіи Викторъ Садковскій, епископъ Переяславскій. Самостоятельность кіевского и переяславскаго викаріевъ (съ 1799 г.).

А. М. Київскій храм св. апостола Андрея Первозванного (№ 12). Историческая справка о построеніи церковнаго зданія и подвѣйшихъ строительныхъ въ немъ работъ.

Состояніе штунды въ Київской епархіи въ настоящее время и борьба съ нею (№ 15). Отношеніе гегерешнихъ штундистовъ къ церкви и обществу.—Внутреннее состояніе секты.—Состояніе миссіи.

Прот. Кл. Хоменко. Галицкая Русь и Галичане (№ 15). Путевая замѣтка. Сравненіе жизни народа и духовенства въ Галиціи съ таковой-же въ Украинѣ.

Во уши почитателей Ведела (№ 16). Напомнаніе о предстоящемъ столѣтіи со дня смерти талантливаго композитора духовной музыки, Артемія Лукьяновича Ведела (съ характеристивой произведеній его).

С. Голубевъ. Київскій митрополитъ Петръ Могила, какъ возобновитель Київскихъ храмовъ. (№№ 17, 18, 19, 20, 21).

Извлеченіе, съ небольшими измѣненіями, изъ II тома сочиненія того же автора: *Київскій Митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники*. См. Киев. Ст. № 12 (за 1898 г.), стр. 85—92.

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости.

Краткія статистическія свѣдѣнія о Подольской епархіи за 1896—97 годы (№ 2).

Пространство, населеніе; духовно-административное дѣленіе, духовно-учебныя заведенія.

О такъ называемомъ «выводѣ» новобрачной. (№ 15—16). Въ чемъ состоятъ этотъ обычай. Отношеніе церкви къ этому обычаю.—Обычай, исключительно существующій на югѣ Россіи.

М. Бачинскій. Основаніе подольской духовной семинаріи и первые годы ея существованія (№ 17).

Каменецкая православная Св. Николаевская церковь, какъ древнѣйшая христіанская святыня въ Каменцѣ. (№ 18).

Селяц. П. В. Обычай обхожденія крестными дорожъ заплывшихъ полей. (№ 18).

Селяц. К. С—чъ. Дикая забава «Лубокъ» (№ 19—29). Объясненіе этого суевѣрнаго обычая—игры. Попытки опредѣлить происхожденіе его. Сравненіе съ подобнымъ обычаемъ въ Галиціи («коти»).

А. Лотоцкій. Гдѣ обучалось Подольское духовенство до учрежденія Подольской духовной семинаріи? (№№ 37, 38, 39). См. обзоръ этой статьи Кіев. Стар. 1899, № 2.

В. Коренное православіе и пришлый католицизмъ въ Подольи. (№ 44). Бездоказательныя намеки на какія-то «таемницы» — тайныя польскія сборища, имѣющія цѣлью совращать православныхъ!

Подольскій народный Католицизмъ. (№№ 45, 46, 48). О немъ см. К. Ст. 1898 г. № 1, стр. 32.

Свящ. І. С—й. Рождественскія колядки (№ 51—52). См. Кіев. Стар. 1898 № 2.

Н. И. Колядники, какъ матеріалъ для образованія народно-церковныхъ хоровъ въ приходатъ (№ 51—52).

Ставропольскія Епархіальныя Вѣдомости.

П. Н. Крыжановскій. Открытіе исправительныхъ дѣтскихъ пріютовъ при Екатерино-Лебяжской Николаевской и женской Маріинской обителяхъ въ Кубанской области. (№ 24).

Мѣстоположеніе Лебяжскаго монастыря и основаніе его (въ 1794 г.) черноморскими козаками («старыми сѣчениками»). — Заботы о немъ черноморскаго козачьяго войска. — Переходъ управленія монастыремъ въ руки духовенства (съ 1872 г.).

Херсонскія Епарх. Вѣдомости.

Свящ. Павелъ Чеховичъ. Що таке штунда? (№ 3). Прізвывъ штундистовъ къ покаанію, — въ стихахъ безъ рѣмы, на малорусскомъ языкѣ, болѣе чѣмъ сомнительнаго качества.

Кончина и погребеніе одесскаго кафедральнаго протоіерей Арсенія Гавриловича Лебединцева. (№ 5).

Рѣчи, сказанныя при погребеніи кафедральнаго протоіерей Арсенія Гавриловича Лебединцева. (№ 6).

Свящ. Іоаннь Гордіевскій. Одесскій кафедральный протоіерей Арсеній Гавриловичъ Лебединцевъ. (№ 16, 17). Біографическія данныя о покойномъ. Дѣятельность послѣдняго въ Одессѣ.

Свящ. Павел Колосовъ. Новогеоргиевскій единоувѣрческій Воскресенскій приходъ. (Къ столѣттю его открытiя 1798—1898) (№ 17). Братскій очеркъ исторiи.

Свящ. В. Флоровскій. Краткiй историческiй очеркъ о построенiи единоувѣрческой Одесской Покровской церкви. (№ 21).

Свящ. Мелетiй Шаравскiй. Рѣчь съ краткими свѣдѣнiями о священнослужителяхъ и благотворителяхъ Одесской Покровской церкви, (№ 22).

Извѣстiя о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 11 «Русскаго Архива», въ воспоминанiяхъ Н. Д. Богатина, между прочимъ встрѣчается слѣдующее интересное для характеристики мемуариста мѣсто: «Около того времени (1866 г.) въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» появилась въ фельетонѣ статья, за подписью «Учитель», о переводѣ на малороссiйскiй языкъ учебниковъ для народныхъ училищъ Юго-Западнаго края, о введенiи мѣстнаго нарѣчiя вообще въ преподаванiе по сельскимъ училищамъ. Хлопотанство, украинофильство не бросало своихъ затѣй и добивалось вторгнуться и въ школу, какъ удалось ему засѣсть въ мозгу своихъ тупоголовыхъ сторонниковъ. Обнаружилось, что статью эту писалъ учитель 2-й Кiевской гимназiи Др.... Я возмущенъ былъ наглýmъ посягательствомъ на народную школу этихъ навадниковъ—степенниковъ печенѣговъ, и рѣшился вступить за школу: собралъ сборники народныхъ малороссiйскихъ пѣсенъ и другiя еще кое-какиа замѣтки, и съ горячностью и энергiей обличителя вредныхъ затѣй и идей усѣлся писать статью; ночи преимущественно шли на эту мою работу, работалъ и днемъ... Эту статью я написалъ, все свое время ей отдавъ въ теченiе весеннихъ мѣсяцевъ 1866 года; тамъ нужно было переписать на-чисто. Все готово: „Кiевлянинъ“ потребовалъ, по своему обыкновенiю, значительныхъ вознагражденiй; и отдалъ статью въ „Кiевскiй телеграфъ“. Юнгъ охотно взялъ ее, и она пошла въ июль уже въ печать... Статья моя была озаглавлена: „Южно-русская школа, южно-русская поэзiя, южно-русскiй языкъ“; напечатана въ №№ 67—74 „Кiевского телеграфа“ за 1866 годъ. Князь Ш.-Шихматовъ ¹⁾ сердечно

¹⁾ Попечитель округа.

благодарить меня за статью, за то носился на меня его помощникъ, М. А. Туловъ, по убѣжденіямъ близкій къ хохломанству, хотя, вѣроятно, только въ отношеніи къ языку, и едва ли серьезно имѣвшій что-либо общее съ безумными ватѣями раздѣленности и обособленности, о чемъ, какъ во снѣ такъ и наяву грезила и теперь еще грезить хлопманская *безтолочь*. Я предложилъ князю, не привнаеть ли онъ полезнымъ, разослать мою статью по всѣмъ училищамъ округа. Онъ одобрилъ мою мысль... Статья была разослана мною по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ края: въ университетъ—3 экземпляра, въ гимназіи—по 2, въ училища, дворянскія и уѣздныя, по одному экз. (цѣна 25 к.). Одинъ изъ смотрителей, а именно Овручскаго дворянскаго училища, И. А. Абрамовичъ, на препроводительной бумагѣ приписалъ, на сторонѣ: *«Великое спасибо за правду»*.

Знакомые съ этой брошюркой знаютъ, конечно, насколько она основательна, а теперь узнаютъ и интересную исторію ея написанія.

Въ № 294 «Одесскаго Листка» профес. В. Модестовъ помѣстилъ письмо «Изъ Италіи», въ которомъ, выражая недовольство г. Мордовцевымъ, упрекнувшимъ его въ некомпетентности по вопросу о малорусскомъ языкѣ, по обыкновенію своему возмущается тѣмъ «жаргономъ, который губить всю прелесть народнаго малороссійскаго языка», который «представляетъ собою грубую искусственную мѣшанину изъ словъ малороссійскихъ, польскихъ, нѣмецкихъ и великорусскихъ», и который «нѣкоторые хотятъ возвести въ языкъ науки».

Авторъ высказывается категорически, въ томъ убѣжденіи, что противъ выставленнаго имъ положенія ни одинъ спокойно-мыслящій человѣкъ спорить не станетъ. Пусть авторъ думаетъ, какъ ему угодно, но жизнь ставитъ свои требованія, на которыя не такъ то просто давать газетныя категорическія отвѣты.

Въ ноябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы» помѣщены «Отрывки изъ моихъ воспоминаній» Льва Жемчужникова, отнесшіеся къ 50-мъ гг. и представляющіе нѣкоторый интересъ, такъ какъ въ нихъ авторъ упоминаетъ о семействѣ Кулиша, Гоголя, о Тарновскихъ, Марковичахъ, Галаганѣ.

Иллюстрированные издания для народа. Въ Петербургѣ, по слову „Нов.“, возникаетъ въ высшей степени симпатичное предпріятіе. Въ самое послѣднее время предпринято однимъ изъ петербургскихъ издателей обширное изданіе большихъ листовъ рисунковъ на разныхъ темы: въ нихъ будетъ русская исторія, географія и этнографія. Уже давно въ разныхъ художественныхъ кружкахъ поднимался вопросъ о необходимости замѣнять, такъ-называемыя, лубочныя картины настоящими художественными, напечатанными въ возможно меньшемъ количествѣ красокъ для наиболѣе дешевой продажи.

Оригиналъ одного изъ листовъ вышеупомянутаго новаго народнаго изданія представляетъ большую карту Европейской Россіи, на которой въ географическомъ порядкѣ расположены виды разныхъ мѣстностей и городовъ, исполненные акварелью и тушью, и между прочимъ Малороссія, Кіевъ, Донецкія степи, Новороссія, Одесса и Крымъ. Всего до 80 акварелей, исполненныхъ чрезвычайно тщательно и колоритно. Сообразно измѣненію климата, мѣняется и самый тонъ акварелей, начиная отъ холодно-сѣраго и снѣга сѣвера и кончая видами юга, залитыми жгучими лучами солнца. Эта карта по художественности исполненія не оставляетъ желать ничего лучшаго. Скоро она начнетъ печатаніемъ въ одной изъ лучшихъ художественныхъ литографій.

Въ №№ 41 и 42 „Днѣпровской Молвы“ помѣщена статья нѣкого *Г. Л.* подъ загл. „Малороссійская свадьба въ Екатеринославскомъ уѣздѣ“. Здѣсь разсказывается объ обрядовой сторонѣ свадьбы, но самаго важнаго, свадебныхъ пѣсенъ, совсѣмъ не приводится. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя черты, присущія специально данному району, представляютъ извѣстный интересъ.

По поводу 25-лѣтія со дня смерти талантливаго писателя Олексы Стороженка помѣщены были статьи, съ приведеніемъ довольно подробныхъ біографическихъ данныхъ и оцѣнкой литературной дѣятельности писателя, въ «Кіевскомъ Словѣ» (№ 4251), въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 304, статья Ф. М.—ваго) и, наиболѣе подробная, въ «Днѣпровской Молвѣ» (№ 44—Ф. Смѣлянца).

Въ № 38 «Днѣпровской Молвы» помѣщена довольно обширная статья «посѣтившаго прикарпатскую Русь», подъ заглавіемъ: «*Въ вопросу объ австрійской Руси*», въ которой почтенный авторъ, возражая противъ г. «Новаго Одессита», помѣтившаго въ № 217 «Одесск. Листка» статью „По славянскимъ землямъ“, доказываетъ полнѣйшее невѣжество и безцеременность г. Новаго Одессита по вопросамъ галицкой общественной, политической и литературной жизни. Самъ авторъ приходитъ къ тѣмъ несомнѣннымъ выводамъ, что въ Австріи, во-первыхъ, если бы даже кто-либо и пожелалъ,—возведеніе великорусскаго языка на степень господствующаго не можетъ быть допущено Австрійск. правительствомъ и, во вторыхъ, если бы австрійскіе русины захотѣли отказаться отъ родного языка, отъ массы школъ съ преподаваніемъ на этомъ языкѣ, отъ связанной съ этимъ украинско-русской литературы, то пришлось бы воспринять литературный языкъ господствующей тамъ народности, т. е. польской или мадьярской, а это значить ополячиться и омадьяриться.

Общество им. Качковскаго во Львовѣ предпринимаетъ изданіе сочиненій Наумовича. Тамъ-же основывается „литературное общество им. Пушкина“, задачей котораго будетъ изученіе и распространеніе русской литературы (Извѣстія кн. магаз. М. О. Вольфъ, годъ III, кн. I).

Ежедневная галицкая газета «Дѣло» начала печатаніемъ въ литературномъ прибавленіи, новую историческую повѣсть Івана Нечуя-Левицкаго „Гетьманъ Иванъ Выговський“.

Въ № 250—251 «Дѣла» помѣщена статья В. Чернецкаго „Мѣстечко Зборѣвъ“. Кое-что сообщается объ исторіи Зборова, а больше—о родѣ Зборовскихъ.

Довольно обширную статью о Гребенкѣ помѣстилъ г. Лесевичъ въ еженедѣльной газетѣ „Днѣпровская молва“, №№ 36, 37, и 38.

Въ редакцію поступили слѣдующія книги:

Я. Жарко. Оповідання. Полтава, 1889, 1—66, in 8°.

В. Гринченко. Середь крижаного моря. Оповідання. № 42. У Чернигові, 1899, 1—56, in 8°.

У неволи. Оповідання. № 43. У Чернигові, 1899, 1—24, in 8°.

Етнографічний збірник. Видає етнографічна комісія наук. товариства. Т. VI. Галицько-руські анекдоти. Зібрав Володимир Гнатюк. У Львові, 1899, II+XIV+III in 4°.

Памятки українсько руської мови і літератури / Видає археограф комісія тов. им. Шевченка. Т. П. Апокрифи новозавитні. А. Апокрифічні евангелія. Зібрав, упорядкував і пояснив др. Іван Франко. У Львові, 1899, LXXVIII+443, in 8°.

Ласкаревъ. Геологическое изслѣдованіе водораздѣла верховьевъ рр. Горыни и Случи. Сиб. 1899 стр. 1—34.

Степовыкъ О. Лихи потайни хлибоды: хлибный комарыкъ, та шведська муха. Одесса, 1899, 1—16, in 8°, (съ рисунками).

А. Лазаревскій. Очерки, замѣтки, документы по исторіи Малороссіи. V (съ рисунками Т. Г. Шевченка). Кіевъ, 1899 г. 1—148, т. 8°

Ц . . . батько О. Стародавня Украина въ драматычнихъ справахъ I. Чорный шляхъ, II. Козакъ Байда. Одесса, 1899. Тип. Ю. Р. Общ. печ. дѣла. 1—88—80, in 4°.

Русская земля. Сборникъ для народнаго чтенія. Т. V. Очерки Малороссіи. (Приходская бібліотека, издаваемая подъ ред. Шемякина). Сиб. 1899, in 8°, 1—244.

Осадчий. Земля и земледѣльцы въ Ю. Зап. краѣ (Кіевск. и Подольск. губ.). Кіевъ, 1899.

Семеновъ. Кіевъ и его святыни, древности и достопримѣчательности. Кіевъ, 1899 г.

Астафьевъ. У святынь Приднѣпровья. Сиб. 1899.

Плехинскій. М. М. Архивы Черниговской губерніи. М. 1899 г.

Сластинъ М. «Знайся кинь зъ конемъ, а виць въ воломъ», Трагикомичный этюдъ въ двухъ картинахъ. Харьковъ 1899 г.

Райскій П. П. и *Сластинъ М. Ф.* Свять Крысогонь. Трагикомичный этюдъ въ 1 дѣйствіи. Харьковъ, 1896 г.

Спилка И. Козача помста. Оповідання. Харьковъ. 1899 г.

Археологическая летопись.

Засѣданія обществъ.

Общество Нестора Лѣтописца при университетѣ св. Владимира. 27 октября состоялось годовое собраніе общества, приурочиваемое, согласно съ уставомъ общества, ко дню памяти отца русской исторіи—преп. Нестора Лѣтописца. Въ этомъ засѣданіи секретаремъ общества М. Н. Ясинскимъ былъ прочитанъ отчетъ о состояніи и дѣятельности общества съ 27 октября 1898 года по 28 октября 1899 года, т. е. въ 27-й годъ существованія общества. Изъ отчета видно, что къ 27 октября 1898 года общество состояло изъ 148 членовъ (20 почет., 127 дѣйств. и 1 корреспондентъ). Выбыло въ теченіе года за смертью 6 членовъ (2 почет. и 4 дѣйств.), обзору дѣятельности которыхъ отведена значительная часть отчета. Новѣе избрано 3 дѣйствительныхъ члена и въ настоящее время общество состоитъ изъ 145 членовъ (18 почетн., 126 дѣйств. и 1 корреспондентъ). Бюро общества состоитъ изъ тѣхъ-же лицъ, что и въ предшествовавшее время, исключая должности председателя, которую въ настоящее время занимаетъ профессоръ Н. П. Дашкевичъ.

Библиотека общества состоитъ изъ 2074 названій въ 4694 томахъ и брошюрахъ (поступило 101 названіе въ 204 томахъ и брошюрахъ),

Въ кассѣ общества отъ прошлаго года оставалось 2278 р. 71 к. Поступило 1466 руб. 57 коп. Израсходовано 684 р. 94 к. Остается въ наличности 3061 р. 34 к. Главнымъ источникомъ прихода является правительственная субсидія и % сборъ съ публичныхъ лекцій. Ма-

лая-же сумма расхода объясняется тѣмъ, что новыя книги «Чтенія» не закончены печатаніемъ и не исполнѣны оплачены.

Дѣятельность общества Нестора Лѣтописца выразилась: 1) въ чтеніи и обсужденіи докладовъ членами въ очередныхъ засѣданіяхъ, 2) въ печатаніи XIII книги «Чтеній», 3) въ чтеніи членами публичныхъ лекцій и 4) въ подготовительныхъ работахъ по устройству XI археологическаго съѣзда въ г. Кіевѣ.

Всѣхъ засѣданій въ году было 11, изъ коихъ 2 административныхъ, одно годовое торжественное и 8 очередныхъ, въ которыхъ было прочитано 18 научныхъ сообщений; изъ этихъ сообщений къ археологіи относился одинъ рефератъ, къ древней русской исторіи 2, къ исторіи Юго-Западной Руси XVI и XVII вѣковъ 2, къ той-же исторіи XIX вѣка 1, къ изслѣдованію древнихъ памятниковъ письменностей и обзорѣнію историческихъ и историко-географическихъ матеріаловъ 7, къ исторіи литературы южныхъ славянъ 1, къ древней исторіи Востока 1, къ обзору дѣятельности XI археологическаго съѣзда 1 и къ обзору научныхъ работъ умершихъ членовъ общества 2.

Часть прочитанныхъ рефератовъ въ истекшемъ и предшествовавшемъ годахъ составитъ содержаніе XIII книги «Чтеній», которая въ настоящее время заканчивается печатаніемъ; въ этомъ-же году задана отдѣльной книгой историческая записка по случаю исполняющагося 25-лѣтія существованія общества Нестора Лѣтописца, составленная Н. П. Дашкевичемъ.

Чтеніе публичныхъ лекцій происходило подѣ завѣдываніемъ проф. И. В. Думицкаго; 9-ю членами общества лекція читались по всеобщей исторіи—древней, средней и новой, по русской исторіи, по исторіи славянъ, по исторіи всеобщей и русской литературѣ, по психологіи, по исторіи социологическихъ теорій и по политической экономіи; на всѣ курсы подписалось около 250 слушателей, а на отдѣльные отъ 5 до 92 человекъ, а это служитъ вѣрнымъ показателемъ запроса въ обществѣ на высшія знанія.

Участіе общества Нестора въ подготовительныхъ работахъ по устройству XI археологическаго съѣзда, бывшаго въ Кіевѣ въ августѣ этого года, выразилось: 1) въ работахъ предварительнаго комитета по устройству съѣзда; въ этомъ комитетѣ, состоявшемъ изъ 36 лицъ, членовъ общества было 30; комитетъ имѣлъ 12 засѣданій, 2) въ со-

ставленіи программы собиранія свѣдѣній о древностяхъ, 3) въ научныхъ экскурсіяхъ для производства раскопокъ и выбора предметовъ для выставки, 4) въ устройствѣ выставки по отдѣламъ: археологическому, иконографическому, церковныхъ древностей, рукописей, старопечатныхъ книгъ, картъ и плановъ; 5) въ приготовленіи къ съѣзду изданій: Ю. А. Кулаковскимъ: „Европейская Сарматія по Птоломею“, И. М. Каманинымъ: „Палеографическій сборникъ—матеріалы по исторіи южно-русскаго письма въ XV—XVIII вв.“, В. А. Кордтомъ: „Матеріалы по исторіи русскаго картографіи“ и П. А. Лашкаревымъ: „Церковно-археологическіе очерки, 6) въ представленіи съѣзду рефератовъ и 7) въ обсужденіи рефератовъ, читанныхъ на съѣздѣ.

14-го ноября въ засѣданіи того-же общества было доложено письмо предсѣдателя Императ. Московскаго Археологическаго общества гр. П. С. Уваровой, въ которомъ гр. Уварова обратилась къ обществу по вопросамъ о выработкѣ мѣръ къ сохраненію памятниковъ старины и объ описаніи и изданіи, снимковъ съ разныхъ предметовъ древности, которыхъ такъ много въ Юго-Западномъ краѣ и которые все болѣе и болѣе уничтожаются. По поводу этого предложенія обществомъ было рѣшено образовать изъ среды своихъ членовъ особую комиссію, которой и поручить разработку данныхъ вопросовъ. 18-ю ноября состоялось первое засѣданіе комиссіи. Комиссія, относясь съ полнымъ сочувствіемъ къ мысли гр. Уваровой, нашла, что въ настоящее время общество Нестора Лѣтописца и по уставу своему, и по силѣ дѣйствующихъ узаконеній не имѣетъ возможности фактически проявить въ чемъ-либо свои заботы въ дѣлѣ охраненія отъ разоренія памятниковъ нашей старины. Въ этомъ отношеніи, по мнѣнію комиссіи, было-бы желательно, что-бы обществу Нестора Лѣтописца было предоставлено право *ex officio* ходатайствовать предъ подлежащими вѣдомствами и предъ частными собственниками о прекращеніи и предупрежденіи разрушенія или порчи вещественныхъ памятниковъ старины. Для этого внести въ этомъ смыслѣ предложеніе обществу Нестора Лѣтописца для дополненія устава его; при этомъ, по мнѣнію комиссіи, желательно было-бы внести также въ уставъ и дополненіе въ томъ смыслѣ, чтобы обществу было разрѣшено пріобрѣтать въ собственность всѣми, дозволенными закономъ

способамъ, отдѣльные участки земли, гдѣ находятся древности, подлежащія охранѣ.

Независимо сего, коммисія постановила предложить обществу Нестора просить Импер. Московск. Археологич. Общество ходатайствовать въ установленномъ порядкѣ объ изданіи особаго распоряженія правительства, въ силу котораго всѣ собственники памятниковъ древности, будутъ-ли то частныя лица, или общественныя и правительственныя учрежденія, предварительно приступа къ передѣлкамъ, исправленію, уничтоженію и вообще къ всякимъ мѣрамъ, которыя сопряжены съ измѣненіемъ существующаго вида памятниковъ, обязаны были-бы сноситься съ ближайшимъ историческимъ или археологическимъ обществомъ. Въ этомъ отношеніи въ районѣ Кіевскаго общества Нестора Лѣтописца желательно было-бы включить всѣ губерніи Кіевскаго учебнаго округа.

Съ цѣлью поставить дѣло охраны памятниковъ древности на болѣе прочную почву, слѣдовало-бы также, по мнѣнію коммисіи, просить Московск. Археологич. Общество издать брошюру, въ которой были-бы сведены всѣ существующія по сему предмету указанія и распоряженія правительства.

По вопросу объ изданіи описанія и снимковъ памятниковъ мѣстной старины и историческихъ картъ, подготовленныхъ къ Кіевскому археологическому съѣзду нѣкоторыми членами общества Нестора Лѣтописца, коммисія постановила: 1) Просить циркулярно всѣхъ членовъ общества Нестора Лѣтописца сообщать имѣющіяся у нихъ свѣдѣнія о памятникахъ древности до конца XVІІІ вѣка: церквей, замковъ и старинныхъ зданій или объ ихъ остаткахъ; предметахъ утвари, оружія; частныхъ коллекціяхъ вещественныхъ памятниковъ древности и документовъ; старопечатныхъ книгахъ и рукописяхъ. 2) Просить ихъ-же указать свѣдущихъ лицъ, къ которымъ слѣдовало-бы обратиться за собираніемъ свѣдѣній объ упомянутыхъ памятникахъ. 3) Раздѣлить между членами коммисіи работу по составленію списковъ памятниковъ, какъ извѣстныхъ имъ лично, такъ и такихъ, свѣдѣнія о коихъ будутъ ими получены. Составленіе такихъ списковъ коммисія полагаетъ поручить слѣдующимъ лицамъ: 1) по 6-ти уѣздамъ восточной части Волынской губерніи—В. В. Антоновичу, 2) по 6-ти уѣздамъ западной Волыни—О. И. Левицкому, 3) по Подольской губ.—Е. І. Сѣдянскому и Н. В. Молчановскому, 4) по Кіевской губ.—

В. И. Щербинѣ и И. М. Каманину, 5) по Черниговской губ.—А. М. Лаваревскому, Н. П. Василенко и Ф. М. Уманцу, 6) по Полтавской губ.—В. Г. Лявскоронскому, В. И. Василенко, А. В. Стороженко и О. И. Левицкому.

Послѣ утвержденія этихъ предположеній Обществомъ Нестора Лѣтописца увѣдомить о настоящихъ постановленіяхъ гр. Уварову, добавивъ, что изданіе систематическаго описанія этихъ памятниковъ и рисунковъ будетъ зависѣть отъ средствъ, которыя на это могутъ быть ассигнованы, причѣмъ желательно было-бы для такого систематическаго описанія снарядить особую экспедицію.

Кіевское Общество Древностей и Искусствъ. 27-го октября, въ новомъ зданіи Музея, состоялось общее собраніе членовъ Общества. По поводу доклада вице-предсѣдателя Общества Б. И. Ханенко о необходимости нысканія средствъ на содержаніе музея и учрежденія штатовъ его, собраніемъ было постановлено уполномочить Правленіе Общества войти съ представленіемъ въ Думу для испрошенія субсидій, а также на представленіе по сему предмету ходатайства предѣ Правительствомъ и у почетнаго предсѣдателя Общества Великаго Князя Владиміра Александровича, и утвердить выработанный Правленіемъ проектъ положенія о Музеѣ. Въ этомъ-же засѣданіи былъ заслушанъ докладъ о назначеніи комиссія для пріема зданія Музея и проведены выборы новыхъ членовъ Общества.

Физико-медицинское Общество при университетѣ св. Владиміра. 11 ноября проф. Я. Н. Якимовичемъ былъ сдѣланъ докладъ «Объ окрашенныхъ костякахъ, находимыхъ при археологическихъ раскопкахъ». Какъ извѣстно, вопросъ объ окрашенныхъ костякахъ представляетъ собой одинъ изъ самыхъ интересныхъ и въ то же время самыхъ спорныхъ вопросовъ въ области доисторической археологіи. На каждомъ изъ археологическихъ съѣздовъ вопросъ этотъ выдвигался на первый планъ, вызывая оживленные дебаты. На послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ, происходившемъ въ августѣ въ Кіевѣ, этому вопросу былъ посвященъ докладъ проф. Ю. А. Кулаковскаго, который рѣшительно отвергалъ гипотезу извѣстнаго чешскаго ученаго Любора Нидерле. Послѣдній въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи о жизни народовъ въ доисторическія времена вновь выдвинулъ старую гипотезу, полагая, что при погребеніи человѣка въ эпоху каменнаго

вѣка съ него первоначально снимались всё мягкія части, обнаженный скелетъ разбирался, кости тщательно окрашивались и опять вновь складывались въ скелетъ. Ю. А. Кулаковскій, доказывая въ своемъ докладѣ полную несостоятельность этой гипотезы, высказался въ томъ смыслѣ, что на трупъ покойника накладывался слой краски, которая, послѣ истлѣнія мягкихъ частей и одежды, переходила на кости. Съ мнѣніемъ докладчика тогда же согласился проф. В. В. Антоновичъ. За то проф. Д. Н. Анучинъ, авторитетный переводчикъ книги проф. Нидерле, возражалъ Ю. А. Кулаковскому. Если не возможно обнажить скелетъ, разобрать его, окрасить и вновь составить, говорилъ онъ, то равнымъ образомъ представляется невозможнымъ, чтобы краска, положенная на тѣло, впоследствии перешла на кости. Какъ на доказательство, онъ указывалъ на индѣйцевъ, которые, какъ это исторически извѣстно, окрашивали своихъ покойниковъ поверхъ кожи, и однако раскопки новѣйшаго времени не давали находокъ, гдѣ бы эта окраска переходила на кости. Проф. Н. И. Веселовскій, признавая этотъ вопросъ весьма спорнымъ, высказался въ томъ смыслѣ, что для рѣшенія его еще не пришло время. Проф. Я. Н. Якимовичъ занялся тѣмъ же вопросомъ, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, выясненіе способа окраски костяковъ. Разумѣется, методы его изслѣдованія, какъ гистолога, не имѣли ничего общаго съ методами, примѣняемыми археологами. Надо замѣтить, что окрашенные костяки встрѣчаются въ изобиліи во всемъ югѣ Россіи. Иногда они здѣсь попадаются цѣлыми массами. Сѣвернѣе Кіевской губерніи окрашенные костяки не встрѣчаются. Въ западной Европѣ такіе же находки попадаются не рѣдко. При костякахъ находятъ орудія каменнаго и рѣдко бронзоваго вѣка. Окрашена бываетъ по преимуществу передняя поверхность скелета, главнымъ образомъ черепъ, лицо, ключицы и т. д. Иногда краска лежитъ въ могилѣ отдѣльными массами подлѣ трупа. Окраска производилась преимущественно въ красный цвѣтъ. Но краска эта бываетъ различной интенсивности. Изрѣдка можно встрѣтить окраску при помощи розовой, бурой, желтой и даже бѣлой краски. При своихъ изслѣдованіяхъ проф. Я. Н. Якимовичъ пользовался костями, добытыми при раскопкахъ проф. В. В. Антоновича и проф. Э. И. Кнауэра. Какъ-же производилась эта таинственная окраска? Несостоятельность гипотезы Л. Нидерле, по мнѣнію докладчика, очевидна. Это видно, хотя-бы изъ того, что, напримеръ, изслѣдованная имъ головка лѣвой бедренной кости окраше-

на умъ послѣ того, какъ весь связочный аппаратъ былъ уничтоженъ гнѣниемъ. Исслѣдованія подѣ микроскопомъ привели докладчика къ тому несомнѣнному выводу, что окраска эта производилась именно такъ, какъ думаетъ проф. Ю. А. Кулаковскій. Подробно изложивъ тотъ методъ, какимъ проф. Я. Н. Якимовичъ пользовался при своемъ изслѣдованіи способа окраски костяковъ, онъ, на основаніи точныхъ данныхъ микроскопическаго изслѣдованія, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. Краска при погребеніи накладывалась на трупу покойника. Съ теченіемъ времени мягкія части трупа и одежды таяли, и, такимъ образомъ, между слоемъ краски и костями скелета образовывался слой, состоящій изъ продуктовъ гнѣнія органическихъ веществъ. Мало-по-малу слой этотъ уносился при помощи почвенныхъ водъ, и, когда, наконецъ, всѣ продукты гнѣнія уходили въ сторону, краска ложилась непосредственно на кости. Но и краска, въ свою очередь, подвергалась вліянію почвенныхъ водъ: съ ней происходило выщелачиваніе, благодаря чему легкія частицы краски удалялись. Въ то-же время краска болѣе равномерно распредѣлялась на костяхъ. Такимъ образомъ, процессъ окрашиванія костяка есть процессъ вторичный, а не первичный. Онъ происходилъ въ теченіе тысячелѣтій, продолжался и въ настоящее время, и гипотеза проф. Ю. А. Кулаковскаго вѣрна. Смысла проф. Д. Н. Анучина на примѣрѣ индѣйскихъ погребеній ничего не доказываетъ: тамъ могла употребляться другая краска, не допускающая такихъ процессовъ. Костяки юга Россіи окрашены охрой, состоящей изъ глины, окиси желѣза и разныхъ другихъ примѣсей. Но изслѣдованіе окрашенныхъ костей показываетъ, что теперь на нихъ остались только частицы окиси желѣза. Всѣ остальные частицы, какъ болѣе легкія, удалены почвенными водами. Благодаря этому-же обстоятельству, цвѣтъ окраски костяковъ теперь гораздо интенсивнѣе, чѣмъ это было непосредственно послѣ погребенія. Обращаясь къ рассмотрѣнію значенія окраски, проф. Якимовичъ, прежде всего, указалъ на мнѣніе Ю. А. Кулаковскаго, который, придавая окраскѣ религіозное значеніе, видитъ въ ней пережитокъ прошлаго. Свое мнѣніе проф. Ю. А. Кулаковскій на археологическомъ съѣздѣ аргументировалъ ссылкой на свидѣтельство Плинія, изъ котораго видно, что римляне въ извѣстные дни окрашивали Юпитеру лицо красной краской, что то-же должны были дѣлать съ своимъ лицомъ триумфаторы и т. д. Это даетъ право сдѣлать выводъ, что въ отдаленную эпоху представленіе римлянъ о бо-

жественномъ величіи, красотѣ, силѣ, славѣ и проч. ассоціировалось съ представленіемъ о красномъ цвѣтѣ. То же могло наблюдаться и у народа, жившаго на югѣ Россіи, чѣмъ, быть можетъ, и объясняется явленіе окрашиванія покойниковъ. Докладчикъ вполне согласенъ съ тѣмъ, что это окрашиваніе имѣло религиозное значеніе и что оно являлось переживаніемъ прошлаго. Но онъ идетъ далѣе этого. По его мнѣнію, окрашиваніе костяковъ эпохи каменнаго и бронзоваго вѣковъ происходило вслѣдствіе того, что у народовъ соответственныхъ эпохъ существовалъ обычай, въ силу котораго при погребеніи покойника на трупъ его, въ могилу, бросали окру. Если же не было окры, то бросали что нибудь другое, въ крайнемъ случаѣ, землю. Вотъ почему мы видимъ, съ одной стороны, равнообразіе цвѣта окраски, а съ другой стороны, неравномѣрность и неправильность распредѣленія краски въ могилѣ. Отсюда же, между прочимъ, ведетъ свое начало и нашъ обычай бросать въ могилу, на гробъ покойника, куски земли. Количество окрашенныхъ костяковъ идетъ рука объ руку съ количествомъ залежей окры въ данной мѣстности. Быть не можетъ, и сѣвернѣе области нахождения окрашенныхъ костяковъ существовалъ тотъ же обычай, но тамъ не было окры, и потому приходилось ограничиваться землей. По окончаніи доклада проф. Я. Н. Якимовича между присутствовавшими произошелъ довольно оживленный обменъ мнѣній, въ которомъ, кромѣ членовъ физико-медицинскаго общества, приняли участіе присутствовавшіе въ засѣданіи археологи, профессора В. В. Антоновичъ, Ю. А. Кулаковскій и Ф. И. Кнауэръ. Проф. Ю. А. Кулаковскій, указавъ на огромную важность для археологіи доклада Я. Н. Якимовича, который при помощи точнаго метода, какъ естествоиспытатель, окончательно доказалъ то, въ чемъ многіе археологи уже давно были убѣждены, замѣтилъ, что гипотеза о накладываніи краски на поверхность тѣла покойника принадлежить не ему. Гипотеза эта была предложена и обоснована проф. В. В. Антоновичемъ. Онъ на послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ выступилъ вновь въ защиту ея потому, что профессора Нидерле и Анучинъ печатно выступили въ защиту, казалось, уже оставленной гипотезы о сдраніи мягкихъ частей трупа. По мнѣнію проф. Ф. И. Кнауэра, объ искусственномъ способѣ окраски костяковъ не стоитъ много говорить, несмотря на то, что за этотъ способъ высказался не только Нидерле, но и Вирховъ. Въ пользу своего мнѣнія Ф. И. Кнауэръ привелъ слѣдующій фактъ. Лѣтомъ нынѣшняго года при

раскопках на югѣ Россіи онъ нашелъ окрашенный скелетъ. Окра-
 жала густымъ слоемъ на лицѣ. При осмотрѣ же черепа оказалось,
 что внутри его имѣлась земляная глыба, смѣшанная съ охрой. Иско,
 что искусственно туда нельзя было набросать охры, и это сдѣлали
 почвенныя воды („Кіевлян.“, № 314).

Въ Петербургскомъ Археологическомъ Институтѣ организованы
 еженедѣльные собранія для прочтенія рефератовъ. 4-го ноября, на
 такомъ собраніи, былъ доложенъ рефератъ г. Эрдели — «О раскопкахъ
 кургановъ съ м. Мостовое, Херсонской губ.». Въ началѣ своего до-
 влада референтъ замѣтилъ, что вообще по югу Россіи разсыяны въ
 значительномъ числѣ курганы, съ раскопкой которыхъ, по его мнѣ-
 нію, надлежало бы посильнѣе: кромѣ необразованныхъ кладонскателей,
 жадующихъ лишь легкой наживы и отыскивающихъ въ курганахъ
 драгоценныя вещи, большимъ врагомъ кургановъ является и земле-
 дѣльческій плугъ, который въ пять—шесть лѣтъ совершенно стираетъ
 съ лица земли насыпи древнѣйшаго происхожденія. По характеру
 раскопанныхъ г. Эрдели кургановъ, они могутъ быть отнесены къ
 тремъ типамъ. Въ курганахъ перваго типа, болѣе древнихъ, были
 найдены въ материковомъ грунтѣ человѣческія костяки, окрашенные
 въ красноватый цвѣтъ, — референтъ, для объясненія этого факта
 придерживается уже потерявшего всякій кредитъ мнѣнію объ очисткѣ
 трупа отъ мягкихъ частей и окраскѣ костей. Курганы втораго типа
 заключали въ наносномъ слоѣ неокрашенные человѣческія костяки
 съ согнутыми колѣнями и руками, такъ что кости рукъ приходились
 близь черепа. Наконецъ, курганы третьяго типа, позднѣйшіе, принад-
 лежали къ желѣзному вѣку; при ихъ раскопкахъ обнаружены человѣ-
 ческія костяки съ черепами лошадей, предметами конскаго снаряженія
 и различнымъ оружіемъ.

Исслѣдованія и раскопки.

Экскурсія отъ Городецкаго Музея Волынской губерніи барона
 Ф. Р. Штейнеля. Лѣтомъ настоящаго года Городецкій Музей снаря-
 дилъ небольшую экскурсію какъ для общаго ознакомленія съ краемъ,
 такъ и съ цѣлью собранія различныхъ коллекцій для Музея. Въ
 экскурсіи, во главѣ которой находился владѣлецъ музея, приняло

участіе до 10-ти лицъ, распредѣлившихъ между собой заботы. Одна собирала естественно-историческія коллекціи, другіе записывали родными писцами, причемъ пуценъ былъ въ ходѣ и фонографъ, снимали фотографіи видовъ, типовъ, построекъ, а также производили археологическія изслѣдованія и развѣдки. Экскурсіей была охвачена часть Ровенскаго и Луцкаго уу., какъ переходная къ Полѣсью, такъ и представляющая изъ себя глухое Полѣсье. Вотъ списокъ мѣстностей, черезъ которыя, подвигаясь изъ села къ селу, прошли экскурсанты: с. Пересопница, с. Бѣлевъ, с. Жуковъ, м. Клеванъ, м. Деражно, м. Степанъ, д. Коростъ, с. Кречильскъ, с. Нѣмовичи, с. Городецъ, с. Большіе Ценцевичи, м. Бережница, д. Курашъ, д. Орванца, с. Берестъ, м. Домбровица, с. Селець, с. Лютинскъ, м. Высоцкъ, Рѣчица, Удрицкъ.

Ограничиваемся приведеніемъ краткихъ свѣдѣній о результатахъ экскурсіи по отношенію къ памятникамъ мѣстной старины. Какъ мы уже выше упомянули, въ распоряженіи экскурсантовъ были фотографическіе аппараты, которые и сослужили большую службу при съемкѣ различныхъ остатковъ старины, главнымъ образомъ старинныхъ построекъ. Затѣмъ, сняты планы городищъ при сс. Бѣлевѣ, Городцѣ, Кречильскѣ и м. Степани. На этихъ-же городищахъ произведены также и пробныя раскопки; особенно интереснымъ оказалось городище у с. Кречильска, здѣсь найдены очень хорошіе образцы желѣзнаго наконечника копья и боевого топора княжеской эпохи, въ валу-же городища открыта масса погребеній.

Пробныя раскопки кургановъ произведены у с. Пересопницы и д. Корости—Ровенскаго у. и у с. Городца и д. Теклюковки—Луцкаго у. Пересопницкіе курганы извѣстны по раскопкамъ г-жи Мельникъ, и погребальный типъ тамъ выясненъ. *Курганы у д. Корости* небольшой величины—около одного метра высоты и въ среднемъ 30 м. одружностью; скелеты обнаружены почти что на уровнѣ почвы, головой по большей части на западъ, скелеты плохой сохранности, такъ какъ курганы насыпаны изъ песку; у костяковъ найдены лишь незначительныя желѣзные предметы. *Въ могилиникѣ у с. Городца* высота кургановъ достигаетъ 1½ мет., скелеты также на уровнѣ почвы, хоронились въ гробахъ; изъ найденныхъ предметовъ отмѣтимъ наборъ пояса, состоящій изъ бронзовыхъ орнаментированныхъ блишекъ и пряжекъ. Въ одномъ курганѣ у д. *Теклюковки*, при скелетѣ, лежав-

шесть въ такомъ-же положеніи, какъ и предыдущіе, найдены обручи и дужки отъ ведра.

Въ заключеніе упомянемъ, что экскурсантами на лѣвомъ берегу р. Горни, между Лютинскомъ и Высоцкомъ, открыта стоянка каменнаго вѣка.

Экскурсія настоящаго года была лишь пробой; проба оказалась удачною, и потому будущимъ лѣтомъ имѣется въ виду предпринять еще цѣлый рядъ новыхъ экскурсій.

Случайныя находки.

Въ с. *Жовтино, Золотоношскаго у., Полтавской губ.* найденъ, скелетъ чловѣка въ сидячемъ положеніи, причѣмъ одна нога его была перекинута на другую. Рядомъ со скелетомъ найдена золотая чашка, съ небольшимъ круглымъ отверстіемъ въ днѣ, наполненная металлическими наконечниками стрѣлъ, которыя въ изобиліи (болѣе 150) лежали в округъ чашки. Найдено также нѣсколько кусковъ желѣза, настолько извѣденныхъ ржавчиной, что при одномъ прикосновеніи они рассыпаются. («Жизнь и Иск.»).

С. *Воля-Адмыка, Подольской губ.* Въ долинѣ за селомъ, на толовѣ, стояла съ давнихъ временъ большая каменная плита. Ливнемъ плита эта снесена въ рѣчку, а на мѣстѣ ея образовалась большая яма. Въ ямѣ найденъ скелетъ, отличающійся по словамъ находчиковъ большими размѣрами. («Бессар.»).

Вблизи ст. *Буды, Харьковско-Никол. ж. д.*, крестьянинъ, при вспашкѣ поля, нашелъ кладъ мѣдныхъ монетъ; онѣ оказались русскими прошлаго столѣтія, не представляющими интереса. Но, по словамъ корреспондента «Южн. Края», здѣсь находили золотыя и серебряныя монеты, а также разныя цѣнныя въ археологическомъ отношеніи вещи. Многія изъ нихъ, къ сожалѣнію, утаивались и сбывались на харьковскихъ базарахъ мелочнымъ торговцамъ. Въ мѣстности между Будами и Люботиномъ, на пространствѣ 4 версты, встрѣчается не мало кургановъ и разнаго рода искусственныхъ насыпей.

Кол. Старошедская, Херсонск. у. На пространствѣ всего участка, по направленію къ юго-зап., находятся масса незначительныхъ возвышенностей и углубленій. При расчисткѣ этого мѣста мѣстными поселянами, найдено много костей и нѣсколько монетъ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Во время работы на устраиваемыхъ поселянами виноградникахъ, одинъ изъ поселанъ натолкнулся на небольшую плиту. Разломавъ ее и расчистивъ вокругъ нея мѣсто, онъ нашелъ довольно хорошо уцѣлѣвшіе остатки русской печати, конечно, въ небольшомъ размѣрѣ. При устройствѣ этихъ углубленій и насыпей соблюдена извѣстная симметрія, которую и теперь еще не трудно открыть. Всѣ углубленія расположены въ нѣсколько рядовъ и накладываются другъ отъ друга на почти равномъ разстояніи. Выше указанные признаки свидѣтельствуютъ о томъ, что здѣсь, по всей вѣроятности, когда то былъ лагерь запорожскихъ козаковъ. Когда всѣ углубленія будутъ засыпаны и начнется работа по приготовленію канавъ для посадки веской виноградныхъ чубуковъ, есть надежда, что будутъ найдены еще и другія вещи. («Югъ»).

Разныя извѣстія.

Общество любителей изученія Кубанской области, по просьбѣ предсѣдателя Московск. Археолог. Общества гр. Уваровой, вознамѣрилось приступить къ точному описанію церковныхъ предметовъ, доставшихся Кубанскому войску изъ *Запорожья и Межшорскаго монастыря*. Въ этихъ видахъ оно обратилось къ Начальнику области съ просьбою сдѣлать распоряженіе о выдачѣ предсѣдателю правленія, В. М. Сысоеву, на нѣкоторое время описи церковнымъ вещамъ Екатеринодарскаго войскового собора, предназначеннымъ къ вѣчному храненію* и о разрѣшеніи тому же предсѣдателю и тѣмъ членамъ Общества, которымъ это будетъ поручено, доступа въ Екатеринодарскій войсковой соборъ, въ Лебжій монастырь и въ другія церкви Кубанской области.

Просьба эта, въ той части, которая касается войскового собора, начальникомъ области удовлетворена, относительно-же другихъ церквей Обществу придется обратиться за разрѣшеніемъ къ духовному начальству. („Кубанск. Вѣд.“).

Въ *Лубнахъ*, по сообщенію мѣстнаго корреспондента „Кіевлянина“, *Д. И. Эварницкимъ*, „прѣздомъ черезъ городъ“, были прочтены двѣ публичныя лекціи по археологіи, привлекая сравнительно много публики. Къ сожалѣнію, корреспондентъ не говоритъ о темѣ лекцій, но приводитъ замѣчаніе лектора, «что при ограниченности отпускаемыхъ казною на археологическія изслѣдованія средствъ, раскопки возможно производить въ имѣніяхъ очень богатыхъ землевладѣльцевъ и остается пожалѣть, что въ Лубенскомъ уѣздѣ нѣтъ такихъ условий, а, слѣдовательно, наши курганы не могутъ привлечь ученыхъ изслѣдователей».

Въ августовскомъ номерѣ «Журнала Минист. Народнаго Просвѣщенія» помѣщена статья *А. А. Спицына—Разселеніе древне-русскихъ племенъ по археологическимъ даннымъ*, вышедшая в отдѣльныхъ оттискомъ. Статья эта представляетъ большой интересъ и должна занять исключительное мѣсто въ русской археологической литературѣ, очень бѣдной работами обобщающаго характера. Статья небольшая, но она потребовала массы подготовительной работы по собиранію и разработкѣ, матеріала въ большинствѣ случаевъ представляющаго изъ себя груды сырья. Къ сожалѣнію, за недостаткомъ мѣста, мы не можемъ остановиться подольше на этой работѣ извѣстнаго археолога и ограничиваемся указаніемъ лишь на общіе выводы. Прежде чѣмъ перейти къ основной темѣ, авторъ останавливается на вопросѣ о расселеніи вообще славянъ въ древнѣйшую эпоху и указываетъ на поля погребальныхъ урнъ, могущія пролить свѣтъ на этотъ вопросъ. Погребенія въ урнахъ спорадически констатированы и въ Россіи, не говоря уже о Царствѣ Польскомъ, но на нихъ до сихъ поръ еще мало обращено вниманія, мало затронута и классификація ихъ. Поэтому намъ кажется немного преждевременнымъ мнѣніе автора, что находки г. Хвойки въ Кіевской губ. т. н. площадокъ съ сосудами, могутъ имѣть значеніе въ обще-славянской литературѣ—находки эти относятся къ переходной эпохѣ отъ каменнаго къ металлическому вѣку, и потому до славянства имъ еще далеко, да кромѣ того, если не ошибаемся, на площадкахъ до сихъ поръ не обнаружено погребеній въ урнахъ. Въ основу своихъ изслѣдованій о расселеніи древне-русскихъ племенъ авторъ владеть ту часть лѣтописи Нестора, которая касается этого вопроса, но прибавляетъ, что картина, нарисованная лѣтописцемъ страдаетъ отсутствіемъ историко-этнографической перспективы—

недостатокъ этотъ, по мнѣнію автора, и должна почитаться пополнить археологія, вмѣстѣ съ филологіей и антропологіей. Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ останавливается на различныхъ типахъ погребальнаго обряда и прослѣживаетъ ихъ по областямъ всѣхъ племенъ, о которыхъ упоминаетъ лѣтопись. У автора, благодаря его громадной эрудиціи по данному вопросу, былъ въ распоряженіи довольно обширный матеріалъ, но въ виду той безсистемности, съ какою все еще ведутся въ Россіи раскопки, ему зачастую приходилось наталкиваться на совершенно пустыя мѣста, отчего страдала и общая картина. Древнѣйшіе памятники IX и X вв.—погребеніе сожженнаго праха въ урнахъ; какъ уже сказано, типъ этотъ мало прослѣженъ въ Россіи. Далѣе, въ X вѣкѣ, господствуетъ погребеніе сожженнаго трупа въ курганахъ, по мнѣнію автора наиболѣе распространенное въ странѣ сѣверныхъ русскихъ племенъ, хотя это положеніе, пожалуй, съ накопленіемъ большаго числа изслѣдованій, и придется измѣнить. Не вполне можно также согласиться съ мнѣніемъ высказаннымъ правда съ оговорками, что распространеніе обычая погребенія въ курганахъ шло у насъ съ сѣвера, а начало обычая было положено норманнами, да и самъ авторъ, повидимому, не настаиваетъ на немъ, особенно по отношенію къ юго-западу Россіи. Въ эту эпоху, по археологическимъ даннымъ, древне-русскія племена являются соединенными въ 2 главныя группы: сѣверную—новгородцы и кривичи, и южную—дреговичи, древлане, поляне; внѣ этихъ группъ стоятъ отдѣльно бужане, сѣверяне и радимичи съ вятичами. Подъ вліяніемъ христіанства, обычай сожженія покойниковъ мало по малу уступаетъ мѣсто погребенію въ курганахъ, и въ XI в., наряду съ сожженіемъ, распространяется обычай погребать покойниковъ въ грунтовыхъ ямахъ; обычай этотъ, по мнѣнію автора, въ XII в. можно считать окончательно установившимся. Въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся съ мнѣніемъ, идущимъ противъ общераспространеннаго, по которому погребеніе въ курганахъ непремѣнно связывалось съ язычествомъ. Быть можетъ это положеніе автора и можно измѣнить по отношенію къ отдѣльнымъ областямъ, но въ общемъ, основанное на выводахъ, добытыхъ путемъ сравненія культуры этого періода, оно, на нашъ взглядъ, вмѣстѣ подъ собой твердую почву. По археологическимъ даннымъ, относящимся къ этому времени, древне-русскія племена распадаются на три группы: сѣверную, юго-западную и восточную, причемъ въ

юго-зап. группу входятъ волыняне, поляне и древляне. Это распредѣленіе не вполне сходится съ распредѣленіемъ, основаннымъ на филологическихъ данныхъ (статья акад. Шахматова); да и роль археологіи въ вопросѣ о соединеніи древне-русскихъ племенъ въ этнографическія группы менѣе значительна, чѣмъ въ вопросѣ о расселеніи ихъ, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи, данныя археологіи вполне соответствуютъ извѣстіямъ лѣтописи—таковъ общій выводъ работы А. Спицына.

РАЗСКАЗЫ

М. Т. СИМОНОВА

(НОМИСА).

Издание „Кіевской Старинны“.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мериговская улица.

1900

Дозволено цензурою. Г. Кієвъ, 24 ноябра 1899 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіе	I
Изъ дѣтскихъ и отроческихъ воспоминаній автора . . .	III
I. Отрывки изъ автобіографіи Василя Петровича Бѣлокопытенка:	
1. Утро въ свѣтлый праздникъ	1
2. Каленикъ рассказываетъ про дьяка Ивана.	8
3. Отецъ рассказываетъ про хату дьяка Ивана и про людей, въ ней жившихъ.	12
4. Отецъ снова рассказываетъ про какого-то неизвѣстнаго сылача.	25
5. Поступленіе Василя Петровича въ городское училище.	33
6. Эпизодъ.	45
7. Первые дни въ школѣ и первая поѣздка домой.	66
8. Хорошо или худо.	123
II. Риздвяни святки:	
1. Приготовленія къ риздвянымъ святкамъ	129
2. Багата кутя	145
3. Святый Вечирь.	174
III. Дидь Мына и баба Мыныха	195
IV. Титва Настя	226
V. Разказъ о поѣздкѣ запорожцевъ въ Петербургъ.	239

Предисловіе.

Имя *Матвѣя Терентьевича Симонова* болѣе извѣстно въ нашей малорусской литературѣ подъ псевдонимомъ *Нѣмисъ*, что составляетъ обратное чтеніе его предковской фамиліи *Симонъ*. Литературная дѣятельность его не столько выдѣляется по количеству написаннаго имъ, сколько по качеству: онъ таковой знатокъ народно-бытовой жизни своей родины, исполненъ такой любви къ ней, что все написанное имъ, главнымъ образомъ на страницахъ „Основы“¹⁾, живо воспроизводитъ картины недавняго прошлаго нашей Украины. А между тѣмъ, всѣ рассказы, издаваемые теперь нами отдѣльной книгой, мало были доступны современнымъ читателямъ, изъ которыхъ одни, читая эти рассказы, унесутся воспоминаніями въ годы своего дѣтства и отрочества и оживятъ въ памяти то, чему они сами были свидѣтелями, а другіе получаютъ возможность нарисовать въ своемъ воображеніи ту характерную обстановку малорусской жизни, которая за нѣсколько послѣднихъ десятковъ лѣтъ успѣла уже отойти въ область невозвратнаго прошлаго. Мы вполне увѣрены, что и тѣ, и другіе изъ читателей одинаково скажутъ вмѣстѣ съ нами сердечное *спасибо* М. Т. Симонову за то, что онъ далъ согласіе напечатать свои рассказы съ ихъ нестарѣющей прелестью.

¹⁾ Мѣсто и время первоначальнаго напечатанія рассказовъ М. Т. С.—указано въ примѣчаніяхъ при заглавіи каждаго изъ нихъ.

II

Какъ поясненіе къ исторіи издаваемыхъ разказовъ М. Т. Симонова, помѣщаемъ здѣсь очеркъ его дѣтскихъ и отроческихъ воспоминаній, написанный имъ по нашей просьбѣ, вмѣсто авторскаго предисловія къ настоящей книжкѣ.

Ред.

ИЗЪ ДѢТСКИХЪ И ОТРОЧЕСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ АВТОРА.

Первоначальная родина моихъ предковъ (*Сымоны, Сыминъ, Сыминко*) была мѣстечко Оржица. Какъ видно изъ бумагъ, были они люди съ вѣсомъ: былъ, напр., одинъ изъ Сымонивъ Оржицкимъ атаманомъ—въ началѣ XVIII в.; это въ мѣстномъ колесѣ была не послѣдняя спица. О степени состоятельности ихъ можно судить изъ того факта, что, когда Оржицане положили увеличить свой выгонъ добровольнымъ пожертвованіемъ земли, то всѣ дали по одному *дню*, а кто и по *поль-дня*, а одинъ изъ Сымонивъ далъ *два дня*. А что Сымоны были народъ *завзятый*—это прозвище сохранилось за ними до послѣдняго времени...

Что было причиною выселенія Сымонивъ изъ Оржицы—не знаю,—должно быть общая украинская черта—индивидуализмъ, наклонность къ обособленности, любовь къ хуторной жизни. Да и обстоятельства къ тому располагались благопріятныя: по степамъ становилось тише (меньше стало тамъ волочиться той *погани-татарвы*), стали по Оржицкимъ степамъ расквашаться хутора Иржавскіе, Вершино-Иржавскіе, Слинъевскіе и т. д. Выселились и Сымоны, не всѣ, а лишь двѣ семьи братьевъ Сымонивъ (около тридцатыхъ годовъ XVIII в.); за ними впослѣдствіи и еще выселились нѣкоторые Сымоны. Но выселились Сымоны не въ глубь „Оржицкого Степу“, а поселились надъ тѣмъ же берегомъ рѣчки Оржицы, гдѣ находилось и м. Оржица, только на противоположной сторонѣ того угла, *рога*, который дѣлаетъ этотъ берегъ въ степь: выселились значить за *ригъ*, гдѣ въ то время, по преданію, была одна лишь

какая то маленькая хатка (вѣроятно сторожка); зажили, значить, *за рогомъ (Заримъ)*. Мѣсто вышло для поселенія—удивительное: съ одной стороны роскошный степь, а съ другой пышныя по косоугору *стѣнки*¹⁾, а за стѣнками очереть, болота невылазныя, *нетры*—гдѣ можно было прятаться и все прятать, если бы появилась татарва. Къ концу прошлаго столѣтія Симонивъ размножилось въ Зарогѣ порядочно, такъ что значительнѣйшею его частію стала *Симонивщина*, причемъ *нѣкоторые Симоны* перемѣнили свое прозваніе *Симоны* на *Симоновъ*, въ томъ числѣ въ концѣ прошлаго столѣтія, подѣ старость, и мой дѣдъ, а за дѣдомъ и его три сына... Однимъ словомъ, пошла писать губернія...

Родился я въ Зарогѣ 17 ноября 1823 года... Вспоминаетъ было впоследствии покойница мать: „ахъ папѣро жъ ты родился билый! А вже що великий, великий!.. Якъ обносишь тебе о. Михайль по церкви (т. е. при вводинахъ) и положивъ передъ царскими дверьми, то ажъ руками стрипнувъ—отто, мовъ руки пообтягавъ!..“ Недолго, однако, пришлось утѣшаться покойницѣ первымъ ея сыномъ! Скоро такая страшная оспа напала, что одно время сочли меня было умершимъ, снарядили на смерть и на столъ положили... А потомъ и глазъ мнѣ вышибли—двухъ мѣсяцевъ не было мнѣ отъ рожденія...

Тѣмъ не менѣе, раннее мое дѣтство, *до вченія*, представляется въ моемъ воспоминаніи очень свѣтлымъ. Довѣрчивость моя ко всѣмъ (поки кто не звырится—о, тогда я истый украинець!), наивность, веселость, любовь ко всякимъ забавамъ дѣтскимъ располагали въ мою пользу окружающихъ: „Таке жъ воно втишне, оцей хлопецъ!..“ По всей вѣроятности, имѣли тутъ вліяніе на хорошія украинскія сердца, особенно женскія, та непривѣтливость, съ которой встрѣтила меня жизнь сейчасъ по моемъ явленіи на свѣтъ. Какъ бы то ни было, эта свѣтлость моего ранняго дѣтства, вѣроятно, была причиною того, что у меня сохранились и теперь воспоминанія

1) Участки, заросшіе лѣсомъ. *Ред.*

изъ такой глубины моего дѣтства, изъ какой вѣроятно рѣдко сохраняется у другихъ дѣтей. Напр., ранняя свѣтлая весна 1825 г. (слѣдовательно, мнѣ нѣтъ еще и полутора года отъ рожденія), свѣтлое утро; я изъ спальни перебрался черезъ *прихожу* къ *пекарни*, переступилъ порогъ и—„Бабусю!"; а она, дорогая, за столомъ, шьетъ или вижетъ, въ *долпакъ* (такой головной уборъ былъ иногда въ то время у женщинъ), освѣщенная съ тылу въ окно взопедшимъ уже солнцемъ... „Ахъ ты мій парубче!.. ты, мій соколе!.. Бросаетъ она работу, *пидтупцемъ* ко мнѣ спѣшитъ, хватаетъ на руки... Или: воспоминанія о массѣ *проливъ*, бывшихъ у отца во дворѣ въ особой хатѣ, которыхъ я любилъ очень посѣщать. Эти воспоминанія относятся тоже къ 1825 г., а можетъ быть и къ 1824 г., потому что въ 1826 г. кролиное царство уже было раскассировано, хата разобрана, и въ 1827 г. уже стоялъ тамъ новый домъ, такъ называемая *мали хаты*. Или: отецъ купилъ гдѣ-то на ярмаркѣ точеную изъ дерева, съ крышкою, красную *мыльничку*; мнѣ дали поигратъся, но мыльничка мнѣ такъ понравилась, что моя нянька, Орышка Нештапка, чтобы снова добыть въ свои руки мыльничку, у меня ее украла. Спыхватившись, что нѣтъ мыльнички, я поднялъ плачь, исканіе... Чтобы меня успокоить, Нештапка такой фокусъ употребила: поставила меня на столѣкъ передъ зеркаломъ: „Дивись“, говорить, „туда“! Я взглянулъ въ зеркало: какая-то круглолицая краснощочкая фигура (единственное отраженіе въ зеркалѣ, сохранившееся въ памяти у меня отъ молодыхъ лѣтъ), а изъ-за шеи фигуры выглядываетъ въ зеркалѣ мыльничка... Я бросился къ зеркалу, цапнулъ рукою за мыльничку, мыльничка исчезла... Я снова въ слѣзы; заглядывалъ въ зеркало—пропала мыльничка... И много у меня такихъ воспоминаній осталось...

Но вотъ отецъ въ одно прекрасное утро, въ 1826 г., вѣроятно въ сентябрѣ, объявляетъ мнѣ, что сегодня, дескать, возьмемъ за *грамѣтку*... Счастливый, я бросился въ спальню надѣтъ новенькіе *чобитки* вмѣсто старыхъ, въ чайніи, что меня повезутъ учиться граматѣ въ школу; но сестры меня разувѣрили,

что ни въ какую школу меня не повезутъ, а будемъ учиться всѣ дома:—одинъ изъ старшихъ братьевъ, Федоръ, будетъ учить Я, какъ говбрится, *осиуся* и отложилъ въ сторону новыя чобитки.

Здѣсь, на время, считаю нужнымъ пріостановиться и, прежде всего, замѣтить, что для меня неясна моя радость при мысли объ ученіи въ школѣ. Трудно предположить, чтобы въ то время не было извѣстно мнѣ, какъ горекъ былъ у насъ въ школахъ корень ученія. Одно только правдоподобное объясненіе моей радости можно допустить то, что тѣ интеллектуальныя утѣхи, которыя доставляла намъ *книга* въ нашемъ разношерстномъ домашнемъ кружкѣ, засловила для меня на тотъ разъ корень ученія. У насъ въ домѣ былъ обычай въ праздничные не-настные дни собираться всѣмъ чадамъ и домочадцамъ въ нашей огромной пекарнѣ, у большого стола, и тамъ разсматривать всякіе *кунитыки* въ грамматкѣ, часословцѣ, псалтыри... Обыкновенно дѣло начиналось съ разсматриванія заставныхъ буквъ въ псалтыри—при чемъ бывшіе грамотные изъ домочадцевъ (говорю *бывшіе*, потому что большая часть ихъ, хотя и много между ними училось грамотѣ, съ теченіемъ времени грамоту забывали), поднимали дебаты—то утверждаетъ, что это *и*, другое, что *покой* и т. д. и т. д. Шумно, весело! Такимъ образомъ еще до начала ученія я былъ знакомъ съ формою нѣкоторыхъ буквъ, особенно заставныхъ. Но верхъ радости былъ для всѣхъ, когда принимались за настоящіе *кунитыки*: *всевидящее око*, *духъ въ видѣ голубинѣ* и т. д. и еще болѣе—*царь Давидъ, играющій на псуляхъ*, а особенно *фараоны гибнувшіе въ Черномъ морѣ*... „Такъ тимъ фараонамъ и треба“!—Во вторыхъ, для меня не совсѣмъ понятно и то, почему отецъ меня не отдалъ въ школу,¹⁾ а оставилъ учиться дома, тѣмъ болѣе, что школа всегда пользо-

¹⁾ А школы въ то время въ Загребѣ было штукъ пять. Даже теперь помню школы Дитяка, Шемини и Грузина. Школа Дитяка при отцѣ его, кораетъ Дитякѣ, какъ мнѣ рассказывалъ лѣтъ сорокъ назадъ одинъ изъ Кременчугскихъ купцовъ Сляньковъ во время ихъ ученія въ ней, имѣла отъ сорока до пятидесяти школярей.

валясь его аттенціей. Конечно, въ состоятельныхъ (семьяхъ у насъ, часто неграмотные члены ихъ грамотились грамотными; но старикъ былъ не такой человекъ, чтобы руководствоваться подобными примѣрами безъ особаго резона. Должно быть, порѣшивъ грамотить и дочерей, онъ считъ болѣе обезпеченнымъ достиженіе своей цѣли при домашнемъ обученіи, подѣ личнымъ наблюденіемъ, чѣмъ при посредствѣ школы.

Какъ бы то ни было, подѣ руководствомъ брата Федора машина была пущена въ ходъ: „азъ, буки, вѣди, глаголь, добро... буки-азъ-ба, вѣди-азъ-ва... бла, вла, гла... гдѣ, кто, чту, мню.... азъ, ангель, архангель... оксія, исо, вара, камора, кратвая, зватель... Фу ты, Боже мой! И все это дѣлалось не какія либо 7000 лѣтъ назадъ, а лишь съ чѣмъ то семьдесятъ!! Сколько на это потрачено времени, силъ!.. И однако, если сказать по правдѣ, то все это не настолько надобѣдало и не столько было безмѣрно скучно, какъ тѣ правила для учащихся, которыя составляли послѣ насъ учить наизусть въ приходскомъ училищѣ!.. Руководительство брата Федора продолжалось до Пасхи 1827 г. (въ Полтаву уѣхалъ); отъ Пасхи до Филипповокъ у насъ дѣйствовало начало самопомощи (сестры промовляли пройденное, а я шелъ дальше подѣ ихъ руководствомъ). И нельзя сказать, чтобы у насъ шло дѣло совсѣмъ плохо: по крайней мѣрѣ, повѣшенный отцомъ на гвоздикѣ въ нашей классной комнатѣ кнутикъ оставался все время безучастнымъ зрителемъ. Отъ Филипповки до масляной 1828 г. мы пробыли въ ученіи у дядька (брата матери) Михаила, въ с. Овухахъ, бездѣтнаго и добрѣйшаго человека, и большого моего баловника. Тутъ самопомощь была совершенно въ отсутствіи: нѣтъ дядька Михаила дома—шабашъ учиться, такъ-какъ сестры съ наймычкой работаютъ и ведутъ бесѣду, а я—по наружному хозяйству съ наймитомъ, большей частію у него на спинѣ сидя и опершись ногой, какъ въ стремя, въ петлю *намыча*, переброшеннаго имъ себѣ черезъ плечо. А былъ дядько Михайло дома, что случалось далеко непостоянно, т. к. онъ былъ церковнымъ старостой—и безбожный о. Авель, царство ему небесное, помавая предѣ ду-

ховнымъ взоромъ дядька Михайла впереди похвальнымъ листомъ отъ него слѣдуетъ, а можетъ быть даже и серебряною медалью, *турявъ* его вездѣ за разными надобностями иногда и церковными, но главнымъ образомъ своими собственными. Такъ, говорю, когда былъ дядько Михайло дома, тогда ученье шло довольно старательно, и онъ частенько насъ награждалъ за то роздыхомъ, всегда впрочемъ сопровождая такой актъ своей благости насупленною миною и словами: „а я пиду навію гречку про запасъ, щобъ було чимъ васъ черезъ гречку перегонять“...

Не мудрено послѣ этого, что мнѣ легко могла представиться возможность однажды разбить стекло въ *натичнимъ* окна и пролить по этому поводу цѣлые потоки слезъ. Но объ этомъ, можетъ быть, послѣ. Отъ масляной до Пасхи 1828 г. мы учились у мужа старшей дочери отца, Яцны, съ тремя его дѣтьми (двумя мальчиками и одной дѣвочкой) и уже учились у настоящаго *шпектаря*, какого-то Чеберяка, должно быть уроженца хуторовъ с. Денисовки, но почему то долго жившаго, вѣрно, въ низовскихъ губерніяхъ, что-ли. Крайне неприятный онъ былъ человѣкъ, и особенно не сошелся съ нашими дѣвцами. Отъ Пасхи 1828 до начала января 1832 мы учились уже постоянно дома, сначала съ дѣтьми Яцны, а съ весны 1829 года безъ нихъ, и сначала подъ шпектарствомъ же Чеберяка, а потомъ, съ начала 1829 г. до холеры (весна 1831 г.), подъ шпектарствомъ какого-то Волошина, *богослова*, какъ его величали, но богословія вѣроятно никогда и издали не издавашаго, за то семинарствомъ, дѣйствительно, порядочно пропитаннаго. Это была совершенная противоположность Чеберяку: добрый, мягкой души, любимый своими ученицами, но пьяница... Отецъ долго терпѣлъ, наконецъ поставилъ Волошину вопросъ ребромъ: или—или... Волошинъ избралъ среднее: далъ отцу письменное обязательство, что если онъ еще разъ окажется пьянымъ, то отецъ воленъ ему дать 30 батоговъ... Ей, Богу, правда. Еще бывши студентомъ въ университетѣ, я находилъ эту росписку въ бумагахъ отца, и крайне жалѣю, что тогда не взялъ себѣ этого *антика*,—а послѣ онъ куда-то исчезъ... Росписка нѣкоторое время удерживала Воло-

шина, но въ концѣ концовъ не сдержала... Отецъ было ея рассчиталъ, но не устоялъ предъ ходатайствами сестеръ и всякихъ заступниковъ... По окончаніи холеры 1831 г., отецъ послалъ въ Лубны прошеніе объ опредѣленіи меня въ Лубенское училище; но опредѣленіе тогда не состоялось: я проболѣлъ всю осень, возили меня по разнымъ шептухамъ и внахарямъ переполохъ выливать и т. д. Поступилъ я въ училище, да и то въ меньшее отдѣленіе приходскаго класса, въ генварѣ (кажется 10 числа) 1832 г.

Изъ случаевъ и обстоятельствъ, интересныхъ въ какомъ-нибудь отношеніи за этотъ пятилѣтній періодъ времени, вспоминаю слѣдующія происшествія: передъ Пасхою 1827 г. (еще за спектакль брата Федора) у насъ появился откуда-то *Бова-Королевичъ*—первая на русскомъ языкѣ книга, какую намъ приходилось видѣть. Это было цѣлое событіе въ нашей средѣ мадъ и домочадцевъ. Въ свободное время на свѣтлыхъ праздникахъ, которая-нибудь изъ сестеръ садится въ пекарнѣ за столъ читать Бову, а мы, вся туча, наваливаемся на столъ, одно другому на спину лѣзетъ, чтобы слышать... Положительно Бава взяла верхъ надъ всѣми героями *насыкъ* казокъ, и тѣмъ болѣе, что то, что въ нашихъ казкахъ рассказывается, то можетъ быть еще и *брежня*, а это вѣдь изъ печатной книги читается. Вотъ и поди ты, толкуй о народной психологій. А вотъ другой случай. Я выше упомянулъ о пролитыхъ мною слезахъ по поводу разбитаго стекла въ *натичнимъ* окнѣ. Дѣло было передъ Рождествомъ 1827 г.; дядька и дядыны не было дома (кажется куда-то на базаръ уѣхали); я утромъ сижу за столъ и читаю пятую князю изъ псалтыри (именно *пятую*, а не иную, твердо помню это: какъ видите, я далеко шагнулъ за годъ). Только прѣзжаетъ отецъ, велитъ мнѣ продолжать дальше, а самъ начинаетъ ходить по хатѣ, обогрѣваться (морозы стояли лютыя). Я читаю, тѣшусь, что такъ *голосно* и *добре* читаю (т. е. собственно *проговарю*, читаю выученное). Только замѣчаю, что отецъ какъ дойдетъ до противоположнаго конца хаты, то и заглянетъ за печку, гдѣ выбитое стекло; дойдетъ, то и заглянетъ..

У меня голосъ постепенно падаетъ, начинаю путаться въ чтеніи („вѣрно догадался, что я окно разбилъ“)... Наконецъ я совсѣмъ сталъ!.. „Читай дальше!“.. Молчу... „Читай, кажу!“.. Молчу... Затѣмъ слезы, потомъ рыданія... Приѣхали дядько съ дядыною; взяли отца съ дядькомъ на допросъ меня въ свитлицю,—ничего не добились; съ тѣмъ отецъ и уѣхалъ домой: слезы, слезы—и больше ничего!.. Взяли насъ на Рождество домой; слезы забыты. Но тутъ повредила мнѣ моя глупая откровенность. Какъ то при отцѣ мать начинаетъ меня спрашивать, чѣмъ мы занимаемся въ Онушкахъ, когда дядька и дядыны нѣтъ дома. Я и началъ рассказывать про свои походы съ наймытомъ. „А дивчата (т. е. сестры)“?...—Шьютъ зъ наймычкой, прядутъ, спиваютъ!..—„Та не все жъ шьютъ и прядутъ та спиваютъ—може жъ и ще що роблять“?...—„Балакають“...—„Про що жъ вони балакають“?...—„А хто ихъ зна про що! Вони тихо соби балакають“... Отецъ насторожилъ уши, а когда пришлось снова отвѣтить насъ въ Онушки, мы поснидали и вошли въ свитлицю прощаться; отецъ сидитъ на стулѣ, а возлѣ въ углу три дубца, аки свѣтильники... „А про що вы шепоты ведете зъ наймычкою“? и не пускаясь въ дальнѣйшія объясненія и не ожидая отвѣтовъ, отпустилъ каждой изъ сестеръ по пяти ударовъ по шубейкѣ... „А ты чого тоди плакавъ“? и тѣмъ же порядкомъ отпустилъ и мнѣ пять ударовъ по колушкѣ¹⁾... Значить, человекъ исполнилъ свой долгъ!.. Когда мы спустились внизъ съ горы на болото, возница, поворотившись къ намъ, спросилъ: „А що жъ всимъ трѣмъ була хлоста“? Отвѣтъ былъ дружный—*осимъ*... А якъ же—по одежи тилькы?...—„По одежи“! еще дружнѣе отвѣтили мы всѣ. Поганыйло одобрительно кивнулъ головой и обратился къ своимъ обязанностямъ.

Припоминается мнѣ и еще одинъ эпизодъ. Это было у Яцны въ 1828 г. Подъ вліяніемъ рассказовъ Яцны, бывшего

¹⁾ Къ чести благоразумія отца надобно сказать, что онъ рѣдко наказывалъ насъ, а особенно меня. Да меня и въ учебныхъ заведеніяхъ, ни одного разу тѣлесно не наказывали: безъ обѣда часто случалось быть въ уѣздномъ училищѣ, а ужъ что были по ладонямъ ласейками за мое сквернописаніе—то и счету не было! ну и что же? сквернописаніе, какъ видите, оттуда линейками не изгнали.

въ 1812 г. въ ополченіи, мы втроемъ, мальчики, сочинили игру — *хранцузъ*: старшій Яцyna начальникъ, младшій — *хранцузъ*, а я *русскій*: кто кого одолѣеть. Я такъ стремительно налетѣлъ на хранцуза, что вырвалъ и отбросилъ его ружье (палку), и въ догонку уходящему хранцузу далъ порядочнаго тычка штыкомъ въ спину... Хранцузъ побѣждалъ къ отцу жаловаться; позвали меня къ отвѣту, и старому Яцynѣ большого труда стоило нѣсколько прохладить меня и увѣрить, что не все олдѣуетъ принимать на вѣру. Другой случай былъ тоже у Яцyna. Какъ то вечеромъ, предъ ужиномъ, всѣ были въ сборѣ и, въ ожиданіи вечера, про разное вели бесѣду. Только старый Яцyna и рассказываетъ случай, что какой то панъ любилъ читать много и столько читалъ, что наконецъ *зачитѣлся* и тронулся ума. Я и говорю ему (и сколько и теперь могу судить, должно быть — безъ всякой задней мысли): „Вотъ видите“ говорю, „а вы все меня подгоняете — *читай да читай*: такъ и я могу *зачитаться* и *тронуться* ума“! Послѣдовалъ гомерическій смѣхъ, и послѣ долго меня шпинали: „ты, молъ, смотри, не зачитайся, а то ума тронешься“!

Школа наша не любила шпехтаря Чеберяка, особенно дивчата, и нерасположеніе наше до того разрослось, что однажды, увидѣвши сѣрую смушевую шапку (онъ носилъ такую шапку), осенью въ праздничный день, въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ, побѣжали въ *стинки*, наламали прутьевъ и начали *тюжить* несчастную шапку (Чеберякъ куда то ушелъ гулять); оббили почти совсѣмъ на шапкѣ волосъ, подѣлали дырья, пылъ подняли страшную и, разгоряченные и раскрасившіеся, выскочили наконецъ на крыльцо, чтобы перевести духъ... Но, о ужасъ! идетъ Чеберякъ и на немъ его сивая шапка, цѣлая и невредимая! А это мы извоили такъ обработать сивую шапку брата Федора, нашего любимца всеобщаго!

Мое обученіе началось собственно съ начала 1829 г., т. е. съ учителя Волошина; да онъ и началъ съ *азовъ*, т. е. съ *промовляння* всего пройденнаго (граматки и проч.), какъ это впрочемъ дѣлалось и прежде каждымъ новымъ учителемъ, начиная

съ дядька Михайла. Этимъ значительно втягивалась наша наука; къ тому же, при Волошинѣ прибавилось и предметовъ для обученія: а) сначала *полуставецъ* (чему мы тамъ учились—теперь рѣшительно не помню), а потомъ и толстый лаврскій молитвословъ, гдѣ мы изучали чинъ разнаго богослуженія, irmosы и проч. б) пѣніе (съ голоса, безъ нотъ): пѣли наши народныя пѣсни, учились пѣть церковныя пѣсни, пѣли и такія, какъ: „охъ ты птычка, жовтобока, не кладь гнізда звысока“, „звукъ унылый хвортепьяна выражай тоску мою, я люблю, хотя тирана“ (или по редакціи Полтавской мѣщанки, слышанной мною послѣ, въ 1840 г.: „Жукъ унылій, ку-ва пьяна, виражаечку мою, я люблю хотя тараню, обычаечку мою“); в) *цифрину-счисленія* мы не учили и никакихъ дѣйствій ариметики, да едва ли что въ этомъ тямилъ и самъ богословъ Волошинъ; а просто долгою практикой повмучивались писать и читать ряды чисель съ сотнями тысячъ правильно. За сотнями тысячъ тутъ для насъ былъ уже *конецъ свита, зъ дощанымъ небомъ*, на которомъ *жиньки праныки ховалы, якъ сорочки пралы*, и г) гражданская грамотность. Тутъ Волошинъ особенно отличился передъ отцомъ, хорошо выучивъ насъ по-граждански читать и писать, довольно правильно писать подъ *диктуру*, а сестру Маню и—довольно грязно—составлять небольшія письма. За то же не проходило ни одной поѣздки у отца на ярмарку, чтобы онъ не привозилъ намъ разныхъ книжечекъ съ картинками, которыя мы съ жадностію читали, иногда даже заучивали наизусть и, при извѣстныхъ обстоятельствахъ и въ подходящій моментъ произносили ихъ передъ гостями, къ великой угѣхѣ отцовскаго сердца и къ великой злобѣ сердцець иныхъ *кльзкихъ калистраторовъ*, не могшихъ прощать отцу, что онъ школитъ своихъ дѣтей, а ихъ—*де царь* вазною не жалуется...

Въ Лубнахъ въ училищѣ я пробылъ съ гезваря 1832 г. до ваникулъ 1835 г. Какими побужденіями отецъ руководился, отдавая меня туда, и были ли у него тогда на мой счетъ какіе либо планы—не знаю. Очень можетъ быть, что онъ поступилъ такъ по внушенію другого брата матери, дядька Василя, очень

дѣльнаго человѣка: Говорю это въ виду того, что немногое время бытности моей въ Лубнахъ, дядя Василь не одинъ разъ мнѣ говорилъ: „учись-учись, Махтейку, по Лицею пойдешь“, т. е. въ лицей (Нѣжинскій) поступишь, хотя тогда ни о какой лицей и понятія не имѣлъ. Учился я въ Лубнахъ не блестяще, но переводили меня изъ класса въ классъ охотно, а при переводѣ въ 3-й классъ въ 1835 г. меня назначили отвѣчать изъ географіи на публичномъ экзаменѣ.

Въ Переяславѣ въ духовномъ училищѣ и, по его окончаніи, въ семинаріи я пробылъ съ каникулъ 1835 г. до начала 1840 г. Очень Лубенскій смотритель не совѣтовалъ отцу брать меня въ Переяславъ, а совѣтовалъ дать мнѣ окончить училище, потомукъ вести въ Полтаву въ гимназію, или, если уже и взять меня изъ училища, то все таки вести въ Полтаву въ гимназію. Но у отца на этотъ разъ уже былъ свой планъ: сдѣлать меня медикомъ, а медикомъ въ тѣ времена дѣлались черезъ семинарію. Къ тому же старшіе мои два брата, готовившіеся держать экзаменъ на уѣздныхъ учителей, раньше меня поѣхали въ Переяславъ для почерпанія знаній изъ тамошняго кладезя премудрости. Переяславу я обязанъ привитіемъ мнѣ усидчивости въ трудѣ, такъ что, при переводѣ меня въ семинарію, меня наградили даже книгою.

Начало 1840 г., до каникулъ, я прожилъ въ Пирятинѣ съ братомъ, учителемъ математики тамошняго училища, приготавлиаясь у него изъ математики для экзамена въ пятый классъ гимназіи (поступилъ, впрочемъ, лишь въ четвертый классъ: обещали, что не дадутъ аттестата, если поступлю мимо четвертаго класса). Въ гимназіи я пробылъ съ каникулъ 1840 г. по каникулы 1844 г., а въ университетѣ съ каникулъ 1844 г. по каникулы 1848 г., а сейчасъ же по окончаніи университета посланъ на службу въ Нѣжинъ.

О дальнѣйшей моей жизни можно получить свѣдѣнія въ моихъ *Замѣткахъ на юбилейную записку Лубенской гимназіи*¹⁾.

¹⁾ Авторъ рукописи изданную имъ брошюру—*Замѣтки къ юбилейной по случаю двадцати-пятилѣтія Лубенской гимназіи запискѣ М. Симонова*. (Переводъ директора Лубенской гимназіи). Киевъ, 1898. 8°. 39 стр. Ред.

Скажу еще, что отец не хотѣлъ меня пускать въ университетъ, представляя тотъ резонъ, что онъ дряхлѣетъ и требуетъ помочи въ хозяйствѣ, да и средства его значительно сокращаются, такъ какъ главный источникъ его доходовъ, конскій заводъ, приходитъ въ упадокъ, а между тѣмъ у меня имѣется еще одна сестра незамужняя и братъ въ четвертомъ классѣ Полтавской гимназiи, которыхъ надобно тоже довести *до пуття*. Кроме того, невысказанными резонами были, какъ онъ послѣ сознавался, неосуществленiе его мечты послать меня въ Петербургскую медицинскую академiю и страхъ пустить меня въ Кiевъ *мижъ ляхивъ и привсѣтнихъ хлѣрочкъ*, какъ онъ выражался. Въ концѣ концовъ было то, что я поступилъ въ университетъ на казенный счетъ, о чемъ послѣ отецъ горько плакалъ, прiѣхавши туда вслѣдъ за моимъ поступленiемъ въ университетъ и узнавши, что я уже *ѣмъ казенный хлѣбъ*: „Не сподивався я для себе“ говорилъ, „такого никола“...

Я упустилъ тамъ, выше, сказать еще, что причина бѣгства моего отъ медицины и перехода изъ семинарiи въ гимназiю было выработавшееся у меня убѣжденiе въ Переяславѣ, что медицинская наука не пойдетъ мнѣ въ прокъ. Этому неизбежно должна была помѣшать моя непреоборимая глупость — не великорусская *глупость*, что-то въ значительной степени зависящее отъ воли и разсужденiя, а наша *глупость*, что-то пассивное, никому и ничему неподчиняющееся, мгновенно разражающееся рвотами, головокруженiями, обмороками и т. п.

Что касается до генезиса моихъ писанiй, то дѣло вышло какъ то совершенно случайно и произвольно ¹⁾. Надобно сказать, что авторство никогда меня не прельщало и даже не интересовало вовсе. Въ гимназiи у насъ въ ходу было кропанiе стиховъ, но я никогда не согрѣшилъ ни однимъ стихкомъ: дѣло какъ будто вовсе меня не касается. Въ университетѣ на первомъ же году, возникло было, кажется по идеѣ адъюнкта Костыря, изданiе студентскихъ сочиненiй и переводовъ. Указано было даже нѣ-

¹⁾ Здѣсь авторъ отвѣчаетъ на вопросъ *редакции*.

сколько иностранных сочинений, которыхъ желательно имѣть въ русскомъ переводѣ. Я взялся за Гётевого Гёца, быстро перевелъ его, Костырѣ очень одобрилъ переводъ—и на томъ дѣло кончилось. Бывши учителемъ въ Нѣжинѣ, я перевелъ для одной дамы Гётевого же Вильгельма Мейстера, даже переписалъ и подарилъ по принадлежности, а остальное какъ то такъ и осталось. Даже на службѣ въ Контролѣ и Управѣ Благочинія составленіе точныхъ записокъ, докладовъ и т. д. не увлекло меня. Увлекла меня глазная болѣзнь въ 1847—8 г. Читать и писать нельзя; скука, воспоминаешь Малороссію, давніе годы, рассказы разные. Рѣшительный толчокъ сдѣлало въ этомъ отношеніи расширеніе зрачка, сдѣланное Фребеліусомъ каплями. Лежишь, какъ пень, какіе-то кружки скачутъ передъ глазами—тоска! Я и вздумалъ карандашомъ записывать понемногу разное, что вспоминалось... На Пасху, предъ поѣздкою въ Малороссію, кое-что перевелъ на русскій языкъ и отправилъ въ Русскую Бесѣду. Осенью, когда я нѣсколько мѣсяцевъ оставался безъ службы и получилъ отъ Лескова увѣдомленіе о напечатаніи отрывковъ, я пустился писать воспоминанія Бѣлокопытенка уже записемъ... Вотъ вамъ и весь генезисъ!

Весна 1899 г.

М. С.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 67-го:

ОКТАБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ. 1899.

Книга первая—октябрь.

ОТДѢЛЪ I.

I. ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО И ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ. П. Житецнаго.	1—30
II. МАЛУРУССКОЕ СЛОВО „ПАЛЯНЫЦЯ“ И ГРЕЧЕСКОЕ ПÉΔΑΝΟΕ М. Динарева.	31—49
III. „ОСТАННЯ НИЧЬ“. Историчяя драма въ двоухъ картынахъ. М. Старицнаго	50—92
IV. ХАРЬКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ. (Окончаніе). Е. К.	93—106
V. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ КІЕВѢ. Н. Бѣляшевскаго	107—120
VI. ВЛАДИМІРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ЯСТРЕБОВЪ. (Некрологъ).	121—126

ОТДѢЛЪ II.

- I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Замѣчательный кладъ. В. Антоновича; б) Замысль на попа по рукописи 1798 г. Сообщ. В. Науменко; в) Письмо Т. Г. Шевченка къ В. И. Григоровичу. В. Науменка; г) Порфирій Боровицкій—забытый малорусскій писатель. Сообщ. В. Науменко; д) Истребленіе древняго замка на Подоліи. Ор. Левицнаго; е) Богданъ Залѣскій и Гоголь; ж) Н. И. Гудакъ

II

(некролог); в) Обь изданіи перепечатки И. И. Срезневскаго; и) Поправка!	1—19	
Темущія извѣстія.	19—28	
II. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Палеографическій изборникъ. Матеріалы по исторіи южно-русскаго письма въ XV—XVIII вв. В. Щербинны; б) К. Болсуновскій. 1) Сфрагистическіе и геральдическіе памятники Юго-Запад. края. 2) Свинцовыя пластинки (пломбы) съ условными знаками церковныхъ праздниковъ, 3) Каталогъ предметовъ, выставленныхъ въ университетѣ св. Владиміра во время XI-го русскаго археолог. съѣзда въ Кіевѣ. И. Наманина; в) С. Л. Пташицкій. Князья Пузыны. Историко-генеалогическіе матеріалы. И. Наманина; г) Обзорніе журналовъ 1-й половины 1899 года; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.		29—42
Археологическая лѣтопись.	43—58	
III. ПРИЛОЖЕНІЯ 1) Разказы М. Т. Симонова (Номиса). Листы 12-й и 13-й.		

Книга вторая—ноябрь.

ОТДѢЛЪ I.

I. ЭВЕИДА И. И. КОТЛЯРЕВСКАГО И ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ. (<i>Продолженіе</i>). П. Житецнаго	127—166
II. ВОСПОМИНАНІЯ О ПРИВОРОТСКОМЪ ДУХОВН. УЧИЛИЩѢ 50-ХЪ ГОДОВЪ. М. Трублаевича	167—184
III. МАРУСЯ БОГУСЛАВКА. Побытово-исторычнй драма въ 2-хъ картинахъ. М. Старицнаго	185—227
IV. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДНЕВНИКА Г. П. ГАЛАГАНА за 1845 годъ.	228—242
V. ПАМЯТИ А. С. ЛАШКЕВИЧА. (Къ 10-лѣтію со дня его кончины). Е. Кивлицнаго.	243—248
VI. ИЗЪ ШКОЛЬНЫХЪ ЛѢТЪ А. С. ЛАШКЕВИЧА. В. Беренштама.	249—269
VII. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ КІЕВѢ. (<i>Продолженіе</i>). Н. Бѣляшевскаго.	270—286

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ:	
а) Греко-уніатскій монастирь въ Курскѣ. А. Ганкова;	
б) Письмо Теофана Прокоповича къ Кіево-Печерскому архимандриту Іоанникію Сениотовичу. Сообщ. О. Л.;	
в) Эпитаціонъ вознаго Андрея Чечеля, 1765 г. Сообщ. А. Л.;	
г) Сатирическія вирши 1786 года. Сообщ. О. Сластіонъ;	
д) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.	59—74
Тенущія извѣстія	75—79
II. БИБЛІОГРАФІЯ:	
а) Иванъ Левицкій. Повѣсти и оповѣданія. Т. I. J. S.;	
б) Извѣстія Общества любителей изученія Кубанской области. Вып. I, подъ ред. В. Сысова и А. Дьячкова-Тарасова. Е. К.;	
в) Щорсовская бібліотека графа Лятовра-Хребтовича. Краткія свѣдѣнія о собраніи рукописей. Сообщ. С. Л. Шташицкій. И. Каманина;	
г) Д. Айналовъ и Е. Рѣдинъ. Древніе памятники искусства: Кіево-Софійскій, Златоверхо-Михайловскій и Ъриллловскій монастири. В. Щербины;	
д) Корыстни звирятка. Кажанъ, Йижакъ и зиньське щеня (критъ). Написавъ О. Степовыкъ. С. Н.;	
е) Обзорніе журналовъ 1-й половины 1899 года;	
ж) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.	80—102
Археологическая лѣтопись	103—120
III. ПРИЛОЖЕНІЕ:	
1) Разказы М. Т. Симонова (Номиса). Листы 14-й, 15-й и 1/4 16-аго.	

Книга третья—декабрь.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО И ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ. (<i>Продолженіе</i>). П. Житецнаго.	277—300
II. ПИКИНЕРІЯ. Д. Миллера.	301—322
III. МАРУСЯ БОГУСЛАВКА. Побытово-исторычнѣя драма въ пяти одинахъ. (<i>Окончаніе</i>). М. Старицнаго	323—380
IV. КЪ ИСТОРИИ ТОРГОВЛИ КОЛЬЦАМИ СВ. ВАРВАРЫ ВЪ КІЕВѢ. Л. Орельскаго	381—389

IV

V. ВЗГЛЯДЪ НА РЕМЕСЛО ПАЛАЧА ВЪ СТАРОЙ МА- ЛОРОССИИ. Ор. Левицнаго	390—398
VI. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪВЪЗДЪ ВЪ КІЕВЪ. (Окончаніе). Н. Бѣляшевскаго	399—412
VII. КЪ ПОРТРЕТУ И. Θ. ТИМКОВСКАГО. Н. Ш.	413—415

ОТДѢЛЪ П-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Памяти Алек- сѣя Петровича Стороженка. (По поводу 25-лѣтія со дня его смерти). В. Н.; б) Письмо къ редактору Кіевской Ста- рины о стих. „Славянамъ“ профес. Н. Стороженна; в) Гетманскій рецептъ отъ кашля; г) Варіантъ пѣсни про дурня; д) Дополненіе къ тексту интермедіи «Замысль на попа»; е) Заботы о брачныхъ союзахъ юношей духовнаго званія	121—130
Текущія извѣстія	131—137
II. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Записки Науковаго товариства імени Шевченка. А. М.; б) «Этнографічний збірник». В. Дома- ницнаго; в) Обзоръ украинско-русской литературы за 1898-й годъ. В. Д.; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ	138—167
Археологическая лѣтопись	168—182
III. ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Разказы М. Т. Симонова. (Номиса). 2) Портреть И. Θ. Тимковскаго.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1900 годъ.

Имѣя цѣлю знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и рассказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе рассказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и рассказы иностранцы, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивныя документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполне обеспеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналь, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

на 1900 годъ.

Въ Ученныхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичные лекціи и рѣчи; отчеты по научнымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетамъ труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертациі, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканія наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всемъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учреждений при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученныя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всеми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 руб. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Θ. Мищенко*.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТВЕРГА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ

на

общественно-педагогическую и литературную еменедѣльную газету

„ЖИЗНЬ И ШКОЛА“

съ приложеніемъ

„ШКОЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (Г. XII).

подъ редакціей М. Виноградова.

Цѣна за годъ съ перес. и дост. 5 руб., на полгода— 3 руб., и на 3 мѣс. 2 р.; для *начальныхъ школь и народныхъ учителей*—4 р. въ годъ, за границу 6 руб. Допускается разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей. №№-овъ за прежніе годы «Школьнаго Обозрѣнія» не имѣется. Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные комплекты газеты за 1893 г. и 1894 г. можно получать по *два* руб., в 1895 и 1896 г. по 3 руб. за годъ. (Новые подписчики при вѣнскихъ газеты за прежніе годы, сверхъ того, пользуются 50% уст.). Библиотеки и бесплатныя читальни пользуются особой уступкой. Подписчикамъ представляется помѣщать *бесплатно* всякія объявленія относящіяся къ спросу и предложенію труда, а именно: по найму учителей, гувернантокъ, боннъ и т. п., а также по продажѣ изданій, книгъ и проч. Отъ учебныхъ заведеній принимаются объявленія объ условіяхъ пріема и поступленія въ нихъ, а также объ имѣющихся вакансіяхъ учащихся и учащихся.

Вышедшіе №№ „Жизнь и Школа“ и „Школьнаго Обозрѣнія“ тек. ч., по требованію, высылаются наложеннымъ платежемъ на счетъ конторы.

Доставившему подписку на десять экземпляровъ—одинадцатый *бесплатно*.

Подписка принимается въ главной конторѣ „Жизнь и Школа“ и «Школьнаго Обозрѣнія»: С.-Петербургъ, Загородный пр. 34.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ
на областную общественую и литературную газету-журналъ

„ДНѢПРОВСКАЯ МОЛВА“

(второй годъ изданія)

выходить въ г. Екатеринославѣ по воскресеньямъ, въ форм. и объемѣ
„КЕДЪЛН“.

ПРОГРАММА ИЗДАНИЯ:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Руководящія статьи по общественнымъ и экономическимъ вопросамъ. 3) Статьи по исторіи Приднѣпровскаго края, преимущественно Новороссіи, а также по этнографіи и архелогіи. 4) Научныя статьи по общественнаию и естествознанию. 5) Что дѣлается на роднвѣ. Земство, города и дворянство. Экономическіе факты (главнымъ образомъ объ артельномъ дѣлѣ и кустарничествѣ). Нравы на судѣ. По Приднѣпровью и югу. Фельетонъ городской и уѣздной жизни Екатеринославской губерніи 6) Беллетристика. 7) Критика, журнальная хроника, литературно-критическія статьи. 8) Библиографія. 9) Искусства и художества. Театръ, музыка и живопись (рецензій, отзывы). 10) Что дѣлается за границей. Обзорѣнія иностранной жизни. Письма изъ чужихъ странъ. 11) Разныя извѣстія. Письма изъ Приднѣпровья и юга. 12) Справочныя свѣдѣнія. 13) Объявленія.

Въ газетѣ будетъ обращено особенное вниманіе на разработку вопросовъ городского и земскаго хозяйства и въ связи съ послѣдними, вопросовъ сельскаго хозяйства.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой въ годъ (50 ном.) 5 р., полгода—2 руб. 50 к., три мѣсяца—1 руб. 25 коп. Отдѣльные номера 10 коп.

Подписка принимается въ редакціи «Днѣпровской Молвы», Екатеринославъ, Временная ул., д. Быкова, въ книжныхъ магазинахъ Екатеринослава, въ г. Киевѣ въ книжной торговлѣ редакціи журнала «Кіевская Старина», Безаковская ул., № 14, въ г. Харьковѣ кн. магазинъ Сикорской, Екатеринославская ул., Александровскѣ въ земскомъ книжномъ складѣ.

Редакторъ-Издатель *Н. В. Быковъ.*

Съ 1-го ноября 1899 года.

въ С.-Петербургѣ выходитъ

большая ежедневная, политическая и литературная газета

безъ предварительной цензуры

„СЪВЕРНЫЙ КУРЬЕРЪ“.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: въ Россіи на годъ—10 руб., на 6 мѣс.—5 руб., на 1 мѣс.—1 руб. за границу: на годъ—14 руб., на 6 мѣс.—7 руб., на 1 мѣс.—2 руб.

Годовымъ подписчикамъ допускается разсрочка на четыре срока— по 2 р. 50 к. Лица, подписавшіяся на весь 1900 г., получаютъ газету бесплатно въ текущемъ году. Подписка принимается во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ редакціи: С.-Петербургѣ Вол. Морская ул., 5 (отъ 12 до 4 час. дня).

Въ основу своего міросозерцанія «Съверный Курьеръ» принимаетъ идею единства европейской цивилизація, не исключаящей началъ національной самобытности, и ставитъ своей цѣлью добросовѣстное и безпристрастное изученіе русской жизни и освѣщеніе ея въ духѣ справедливости и развитія гражданственности. Въ этомъ смыслѣ «Съверный Курьеръ» направитъ всѣ усилія, чтобы быть вѣрнымъ выразителемъ прогрессивныхъ стремленій наиболее отзывчивой части русскаго общества. Придавая огромное значеніе совершающейся въ Россіи экономической эволюціи въ области земледѣлія и промышленности, «Съверный Курьеръ» будетъ внимательно слѣдить какъ за самымъ процессомъ эволюціи, такъ и за всѣми происходящими на этой основѣ измѣненіями въ духовной жизни народа, всюду выдвигая надъ узко-эгоистическими личными и групповыми интересами благо и интересы трудящихся массъ безъ различія сферы приложенія ихъ труда. Серьезное вниманіе будетъ удѣлено выясненію и устанавленію правильныхъ отношеній между центромъ и окраинами на основѣ полного признанія и уваженія правъ личности, національности и началъ вѣротерпимости. «Съверный Курьеръ» вѣритъ въ необходимость органическаго роста областнаго начала, желательность

дальнѣйшаго расширенія сферы общественной самодѣтельности и потому отвѣдетъ подобающее мѣсто вопросамъ земскаго и городского самоуправленія, областнымъ интересамъ и нуждамъ. Не меньшее значеніе придаетъ газета усиѣхамъ русской школы и просвѣщенія и въ этой области поставитъ своей задачей силоченіе и объединеніе усилій разрозненныхъ дѣятелей на просвѣтительномъ поприщѣ. Серьезное вниманіе будетъ удѣлено интересамъ науки, искусства и литературы.

Издатель *Кн. В. В. Барятинскій*. Редакторы: *Кн. В. В. Барятинскій*. *К. И. Арабажскій*.

1—3

Открыта подписка и пріемъ объявленій.

КАЛЕНДАРЬ „СИНЯГО КРЕСТА“

(Настольная Справочная Книга).

Съ соизволенія Ея Императорскаго Высочества

Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны.

„Общество попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ“, состоящее подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества, предприняло изданіе на 1900 г. Календаря „Синяго Креста“, который поступитъ въ продажу въ декабрѣ с. г. въ количествѣ 10000 экземпляровъ и явится подробнымъ справочнымъ изданіемъ, необходимымъ для каждаго. Цѣна Календаря „Синяго Креста“ по 2 руб. за экземпляръ, съ пересылкой 2 р. 50 к. Главн. складъ изданія въ Редакціи „Синяго Креста“:

С.-Петербургъ, Сергіевская ул., 41.

1—3

3-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

3-й годъ изданія.

на 1900 годъ

На ежедневную научно-литературную, политическую и экономическую газету

ПРИДНѢПРОВСКІЙ КРАЙ,

издаваемую въ г. Екатеринославѣ М. С. Коплюшинъ.

Газета будетъ издаваться въ 1900 году подъ тою-же редакціей (В. В. Святловскаго), при томъ-же составѣ главныхъ сотрудниковъ и по той же программѣ.

Въ «Приднѣпровскомъ Краѣ» будетъ отведено достаточно мѣста для иллюстрацій и рисунковъ. Въ газетѣ принимаетъ участіе цѣлый рядъ профессоровъ, ученыхъ и писателей, а между прочимъ слѣдующія лица: М. Н. Альбовъ, Е. М. Бабецкій, Д. И. Багалъй (проф.), А. Башмаковъ, Л. Б. Бертенсовъ, Ю. А. Бунинъ, И. А. Бунинъ, А. Б—ръ (изъ Парижа), И. Ф. Василевскій (Буква), С. Глазенацъ (проф.), В. М. Грибовскій, Н. А. Греденскуль, Зигъ-Загъ, В. И. Ивановъ, Б. Н. Льдовъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Д. Л. Мордовцевъ, Е. В. Назарьева, Л. П. Някифоровъ, Вас. И. Немировичъ-Данченко, Д. Н. Овсяннико-Куликовскій (проф.), И. Н. Потапенко, Пружанскій (Трофимовъ), М. Г. Поуровскій, И. И. Рачинскій, А. К. Розельонъ-Сошальская, П. А. Сергѣенко, Е. В. Святловскій, Скальпель (псевдон.), В. В. Святловскій, Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ, К. М. Стацюковичъ, Д. И. Тихомировъ, И. О. Фесенко, К. М. Фофановъ, Фаустъ (псевдон.), А. П. Чеховъ, О. Н. Чюмина, Кн. М. Л. Шаховскій, Шпилька (псевдон.), И. Л. Щегловъ, Д. И. Эварницкій (проф.) и друг.

Газета кромѣ телеграммъ Россійскаго телеграфнаго агенства, будетъ поминать телеграммы своихъ специальныхъ корреспондентовъ изъ С.-Петербурга и Москвы. Особенно полно будетъ обставленъ отдѣлъ корреспонденцій и газета уже обозначена постоянными корреспондентами изъ Нью-Йорка (Русскій Путникъ), Парижа, Лондона (Н. К.), Берлина (С.), Рима (А. З.), Тегерана (Л—цкій), Брюсселя (М—кій). Кромѣ того въ 1900 году будутъ печататься изслѣдованія, предпри-

пятыя Редакціей для описанія заводо́въ и руднико́въ Придніпровья и всего Донецкаго Бассейна по особо составленной обширной программѣ. Описаніе будетъ иллюстрировано чертежами и рисунками. Къ производству изслѣдованія редакціей привлеченъ цѣлый ряд специа-
листовъ.

Условія подписки на 1900 годі: съ доставкой въ Екатерино-славѣ 10 р., съ пересылкой почт. въ др. города 12 р., за границу 23 руб.

1—3

ЗАПИСКИ

Императорскаго Харьковскаго Университета

(Адресъ Редакціи: Харьковъ, Университетъ).

ВЫХОДЯТЪ ЧЕТЫРЕ РАЗА ВЪ ГОДЪ

(1-го Января, 1-го Марта, 1-го Мая и 1-го Ноября).

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Часть *официальная*: извлеченія изъ протоколовъ Совѣта, а также и другіе официальныя акты и документы,

2) Часть *неофициальная*: а) научный отдѣлъ (ученныя изслѣдованія, сообщенія и наблюденія, публичныя чтенія, отчеты объ ученыхъ командировкахъ и т. п.); б) критика и библиографія; в) Харьковская университетская лѣтопись (статьи и матеріалы по исторіи Харьковскаго Университета, біографіи и некрологи профессоровъ и почетныхъ членовъ Университета, отчеты о диспутахъ и пр.); г) приложенія, заключающія въ себѣ болѣе обширныя труды, какъ-то: диссертациі, курсы, каталоги, описи музеевъ, архивовъ и пр.

Подписная цѣна 4 руб. безъ пересылки, 5 руб. съ пересылкою въ годъ; для студентовъ Харьковскаго Университета 2 руб. въ годъ.

Редакторъ Д. Овсянничо-Куликовскій.

1—3

НОВА

Подписчики „НИВЪ“ получаютъ въ 1899 г.

52 №№ журнала „НИВА“ (до 1500 страницъ вѣтвора в 500 страницъ).

12 ТОМОВЪ Н. К. ГОЛОДЪ, котораго 6у-деятельность выдѣляетъ колоссальныя заслуги, во национальных въ послѣднихъ годахъ. Только, и будетъ отозвано на хорошей оцѣнѣ — транспарантъ — вой бумажъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Томъ I. Биографическій очеркъ, В. И. Пенрова. — ВЕЧЕРА НА ХУТОРЪ ВАДЪ ДИ.

КАНИКИ. Подъ тѣмъ: Сорочинская ярмарка. Ветеръ шакалуетъ Ивана Куваля. Майская ночь, или уголовница. Прозанная графига. Ночь передъ Рождествомъ. Оруженіе несть. Иванъ Федуровичъ Шпильва и его толпуна. Заколдованное мѣсто. Томъ II. **МИРОРОДЪ.** Ночь отъ: Озаробетвѣніе помятенъ. Тарасъ Бульба. Нѣ. Поездъ о томъ, какъ поощрять Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ.

Томъ III. ПОВѢСТИ: Ночь. Порреть. Шивель. Колыска. Равъ — **КОМЕДИЯ** Реншора **ТОМЪ IV. КОМЕДИИ:** Приключенія въ ко-ва-да **Реншора**. — **Венитба**. — **ДРАМАТИЧЕСКІЕ ОТРѢВКИ** и **ОТ-ДѢЛЕНІЯ СЦЕНИ:** Иронія Утро Майского человека. Тамба. Да-каланда. Оруженіе. Театральная расказъ ночью прѣстолонія невоѣ новолія. Томъ V. Похорошенія Чичикова, или Мергана Душъ. Томъ

третій. Томъ VI. Приключеніе въ первомъ томъ „Мергана Душъ“ — Похорошенія Чичикова для Мергана Душъ. Томъ второй. Томъ VII. Выбранныя мѣста въ вереницѣ съ друзьями. Томъ VIII. Выбранныя мѣста въ вереницѣ съ друзьями (продолженіе) Томъ IX. Дюшесоніе

КАЕТСЯ ВЪ ТЕЧЕНІЕ

ОДНОГО 1900 ГОДА

СВОИМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ

БЕЗПЛАТНО

Н. В. ПОГОЛОВЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

О портретовъ, факсимиле и автографовъ.

12 КНИГЪ „ЖЕМЪВЪ ЧИНЫ ХЪ ЛУТЕР. ПРИЛОЖЕ-НІИ“ (романы, повѣсти, рассказы, „Индульгенція“ въ статьяхъ и проч. современныя авторомъ).

12 КНИГЪ „ПАРЖЕНКА ВОЛЪ“ (до 300 колонтъ, графюра въ послѣднихъ фюналь дѣлкахъ, „защелочка“).

12 КНИГЪ рукодѣльных въ дѣлкахъ работъ. в картинкахъ в авторальную величину, (около 600 рисункъ, в чертѣ). **СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЪ** на 1900 г., мѣсяцъ: провансъ.

Всѣмъ желающимъ заказать, обращаться въ редакцію, „НИВЪ“.

Требованія адресовать въ Главноу Редактору журн. „НИВА“ С. Петербургъ, Иванъ Мергана, 92.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЪ“

НА ГОДЪ со всеми приложеніями:

Вѣст. 1-й стан. — 5 р. 50 к. на въ СЛК. — 5 р.

Вѣст. доставка: 1) въ Москвѣ, въ Каторжѣ Н. Пест-ковской — 6 р. 25 к.; 2) въ

Орскѣ, въ книжн. магаз. (Образцовою) — 6 р. 50 к. въ Истанбулѣ — 6 р. 50 к.

въ САН. 6 р. 50 к.

Съ дерев.

во-вторыхъ годъ

роде и

нѣтъ. Руб-око

око

7 р.

За границу — 10 р. Раз-рочка платится въ 2 и 3 г-р.

Открыта подписка на 1900 годъ.

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„Южный Край“.

Газета общественная, политическая и литературная.

Выходитъ ежедневно безъ предварительной цензуры.

Программа газеты: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, экономической и общественной жизни. III. Обзорные газеты и журналовъ. IV. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ „Южного Края“ и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“. V. Последнія извѣстія (сообщенія собственныхъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. „Свѣтъ и Тѣни“ (маленькій фельетонъ). X. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южного Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи „Южный Край“ и извѣстія другихъ газетъ. XII. Извѣстія по горному дѣлу. XIII. Внѣшнія извѣстія: письма заграничныхъ корреспондентовъ, послѣдняя почта. XIV. Фельетонъ: научный, беллетристическій, стихотворный и общественной жизни. XV. Судебная хроника. XVI. Критика и библиографія. XVII. Смѣсь. XVIII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XIX. Почтовый ящикъ. XX. Календарь. XXI. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ и резолюціи по нимъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и поч. XXII. Стороннія сообщенія. XXIII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ, въ очень многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Редакція ежедневно получаетъ извѣстія изъ Петербурга и Москвы отъ собств. корреспондентовъ.

Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политиковъ, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1900 ГОДЪ:

Съ пересылкою иногороднимъ.

На 12 м. 11 р.—11 м. 10 р. 50 к.—10 м. 10 р.—9 м. 9 р. 50 к.—
8 м. 8 р. 50.—7 м. 7 р. 80 к.—6 м. 7 р.—5 м. 6 р.—4 м. 5 р.—
3 м. 4 р.—2 м. 3 р.—1 м. 1 р. 50 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ конторой.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край“ на Сумской улицѣ, въ домѣ А. А. Гозефовича, № 13. Ближнимъ магазинамъ дѣлается уступка: съ подписокъ: годовой, 11-ти и 10-ти мѣсячныхъ по 50 к., а съ остальныхъ—по 50 к. за каждый мѣсяць.

„Южный Край“ печатается въ раздѣлѣ большихъ столичныхъ газетъ на ротационной машинѣ Марини, полученной изъ Парижа, которая даетъ до 20,000 оттисковъ въ часъ.

Редакторъ-издатель А. А. Гозефовичъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

— на —

„ХУТОРЯНИНЪ“

Еженедѣльное изданіе, посвященное интересамъ мѣстнаго сельскаго хозяйства, промышленности и торговли.

Органъ Полтавскаго Общества Сельскаго Хозяйства.

НА 1900 ГОДЪ.

Программа: 1) Правительственныя распоряженія и извѣстія. 2) Дѣятельность мѣстныхъ сельскохоз. обществъ, ихъ отдѣловъ и отдѣленій. 3) Статьи по сельскому хозяйству, промышленности и торговлѣ, экономическія и техническія. 4) Хроника, сельскохоз. статистическое обзоріе и корреспонденціи. 5) Сельскохоз. и землемѣстная дѣятельность земскихъ учреждений. 6) Библиографія и обзоръ сельскохоз. и экономической литературы. 7) С.-х. фактъонъ. 8) Слѣсь и мелкія извѣстія. 9) Вопросы и отвѣты. 10) Тѣматическія извѣстія. 11) Обзоріи и извѣстія о погодѣ. 12) Объявленія.

Задачи газеты: 1) Распространять въ общедоступной формѣ с.-х. знанія примѣнительно къ потребностямъ сельскихъ хозяевъ Полтавской и сосѣднихъ съ нею губерній. 2) Служить органомъ для взаимнаго общенія сельскихъ хозяевъ и с.-х. обществъ Полтавской губерніи. 3) Доставлять населенію своевременныя свѣдѣнія о главнѣйшихъ мѣропріятіяхъ и начинаніяхъ правительства, земствъ и с.-х. обществъ въ области народнаго хозяйства.

«Хуторянинъ» допущенъ Минист. Народ. Просвѣщ. въ бесплатныя бібліотеки-чтальни.

Подписная цѣна: на годъ съ пересылкой 2 р., на полгода—1 р.

Плата за объявленія: въ одну строку въ концѣ текста—8 коп., въ срединѣ—двое.

Подписка принимается: 1) въ г. Полтавѣ въ Конторѣ и Редакціи «Хуторянина», при обществѣ Сельскаго Хозяйства. 2) Въ С.-Петербургѣ, въ Отд. Конторы «Хуторянина» при с.-х. книж. магазинѣ жур. «Деревица», уг. Б. Морской и Кирнич. пер., д. 3.—13. 3) Въ Кременчугѣ, въ Кременчугскомъ отдѣлѣ Полт. Общ. сельскихъ хоз. и Товариществѣ сельскихъ хозяевъ. 4) Въ г. Прилукахъ, при обществѣ сельскихъ хозяевъ; 5) Во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Полтавской губ. при Земскихъ Управахъ и 6) въ г. Херсонѣ при Губернской Земской Управѣ.

Продолжается подписка на газету

„ЮГЪ“.

Издающаяся въ Херсонѣ съ 1 марта 1898 г. ежедневная газета «Югъ» заключаетъ въ себѣ всѣ тѣ свѣдѣнія, какія печатаются и въ другихъ газетахъ, а именно: дѣйствія правительства; ежедневныя телеграммы «Россійскаго телеграфнаго агенства»; руководящія статьи по вопросамъ мѣстнымъ, общерусскимъ и политическимъ; извѣстія о важнѣйшихъ фактахъ изъ жизни Херсона и другихъ городовъ Херсонской и смежныхъ губерній; такія-же свѣдѣнія изъ жизни столичной и провинціальной; отрывы другихъ газетъ по важнѣйшимъ вопросамъ русской жизни, отчеты объ интересныхъ судебныхъ дѣлахъ, разбирающихся въ окружныхъ судахъ, уѣздныхъ сѣздахъ, у земскихъ начальниковъ и въ волостныхъ судахъ; извѣстія, касающіяся выдающихся событій иностранной жизни, извѣстія объ открытія въ мірѣ наукъ и о новинкахъ въ мірѣ искусства; оригинальные и переводные рассказы; статьи по сельскому хозяйству и проч. и проч.

Сверхъ того, согласно программѣ, утвержденной Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ только въ «Югѣ» систематически печатаются дѣйствія мѣстной администраціи: рѣшенія Херсонскаго Губернскаго Присутствія; списки дѣлъ, назначаемыхъ къ слушанію въ засѣданіяхъ каждаго изъ Уѣздныхъ Сѣздовъ и рѣшенія Сѣздовъ по дѣламъ безъ вызова сторонъ; опредѣленія Херсонскаго Губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ Присутствія; херсонскимъ отдѣленіемъ Крестьянскаго Банка въ «Югѣ» публикуются свѣдѣнія о ходатайствахъ относительно выдачи ссудъ на покупку земли и о разрѣшенныхъ этимъ банкомъ ссудахъ; вообще въ «Югѣ» помѣщаются опредѣленія и распоряженія всѣхъ мѣстныхъ административныхъ учреждений, подробныя свѣдѣнія о дѣятельности губернскаго и уѣздныхъ земствъ Херсонской губерніи и днѣпровскаго земства Таврич. губ. Спеціальныя также отдѣлы въ «Югѣ» составляютъ извѣстія о цѣнахъ на хлѣбъ въ Одессѣ, Николаевѣ и Херсонѣ, о цѣнахъ на скотъ и лошадей на мѣстномъ рынкѣ, о сдѣлкахъ по зафрахтованію судовъ и многимъ другимъ свѣдѣніямъ, необходимыя для мѣстнаго населенія.

Въ отличіе отъ другихъ газетъ, «Югъ» поставилъ себѣ цѣлью освѣщеніе многостороннихъ нуждъ Херсонской и смежныхъ губерній, удѣляя особенное вниманіе нашей деревнѣ, ея просвѣтительнымъ в

хозяйственнымъ запросамъ. Поэтому только въ «Югѣ» печатается множество сообщений изъ разныхъ уголковъ Херсон. и смежныхъ губерній: за 1½ года изданія въ «Югѣ» напечатано болѣе трехъ тысячъ корреспонденцій.

Благодаря такой изобиліи свѣдѣній, необходимымъ для всего населенія Херсонской и смежныхъ губерній, «Югъ» получилъ широкое распространеніе, проникавъ даже въ такіе «медвѣжьи углы», куда никакія газеты до сихъ поръ еще не заходили.

Отчасти этому способствовали: дешевая подписная цѣна на «Югъ» и льготы въ уплатѣ денегъ, такія въ другихъ газетахъ не допускаются.

Газета «Югъ» выходитъ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣднихъ. Праздничные номера снабжены прибавленіями.

Подписная цѣна для гг. иногороднихъ на годъ 8 руб., причемъ деньги могутъ быть уплачены въ рассрочку. Желающіе получать «Югъ» въ рассрочку благоволятъ, записать о томъ письменно въ Главную Контору газеты, препроводивъ

ОДИНЪ РУБЛЬ,

а остальные семь рублей высылать ежемѣсячно: по одному рублю, по два, по три—какъ кто можетъ.

Учрежденія, официальные и вообще извѣстные лица могутъ выписать «Югъ» на годъ

ВЪ КРЕДИТЪ.

Желающіе выписать «Югъ» въ кредитъ только посылаютъ въ контору газеты хотя-бы открытое письмо съ указаніемъ своего адреса, срока, съ котораго слѣдуетъ высылать имъ «Югъ» на годъ и время, когда будутъ присланы подписныя деньги.

Подписываться на годъ можно не только съ 1 января, какъ подписываются на другія газеты, а съ 1 числа каждаго мѣсяца—1 числа того-же мѣсяца слѣдующаго года.

Адресъ Главной Конторы газеты «Югъ»: Херсонъ, Греческая ул., домъ № 14,

Редакція газеты «Югъ» весьма интересуется жизнью деревни и ея насущными нуждами, а потому проситъ гг. читателей присылать ей свои сообщенія для помѣщенія ихъ на столбцахъ «Юга». Имена гг. корреспондентовъ составляютъ тайну редакціи. Редакція проситъ гг. корреспондентовъ писать четко и притомъ на одной только сторонѣ бумаги,—такъ удобнѣе для наборщиковъ.

Открыта подписка на 1900 годъ (11-й годъ изданія)

на общепедагогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА“

Въ теченіе 1899 года въ „Русской Школѣ“ напечатаны были, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Очерки современнаго состоянія начальнаго народ. образованія въ Зап. Европѣ. М. И. Страховой; 2) Очерки по исторіи русской школы. Э. В.; 3) Возрожденіе воскресныхъ школъ. Я. В. Абрамова; 4) Начальная школа Минист. Народ. Просвѣщенія. В. К. Фармаковского; 5) На зарѣ земской школы. (Изъ воспоминаній стараго педагога). С. А. Вобровскаго; 6) Вопросы народнаго образованія въ земскихъ собраніяхъ сессіи 1898 года. И. П. Вязоковскаго. 7) Мѣры борьбы съ алкоголизмомъ путемъ школы. А. С. Вирениуса; 8) Характеръ, способъ его изученія и классификація его типовъ. Л. Е. Оболенскаго; 9) Мысли о воспитаніи и обученіи. К. П. Ягобскаго; 10) Новое воспитаніе. Н. Ф. Арешьева; 11) Въ психологическомъ развитіи подростковыхъ поколѣній. Н. П. П., 12) Учительскій вопросъ въ народной школѣ. И. П. Вязоковскаго; 13) Наиболѣе доступные способы приготовленія кандидатовъ на учительскія должности народныхъ училищъ. А. П. Раменскаго; 14) Желательныя измѣненія въ организаціи временныхъ педагогическихъ курсовъ. В. Г. Зимницкаго; 15) О педагогической подготовкѣ учителей для среднихъ учебныхъ заведеній. Рядъ статей: М. А. Мироніева, А. И. Анастасіева, А. И. Бириничникова, А. С. Вирениуса и Я. Г. Гуревича; 16) Къ вопросу о реформѣ системы средняго образованія. Я. Г. Гуревича; 17) Замѣтки о преподаваніи русскаго языка на первой ступени. В. П. Вахтерова; 18) Обучение выразительному чтенію въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. В. Г. Зимницкаго; 19) О значеніи генетическаго принципа въ методикѣ начальной арифметики. Ел. Тихомирова; 20) Нѣмецкая и русская методика арифметики въ текущее столѣтіе. М. И. Успенскаго; 21) О чтеніи псалмовъ въ начальной школѣ. А. Ф. Соколова; 22) Рутна въ преподаваніи географіи. Ф. Г. Шубина; 23) О курсѣ исторіи въ начальной школѣ. Е. Чебышевой-Дмитріевой; 24) О преподаваніи исторіи въ средней школѣ. Н. И. Карѣева; 25) Къ вопросу о постановкѣ преподаванія древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ. А. П. Флерова; 26) О постановкѣ преподаванія педагогики въ женскихъ гимназіяхъ. А. П. Печалева; 27) О постановкѣ преподаванія русскаго языка въ VIII классѣ женскихъ гимназій. П. А. Сливанова; 28) Сельско-хозяйственное образованіе женщинъ. В. В. Бирюковича и друг.

Въ каждой книжкѣ „Русской Школѣ“, кромѣ отдѣла Критики и библиографіи, печатается хроника народнаго образованія въ Зап. Европѣ. Ж. Р., хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библиотекъ Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтиковой, хроника профессиональнаго образованія В. В. Бирюковича и пр.

„Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—семь руб.; съ доставкой 7 руб. 50 коп.; для иногороднихъ съ пересылкою—восемь руб.; за границу—десять руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за шесть руб. въ годъ съ разсрочкою уплаты въ

два срезка. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Подписки принимаются въ конторѣ редакціи (Литовская ул., 1).

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

Запросини до передплати

на третій рік видання

ЛІТЕРАТУРНО-НАУКОВИЙ ВІСНИК.

В р. 1900 „Літературно-науковий Вісник“ буде виходити під тою самою редакцією, що й доси, в таких самих обсягах і на таких самих умовах.

Редакційний комітет складають: проф. М. Грушевський, В. Гнатюк і др. Ів. Франко.

За редакцію відповідає В. Гнатюк.

Передплата платна у Львові вносить:

В Австрії з пересилкою на чверть року	5	корон
„ „ „ „ пів „	10	„
„ „ „ „ цілий рік	16	„
В Росії „ „ „ „ „	8	рублів.

В інших державах по обчисленню пересилки.

Поодинокі книжки коштують по 2 кор.

Першого річника (1898) перші чотири книжки вичерпані; за ціну 6 зл. (6 руб.) можна дістати кн. 5—12, з додатком початків статей, що їх продовження містять ся в сих книжках. Другий річник можна дістати по ціні передплати.

Редакція і адміністрація у Львові, ул. Чарнецького ч. 26.

Всякі влати для Наук. Товариства ім. Шевченка, в тім числі і передплату можна посилати також на адресу книгарні „Кіевской Старини“, Кієвъ, Безаковская 14, котра одержане грошей буде посвідчувати сторонам друкованими ввітками з книги Товариства. В таким разі інтересовані, замовляючи або рекламуючи Вісникъ або інші книжки з нашого Товариства, звольте прислати в листі такий ввітокъ, одержаний від книгарні К. Стар., і все замовлене вишлетъ ся їм зарав. Наїдемо ся, що таким способом зробимо нашим передплатникам у Росії велику догідність.

З усіма рекламаціями треба звертати ся не до книгарні „Кіев. Старини“, а до адміністрації Літ.-наук. Вісника.

„КИЕВСКОЕ СЛОВО“

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

Общественная литературно-политическая и экономическая

будет выходить в 1900 году на прежних основаниях.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

- 1) Передовые статьи по вопросам общественным, политическим, экономическим, хозяйственным, педагогическим, юридическим и др.
- 2) Телеграммы внутренние и иностранные.
- 3) Корреспонденции внутренние, иностранные, и из славянских земель.
- 4) Политическое обозрение.
- 5) Повести и рассказы.
- 6) Беседы по разным вопросам дня (фельетон).
- 7) Обозрение русских журналов и газет.
- 8) Критика литературная, художественная и театральная.
- 9) Внутренняя хроника: законодательство и распоряжения правительства и краткие известия из разных мест отечества.
- 10) Местная хроника: городские дела, деятельность местных правительственных общественных учреждений, события и происшествия.
- 11) Областная хроника: корреспонденции из различных местностей юго-западного края.
- 12) Справочный отдел: курсы, фонды, ипотечные и другие процентные бумаги и акции. Товарный рынок. Железные дороги, пароходы, лечебницы, театры и т. п. Судебные известия.

Подписная цена на „Киевское Слово“ с доставкой и пересылкой, на год—10 р., на 6 мѣс.—5 р., на 3 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—1 р., безъ доставки и пересылки—на год—8 р., на 6 мѣс.—4 р., на 3 мѣс.—2 р. 25 к., на 1 мѣс.—75 к. Для годовых подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ: съ дост. и перес. при подпискѣ 5 р. и черезъ 5 мѣсяцевъ вторые 5 р.; безъ доставки въ тѣ же сроки по 4 р. Иностранцы подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ за доставку по 60 к. за каждый мѣсяць. За перемѣну иногороднаго адреса—20 коп.

Подписка и объявленія принимаются въ Кіевѣ: 1) Въ главной конторѣ на Большой Владиміоской, д. Антоновича, № 43. 2) На Крещатицѣ, въ магазинѣхъ: С. В. Кульженко, Л. и Влад. Идзиковскаго, Овчаникова и Розова. 3) Въ Москвѣ и Петербургѣ у Метцъ и К^о.

Гг. иногороднихъ подписчиковъ проситъ обращаться непосредственно въ главную контору „Кіевского Слова“ Большая Владимірская № 43.

1 руб.

ВОЛЫЦАЯ

ежедневная газета

1 руб.

и два иллюстрированных журнала

Второе изд. „Биржевых Вѣдомостей“

САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ въ своихъ сужденіяхъ, чуждый тенденціознаго извращенія фактовъ и безусловно независимый органъ печати. Ярко освѣщая всѣ явленія общественной жизни, имѣя огромную сеть корреспондентовъ, эта газета при всей своей твердости и неуклонности, справедлива и беспристрастна, уже много лѣтъ является, несомненно, наиболее полнымъ выразителемъ нуждъ провинціи.

Главные отдѣлы газеты, а въ особенности передовой, политической, столичной и провинціальной общественной жизни съ ежедневными иллюстраціями, фельетона, телеграммъ, корреспонденцій и пр.,—по своей полнотѣ и свѣжести совершенно отвѣчаютъ подобнымъ-же отдѣламъ другихъ большихъ столичныхъ газетъ. Въ ней нѣтъ ненужныхъ несвязныхъ, случайныхъ замѣтокъ, а ихъ замѣняетъ живое слово.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЕ ЖУРНАЛЫ

1) „НОВАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“ 2) „ОГОНЕКЪ“

какъ по своему содержанію, такъ и по характеру своихъ иллюстрацій совершенно новаго для Россіи типа.

Въ живыхъ наброскахъ нашихъ художниковъ и корреспондентовъ въ нихъ находятъ свои отраженія всѣ ЗЛОБЫ ДНЯ.

Въ предстоящемъ году будутъ напечатаны:

„Золотой дождь“ романъ Независимаго. І. І. Ясинскаго; „Булава и бунчукъ“ историч. романъ Д. Л. Мордовцева; „Костры“

повѣсть К. Случевского; „Нежданно-Негаданно“ романъ Вас. И. Немировича-Данченко; „На склонѣ вѣка“ романъ К. В. Назаревой; „Сто лѣтъ назадъ“ историч. романъ Е. Раппа и мн. др. *Главная Контора „Биржевыхъ Вѣдомостей“ Спб. Невскій, 28.*

Подписная цѣна: второго изданія „Биржевыхъ Вѣдомостей“ вмѣстѣ съ журналами и съ пересылкою: на годъ 4 р., на 6 мѣс.—2 р., на 3 мѣс.—1 р., на 1 мѣсяць—35 копѣекъ.

Въ 1899 году болѣе 70,000 подписчиновъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЬ

НОВЫЙ МІРЪ

иллюстрированный двухнедельный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, искусства и прикладныхъ знаній, издаваемый Товариществомъ М. О. Вольфъ, подъ редакцію

П. М. Ольхина.

За четырнадцать рублей,

безъ всякой доплаты за пересылку премій, подписчики „Новаго міра“ получаютъ въ теченіе 1900 года, съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи, слѣдующія пять изданій:

- 1) Журналъ „Новый Міръ“ съ „Современной Лѣтописью“. 24 выпуска въ форматѣ лучшихъ европейскихъ иллюстрацій.
- 2) Иллюстрированный журналъ прикладныхъ знаній „Мозаика Новаго Мира“ (24 выпуска), вмѣщающій въ себѣ 16 рубрикъ.
- 3) Журналъ „Литературные Вечера Новаго Мира“. 12 ежемѣсячныхъ иллюстрированныхъ книжекъ романовъ и повѣстей для семейнаго чтенія.
- 4) 12 переплетенныхъ книгъ ежемѣсячнаго журнала „Библиотека русскихъ и иностранныхъ писателей“, въ составъ котораго войдутъ: а) шесть переплетенныхъ томовъ полнаго собранія сочиненій *Ис. Ис. Давыдовича* (т.т. 7—12); б) шесть переплетенныхъ томовъ полнаго иллюстрированнаго собранія сочиненій *Герцга Геяне* (т.т. 7—12).

5) Двѣ роскошно иллюстрированныя книги, ежемѣсячнаго иллюстрированнаго изданія „Живописная Россія“, посвященныя описанію Южного Поволжья и Уральской области.

Лица, желающія получить въ 1900 году при „Новомъ Мірѣ“, „Мозаикѣ“ и „Литературныхъ Вечерахъ“ за этотъ годъ всѣ 12 переплетенныхъ томовъ полнаго собранія сочиненій Ив. Ив. Дамежидкова, всѣ 12 переплетенныхъ томовъ полнаго иллюстрированнаго собранія сочиненій Генриха Гейне и, вмѣсто 2-хъ, четыре иллюстрированныя книги „Живописной Россія“, посвященныя описанію: 1) Внутренняго Нестоящаго пространства, 2) Донско-Каспійской области, 3) Южнаго Поволжья и 4) Уральской области, учитываютъ за годовое изданіе „Новаго Мира“ со всеми вышеперечисленными приложениями, вмѣсто 14-ти руб. — 26 рублей (заграничные подписчики 86 рублей).

Кромѣ подписки на журналъ съ приложениями за два года, редакция „Новаго Мира“, по призыву прошлаго года, рѣшила допустить для желающихъ замѣну объявленныхъ приложений прошлаго года, а именно, замѣну второй половины соч. Дамежидкова и Гейне, желающіе могутъ получить въ 1900 году первую половину сочиненій этихъ авторовъ; вмѣсто же двухъ книгъ „Живописной Россія“ за 1900 годъ, — двѣ книги того-же изданія, выпущенныя въ 1899 году, т. е. посвященныя описанію Внутренняго Нестоящаго пространства и Донско-Каспійской области.

Гг. подписчиковъ, желающихъ воспользоваться правомъ выбора премій, замѣну объявленныхъ на 1900 годъ, просятъ заявлять о своемъ желаніи при самой подпискѣ на журналъ, излагая свое желаніе по возможности на отдѣльномъ листкѣ бумаги.

Годовая подписная цѣна „НОВОМУ МІРУ“ со всеми приложениями и преміями, съ доставкой и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи — 14 р. Роскошное изданіе — 18 рублей. За границу — 24 руб., роскошное изданіе — 28 рублей.

Допускается разсрочка платежа, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе 2 руб., остальныя же деньги могутъ высылаться, по усмотрѣнію подписчика, ежемѣсячно, до уплаты всѣхъ 14 руб. При подпискѣ въ разсрочку безплатныя преміи высылаются только по уплатѣ всей подписной суммы.

Подписка на „НОВЫЙ МІРЪ“ и объявленія принимается въ конторахъ журнала, при книжныхъ магазинахъ Тѣя М. О. Вольфъ, въ С.-Петербургѣ, Гостиный Дворъ, № 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій Мостъ, № 12, а также въ редакціи „Новаго Мира“, въ С.-Петербургѣ, Васильевскій Островъ, 16 линия, собственный домъ, №№ 5—7.